И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК ВКП(б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(б)

ИСКРА

№№ 1–52
1900–1903

ВЫПУСК
VII

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ИСКРА

№№ 1—52

ДЕКАБРЬ 1900—НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО

И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

№№ 45—51

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД
1929

62 × 94—33½ л. Ленинградский Областлит № 14511. Тираж 4000 (П.—10—26697/Пр.). Заказ № 1471.

Государственная типография им. Евгении Соколовой. Ленинград, пр. Красных Командиров, 29

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От Истпарта V

ИСКРА № 45.

Православная церковь и правящие сферы 1
Первое мая в Ростове. *Ростовец*. 4
Задачи агитации на Урале 7
Македонский вопрос, Болгария и русское правительство. *Д. Благоев*. 11
Из нашей общественной жизни 15
Борьба с крамолой . . . . . —
Екатеринбург. Новый способ борьбы с крамолой . . 16
Суд присяжных и административная расправа . . . —
Земцы в роли «пресекателей». 17
События в Финляндии. *В. М. Смирнов*. . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов 19
Всеобщие стачки на юге России . . . . . —
Одесса 20
Одесса . . . . . —
Одесса 21
Николаев . . . . . —
Елисаветград 22
Грандиозная стачка в Баку . . . . . —
Баку. *Файнберг* 23
Тифлис 24
Тифлис . . . . . —
Киев 25
Из Донецкого бассейна . . . . . —
Москва 26
Озеры, Коломенского у. Московской г. . . . . —
Из партии . . . . . —
Хроника революционной борьбы . . . . . —
Почтовый ящик 27
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 46.

«Всеобщие» стачки на юге. *Г. Плеханов*. 29
Эра реформ. *Н. Ленин*. 31
Дело о типографии «Искры» 32
Последнее слово бундовского национализма. *Ортодокс-Л. И. Аксельрод*. 35
Из нашей общественной жизни 38
Из Гагр. Коронованный вор или царское приданое. —
Агитация среди учителей 39
Варшава 40
Мелитополь . . . . . —
Кутаис 41
Из Сибири . . . . . —
Екатеринбург . . . . . —
Как иногда создаются дела . . . . . —
Омск 42
Омск . . . . . —
Нижний . . . . . —

Стр.

Из деревни 42
События в Финляндии. *В. М. Смирнов*. 43
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 44
Всеобщая стачка в Одессе . . . . . —
Одесса 48
Киев . . . . . —
Елисаветград 49
Елисаветград 50
Елисаветград . . . . . —
Батум 51
Харьков . . . . . —
Барановская мануфактура . . . . . —
Из партии . . . . . —
Международное Социалистическое Бюро. *Б. Гинзбург. (Д. Кольцов)* . . . . . —
Перепечатываем из листка Загр. Комитета Бунда . —
Заявление Николаевского Комитета 52
Тверь . . . . . —
Хроника революционной борьбы 53
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 47.

Недавние стачки, социализм и борьба за политическую свободу. *Г. Плеханов*. 55
Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев. 57
Силы русского клерикализма. *Вл. Бонч-Бруевич* . . . 58
Причины непрерывных рабочих стачек в Баку. *Б. Кнуньянц* 61
Из нашей общественной жизни 64
Дело о фабричных беспорядках . . . . . —
Из деятельности охранного отделения. 67
Из черты оседлости 69
Либава 70
Еще о зверстве в тюрьмах. . . . . —
Из деревни 71
События в Финляндии. *В. М. Смирнов* . . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 73
Всеобщая стачка в Киеве . . . . . —
Киев 74
Екатеринослав. *Ольга Громан* 75
Еще об одесских событиях. 77
Одесса . . . . . —
Николаев 78
Бахмут 79
Стачки на Кавказе . . . . . —
Майские дни в Вышнем-Волочке 80
Иваново-Вознесенск 81
Рига . . . . . —
Саратов 82
Иностранное обозрение. Выборы в Германии. *Свиягин-А. Попов* 83

Стр.

Из партии 85
Хроника революционной борьбы . . . . . —
Последние известия 86
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 48.

Белый террор. *Г. Плеханов*. 89
Новое филиальное отделение Бунда. *В. Орловский*. . . 91
Отношения русского правительства к Болгарии и македонскому вопросу. *Д. Благоев*. 92
Письмо рабочего 93
Сорвалось!.. *Н. Ленин*. 94
Из нашей общественной жизни 97
К таганрогскому процессу . . . . . —
Еще о Зубатове 98
Еврейский погром в Гомеле 100
Письмо еврея-демократа 101
Второй с'езд Южно-Русской Группы Уч. Средн. Шк. —
Ярославль 102
Либава 103
Воронеж . . . . . —
Тверь 103
Мелитополь . . . . . —
Ялта . . . . . —
Борьба из-за паспортов 104
Восточная Сибирь . . . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов*. . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 105
Екатеринослав. *Ольга Громан* . . . . . —
Одесса 108
Шуя . . . . . —
Томна . . . . . —
Иностранное обозрение . . . . . —
С'езд германских соц.-демократов. *М. Н. Лядов* . . —
Русский царь и итальянские социалисты. *Орловский-В. Воровский*. 110
Из партии 112
Русско-еврейские рабочие в Лондоне . . . . . —
Письмо в редакцию . . . . . —
Мы получили резолюцию Совета рабочих цеховых союзов в Мельбурне . . . . . —
Пермским Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы . . . . . —
Хроника революционной борьбы 113
Почтовый ящик . . . . . —
Примечания 114
Приложение к № 48 «Искры». Обвинительный акт по Златоустовскому делу 117

ИСКРА № 49.

Красный с'езд в красной стране. *Г. Плеханов* 123
Новый разбой. *Кавказец (Б. Кнуньянц)* 126
Из русской жизни. *Орловский-В. Воровский*. 127
Максимум беззастенчивости и минимум логики. *Н. Ленин*. 130
Из нашей общественной жизни 133
Погром в Гомеле . . . . . —
Орел. Помпадур-подстрекатель 134
Псков 135
К сведению и руководству! 136
Тула . . . . . —
Ковно . . . . . —
Ростов на/Д. . . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов*. 136
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 138
Москва . . . . . —
Одесса 139
Одесса 140
Керчь . . . . . —
Феодосия . . . . . —
Екатеринослав 141
Иностранное обозрение . . . . . —
Конгресс английских трэд-юнионов. *Н. Алексеев* . . —
Царь в Вене. *В. Вегман* 142

Стр.

Из партии 144
Сибирским союзом было издано . . . . . —
Список листков, распространенных Одесским Ком. . 145
В редакцию «Искры» . . . . . —
Письмо в редакцию . . . . . —
Хроника революционной борьбы . . . . . —
Почтовый ящик 146
Примечания 147

ИСКРА № 50.

Полицейский антисемитизм. *Г. Плеханов*. 149
Французский антиклерикализм в изображении русских «социалистов-революционеров» *Г. Лейтейзен-Линдов* 152
Л. Толстой и социал-демократия. *Ортодокс-Л. И. Аксельрод*. . . . . —
К вопросу о наших партийных задачах 154
Из нашей общественной жизни 157
Первая политическая демонстрация тульских рабочих 14 сентября 1903 г. . . . . —
К делу о златоустовской бойне 159
Уфа . . . . . —
Волнения в Закавказье . . . . . —
Совет предпринимателей 160
К сведению и руководству 161
Одесса 163
Рига . . . . . —
События в Финляндии. *В. М. Смирнов*. . . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 164
Стачка типографщиков в Москве . . . . . —
Петербург 165
Петербург . . . . . —
Из Донецкого бассейна. Юзовский металлургический завод . . . . . —
Бердичев 166
М. Копысь, Могилевской губ. 167
Никополь . . . . . —
Борисоглебск . . . . . —
Иностранное обозрение 168
Победа итальянских социалистов. *Орловский-В. Воровский* . . . . . —
Конгресс в Реймсе 169
Из партии 170
Манифест «Рабочей Воли» . . . . . —
Письмо в редакцию 171
Одесский Ком. выпустил листки . . . . . —
Хроника революционной борьбы 172
Почтовый ящик 173
Примечания . . . . . —

ИСКРА № 51.

Положение Бунда в партии. *Н. Ленин* 175
Из русской жизни («Лукавое время»). *Орловский-В. Воровский* 178
Некоторые вопросы нашей тактики и организации. *Кавказец (Б. Кнуньянц)* 180
О киевских социалистах-революционерах. *Правдин-Вокар* 182
Из нашей общественной жизни 183
Пробуждающиеся пошехонцы . . . . . —
Солдаты и рабочие (письмо из Киева) 184
Одесса . . . . . —
К статистике арестованных 185
Екатеринослав . . . . . —
Вильна . . . . . —
Курск 186
Из хроники судебных преследований . . . . . —
Скорый суд 187
Военно-революционная организация 188
Пермь. Его превосходительство г. Наумов . . . . . —
Иркутск 189
Царские слуги перед царским судом . . . . . —
Томск 190

	Стр.
Чита	190
Из деревни	—
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.	191
Орехово-Богородская соц.-дем. рабочая организация.	—
Александровск (Екатериносл. губ.)	192
Егорьевск, Рязанск. губ.	193
Екатеринбург	—
Чернигов	194
Севастополь	—
Херсон	—
Иностранное обозрение	195
Десятый конгресс Болгарской Социал-Демократической Рабочей Партии в Рущуке	—
Стачка в Лилле. *Г. Лейтейзен-Линдов*	197
Из партии	—
Старый, но вечно новый вопрос	—
Пермский Комитет Уральского Союза об'являет	198
Пермский Комитет выпустил «Рабочий Бюллетень» № 7	—
Хроника революционной борьбы	—
Почтовый ящик	199
Примечания	—

УКАЗАТЕЛИ.

Указатель авторов статей и заметок	201
Тематический указатель	204
Указатель организаций, фабрично-заводских предприятий и учреждений	211
Указатель произведений печати	221
Указатель произведений печати на иностранных языках	229
Указатель имен	230

От Истпарта.

Выходом в свет VII выпуска старой «Искры» заканчивается работа по ее переизданию. Редакция Истпарта, во изменение первоначального решения, отказалась от включения в издание 52 № «Искры», ограничившись выпуском только тех номеров «Искры», в редактировании которых принимал непосредственное участие Ленин.

Редакция Истпарта не может не отметить трудностей, встававших в процессе работы, особенно при расшифровке кличек. Авторство статей устанавливалось, главным образом, на основании имеющихся архивных документов. В Архиве Истпарта ЦК ВКП (б) сохранились оригиналы некоторых статей в рукописях и тематические указатели статей «Искры» с фамилиями авторов, составленные один — Мартовым, другой — Даном.

В архиве Института Ленина сохранились:

1) Заметка В. И. Ленина «Таблица учета количества статей различных авторов, помещавшихся в Ц. О.» (напеч. в журн. «Под Знаменем Марксизма», кн. 6—7 за 1923 г., стр. 105).

2) Журнальные записи поступавших в редакцию «Искры» материалов, которые вела Н. К. Крупская.

3) Переписка членов редакции «Искры», опубликованная в «Ленинских Сборниках».

4) Комплект газ. «Искра» с указанием авторов статей, сделанным карандашом рукой неизвестного.

Относительно статей тт. Бонч-Бруевича, Вегмана, Гусева С. И., Лядова, Попова, Рязанова, Смирнова и Аксельрод Л. И., Даргольц М., Федорченко и Файнберг получено подтверждение самих авторов.

Авторство некоторых статей установлено Н. К. Крупской (Лейтейзен, Алексеев), поскольку через нее поступали все материалы.

Принадлежность статей В. И. Ленину, Г. В. Плеханову, Л. Д. Троцкому сверена по Собранию сочинений этих авторов.

К сожалению, не удалось установить авторство многих корреспонденций и следующих статей, хотя они сохранились в архиве Истпарта ЦК ВКП (б) в рукописях: «Первое мая в Фурми» (№ 40), «Всеобщая стачка в Голландии» (№№ 38, 40), «О стачке сельскохозяйственных рабочих в Галиции» (№ 26), «Иностранное Обозрение», Австрия («Бойня в Триесте», № 17).

При попытке расшифровать подписи корреспондентов стало совершенно очевидно, что эта работа чрезвычайно трудна и что полная расшифровка — дело будущего. Истпарт не счел возможным публиковать то небольшое количество подписей, которое удалось за короткий срок расшифровать.

В самом процессе работы по расшифровке авторов статей и корреспонденций не обошлось без расшифровок неудачных. Ошибки были установлены после выхода «Искры» в свет, и исправление их было невозможно. Так, выяснилось, что статьи, неправильно приписываемые Л. Мартову, — в № 5 «Новое побоище», № 13 «Начало демонстраций», № 17 «Признаки банкротства», — принадлежат перу Н. Ленина; статья в № 6 «Похвальное слово „Московским Ведомостям“» написана не В. Засулич, а Л. Мартовым и, наконец, статья Л. Мартова в № 27 «Все о том же» ошибочно подписана «Н. Ленин».

Для устранения возможных недоразумений редакция Истпарта выправила все очевидные опечатки подлинника, в исключительных случаях оговаривая это в примечаниях.

Подготовка к печати «Искры» проводилась сотрудниками Истпарта, за исключением III, IV и V выпусков, которые готовил т. А. П. Станчинский.

Помещенные в конце настоящего выпуска указатели относятся ко всем 7 выпускам «Искры». Составителем их, кроме постатейного, является Ф. П. Шипулинский.

ских воззрений. Так и вышло. Власти оставались весьма равнодушны ко всем мольбам Ермолаева, пока он кричал только о поджогах; когда же осенью в сентябре он донес о распространении «незаконной» литературы, тотчас же приехали следователь по важнейшим делам, товарищ прокурора, целая свора полицейских — и началась погоня. Так как уже нельзя было разыскать поджигателей, — все следы их были упущены, — и так как, кроме того, очень хотелось прислужиться перед начальством, пожесточе расправиться со сторонниками республиканского образа правления, то вперед решено было, что всякий поджигатель читает запрещенные книжки и что всякий читающий запрещенные книжки — поджигатель. Живо забрали в тюрьму девять человек, подозреваемых в чтении книжек. Чтобы сделать им тюремное заключение как можно тяжелее, посадили их не в Петровскую тюрьму, а одних отправили в Вольск, других в Кузнецк. Поджоги продолжались, но и это нимало не смущало предержащие власти. Ведь они искали не поджигателей. Что им, в самом деле, Ермолаев с его шленскими овцами и омегами, погоревшими от поджогов? Им было важно захватить противника правительства и внушить мысль, что поджоги — от противоправительственных книжек; им нужно было, чтобы этих мнимых поджигателей отправили на каторгу не жалкие чиновники, а независимые присяжные, настоящие судьи. Они прекрасно знали, что только суд присяжных пользуется уважением и что приговоры судебных палат с участием сословных представителей все разумные люди приравнивают почти к распоряжениям жандармов. Чтобы вернее вырвать осуждение у присяжных, министр юстиции приказал закрыть двери суда (ведь неудобно при публике запугивать присяжных!), а политический сыщик Силин, нарочно для этого дела приезжавший в Саратов из Петербурга, предложил окружному суду перенести дело из Петровска в Хвалынск. Там народ как будто посерее, больше боится прокурора, да и состав присяжных очень надежный (никак в социализме не заподозришь): ни одного крестьянина, только купцы да мещане-землевладельцы. Подлецы были совершенно уверены в успехе своей подтасовки и, казалось, присяжные должны были остаться в дураках! Но гнусный расчет не удался. Присяжные знали, что поджоги для землевладельцев — большое зло, но еще большее, несравненно более огромное зло это — бессудье, административный и судебный произвол над гражданами; возможность для полиции и прокуратуры отправить на каторгу всякого, кто не будет поить водкой урядника или на костях кого прокурор пожелает создать себе служебную карьеру. И вот — оправдание всех обвиняемых по всем обвинениям! Оправдание грозное и многозначительное. Этим оправданием присяжные заседатели сказали: мы не пешки в руках чиновников, мы умеем постоять за интересы нашей родины и наших сограждан против «жадной толпы, стоящей у трона». Но наша толпа чиновников не чувствует опасности; она слишком привыкла к общему подчинению и потому не считается с мнением общества и его представителей — присяжных. «А, вы не поступили, как мы требовали! Ладно! мы и без вас сумеем расправиться со своими врагами». И вот тотчас же после приговора присяжных, когда оправданный должен немедленно быть выпущен на свободу, восемь человек, в том числе Гаврилин, от обвинения которого отказался даже прокурор, снова заключаются под стражу. Не получает свободы — после восьмимесячного заключения —и 18-летний Абрамов, схвативший в тюрьме чахотку и последние месяцы лежавший в зловонном тюремном лазарете. Он жадно ждал суда, ждал свободы. Теперь — оправданный присяжными — он жандармами обрекается смерти. Только один Семин (мальчик, которого почему-то «оправлял» урядник, но обвинял прокурор) получает свободу! Как прекрасен был приговор присяжных и как нагло распоряжение жандармов об отмене этого приговора... «в административном порядке»!!! Но теперь не те времена, что были 25 лет тому назад: все чувствуют близость исторического момента, когда русский народ свергнет ненавистное иго.

Земцы в роли «пресекателей».

Екатеринославская Губ. Зем. Уп. 1 июля. № 8493.

Гг. Заведующ. врачебно-продовольственными пунктами Губ. Земства Екатеринославской губ. Г. Екатеринослав.

До сведения Губернской Управы дошло, что некоторые из заведующих врачебно-продовольственными пунктами для пришлых сельскохозяйственных рабочих не ограничиваются прямыми своими обязанностями, состоящими в регистрации рабочих и оказании им врачебной и продовольственной помощи на пунктах, но позволяют себе вмешиваться во взаимные отношения сельскохозяйственных рабочих с работодателями, обращаясь к последним с отношениями о выдаче паспортов рабочим, оставившим работу, и т. п. Губернская Управа считает долгом раз'яснить Гг. заведующим пунктами, что их обязанность заключается лишь в надзоре за санитарным состоянием рабочих на пункте и в их задачи вовсе не входит наблюдение за санитарным состоянием рабочих в сельскохозяйственных экономиях, а тем более вмешиваться во взаимные отношения экономий с рабочими. В случае дальнейшего вмешательства Гг. заведующих пунктами во взаимные отношения между рабочими и работодателями, пункты, на которых это будет замечено, в силу необходимости избегать всяких поводов к столкновению экономий с рабочими, будут подлежать немедленному закрытию по распоряжению Губ. Земской Управы.

Председатель: Родзянко.

Член Управы: (не разобрана фамилия.)

Главный санитарно-эпидемический врач: Будаков.

Делопроизводитель: (подпись неразборчива.)

Как видно, наши земцы либеральничают, пока дело не касается их карманов, но

Когда до прибылей коснется,
Не только там гусям,
И людям достается.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Мрачную, на первый взгляд даже совершенно отчаянную, картину представляет из себя нынешнее состояние Финляндии: с одной стороны, все продолжающееся усиление жандармско-полицейского произвола, нагло попирающего самые элементарные гражданские и человеческие права, с другой стороны, ослабление стойкого пассивного сопротивления народных масс, быстрое развитие азиатской системы доносов, сыска и шпионства, нашедшей поддержку, главным образом, среди части низших слоев финского народа, сильная эмиграция крестьянского и рабочего классов и т. п.

Призывы к воинской повинности, как известно уже читателям, в этом году прошли значительно хуже для оппозиции и лучше для царского правительства. Так, по официальным данным, до 25 мая (нов. ст.) из 14.115 призываемых явилось 9.044 человека, или 64,1 проц., и отсутствовало 5.071 человек, или 35,9 проц. В прошлом году в этих же самых общинах из 14.876 призываемых явилось 6.790 (45,6%) и отсутствовало 8.086 (54,4%), 25 июня (нов. ст.), по тем же данным, этим цифрам соответствуют следующие: 20.131 призываемый, явилось 13.361, отсутствовало 6.770 человек. В прошлом году общее число призываемых 21.236, присутствовало 9.145

человек и отсутствовало 12.091 человек. Мы поневоле пока приводим «официальные данные», требующие значительных поправок. Мы уже раньше упоминали о том, что эти «официальные» цифры не достоверны: в интересах властей число призываемых и присутствующих увеличить и число отсутствующих уменьшить; поэтому царские статистики без церемоний «свободно» обращаются с материалом. С самого начала они ввели курьезное подразделение: присутствующие, находящиеся в Америке, и отсутствующие по «неизвестной причине». Между тем всем известно, что значительное большинство юношей эмигрировало именно, чтобы не исполнить «закона» г. Куропаткина и в то же время избежать возможных последствий нынешней кулачной расправы царских слуг. Кроме того, в свободной финляндской прессе было разоблачено не мало случаев самого грубого обмана в жандармской «статистике». Так, напр., в Вазасском призывном округе, за исключением самого города, фактически почти никто не явился, тогда как официально показаны довольно крупные цифры; например, в одном участке присутствовало якобы 27 человек, тогда как всего 20 чел. не эмигрировало, а явилось лишь 2—3 человека. Несколько подобных случаев можно было бы привести. К категории присутствующих опричники начали относить и всех освобожденных по семейным причинам и физическим недостаткам от воинской повинности. Такая развязность правительственных статистиков хорошо знакома нам, русским революционерам... Итак, даже по официальным данным выходит, что больше $^1/_3$ части юношей не подчинилось царским повелениям; на самом же деле число отсутствующих должно увеличиться на несколько процентов. Если бы мы стали рассматривать результаты призывов по отдельным участкам, то мы во многих городских и сельских общинах и в этом году увидели бы единодушное сопротивление со стороны молодежи: в некоторые призывные присутствия никто не являлся, во многие — самый незначительный процент. Так, например, в 10 шведских сельских общинах западной Финляндии присутствующих оказалось всего-на-всего 13 чел. В Гельсингфорсе из 692 чел. явилось 267 чел. (38,6%), причем 25 человек принадлежали к другим местностям, поэтому правильнее были бы следующие цифры: общее число 667, присутствующих 242 чел. (36,3%). В прошлом году в Гельсингфорсе явилось всего 110 чел. из 857, т. е. 12,8%. В гг. Борго из 34—6, Ловизе из 21—1 и пр. Приведенные примеры и цифры свидетельствуют далеко не о полной «победе» самодержавия в столь важном для него вопросе, а скорее о значительном-таки поражении. Тем не менее Бобриков и К° не даром торжествуют: при более удачном исходе пассивного сопротивления как сам сатрап, так и многие его сподручные легко могли бы слететь со своих теплых местечек, по крайней мере, довольно основательные данные подтверждают такое предположение. Кроме того, что еще гораздо важнее, все царское правительство, весь разнузданный деспотизм получил бы в том случае слишком опасный удар, и финский народ еще раз доказал бы всему миру полнейшее бессилие царизма перед дружным организованным сопротивлением широких слоев народа. Подобный урок значительно ускорил бы неминуемую гибель этого чудовища. Оно прекрасно сознавало страшную опасность для себя в отказе целого народа в подчинении военному «закону», тогда как на одной лишь грубой военной силе зиждется до поры до времени все его спасение. Отказ значительной части финского народа от столь могучего, совершенно исключительного средства борьбы с «грозным» самодержавием, которое фактически трепетало перед ним, вызван, как уже мы говорили в предыдущих статьях, главным образом, возмутительной агитацией старофенноманов. Эта партия духовенства, зажиточных крестьян и мелкой буржуазии не перестает «спасать» отечество. Пасторы с епископами во главе оказывают сильное давление на крестьян, призывая их в проповедях к подчинению царским приказам, отказываясь окликать в церквах непокорных юношей, венчать их и т. п. Недавно на с'езде духовенства один епископ сказал: «Над нами лишь одна власть — государь!» Словом, финляндское духовенство успело, в своей покорности, уже опуститься на уровень наших попов. Весной ходили слухи о предстоящей отставке 40 пасторов, отказавшихся оказать содействие проведению «закона» о воинской повинности; однако все они, за исключением нескольких, подчинились требованиям епископов и царских слуг. Не так вели себя многие пасторы в прошлом году, когда в церквах происходили демонстрации при обнародовании этого «закона». Но духовенство повсюду по существу консервативно и поддерживает светскую власть. Воззвание 10 студентов старо-фенноманов (см. № 41), опубликованное в 26.000 экз. и распространенное среди всех призываемых, многочисленные статьи газет этой партии, ложные слухи царских агитаторов о предстоящем переделе земли, которым по введении русских «законов» царь облагодетельствует многочисленное безземельное сельское население и т. п., и наконец, правительственный террор, соединенный с зубатовщиной, сломили во многих местностях сопротивление и вызвали обильные доносы. Были случаи, когда призываемые сами выдавали «агитаторов», нелегальную литературу и пр. На-днях наши газеты перепечатали из «Фин. Газ.» умилительное сообщение о всемилостивейшем прощении царем «свыше 80» раскаявшихся, не явившихся в прошлом году в призывные присутствия. В финляндских же газетах было опубликовано также «официальное сообщение» о 79 лицах. Видно, орган Бобрикова «для красного словца» накинул несколько раскаявшихся грешников. Между тем не мало молодых людей прошлогоднего призыва лишилось своих должностей в силу январского рескрипта; так, более 30 лиц, служивших на железной дороге, несколько почтальонов и друг. были оставлены царем без куска хлеба. В этом же году, как известно, русские опричники не знали никаких границ, чтобы заставить молодежь подчиниться. Губернаторы раз'езжали с огромной полицейской свитой, а иногда и с войском, по призывным присутствиям, силою брали помещения для «присутствий», оцепляли целые местности, чтобы предохранить новобранцев от агитаторов, производили аресты, обыски и пр. В прошлых статьях я уже упоминал об арестах нескольких интеллигентов, сознательных рабочих и крестьян; пока нельзя привести точных цифр. Развязность Бобрикова идет так далеко, что он настоял на увольнении хозяином крупного гельсингфорского магазина трех приказчиков, уклонившихся от призыва; он грозил в противном случае закрыть магазин,

что́ он действительно уже в одном местечке и сделал. В силу новых полномочий закрыта 8 июня (нов. ст.) одна лавка в Вазасской г. Сатрап с прочей братией, разумеется, не думает останавливаться перед продолжением своего террора. 16 июня (нов. ст.) произведен основательный обыск и вручен приказ в течение пяти дней покинуть Финляндию помещику Аскану в Нюландской губернии. Из секретного циркуляра выборгского губернатора видно, что запрещено возвращение на родину находящемуся в Швеции выдающемуся финляндскому литератору К. Силлиякусу, о чем последнего даже не нашли нужным и уведомить.

Новый режим в Финляндии не обходится без жертв в буквальном смысле слова. В мае утопился один крестьянский сын, которому совесть не позволяла подчиниться «закону». Подобное самоубийство зимой совершил один юноша, раскаявшийся в своей прошлогодней агитации в пользу того же «закона». Похороны и отправление из Гельсингфорса в Выборг тела покончившего с собою в Берлине выдающегося демократического публициста и педагога доктора философии Люлю (см. № 43) состоялись под надзором полиции. Это был замечательно симпатичный борец за политическую свободу своей родины, доведенный до самоубийства систематической травлей со стороны опричников. Последним ударом было известие о запрещении возвратиться на родину, тогда как он страстно желал провести лето в своем имении. Магистр Нуупала за свою лживую правительственную агитацию (см. № 43) был исключен товарищами на два года из западно-финляндской корпорации. Это наибольшее наказание, которому корпорации могут подвергать своих членов. «Fria Ord» в № от 20 июня приводит любопытные данные относительно увольнения конституционных чиновников. С сентября по июнь противозаконно уволено или дана отставка по вынужденному прошению около 95 лицам, до 30 чиновников вышло в отставку в виде протеста и 20 покинуло службу в той или другой связи с новым режимом. С тех пор приказано уже подать в отставку нескольким лицам. Бобриков производит основательно эту чистку.

Теперь следует сказать несколько слов о новых «реформах» г. Плеве и его сподвижников.

Недавно состоялся указ о правилах «представления» всех высших финляндских чиновников Бобрикову, которому подчинены, по новым указам, все учреждения края. Теперь он самодержец Финляндии. На-днях опубликовано «временное» высочайшее распоряжение о продаже взрывчатых веществ и ружей, сходное с действующим у нас в Положении об усиленной охране. «Либерал» Витте добился приказа о печатании впредь финских кредитных билетов в русской экспедиции заготовления государственных бумаг, что очень важно «для успеха предстоящего перехода к об'единению монеты во всем пространстве русского царства». Этот приказ совершенно беззаконен. Предлогом для своего проекта «либеральный» министр выставил неправильное изображение русского государственного герба. «Об'единение же монеты» явится разорением Финляндии. «Витте так расположен к Финляндии», воображали в начале новой политики многие финляндцы. Наконец, следует отметить постановление, перепечатанное из «Фин. Г.» всеми газетами, об об'единении финляндского железнодорожного ведомства с русским, в силу которого русским инженерам в будущем предстоит новое обширное поле деятельности для грабежа. Требование знания русского языка, переименование «правительственных» в «казенные» железные дороги и пр.—вот некоторые последствия новой «реформы». Терминология эта... «устраняет нежелательное напоминание как бы о не существующем на деле особом финск. правительстве...» злобно острит «Фин. Газ.», очевидно и по адресу старо-фенноманов, которые для спасения местного «правительства» (финляндского сената) считают необходимым подчинение всем указам царя, Плеве, Бобрикова и прочих. Опытный начальник железнодорожного ведомства д. ст. советник Стремберг, занимавший этот пост более 40 лет, т. е. со времени постройки первой железной дороги, вышел в отставку, не желая санкционировать незаконной отставки вышеупомянутых служащих юношей.

Нет фин. «правительства», равно как и фин. «конституции»—издевается «Ф. Г.», уверяя, что в Финляндии всегда существовало самодержавие. Относительно нынешнего положения дел она права, так как чрезмерная усиленная по новому штату канцелярия Бобрикова является «высшим правительством Финляндии», хотя старо-фенноманы и верят еще в «царское слово» и продолжают «спасать» родину. Кстати, своеобразные «спасители» сенаторы награждены русским правительством и будут получать большое жалование. Все истинные финляндские граждане не думают и теперь сложить оружие в борьбе уже не столько за сохранение основных законов, сколько с российским самодержавием. Одним из самых верных средств для спасения Финляндии, несомненно, является поддержка финляндскими борцами российской социал-демократии.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ВСЕОБЩИЕ СТАЧКИ НА ЮГЕ РОССИИ.

В настоящее время мы можем познакомить читателей только с частью имеющегося у нас материала, относящегося к грандиозному пролетарскому движению, вспыхнувшему одновременно в разных концах России. В следующем номере мы дадим оценку этого в высшей степени важного события.

Всеобщая стачка в Одессе. За Баку — Тифлис, за Тифлисом — Киев, за Киевом — Елисаветград, наконец Одесса. Грандиозное восстание рабочих Юга представляет событие, которое будет иметь громаднейшее значение для всего дальнейшего освободительного движения. До сих пор мы имеем следующие сведения о делах в Одессе:

Вам верно известно, что у нас произошло. Здесь бросили работу все, начиная с портовых рабочих (босяков) и матросов, рабочих механических заводов и кончая рабочими самой мелкой мастерской. Хлебопекарни все закрыты, газеты не выходят, конка не ездит. Открыты, словом, только торговые заведения. Все это движение носит скорее стихийный, чем организованный характер. Происходили громадные собрания. Количество неработающих простирается до 50 тысяч.

(Из частного письма.) «18 июля. Письмо не ушло бы вчера, так как рабочие не дали поезду тронуться. В Одессу поезда пропускались, но не обратно. Рабочие прямо заходили во все заводы, фабрики, типографии, пекарни и разные мастерские и требовали, чтобы все рабочие оставили работу, и те немедленно присоединялись к стачке. Хлеб брали с бою; сегодня за хлеб в девять коп. пришлось платить 15 к. Конка уже четвертый день не курсирует в городе, трамвай тоже... Я слышал вчера, будто сегодня должны быть сходки в нескольких местах, куда должны явиться десятки тысяч рабочих. Войско уже призвано и бивуакирует во многих местах города. Пока везде тихо. В виду таких важных событий в нашем городе дела, конечно, приостанавливаются...

«Перед вечером. Движение и оживление в городе необычайное. Все магазины закрыты. Казаки раз'езжают по городу. Некоторых арестовали. Появилось об'явление градоначальника о том, что, в случае неподчинения требованиям полиции, он принужден будет прибегнуть к вооруженной силе. Говорят, за городом в нескольких местах— большое оживление... В порту сегодня уж работают; там также находится войско, которое не должно допустить рабочих, приходящих с целью отвлечения грузовщиков от работы. Одним словом, Одесса переживает небывалые еще доныне события... Забыл сказать, что газеты сегодня не вышли, так как вчера весь набор был разбросан».

Одесса, 17 июля. На Пересыпи с утра собралась большая толпа рабочих (в несколько тысяч челов.), когда в городе было еще совершенно тихо. Были ораторы разных партий, и социал-демократам удавалось временами овладевать настроением настолько, что принят был план: пройти через весь город, забрать отовсюду рабочих и, собравшись на вокзале, двинуться к тюрьме. После многих удачных и неудачных речей толпа двинулась в город, по пути останавливая все работы (до пароходных включительно). Настроение достигло своего maximum'a. Войско собралось впереди толпы и церемониальным маршем двинулось, но не на нее, а... впереди ее, так что толпа смогла отхлынуть и пойти другим путем. Состав менялся, уставшие расходились, приставали новые, раздроблялись на группы и т. п. Все стало, прекратились все работы.

Вечером собирались толпами, но их уже начали разгонять. Около газовой станции стреляли в толпу холостыми зарядами (это в полнейшей темноте!).

В пятницу, с пяти часов утра, собрались в Рубовом саду (за Бугаевкой). Говорят, было около 40-50 тысяч. Говорили речи, «независимцы» [11] мешали ораторам, прерывали и, когда это не действовало, кричали: «казаки, казаки!..», заставляя толпу волноваться и разбежаться. «Независимцы» кричали: «Долой переодетых студентов!» Часов с десяти толпа начала расходиться понемногу. Разгоняли ее пехота и казаки. Шествие растянулось на громадное расстояние. Вся дорога была усеяна людьми. Казаки растоптали старика каменщика, многих ошарашивали прикладами, очень многих ранили. С «независимцами» обращались совсем по-иному, ибо они имели с солдатами пароль и заранее условились о своей тактике и местонахождении. Были такого рода сцены: гг. «независимцы» сидят на полянке в большом количестве, мимо же проходят войска, не трогая их.

Несмотря на крутые меры, три группы проникли все же в город. Первая группа пошла по пути к Преображенской, но на углу Нежинской была встречена казаками, смята, разбита. В этой группе было сперва несколько тысяч, но ко времени встречи с казаками осталось 400-500 человек. Знамени не было, пели песни. Вторая группа пошла по другим улицам к Дерибасовской (главной), но на Сенной площади была жестоко разогнана штыками пехоты. Тут было знамя и пелись песни. Арестовали массу народа тут же. Третья и самая большая группа (сначала тысяч пять, впоследствии тыс. две) развернула несколько знамен (в том числе несколько «заслуженных», уже раньше развевавшихся в демонстрациях) и платок, смоченный по диагонали кровью раненых, успела расклеить афиши и прокламации, но была жестче всех избита и рассеяна на Разумовской улице.

Теперь начались сплошные аресты и избиения.

Солдаты далеко не везде так «старались»: напр., в одном случае поставленные караулом у ворот двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убедить не обращать внимания на бегство арестованных через соседние дворы. Таким образом скрылось 100—150 человек. Были факты отнятия оружия без особенного сопротивления со стороны владельца оного. Теперь весь город занят войсками. Сквер около собора настоящий военный лагерь. Можно видеть рабочих, мирно беседующих с солдатами. Полиция и «независимцы» стараются об'яснить репрессалии вмешательством «социалистов» в «правое дело рабочих». Несколько человек социал-демократов отправились в толпу вечером 18-го, но часть их была избита переодетыми шпионами, а часть выдана полиции. Их продержали два дня.

Прокламации зачастую рвали, не читая.

На-днях закончилась крупная стачка портовых рабочих — победа полная (вместо 70 к. — 1 р. 60 к. в день и рабочий день уменьшен на 1½ часа). В то же время была жел.-дор. стачка — безрезультатно. Третьего дня опять вспыхнули там стачки. Железнодорожники, воодушевясь известиями из Баку, кричали: «хотим как в Баку!» Их выборного (по новому закону) старосту забраковало начальство.

В порт прискакал Шаевич (председатель «независимцев») и держал речь: «Есть два пути: 1) прошибать стенку лбом и 2) сверлить ее. Какой путь вы избираете?» «Стенку лбом!» загудела толпа... Оратор исчез...

Одесса. В письме своем я не буду касаться того, как нарастало стачечное движение в Одессе, не буду перечислять всех фабрик и заводов, примкнувших к забастовке. Скажу лишь о том, что с утра 16-го заигрывания администрации прекратились. Вместо витиеватых ораторов — независимцев и добродушно-снисходительного отношения полиции к стачечникам, как это имело место 14-го, 15-го, 16-го и 17-го, на улицах с утра появились военные патрули, на всех перекрестках красовалось предупреждение градоначальника о том, что для восстановления порядка будет пущена в ход сила оружия. Всем известно было то, что сегодня, т. е. 18-го, ни один завод, ни одна мастерская не работают; что на базаре нет хлеба, нет мяса, так как бросили работу на бойне и в пекарнях *; прекратилось движение конок, паровых трамваев, пароходов и поездов,—словом, замерла вся жизнь, чутко прислушиваясь к требованиям титана-работника. Решительно весь город ждет, чем разрешится невиданная еще доселе в Одессе гроза: говорят, что город будет лишен света, воды, что капиталисты обязаны пойти на уступки. Интересно то, что во всех слоях общества держится убеждение, что рабочие стоят за «правое дело», что жить дальше так нельзя, что необходимо улучшить их положение. Не касаюсь совершенно собраний, бывших до сегодняшнего дня, так как хочу сообщить лишь о том, что сам видел. Скажу только, что привлечение к всеобщей забастовке организовано было следующим образом: громадные толпы рабочих (в несколько тысяч человек) обходили все крупные и мелкие фабрики и заводы, причем предлагали всем бросить работу и примкнуть к товарищам. Давались тревожные свистки, рабочие с криками ура выходили на улицу, и подкрепившаяся толпа шла дальше. Утром 18-го была назначена общая сходка в Рубовом саду, где и вчера происходило собрание. Туда-то я и направился, но в виду того, что несколько запоздал, могу сказать только о внешней стороне собраний: на огромной площади, усаженной там и сям деревьями, собралась громадная масса народу, от 30 до 40 тысяч человек, были тут женщины и дети, представителей так называемой интеллигенции почти нельзя было заметить. Ораторы, сидя на деревьях, читали вслух прокламации, говорили речи, другие им возражали, но был при этом такой шум, что уловить точно содержание речей

---

* Попутно отмечу очень характерный факт: все хлебопекарни прекратили работу, кроме артельных (их с четыре), мотивируя свой отказ тем, что у них нет рабочих и нет хозяев, а следовательно нет эксплоатации. А хлеб свой тем не менее артельщики продавали по утроенным ценам.

было трудно. Можно было понять лишь одно, что часть ораторов, преимущественно из серой, неорганизованной рабочей массы, а в особенности представители «независимых», ограничивались одними экономическими требованиями, другие же говорили о неразрывности экономических требований с политическими. Все эти разговоры происходили в присутствии массы полиции, солдат, которые отделили всех нас, никого не выпуская. Но вот в толпе поднялось движение, решили пойти в город, волна в 2 или 3 тысячи человек, с криками: «дружней, братцы» смяла неожиданно казаков и свободно направилась в город. Оставшиеся также заволновались, но их не пустили, а затем уже издали стали доноситься ужасные крики и видна была только пыль от несшихся на толпу казаков. Те, которые потом примкнули к нам, рассказывают, что сильно били и топтали лошадьми. Пробившаяся толпа разделилась на несколько колонн, и одна, в которой был и я, направилась к толкучему рынку. Весь этот путь шли относительно спокойно, но, подойдя к толкучке, выделилась толпа человек в 300 или 400 и громко стала кричать: «долой самодержавие, долой правительство, да здравствует социализм», при этом в толпе несколько человек стали раздавать прокламации, и публика их с жадностью подхватывала, некоторые читали тут же, большинство же прятало их в карман. Листков было очень много (трех видов), так что улица была усыпана ими. От толкучего рынка мы пошли сначала по Большой Арнаутской, а затем свернули на Успенскую и по ней дошли беспрепятственно почти до угла Екатерининской. Никто решительно нам не мешал двигаться. По пути раза два затягивали рабочую «Марсельезу», но при том форсированном марше, каким мы двигались, петь было очень трудно, и надо сознаться, что выходило очень нестройно. Все время красовалось красное знамя с соответствующей надписью, причем знаменосца несли на руках. Громкие революционные возгласы и крики «ура» не прекращались ни на минуту. Со стороны проходившей и сидевшей у ворот публики слышались крики: «молодцы», «крепитесь», «помоги вам бог». А когда прокламации приклеивались к деревьям и поверх градоначальнических об'явлений, то это вызывало всеобщее одобрение и крики «браво».

Демонстрация наша продолжалась около 25 минут, и прошли мы довольно большое расстояние. Должен отметить крайне интересный факт: все время нашего шествия магазины не закрывались; тех торговцев, которые поспешно запирали двери, рабочие успокаивали, говоря: «Не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев, мы совсем другого хотим, среди нас нет ни жидов ни русских, мы все рабочие, всем нам одинаково тяжело». Говорили это, конечно, русские рабочие, и замечательно, часто самые серые!

Когда мы уже приближались к Екатерининской, поднялся страшный крик «бьют, бьют», и я помню лишь, как с одной стороны меня обдало горячим дыханием мчавшейся прямо на меня лошади, а с другой видел озверевшего казака с обнаженной шашкой, рубившего направо и налево, потом все вдруг утихло и потемнело... Очнулся я в каком то магазине...

Что было дальше, не знаю. Слышал, что такая же демонстрация с красным знаменем была на Преображенской, но продержалась там гораздо меньше. Скажу еще несколько слов о том ощущении, которое у меня было во все время шествия. Казалось, что живешь удесятеренной жизнью, все было так легко, цель так ясна и близка, в сердце столько бешеной отваги и самозабвения, что готов был вступить в борьбу с самим сатаной, не то что с каким-то поганым казаком.

Очевидец.

Одесса. В письме от 19 июля пишут: «В городе у нас творятся небывалые дела, которые теперь в самом разгаре и держат весь город в состоянии крайнего напряжения. Сегодня расклеено такого рода об'явление нового градоначальника ген. Арсеньева: «Вследствие возникших в городе беспорядков сим об'являю во всеобщее сведение, что при неподчинении требованиям полицейской и административной власти я принужден буду для восстановления порядка на основании закона употребить силу оружия». Со вчерашнего дня, с 5 часов пополудни, в городе расставлены войска в полном вооружении и рыскают зевающие и ищущие дела казаки, но никаких стычек еще не было. Только что отправлена рота солдат на Пересыпь, где рабочие прекращают работу на скотобойнях. Таково положение в настоящий момент. Но я опишу последовательно, с чего и с кого началось движение.

«Прежде всего забастовали портовые босяки, требовавшие повышения поденной платы с 1 рубля до 2 руб. 20 коп. Работа была прекращена на целую неделю. Если начиналась где-нибудь работа, то толпа прогоняла работавших. Наконец, босякам была повышена плата с 1 руб. на 1 руб. 50 коп. и они уже готовы были взяться за работу, когда забастовка устроена была и матросами всех пароходных обществ. Матросы требовали также повышения платы, указывая на то, что при теперешней дороговизне городской жизни семейному человеку невозможно жить на 10—12 рублей, которые получает младший матрос. Требовали повышения с 10 на 25 и т. д. соответственно занимаемому посту на пароходе. Все матросы приходивших в порт пароходов примыкали к товарищам и составили партию в 2—2½ тысячи человек. Ни один пароход не уходил. Машинное отделение не работало, и потому ни нагрузки, ни выгрузки совершать нельзя было. Тогда были выписаны из Николаева военные матросы. В среду ушел с военной командой пароход Р. О. П. и Т. — на лиман, но вслед за этим забастовавшие матросы стали силою мешать уходить пароходам. Вчера ушел какой-то пароход с обломанными свистками, колоколами и многими другими повреждениями. Между тем весть о забастовке в порту распространилась по городу и зародила в городских рабочих мысль о забастовке. Движение конки приостановилось — ни один кондуктор и кучер не вышли на работу. Фабрики забастовали, и толпа рабочих в 2 или 3 тысячи человек (не знаю точно — сколько, так как нельзя было различить в массе собравшегося на улице народа, кто принимал участие, а кто нет) стала обходить город, прекращая работы на постройках, в хлебопекарнях, на заводах, на водопроводе, казенном очистном складе винной монополии и пр. пр. Спешно закрывали магазины там, где проходила толпа, но нигде не было беспорядков. Сегодня город лишен хлеба, воды. Все с'естные припасы повысились в цене. Движение поездов приостановлено — не знаю только, вследствие ли забастовки железнодорожных рабочих. Вот в таком положении находится теперь Одесса, впервые показавшая гражданскую зрелость своих рабочих. Чем кончится, конечно, предвидеть можно: ничем. Кое-где, вероятно, будет повышена плата, но уже достаточно и того, что рабочая масса проявляет себя и идет по пути сознательного отношения к окружающей обстановке.

«P. S. Сегодня на углу Преображенской и Почтовой казаки рассеивали толпу и били саблями плашмя. На моих глазах с бульвара увели, повидимому, ни в чем неповинных трех человек и одного мальчика лет 11—12 под конвоем в 5 чел. солдат».

Николаев. 21 июля. Усиленное распространение листков, последние события в Одессе, Баку, Тифлисе, Батуме и других городах, в связи с прижимками на заводе, возбудили сильное брожение. «Не хотим работать, когда другие бастуют», говорили даже массовые рабочие. В понедельник 21 мая на всех заводах была распространена прокламация, в которой говорилось о старостах, о вновь отнимаемых уступках, добытых прежней стачкой, и рабочие призывались к политической борьбе. Это послужило той искрой, которая окончательно воспламенила массу. Хотя Комитет думал вызвать стачку позже (войска через несколько дней собирались на маневры), но рабочих нельзя было удержать. Первые прекратили работу рабочие котельной мастерской Французского завода (один из крупных южных заводов) и с криками «да здравствует стачка» бросились по другим мастерским. «Ура!» было им ответом. Часам к трем работы были прекращены на всем заводе. К рабочим вышел директор Канегисер. Говорить со всеми он не захотел, а заявил, что у рабочих есть старосты, пусть они передадут ему, чего они хотят. «У нас нет старост! наши старосты у Дремлюги! (жандармский полковник). Нам

необходим восьмичасовой рабочий день. Нам надо отмены новых правил. Нам нужна политическая свобода». — «Я не могу вам дать этого», отвечал директор. — «Да мы у тебя и не просим! Долой его!» — и директор убежал, сопровождаемый криком и свистом. Тогда один из рабочих сказал краткую речь, и толпа двинулась к соседнему Черноморскому заводу (тоже крупный завод). Между тем, испуганная администрация заградила все выходы и входы и отказалась впустить рабочих в завод. Тогда рабочие разнесли заводскую стену, ворвались во двор и дали гудок; работы были всюду по мастерским прекращены, и толпа, усиленная теперь рабочими Черноморского завода, направилась к воротам. Но здесь ее уже ожидали успевшие прибыть войска. Рабочие вернулись обратно, вооружились молотками и проч. Пытавшейся выйти из ворот толпе офицер угрожал стрелять. Уже затрубили в рожок. Солдаты взяли ружья на прицел. Тогда один из рабочих заявил офицеру, что рабочие разойдутся, если солдаты возьмут к ноге. Офицер скомандовал «К ноге». Рабочие вышли и со знаменами, пением революционных песен двинулись в город, сопровождаемые войсками и сворой городовых и околоточных. Настроение было приподнятое, пение и крики не умолкали. Вдруг навстречу демонстрации летит градоначальник. Выслушав требования рабочих, он заявил, что не может их удовлетворить, и предложил демонстрантам разойтись. В это время один из малосознательных рабочих бросил в градоначальника камнем и расшиб ему голову до крови. Полиция пыталась задержать ударившего, но рабочие его не выдали. Разговоры с градоначальником ни к чему не привели, и демонстранты направились к спирто-очистительному заводу, где ожидали их работницы, которым выход из завода был прегражден войсками. Демонстранты бросились к воротам, но были встречены солдатами со штыками наперевес. Дружный натиск рабочих оттеснил солдат и освободил работниц, хотя со стороны рабочих было не мало избитых и раненых штыками, одному даже прокололи легкое. Демонстранты с криками восторга приняли в свою среду выбежавших девушек и с пением «Марсельезы» и криками «долой самодержавие, да здравствует солидарность рабочих» двинулись в главную часть города. Улица на большом протяжении была покрыта народом. Участников было свыше 10.000. Шествие производило громадное впечатление. Здесь еще никогда не видели такой демонстрации. К рабочим народ стекался массами. Во многих мастерских прекращались работы, и рабочие присоединялись к демонстрантам. Идя по улице, демонстранты останавливали конки и предлагали публике сходить, распрягали лошадей и отправляли их в депо. Причем все это делалось без всяких насилий. В страхе перед демонстрантами буржуазия бросилась запирать магазины, но рабочие всех успокаивали, говоря, что они не грабители и никого не тронут. Власти положительно растерялись. Полиция действовала неумело, солдаты на время потеряли демонстрантов из виду. Пройдя версты 1½, толпа стала расходиться Тут только на отдельные кучки напали войска и полиция. Много избитых, раненых, есть арестованные, публика, по преимуществу к организации совершенно непричастная.

Демонстрация произвела в городе большой переполох. Всюду по городу расхаживали войска. На площадях расставили целые роты. Солдаты привлекали массу любопытных и тем продолжали демонстрацию, начатую рабочими. По улицам всюду толпился народ: и стар и млад повыползали из своих берлог. Всюду оживленно толковали о совершившемся. Всюду о демонстрациях отзывались сочувственно. Волнения не улеглись и на другой день. Французский завод работ не возобновлял. Рабочим Черноморского завода администрация сама предупредительно выдала отпуск на неделю. Забастовали рабочие мелких мастерских, прекратила движение конка. По улицам расхаживали демонстративно войска. По телеграфу были вызваны казаки, ушедшие на маневры; парад, который должен был произойти в этот день, отменен.

За городом в роще собралось около 300 рабочих. Они были окружены войсками, но успели разбежаться; арестовано несколько человек.

На третий день начали рассчитывать рабочих Франц. завода. Около завода собралась огромная толпа народа. В толпе были распространены листки, изданные Комитетом. Они с жадностью прочитывались рабочими и свободно, на глазах неподалеку стоявших полиции и жандармов, передавались из рук в руки.

В толпу был послан, как было ранее условлено, комитетский оратор. Рабочие подняли его на руки, и он произнес речь, в которой указывал на необходимость политической борьбы, на значение стачки; он советовал рабочим держаться стойко, не выдавать своих передовых товарищей и закончил речь возгласом: «Долой самодержавие!» Громкое ура раздалось ему в ответ. Оратор скрылся. Рабочие отправились в коммерческий порт. Остановили мастерские бывш. мин. пут. сообщ., остановлен элеватор. В это время на них налетели солдаты. Был дан выстрел; несколько ранено, убит случайно проходивший старик. Рабочие осыпали солдат камнями. Пострадали солдаты и полиция, убит околоточный. За два дня по официальным источникам арестовано 53 человека. Всего же арестовано гораздо больше. Во все время волнений Комитет ежедневно выпускал листки.

За последнее время Комитет выпустил следующие листки: «Что такое политическая свобода?» (печ.), «К рабочим Французского завода» (печ.), «Социал-демократы на суде» (переп. из «Искры»), «По поводу последних событий» (литогр.), «К солдатам» (гектогр.), «Опять по поводу последних событий» (печат.), «К рабочим Французского завода» (печ.).

25-е. Французский завод еще не работает. Рассчитывают поголовно всех рабочих.

Елисаветград. В нашем городе, куда ни пойди, только и слышишь везде разговоры о стачке. Произошла она следующим образом. В четверг 10 июля, в 8½ час. утра, на заводе Яскульского по гудку, который рабочие выпустили вместе с паром, они бросили работу и направились к заводу Шкловского и Эльворти с криками и песнями. Но, благодаря усердию властей, их не пропустили, и рабочие разошлись кучками. На следующий день бастовали все заводы, за исключением Эльворти и Бургарта (у Яскульского I, Яскульского II, Шкловского, Краузе и Кесслера). Требовали уменьшения работы на час времени, повышения платы на 10% (проведения водопровода для питьевой воды у Яскульского, где до сих пор пили из какого-то грязного котла) и т. д. Вчера, 12 июля, стачку выиграли. У Яскульского все требования удовлетворены, а на остальных заводах почти все главные. Остальные заводы обещали уступить к 15 июля. Словом, наш город живет. У рабочих оживленные лица. Жертв пока нет, но ожидаются. Всего стачечников 800 человек. Теперь мы видим, как совсем незначительное число людей может повести за собой массу. При собраниях на заводах рабочие рвались в город.

По сообщению другого письма из Елисаветграда, на второй день забастовки из Одессы приехал фабричный инспектор, и под его председательством было устроено заседание из всех заводчиков, на котором все согласились на выставленные требования. Заводы охранялись вытребованными из лагерей войсками и переодетыми в форму городовых жандармами. Было за городом собрание в 400 человек, говорились речи политического характера. 14-го работа возобновилась.

Грандиозная стачка в Баку. Восьмой день как в Баку, Балаханах, Черном и Белом городе бастуют рабочие, мастеровые, служащие, караульщики, дворники и даже городовые, железнодорожные мастерские, депо, кондуктора, машинисты, их помощники, конно-железная дорога и все служащие пароходов, типографщики, сотрудники газет, бастуют все мелкие мастерские. Словом, всеобщая забастовка: стоят все нефтяные промыслы, шестой день не выходят газеты (а здесь три газеты), сапоги негде почистить, постройки домов приостановлены, конки в городе нет. Ежедневно массовые собрания стачечников за городом. Сходки каждый раз состоят не менее как из 3.000 людей и 20—30-тысячные сходки не редкость. Бастуют около 50 тысяч человек. Это нечто невиданное. Боюсь, что не

сумею передать хоть сотой доли того, что происходит. Ах! если-б Россия (центры — Петербург и Москва) готова была, хоть сейчас на штурм иди! Администрация или прячется или говорит раболепным языком. Казаки играют заискивающую роль, — только и слышно от них: «Ради бога, не подведите нас». Приехал сюда из Тифлиса главноначальствующий и его помощник, приехал начальник Закавказских жел. дорог. Нефтепромышленники советуются каждый божий день. Эти последние несут 2½ миллиона рублей убытка, бастующие же 400 тысяч рублей; это цифры из совета с'езда нефтепромышленников. Настроение и бодрость бастующих небывалые и невиданные. Толпа жадно слушает каждого оратора, готова итти за ним. Нет сил описать все то, что происходит кругом. У вчерашних благонамеренных людей развязались языки, и они произносят громовые речи, говорят то, о чем у себя дома, в четырех стенах комнаты, боялись даже шопотом говорить. Один из ораторов, человек с солидным положением, скрывается; он говорит, что готов был бы скорее откусить себе язык, чем сказал бы то, что говорил этой толпе, да еще в присутствии властей; он сам удивляется и даже не верит самому себе. В воскресенье было назначено массовое собрание за городом, у Волчьих ворот. Тут собралась 4 или 5 тысячная толпа. Говорили речи до семи ораторов. Говорились речи на политические темы. Тут же присутствовали уездный начальник, казачий офицер, а в некотором отдалении сотня казаков. В тот же день и в то же самое время у Балаханов была сходка из 15 тысяч, а может быть и больше. Пока скажу, что требуют восьмичасового рабочего дня, школ, народных театров, больниц и увеличения заработной платы и жалованья на 20%. Выходят ежедневно прокламации от Комитета и стачечного комитета. Выходят прокламации даже на татарском языке. Идешь по улице и видишь, 400—500 человек, окружив молодого парня, жадно слушают речи своего оратора, которому, может быть, приходится в первый раз говорить. Да, творится нечто знаменательное, то, что называется предвестником революции!

Баку, 14 июля. (Позднейшее сообщение.) О начале забастовки вы уже знаете. Продолжаю: 4 июля стачка распространилась на весь Черный и Белый город и на Биби-Эйбат. 5 июля стачка перебросилась в Балаханы. Решительно вся промышленная жизнь города и окрестностей замерла. Рабочие ходили тысячными толпами по заводско-промысловому району и везде прекращали работу. Скоро найден был такой способ для этого: рабочие выпускали пар из паровика, и все поневоле останавливалось. Сопротивление нигде почти не оказывалось. Бывали случаи, что работы прекращались по требованию одного мальчишки — до того все были уверены во всесилии рабочих. Полиция была молчаливым зрителем всех этих событий; она сопровождала толпу забастовщиков, не делая никаких попыток к вмешательству. Скоро (5 июля) стала конка. Начали бастовать фабрики и мелкие ремесленные мастерские в городе. Вследствие стачки жел.-дор. депо, товарные поезда стали. Команда прибывающих наливных шкун немедленно присоединилась к стачке, прекратился, следовательно, всякий привоз и вывоз товаров. Станция вся завалена товарными поездами, рейд заполнен наливными шкунами. Строительные рабочие прекратили работу: маляры, плотники бастуют. Мостовщики бросают работу. Чернорабочие-поденщики не являются на биржу для найма. Даже жалкие из жалких — амбалы, персы, метельщики городских улиц, мусорщики и ассенизаторы — присоединяются к забастовке, заявляют свои требования, держат речи о том, что они не скоты, и требуют лучших условий труда! Небывалое явление! И вряд ли кто мог это предполагать. Даже ресторанная прислуга в числе 100 человек забастовала в 2-3 заведениях! Городовые сочувствуют забастовке и в разговорах выражают готовность присоединиться к ней. Дворники в Белом городе в числе около 50 человек (по рассказам) сбрасывают с себя знаки своего достоинства и заявляют, что за свои 8—10 рублей жалованья они не согласны подвергать свою жизнь опасности в борьбе с «внутренним врагом». Они требуют, чтобы они служили хозяевам, а не полиции. Настроение в высшей степени бодрое, приподнятое. Войско (меньше 1.000 человек) и казаки не в состоянии ничему помешать. Начинаются сходки. Вы уже знаете о первых. На 6 июля Комитет назначает общую сходку у Волчьих ворот за городом. Место выбрано не совсем удачно — очень далеко, особенно для Балаханов. Вместо ожидавшихся 15—20 тысяч является 5—6 тысяч. Произнесено несколько речей о стачке, о выставленных требованиях, о необходимости политической борьбы. Собрание продолжается часа 2 в присутствии нескольких сотен казаков. Ежеминутно играет рожок, и кажется, казаки вот-вот бросятся на толпу. Но все ограничивается одними военными упражнениями и артикулами. Офицер несколько раз под'езжает к толпе и кричит ораторам: «прекратить».— «Продолжать!» раздается ответ. Собрание кончено и мирно расходится. Толпа уже разсеяна по полю (демонстрации решено не устраивать, если собранию дадут состояться). Все это время казаки начинают теснить толпу. Они еще больше рассеивают ее и тогда хватают 2—3 человека. В это время кто-то развертывает красное знамя, момент неудачный! Толпа рассеяна; часть ее спешит к знамени, но ее рассеивают казаки. Знамя держится с минуту; затем знаменосец бросает его и скрывается. В тот же день отдельное собрание в Балаханах, понятно неорганизованное. Еще более крупное собрание происходит там 7 июля. Там — 12—15.000 чел., но оно столь же неорганизованно. Комитет слишком поздно узнает о нем и не может послать оратора. Не может сделать этого и «Бакинский Стачечный Комитет», к которому в значительной степени переходит руководство движением. Собрание продолжается часов 6, но производит очень грустное впечатление: никого, кто выразил бы общее настроение, формулировал требования и пр. Говорят, некоторые управляющие вносят еще большую смуту. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что неудача этого собрания была одной из главных причин дальнейших неуспехов. Между тем в Баку прибывают отовсюду войска; их набирается около 5-600, и собрания становятся очень трудны. Неудача прежних расхолаживает публику, и дальнейших собраний не происходит. Теперь войска повсюду разгоняют небольшие собрания (напр. ремесленников около 150-200 чел.). Полиция начинает насильничать; на улицах нагайками избивают отдельные небольшие группы рабочих чел. в 6-8. Но продолжающийся успех забастовки поддерживает бодрое настроение. Готов стать опреснитель, и городу грозит остаться без воды: казаки под нагайками заставляют рабочих работать. Электрическая станция не работает, и к ужасу буржуа их высокие здания по вечерам остаются мрачными, неосвещенными. Один вечер клуб, где собирается вся местная буржуазия, погружается в мрак; едва мерцают свечи, и растерявшийся лакей вяло служит своим господам. Тогда начинают приниматься более решительные меры. Электрическую станцию пробуют пустить в ход при помощи матросов; а когда это не удается, рабочих под штыками принуждают к работе. Конка собирает всякий сброд, и вот появляется небывалое зрелище: каждый вагон конки двигается с двумя штыками: один на передней, другой на задней площадке. Победа! Буржуа ободряется. Железнодорожные мастерские начинают работать, сначала при помощи жел.-дор. батальона, выписанного из Закаспия. Жел.-дор. рабочим об'являют расчет. Записывается сначала 18 чел. «Желающих работать» колотят товарищи, а жандармов встречают криками: «долой жандармов!» На об'яснения с начальником дороги является толпа в 3.000 человек (в депо всего 4-5.000 чел.). Выпускается очень хороший ответ Районного Комитета. Вообще теперь листки одни поддерживают настроение; но их слишком недостаточно (от 3, 6, 8, 10, 14 — печатных, от Комитета; гектографированных: к табачным фабрикам, к ресторанной прислуге, к морякам, к обществу). Начинаются переговоры с нефтепромышленниками. Вырабатываются требования балаханских рабочих (они изданы Стачечным Комитетом гектографированными) и пред'являются через депутацию Совета С'езда Нефтепромышленников. В своем заседании нефтепромышленники признают «принципиально» право рабочих вступать в договорные отношения на разных правах и устраивать для этого коалиции и стачки: «но»... это — не стачка, а «насилие» одной части рабочих над другой, и потому они «принципиально» отвергают все требования рабочих. Вывешиваются повсюду об'явления: кто 14 июля, к 6 часам утра, не явится на работу, считается

уволенным; после возобновления работ нужды рабочих будут рассмотрены и «по возможности» удовлетворены. Управляющие фирм недовольны решением, собираются отдельно и вырабатывают компромиссы, но сюзерены об'являют их решение мятежным. «Никаких уступок!» — такой теперь лозунг не только крупных фирм, но и мелких, готовых раньше на большие уступки. Они чувствуют за собою поддержку штыков. «Либеральные» капиталисты — в об'ятиях жандармов. Черный и Белый город почти весь уже взялся за работу, работает частью и Биби-Эйбат. Но главное основное ядро стачечников — балаханские рабочие и промыслы в Балаханах и на Биби-Эйбате и сегодня, 14-го, не взялись за работу. На Биби-Эйбате взялись было местами и снова бросили. В Балаханах, говорят, работают в Романинском районе, но точно сейчас еще неизвестно. Между тем капиталисты терпят громадные убытки — они исчисляются миллионами. Сегодня Комитетом Партии выпущен листок с призывом продолжать забастовку в виду тифлисских событий. Если тифлисские события поддержат дух, хозяевам вероятно все-таки придется пойти на уступки, хотя в среду рабочих начинает прокрадываться уныние. Подождем, увидим. Сделаем общий обзор событий. По своим размерам и всеобщности стачка небывала и грандиозна. Самые низшие слои пролетариата приняли в ней участие. Впервые мусульманское рабочее население, жалкие и забитые персы в том числе, активно борется за улучшение своей участи. Они местами самые ярые забастовщики; как наименее сознательные, они проявляют наибольшую склонность к физическому воздействию. В одном месте в Балаханах толпа лезгин разрушила кочегарку. Около завода Шипаева в Белом городе произошло столкновение толпы татар с фабрики Бриева с частью шибаевских рабочих, приступивших к работе, и с войсками. Стреляли и из толпы — несколько раненых. Выпускались листки и на татарском языке, но, к сожалению, очень мало. По размерам стачка грандиознее осенней ростовской: общее число забастовщиков надо считать тысяч в 40-50. Но, к сожалению, надо признать, что для целей политической агитации она была использована очень мало. Собрания в общем не удались, листков мало. В этом надо винить, с одной стороны, раскол среди местных соц.-дем., с другой— общую слабость сил и неподготовленность Комитета к руководству таким грандиозным движением. Незадолго до стачки Комитет обсуждал вопрос об общей забастовке, предвидя ее возможность, но решил не вызывать ее в виду своей неподготовленности. Но события опередили Комитет. Повторилась старая история: организация позади движения. Особенно неорганизованно движение в Балаханах; некоторые вожаки балаханской стачки стоят даже на точке зрения «чисто экономической» борьбы. Встречаются подобные голоса (и притом не одинокие) и в городе. Но тем не менее результаты стачки все же велики и свидетельствуют об огромном росте движения и о громадной солидарности рабочих: многие рабочие бастовали единственно из солидарности. Впрочем, о результатах движения еще рано говорить. Теперь бы побольше литературы сюда, ее совсем нет! — 14 июля. 7 часов вечера.

[Файнберг]

Тифлис. С понедельника (14 июля) в Тифлисе ожидается общая забастовка. (Бастовать будут жел.-дор. мастерские, мясники, приказчики, пекаря, типографщики, ожидают и трамвай.) Приказчики со второго июля поставили требования: рабочий день только до восьми часов вечера, они добились своего — все эти дни в закрытии лавок в восемь часов принимает участие и полиция. За приказчиками поднялись и мелкие мастерские — требуют окончания рабочего дня в шесть часов (до сих пор эти мастерские — медно-литейные, сапожные и т. д. — работали до 10—11 часов вечера. С 11-го об'явили стачку мясники—требуют уничтожения городских лавок (мясных) и некот. изменений в перевозке и осмотре скота. С завтрашнего дня устраивают стачку пекаря. Можно надеяться, что ни одна отрасль производства не останется в спокойном состоянии. Сегодня газеты не вышли — типографщики поставили свои требования. В некоторых типографиях сделали повальный обыск, раздевали догола, обыскивали, не выпускали из типографий, заставляли работать.

Союзный Комитет озабочен тем, чтобы сорганизовать общекавказскую забастовку. Начало положено было Баку. О чудных делах в Баку вы, вероятно, получите сведения непосредственно. В Тифлис известия (по почте) не доходят. Теперь на Кавказе творятся удивительные дела: движение захватывает все более широкие массы. Даже такой обиженный природой угол, как Гори, и тот не остался глух к политической борьбе. Во время высылки интеллигентов Джибладзе и Цабадзе на вокзале собралось более 200 чел. (интелл., рабоч., лавочники, ремесл.); надо заметить, что в Гори нет ни одного промышленного заведения; собравшаяся публика на вокзале провожала поезд с пением и криком: «Долой самодержавие! да здравствует республика и от'езжающие товарищи!».

В Батуме в конце июня был убит одним провокатором по фамилии Кения один рабочий (сознательный) Ломадтария. На похоронах после гудка собралась масса народу (3.000 чел.); хотели понести по главным улицам, но около Манташевского пер. встретили полицию и принуждены были пойти прямо на кладбище. Там было произнесено несколько политических речей; провожающие возвращались обратно с пением «Марсельезы» на трех языках (грузинском, армянском и русском). Интересна одна подробность: по пути следования, при встрече с буржуа, требовали, чтоб он повернул обратно, а при встрече с рабочим кричали: «Дорогу рабочему!» Полиция не особенно старается преследовать убийцу, но рабочие решили его при случае убить. На одной из ближайших станций к Батуму убит провокатор.

Тифлис, 9 (22) июля. (Письмо рабочего.) В городе еще несколько дней назад ходил слух о том, что 1 (14) июля ссылают в Восточную Сибирь четырех политических: 1) Георгия Караджева (арм. интел., арестован 16 февраля 1902 года, 40 лет); 2) Георгия Вардояна (институтец, арм., арест. 4 фев. 1902 г., 23 лет); 3) Власа Мгеладзе (грузин, наборщик, арест. в ноябре 1901 г., 28 л.); 4) Эраста Чантладзе (наборщик, ар. в апреле 1901 г., грузин, 30 лет). По этому поводу 1 (14) июля большая толпа окружила тюрьму. Кроме рабочих, собралось много женщин, детей и посторонних лиц. Но скоро их разогнали. Тогда толпа из тюрьмы отправилась к Петро-Павловскому кладбищу *, на железной дороге, откуда должен был пройти поезд, а я отправился на вокзал. Было уже половина первого, второй звонок давно прозвонил, но ссыльных еще не приводили. Наконец, привели уголовных, но среди них наших четырех товарищей не было. Поезд тронулся, а в это самое время на платформе, среди многочисленных рабочих (около 10.000 чел.) гордо поднялось красное знамя, на котором на трех языках золотыми буквами было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь. Да здравствует свобода. Долой самодержавие». Демонстранты, думая, что в этом поезде находятся наши товарищи, минуты на три остановили поезд. Тогда со стороны властей началась зверская расправа, начали стрелять из револьверов в рабочих. Из наших было ранено пять человек; один из них был ранен очень тяжело, а остальные неопасно.

Оказалось, что правительство нахально обмануло нас. Из тюрьмы наших товарищей отвезли прямо в Невтлук (первая станция от Тифлиса) и хотели оттуда отправить их. Когда бывшие на Петро-Павловском кладбище узнали, что они обмануты, тотчас же через Авлабара (часть города) вернулись в город, но они увидели четыре кареты, окруженные казаками вместе с полицмейстером и губернатором: это везли четырех политических. Здесь, конечно, толпа выказала свою симпатию к благородным борцам.

Тяжело раненого товарища увезли в Михайловскую больницу, где он в тот же вечер умер. Когда рабочие узнали об этом, они были очень опечалены и огорчены. Хотели в ближайшее воскресенье устроить грандиозную демонстрацию и торжественно похоронить борца за свободу. Но каково было наше негодование и возмущение, когда мы на следующий день узнали, что начальство в три часа ночи украло труп и тайком похоронило его. Теперь у нас даже мальчуганы называют правительство вором и

* На кладбище собралось около 5.000 человек.

разбойником, так как оно украло наших четырех товарищей из тюрьмы, а умершего из больницы.

Все говорят, что правительство видит, что оно не в состоянии победить нас насилием, и прибегает теперь к хитростям и разбойничеству. С этим мы, конечно, поздравляем его. Эта трусость правительства нас очень забавляет.

У нас продолжается волнение среди приказчиков. Они каждый вечер разбивают стекла магазинов и требуют, чтобы магазины открывались не раньше восьми часов утра и закрывались не позже восьми часов вечера. Они добились того, что теперь сама полиция заставляет хозяев исполнять их требование.

Армянский рабочий.

Киев. 21 июня Комитет Партии обратился с воззванием ко всем типографщикам и к железнодорожным рабочим. «Бросайте немедленно работу. Наши одесские и бакинские товарищи ждут нашей поддержки», писал Комитет в своем воззвании к железнодорожным рабочим, выставляя ряд (15) требований с восьмичасовым рабочим днем и повышением расценков на 40—50% во главе. В тот же день бросили работу все рабочие жел.-дор. мастерских, депо и малого ремонта и Южно-Русского машиностроительного завода, в числе 4.000 человек. В листке к типографщикам Комитет предлагал выставить требования увеличения заработной платы на 30%, восьмичасового раб. дня, устройства вентиляций и лучшего освещения в типографиях. 22 июля типографщики, в числе 500—600 человек, присоединились к стачке.

О дальнейшем разрастании стачки, о вмешательстве военной силы и связанных с этим событиях надеемся сообщить в следующем номере.

Из Донецкого бассейна. Весною настоящего года российской социал-демократией, в лице «Социал-демократического Союза Горнозаводских Рабочих», впервые была произведена попытка революционизирования широких масс горнозаводского пролетариата юга России путем подмета листков и прокламаций. До этого были производимы только разрозненные попытки распространения литературы и листков в Мариуполе и Юзовке Екатеринославским Комитетом и в Таганроге — Донским Комитетом (в Сулинском заводе и в Александрово-Грушевском районе Донской Комитет работал более систематически) *. «Социал-демократический Союз Горнозаводских рабочих» поставил себе специальной целью обслуживать все крупные металлургические и машиностроительные заводы и шахты на юге. Первый опыт дал результаты вполне удовлетворительные. В течение марта, апреля и мая «Летучим отрядом» и местными комитетами «Союза» распространено на большинстве крупных заводов и шахт до 50.000 листков и прокламаций самого разнообразного содержания **. Прежде чем приступить к описанию майской агитации и настроения горнозаводского пролетариата в эти дни, скажем несколько слов о весенней агитации «Союза». До 18 апреля «Союзом» было выпущено из собственной типографии свыше 30.000 листков и распространено более 1.000 экз. различных брошюр и периодических изданий. Наибольшим успехом из семи листков, выпущенных «Союзом» до 18 апреля, пользовались: «Пауки и Мухи» Либкнехта со сказкой «О попе и чорте» в приложении (8 тыс. экз.), «Кто наши враги?» (6 тыс. экз.) и «Как до сих пор боролись шахтеры и заводские рабочие за лучшую долю и как действовать теперь?» (6 тыс. экз.) В приложении к листкам было помещено до десятка стихотворений и песен революционного содержания. Сравнительно меньшим успехом пользовался листок «О безработице» вследствие чрезмерной трудности темы и недоступности ее широким массам шахтеров. Весенний опыт, как мы упомянули уже выше, дал прекрасные результаты: все население горнозаводского юга всколыхнулось, все заговорили о «социалистах» и «афишках» (так рабочие называют листки), появлявшихся, по их мнению, чуть ли не ежедневно у дверей каждого рабочего: кто сам не мог прочитать «афишку», тот с жадностью слушал, что говорят товарищи, которым удалось раздобыть листок. Многие хранили листки на память («кабы я знал, — говорил один шахтер, — кто пишет эти „письма“, — тоже привившееся среди шахтеров название прокламации, — я бы снял с него портрет и повесил себе вместо образа»). Все пришло в движение — рабочие тщательно подбирали листки, полиция и служащие на рудниках и заводах стали производить целые облавы, чтобы не допустить среди рабочих распространения запретной литературы. Если кто из рабочих и не слыхал о «письмах», то розыски полиции делали их еще более популярными среди массы. Особенно много содействовали этому и возбуждали интерес к «письмам» попы, которые принялись усердно с амвона доказывать рабочим зловредность социализма и увещевали не читать прокламаций, раскидываемых «социалистами». Облавы, производимые полицией, не дали особенно блестящих результатов, так как громадное большинство листков осталось в руках рабочих. Пропаганда духовенства была еще более на руку агитации «Союза», который собирается по этому поводу выпустить специальный листок. Нужно, однако, сознаться, что для шахтеров листки «Союза» оказались недостаточно понятными, и многое истолковывалось совершенно превратно. Гораздо лучше были поняты и больше успеха имели листки среди заводских рабочих, где сплошь и рядом приходится встречать вполне интеллигентных и сознательных рабочих, открыто именующих себя «социал-демократами». Смута, произведенная листками «Союза», создала крайне тревожное настроение на всем юге: шахтеры повсеместно стали готовиться к «бунту», все ожидали небывалых беспорядков. В виду этого «Союз» выпустил листок № 7, в котором предостерегал рабочих от буйства и так наз. «бунта», поясняя вред подобных беспорядков на истории прежних волнений на юге.

Сенсация, произведенная мартовской и апрельской агитацией, а также повсеместное возбуждение умов в России побудили «Союз» приступить к самой широкой майской агитации. «Союз» решил призвать горнозаводских рабочих к празднованию 1 мая посредством однодневной забастовки и демонстрации. С этой целью им было распространено на 15 заводах и 19 рудниках 8 тысяч листков с раз'яснением значения 1 мая, в приложении к ним были помещены «Рабочая Марсельеза» и «Песни 1 мая» (печатано в собствен. типографии), пять тысяч листков с призывом к празднованию 1 мая (печ. в собств. тип.), пять тысяч майских листков «Организационного Комитета». В общем, пущено в обращение на 34 шахтах и заводах 18 тысяч майских прокламаций (не считая семи тысяч майских листков, распространенных Донским Комитетом в Таганроге, Сулине и Александрово-Грушевске, — тогда цифра майских листков, распространенных на всем горнозаводском юге, достигнет двадцати пяти тысяч). Однако, планы «Союза» были осуждены на неудачу: кишиневский погром заставил его, в виду крайней некультурности шахтеров, отказаться от мысли устройства демонстраций. Повсюду — и в Мариуполе, и в Юзовке, и в Луганске — носились упорные слухи о еврейском погроме; полицейский пристав Левицкий в Юзовке, не стесняясь, угрожал, в случае демонстрации, погромом евреев; повсюду началось массовое выселение евреев; да и служащие на многих рудниках всячески стремились уехать на опасное время с шахт подальше; все готовились к небывалому бунту. Организовать в такое время демонстрацию было слишком рискованно. «Союз» готов был удовлетвориться огромной сенсацией, произведенной им по всему бассейну, тем более, что сами власти повсюду спешили устроить внушительную военную манифестацию в день 1 мая и все ближайшие праздники. Таким образом, все население узнало, что среди рабочих неспокойно, что 1 мая — опасный день для правительства. Особенно усердствовали власти в Луганске * и нагнали туда массу войска,

---

* Впрочем, в 1898 г. Донским Комитетом было распространено несколько тысяч листков (изданных в типографии Киевского Комитета) во всех крупных центрах Донецкого бассейна. Но вследствие мимолетности этой попытки листки не оставили заметного следа.

** Ради экономии места и сил «Союз» печатает все свои листки с обеих сторон, помещая на обороте стихи и песни революционного содержания. Таким образом число листков в сущности удваивается: Союзу удалось пустить в обращение до 90.000 оттисков.

опасаясь, чтобы рабочие во время манифестации не разграбили патронный завод, где хранится масса динамиту, и склады пороха и оружия. В Мариуполе, за отсутствием регулярных войск, воинский начальник нарядил в военное облачение ополченцев, отбывавших весенний сбор. Появление подобного войска на улицах возбудило среди рабочих гомерический хохот, так как среди «усмирителей» они узнавали многих своих товарищей и друзей. Кто знает, — в случае столкновения, пожалуй, ополченцы перешли бы на сторону «бунтовщиков». В Юзовку, Волынцево, Макеевку, Таганрог и Александро-Грушевск равным образом нагнали целые полчища казаков и даже пехоты. Все это еще более волновало и без того взбудораженное население.

Помимо даже воли «Союза» майская агитация вызвала кое-где волнения и попытки празднования 1 мая. В Таганроге местный Комитет решил организовать однодневную забастовку: весь день не работали на «малом» заводе Вильде (800 чел.) и в некоторых цехах «большого» — металлургического завода. В Юзовке в течение всей Пасхи и во все праздники перед 1 мая по улицам и особенно на базаре толпились огромные массы шахтеров и мастеровых в ожидании демонстрации; даже 1 мая, в будни, на «насыпи» собралось много народу и, несмотря на настойчивое требование полиции, толпа не расходилась, пока, наконец, полиция не оцепила и не переписала до 30 рабочих. В Мариуполе перед самым 1 мая вспыхнули под очевидным влиянием майских листков две стачки: одна в листопрокатном цехе завода «Русский Провиданс» 200 чел.), другая в том же цехе на заводе «Никополь-Мариупольского Общества» (до 250 чел.). На «Провидансе» забастовали из-за понижения расценков. Новый директор, г. Туманов, прославившийся бесчеловечной эксплоатацией рабочих и преследованием рабочих-иноверцев (особенно поляков), еще в бытность свою директором Макеевского металлургического завода **, понизил расценки в листопрокатном цехе до того, что заработок рабочих сократился наполовину. Достаточно было искры, чтобы недовольство рабочих прорвалось наружу. Листки «Союза» были этой искрой. Но г. Туманов решил энергично пресечь стачку: он немедленно об'явил расчет 100 рабочим и предложил им тотчас же очистить квартиры. По всей вероятности, столь решительный образ действий директора вызвал бы всеобщее возмущение и крупные беспорядки на обоих заводах по примеру 1899 г., но вмешательство окружного инженера, г. Абрамова, прекратило волнение в самом зародыше. Зная результаты административной деятельности г. Туманова на Макеевке, окружный инженер заставил директора принять обратно всех рассчитанных рабочих и удовлетворить хоть отчасти требования забастовщиков. Вскоре работы возобновились. В случае невыполнения обещания стачка, по всей вероятности, возобновится. Вслед за этим вспыхнула забастовка на «Никополь-Мариупольском заводе» из-за неаккуратной выдачи заработка; были выставлены, кроме того, и другие требования (напр., удаление нелюбимого мастера Вейсика и др.). Нагрянули власти, полицмейстер обратился к толпе рабочих, собравшихся в огромном количестве (для обсуждения стачки) с речью, в которой доказывал, что он за рабочих. Тогда из толпы забастовщиков выступил оратор-рабочий, который произнес воодушевленную и обстоятельную речь в ответ на лицемерные увещевания полиции. Он перечислил все прегрешения заводского начальства и полиции, подробно изложил и мотивировал все требования забастовщиков. Красной нитью в речи оратора проходила идея политической борьбы, неизбежность столкновения рабочих с правительством; указывая на известные беспорядки 1899 г., он призывал товарищей к борьбе за политическую свободу. Речь эта произвела огромное впечатление, и заводоуправление, помня 14 июля 1899 г. (день избиения мариупольских рабочих), а также зимние волнения рабочих по поводу массового расчета и выселения нескольких сотен рабочих семейств, поспешило удовлетворить требования забастовщиков. Кроме того, происходили частичные беспорядки и непродолжительные стачки на некоторых рудниках (напр., на Щеглинском руднике и друг. возле Луганска), кончавшиеся кое-где разгромом контор и других рудничных зданий.

Массовое распространение изданий «Союза» усилило, разумеется, бдительность полиции: повсюду были даваемы инструкции стражникам и полицейским, обещаны награды за поимку «разбрасывателей», усилены наряды полиции. Произведена масса обысков в Мариуполе, Юзовке, Луганске, Таганроге, Сулине и даже Волынцеве. Забирали случайных прохожих, заводских служащих и даже воришек. Арестовано в общем повсюду до 30 человек. В Луганске сидят: Крупицкая (акушерка), Яковлев (служащий на заводе Гартмана), Овчинкин (рабочий, по слухам он взят с кипой прокламаций в Юзовке и был сильно избит полицией) и много других, в общем 18 человек. В г. Бахмуте: Липкин (портной), арестован по подозрению в распространении прокламаций, Гутцайг (фотограф), выпущен. В Таганроге сидят, кроме ростовцев, несколько человек по подозрению в разбрасывании майских прокламаций. Кроме того были взяты, но скоро выпущены: в Мариуполе — Гольдман, рабочий (теперь отбывает наказание, 3 мес. заключения, в Таганрогской тюрьме), в Юзовке — Шестаков (повереннн. по суд. делам), Альтшуллер (печатник) и многие другие.

Москва. В начале июля на заводе Бромлей была стачка 2.000 рабочих после того, как фабричная администрация об'явила уменьшение расценок. Рабочие отказались работать и легли на дворе без крика и шума. После свистка на обед, рабочие ушли домой и, вернувшись, легли опять на дворе. Дисциплина во все время стачки была превосходная. Около того же времени была стачка на фабрике Листа. Требовали удаления директора, повышения расценок, уменьшения рабочего дня. Требования удовлетворены.

Озеры, Коломенского у. Московской г. Стачка в Озерах (№ 44 «Искры») прекратилась тотчас же после того, как было вывешено об'явление исправн., так как Моргуновым были сделаны некоторые уступки и приэтом было известно, что, в виду дороговизны хлопка и наличности богатого запаса товара на складе, остановка прядильни принесла бы только одну пользу хозяину.

ИЗ ПАРТИИ

С февраля 1903 года Северным рабочим союзом было издано и, между прочим, распространено: 1) листок «К товарищам» (памяти погибших) (типография Орг. Ком.); 2) листок ко всем русским рабочим (по поводу 19 февраля); 3) брошюра «Письмо матроса к товарищам» (собств. типогр.); 4) брошюра «Самодержавие колеблется» (перепеч. из «Искры», в собств. типогр.); 5) майские листки Орг. Ком. и «Искры»; 6) перепечатка «Открытого письма в „Искру“» (№ 34). — Издано Ярославским Комитет. Союза: 1) «К обществу и рабочим» (по поводу возобновления Комитетом работы; 2) «К обществу» (по поводу голодовки в тюрьме); 3) листок по поводу Костромской демонстрации. — Костромским Комитетом издано: 1) листок: «Ко всем костромским рабочим» (по поводу бывш. стачки-демонстрации); 2) «К обществу» (по поводу того же). Об изданиях Тверского Комитета см. предыдущие №№ Искры.

Пермский Комитет Партии издал в июле листки: 1) к учителям и учительницам; 2) по поводу истязаний в пермской тюрьме.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Нижний-Новгород. Во второй половине июня арестованы: Сысин, Б. Морковин, Второва, Кольбах, Тучина и отправлены в Восточную Сибирь; Моисеев (брат

---

* В Луганске в течение весны, еще до присоединения к «Союзу», местным Комитетом было распространено четыре листка (собств. издания) и только с конца апреля началось распространение изданий «Союза».

** В Макеевке г. Туманов довел, наконец, рабочих своими преследованиями и эксплоатацией до «бунта». Известные Макеевские беспорядки в мае 1899 г. возникли благодаря этому господину.

осужденного зимой за демонстрацию) сослан на низ Волги. — В Екатеринославе в ночь на 25 июня арестовали 28 чел., преимущественно рабочих. На-днях бежал из местной тюрьмы товарищ Друян.

Приговоры. Одесса. Арестованные во время гектографирования прокламации по поводу самоубийства рабочего на фабрике Высоцкого в июне 1902 г. и выпущенные спустя шесть недель получили теперь поражающий приговор: Абрам Грабарский, фотограф, Яков Спивак, служащий в конторе, и Соня Гройсман, учительница,—3 года Восточной Сибири; Ф. Колтун, учитель, — 7 лет Вост. Сибири. По харьковским соц.-дем. делам с октября и декабря 1900 г. известны приговоры: врач Л. Файнберг, бывший студ. В. Марков, пом. пр. пов. Рогачевский — 3 г. гласного надзора, мать и дочь Николаевы — 2 года надзора, бывш студ. П. Шумов — 5 л. Вост. Сибири.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В одном из последних №№ Искры допущена ошибка, состоящая в следующем. Арестованным редактором Курской газеты назван ошибочно Богомазов, вместо действительно арестованного редактора Началова.

Поправка [12]. В 44 «Искры», в статье «Еще о социально-революционной стратегии», говоря о майской демонстрации в Тифлисе, мы цитировали корреспонденцию, приведенную в одном из предыдущих номеров нашей газеты. При этом, благодаря ненадлежащему размещению кавычек, наши собственные слова — «опоздавшей полиции осталось только вымещать свою злобу на тех, кто почему-либо во-время не успел разойтись» — оказались отнесенными к цитате. Просим читателей исправить этот корректорский недосмотр.

Матвею. Письма получили, дайте адрес для ответа.

Мирэ. Письмо не разобрано, просим правильнее шифровать.

Таблеру. Письмо получено, все будет улажено.

Получено: из Цюриха: за литературу 144,20 фр., по подписному листу на изд. брошюры об антисемитизме 44,20 фр., с реферата 25 фр., пожертвования и членские взносы 33 фр.; из Л.: от Феди 36 мар., от добровольцев 24 мар.; через Мюнхен от дурака 3 руб.; из Берна: за литературу 127 фр., по подп. листу на изд. брош. об антисем. 31 фр., от химички 5,30 фр., от предприятия 5,70 фр.; с вечеринки в Ю. Б. для Орг. Ком. 225 мар.; с Урала на «И» 10 руб.; из М-на 100 мар.; из Вены за литературу 15 гульд.; собрано по подп. листам для кавказских и одесских стачечников: в Берне 12,20 фр., в Биле 11,30 фр., в Шпице 70 фр., в Беатенберге 36 фр.; от Б. К. Ф. на литературу 22 фр.; от радикала из К... ни „сильно запоздало“ 10 руб.; от Г. С. Д. и F. J. H. 300 мар.; с реферата в Берне 22 фр.; из Москвы 78,50 фр.; из Нью-Иорка 55 доллар.; через «Лысого» получено «в новый год» 106 р.; из Кларана для киевских, одесских и кавказских стачечников 107 фр.

От Женевского отделения общ. помощи ссыльным и заключенным через организацию «Лиги революционной социал-демократии» переслано: в Саратов 10 руб.; в Вятскую губ. 10 руб.; в Енисейскую г. 10 р.; для Т. 10 р.; для Б. 40 фр.; в П. 40 фр.; для О. 10 р.; в Саратов для К. 20 р.; в Красноярск 5 р.; почтовые расходы 2,15 фр.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Струве, Булгаков и Бердяев — политические вожди и идеологи русской буржуазии, в своей эволюции отразившие этапы развития ее политической идеологии. В 90-х годах легальные марксисты. О Струве см. прим. 1-е к № 23 «Искры», о Булгакове — см. прим. 5-е к № 17 «Искры» и о Бердяеве см. прим. 24-е к № 33 «Искры».

Прим. 2. О Мережковском см. прим. 22-е к № 33 «Искры».

Прим. 3. Упоминаемое здесь письмо (Зальцбрунн 15 июля 1847 года) В. Г. Белинского было написано им Н. В. Гоголю по поводу опубликования последним «Избранных мест из переписки с друзьями». В «Переписке» Гоголь выступил апологетом самодержавия, крепостничества и православия. Письмо Белинского было страстной отповедью... «проповеднику кнута, апостолу невежества, поборнику обскурантизма и мракобесия...».

Насколько велико было политическое значение письма, видно из того, что за чтение и распространение его правительство присуждало к смертной казни или к каторжным работам. Впервые письмо было опубликовано Герценом в 1855 г. в № 1 «Полярной Звезды».

Прим. 4. Радищев, А. Н. (1749—1802) — один из образованнейших и передовых людей екатерининского времени, по своим политическим убеждениям революционный республиканец. В 1790 г. за произведение «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором открыто осудил крепостное право, присужден к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь. Из ссылки возвращен в 1796 г. и в 1801 г. назначен в комиссию по подготовке законов. Попав под угрозу новой ссылки за проект закона о немедленном уничтожении крепостного права, Р. покончил самоубийством в 1802 г.

Прим. 5. Лавелэ Эмиль Луи Виктор (1822—1892) — катедер-социалист. Бельгийский писатель, издавший много научных трудов по истории, литературе и различным общественным наукам. Особенно значительны его работы по экономике, в которых он отстаивал мелкое землевладение, крестьянскую общину и необходимость деятельного вмешательства правительства для улучшения быта рабочих.

Прим. 6. О народоправцах см. прим. 17-е к № 42 «Искры».

Прим. 7. О златоустовском деле см. «Искру» № 38, стр. 19, корреспонденция «С Урала», в № 39, стр. 12/38, корреспонденция «Из Златоуста», в № 50 корреспонденция «К делу о златоустовской бойне».

Об алапаевском деле см. «Искру» № 38, стр. 12 «Новое проявление царского правосудия».

Прим. 8. Берлинский конгресс заседал с 13 июня по 13 июля 1878 г. для пересмотра условий Сан-Стефанского договора, навязанного Россией побежденной Турции после войны 1877 г. По Сан-Стефанскому договору образовалась «Великая Болгария», получившая выход к Черному и Эгейскому морям и долженствовавшая фактически явиться верным вассалом России.

Это вызвало протест держав, в особенности Англии, и при содействии «честного маклера» Бисмарка был созван Берлинский конгресс с участием представителей всех заинтересованных держав. Конгресс выработал берлинский трактат, по которому Болгария, образовавшая по Сан-Стефанскому трактату одно сплошное государство, была разделена на 3 части, из которых только северная до Балкан стала самостоятельным княжеством; часть южная, не доходившая до моря, делалась лишь самоуправляющейся провинцией Турции, а Македония на некоторых условиях осталась в полном обладании Турции.

Прим. 9. Стамбулов Степан (1854 — 1894) — один из виднейших политических деятелей Болгарии, руководитель национально-либеральной партии со времени отречения князя Александра Баттенбергского 8 сентября 1886 г. до 1894 г., фактический диктатор Болгарии. Во внешней политике С. стремился к сближению с Тройственным Союзом, особенно с Австрией. Его стараниями князем Болгарии был избран Фердинанд Кобургский, тогда офицер австрийской армии. В 1894 г. отношения Фердинанда, желавшего восстановить связь с Россией, с руссофобом С. обострились настолько, что С. подал в отставку. 15 июля 1894 г. С. был убит на улице наемными убийцами.

Прим. 10. Народная или национальная партия Болгарии — буржуазная партия, руководимая И. Гешовым и неуклонно следовавшая во внешней политике указаниям русского царского правительства.

Прим. 11. Независимцы — независимая еврейская рабочая партия, организованная начальником Московского охранного отделения С. В. Зубатовым для противодействия влиянию Бунда. Надеясь на «легализацию» рабочего движения, «независимцы» оправдывали существование царизма, а некоторые (М. Вильбушевич) договаривались до зубатовской «дивной теории царизма». Благодаря их игре на национализме отсталых еврейских ремесленных рабочих и некотором организационном кризисе, который в этот период переживал Бунд, независимцам одно время удалось достичь известных успехов в Минске и Одессе. Всеобщая забастовка в Одессе в июле 1903 г., в которой приняли активное участие рабочие независимцы под руководством Шаевича, привела к ликвидации организаций. Правительство испугалось активного участия «независимцев» в одесской забастовке и ликвидировало не только одесское, но и все «независимое» и вообще зубатовское движение.

Прим. 12. В настоящем издании ошибка нами исправлена.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 46 15 АВГУСТА 1903 ГОДА № 46

«ВСЕОБЩИЕ» СТАЧКИ НА ЮГЕ.

После блестящих побед, одержанных германской социал-демократией во время последних выборов в рейхстаг, самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского Юга. Говоря так, мы не хотим, разумеется, сказать, что это последнее явление хотя бы приблизительно в такой же мере взволновало общественное мнение Европы, в какой это сделала немецкая выборная горячка. Вовсе нет! Мы знаем, что для европейского общественного мнения Россия до сих пор остается мало интересным «незнакомцем», и то, что происходит в ее пределах, редко находит себе правильную оценку со стороны Западной Европы. Но это бесспорное обстоятельство нимало не мешает крупным событиям, совершающимся в России, иметь свою об'ективную логику и свое историческое значение. И очень часто бывает так, что события русской жизни, едва замеченные и плохо оцененные за границей, подготовляют великие перемены в соотношении сил, оказывающих огромное влияние на ход общественного развития всей Европы. К числу таких событий несомненно принадлежат и недавние стачки на нашем Юге. Они имеют огромное политическое значение. Они представляют собою новый и чрезвычайно сильный удар русскому царизму. А так как русский царизм является, — по выражению Энгельса, — последним оплотом европейской реакции, то ясно, что мы нимало не грешим против истины, говоря, что указанные стачки, как бы мало внимания ни уделила им Западная Европа, по своему значению важны не только для нас, но и для всего европейского Запада. Участвовавшие в них сознательные, полусознательные и бессознательные рабочие, отстаивая насущные интересы своего класса, боролись в то же время за дело, имеющее общеевропейскую важность. Российский пролетариат становится теперь одной из прогрессивных сил цивилизованной Европы. Это честь, которой он, по всей справедливости, может гордиться и которая не выпадала у нас на долю ни «доблестному дворянству», ни «всероссийскому купечеству».

Огромное политическое значение южных стачек ясно понимают у нас все мало-мальски сознательные элементы населения. Орган либеральной буржуазии, «Освобождение»[1], видит в них «пароксизм той революционной лихорадки, которая стала хронической для России и против которой устав о предупреждении и пресечении преступлений, со всеми его приложениями, окончательно перестал действовать». И тот же орган проводит интересную параллель. «Правительство Николая II, — говорит он, — не хочет реформ: это значит, оно готовит революцию и дождется ее. С 17 января 1895 года[2] много воды утекло, и всего яснее эта перемена предстанет перед нами, если мы «бессмысленные мечтания» тверских земских дворян сравним по их содержанию, тону и обстановке с «бессмысленными мечтаниями» бакинских и одесских стачечников. Легкомысленно оттолкнув в 1895 г. свою ладью от берега реформ, Николай II отдался во власть течения, которое с растущей скоростью и, повидимому, бесповоротно несет его к... революции». Действительно, правительство царя-недоросля очень энергично готовит революцию, и действительно «бессмысленные мечтания» тверских дворян ни по своему содержанию, ни по тону, ни по обстановке не похожи на «бессмысленные мечтания» бакинских, одесских или екатеринославских рабочих. Но откуда это огромное различие? Об'ясняется ли оно легкомысленным упорством правительства, отказывающегося причалить к «берегу реформ», или причина его лежит глубже? Ведь «обстановка» наших пролетарских «мечтаний» во всяком случае создана не легкомысленным Николаем II и не его реакционным правительством. Она обусловливается всем складом наших общественных отношений и прежде всего общественным положением нашего пролетариата. Это положение очень мало похоже на положение «земских дворян», и нисколько неудивительно поэтому, что пролетарий «мечтает» не по-дворянски. Пролетариат — это тот общественный класс, который, по выражению, так хорошо известному современным социалистам, не может выпрямиться, не может шевельнуться без того, чтобы не затрещала вся возвышающаяся над ним огромная общественная надстройка. И вот русский пролетариат начинает шевелиться; он пытается разогнуть свою согнутую спину, и от этих первых в весьма значительной степени еще бессознательных движений юного богатыря немедленно затрещало по всем своим швам опирающееся на его широкую спину безобразное здание эксплоатации, бесправия, насилия и всяческой неправды. Движения «земских дворян» совсем не отличаются и никогда не отличались столь опасною угловатостью; от них никогда и ничто не трещало. Но именно потому царизм мог оставаться вполне спокойным за свою судьбу вплоть до той роковой для него поры, когда началось политическое пробуждение российского пролетариата.

Всякая данная политическая сила может уступить только другой политической силе, а наши «земские дворяне» такой силой никогда не бывали. Еще в 1889 году представитель русских социал-демократов на международном социалистическом конгрессе[3] в Париже высказал твердую уверенность в том, что революционное движение в России восторжествует как

движение рабочих, или совсем не восторжествует. Тогда эти его слова удивили даже многих социалистов. Теперь всякий видит, что рабочий класс является у нас самой значительной и единственной вполне надежной революционной силой. Потому-то движение этого класса и привлекает к себе благосклонное внимание даже таких людей, которые еще очень недавно весьма решительно отрицали самую возможность у нас такого движения. Потому-то с российским рабочим и спешат теперь «родными счесться» даже те, которые враждебно чужды ему, как теоретические представители эксплоататоров...

Правда, наши либеральные буржуа до сих пор плохо мирятся с мыслью о неизбежности революции и до сих пор охотно мечтают о том, как хорошо было бы высадиться, под предводительством Николая II, на «берег реформ». Но они сами все более и более проникаются той мыслью, что подобная высадка есть самое несбыточное изо всех их «бессмысленных мечтаний», и потому наиболее дальновидные из них с большим сладкоречием поговаривают теперь о рабочем движении. Они поняли, что революционное движение необходимо, и они поняли также, что революционное движение восторжествует у нас как движение рабочего класса, или совсем не восторжествует.

Как знать? Может-быть, скоро мы увидим молодых и, по-своему, самоотверженных буржуа, идущих «в народ» для привлечения рабочих на свою сторону. Социал-демократия не откажется поддержать таких людей, поскольку их пропаганда будет способствовать пробуждению политического сознания в менее развитых слоях пролетариата, — более развитые его слои не нуждаются в их пропаганде, — но она не перестанет в то же время разоблачать перед пролетариатом узость и недостаточность освободительных стремлений буржуазии всюду, где ни проявятся эта узость и эта ограниченность. Она не перестанет внушать рабочим, что если революционное движение может восторжествовать у нас лишь как движение пролетариата, то движение пролетариата достигнет наибольшей силы и плодотворности лишь как движение, идущее под красным знаменем всемирной социал-демократии.

Однако, пока что, а наша либеральная буржуазия не только сама не идет «в народ», но не умеет поддержать даже и тех народных движений, которые возникают без ее участия. За примером ходить недалеко. Те самые стачки в Баку, Батуме, Киеве, Николаеве, Одессе, Тифлисе, к которым, — по словам «Освобождения», — приковано было внимание всей мыслящей и чувствующей России, не ознаменовались ни одним актом серьезной помощи рабочим со стороны либеральных элементов «общества». Само «Освобождение» сознается, — устами своего одесского корреспондента, — что сборы денег в пользу стачечников «дают пока немного». Корреспондент об'ясняет это тем, что сборы предприняты были слишком поздно, «когда стачка уже кончалась и оставалось только помогать потерпевшим семействам». Он прибавляет, что «отчасти это можно об'яснить и недостатком путей в разные общественные сферы: ведь собирают не открыто». Но оба эти об'яснения совершенно неудовлетворительны. Во-первых, дело помощи потерпевшим семействам рабочих такое серьезное дело, что из-за него стоило-бы открыть либеральный кошелек. А, во-вторых, указывая на недостаток путей «в разные общественные сферы», корреспондент, очевидно, хочет сказать, что собиравшие деньги социалисты не умели проникнуть в эти «сферы». Но почему же оставались неподвижными сами «сферы»? Неужели они не могли найти «путей» к стачечникам? Ведь движение этих последних происходило совершенно «открыто». Нет, в том-то и дело, что наши либералы, готовые пугнуть правительство и ободрить самих себя быстро растущим рабочим движением, не умеют и не хотят оказать этому движению ту поддержку, которую они могли бы оказать, если бы отличались большею политической смышленностью. Не мешает запомнить это как один из уроков недавних стачек.

Но оставим либеральную буржуазию дворянского и недворянского происхождения. Обратимся к рабочим. Чрезвычайно замечательно, что во время последних стачек рабочие многих фабрик часто восставали не потому, что сами хотели добиться каких-нибудь уступок от своих предпринимателей, а единственно потому, что считали себя обязанными поддержать товарищей, забастовавших на других фабриках. Это признают даже легальные газеты. Г. Духовецкий в «Приднепровском Крае» пишет, что в Екатеринославе «на Брянском заводе расценка работ прежняя, докризисная, ныне уже пониженная на всех остальных заводах, и материальное положение рабочих там лучше, чем где-либо, а между тем там работы тоже приостановлены». Когда попадалась такая фабрика, рабочие которой отказывались пристать к стачке на том основании, что им и без того недурно живется, стачечники говорили им: «Ну, вам ничего не надо, так вы других поддержите». Это показывает, что движение в значительной степени имело характер тех стачек, которые в некоторых странах Запада носят название стачек по симпатии. И этот их характер свидетельствует о том, что даже в мало развитой части нашего пролетариата пробуждается классовое самосознание. Отдельные рабочие начинают чувствовать себя частями великого целого, с которым они связаны самыми насущными своими интересами и по отношению к которому на них лежат известные нравственные обязанности. И это чувство наполняет их сердца тем гордым, живительным и радостным сознанием своей силы, которое приятно поразило даже корреспондентов буржуазных газет. «Был момент, когда весь город находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и беспрепятственно дефилировавшей по городским улицам, увлекая своим потоком всех собратьев, не успевших еще до того выйти из своих мастерских и фабрик, — пишет одесский корреспондент «Освобождения». — Братские приветствия, возгласы, полные бодрости и восторга, вольные песни, жизнерадостный смех и шутки носились над тысячными толпами, следовавшими через весь город с утра до вечера. Настроение было самое приподнятое, хотелось верить, что водворяется новая, лучшая жизнь на земле. Внушительная и в то же время идиллически трогательная картина».

Идиллии подобного рода, разумеется, не долговечны в нашем полицейском государстве. Они исчезают, как дым, при столкновении с охранителями порядка. Но интересно, что и в этих столкновениях рабочая масса

проявила очень много такта, выдержки и мужества. «Встречая офицеров и солдат, — продолжает тот же корреспондент, — осторожно и пассивно следовавших в стороне, рабочие заговаривали с ними на самые откровенные политические темы и — это интересно отметить — не получали от них никакой резкой отповеди, а большей частью или легкие возражения или расспросы о целях движения в благодушно-недоумевающем тоне». С другой стороны, будучи атакована, масса умела постоять за себя, отбиваясь камнями, кольями, а иногда и огнестрельным оружием. Кровь лилась с обеих сторон, и эти кровавые столкновения, конечно, еще более усилили в рабочих чувство недовольства, а вместе с тем они дают российской социал-демократии ясное указание относительно того, каковы должны быть отныне наши демонстрации. После колоссального движения нынешнего лета демонстративные прогулки кучек, хотя бы и в несколько сот человек, немедленно разгоняемых полицией, могут быть уместны только в отсталых уголках нашего отечества; там же, где движение приняло большие размеры, наши демонстрации должны стать массовыми движениями, подобными последним стачкам. Но именно потому, что демонстрации должны сделаться там движениями массы, их, по крайней мере в течение некоторого времени, — нельзя будет приурочивать к какому-нибудь заранее определенному сроку: тут все зависит от обстоятельств, которых нельзя усчитать заранее. Заранее можно сказать только одно: наше соц.-демократическое движение будет все более становиться широким массовым движением. Обстоятельства как нельзя более благоприятны для этого, и наши товарищи, без сомнения, сумеют ими воспользоваться.

Кроме того, теперь, когда рабочая масса показала, что она не хочет безропотно сносить полицейские побои, нам в наших демонстрациях нетрудно будет давать вооруженный отпор разбойникам «порядка». Организация такого отпора, на необходимость которого «Искра» указывала уже полтора года тому назад, стала поистине практическим вопросом дня.

Наконец, последним, и, может-быть, самым важным уроком летних стачек, является тот вывод, — основанный, к сожалению, на самых неоспоримых фактах, — что наша рабочая масса, зреющая буквально не по дням, а по часам, все-таки еще не вся готова к сознательному политическому действию.

Если бы уже вся она созрела для него, то невозможной стала бы та травля «политиканов», т. е. политических агитаторов, которой местами не без успеха занимались «независимые»[4]. А так как революция может быть сделана только массой, то выходит, что переживаемый нами «канун революции» имеет шансы протянуться дольше, чем это думают некоторые слишком радужно настроенные или слишком легкомысленные оптимисты. И, чтобы помочь этому горю, нет другого средства, помимо того, которое мы так часто рекомендовали, не менее часто вызывая остроумные насмешки некоторых остроумных людей: агитация и организация; организация и агитация, и еще агитация, и еще организация! Как неудовлетворительна до сих пор организация наших сил, это видно из того факта, который нам надо иметь мужество признать громко и открыто, — что руководство «всеобщими стачками» принадлежало нашим комитетам далеко не в той степени, в какой это желательно и необходимо. Что же касается до агитации, то всякий видит, что поводы для нее встречаются теперь на каждом шагу и что каждое усилие сколько-нибудь толкового агитатора обещает немедленно принести самые роскошные плоды.

В прежнее время, когда наше революционное движение было движением небольшого слоя разночинцев и когда все его силы исчерпывались небольшими партизанскими отрядами, гибель каждого отдельного борца обыкновенно зажигала в сердцах его немногочисленных товарищей жажду мести. Теперь, когда в движение вошли широкие слои пролетариата, гибнут уже не отдельные лица; теперь кровь льется ручьями, и теперь жажда мести горит в тысячах и тысячах рабочих сердец. Но сообразно с ростом нашего движения растет и цель, которую ставят себе мстители. Гибель отдельных представителей власти не имеет для них значения. Их жажда мести может быть удовлетворена только крушением всей, так позорно давящей нашу страну, политической системы. А к этой цели ведет только один путь: политическое воспитание рабочей массы. Над этим воспитанием и трудится российская социал-демократия. Это — свойственный ей род терроризма, и этот терроризм несравненно страшнее и опаснее для правительства, чем терроризм «первой манеры».

[Г. Плеханов]

ЭРА РЕФОРМ.

Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России. Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и несмотря на это — вернее, именно в силу этого, — постоянные непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений. Пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно как настоящий, как главный, как единственно-непримиримый враг нашего полицейского самодержавия. А с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и итти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру. Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществленню программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных.

Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции. К числу их, несомненно, принадлежат последние, частью осуществленные, частью только намеченные мероприятия царского правительства: проект закона об обществах взаимопомощи рабочих (проект, неопубликованный правительством и известный лишь из сообщений либерально-буржуазного «Освобождения») и законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий[5], и о фабричных старостах. Мы намерены теперь подробнее остановиться на этом последнем законе.

Суть нового закона состоит в том, что рабочие при известных условиях могут получить право представительства в их сношениях с предпринимателями, право некоторой зачаточной организации. Обставлены эти права невероятным количеством полицейских разрешений, ограничений и стеснений. В самом деле, прежде всего следует принять во внимание, что по новому закону право представительства рабочих обусловлено согласием и инициативой заводоуправлений и разрешением присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Право представительства могут давать рабочим хозяева заводов, но они нисколько не обязываются к этому законом, причем фабричное присутствие может не допустить представительства даже при ходатайстве о нем со стороны фабриканта, может не допустить по каким-угодно соображениям и хотя бы без всяких соображений. Таким образом, с самого начала представительство рабочих отдано целиком и безусловно, безапелляционно на усмотрение хозяев и полиции. Когда хозяевам и полиции сие покажется удобным и желательным, они могут устраивать (на весьма узких началах) рабочее представительство — такова суть реформы. О представительстве на казенных заводах, в скобках будь сказано, закон не говорит ни слова: на частных заводах представители рабочих могут оказаться в руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно! Полиция в этой области реформ не требует, — значит, реформа тут и не надобна.

Далее. Самому представительству рабочих придана безобразно-искаженная форма. Рабочие раз'единяются, раздробляются на разряды; правила о том, как именно делить рабочих на разряды, утверждаются губернатором, как и все вообще правила, относящиеся к организации представительства по новому закону. Фабриканты и полиция могут составлять и, разумеется, будут составлять разряды таким образом, чтобы всячески затруднять солидарность и соединение рабочих, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессиями, между цехами, но и между рабочими разных наций, разных полов, разных возрастов, разных степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочих, может быть, и бывает полезно для рабочих исключительно тем, что рабочие соединяются в одну массу, ибо единственный источник силы у забитых, угнетенных, задавленных работой наемных рабов нашей цивилизации — это их соединение, их организованность, их солидарность. Царское самодержавие хочет дать рабочим такое представительство и на таких условиях, чтобы всячески раз'единить и этим обессилить рабочих.

Полицейски составленные разряды должны будут выбирать на основании подробных полицейских правил кандидатов в старосты, при том стольких кандидатов, скольких велит выбирать полиция. Утверждать одного из кандидатов, по своему усмотрению, будет управление завода, а губернатор всегда имеет право устранить от должности старосту, «не удовлетворяющего, — как сказано в законе, — своему назначению».

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! «Назначение» старост состоит, очевидно, в том, чтобы быть полезным полиции, быть угодным ей; закон об этом

ДЕЛО О ТИПОГРАФИИ «ИСКРЫ».

В № 43 мы поместили краткую заметку об этом деле; печатаем теперь полностью полученный нами обвинит. акт.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о рядовом из мещан Леоне Исаакове Гольдмане (он же Ицка Борухов Риман), 26 лет, и мещанах Мере Лейбовой Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), 25 лет, Хине Нусиновой Корсунской, 23 лет, Герше Беркове Элькине, 28 лет, Мане Мордуховой Школьник, 23 лет, и Ароне Абрамове Шпайзман, 25 лет, содержащихся под стражей.

В ночь на 9 февраля 1902 г. в г. Кишиневе, в виду ожидавшихся беспорядков политического характера, был произведен ряд обысков у лиц, заподозренных в подготовительной к этим беспорядкам деятельности и в знакомстве с неблагонадежными лицами. По этим обыскам обнаружено следующее: 1) в квартире чернорабочего винных складов, местного мещанина Герша Хаимова Брантмана, в комнате его квартирантки, модистки, мещанки м. Сморгони Виленской губ., Мани Школьник найдены завернутый в бумагу типографский шрифт, весом около 29 золотников, и употребляющиеся при книгопечатании типографские принадлежности — 4 марзана, 10 реглеток и 4 шпации, весом 3 фунта 24 золотника. Вместе с тем найдено письмо на еврейском языке, — повидимому, ответ на письмо Мани Школьник. Кроме Мани Школьник, в той же комнате спал ее знакомый маляр местный мещанин Арон Шпайзман. В кармане его пальто обнаружен деревянный валик, с гнездами на концах, употребляемый для отливки валиков, необходимых при книгопечатании. Затем в принадлежащем к квартире Брантмана коровнике, в яслях, оказался сверток бумаг со вложенными в них следующими типографскими принадлежностями: двумя кусками типографской массы, употребляемой для отливки валиков, необходимых для типографских станков, и жестяной формой для отливки означенных валиков, по величине соответствующей деревянному валику, найденному в кармане Шпайзмана. В свертке же бумаг оказались следующие гектографированные нелегальные издания: 1) брошюра «Господа Обмановы» и газеты «Россия», Одесса 1902 г., 2) воззвание, начинающееся словами: «Итак, мы, умеренные либералы» за подписью «Группа студентов», с датой «1901 г. ноября 23», и 3) такое же воззвание, начинающееся словами: «Товарищи, снятие забастовки 16 января 1902 г.», с датой «25 янв. 1902 г.» и с оттиском печати «О. К. Ст.». По поводу обнаруженного Брантман об'яснил, что ни один из найденных предметов ему не принадлежит. Школьник же и Шпайзман признали, что письмо на еврейском языке принадлежит Школьник, а все остальное — издания и типографские принадлежности — им обоим, и что все эти предметы переданы им для сохранения лицом, которого они знают только под именем «Викдорчика», но место нахождения последнего им неизвестно; Школьник отказалась также назвать автора указанного письма.

2) 12 марта унтер-офицер Бессарабского жанд. управления Твердохлебов, узнав, что на вокзале находится разыскиваемый департаментом полиции виленский мещ. Леон Исааков Гольдман, проживавший в Кишиневе под именем

ничего не говорит, ибо о таких условиях не говорят: их подстраивают. Подстроить это более чем просто, раз глава местной полиции, губернатор, получает бесконтрольное право смещать неугодного старосту. Еще раз: не вернее ли было бы назвать такого фабричного старосту фабричным дворником? Полиция может назначать выборы очень большого числа кандидатов, из которых только один утверждается; наприм., выбирать повелено будет десять или пять кандидатов каждому разряду, скажем, во 100 или 50 человек. Нельзя ли будет иногда этот список избранных кандидатов превратить в список подлежащих особому надзору, а то даже и подлежащих заарестованию лиц? Прежде такие списки составляли только шпионы, а теперь, может быть, их будут составлять иногда и сами рабочие? Опасного же или даже неудобного для полиции в списке кандидатов ничего нет, ибо утверждать будут всегда худшего или никого не утверждать, а требовать новых выборов.

В своем стремлении сделать фабричных старост удовлетворяющими полицейскому «назначению» новый закон (как и большинство русских законов) даже переусердствовал. Кандидаты должны быть не моложе 25 лет. Первоначальный законопроект предполагал предельный возраст — 21 г., высшие правительственные сферы сочли более осторожным и государственно-мудрым повысить его еще на четыре года, чтобы заранее устранить «наиболее беспокойный элемент фабричного населения», каковым, «по данным департамента полиции, являются лица в возрасте от 17 до 20 лет» (из об'яснительных мотивов министерства финансов, напечатанных в «Вестнике Финансов» с сокращениями, а в «Освобождении» без сокращений). Мало того. Заводоуправление и полиция могут в каждом отдельном случае, т. е. для каждого отдельного заведения, требовать установления, во-первых, более высокого предельного возраста и, во-вторых, продолжительности службы рабочего в предприятии. Возможно, например, что потребуют возраста не менее 40 лет и не менее 15 лет службы на заводе для того, чтобы иметь право быть выбранным в кандидаты на пост старосты! Об одном, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшие интересы полиции: охотно ли пойдут рабочие при таких условиях на этот «пост» старосты? Ведь староста почти так же отдан на произвол полиции, как какой-нибудь деревенский десятник. Ведь староста может быть превращен в простого рассыльного, передающего рабочим распоряжения и раз'яснения фабричного начальства. Ведь от старосты будут требовать, несомненно, чисто-шпионских услуг и отчетов о тех собраниях разрядов, которые старостами собираются и за порядком в которых старосты наблюдают. А между тем закон, предусматривающий правила об освобождении старост от работы для исполнения их обязанностей, скромно умалчивает о том, будут ли старосты получать вознаграждение и от кого. Неужели составители закона думают, что освобожденные от работы старосты не потребуют себе платы от завода за это «свободное» время? Уж не станут ли они, по воле заводчиков и губернаторов, служить в старостах ради одних только прекрасных глаз этих верных друзей рабочего народа?

Стремление превратить старост в фабричных дворников особенно видно также из пункта третьего нового закона: старосты признаются уполномоченными разрядов для заявлений только по делам, касающимся исполнения условий найма. Об изменении условий найма старосты не имеют даже права и заговаривать! Хороши «уполномоченные» рабочих, нечего сказать! И как нелепо это постановление даже с точки зрения самих составителей закона, которые хотели облегчить «выяснение истинных желаний и нужд рабочих» «в особенности в то время, когда уже возникли неудо-

---

богуславского мещанина Ицки Борухова Римана, задержал его, причем последний назвался Риманом. При производстве в тот же день обыска в квартире задержанного Гольдмана, назвавшегося Риманом, там оказались проживавшие вместе с ним и женой его Мерой Лейбовой, урожденной Гинзбург, не имевшие определенных занятий мещанин гор. Гадяча, Полтавской губ., Герш Берков Элькин и новомосковская мещанка Екатерин. губ., Хана Нусимова Корсунская. В момент прихода полиции Мера Риман (она же Гольдман), Элькин и Корсунская печатали на книгопечатном станке обложки для брошюры «Легальные союзы». При обыске в квартире были найдены: 1) типографский станок с ручным приводом, вместе с принадлежностями для набора и печатания, всего весом 2 пуда 9 фунтов, 2) 4 пуда 32 фунта типографского шрифта, 3) три стола, из коих два с секретными типографскими кассами, 4) ручной кожаный чемоданчик, приспособленный к переносу типографского шрифта, 5) железная линейка, 6) три ножа: а) финский, б) для обрезки бумаг и в) переплетный нож, 7) два деревянн. клише: одно для напеч. заголовка газ. «Искра», а другое срезанное и испорченное, но по сохранившимся на нем следам букв можно прочесть слово «Вперед», 8) машинка чугунная для брошюровки проволокой (американский переплетчик), 9) две картонных коробки, в которых оказалось несколько сотен обыкновенных булавок, 10) два ключа к винтам и гайкам типографского станка, 11) 5 жестяных коробок с типографской краской, 12) деревянный ящик для упаковки типографского станка, 13) медный цилиндр с типографской массой для валиков и т. д. В типографском станке оказался приготовленный к работе набор, при оттиске которого отпечаталось следующее: на правой половине листа «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия», «Легальные союзы и русское рабочее движение», издание «Искры», марта 1902 г. Типография «Искры»; вокруг этой надписи виньетка. На левой половине «Цена 10 коп.». В общем оттиск набора дал обложку для брошюры «Легальные союзы». Затем оказался другой набор шрифта, также, видимо, приготовленный к печатанию: «Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия». «Что же дальше», Г. Плеханова (оттиск из второй книжки «Зари»), издание «Искры». Типогр. «Искры». Сентябрь 1901 г.». Кроме того, в квартире Риманов (Гольдман) найдены разные нелегальные сочинения и переписка, а именно: воззвания «Ко всем русским рабочим», по поводу наступающего первого мая. «Ко всем харьковским рабочим», по поводу необходимости ознаменовать демонстрацией день 19 февраля, листок из «Искры», озаглавленный «Начало демонстрации», № 8 газеты «Искры», № 10 «Искры», брошюра «Что же дальше», издание и типография «Искры», брошюра «В защиту иваново-вознесенских рабочих», приложение к № 9 «Искры», 19 экз. брошюры «Легальные союзы и русское рабочее движение», 683 экз. брошюры «Борьба с голодающими», типогр. «Искры», 269 экз. воззваний от «Харьковского Комитета Российской Социал-Дем. Раб. Партии» «К обществу», приглашающих всех русских граждан к борьбе с царским самодержавием. 1.504 экз. разноцветных обложек для брошюры «Легальные союзы и русское рабочее движение», типография «Искры», ц. 10 к., 4 пуда 32 фунта несброшюрованных листов этой брошюры и 3.497 разноцветных чистых полулистов для обложек к брошюрам. В найденной записной книжке из 38 лист. 18 оказались заполнен-

вольствия и волнения». В девяти случаях из десяти волнения вытекают именно из требований изменить условия найма, и отстранить старост от участия в этом деле значит свести их роль почти на нет. Составители закона запутались в одном из бесчисленных противоречий самодержавия, потому что дать право рабочим уполномоченным (настоящим, а не с полицейского разрешения уполномоченным) требовать изменения условий найма значило бы дать свободу слова и неприкосновенность личности.

Вообще не может быть и речи о том, чтобы признать фабричных старост настоящими рабочими уполномоченными. Уполномоченный должен быть выбран только рабочими, без всякого утверждения полицией. Уполномоченный должен быть смещен тотчас, как только выбравшие его рабочие вотировали ему недоверие. Уполномоченный должен являться для отчета на собрания рабочих по всякому их требованию. А по нашему закону только старосте предоставляется собирать рабочих избравшего его разряда и притом на месте и во время по указанию управления предприятия. Значит, староста может и не собирать, а управление может не давать ни места, ни времени. Целесообразнее было бы, пожалуй, вовсе не заговаривать о рабочем представительстве, чем дразнить рабочих таким представительством в приглядку.

Рабочие собрания внушают такой страх (и законный страх) самодержавию, что собрания разных разрядов вместе оно безусловно запрещает. «Для обсуждения дел, относящихся к нескольким разрядам, — постановляет новый закон, — собираются исключительно старосты этих разрядов». Для капиталистов и для защищающего их полицейского правительства это было бы, в самом деле, очень выгодно: составить маленькие по числу членов разряды из мастеров, служащих и высоко-оплачиваемых рабочих, составить большие по числу участников разряды чернорабочих и простых рабочих — и допустить собрания только старост разных разрядов. Но подобный расчет составлен без хозяина: хозяином своей судьбы является сознательный пролетариат, который с презрением отбросит прочь эти жалкие полицейские клетушки, в которые его хотят рассадить. Рабочие будут собираться вместе для обсуждения своих дел и устраивать тайные собрания своих настоящих соц.-демократических старост, несмотря ни на какие запрещения.

Но если эта жалкая реформа до такой степени заражает полицейски-шпионским духом зачатки рабочего представительства, то не следует ли сознательным рабочим совершенно отстраняться от всякого участия в выборах фабричных старост или в собраниях «разрядов»? Мы думаем, что не следует. Отстраняться от активного участия в современной политической действительности, как бы гнусна она ни была, — тактика анархистов, а не социал-демократов. Мы сумеем, мы должны суметь развить широкую рабочую борьбу против каждой гнусной кляузы нового закона, против каждой шпионской проделки посредством нового закона — и эта борьба будет будить самых отсталых рабочих, будет развивать политическое сознание всех участников российского рабочего полицейско-жандармски-шпионского «представительства». Зубатовские собрания еще гораздо больше, гораздо прямее развращали рабочих, чем будут развращать их угодничающие перед властью старосты, и однако мы посылали на эти собрания сознательных рабочих, которые учились сами и учили других, и однако вся эта зубатовская эпопея кончилась жалким крахом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия: одесские события не оставили и тени сомнения на этот счет.

Самодержавие начинает заговаривать о рабочих собраниях. Воспользуемся этим для самой широкой пропаганды и агитации социал-демократических требований

ными записями ежедневных расходов, разбитыми на два периода с 1 марта по 30 декабря и с 1 января по 11 марта, без обозначения года; в книжке этой имеется, между прочим, такая запись: к отчету расхода 452 р. 9 коп.; в отделе о приходе значится, что к 1 января осталось от прошлого года 16 руб. 77 коп. и занесены поступления: «Заря», осталось от поездки 45 руб., за литературу 10, за литературу 21, общая же сумма прихода за январь и февраль месяцы определена в 1.285 руб. 15 к., а расход с 1 апреля по 18 июля выведен в сумме 320 руб. 64 коп. и т. д. Наконец, к дознанию приобщены найденные в квартире Гольдмана рукописи: «Обуховская оборона», по поводу беспорядков на Обуховском заводе и «Рабочее движение на Кавказе» из «Тифлисского движения 1900 и 1901 г.г», а также шифрованная записка. По осмотру чрез экспертов описанного станка и относящихся к нему типографских принадлежностей оказалось, что 1) станок этот с ручным приводом, лежачий, не фабричной работы, сделан по заграничной модели и вполне годен для работы; 2) на станке можно печатать листы размером 31 × 21 сант.; 3) найденный шрифт достаточен для надобностей такой работы, причем им можно печатать на русском языке, еврейского же шрифта вовсе не имеется; 4) из выше перечисленных изданий напечатаны на означенном станке следующие: воззвание «К харьковским рабочим», «К обществу» и «Начало демонстрации», а также № 10 «Искры», брошюры «Что же дальше», «Легальные союзы», «Борьба с голодающими» и «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе»; 5) типографская масса была заготовлена для отливки валиков, причем оказался новый валик, очевидно только что вылитый из этой массы, и 6) шрифты и украшения, смотря по разнообразию и смеси их, приобретались по частям из разных типографий.

Найденное у Мани Школьник письмо, будучи переведено с еврейского на русский язык, оказалось письмом без подписи от 30 января 1902 г. близкого для Школьник человека, так как начинается обращением: «Мой лучший верный друг, товарищ Маня» и содержит в себе горячий призыв выполнить задуманное ею, повидимому, политическое убийство. Так автор, вспоминая о покушении на жизнь императора Александра II и последовавшей затем казни Соловьева, говорит: «Маня, такого героя напоминаешь ты мне — Перовскую, и возможно, что скоро мы будем читать во всех газетах, что такая-то девица застрелила его... и я буду сидеть и смотреть на твою карточку». Автор письма выражает удивление по поводу ее преданности «столь возвышенной идее», которую он называет «нашей». Далее он говорит: «Я сижу, и мне представляется, что ты держишь револьвер и стреляешь и в одну минуту ты схвачена и снова у них, у таких тиранов, но совсем не надо бояться, и тогда подойдут слова к Софии Перовской: «была женщина, редко женщины бывают такие отличные, такие нежные, воодушевленные и чудно красивые... Она была призвана для постройки храма свободы и своею кровью она окрасила камень...» «Маня, меня не пугает никакая смерть... лишь была бы польза... чтобы оставалось в каждом, в ком еще не потухла искра свободы; чтобы не имела характера личной мести, а за мрак... Маня, я теперь вижу тебя красным революционером, таким чистым, честным, как блестит этот камень...» Заканчивается это письмо двумя приписками. В первой автор пишет: «благодарю Арона за его заметку; я измучен от ночи и не могу ему особо писать; как будет

полной свободы собраний и сходок. Самодержавие начинает заговаривать о выборах; воспользуемся этим для ознакомления рабочих масс со значением выборов, со всеми системами выборов, со всеми уловками полиции при выборах. И пусть это ознакомление будет не только по книжкам и по беседам, а и ознакомлением на практике: на примере российских, полицейски обставленных выборов, участвуя в этих выборах *, сознательные рабочие будут готовить более и более широкие массы к ведению выборной агитации, к ведению собраний, к отстаиванию своих требований и перед собраниями и перед старостами, к организации постоянного надзора за деятельностью старост. Самодержавие заговаривает о рабочем представительстве; воспользуемся этим для распространения правильных идей о настоящем представительстве. Представителем рабочих может быть только свободный рабочий союз, охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике, не может удовлетворить рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах. Вожди социал-демократической рабочей партии, напр. в Германии, не раз восставали против фабричного представительства. И это понятно, ибо гнет капитала слишком силен, и право увольнять рабочих — это священное право капиталистического свободного договора — всегда будет обессиливать представительство рабочих на каждой отдельной фабрике. Только рабочий союз, соединяющий рабочих многих фабрик и многих местностей, устраняет зависимость представителей рабочих от отдельного фабриканта. Только рабочий союз обеспечивает все те средства к борьбе, какие только вообще возможны в капиталистическом обществе. А свободные рабочие союзы мыслимы только при политической свободе, при условии неприкосновенности личности, свободы сходок и собраний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется попрежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение. В этой тюрьме правительство прорезывает теперь крошечное отверстие вместо окна, устраивая притом это отверстие так, чтобы оно принесло больше пользы жандармам и шпионам, которые стерегут заключенного, чем самому заключенному. И такую-то реформу палачи русского народа хотят выдать за благодеяние царского правительства! Но русский рабочий класс при помощи этого отверстия вдохнет в себя новые силы к борьбе, он сравняет с землей все стены проклятой всероссийской тюрьмы и завоюет себе свободное классовое представительство в буржуазном демократическом государстве.

[Н. Ленин]

* Конечно, организованных рабочих не следует ни в каком случае выбирать в старосты; кандидатами надо выставлять подходящих людей из неорганизованной массы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО БУНДОВСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА.

Заграничный Комитет Бунда только-что выпустил листок с отчетом о пятом[6] с'езде Бунда. С'езд имел место в июне (ст. ст.). Из его решений главное место занимает «проект устава» о положении Бунда в партии *. Проект чрезвычайно поучителен и, с точки зрения определенности и «решительности» содержания, не оставляет

* См. отдел «Из партии».

с моей газетой, ведь ты обещала прислать адрес... и непременно послать мой адрес в Курск». Во второй же приписке значится: «Пиши, верно ли насчет Жени; не верится, но все может быть... Павел теперь в Москве и идет на 4 года в Сибирь, его жена едет за ним; пошли интересную посылку». Далее к делу приложено открытое письмо на еврейском языке от 14 марта 1902 г., приготовленное Маней Школьник для секретной отсылки из тюрьмы и задержанное тюремным надзирателем. Это письмо адресовано в г. Луков, Седлецкой губ., второй артиллерийский полк, канониру Давиду Ройтерштерну и начинается словами: «Любезный брат, мое положение тебе известно». В нем говорится: «Ты можешь пойти на квартиру, куда я тебе пошлю эту посылку, то ты все узнаешь». Заканчивается письмо фразой: «Ожидаю с нетерпением. Твоя любящая сестра Маня». Это письмо, как установлено произведенной экспертизой сличения почерков, написано Маней Школьник. В виду этого 18 марта 1902 года был произведен в г. Глухове обыск у канонира 2-го летучего артиллерийского полка из мещан г. Аккермана Давида Аронова Ройтерштерна, и у него были найдены четыре письма от Мани Школьник и одно письмо от Арона Шпайзмана, а также рукописи преступного и тенденциозного содержания. Между фотографиями оказалась карточка Мани Школьник. По переводе с еврейского на русский язык в письмах Школьник обнаружены следующие, заслуживающие внимания места: а) в письме от 1 января 1902 г., начинающемся словами «лучший друг Давид», Маня Школьник пишет: «Наша литература едва в состоянии выразить то, что произошло в прошлом году, а именно: этот год дал нам то, чего мы давно ожидали... В последнее время во всех городах началась чистая политическая революционная борьба... Мы стали гораздо ближе к нашей цели...» Далее она говорит, что в Одессе образовалась группа социалистов-революционеров, деятельность которых выражается в издании хорошо составленных прокламаций, и что она, Школьник, тоже в настоящее время принадлежит к этой группе; она начала работать в Одессе, но, опасаясь измены одного из агитаторов, уехала оттуда, но она об этом не жалеет, «так как в нашей подпольной работе, — говорится в письме, — много разного рода работ, так как я не могла входить в массу, то приняла на себя другие работы; хотя такая работа для меня скучна, однако я должна мучиться, так как на мое место нет еще другого... Мы думаем в этом месяце выпустить рабочую газету, но меня смущает одна мысль, удастся ли это: следят за каждым шагом, а потому не знаю, выкрутимся ли мы и останемся ли на свободе... Я хочу тебе послать кое-что, но так как я не знаю, получил ли ты мою последнюю посылку... Пиши, могу ли я послать тебе то, что хочу...» В письме от 16 января она говорит, что она находится в Одессе, но скоро выезжает в Кишинев, что в Одессе арестованы ее подруги по революционной работе и что она вышлет ему «газету». В письме от 27 января Маня Школьник сообщает, что пробыла в Одессе десять дней и что она уже около трех месяцев «переменила свое ремесло, став наборщицей»; хотя работа эта ей кажется скучной, тем не менее она не считает себя в праве от нее отказаться, так как ее некем заменить. «Если бы я отказалась, — пишет она, — то мой брат не сможет дальше вести типографию»; мечтая о более активной деятельности, она говорит: «я не хочу пасть жертвой, пока не увижу крови на-

желать ничего лучшего. Собственно говоря, первый параграф проекта настолько уже ярок, что остальные являются либо простым пояснением, либо даже совершенно ненужным балластом. «Бунд есть,—гласит § 1,— федеративная (курсив наш) часть Росс. Соц.-Дем. Раб. Пар.». Федерация предполагает договор между отдельными, совершенно самостоятельными, целыми, которые определяют свои взаимные отношения не иначе как по обоюдному добровольному согласию. Неудивительно поэтому, что «проект устава» говорит неоднократно о «договаривающихся сторонах» (§§ 3, 8, 12). Неудивительно, что с'езду партии, на основании этого проекта, не дается права изменять, дополнять или отменять устава, касающегося части партии. Неудивительно, что Бунд выговаривает себе «представительство» в Центральном Комитете Партии и разрешает этому Центр. Ком. Партии обращаться к еврейскому пролетариату и сноситься с отдельными частями Бунда «лишь с согласия Центр. Ком. Бунда». Все это логически неизбежно вытекает из понятия «федерация», из понятия «договаривающиеся стороны», и если бы пятый с'езд Бунда просто постановил, что Бунд образует самостоятельную социал-демократическую национальную (или, может быть, националистически-социал-демократическую?) партию, то он сберег бы себе (и другим) много времени, много трудов и много бумаги. С одной стороны, было бы сразу и без всяких околичностей ясно, что самостоятельная, отдельная партия может определять свои отношения к другим партиям только как «договаривающаяся сторона» и только на началах «взаимного согласия». Незачем было бы перечислять все отдельные случаи, когда такое согласие требуется (да и невозможно, по самой сути дела, перечислить все такие случаи, а давать не полный перечень, как дает Бунд, значит открывать дверь массе недоразумений). Незачем было бы насиловать логику и совесть, называя договор двух самостоятельных единиц уставом о положении одной части партии. Это благовидное и благоприличное наименование («устав о положении Бунда в партии») тем более лживо по своему существу, что вся партия фактически еще не восстановила своего полного организационного единства, и Бунд выступает как сплотившаяся уже часть, которая хочет использовать недочеты общей организации для того, чтобы отодвинуться еще дальше от целого, для того, чтобы попытаться навсегда раздробить это целое на мелкие части.

С другой стороны, прямая постановка вопроса избавила бы составителей пресловутого проекта устава от обязанности писать пункты, предусматривающие права, которые имеет всякая организованная часть партии, всякая районная организация, всякий комитет, всякая группа, напр. право разрешать, руководствуясь программой партии, такие общие вопросы, по которым партийными с'ездами не вынесено резолюций. Писать уставы с подобными пунктами просто смешно.

Перейдем теперь к оценке по существу той позиции, которую занял Бунд. Вставши раз на наклонную плоскость национализма, Бунд естественно и неизбежно должен был (если он не хотел отказаться от своей основной ошибки) прийти к образованию особой еврейской партии. Именно к этому и подходит вплотную § 2 устава, дарующий Бунду монополию на представительство еврейского пролетариата. Бунд входит в Партию, — гласит этот параграф, — в качестве его (еврейского пролетариата) единственного (курсив наш) представителя. Никакими районными рамками деятельность Бунда и организация Бунда не должна быть ограничена. Таким образом, полное отделение и размежевание еврейского и нееврейского пролетариата России не только

шего вампира... Я готова предать себя на эшафот, но прежде видеть кровь наших издевателей... но нет, Давид, я прежде увижусь с тобой, а затем я рассчитаюсь за все с нашими врагами и тогда я пойду с чистой совестью и буду жить там, далеко от всех, но зато с близкой надеждою, что вот скоро кончится варварское управление и наступит свобода...» Под еврейским текстом этого письма имеется приписка, сделанная по-русски, как установлено экспертизою сличения почерков, рукой Арона Шпайзмана: «Дорогой Давид! На ваш вопрос, что я делаю, я не могу вам ответить, но в общем делаю что-нибудь... Буду очень рад получить от вас письмо. Арон». Наконец в письме от 6 февраля Школьник пишет: «Любезный Давид! Я получила твое письмо; я теперь очень счастлива, еще одна минута, и я могла бы пойти туда, где я с тобою уже не виделась бы... И ты должен знать причину моего нынешнего счастья»; далее она пишет о том, что случилось с нею в квартире, где она работала, причем прибавляет: «Ты уже знаешь, что это за работа...» «Хозяйка этой квартиры, — пишет Школьник, — уехала в Одессу, а все мои вещи остались на этой квартире, и, когда на другой день я пришла их получить, то хозяин дома не хотел выдать вещей; тогда я поехала в Одессу, привезла оттуда хозяйку и выручила вещи; представь себе мое счастье: сегодня утром я отобрала уже все... Сегодня я уже свободна». Далее она говорит, что при получении его письма у нее сидел Арон, которому «я показала слова, которые ты пишешь относительно террора. Я с тобою согласна, так как общее лишь, а отнюдь не личное, в состоянии сдвинуть деспотическое правительство... Я уже выслала тебе газету». Наблюдением установлено, что 30 января 1902 года Маня Школьник приехала в Одессу и в тот же день возвратилась в г. Кишинев, причем в Одессе виделась с Соломоном Бернштейном, Ноихом Финкельштейном и Брусиловским, привлеченными к дознанию при Одесском жандармском управлении по делу «об Одесской группе социалистов-революционеров». По словам свидетелей Меера и Суры Бальтман, они в конце 1901 г. поселились в г. Кишиневе; вскоре после этого у них наняла комнату модистка Маня Школьник, которую они раньше не знали; она ежедневно куда-то уходила с утра и домой возвращалась только вечером, причем говорила, что ходит работать по своей специальности. В январе месяце 1902 года они переехали на жительство в Одессу, а квартиру оставили в распоряжении Мани Школьник, отдав ей и ключ от наружной двери квартиры; через некоторое время Школьник приехала к ним в Одессу и просила Суру Бальтман поехать с нею в Кишинев, так как хозяйка дома Анастасия Михайловна заперла квартиру своим замком и не разрешает ей взять вещи; Бальтман поехала в Кишинев, и тогда Михайлуца отдала Мане Школьник ее вещи; чемодан, подушку, белье и платья; где после того поселилась Маня Школьник — им неизвестно. Это подтвердила и свидетельница Анастасия Михайлуца, которая показала, что Бальтманы и Маня Школьник, которые жили в ее доме, казались ей подозрительными; в сумерки, до наступления темноты, они всегда запирали в окнах своей квартиры ставни, а окно в комнате Школьник и днем было завешено занавеской; Маня Школьник часто днем и поздно вечером куда-то уходила; к ней иногда приходил молодой человек, которого она узнает в фотографической карточке Арона Шпайзмана; не дожив месяца, Бальтманы отправили свои вещи на подводе, по

проведено здесь до конца, с безусловной последовательностью, но и закрепляется нотариальным, можно сказать, договором, «уставом», «основным» законом (см. § 12 проекта). Такие «возмутительные» случаи, как дерзновенное обращение Екатеринославского Комитета Партии [7] к еврейским рабочим помимо Бунда (не имевшего тогда никакой особой организации в Екатеринославе!), отныне должны, по мысли нового проекта, сделаться невозможными. Как бы мало ни было в данной местности еврейских рабочих, как бы далеко ни была расположена эта местность от центров бундовской организации, — никакая часть Партии, даже Центральный Комитет Партии, не смеет обращаться к еврейскому пролетариату без согласия Центрального Комитета Бунда! Не верится, чтобы такое предложение могло быть сделано,— до того чудовищно это требование монополии, особенно при наших русских условиях, — но §§ 2 и 8 (прим.) проекта устава не оставляют места никаким сомнениям. Желание Бунда отойти еще дальше от русских товарищей сквозит не только в каждом пункте проекта, оно выражено и в других резолюциях с'езда. Пятый с'езд постановил, например, выпускать раз в месяц «Последние Известия» (изд. Загранич. Ком. Бунда) «в виде газеты, в которой выяснялась бы программная и тактическая позиция Бунда». С нетерпением и интересом будем ждать выяснения этой позиции. С'езд отменил решение IV с'езда о работе на юге. Как известно, IV с'езд Бунда [8] постановил в тех городах юга, где еврейские организации входят в состав комитетов Партии, «отдельных комитетов Бунда не устраивать» (курсив Бунда). Отмена этого решения есть крупный шаг к дальнейшему обособлению, есть прямой вызов товарищам с юга, которые работали и хотели работать среди еврейского пролетариата, оставаясь в неразрывной связи со всем местным пролетариатом. «Кто сказал А, должен сказать и Б» — кто встал на точку зрения национализма, тот, естественно, доходит до желания окружить китайской стеной свою национальность, свое национальное рабочее движение, того не смущает даже и то, что стены придется строить отдельные в каждом городе, местечке, селе, того не смущает даже, что своей тактикой раз'единения и раздробления он превращает в ничто великий завет сближения и единения пролетариев всех наций, всех рас, всех языков. И какой горькой насмешкой звучит после этого резолюция того же V с'езда Бунда о погромах, в которой выражается «уверенность в том, что лишь совместная борьба пролетариев всех национальностей в корне уничтожит те условия, которыми порождаются события, подобные кишиневским» (курсив наш). Какой фальшью отдают эти слова о совместной борьбе, когда нам тут же преподносят «устав», не только отдаляющий совместных борцов друг от друга, но и закрепляющий это отдаление и отчуждение организационным путем! Как хочется дать бундовским националистам совет: поучитесь у тех одесских рабочих, которые шли на общую стачку, на общие собрания, на общие демонстрации, не запросив сначала (о, дерзновенные!) «согласия» Центрального Комитета Бунда на обращение к еврейской нации, которые успокаивали торговцев, говоря (см. № 45 «Искры»): «не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев, мы совсем другого хотим, среди нас нет ни жидов, ни русских, мы все рабочие, всем нам одинаково тяжело». Пусть подумают товарищи из Бунда над этими словами, если еще не поздно, пусть хорошенько подумают о том, куда они идут!

[Ортодокс-Л. И. Аксельрод]

их словам, в Одессу, а через несколько дней неожиданно и сами уехали, заперев квартиру на замок; в течение двух дней никто на квартиру не приходил, а на третий день пришла Школьник с Ароном Шпайзманом и просила разрешения взять оставшиеся в квартире ее вещи, но она ответила ей, что не даст вещей без хозяйки Бальтман; Школьник через день привезла из Одессы Суру Бальтман, и тогда она разрешила ей взять свои вещи. В найденном у Ройтерштерна письме от Арона Шпайзмана последний говорит, что его удивляет Ройтерштерн, что, стоя вдали от жизни, он не отстал от нее, а даже опередил многих из общих товарищей: «я надеюсь, — заканчивает он это письмо, — что вы скоро увидитесь с Маней, и она вам передаст более подробно относительно моих дум и моих мыслей и надеюсь, что мы сойдемся». По поводу найденных у Ройтерштерна писем Мани Школьник он об'яснил, что переписывался с ней на еврейском языке от 30 января 1902 года, написано им все не с целью побудить Маню Школьник к совершению какого-либо преступления, а из желания подделаться под ее тон и расположить ее в свою пользу, так как ему были известны ее революционные убеждения; предполагая жениться на Школьник, он надеялся впоследствии отвлечь ее от революционной деятельности. Между тем в сентябре 1902 года, когда Ройтерштерн препровождался из г. Лукова в Кишиневскую тюрьму, у него при обыске было отобрано письмо на еврейском языке, начинающееся словами: «Высокопочтеннейший и лучший друг Леон! Уже шесть месяцев прошло с того времени, как я виделся с вами, и с тех пор я в заточении... О себе не могу сообщить ничего нового. Запрещенного у меня не нашли, кроме нескольких писем от М., которых я не успел уничтожить». Далее Ройтерштерн пишет, что на допросах он не признавал никого, кроме Мани, так как у него нашли ее письма и карточку, причем просит сообщить, в чем обвиняют других, так как он не знает, как держать себя на допросах; интересуется здоровьем Мани и «Арончика» и просит передать Мане сердечный привет. Допрошенный по поводу этого письма Ройтерштерн показал, что письмо написано им и предназначалось для отсылки в г. Одессу его знакомому Леону, фамилии которого он не помнит.

Находясь под стражей, Леон Гольдман заявил, что на вокзале в Киеве им сдана в багажное отделение на хранение корзина с транспортом нелегальной литературы. Действительно выяснилось, что между 9 и 12 февраля 1902 г. артельщику была оставлена невостребованная корзина, в которой по вскрытии оказалось 3.000 экз. воззвания «Ко всем харьковским рабочим», тождественных с отобранными в квартире Гольдманов. 21 января был конфискован в Харькове транспорт изданий той же типографии «Искры»: листки, озаглавленные «Начало демонстрации» и брошюра «Обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе». По показанию мещанки г. Кишинева Мариам Коган, 20 апреля 1901 г. у нее нанял квартиру неизвестный человек, назвавшийся Риманом, и 23 апреля переехал на квартиру с женой, купив необходимую мебель; через месяц у квартирантов поселилась, в качестве прислуги, Хина Корсунская. Отсюда в октябре месяце семья Римана переехала на другую квартиру — в дом Боковой. Содержащий в доме Боковой мастерскую столяр Федор Тимофеев показал, что осенью 1901 г. рядом с его квартирой поселились именовавшие себя Ицком и Мерой Рима-

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из Гагр. Коронованный вор или царское приданое. 27 июля 1901 года последовал высочайший манифест о бракосочетании сестры царя Николая II, Ольги Александровны, с его высочеством принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Придворные кумушки с затаенным дыханием ждали, что вот-вот будет об'явлено о приданом, соответствующем величию и богатству коронованных новобрачных. Увы! Кумушки горько были разочарованы в своих ожиданиях. Что же, спросит читатель, неужели царская свадьба так и обошлась без приданого? Как бы не так! Вероятно, молодому принцу и не снилось, что царь Николай так расщедрится для своей сестрицы! И не только расщедрится, но и скромно умолчит о своих щедротах, дабы принцу не кололи в глаза: вот, мол, женился на приданом! На самом деле царскому зятю по высочайшему повелению была предоставлена в полное распоряжение в том же июле месяце 1901 г. целая Гагринская дача на Черноморском побережьи Закавказья, площадью в 14 тысяч десятин! Вот как описывает официальный орган министерства земледелия историю отвода Гагринской дачи царскому зятьку («Министерские Известия», 1901 г. № 48).

«Гораздо скорее, чем Мацестинский курорт, призвана к жизни первая климатическая станция на Черноморском побережьи Кавказа — в Гаграх, благодаря энергии принца Александра Петровича Ольденбургского, взявшего в свои руки устройство этой станции и распоряжение всей казенной Гагринской дачей, общею площадью около 14 тыс. дес. Дача эта на протяжении около 10 — 12 верст примыкает к морю и затем вдается клином вглубь страны вплоть до полосы альпийских пастбищ на предгориях главного Кавказского хребта; вся дача, в которой растут весьма ценные породы леса, как то: самшит (кавказская пальма), пихта, тисс, каштан, ореховое и оливковое дерево и т. п., весьма гориста и изрезана глубокими ущельями, по которым протекают речки Жоеквара, Гагрибш и др. По климатическим условиям своим, местоположению и красоте видов Гагринская дача давно уже привлекала к себе особенное внимание. Его высочество принц Александр Петрович Ольденбургский, дважды посетивший Гагринскую дачу в 1900 и 1901 гг. и подробно ее осмотревший, во главе целой экспедиции врачей и специалистов, также признал, что дача эта представляет собою редкое в мире сочетание самых благоприятных естественных условий для создания на ней климатической станции и должна быть поставлена как по красоте местоположения, богатству и разнообразию растительности, так и по климату, выше наиболее посещаемых климатических станций Западной Европы. Большая часть Гагринской дачи будет использована для самой санатории и целого ряда связанных с нею учреждений, затем небольшая часть дачи, с развалинами крепости и храма, приобретается в собственность его высочеством принцем Александром Петровичем Ольденбургским и, наконец, часть дачи, площадью, примерно, до 1.000 дес., предназначается, по разбивке ее на участки небольшой величины, в продажу частным лицам, под условием раскультивирования этих участков, возведения на них дач и пр. Суммы, вырученные от продажи мелких участков, как равно и сумма за участок, продаваемый в собственность его высочества принца Александра Петровича Ольденбургского, будут обращаемы на покрытие расходов по устройству Гагринской дачи и возведению на ней санатории и других необходимых построек. На тот же предмет обращаются и все извлекаемые по Гагринской даче доходы от эксплоатации леса, добычи камня, сдачи в аренду отдельных угодий, а равно и от будущей санатории. Но перечисленных сумм будет недостаточно для осуществления предположений его высочества по обращению Гагринской дачи в климатическую станцию, на что, по примерным, представленным принцем Ольденбургским исчислениям, потребуется свыше двух миллионов рублей (в том числе 1.370.000 руб. на первоначальное устройство дачи, канализацию ее, водоснабжение, проведение электрического освещения и т. п. и до 800.000 руб. на возведение зданий санатории с необходимыми службами и на ее оборудование). В виду этого, с высочайшего соизволения признано возможным отпускать на сей предмет, в дополнение к вышеозначенному доходу, по 100.000 руб. в год на десять лет, начиная с 1901 года».

Не правда ли, читатель, самая пылкая фантазия не могла бы вообразить, до каких размеров может дойти царская щедрость!

Но... что же заставило Николая II быть таким скромницей? Это, кажется, не в его характере... Маленькая

нами с прислугой Корсунской; в их квартиру часто приходил неизвестный человек, которого он узнает в фотографической карточке Герша Элькина; окна в этой квартире всегда были завешены занавесками, причем особенное внимание обращало на себя то, что в квартире было как-то особенно тихо и спокойно. Содержательница ночлежного приюта Шифра Коган показала, что Герш Элькин, которого обыкновенно называли «литваком», ночевал в ее ночлежном доме, а на целый день уходил из дому, говоря, что работает на мельнице Гендриха. Однако, по книгам как мукомольной мельницы Гендриха, так и фабричного инспектора в числе рабочих мельницы Элькин не значится, и управляющий этой мельницей Янкель Каменецкий показал, что Элькин на мельнице Гендриха никогда не работал. Затем оказалось, что Герш Элькин послал от 14 октября 1901 г. на имя мещанского старосты г. Гадяча открытое письмо о высылке ему паспорта, по адресу: «Кишинев, Общий пер., д. № 6, Брантману для Элькина». Герш Брантман по этому поводу показал, что он Элькина не знает и что его адрес мог сообщить Элькину Арон Шпайзман; жена же Брантмана, Хая-Инда удостоверила, что Шпайзман, приходя к Мане Школьник, неоднократно спрашивал ее, нет ли писем для него, для «Мани», для «Гриши», и несколько раз получал приносимые почтальоном письма, но кому эти письма были адресованы, она, как неграмотная, не знает.

По сведениям Одесск. жанд. управл. «Маня Школьник, поселившись в 1900 г. в г. Одессе, находилась в постоянных сношениях с проживающими в это время там же супругами Ицком и Марией Риманами, оказавшимися впоследствии Леоном и Мерой Гольдманами. 3 июня помощником начальника Кишиневской тюрьмы Степановым были произведены обыски в двух камерах: в одной, где находилась Маня Школьник с политической арестанткой Антониной Глоба, и в другой, где содержалась Хина Корсунская и Мера Гольдман (она же Риман), причем в первой камере под матрацом Глобы была найдена книга «Воспоминания Дебогория-Мокриевича», парижское издание 1898 г., и вложенная в нее брошюра «Последние Известия», издание «заграничного комитета всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России». Маня Школьник об'яснила, что издания эти принадлежат ей и переброшены были ей через ограду тюрьмы лицом, которого она не желает назвать. Во второй камере: журнал «Южный Рабочий» № 7 1901 г. и рукопись «Эрфуртская программа». Корсунская и Гольдман об'яснили, что журнал «Южный Рабочий» принадлежит последней, а рукопись «Эрфуртская программа» Антонине Глобе. Из дела видно, что мещанин г. Вильно Леон Гольдман призывался к отбытию воинской повинности в 1898 году и 28 октября того же года был принят на военную службу с назначением рядовым Клязьминского резервного батальона. В 1900 г. он был привлечен к дознанию, в качестве обвиняемого, при Виленском Губернском жандармском управлении за принадлежность к сообществу, именовавшему себя «Литовской социал-демократической партией». 30 января 1900 г. со ст. «Вильно» он бежал от сопровождавшего его конвоира и разыскивался на основании циркуляра департамента полиций от 4 марта того же года за № 470; задержанный 12 марта 1902 г. в Кишиневе, он оказался проживавшим по документу на имя богуславского мещанина Виленской губ. Ицки Римана; по этому же документу он вступил 23 мая 1900 г. в брак с мещанкой Мерой Гинзбург. Мера Гольдман (она же Риман, урожденная

вещь для самодержца, конечно. Дело в том, что царскому зятьку в приданое пошла не царская, а казенная, государственная дача, а ведь публиковать о царской щедрости на государственный, голодающей России, счет — едва ли в наше неспокойное время удобно даже и самодержцу. И умолчали... Из той же скромности умолчали и о том, что Гагринская дача идет в приданое, и подставили фиговый листок — санаторию. Из той же скромности вначале умолчали, что казенная дача отводится не царскому зятьку, а отцу царского зятька, чтобы год спустя назначить сынка отцу в помощники... Сколько глупой наивности и наглого бесстыдства в этих скромных фиговых листках! Кому удалось побывать на месте, в Гаграх, именно наивно-бесстыдными покажутся все эти «повеления» о санаториях, подходцы бочком через тестюшку и т. п. На самом деле три (а не два) уже полученные принцем лично через царя из казенной суммы миллионов рублей ухлопано им на свой дворец в Гаграх, на свой парк и прочие обзаведения, подобающие высокому рангу царского зятя! На самом деле, разве сифилис да малярию можно нажить в наскоро оборудованной в Гаграх принцем гостинице для больных, которых, впрочем, сюда не пускают, если они не имеют туго набитой мошны... Тайные советники да генералы будут тешиться у царского зятька, в Монрепо — этом отныне Эльдорадо всех денежных и чиновных тузов.

Как-то служащие принца подсчитывали, сколько станет России это Эльдорадо русских тайных советников. Вышло что-то около 50 миллионов рублей! По нашему убеждению, эта цифра ничуть не преувеличена. За одну квадратную сажень земли, продаваемую в Гаграх под дачные участки, в последнее время предлагают на торгах 53 рубля. Всего принц может продать 2.000 десятин. Вот и считайте: 2.000 × 2.400 × 50 рублей (ровным счетом) получится 240.000.000 р.! Впрочем, утешься, читатель! Принц действует на законном основании с высочайшего разрешения! По воле монарха он «купил» (по 100 р. за одну десятину) 1.000 десятин в Гагринской даче, по воле монарха он и «продает» (по 120.000 руб. каждую десятину из 2.000 десятин...). А как вы думаете, читатель, сознает ли принц, что он грабит Россию?.. А вот посмотрите. Всем газетам о Гаграх можно писать только панегирики, в Гагры не пропускают с пристани ни одного «подозрительного» суб'екта, а буде таковой появится, моментально «выдворяют». Сам принц предлагает писать о санатории «только хорошее».

Захват Гагринской дачи вызвал целую бурю недовольства у абхазцев, аборигенов края, — и для них в Гагры приглашены две пехотные роты... Знает, очевидно, кошка, чье мясо с'ела! Санатория на штыках царских опричников! Совсем идиллия!

В заключение маленький курьез. Принц — любитель всего оригинального. Для того, чтобы пустить питерским вельможам пыли в глаза, он выписал из Персии 12 белых ишаков. Ко дню освящения «санатории» один ишак издох. А принцу хотелось щегольнуть, и вот, когда снимали на карточку группой 11 ишаков, царский зять «для симметрии» стал в середину, и говорят, кому ни задавали вопроса — сколько на карточке всех животных, все отвечали: двенадцать.

Агитация среди учителей. В листке, обращенном к народным учителям и учительницам, «Воронежская Социал-демократическая Касса Борьбы» пишет:

... «В бурные дни, переживаемые нами, когда против правительства ополчается грозный враг — рабочие, когда прежние союзники отходят от него и поддерживают революционное движение, самодержавие ищет опору там, где всегда находило ее — в невежестве крестьянской массы. Интересы самодержавия и широкое народное образование, образование в полном смысле этого слова, несовместимы друг с другом. Правительство это понимает и неуклонно ведет политику духовного оскудения деревни. Закрытие комитетов грамотности, издававших доступные для широких масс книги, сведение к нулю издательской деятельности земств (Вятское), стремление заменить земские школы церковно-приходскими, фиксация земских бюджетов, изумительно скудный государственный бюджет на народное образование, особые каталоги для сельских библиотек, — все это меры, направленные к одной цели — преградить доступ образования в деревню. Эта правительственная политика наиболее сильно отражается на начальном народном образовании и поэтому заставляет нас обратиться к вам. Этой политикой правительство превращает ваше положение в деревне в положение настоящих пролетариев. Круглый день работы и ничтожные 20—25 руб. в месяц. Но этого мало. Вашу личную жизнь окутывает постоянный

Гинзбург), проживая в г. Одессе, обратила на себя внимание своей политической неблагонадежностью и состояла под негласным наблюдением полиции, но скрылась из города Одессы и разыскивалась циркуляром департамента полиции от 1 января 1902 года за № 111. Арон Шпайзман в 1901 г. привлечен в г. Одессе к дознанию, в качестве обвиняемого по делу об Одесском Комитете Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии. На основании изложенного, к дознанию, в качестве обвиняемых, привлечены рядовой из мещан Леон Гольдман (он же Риман) и мещане Мера Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), Хина Корсунская, Герш Элькин, Маня Школьник и Арон Шпайзман. Герш Элькин, Хина Корсунская, Леон Гольдман (он же Риман) и Мера Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман) отказались давать показания и только последние об'яснили, что они ложно именовали себя Риманами и что фамилии их Гольдман и Гинзбург. Арон Шпайзман, не признав себя виновным, показал, что с Маней Школьник он познакомился осенью 1901 года, и она по его совету наняла квартиру у Гирши Бронтмана. Корсунскую, Элькина, Гольдмана и Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман) он не знает; накануне обыска, произведенного на квартире Брантмана, он гулял с Маней Школьник и встретил своего знакомого «Вигдора», по фамилии ему неизвестного, который передал ему два свертка в желтой бумаге и просил их спрятать; эти свертки он тогда же дал спрятать Мане Школьник; впоследствии оказалось, что в свертках находились шрифт, разные принадлежности книгопечатания и преступные издания, которые были найдены при обыске; о существовании в г. Кишиневе тайной типографии ему не было известно. Наконец, Маня Школьник также не признала себя виновной в принадлежности к преступному сообществу и об'яснила, что найденные в ее квартире при обыске шрифт, принадлежности книгопечатания и преступные издания ей дал спрятать знакомый ее и Арона Шпайзмана, известный ей только по имени «Вигдор»; относительно найденного у нее письма на еврейском языке, а также писанного ею открытого письма на имя Давида Ройтерштерна она никаких об'яснений давать не желает; супруги Риманы или Гольдманы ей неизвестны. На основании изложенного рядовой из мещан г. Вильно Леон Исааков Гольдман, проживавший по паспорту богусловского мещанина, Виленской губ., Ицки Борухова Римана, 26 лет, мещанка г. Вильно Мера Лейбова Гинзбург (по мужу Гольдман и Риман), 25 лет, мещанка г. Новомосковска, Екатеринославской губ., Хина Нусимова Корсунская, 23 лет, мещанка м. Сморгони Ошмянского уезда, Виленской губ., Маня, она же Минка, Мордухова-Шмуйлова Школьник, 23 лет, и мещанин г. Кишинева Арон Абрамов Шпайзман, 25 лет, обвиняются в том, что в 1901—1902 г. в г. Кишиневе, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению Власти Верховной и с умыслом ниспровергнуть правительство во всем государстве, устроили в г. Кишиневе тайную типографию, в которой печатали прокламации и брошюры, издания заграничной преступной газеты «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» — «Искры», озаглавленные «К харьковским рабочим», «К обществу», «Начало демонстрации», «Борьба с голодающими», «Легальные союзы и русское рабочее движение» и другие, причем распространяли эти преступные издания. Преступление это предусмотрено 1 ч. 251 ст. улож. о нак. Вследствие всего и согласно высочайшему повелению, последовавшему

надзор со стороны урядников, попов, земских начальников, со стороны высшей администрации. Инспектор народных училищ Воронежской губ., Барковский, просил „Общество содействия народному образованию“ сообщить ему, кто из учителей и какие картины и брошюры преимущественно спрашивает. Общество отказалось. До каких пределов может доходить подозрительность к вам правительства, показывает факт, бывший на станции «Новки» Владимирской губ., где учителям запретили ходить в гости к рабочим, а рабочим к учителям. Вас хотят изолировать от тех, среди которых вы живете, в воспитании которых заключается ваша деятельность. Разве возможно в таких условиях мертвящего произвола воспитывать юные поколения в идее правды и добра! Разве возможно в такой все растлевающей атмосфере административной опеки и надзора осветить лучем света царящий кругом вас мрак и невежество?! Нет и нет! Такая работа приносит лишь нравственное страдание. В такой атмосфере способны лишь зародиться сомнение в собственных силах и отчаяние. Мы глубоко убеждены в том, что всевозможные лишения и невзгоды вы переносите лишь благодаря искреннему и горячему стремлению отдать свои силы на благо изнемогающего и задыхающегося в нищете и невежестве народа. И убеждение это заставляет нас указать вам выход. Если правительство создает всевозможные препятствия на пути вашего легального просвещения народа, так учите, просвещайте крестьянскую бедноту нелегально. И эта работа даст вам самые плодотворные результаты; вы найдете в ней полное нравственное удовлетворение. Примыкайте к широкому освободительному движению, которое так громко заявляет себя от далекой Сибири, Урала до Польши и от Финляндии до Кавказа. Заводите связи с городами, где ведется революционная работа. Читайте и распространяйте социал-демократическую литературу. Устраивайте с этой целью кружки среди крестьян. Руководите ими в столкновениях с администрацией и помещиками. Организуйте стачки за повышение заработной платы и понижение арендных цен. Сообщайте в нелегальную печать о всех случаях насилия и произвола как со стороны кулаков и помещиков, так и низшей и высшей администрации. Подготовляйте всеобщий отказ от уплаты податей и отбывания воинской повинности. И когда на крик рабочих: «долой самодержавие!» раздастся могучий сочувственный отклик крестьянства, тогда падет самодержавный произвол и освобожденный политически народ развернет гигантски свои силы, чтобы осуществить свою конечную цель — освобождение от ига капитала!»

Варшава, 24 июля. За последний год в Варшаве произошла громадная перемена. Если еще всего в прошлом году надо было стоять близко ко всему для того, чтобы знать, что кругом творится, то в настоящее время достаточно выйти на улицу, чтобы почувствовать все то, что носится в воздухе. Целый божий день по улицам, особенно в еврейских кварталах, расхаживают дежурные дворники с толстыми палками. Через каждые пять ворот — дворник. Эти палки не для формы, а для дела. Стоит собраться на улице кучке людей и устроить маленький уличный скандал, как дворники приводят в действие свои палки. Таким образом, недавно убили на ул. Налевки одного еврея, ничего общего с движением не имеющего. На Дикой ул., где по вечерам разгуливает масса рабочих, расхаживает полицейский, разгуливают на лошадях казаки и толпятся переодетые шпионы... Между прочим, толстые палки у прохожих отбираются. Последняя политика и экономически выгодна, так как палки дворников, разгуливая по спинам обывателей, становятся непригодными для дальнейшей своей деятельности. Далее громадная перемена произошла в средних учебных заведениях. Свет и туда проник, но так скоро, так неожиданно для всех, что как-то верить не хотелось — некоторым от страха, другим от удивления, третьим от радости. Поверить, наконец, пришлось и тем, и другим, и третьим. В «четвертой» женской гимназии не окончило курса в этом году 12 человек, из которых некоторые участвовали первого мая в демонстрации. В мужских гимназиях масса беспокойного элемента, много сознательной молодежи.

Мелитополь (Таврической губ.). Вчера, 30 июня, отправлен в Восточную Сибирь студент петербургского Технологического института С. Л. Фрид. Был арестован в Петербурге в начале 1901 года по делу о пропаганде среди рабочих и просидел 1½ года до окончания следствия в доме предварительно заключения. Затем был выслан под надзор в Мелитополь, где и прожил больше года.

Провожать Фрида собралось на вокзале очень много публики, устроившей теплые проводы и от души поже-

---

30 апреля 1903 года, изложенному в ордере Господина Министра Юстиции на имя Прокурора Одесской Судебной Палаты 30 апреля за № 2583, 2 ч. 1030, 1 ч. 1044 и 1050 ст. Уст. Уг. Суд. рядовой из мещан Леон Исааков Гольдман (он же Ицко Борухов Риман) и мещане Мера Лейбова Гинзбург (по мужу Риман и Гольдман), Хина Нусимова Корсунская, Герш Берков Элькин, Маня Мордухова Школьник и Арон Абрамов Шпайзман подлежат суду Одесской Судебной Палаты с участием сословных представителей. Составлен мая 20 дня 1903 года, г. Одесса. Товарищ Прокурора Одесской Судебной Палаты Н. Джибели.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию:

Обвиняемые: 1) Гольдман, Леон Исааков (он же Ицко Борухов Риман), рядовой из мещан. 2) Гинзбург, Мера Лейбова (по мужу Риман и Гольдман), мещанка. 3) Корсунская, Хина Нусимова, мещанка. 4) Элькин, Герш Берков, мещан. 5) Школьник, Маня Мордухова, мещанка. 6) Шпайзман, Арон Абрамов, мещанин, содержатся под стражей. Свидетели: 1) Мержвицкий, Иван Иванов, полицейский служитель Кишиневской полиции. 2) Бржозовский, Николай Яковлев, коллежский асессор, пристав. 3) Гавриленко, Иван Михайлов, околоточный надзиратель. 4) Соловкин, титул. советник, пристав 2 уч. г. Кишинева — Кишиневская городская полиция. 5) Брантман, Герш Хаимов, мещ. г. Кишинева, Балановская ул., д. № 44. 6) Брантман, Хая-Инда Беньяминова, мещ., живет там же. 7) Бальтман, Меер Мордухов, мещ. 8) Бальтман, Сура Лейбова, мещ., живет в г. Одессе, Разумовская ул., д. № 9. 9) Михайлуца, Анастасия Ильина, мещ. живет в г. Кишиневе, Остановская ул., д. № 34. 10) Шпринцак, Вольф Лейбов, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Прунтовской и Инзовской ул., д. № 6. 11) Коган, Мариам-Бруха Абрамова, мещ. 12) Коган, Хава Мордкова, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Садовой и Михайловской ул., д. № 1. 13) Тимофеев, Феодор Феоктистов, мещ., живет в г. Кишиневе, угол Армянской и Подольской ул., д. № 30/35. 14) Фукс, Феликс Абрамов, личный поч. гражд., живет там же. 15) Каменецкий, Янкель Менделев, мещ., живет к г. Кишиневе, Мунчестская дорога, мельница Гендриха. 16) Зондис, Спиридон Константинов, мещ., живет в г. Кишиневе, Бочайская дорога, мельница Зоти. 17) Степанов, Александр Степанов, помощник начальника тюрьмы — Кишиневская тюрьма. Эксперты: 1) Котрубенко, Михаил Трофимов, управляющий типографией «Бессарабец» — типография газеты «Бессарабец». 2) Котловкер, городовой раввин, живет в г. Кишиневе. 3) Блинов, преподаватель 1 Кишиневской гимназии, г. Кишинев, 1 мужская гимназия. Товарищ Прокурора Одесской Судебной Палаты Джибели.

лавшей ему не уставать в той работе, которой он отдался со всем пылом бодрой молодости. Уехал он отсюда больным физически и изнуренным духовно, благодаря тем, поистине зверски жестоким, приемам, которые применял в отношении к нему начальник тюрьмы Аппалат. Этот господин делал все возможное, чтобы отравить и так невеселое сидение Фрида, перевел его из одиночной камеры в секретную, изолированную совершенно от других одиночек, отказывал в свидании с родными, всячески старался унизить стариков-родных, умолявших о свидании, лишил книг, не давал бумаги для писем, несмотря на вполне безукоризненное поведение Фрида. И в довершение не заплатил Фриду следуемых денег за занятия со своими детьми (когда Фрид был на свободе)...

Трудно даже приблизительно передать, какой произвол допускает Аппалат; он воистину маленький самодержец и для него не существует власти ни прокурора, ни исправника, ни губернатора; даже приказы губернатора он толкует как раз в том смысле, который желателен только ему— и все жалобы на него не достигают цели. Недавно был в здешнем тюремном замке губернатор Трепов, и уголовные жаловались ему на то, что Аппалат бьет и истязает их. Результатом жалобы арестантов было то, что Трепов поблагодарил Аппалата за образцовый порядок в тюрьме, а родные жаловавшихся арестантов не допускаются на свидания, и от них не принимаются арестованным ни вещи, ни провизия.

В здешней тюрьме сидит еще один политический — Антон Гамс, студент-техн., забранный по одному делу с Фридом. По приговору он получил шесть месяцев тюрьмы.

Кутаис. Кутаис в настоящем году переживает тревожную весну. Обыватель начинает просыпаться от своего векового летаргического сна. Со всех сторон несущиеся вести о беспорядках, демонстрациях, крестьянском, рабочем и студенческом движении теребят, будят тупую мысль наших мелких буржуа-мещан. «И что это «о н и» хочут?»— вздыхает обыватель, кивая головой по адресу «непокойного элемента». Кутаисский социал-демократический кружок попытался раз'яснить обывателям их недоразумения в прокламациях, распространенных на Пасхе. Но эти прокламации, вызвав самые фантастические толки, только напугали загнанных кутаисцев. Еще более ошеломили кутаисцев вести о бывшей 13 апреля в с. Кулаши крестьянской демонстрации, где крестьяне прошли в числе до 300 чел. с красным флагом и раскидывая прокламации перед носом обескураженной полиции, и слухи о маевке, которую кутаисские сознательные ремесленники, в числе до 60 чел. отпраздновали за городом 20 апреля. После майской прокламации обыватель совсем растерялся.

«Бунт будет, — бунт 1 мая!» — только и было слышно во всех разговорах. Даже администрация была смущена и подняла на ноги всех своих шпионов и городовых. Ночью на улице стали появляться конные и пешие патрули... Наконец, наступило 1 мая. На улицах царила мертвая тишина. Обыватели попрятались от страху. Назначенные на 1 мая прогулки гимназистов и реалистов были начальством отложены. Занятия в женской гимназии происходили почти в пустых классах. На бульваре редкие посетители как-то пугливо оглядывали друг друга, точно спрашивая, скоро ли бунт-то будет? Но прошло 1 мая, а бунта не последовало... Только 2 мая забастовали ученики сельскохозяйственной школы, требуя улучшения квартир, пищи, вежливого обращения и уменьшения полевых работ...

В Кутаисской тюрьме сидит около 40 человек, до 30 из них крестьяне — «зачинщики», взятые в Гурии, в Козламском, Эцерском и Джехашиском сельских обществах Кутаисского уезда, где, как известно, крестьяне-арендаторы бойкотируют своих помещиков-землевладельцев. Несмотря на все уступки, помещикам не удалось в этом году сдать крестьянам свои земли. «Зачинщиков» брали почти всех с поличным: кто расклеивал прокламации, кто ставил красное знамя на волостном правлении и т. п. Остальные 10 — рабочие и интеллигенты из Батума.

Последний циркуляр Плеве вызывает едкие замечания даже у кутаисских «столпов». Например, помещики никак не могут примириться с тем, чтобы у них отняли право пускать кровь своих непокорных арендаторов, т. е. организоваться в отряд самообороны. Положим, говорят они совершенно справедливо, в Российском государстве не новость, если министр отменяет циркуляром основной государственный закон, но естественный закон природы зачем было Плеве отменять?.

Из Сибири. Мы получили от одного ссыльного следующее письмо: «Из Красноярска я был отправлен в Александровскую центральную пересыльную тюрьму, где и прожил вместе с якутянами. Партия должна была отправиться 12 мая, но отказалась ехать без точных назначений. Конвойный офицер грозил взять силой; решили забаррикадировать двери. Когда опасность миновала, баррикады были употреблены как средство ускорения ответа о назначениях. Просидели две недели. Тюремная администрация делала попытки склонить партию отпереть двери, обещая назначения в скором времени, но партия не верила. Через две недели решено было принять более решительные меры для понуждения губернатора, о чем партия и предупредила губернатора через начальника тюрьмы. После этого был получен ответ, что назначения будут об'явлены перед отправкой партии, а возможность отправки выясняется через верхоянского исправника. Тогда партия предупредила, что ждать долго не намерена, и отперла двери. 9 июня вечером об'явлены назначения: 9 чел. в Верхоянск, 8 в Вилюйск, 5 в Колыму, 14 в Якутский округ и 13 чел. по Иркутской губ. 11 числа партия отправилась по Якутскому тракту. Всего по тракту пошло 47 чел., из них 9 женщин и 5 вольноследующих; к ним по дороге присоединяются 3 из Иркутстка, а 4 осталось по разным причинам.

«Большею частью по следующим делам: по Одесским демонстрациям в феврале и мае 1902 г. и по делу Партии С.-Р. (9 чел.), по екатеринославским демонстрациям декабря 1901 г. и февраля 1902 г. (8 чел.), кишиневцы по «Искре» и «Бунду» (4 чел.), тамбовцы по крестьянскому делу (6 чел.) и проч. Огромное большинство социал-демократов, меньшинство соц.-рев. и другие... В 1902 г. через Красноярскую пересыльную тюрьму прошло политических ссыльных в Восточную Сибирь около 600 чел. Много бежит. В 1902 г. из одной Енисейской губ. бежало до 70 челов. Из других местностей тоже не дают маху. Вятский статистик Кислицын получил 4 года Верхоянска».

Екатеринбург. Товарищи из Екатеринбурга просят опубликовать нижеследующие фамилии тамошних шпионов и провокаторов:

Потап, Николай и Михаил Басковы — шпионы. Ляпин — провокатор, уехал в Казань. Вяткин — провокатор, уехал в Пермь; его екатеринбургский адрес: уг. Монаховск. и Луговой соб. дом. Шарапов — предатель (работает на монетном дворе). Каргополов — предатель (столяр на Верхнеилецком заводе). Рубцов — предатель (прядильная фабрика бр. Макаровых). На Ревде предатель Ситников.

Летом этого года в Самарской тюрьме содержался около 1½ месяца арестованный 19 апреля в Уфе сельский учитель Тихомиров. Обвинение, пред'явленное лишь перед освобождением, состояло в следующем: правда ли, что он устраивал у себя в школе собрания, на которых 1) отрицал загробную жизнь, 2) указывал, что на содержание царя идет чрезмерно большая для него сумма в 12 милл. рублей. И правда ли, что в школе устраивались запрещенные чтения? Отвергнув вполне тот факт, что в школе его велись нелегальные беседы, Тихомиров указал, что чтения с крестьянами он вел, но они носили вполне легальный характер. Читалась космография, популярная астрономия и т. п. Учитель освобожден под особый надзор и оставлен до приговора в Самаре.

Как иногда создаются дела. Содержащимся в Самарской тюрьме было официально разрешено передавать другу другу через прокурора деньги. Воспользовавшись этим разрешением, арестованный в Саратове Коновалов подал заявление о желании передать деньги студенту Полянскому, который сидел без всего. Кажется, чего естественнее? А что же из этого вышло? На следующем обходе

прокурора, Коновалов, находящийся под следствием уже 14 месяцев, обратился к нему с вопросом, скоро ли следствие придет к концу, на что прокурор ответил ему, что против него возбуждено новое следствие: его обвиняют в знакомстве с Полянским и что официальным документом в их руках является собственное заявление Коновалова о желании передать деньги Полянскому, поданное им на имя прокурора. Единственной уликой против Полянского является взятая у него на обыске картонка от дамской шляпки с какими-то, нарисованными наверху, кабалистическими знаками, которые жандармы приняли за шифр. Картонку эту Полянский впервые увидел на допросе.

Омск. В ночь с 20 на 21 июня у нас случилось нечто, сильно потрясшее многих из омичей. Арестовано более 20 человек, из них около 10 железнодорожных рабочих, 5 служащих статистического бюро: Н. В. Баранов, И. М. Барашков, В. П. Грацианский, И. Ф. Гусев и Л. К. Чермак, служащий переселенческой конторы Н. И. Дербышев, служащий Государственного банка, несколько человек на железнодорожной станции, 1 солдат, 1 казак, зубной врач В А. Гольгин, учительница А. К. Заложная и еще кой-кто, между прочим и один юноша. Причины неизвестны. Предполагают, вследствие введения в Омске усиленной охраны. (Самого генерал-губернатора еще пока из Петербурга нет.)

Свидания даются с трудом. Жена статистика Чермака насилу выхлопотала разрешение (от губернатора и жандармского правления) повидаться с ним. В течение 10 минут только она должна была переговорить обо всем. Ей об'явили, что на каждое следующее свидание ей тоже нужно будет испрашивать разрешения губернатора и жандармского правления.

Омск. В камерах уголовных, говорят, страшнейшая теснота вследствие того, что их стеснили отнятием 30 камер для одиночных заключенных.

Нижний, 24 авг. В тюрьме среди политических была голодовка; не привела ни к каким результатам. Из Петербурга будто бы был приказ по телеграфу не обращать внимания. Некоторые голодали две недели, заболели и взяты в больницу. Арестованы: Козлов, Козлова (увезены в Петербург) и Лебедев. В тюрьме около тридцати политических, большинство рабочие.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Местечко Яновка (Барановка тож), в 70 верстах от Одессы. На-днях крестьян этого местечка тамошний помещик пригласил возить хлеб по 4 коп. с пуда. Крестьяне требовали 8 коп. с пуда. Тогда были вызваны казаки, и 11 чел. возчиков-крестьян посадили в «холодную». Через несколько времени казачий офицер начал арестованным допрос, при чем убеждал их взять работу за ту цену, какую предлагал помещик. Этот бурбон говорил о безвыходном положении арестованных, с чем они вполне соглашались: «весь собранный хлеб пришлось продать», — говорили они, — «чтобы уплатить за аренду помещику и подати; теперь необходимо заработать сколько-нибудь, чтобы купить хлеба, и заработать как можно больше, иначе они умрут с голоду». Поэтому-то они и хотят получить более высокую плату. Офицер, разгорячившись и видя, что его доводы о необходимости согласиться на низкую плату, в виду безвыходного положения крестьян, не действуют, ударил одного крестьянина шашкой. Крестьяне напали на него. Подоспевшие на выручку офицера казаки положили на месте шесть человек. Все окрестные деревни сильно взбудоражены этой историей. За последнее время Одесским Комитетом сплавляется в деревню много прокламаций и очень немного нелегальной литературы в виду того, что литературы в Одессе за последнее время почти совсем не было.

Связей же с деревней очень много, и они остаются неиспользованными как следует.

Рязань. Бунт в имении Гагарина (Рязанской губ. Михайловского уезда). (Из частного письма.) О бунте в имении князя Гагарина могу сообщить следующие подробности. 1 июля около границы имения князя один из крестьян косил траву; невдалеке от него раз'езжал черкес-об'ездчик князя. Владения Гагарина отделены от крестьянских рвом. Случайно крестьянин скосил несколько травинок со рва, это заметил черкес и с ругательствами ударил мужичка, который отмахнулся косой; тогда черкес резанул кинжалом от плеча до пояса. Крестьянин упал и вскоре умер. Сын крестьянина, косивший невдалеке, устремился на черкеса с косой и ранил его настолько сильно, что он упал, обливаясь кровью, и был без чувств продолжительное время, так что думали, он мертв, но это была ошибка, и черкес впоследствии уполз.

Жена сына крестьянина стала сзывать народ, и около трупа образовалась небольшая толпа, обсуждавшая событие. Пока они толковали, услужливые люди доложили о происшедшем князю, и тот явился на место преступления. Мужики спросили: «Долго ли так будет продолжаться?» — «Как! косить мою траву, да я вас, сукиных детей, в бараний рог согну и еще двадцать черкесов найму!» (Подлинные слова). Крестьяне молча разошлись, но тут же порешили созвать сход. Князь уехал, но по приезде домой ему доложили о гибели черкеса. Тогда Гагарин велел заложить тройку и в сопровождении жены и князя Щербатова отправился вторично на место происшествия.

В это время в деревне, на сходе было уже четыреста человек. Князю нужно было проезжать деревней, и он, видя на дороге толпу, погнал лошадей и врезался в нее. Тут-то в князя и полетело все, что было под руками: вилы, грабли и проч. Вилы вонзились в живот, и Гагарин упал на дно коляски. Князь Щербатов погнал лошадей. По выезде из деревни ведут две дороги: налево и направо. Щербатов поехал направо, и толпа крестьян решилась бежать в обход и догнать экипаж, но, пробежав несколько сажень, прекратили преследование. Щербатов же после переменил направление и поехал налево к жилищу духовенства. Вилы из Гагарина были вынуты только по приезде в дом священника (т. е. через шесть часов). Гагарин очень плох, руки тоже все изрезаны. Жена хотя пострадала, но незначительно, и теперь поправилась. Князь Щербатов «заговаривается».

После этого приезжал губернатор, и был вызван батальон солдат из Рязани, которых накормили тухлой солониной и поставили за нее 14 коп. (из экономии князя Гагарина).

Крестьяне встретили губернатора с хлебом-солью, на коленях. Губернатор сказал прочувствованную речь, пересыпанную ругательствами и обещанием порки, но все-таки трудно было ее устроить, так как «бунта»никакого не было. Тем не менее губернатор потребовал выдачи зачинщиков.

Когда «начальство» повторило требование, чтобы зачинщики были отделены, то произошло следующее (это факт, а не анекдот); один из крестьян обращается к другому и говорит: «Эй, Трофимов, тебя спрашивают — выходи!» и Трофимов выходит. Таким образом арестовано семнадцать человек, и все эти ужасные преступники, «зачинщики», «бунтари», отправлены в волостное правление с одним полицейским.

Окрестные помещики очень несочувственно относятся к князю Гагарину и желают ему скорейшей смерти, чтобы он не имел возможности выступать на суде в шутовской роли «обвинителя». Супруга Гагарина винит губернатора в бездействии: «всех бы перепороть и сослать в Сибирь!».

Белозерский уезд, Новгородской губ. В ночь на 15 июня на пространстве более 60 верст, в волостях Воздвиженской, Чуриновской, Антушевской, Мегринской и Перкунской, были разбросаны в количестве 1.500 экземпляров прокламации, представлявшие из себя перепечатку изданных в 1901 году Петербургским Союзом под заглавием: «О том, как незаметно берут с нас деньги» и «Король английский и император всероссийский». Прокламации были разбросаны по деревням и дорогам и затем расклеены на школах, волостных правлениях, верстовых столбах и т. д. Главная масса прокламаций была

распространена близ Новозерского монастыря, так как ежегодно в этот день сюда стекается несколько тысяч человек. Несмотря на значительное количество распространенных прокламаций, в руки полиции попадало очень немного экземпляров. Оказалось, что крестьяне лишь в исключительных случаях отдавали листки полиции. По слухам, прокламации, составленные, кстати сказать, весьма удачно, произвели сильное впечатление. Есть случаи, когда взрослые крестьяне выучивали их наизусть. Заметно, что в крестьянской среде интерес к нелегальной литературе сильно повысился. 29 июня в Никоновской волости близ деревни Петра и Павла были вторично распространены те же прокламации. По слухам, крестьяне наотрез отказались выдать прокламации посланному из Белозерска квартальному надзирателю Кожину. Зимой в уезде было несколько неудачных стачек крестьян на бревенных заработках. Весенние же стачки при сплаве леса в большинстве случаев окончились полнейшей удачей. Требование при заработках — повышение заработной платы.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Мы уже неоднократно говорили о развитии доносов, которые послужили причиной высылок, многих арестов и т. п. Часто доносы бывают лишенными всякого основания и вызываются исключительно жаждой мести. Это социальное зло достигло за короткое время таких грандиозных размеров, что о нем уже заговорила подцензурная финляндская печать. «Одним из самых отвратительных явлений, порожденных этим критическим временем перелома, является мания доносов, которая в особенности в нынешнем году достигла почти эпидемического распространения и в некоторых местностях перешла в настоящие оргии...» читаем мы, между прочим, в передовой статье очень умеренной газеты. В конце концов, даже «Uusi Suometar», орган старо-фенноманов[9], в одной передовице осуждает эту манию, но видите ли, он отличает подлый донос, вызванный корыстными расчетами, от «открытой жалобы» надлежащим властям, когда кто-нибудь «сочтет свое право попранным или найдет, что какое-нибудь действие противоречит закону»! «Это—открытое и честное поведение», т. е., другими словами, эта газета попрежнему рекомендует тот донос «при некоторых обстоятельствах», который одно собрание старо-фенноманов возвело в гражданский долг и идею которого пропагандировал этот орган. Разумеется, и ему не нравятся нелепые низкие доносы работников и прислуги на господ, но совсем другое дело, когда какой-нибудь продажный сенатор или губернатор старо-фенноман исключительно из «патриотических соображений» отрекомендует Бобрикову, Плеве и К° выслать того или другого «опасного» гражданина, на которого он, может быть, уже давно точит зубы. Не правда ли, в последнем случае вещь очень деликатная? Но и такой разницы не делают опричники, которым важен всякий донос. «Uusi Suometar» и др. старо-фенноманские газеты в значительной степени повинны в упомянутой эпидемии. Мы уже не раз имели случай указывать на состав старо-фенноманской партии. Это—партия духовенства, мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Имея дело постоянно с действиями этой партии, мы невольно вспоминаем превосходное об'яснение Каутским консерватизма известных слоев мелкой буржуазии — слоев, живущих под вечным страхом разориться, и имущих крестьян *. Когда-то, во время борьбы за национальное развитие, равноправие и, наконец, преобладание финской народности и финского языка, эта партия была до известной степени демократической, но к концу восьмидесятых годов, достигнув значительных успехов, эта партия превращается в реакционную демократию, вследствие чего из нее выделилась в начале девяностых годов истинно демократическая младо-фенноманская партия[10]; с развитием рабочего движения и обострением классовой борьбы в 1899 г. образовалась особая рабочая партия, которая теперь намерена принять именование социал-демократической финляндской партии **.

В «нелегальной» финляндской прессе приводятся постоянно различные случаи доносов, о некоторых из них мы уже упомянули. За последнее время замечаются доносчики, между прочим, среди служащих на Финляндской железной дороге. Еще зимой, как известно, произошел провал у социалистов-революционеров, благодаря доносу кондукторов.

Высочайший покровитель шпионов и сыщиков, Николай II, наградил двух из этих предателей, одного—300 м., другого — 200 м. Третий же доносчик раскаялся и написал заявление в «Fria ord»,[11] в котором он говорит, что действовал по недоразумению; его царь не наградил. Подобные случаи должны побуждать всех к особой осторожности на поездах в Финляндии.

В двух последних статьях мы говорили о трагической смерти одного из самых самоотверженных финляндских бойцов, д-ра Люлю, доведенного царскими слугами до самоубийства. При жизни он казался им опасным, но и после смерти они продолжали преследовать его. Газетам было запрещено печатать об его похоронах, извещать о дне погребения, пасторам было запрещено произносить обычную надгробную речь, был запрещен погребальный звон и пр. Тем не менее, похороны, происходившие в Выборге в воскресенье 21 июня (н. с.), поражают своей торжественностью и грандиозностью. Над могилой павшего в борьбе борца было произнесено много страстных речей истинными друзьями покойного, среди которых было множество рабочих, крестьян и пр. На могилу было возложено более 150 венков. Первый венок был от «изгнанных финляндцев». При произнесении этих слов на кадбище раздались громкие рыдания. В длинной погребальной процессии выделялся выборгский рабочий союз со своим знаменем во главе; покойный в течение многих лет был председателем союза. На похороны д-ра Люлю прибыли из далеких местностей многочисленные депутации с венками от рабочих и юношеских союзов, от крестьянских академий и т. п. Вообще погребение этого изгнанника свидетельствует об искренней любви к нему десятков тысяч сограждан. Многочисленные ораторы, восхваляя покойного за самоотверженный патриотизм, призывали его почитателей продолжать дорогое для него дело. Сыщики, жандармы и полиция вели себя самым вызывающим образом, чем, несомненно, еще более усиливали решимость присутствующих продолжать столь дорогую для покойного

---

* «Социальная революция», Карл Каутский, стр. 45—49.

** О происхождении и о прошлом партий в Финляндии см. сборник «Финляндия», изд. О. Н. Поповой.

борьбу за политическую свободу родины. Д-р Люлю не был социал-демократом, а демократическим деятелем и публицистом. Перевоз его праха из Берлина был совершен на собранные среди его сограждан средства.

За самое последнее время из Финляндии выслали за границу двух человек: недавно уволенного от должности директора Улеаборгского лицея г. Розенталя и помещика Варена. В марте, по царскому приказанию, было уволено 11 бургомистров Нюландской и Выборгской губ. В некоторых городах было решено платить им жалованье; но и в это вмешались русские власти: сначала Кайгородов запретил городу Ганге держать на службе бывшего бургомистра, а затем на-днях выборгский помпадур запретил выдавать жалованье бургомистрам гг. Котки и Вильманстранда вплоть «до расследования дела». «Финляндская Газета» известила недавно о разгроме выборгского магистрата также по поводу столкновений относительно нового «закона» о воинской повинности. Нескольким чиновникам за последние дни приказано подать в отставку и потребовано от нескольких лиц «об'яснение». Наконец, самая последняя новость: приказ Николая II немедленно упразднить финляндский кадетский корпус, который раньше предполагалось постепенно превратить в русский. Пока нам неизвестен точно ближайший повод этого повеления. Недавно было приказано подать в отставку одному преподавателю и доктору корпуса за их протест в качестве гласных против применения стряпни г. Куропаткина—так называемого нового «закона». Затем «либеральный» Константин Константинович запретил служащим в корпусе принимать участие в общинном управлении, и вот сам Николай совсем упраздняет корпус. Читатели, должно-быть, прочтут еще до моей статьи «правительственное сообщение» об этом со всякими «подробностями».

Из мелких «реформ» отметим введение в Гельсингфорсе в середине июня (н. с.) русской полицейской формы. Теперь эти держиморды даже и по внешнему виду не отличаются от наших башибузуков. Эта «реформа» постепенно распространяется по всей Финляндии.

26/13 июля 1903 г.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ОДЕССЕ.

В дополнение к корреспонденциям, помещенным в № 45 «Искры», печатаем полученный нами более полный рассказ о событиях.

Грозным ураганом пронеслась по Одессе всеобщая забастовка. Эта забастовка показала всю громадную силу рабочих. Она разрядила атмосферу и обнаружила настроение и мировоззрение рабочей массы; она дала очень мало в смысле улучшения экономической жизни рабочих и очень много для уяснения тех действующих сил в массе, которые, если не были скрыты совсем, то очень смутно вырисовывались. Забастовка столкнула рабочую массу с разными течениями: она раскрыла перед ней карты «независимых», она показала ей самодержавное правительство во всей его наготе и тем самым придвинула ее к пониманию своих истинных нужд и задач, заставив самых инертных подумать о положении рабочих, как класса, в стране самодержавного гнета и насилия. Перейдем к фактам.

Месяца два, два с половиною тому назад. «Комитет Независимой Рабочей Партии» [12] по просьбе рабочих решил начать забастовку на механическом заводе Рестеля — 200 человек. Зубатовский «комитет» в это время имел много денег, собранных с рабочих многих заводов Одессы, главным образом механических. Забастовщикам очень аккуратно выдавали пособия. Стачка затянулась. Все забастовщики получили расчет. Рестель постепенно на их место набрал новых. Полиция охраняла штрейкбрехеров» очень усердно. Подчас за усиленную агитацию среди «штрейкбрехеров» забастовавшим «независимым» попадало на орехи: подзатыльники и пинки, кое-кому и кутузка. Все это делалось по-семейному. Но рабочим все это стало надоедать, и они обратились с просьбой к своему председателю и вожаку Шаевичу [13], чтобы он вмешался и сократил Рестеля и полицию. Шаевич предложил им искать новые места. Вера во всемогущество «Комитета Независимых» сильно пала, и многие рабочие прекратили взносы в кассу, и без того очень истощившуюся, по одним рассказам самих «независимых», на стачечников Рестеля, а по другим — в карманы руководителей.

23 июня, под влиянием рабочих социал-демократов, вспыхнула стачка на бумагоджутовой фабрике Родоконаки и через несколько дней была блестяще выиграна.

В это же время соц.-дем. организацией «Рабочая Воля» [14] была поднята стачка портных Ландесмана. «Рабочевольцы», не имея средств, отказались от ведения этой стачки. Тогда Од. Ком. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии взял ведение стачки на себя. Около одной недели Комитет выдавал стачечникам пособия, но потом стачка по особенным условиям ремесленного труда расползлась и кончилась ничем.

1 июля началась стачка железнодорожных рабочих Большого вокзала—2.000—2.500 рабочих. Ближайшим поводом стачки послужил расчет одного рабочего котельного цеха. Котельщики потребовали его возвращения и удаления мастеров. Рабочие соц.-дем. в других цехах повели агитацию за всеобщую стачку железнодорожных рабочих. 2 июля Большой вокзал забастовал весь и были выработаны следующие требования: 1) девятичасовой рабочий день, вместо десяти, 2) увеличение заработной платы, 3) возвращение рассчитанных товарищей, 4) удаление мастеров Цваста и двух других, 5) вежливое обращение и целый ряд мелких требований. Ораторы из рабочих соц.-дем. и посланных Одесск. Комитетом на собраниях рабочих в малярном цехе (он же жел.-дор. театр) говорили о классовых противоречиях, о рабочем движении и проч. Организованные «независимые», около 150 человек, открыли оппозицию: грозили сорвать стачку, если будут политические речи и листки Од. К. Свои угрозы они привели в исполнение, срывая ораторов. А одного чуть не выдали полиции. Вынужденные считаться с давлением, оказываемым на массу «независимыми», организованные рабочие социал-демократы решили в своей агитации налегать на «экономику». Это выразилось главным образом в том, что листки к стачечникам жел.-дор. рабочим политического содержания, изданные О. К., они отказались распространять, ссылаясь на возможность провала стачки. Листки эти были уничтожены с разрешения Од. К., который счел неудобным их распространить еще и потому, что, в виду форсирования событий, факты в листках были уже устаревшими. 3 июля с утра настроение массы было настолько подавлено обструкцией «независимых», что, когда появился начальник дороги Немешаев и обещал удовлетворить мелкие требования, толпа, руководимая «независимыми», кричала ему «ура!», кидая вверх шапки. С обеда все пошли на работу. «Независимые» ликовали. Но прошло несколько дней, и настроение массы изменилось. Она почувствовала себя околпаченной. По рукам ходил писанный самими рабочими листок с призывом: «долой обман, долой мелкие требования, хотим большего». Листок Од. К. «по поводу стачки жел.-дор. рабочих» читался очень охотно. 6 июля состоялось собрание около 300—400 человек исключительно

жел.-дор., где ораторами Од. К. подробно разбирались вопросы о борьбе пролетариата в России вообще и о борьбе вокзальских рабочих в Одессе в частности. Возгласы ораторов «долой самодержавие» и др. были очень дружно поддержаны собравшимися.

4 июля рабочие грузчики в порту выставили требования: 1) увеличение заработной платы до двух рублей, 2) уменьшение рабочего дня на полчаса. Число забастовщиков определить трудно, так как колебания рабочего рынка очень значительны и часты, в зависимости от количества грузов. Од. К. были выпущены три листка «К портовым рабочим», читавшиеся охотно. После нескольких дней часть грузчиков пошла на работу, согласившись на 1½-рублевую поденную плату (раньше 80 к. — 1 р.) и уменьшение рабочего дня на ½ часа. Дольше всех бастовали грузины, персы, турки, как наиболее запасливые и сплоченные.

С 6-го числа, по мере прибытия пароходов в порт, примыкают к забастовке моряки, матросы, кочегары, угольщики, требуя увеличения заработ. платы на 50—70%, уменьшения раб. дня, платы за сверхурочную работу по 30 к. в час и некоторых мелких улучшений. В виду того, что часть моряков делала взносы в кассу «Ком. независимых» последний оказался вынужденным взять на себя руководство стачкой. Председателю «Ком. Независимых» Шаевичу очень не хотелось брать на себя это руководство, и он с первого же абцуга предложил сократить им свои требования: «не бить стенку лбом, а сверлить ее понемногу». Такие речи морякам не понравились, и Шаевичу пришлось ретироваться. На дверях «Ком.» вскоре появилась записка, извещавшая о болезни Шаевича. Далее события идут с головокружительной быстротой. Од. К. едва успевает получать и публиковать те стачечные требования, которые выставляет каждая категория рабочих отдельно. К наиболее, в количественном отношении, компактным группам забастовщиков Од. К. рассылает ораторов и агитаторов. Так, Одесским Комитетом были посланы ораторы к рабочим Русского Общества и Беллино Фендериха, к рабочим сносчикам, по хлебной операции, на Пересыпь и Тираспольскую заставу, здесь они помогали рабочим выработать и сформулировать их требования и произнесли несколько речей о связи экономической борьбы с политической. Ораторов слушали очень охотно. Серая масса предлагала ораторам угощение в трактире. «Долой самодержавие!» и пр. возгласы дружно повторялись сотнями голосов вслед за оратором. Од. К. в это время выпустил листок (в количестве 5.000 экз.) «Ко всем забастовщикам г. Одессы» с призывом дружно отстаивать сформулированные в нем общие требования: 1) восьмичасовой рабочий день, 2) увеличение заработной платы minimum на $^1/_3$, 3) плата больным до выздоровления, 4) отмена сдельной работы и 5) вежливое обращение. В листке также подробно разбиралась связь экономической борьбы с политической. Листок читался нарасхват.

С 13-го стало замечаться брожение среди кондукторов и кучеров конки. К ним были присланы Од. К. агитаторы. 15-го конка и трамвай на фонтаны и лиман прекратили движение. 16-го вышел листок к забастовавшим коночным рабочим, в котором сформулированы были их частные требования, в нем были они приведены в связь с общими требованиями и политической борьбой. В это время на места забастовщиков-моряков были посланы военные матросы и кочегары. Од. К. выпустил к ним прокламацию: «К морякам-солдатам», в которой он указывал на печальную роль «штрейкбрехеров» и призывал к пассивному сопротивлению. Прокламация была распространена очень удачно.

16-го утром прекратили работу фабрики Жако, Вальтуха, Радоконаки и нек. др. Агитаторы соц.-дем. в поле организовали собрание около 600 человек. Од. К. был послан оратор, но полиция разогнала собрание, причем арестовала трех рабочих. Толпа направилась к близлежащим фабрикам и заводам и остановила их, пригласив новых забастовщиков примкнуть к ним. Руководители соц.-дем. направили эту толпу в 4-5 т. чел. к Михайловскому участку с требованием освободить только-что арестованных товарищей. Вытребованные казаки нагайками разогнали толпу. В два часа собрались забастовщики Дальницкого района в количестве 7.000 — 8.000 человек в Рубов сад. Ораторами выступили организованные рабочие соц.-дем. Говорили об общих требованиях всех забастовщиков, о связи экономической борьбы с политической и пели революционные песни, а часа в четыре пошли из сада. На собрании было несколько городовых, приставов и шмыгали «шпики». Их присутствие настраивало публику на иронический лад, и рабочие пересмеивались с представителями «средиземной эскадры». Часов около пяти вечера толпа остановила пивоваренный завод Енни. Стоявшие около завода казаки улыбались забастовщикам, которые вели среди них агитацию. В 5½ час. рабочие остановили завод Арбеда. Часов в 6—7 все мирно разошлись по домам, назначив собрание на завтра утром там же, в Рубовом саду. Од. К. разослал гонцов по всему городу звать рабочих на 17 июля утром в этот сад. С вечера Од. Ком. были намечены темы в общих чертах и намечен порядок речей. За ночь были приготовлены знамена на случай демонстрации и имевшиеся в запасе листки Од. К. о златоустовской бойне и листки К. о «политической свободе» (перепечатано из «Искры»). Сорганизовать за ночь ядро собрания (до 8.000 человек) не было возможности, и было решено устроить это на месте.

17-го с шести часов, утра в Рубов сад повалили толпы рабочих и работниц. Вблизи места собрания находится химический завод Бродского. Собравшиеся забастовщики решили его остановить. Сломав ворота, они заставили рабочих примкнуть к ним. Посланный Од. К. оратор в центре толпы в 1.500 человек открыл собрание речью. Сформулировав общие требования, он перешел к об'яснению связи экономич. борьбы с политической, кончив общими возгласами «долой самодержавие» и пр., которые были поддержаны главным образом своими. Оратор уступил место другому. Второй говорил уже исключительно о политике и очень недолго. Запели революционные песни. В это время подошли рабочие «независимые» и, услышав пение, начали кричать: «Не надо нам политики! Мы пришли не песни петь, а вырабатывать наши требования». «Независимые» сгруппировали вокруг себя небольшие кучки и повели речь об «экономике». Организатору собрания, посланному от Од. К., кое-как удалось об'единить эти кучки в одну большую группу тысячи в 2—3 человек. Страсти разгорались. Едва появлялся оратор «независимых», его срывали соц.-дем., соц.-дем. оратора срывали «независимые». Хаос получился невообразимый. Крики «долой независимых!» «долой соц.-дем!» грозили перейти в рукопашную. Среди массы в это время господствовало желание сформулировать свои частные требования. «Независимые» в своих формулировках вслед за соц.-дем. тоже проводили восьмичасовой рабочий день. Казаки очень мирно стояли недалеко от группы соц.-дем. Среди «независимых» разгуливала полиция, с которой они шушукались. Было часов 9—10 утра. Видя бестолковость собрания, многие побрели домой пить чай. Дезорганизаторская работа «независимых», с одной стороны, и недостаточное знание настроения массы со стороны Комитета с другой, — вот две основные причины того, что социал-демократам не удалось овладеть собранием. Раздался призыв «к Юлиусу!» (пробочный завод). Этот призыв был дружно подхвачен толпою, которая, сплотившись, грозной лавиной двинулась из сада. Казаки за нею. По дороге затягивали «Марсельезу» и др. песни, но из толпы кричали: «Не надо песен!» И началось прямо величественное шествие 8-10-тысячной толпы с завода на завод, из мастерской в мастерскую. Рабочие, где с радостными, где с угрюмыми лицами, покидали душные мастерские и присоединялись к забастовщикам. Как катящийся ком снега, толпа все росла да росла. От завода Енни пошли на Пересыпь. Во главе шествия все время были организованные рабочие и интеллигенты соц.-дем. До станции Хаджибеевского лимана толпу конвоировали казаки; на Пересыпи их не было уже ни одного. На многочисленных остановках рабочие ораторствовали на политические темы. Обыватели сочувственно встречали толпу и нередко ее сопровождали. Около мельницы Вайнштейна были распространены прокламации О. К. о «Златоустовской бойне» [15]. Остановив все заводы на Пересыпи, стачечники, увеличившись до 40 — 50 тысяч, направились в порт. Из паровых котлов на пароходах выпускали пар, срывали флаги, звали с собой матросов, а военных моряков призывали к пассивному сопротивлению. Около под'ема на Николаевский бульвар толпа разделилась. Главное ядро шествия направи-

лось по Николаевскому бульвару. Здесь толпа остановилась, и оратор опять заговорил о борьбе, о необходимости политической свободы. С бульвара толпа направилась на вокзал. Другая значительная часть пошла через карантин и по Канатной улице. Толпа не знала, что вокзал уже забастовал с обеда, и шла его останавливать. Другие группы стачечников расползлись по всему городу, останавливая на своем пути все, даже самые мелкие мастерские. Вся Одесса забастовала. Как-то непривычен был для русского глаза вид этой свободно шествующей толпы; всем казалось, что вот-вот из-за угла, из засады выскочит встревоженный, насторожившийся враг. Толпа стачечников опять направилась в Рубов сад. Часов с 5—6 там опять выступили ораторы. Некоторые из них овладели вниманием публики, за весь день им удалось создать настроение, сочувственное политическим речам. «Независимые» были в очень ограниченном числе, и их попытки сорвать того или другого оратора оканчивались неудачей. Были примеры удаления «независимых» из толпы за нарушение тишины. Ораторы соц.-дем. предлагали «независимым» бросить обструкцию и говорить с дерева, как это делали все ораторы. «Независимые» не дали ни одного оратора, они ограничивались лишь своей дезорганизаторской ролью. У них в это время происходило свое собрание на Пересыпи, в здании «Комитета Независимых». Шаевич еще раньше этого собрания об'явил, что он болен, и скрылся от рабочих неизвестно куда. Председательствовал его помощник. Выборные от заводов, фабрик и мастерских собрались в зале «Комитета». Начали собрание с формулировки требований. Восьмичасовой рабочий день выборные хотели провалить. В прения вмешались проникшие в зал соц.-дем. и говорили о необходимости восьмичасового рабочего дня, а не девятичасового, как хотели выборные «независ.». Большинство приняло резолюцию восьмичасового рабочего дня. Относительно повышения заработной платы была принята резолюция — увеличение на 20%. Когда речь зашла о выборе депутатов («фабр. стар.») от каждой фабрики и завода, соц.-дем. стали громко протестовать, доказывая, что закон о старостах есть тот же зубатовский подвох. Но соц.-дем. торжественно вывели из зала заседания. В это время раздался тревожный гудок газового завода: это рабочие звали своих товарищей примкнуть к забастовке. На балконе здания «Ком. Незав.» появился оратор и убеждал толпу остерегаться красных знамен и вообще «социалистов». Бывшие в толпе соц.-дем. крикнули: «долой оратора!» Толпа их поддержала, и оратор вынужден был скрыться. В зале начались дебаты о соц.-дем. Выборные почти единодушно решили срывать на завтрашнем собрании в саду ораторов соц.-дем. и выгонять их из сада. «На завтрашний день мы запасемся ножами...» говорили некоторые. В саду между тем собрание шло с успехом для соц.-дем. Настроение было приподнятое, сочувствие соц.-дем. проявилось криками одобрения. Часов в восемь последний оратор об'явил собрание распущенным и назначил его на десять часов утра следующего дня. Од. К. решил воспользоваться этим собранием не только для политической агитации, но и для непосредственного руководства стачкой. Для этого предполагалось тут же предварительно проформулировать их частные требования, разбив их по заводам, а там, об'единив их выяснением требований общих, перейти к политической агитации. Чтобы провести намеченный план, Од. К. назначил на следующий день, в семь часов утра, в том же саду собрание организованных рабочих, около 150 человек. Но это собрание не состоялось по случайным обстоятельствам, и это-то испортило все дело.

18-го утром стачечники стали приходить в 6 час. утра. «Независимцы», появившись раньше всех, повели усиленную агитацию против соц.-дем. Организованные рабочие соц.-демократы вступили в полемику с «независимцами». Последние выводили соц.-демократов из сада, грозя передать их в руки полиции, если они вновь появятся. Это расстроило ряды соц.-дем. Насилу удалось сконцентрировать небольшую группу тыс. в 2—2½. Но первый оратор Комитета с места в карьер начал обычную политическую агитацию. Крики «долой соц.-дем.» заглушили его речь, и он соскочил с дерева. Под предводительством шпионов, толпа «независ.» бросилась на оратора и с криками «тащи его в участок» схватила его. Соц.-дем. вступили в борьбу с «независимцами», и после долгих и страшных усилий им удалось отбить от «незав.» еле живого оратора, поспешившего скрыться. Вслед за этим соц.-дем. удалось сплотиться и собрать около себя тысяч десять. Несмотря на все усилия «независимцев» срывать ораторов, некоторым удалось овладеть вниманием толпы. Шпионы, бия себя в грудь, кричали: «Мы, рабочие, хотим восемь часов, а политики нам не надо». Большинство стачечников разбилось на группы по фабрикам, заводам и цехам, где они обсуждали свои частные требования. Окончательно провалило успех собрания преждевременное разбрасывание прокламаций. Ком. еще до собрания решил бросать прокламации лишь тогда, когда удастся создать сочувственное со стороны массы отношение к политическим речам. Рабочевольцы принялись разбрасывать листки в начале собрания и вызвали сильное озлобление в толпе.

Между тем войска все прибывали к саду. Вслед за казаками появилась пехота, и часов в 11—12, без всякого предупреждения, казаки с нагайками, а солдаты со штыками и прикладами бросились на толпу стачечников. Разброд и шатание дали возможность разогнать 50 тыс. рабочих сравнительно с ними горсти казаков и солдат. Толпы по разным направлениям повалили из сада, оставив в саду несколько раненых. Одного рабочего солдат ударил прикладом по голове, и тот упал без чувств. Одной работнице солдат проколол руку и избил прикладом. Несколько человек еще получило легкие поранения. Интересно отметить следующий факт: солдат замахнулся на рабоч. прикладом, но, встретив отпор, беспрекословно отдал ему ружье. Несколько рабочих взяли платок, пропитанный кровью раненой работницы, привязали его к палке и с криком: «это кровь нашего товарища!» остановили расходившуюся толпу. Тут же было решено итти на демонстрацию в город. Развернувши знамя, с пением «Марсельезы» двинулись компактной массой. Казаки ехали сзади. «Независимцы» несколько раз пробовали сорвать большое знамя, и, наконец им удалось его порвать в драке с соц.-дем. На площади, около завода Енни, демонстранты прошли мимо казаков и разделились на две группы. Одна пошла по Колонтаевской, другая по Разумовской (3—4.000). Офицеры с казаками пустились в обход и хотели запереть демонстрантов, шедших по Колонтаевской. Около Провиантской казаки пустили в ход нагайки, и демонстранты рассеялись. Демонстрантам по Разумовской удалось пройти почти через весь город, до Екатерининской ул. Крики: «долой самодержавие!», «да здравствует политическая свобода!», масса листков, раздаваемых публике, знамя, революционные песни;—все вместе делало демонстрацию солидной и очень удачной. На углу Екатерининской и Успенской на демонстрантов, как вихрь, налетели казаки и разбили демонстрантов. Человек 30 забежали во двор дома. Ворота тотчас же заперли и поставили караул солдат. Проходившая толпа освободила демонстрантов. Все было кончено. Там и сям собравшуюся публику казаки разгоняли нагайками. А «Комитет Независимцев» был закрыт Арсеньевым еще с утра. Носятся слухи, что Шаевич арестован и отправлен в Петербург. Все недоумевали, почему вчера не били, а сегодня бьют. Решили, что все это вызвали «социалисты». На деле было иначе. 16-го Арсеньев не имел казаков и войск, не имел указаний свыше. 17-го получил подкрепление, 18-го он пустил подкрепление в дело.

19-го утром произошла жестокая кровавая расправа с кондукторами и кучерами конки. Заманив в депо, их связывали, выкручивали руки и связанных били нагайками. Около девяти человек в больнице, двое из них умерло; около 60 чел. по участкам, где их опять били. Часов в 8 открылось движение трамвая. На каждом вагоне были городовые, солдаты для «охраны труда». Пересыпские «независимцы» хотели собраться в Дюковском саду. Их угостили нагайками. В трактире полиция арестовала около 150 чел., причем двух так избила, что их отправили в больницу. Арестовывали на улицах, на квартирах. «Независимцы» били и выдавали соц.-рабочих. В воскресенье мелкие мастерские принялись за работу, не пред'явив никаких требований. Настроение подавленное. Били рабочих на Б.-Вокзале, на Тираспольской заставе, на ст. Пересыпь, у Гена, на кожевенных заводах, били до полусмерти, заставляя итти работать. Темная серая масса во всем этом

обвиняет не правительство, а «социалистов», заставивших правительство принять такие крутые меры. Среди «независ.» механических рабочих, наиболее сознательных, замечается поворот в сторону соц.-дем.

Одесский Комитет выпустил листок к солдатам. Подготовляются прокламации о «независимых», «фабричных старостах», «ко всем» по поводу стачки.

В дополнение к этому рассказу о всех событиях в Одессе мы приведем еще изложение дела оратором-рабочим, откладывая остальные сообщения до следующего номера или, может быть, до особой брошюры. Вот письмо оратора:

«Постараюсь передать о том, в чем я лично принимал участие и о чем, следовательно, осведомлен больше других товарищей. Мое участие непосредственно в здешних событиях начинается со стачки в железнодорожных мастерских, куда я был сперва послан за материалом, а затем, на второй день, говорить. Действительно, часам к шести веч. мне удалось говорить всем рабочим железнодорожных мастерских в их дворе. Говорил я о стачках, обосновывал их требования, но, когда я заговорил о роли государства, о законах, толпа зашевелилась, и мне пришлось прекратить. Речью моей остались довольны, лишь «независимцы» негодовали, почему я ввел политику. Говорили после меня на другой день, но стачка кончилась неудачно. Но вот 16-го узнаю я, что в Рубовском саду назначена сходка всех забастовщиков и что я должен буду говорить там. В четверг, 17-го, утром я отправился туда. В шесть часов утра я уже был там с двумя товарищами. Сад был еще пуст, лишь кое-где виднелись конные городовые. Товарищи ушли, чтобы послать руководителей сходки ко мне, где было решено устроить «штаб-квартиру». Я остался один. Проехали несколько раз стражники, но меня за кустом не было видно. Прошло 20 минут, и никто не приходил. Появились торговки с бубликами и абрикосами, к ним под'ехали конные городовые, прогоняя их, но те не хотели уходить, говоря, что здесь много людей будет, а они торговать хотят. На ответ городовых, что здесь никого не будет, торговки возразили, что, коли никого не будет, они уйдут. Их оставили в покое. Мимо проходила какая-то девушка, городовые жестоко избили ее нагайками, пользуясь тем, что никого вокруг не было. Прошло уже 40 минут, а вот уж без четверти семь, а никого нет. Вдруг слышу топот ног, я выскочил из-за деревьев и посмотрел на дорогу. По ней пестрой лентой подымались стройными рядами работницы и рабочие. Я обезумел от радости. Я опасался, что не допустят собраться в саду. Видя, что конца не видно этой полосе голов, и заметив, что тут нет никого из руководителей, я оставил свой пост и пошел с толпой. Возле меня собрались знакомые, передовые рабочие, и мы повели толпу. Настроение у всех было праздничное. Оказалось, что это шел только один завод. Скоро начали приходить и другие. Шли заводами. Остановились на полянке, возле большой группы булыжников. На конце поляны дымился химический завод. Рабочие начали настаивать на том, чтобы позвать товарищей с этого завода, и я пошел с ними к заводу. Подошли. Ворота оказались запертыми. На ограде показалась администрация. Я потребовал, чтобы пустили нас переговорить с рабочими, чтобы отперли ворота, но управляющий рассмеялся в ответ. Тогда толпа навалилась, и железные ворота вылетели, а толпа с криком «требуйте восьмичасовой рабочий день!» рассыпалась по заводу. Остановили пар, и с присоединившимися рабочими все вернулись на поляну, куда все прибывали рабочие с разных заводов. Я повидался с товарищами, и мне сказали, чтобы я говорил пока, так как толпа уже многочисленна. Я вернулся в толпу и, составив ядро из товарищей, открыл собрание своею речью. Я начал с деления общества на классы, указал на противоположности современного строя, на роль наемников капитала, затем перешел к борьбе, которую ведет пролетариат, к ее первоначальным формам — стачке и бойкоту. Я указал на рост сознания в рабочей среде России, на рабочее движение, на борьбу за социализм. Раз'яснил, что такое социализм, раз'яснил роль государства в борьбе рабочих за лучшую жизнь. Указал, что все добывается борьбой, но что она должна быть организованной, тогда она успешна; дальше же сказал им, что организованная борьба ведется Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией, а потому призвал их в ряды этой Партии, под ее красное знамя, на котором написаны заветные рабочему человеку слова: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует социализм!». Возгласы были поддержаны. Говорил я плавно и иллюстрировал мои мысли ссылками на положение и борьбу одесских рабочих, причем все сводил к требованиям и стачке. Слушали меня с полным вниманием, а говорил я очень популярно, так что всеми моя речь была понята.

«Тут был сделан неловкий шаг. Рабочие (сознательные) запели. Это произвело нехорошее впечатление на пожилых и посторонних движению рабочих. «Что мы сюда петь пришли, что ли?» — говорили они. Тут подошел другой оратор, тоже присланный организацией. Мне удалось прекратить пение, и я пригласил слушать оратора. Но тут раздались возгласы, звавшие рабочих итти остановить пробочный завод, бывший Юлиуса, и призвать товарищей оттуда. С трудом удалось нам удержать толпу, от которой уже начали откалываться группы. Оратор начал говорить, но внимания слушателей не имел, так как голос у него тихий, и его слышали только близко стоявшие. Говорил он о политической борьбе, о государстве и указал, что только политической борьбой рабочий класс добьется социалистического будущего.

«Когда он кончил, толпа разбрелась. Повсюду образовались кучки. В одном месте говорил рабочий „независимец“, ему оппонировал рабочий же соц.-дем. Я и другие товарищи собирали толпу в одном месте, об'явив, что сейчас придут еще 10.000 рабочих и тогда мы приступим к выработке общих требований. Все начали собираться в роще, тут же расположенной. Рабочие запрудили ее; а народ все прибывал. Все время возле нас находились конные городовые, а теперь под'ехали и казаки. Они стояли против нас. В это время стало заметно сказываться влияние „независимцев“. Слышны были возгласы „Чего они нам про политику рассказывают?“ „Мы сюда не петь пришли! Не надо нам демократов!“ Я пробрался в середину толпы, тут меня подняли на руках, и я обратился с речью к толпе. Постепенно меня начали слушать. Я сказал, что мы сюда собрались не петь песни, а посоветоваться и выработать требования, но если поют, то не наше дело мешать им, и напомнил условия, при каких вообще поются песни о рабочих страданиях России. Затем я начал говорить о стачке и обосновывать и формулировать требования: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработка не меньше, чем на одну треть, плата во время болезни до полного выздоровления и вежливое обращение. Формулируя каждое требование, я обращался к рабочим: „согласны ли все?“. Мне отвечали дружным: „Согласны!“ Когда я закончил требования и перешел к тому, как держаться во время забастовки, подошли „независимцы“, которые, узнав меня как соц.-демокр. и первого оратора, начали кричать, не зная содержания моей последней речи, что я говорю о политике, что это не надо, что все это неправда. Я воспользовался этим и спросил: „Так это неправда, что нам нужен восьмичасовой рабочий день и т. д., это неправда?“. Ответом было громкое, дружное „Правда!“, „Долой „независимцев!“.

«Но это был лишь момент. Я осип, лишился голоса. В разных местах подняли ораторов, говоривших с переменным успехом. Один рабочий, поднятый на руки, прокричал: „Соц.-дем. — наши лучшие друзья. Они за рабочих, за нас, гибнут в Сибири и тюрьмах и т. д.“. Но и его прекрасные, полные огня, слова потерялись в гуле толпы. Когда еще я говорил, в толпу врезался околоточный и арестовал одного, но толпа наступила на него, и он отпустил товарища, а сам ретировался. Я отошел в сторону и, обессиленный, потерявши голос, направился по решению товарищей в город. Это было 17-го утром. Участие мое в дальнейших событиях было общее. Мы, соц.-дем., потеряли руководительство массой. Я говорил в разных группах, но шпионы срывали речи, не давая говорить.

«Так как общий ход событий после того утра, с которого собственно начинаются события и когда отчасти создалось настроение, вам известен, то я изложил лишь ту часть, в которой я принимал самое непосредственное участие».

Одесса, 4 августа. Сюда прискакал 31 июля директор деп. полиции Лопухин, побывал у всех «начальствующих» лиц и, осведомившись обо всем происшедшем в Одессе, через сыскное отделение пригласил к себе некоторых рабочих, которые (по указанию шпионов и администрации) пользуются некоторым влиянием на рабочую массу и в то же время придерживаются «мирной» политики. Так, из железнодорожных рабочих выбор Лопухина пал на некоего Райха, бывшего депутатом от этих рабочих во время июльских событий. Секретарь Лопухина предварительно исповедывал Райха, доказывая ему все прелести самодержавного строя и уверяя его в любви царя к рабочим. В заключение он предложил Райху написать доклад о рабочем движении и о мерах к умиротворению рабочих при самодержавном строе. Райх написал длинный доклад, сбиваясь в нем все время на экономизм, хотя и заключил доклад сомнением в возможности широкой экономической борьбы при существующем политическом строе. На следующий день жандармы повели Райха к самому Лопухину. После рукопожатия и угощения папироской Лопухин с места в керьер задал Райху вопрос: «А скажите, пожалуйста, какие нелегальные организации, по вашему мнению, наиболее способны разрешить рабочий вопрос?» — «Вы про „независимых“ спрашиваете?», — ответил вопросом не понявший в чем дело Райх. «Нет, я говорю о нелегальных союзах, — настаивал Лопухин, — о соц.-дем., о соц.-рев. и проч.». «К сожалению, я мало знаком с программами этих организаций и ничего вам положительного сказать не могу», — ответил Райх. — Однако, по моему мнению, рабочие могут улучшить свое положение путем организации широких всероссийских рабочих союзов, как в Англии». — «Зачем вам всероссийские рабочие союзы, — возражал Лопухин, — можно достигнуть тех же результатов, если в каждом городе будут отдельные рабочие союзы». — «Нет, это нам будет неудобно, — отвечал Райх, — капиталисты при забастовке могут тогда выписать рабочих из других городов, и стачка будет проиграна». Лопухин заерзал на стуле. «А скажите, пожалуйста, почему это провалились в Одессе „независимые“?» — задал Лопухин новый вопрос. Райх в длинной речи, уклоняясь часто в сторону, начал доказывать Лопухину, что «независимые» не могут иметь успеха, благодаря росту рабочей интеллигенции, которая везде раскрывает массе глаза на существующие порядки, доказывая, что рабочие через «независимых» не могут добиться ни уменьшения налогов и податей, ни сокращения срока военной службы и т. п. «А скажите, пожалуйста, — начал вновь Лопухин после непродолжительного молчания: — что вы думаете о новом законе о фабричных старостах?» — «Меня хотели было выбрать в старосты, — издалека повел свою речь Райх, — да вот подгадил циркуляр харьковского губернатора. Наши рабочие покупают в день 100 — 150 экз. газет (пп. 2.000 — 2.500), и циркуляр, вменяющий в обязанность старостам ловить подметчиков прокламаций и вообще вредных „людей“, сразу же поднял все мастерские, и начали везде толковать о старостах-шпионах. Я поспешил снять свою кандидатуру. — «Какой же это циркуляр? — недоумевал растерявшийся Лопухин. — Я сам заседал в комисии, которая вырабатывала закон о старостах, и там я настойчиво проводил мысль не возлагать на старост полицейских обязанностей. Я тогда же говорил, что фабрикант может всегда воздействовать на старосту деньгами, чтобы он делал то... (что „то“, Лопухин не договорил, спохватившись). Мы, ведь, хотели облегчить рабочим начало их самоуправления, а это крайние партии извращают смысл закона, да и вы сами, г. Райх, проповедуете соц.-дем. идеи» — уже переходит в наступление не особенно ловкий Лопухин. — «А скажите, пожалуйста, — после паузы продолжал допрос Лопухин, — не могут ли стачки превратиться в еврейский погром?». «Нет, этого не будет, — с уверенностью заявил Райх: — национальная вражда очень сильно изгладилась у нас, в Одессе, и погромы отошли в область преданий».

«А скажите, пожалуйста, вы слыхали, что делается на Кавказе? — переменил тему Лопухин: — там, знаете ли, темперамент — кинжалы, револьверы». Райх недоумевал, не понимая, чего от него хочет Лопухин. Вопрос был задан в надежде, не расскажет ли Райх о том, в каком положении находятся в Одессе дела с кинжалами и проч. Райх молчал, замолчал и Лопухин. На прощание Лопухин бросил Райху: «Осенью нам в Петербурге предстоит серьезная работа решить все эти вопросы». — «Пожалуйста, постарайтесь, — просил наивный Райх, очарованный любезностью Лопухина: — бедному человеку совсем туго приходится. Да придумайте что-нибудь посерьезнее „независимых“ и фабричных старост».

Проще и циничнее вел беседу Лопухин с депутатами рабочих трамвая, только что выпущенных из тюрьмы 64 чел.

Подробно расспрашивая каждого из них об условиях работы и семейном положении, Лопухин сокрушался, что он по закону не имеет права требовать сейчас обратного приема их на службу трамвая. «В Петербурге я войду с вопросом об улучшении вашего положения, там у нас мало знают о вашем житье-бытье, и вы напрасно производили беспорядки», — усовещевал кондукторов Лопухин. «Ваше п-во, существуют ли в России законы, которые бы позволяли нас бить? Ведь „политикой“ мы не занимались, на улице не буянили и на рабочих собраниях не бывали, были только в своем депо для переговоров с дирекцией», — спрашивал Лопухина один рабочий. Лопухин сокрушенно вздохнул и ангельским голоском ответствовал: «Нет, голубчики, такого закона нет, а вот вы же беспорядки устраиваете, и бывает, что и невинного побьют — всех не разберешь. Да я и не знаю, кто дал приказание бить вас». Когда же один из депутатов робко намекнул на взятку, данную одесской администрацией, Лопухин, указывая пальцем вверх и подняв глаза к небу, молвил: «Да, голубчики, и там даже берут».

Вел переговоры Лопухин и с «независимыми», но что толковал, пока неизвестно.

По слухам, на-днях одесские предприниматели послали Витте телеграмму с просьбой «убрать независимых», указывая на «агента внутренней полиции Шаевича“, как главного виновника забастовки.

Киев. Вследствие пропажи (или опозданий?) нескольких обещанных корреспонденций, мы в состоянии теперь дать лишь весьма неполные сведения о здешней стачке. Одно сообщение гласит: «Сегодня утром (27 июня), в 6 час., приехал в Киев, и как только пароход причалил к пристани, явились рабочие и забрали весь наш штат: матросов, кочегаров, рулевых и официантов, об'являя, что везде забастовка. Я взял чемодан и отправился домой. Я узнал следующее: началась забастовка на вокзале в понедельник 21-го. Все служащие железной дороги полегли на полотне ж. д., и движение прекратилось. На следующий день явились полиция и войска, но рабочие осыпали их камнями. Прибегнули к оружию; в результате — 30 убитых, 20 раненых, в том числе 10 казаков. В среду, 23-го, движение трамвая прекратилось и до сих пор не восстановилось. В четверг, 24-го, к забастовке примкнули все городские заводы и фабрики, также Куреневка (предместье). В пятницу, 25-го, пароходы общества прекратили движение. Рабочие ходили по мельницам, паровым заводам и заставляли бросать работу. Рабочие брали пароходы и раз'езжали по Днепру, заставляя служащих других пароходов бросать работу. В пятницу приказано было стрелять, и пало много невинных: на пароходской пристани убили трех кацапов, которые собирались ехать домой. Пароходские пристани разрушены пушками (*? Ред.*). К вечеру толпа, собравшаяся на Александровской улице, напала на войска, причем убили трех казаков и пять солдат. Хлеб вечером 25-го продавали по 12 коп. фунт, теперь подешевел. 26-го около Александровского сквера толпа рабочих демонстрировала, и на требование разойтись ответила градом камней. Был дан залп, убили трех рабочих. Вывешены об'явления, в которых строго воспрещается собираться, в противном случае будут стрелять, не разбирая».

Другой очевидец пишет от 28 июня: «Что у нас творится! Ни электричества, ни газа, ни хлеба, ни движения никакого, кроме извозчиков за баснословную цену. Бьют, убивают, разрушают, волосы дыбом становятся. Чем это кончится? Это не стачка, а что-то грандиозное. Некоторые типографии перестали работать. Мельницу Бродского разнесли. Единственно, что удалось спасти, это — водопровод,

иначе город остался бы без воды. Водопровод оцеплен войском, и воду отпускают сами инженеры. Если это еще продолжится, о Киеве может остаться одно только воспоминание».

От 30 числа кратко сообщают о прекращении стачки. Рабочие получили, будто бы, повышение платы на 20% и сокращение рабочего дня на один час.

Елисаветград. Наш город имеет несколько крупных заводов земледельческих орудий, на которых работает свыше двух тысяч рабочих. Имеется также несколько крупных мельниц и табачные фабрики, на которых занято приблизительно столько же рабочих. Фабрично-заводские рабочие — специализированные профессиональные пролетарии. Имеется также самый незначительный процент крестьян (несколько десятков), не окончательно еще порвавших с деревней. Они преимущественно работают на самом крупном заводе Эльворти, где большое разделение труда не требует особой специализации рабочего. Порядки на наших заводах ничем не отличаются от заводских порядков в других городах. Бесконечные штрафы, грубое обращение мастеров, переходящее иногда в кулачную расправу, беспрерывное понижение расценок без предупреждения рабочих, — такова общая характеристика нашего заводского режима до настоящего времени. Опасаясь крамолы, проникшей в последнее время на все заводы, заводчики стараются всячески убаюкивать рабочих, устраивая для них спектакли, в которых сами рабочие выступают в качестве артистов, они организовывают музыкальные оркестры из рабочих, приглашают также попов на фабрику, которые читают рабочим проповеди. Эти церковные агитаторы перешли в последнее время даже к письменной агитации. Недавно устроены были прогулки для рабочих на двух заводах: у Яскульского и Шкловского. Последние пригласили попа, который отслужил молебен, а потом раздавал рабочим печатные листки за своею же подписью. В листках этих говорилось о том, что нужно уважать старших, повиноваться начальству, что нужно молиться за царя-батюшку, который богом поставлен управлять нами и который печется о нас как о своих детях, и т. д. Но все эти приемы не достигают своей цели и, благодаря социал-демократической пропаганде, находят у рабочих должную оценку.

Отдельные попытки пропаганды среди рабочих встречаются в нашем городе начиная с 1898 г. Но все эти попытки носили чисто случайный характер. Обыкновенно пропаганда эта ограничивалась одним-двумя кружками из четырех-пяти рабочих, с которыми интеллигент завязывал знакомство. С его от'ездом или арестом связь терялась, и желавшему возобновить работу интеллигенту приходилось сызнова искать связей; так работа велась с значительными перерывами до 1902 г. Вся эта работа, конечно, не прошла бесследно. Первое массовое рабочее собрание, устроенное летом 1902 г. самими рабочими, прекрасно это доказало. Почва для социал-демократической пропаганды была таким образом создана, и первая серьезная попытка создать прочную организацию увенчалась полным успехом. Тогда устанавливаются постоянные связи почти на всех заводах, устраиваются постоянные пропагандистские кружки, которые усердно посещаются рабочими, на этих кружках ведется пропаганда социал-демократических идей; обсуждаются разные вопросы текущей политической жизни. Тогда же устраиваются все практические учреждения. Число сознательных рабочих увеличивается, и, упрочившись таким образом, организация получила возможность перейти к широкой массовой агитации путем прокламаций. Начиная с января текущего года, Комитетом выпускается ряд прокламаций, трактующих различные вопросы общерусской и местной заводской жизни (о ростовских событиях — к рабочим 3.000 экз.; из заводской жизни (политического содержания) 3.000 экз.; майская, Орган. Комитета, 1.500 экз.; по поводу кишиневского погрома — к обществу, 800 экз.; по тому же поводу — к рабочим, 300 экз. Орг. Ком.).

1 марта текущего года Комитетом устраивается массовое собрание за городом, которое своими размерами превзошло всякие ожидания Комитета. На собрание отправилось из города до 150 человек; но, по незнанию места, не все попали. К сожалению, место было выбрано неудачное, и на собрании удалось прочесть одну только речь о мартовских событиях, пропета была революционная песня, и собравшиеся должны были разойтись. Причиной послужило внезапное появление в экипаже помещичьей семьи, которая, увидев собрание, помчалась в город за полицией. И действительно, через ½ часа после того, как все разошлись, туда нагрянула полиция, но никого уже не застала. По дороге обратно она наткнулась на какую-то кучку рабочих, распивающих водку с девушками. Подозревая в них участников собрания, она их заарестовала. Некоторых сейчас освободили, а остальных на следующий день. Но и это неудавшееся собрание не прошло, конечно, бесследно для рабочих. Последние на практике убедились, с какими трудностями сопряжена конспиративная работа и как трудно рабочему при существующем политическом режиме послушать «живое» слово. Полные ненависти ко всем поработителям, которые держат их в черном теле и не допускают к ним луча света, рабочие разошлись, надеясь скоро собраться на таком месте, чтобы «сам чорт их не нашел». После этого спрос на нелегальную литературу сильно увеличился, и Комитет старался итти навстречу этому спросу, распространяя в широких размерах популярную социал-демократическую литературу. В последнее время деятельность Комитета не ограничивается работой только среди городских рабочих: она распространяется также на окрестные деревни, с которыми имеются связи и куда посылается подходящая социал-демократическая литература. Спрос на эту литературу сильно растет. Отношение же крестьян к Елис. организации, о которой они имеют фантастическое представление, самое лучшее. И люди, присылаемые к ним организацией, выигрывают очень много в смысле воздействия, если они не скрывают своего представительства. Особенно ярко выступает отношение крестьян к организации и до известной степени характеризуется их политическая зрелость в следующем факте. В деревнях распространился слух, что Елис. организация готовится к уличной демонстрации на 19 февраля. Крестьяне прислали от себя человека в «орг.» с извещением, что Комитет может рассчитывать на их участие, если он действительно решит устроить демонстрацию. Считая себя неподготовленным, Комитет ответил представителю, что никакой демонстрации 19 февраля в Елис. не будет. Крестьяне же, должно-быть, усмотрели в этом ответе недоверие к ним со стороны организации и решили на деле показать, как глубоко они чувствуют ненависть к существующему политическому строю и как сильна у них потребность выразить эту ненависть открытым протестом вместе с своими городскими товарищами. 19 февраля несколько крестьян явилось в город с дубинками в руках и почти целый день расхаживало на Большой улице (главной ул. Елис.), выжидая демонстрации. Месяца три тому назад на одну деревню было сделано нашествие жандармов. По указанию шпиона, был арестован один крестьянин, которого остальные старались отбить. Вообще настроение, как среди фабрично-заводских рабочих, так и среди крестьян окрестных деревень, весьма революционное. Нужно только сожалеть, что нет достаточно свежей популярной литературы, которая удовлетворяла бы все требования.

Теперь несколько слов о соц.-рев. В 24 № «Рев. Росс.» имеется лаконическое сообщение о том, будто в Елис. образовалась группа с.-р., которая выпустила две прокламации ко всем рабочим, одну за своей подписью, другую за подписью об'ед. группы соц.-рев. и соц.-дем. Нам хорошо известны дела Елисаветграда до самого последнего времени (один из нас лишь пять недель оттуда), и ни о какой группе соц.-рев. мы не слыхали. Месяца три-четыре тому назад нам передали, что на Большой улице было разбросано несколько гектографированных листков. Но, как мы ни старались достать хотя бы один экземпляр, нам не удалось, так как отвечают, что не читали, но что такая прокламация была разбросана по Большой улице. Содержания же тоже буквально никто не знал. Это относится к обществу; что же касается рабочих, то никто из них о такой прокламации даже не слыхал. До от'езда же товарища никакого даже слуха о прокламации за подписью соц.-дем. и соц.-рев. не было, и все эти сообщения — простая выдумка.

Два бывших члена Ел. Ком.

Елисаветград. 30 июля 1903 г. Теперь 12 часов ночи, и после трехдневных мук и страданий опишу, что творилось за последние дни у нас в городе. Постараюсь все написать, ибо, как очевидец, кажется, ничего не забуду. В понедельник 28 июля забастовало 300 каменщиков и более 200 плотников и маляров. Они ушли с работы, не заявляя никаких требований хозяевам и подрядчикам. Все шли кучками по улицам, а там, где видели, что работают, заставляли уходить. Всем им велели собраться на Конную площадь для переговоров. Стояли они там часа два. К ним пришла масса посторонней публики. Разговаривали о своих нуждах, требованиях и т. д. Все держались очень тихо. На их лицах было замечательно веселое настроение. Ну, без полиции, конечно, не обстоит дело. Было несколько конных городовых, пешей полиции и пристава. Вдруг приехал полицмейстер, заспанный, видно загулявшийся поздно с певицами в городском саду, начал спрашивать, чего они хотят. Некоторые рабочие, старики, сняли шапки, но тут из толпы один крикнул: «Перед кем вы снимаете шапки!». Некоторые одели обратно шапки. Полицмейстер, видя, что тут что-то неладное, заявил им, чтобы выбрали своих депутатов для переговоров, но они не согласились, боясь, чтобы их не арестовали. Тогда полицмейстер велел им притти завтра, в 7 час. утра, на то же самое место. Днем к ним присоединились все ремесленники-слесаря в количестве 150 человек и почти все мальчики. С Конной площади не все разошлись. Остались кучками и вели беседы. Полиция просила разойтись. Замечательный курьез, я его сам слыхал. Помощник пристава Нехорошкин подошел к кучке, чтобы разогнать ее. Тогда вышел старик, каменщик, лет 65, и говорит ему: «Слышь, сынко, мы никого не трогаем, уйды по-доброму, а то набьют тобі потылицю и нычего доброго не выйды». Нехорошкин ушел. Пришли к рабочим некоторые приказчики и просили их, как по примеру других городов, подойти к магазинам и потребовать приказчиков. Тогда толпа рабочих, в количестве 100 чел., подошла к мануфактурному магазину братьев Заславских, на мосту, и потребовала приказчиков. Нашлись такие в магазине Заславского, что сказали, что ничего им не надо. Но рабочие ответили: «Если вам хорошо, то помогите другим магазинам». Хозяева магазина, Заславские, принуждены были запереть магазин и выпустить своих служащих. То же самое было у Кулаковского. Тут явилась полиция и хотела выхватить вожаков, но их не дали, отбивая руками. Рабочие подошли к магазину Державца; там также заперли, и ближайшие магазины к нему. Шествие продолжалось час времени. По тротуарам была масса публики. Когда они подошли к магазину Олинской и по заявлении, чтобы отпустить служащих, последние вышли из магазина, тогда все с криком «ура» бросились дальше. Но тут полиция показала свое зверство. Прискакало несколько конных городовых, врезались в толпу и прикладами и нагайками били кого попало. Была тысячная толпа. Все магазины, по приказанию полиции, были закрыты. Все разбежались по средним улицам. По Дворцовой и Большой-Перспективной ходила масса рабочих. Полиция здесь пошла на хитрость: забили в набат, вывесили на каланчу три шара и дали тревогу. Пожарные уехали для того, чтобы заманить публику на Ковалевку, но там пожара не было. Масса публики побежала за ними, но оказалось все ложным. Выслали вооруженную роту солдат. Часть оставили за крепостным садом, часть ушла обратно в казармы. По улицам кишели шпионы, жандармы и полиция. По улицам было движение рабочих. На Преображенской улице, к стыду полиции, совершенно свободно прошли ремесленники со знаменами без надписи. На следующий день в 7 час. утра собрались все рабочие, которые бастовали, и к ним присоединились мельничные рабочие и биндюжники. Они стояли, мирно разговаривая вместе с организованными. Публика, зная раньше, что сюда соберутся рабочие, пришла массой, почти всю площадь заняли. Вдруг бросились на них штук 20 конных городовых и начали избивать толпу нагайками. Все разбежались. Но, несмотря на это, рабочие собрались на Крепостную площадь; там они также мирно беседовали. С ними был помощник пристава 3-ей части Тарнеров и несколько конных городовых. Все рабочие были возбуждены и революционно настроены. Они уже ясно видели своими глазами, кто их враг. Рабочие стояли часа три. К ним пришла масса народу. Цифру не могу определить. Но не тут-то было. Опять сорвалась полиция и буквально начала топтать лошадьми людей. Но тут рабочие не дались уже. Все закричали, чтобы защищаться. Бросились на лесопильный завод; каждый взял себе по дубинке и шел против полиции. Раз'яренная, как зверь, полиция, видя, что бессильна, дала сигнал, и сейчас прибежали две роты конных солдат вооруженных и под командой дали пустой залп. Рабочие ничуть не испугались и бодрыми лицами с дубинами [16] в руках стояли, не двинувшись с места. Тут среди свалки и побили голову пом. пристава Нехорошкину, так что пришлось долгое время удерживать кровь. Побили здорово рыжего шпиона, так что не знаю, придет ли домой. Словом, можете себе представить, что тут было. Толпа так революционно настроена, что даже женщины, дети, взяли палки и в случае будут защищаться против полиции. Приехал полицмейстер и попросил толпу, чтобы его пропустили. Ему позволили. Он начал уговаривать, чтобы разойтись, но был один ответ: «Пока не удовлетворят всех требований, до тех пор не разойдемся». Рассказывал им, что в Киеве убили 200 рабочих. Тогда один из толпы ответил: «А почему в правительственных сообщениях только три человека?». Толпа, видя все зверства полиции, была так возбуждена, что решилась биться до последней капли крови. Но тут кругом начали обставлять солдат. Все рабочие увидели, что хотят их заманить, так что все разбежались. Но все-таки удалось нашим башибузукам арестовать и загнать в тюрьму З. Резникова 59 человек. Из них 45 русских и 14 евреев. Кроме того, было много арестов. Хватали прямо с улицы, не расспрашивая, виновен или нет. Так, арестованы студенты Шапиро и Лашенко и многие другие — приказчики и пекарь. В тюрьме их избивают до крови и не дают им пищи. Когда бросили работу в 6 часов, рабочие завода Эльворти пошли по Дворцовой и Б. Перспективной улице. Как чудно было смотреть на них! Стройные, с головами вверх, шли без препятствий. По дороге они встретили полицмейстера Падейского. С криком и свистом бросились на него, но он удрал в полицейское управление. Недоставало только знамени и организованности, чтобы вышла удачнейшая демонстрация. Несмотря на тысячи солдат, которые находились у Крепостной площади, все закричали: «Товарищи, идемте освободить арестованных!». Все бросились к тюрьме, но у моста их остановили: началось опять избиение. Все рассеялись. Магазины велели закрыть. Всю ночь под барабанным боем шли солдаты и раз'езжали конные полицейские. Сегодня было немного спокойней. Требования мельничных рабочих удовлетворили. Каменщики еще не работают. Чем кончится—не знаем. Весь город революционно настроен. Одному мальчику нагайкой отрубили нос. Заказали у Гольденберга 100 новых нагаек по 1 р. 20 к. за штуку. Зверство полиции неописуемо. Всех солдат и полицию напоили до пьяна. Пишущий эти строки сам хорошо получил прикладом прямо в грудь и, вдобавок, прибежал озверевший полицейский и начал меня колотить. Вдогонку гнались за мной, чтобы поймать меня, но никак им не удалось. В третьем участке подпалили какой-то старый сарай для того, чтобы отвлечь толпу. Но в другой раз им эта хитрость не удалась. Толпа кричала: «Нас обманывают!». Есть еще масса фактов, не можешь запомнить или же с болью на душе не можешь писать. Мне казалось, что опишу сотню листов. Ничего, привыкаешь ко всему. Только в первый раз действительно страшно больно.

Елисаветград. Город в настоящее время просто терроризируют. Прислали сотню казаков, солдат оставили в городе. В тюрьму засадили на три месяца 56 чел., после еще взяты — берут даже в последующие дни прямо с улицы. Какие-то два чел. взяты на улице, ибо были в синих рубахах, побили их в участках нагайками, обругали с.-д. и отпустили с миром. Взят на улице студент Шапиро, избит и заключен на три мес. Взято прямо из пекарен более десяти чел. и засажены на три месяца. Был вице-губернатор. Эльвортовские рабочие бросили было работу, требуя освобождения семи арестованных рабочих. Приехал к ним вице-губернатор, увещевал их и освободил тех. Из заводов деятельно увольняют нежелательных. Мельникам дали

воскресный день, каменщикам — ничего. По городу носятся слухи об умерших от избиения. В тюрьме рота солдат, ибо боятся, что придут освобождать.

Батум, 17 июля. В 7½ часов утра рабочие всех заводов бросили работу и направились к базару; всего собралось около шести тысяч человек. Вынесли столы, на которые взобрались рабочие и читали прокламации, произносили речи на русском, армянском и грузинском языках. К этому времени прибыло войско, казаки, и толпа была рассеяна. Батум представлял из себя нечто необыкновенное: закрылись все магазины, конторы, пекарни, мастерские, забастовали также носильщики на вокзале, стрелочники и кондуктора, бросили работу плотники и строительные рабочие. На следующий день, в четыре часа дня, рабочие собрались около электрической станции и развернули красное знамя, но казаки налетели на толпу и рассеяли ее. В то же время были даны два залпа: смертельно ранен рабочий М. Пирцхалайшвили и несколько друг. Казаки и полиция усердно избивали рабочих и мелких торговцев, сочувственно относившихся к рабочим. Через два дня почти все магазины были открыты, и рабочие постепенно начали приступать к работе. Арестовано более ста человек.

Харьков. В 9—10 ч. веч., 26 июля, за городом, в местности, называемой «Урал», собралось больше 100 работников и частью работниц от всех харьковских мастерских и заводов для собеседования. В 11 ч. ночи толпа была окружена казаками и конной полицией. Большинство рабочих спаслось бегством. Вслед убегавшим стреляли. Арестовали около 40 чел., которых сильно избили.

Через несколько дней с.-р. выпустили прокламацию (от Харьк. Ком. с.-р.) с призывом к решительным действиям.

О «Комитете» партии с.-р. в Харькове, если не ошибаюсь, слышно впервые, проявления же с.-р. здесь не было уже 1—1½ года. Телеграфисты Киев — Белая Церковь — Фастов забастовали. Требовали прибавки по 10 руб. По телеграмме из Питера их требование удовлетворено.

Барановская Мануфактура, станц. Бараново, Моск.-Яросл. жел. дор. Рабочих на заводе свыше пяти тысяч. Вследствие значительного вздорожания хлопка сильно понижены расценки. На этой-то почве разыгралась Костромская история [17], и то и дело возникают беспорядки по всему району. 22 июня вышла история и на здешней мануфактуре, на которой и вообще условия очень скверны. Как только были вывешены новые расценки, тотчас же бросили работу ткачи. В дальнейшем постепенно присоединились и все остальные рабочие, до одного. Дело не обошлось без «воздействия». Говорят, бегали и кричали: «убьем, кто будет работать». Затем были разгромлены квартиры трех служащих, избили до полусмерти двух полицейских. Рабочие почему-то проникнуты доверием к Баранову Асафу, хотя он собственно тут имеет мало значения. Они не пустили на фабрику ни полицию ни прокурора и вели переговоры только с Барановым. Директор и вся администрация разбежались. Требовали возвращения старых расценков, но, главным образом, настаивали на удалении восьми человек из администрации (директора ткацкого отделения, заведующего спальнями Фаворского и еще шесть мастеров). Баранов обещал удовлетворить все требования. Были вывешены старые расценки, а на третий (кажется) день начались работы. Пока что подошли войска. Хотя еще арестов не было, но разборки надо ждать. Сведущие люди не верят, чтобы обещания были исполнены...

ИЗ ПАРТИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО.

Товарищи! Состоявшееся здесь 7/20 июля общее заседание членов Бюро было предпоследним перед международным конгрессом, который, как известно, должен собраться в Амстердаме в августе 1904 г. Поэтому большую часть времени пришлось посвятить установлению порядка дня предстоящего конгресса. Пока намечены следующие пункты: 1. Доклады Международного Секретариата и секретарей отдельных национальностей. 2. Всеобщая стачка. 3. Общие основания социалистической политики. 4. Трэд-юнионизм и политика. 5. Колониальная политика. 6. Тресты и безработица. 7. Международные третейские суды. 8. Национальное и международное законодательство об эмиграции и об иммиграции.

По всем перечисленным пунктам конгрессу должны быть представлены доклады теми партиями, которые настаивали на их внесении в порядок дня. Так, по пункту второму доклад будет представлен Голландской Социалистической Партией; по пункту третьему—Социалистической Партией Франции (Революционно-Социалистическим Союзом); по пункту четвертому — Английским Фабианским Обществом; по пункту пятому — Гэйдманом из Английской Социал-Демократической Федерации и Ван-Колем из Голландской Социалистической Партии; по пункту седьмому—Английской Независимой Рабочей Партией; по пункту шестому — Социалистической Партией Соединенных Штатов Северной Америки и, наконец, по пункту восьмому—Социалистической Партией Аргентинской республики. Что касается пункта первого, то само собой разумеется, что доклады должны быть доставлены всеми национальностями, и было бы очень желательно, чтобы наши комитеты своевременно позаботились о доставке нам всех сведений о ходе нашего движения за 1900—1904 годы, дабы наш секретарь при Международном Бюро мог составить достаточно подробный отчет.

К перечисленным выше пунктам социалистические партии всех стран могут через своих представителей в Бюро прибавить новые, но это должно быть сделано до следующего общего заседания Бюро, которое состоится в первое воскресенье февраля будущего года.

Из других пунктов, предложенных на обсуждение Бюро—вопроса о международной политике, о Македонии и о защите иностранных рабочих—первые два вовсе не могли быть разобраны в виду отсутствия делегатов тех стран, которыми эти вопросы были подняты. Что же касается третьего, то он вызвал довольно оживленные дебаты. Дело в том, что вопрос этот был поднят бельгийскими делегатами, имевшими в виду совершенно специальный случай—выработанный некоторыми французскими депутатами законопроект, имеющий целью ограничить или даже совсем исключить конкуренцию иностранных рабочих. В таком духе была предложена резолюция. Но на это было замечено, что вопрос этот существует не только во Франции и Бельгии, но и во всех других странах, причем он становится гораздо более сложным там, где с местными рабочими вступают в конкуренцию рабочие из стран с более низкой культурой. В виду этих возражений и в виду невозможности сейчас же выработать более общую резолюцию, пришлось ограничиться принятием следующей переходной формулы:

«Поднятый бельгийскими делегатами вопрос значится в порядке дня амстердамского конгресса (см. выше пункт восьмой) и этим последним должен быть решен в общей форме резолюции. С другой стороны, делегаты все единодушно осуждают тот принцип, который лег

в основу предложенного некоторыми (французскими) националистскими депутатами законопроекта, стремящегося к окончательному изгнанию (из Франции) рабочих соседних стран. В виду этого Бюро предлагает социалистическим депутатам заинтересованных стран, — в том случае, если бы эти законопроекты были поставлены на обсуждение палаты до амстердамского конгресса, — совместно заняться приисканием наиболее действительных средств, чтобы отвергнуть эти исключительные меры».

Известно, что нынешней весной ожидался приезд русского царя в Италию [18]. По этому поводу итальянский социалистический депутат Моргари [19] произнес в палате речь, в которой протестовал против приезда в Италию душителя всей России и против устройства ему торжественного приема. Понятно, что вся буржуазная печать набросилась на Моргари за его якобы непатриотическое поведение. Итальянский делегат Э. Ферри обратился поэтому в Бюро с письмом, в котором просил его высказать свое отношение к поступку Моргари. Принятая в ответ на это письмо резолюция гласит:

«По поводу письма Ферри и заявления товарища Моргари в итальянской палате Международное Социалистическое Бюро выражает Итальянской Социалистической Партии чувство своей солидарности и еще раз высказывает свое отвращение к русскому царизму и к его преступлениям».

Брюссель, 9/22 июня 1903 г.

Б. Гинзбург (Д. Кольцов)

Перепечатываем из листка Заграничного Комитета Бунда резолюцию V с'езда Бунда о «положении Бунда в Российской Соц.-Демокр. Рабочей Партии».

«§ 1. Бунд есть федеративная часть Росс. С.-Д. Раб. Партии. — § 2. Бунд — социал-демократическая, неограниченная в своей деятельности никакими районными рамками, организация еврейского пролетариата и входит в Партию в качестве его единственного представителя; причем выступление от имени всего пролетариата определенной территории, на которой, кроме других входящих в Партию организаций, действует и Бунд, допустимо лишь при участии последнего. — § 3. В Ц. К., З. К. и на с'езды Партии Бунд избирает свое представительство, выступающее, как таковое, в тех вопросах, на которые простирается компетенция с'ездов Бунда. Способ представительства должен быть основан на принципах, одинаковых для всех договаривающихся сторон.

«Компетенция Бунда. § 4. Программой Бунда является общепартийная программа, которую он по вопросам, обусловливаемым особенным положением еврейского пролетариата в России и взаимоотношением общественных сил в среде еврейской нации, имеет право дополнять для себя особыми пунктами, не противоречащими партийной программе. — § 5. Бунд имеет свои с'езды для разрешения всех вопросов, специально касающихся еврейского пролетариата, свой Центральный Комитет и Загр. Комитет. — § 6. Бунд имеет право разрешать, руководствуясь программой Партии, такие общие вопросы, по которым партийными с'ездами не вынесено резолюций. Решения эти имеют лишь временную силу—до постановлений общих с'ездов по соответствующим вопросам. — § 7. Бунду предоставляется свободное распоряжение делами своей организации.—§ 8. Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках. С обращениями к пролетариату другой национальности Бунд имеет право выступать лишь с согласия на то органов соответствующих частей Партии, к пролетариату же всей страны — с согласия Центр. Ком. Партии. Прим. При обращении к еврейскому пролетариату со стороны других договаривающихся сторон требуется согласие Ц. К. Бунда. — § 9. а) Бунд имеет право вступать во временные соглашения для практических предприятий с революционными организациями, не входящими в состав Партии и относительно соглашения, с которыми нет специального запрета ни со стороны партийного с'езда ни со стороны Ц. К. Партии. О каждом таком соглашении Ц. Ком. Бунда доводит до сведения Центр. Ком. Партии. Совместное выступление в литературе с несоциал-демократическими организациями недопустимо. б) С особого на то разрешения Ц. Ком. Партии Бунд имеет право вступить и в постоянные соглашения с не входящими в Партию соц.-дем. организациями для совместного выполнения некоторых сторон революционной работы. § 10. С'езд Партии имеет право отменять все постановления с'ездов Бунда, за исключением решений, принятых на точном основании настоящей конституции. Если Центр. Ком. Партии усматривает в каких-либо действиях Ц. К. Б. противоречие с постановлениями общих с'ездов Партии, то он (Ц. К. Партии) имеет право потребовать от него об'яснений. — § 11. В случаях необходимости Ц. К. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда. Как должны вестись эти сношения, в каждом отдельном случае определяет Ц. К. Бунда. — § 12. Все перечисленные пункты считаются основными и могут быть изменяемы, дополняемы и отменяемы лишь с взаимного согласия договаривающихся сторон. Вышеприведенный проект устава, по решению V с'езда Бунда, должен быть предложен 2-му с'езду Р. С.-Д. Р. П., как базис для обсуждения вопроса о положении Бунда в Партии».

Заявление Николаевского Комитета. В последнее время Николаевский Комитет деятельно занялся внутренней организационной работой и после самого тщательного обсуждения и всестороннего разбора вопроса пришел к тому заключению, что, если мы теперь в значительной степени освободились от шатаний, так вредно отзывавшихся на партийной деятельности, что, если к предстоящему с'езду наша партия явится действительно партией единой и цельной, а не механическим аггрегатом разрозненных комитетов, связанных только единством названия, — то этим мы обязаны исключительно «Искре»; что «Искра» является органом, сумевшим как поставить, так и успешно разрешить главнейшие вопросы программы, организации и тактики; что «Искра» обнаружила свое умение понять и оценить значение других оппозиционных партий и направлений и сумела с неумолимой последовательностью разоблачить их реакционный характер, не страшась нападок за резкость своего тона; что «Искра» обнаружила непреклонную стойкость и энергию в борьбе со всякими сепаратистическими тенденциями внутри нашей Партии; что «Искра» является единственным органом, умеющим своевременно отозваться на все самые сложные вопросы дня, никогда не сходя со строго классовой социал-демократической точки зрения; что «Искра» является таким именно органом, в каком нуждается наша Партия. В виду всего этого Николаевский Комитет об'являет «Искру» своим руководящим органом в вопросах программы, организации и тактики и выражает желание видеть ее органом Партии.

Николаевский Комитет Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Тверь. Отчет кассы Тв. Комитета за март — апрель 1903 г.

Приход 525 руб. 6 коп.. Расход 519 руб.

В рабочей кассе «Шаг к Свободе» в настоящее время числится 81 руб. 15 коп.: 1) 26 руб. 20 коп., 2) 32 руб. 10 коп., 3) 22 руб. 85 коп.

Годовой отчет кассы Тв. Комитета.

Приход 1.225 руб. 49 коп. Расход 1.219 руб. 43 коп., в том числе израсходовано: на помощь безработным 436 руб. 50 коп., на технику 144 руб. 04 коп., на конспиративные расходы 207 руб. 66 коп., за литературу 324 руб. 58 коп., разные расходы 106 руб. 65 коп.

За первый год существования Комитет распространил следующие листки: под фирмой «Тверской Группы» по по-

воду залогинской стачки (300), о демонстрациях (100), письмо к крестьянам (100); за теперешней подписью: майские (500), партийных печатных (300), о стачке на стеклянном заводе (400), к учителям и учительницам (100), во время суда над залогинскими рабочими — 2 листка (2.000), о ростовской бойне (500), памяти декабристов (400), к рабочим фабрики Берга (300), о ростовских событиях (400), прокламация Донск. Комитета (120), речь Михайлова (120), речь Заломова (200), царские речи (350), брошюра на 19 февраля «Сев. Рабочего Союза» (300), на 1 марта тоже (200), к рабочим Куровского завода (100), по поводу выстрела рабочего Логинова (300), Пауки и мухи — Либкнехта, Стачка лжи, Песни — всего в числе 500 экз., бюлл. №№ 1—3 (400), первомайских этого года (за подписью «Орг. Ком.») (1.000), печатных листков «Сев. Союза», «Орг. Ком.» и др. организаций, в том числе «Тв. Ком.» 1.200 экз., всего 9.300 листков. Сверх того распространялась партийная литература: «Искра» до 27 №, «Южн. Рабочий», «Красное Знамя», брошюрная литература — всего около четырех пудов, и велись кружковые занятия с рабочими.

Закончив настоящим кратким отчетом первый год своего существования, Тв. Комитет еще раз обращается ко всем сочувствующим с просьбою о дальнейшей материальной поддержке.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Ростов. Из Ростова сообщают, что участников демонстрации 2 марта будут осенью судить военно-окружным судом. Браиловский Яков, главный обвиняемый (произнес речь), пытался бежать из тюрьмы, но был задержан и избит.

Кишинев. В июле было произведено сорок арестов. Аресты произведены из-за боязни всеобщей стачки. Арестов. Циля Клигерман (ученица акушерск. курсов), Дудявский (поднадзорный) и много др. В поле арестованы: Мария Учитель (акушерка), Менаше Вайсман (владелец посудного магазина), Глоба Мария (сестра привлекавшейся раньше и сослан. в Сибирь).

Иркутск. Локуциевскому (арестованному в конце апреля по доносу какого-то горняка, при обыске ничего не нашли) и Гостиловскому вышел приговор: Верхне-Колымск на 3 года (!). Фридиевой, арестованной при расклейке прокламаций Иркутского Комитета — с. Братское на 1 год. В июне сидело 21 чел., по Комитету никого нет.

Сообщается и то, что в Иркутске учреждено охранное отделение, отпущены суммы...

Сосланы: Хинчук в село Бельское, Минусинского уезда, Фед. Гурвич в с. Кондратьево, Пинчугской вол., Енисейск. г., Газенбуш в дер. Малая Тумка, Енисейской губ., Плесский в село Даурское, Енисейской губ.

В Киренске покончил жизнь самоубийством ссыльный Китаевич; покойный страдал психическим расстройством.

Екатеринослав. В ночь с 25 на 26 июля арестованы: Н. П. Образцов (инт.), Гуревич (возврат. из Сибири после ссылки), Софья Загрязская, Вербов, Браславский, рабочие Матвей и Соломон и еще один. Кроме того было 60 обысков.

В Нижегородской губ. весной были аресты во многих местах, между прочим в Ардатовском уезде — на заводе Выкса, среди рабочих, в Арзамасском — в селе Яблонке арест. 7 крестьян, в Нижегородском — крестьяне, земские учителя и учительницы, в с. Суроватиха, г. Татарове и друг.

В июне месяце вышел приговор студенту Моск. учительской семинарии Гастеву, бывшему под особым надзором в Суздале, по обвинению в пропаганде среди рабочих фабрики Якунчикова. Приговор — 3 года Вологодской губ. В том же месяце об'явлен во Владимире приговор нижегородскому портному Орлову, по Сормовскому делу 1902 г. Приговор 3 года Вост. Сибири. Обвинялся Орлов в устройстве рабочих собраний, по 250 ст. В тюрьме он просидел всего 3 дня. Такой свирепый приговор об'ясняют тем, что Орлов при обыске будто бы оказал сопротивление, закатив жандарму две оплеухи. По об'явлении приговора Орлова тотчас же арестовали и через несколько дней отправили по этапу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Матвею, Владимиру, корреспонденту из Финляндии. Пришлите адрес для писем.

Трудолюбцам, Владимиру, наследнику Рузова. Письма получены, но прочесть их невозможно, плохо написано.

Емельяну, Вавилону. Корр. и письма получены.

34. Спасибо за корр. Писавшим ее шлем привет.

Авторам корреспонденции: «Забастовка и рабочий бунт в Костроме». Пришлите дубликат. Написано так, что разобрать ничего невозможно.

Отложено, по недостатку места, до следующего номера: обвинительный акт по делу о фабричных беспорядках на фабрике Залогина, «Из черты оседлости», «Выборы в Германии», «Из деятельности охранного отделения» и нек. др.

Получено: от Gim'a 250 р.; из Монпелье по подписным листам №№ 158, 159—49,50 фр., за литературу 120,30 фр.; из Шаи и Кларана 9,50 фр.; собрано в пользу стачечников Юга России: в Берне 25 фр., в Шпице 3 фр., в Вегисе 103 фр., в Райхенгале 7 фр., в Биле 17 фр.; из Берна: за литературу 42 фр., от предприятия 3 фр.; от М. М. Мюнхен чрез m-lle А. Б. 10 марок; для стачечников чрез Рудникова и Гилтерфингена 56 фр.; от П. 10 фр.; на издание соц.-дем. литературы по подп. листу № 37 — 4 р., № 67 — 4 р.; от Жени 5 р.; Из Ма за литературу 46 мар.; чрез В. из кантона Граубинден 265 фр. (для эмигр. кассы 150 фр., для Красн. Креста 70 фр., от М. на издание восп. Дейча 25 фр., от В. на «Искру» 20 фр.); из Л. по сч. от проезжих 15 мар. (пропущено в почтовом ящике № 45); от Цюрихской Эмигрантской Кассы для бежавших товарищей 40 фр.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 2. 17 января 1895 г. представители дворянства, земств и городов собрались в Зимнем дворце для выражения верноподданнических чувств Николаю II, незадолго до этого вступившему на престол. Приветствуя собравшихся, царь сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Этот окрик был направлен против тех земств, которые в 1894 г. выступили с адресами, содержавшими скромные конституционные намеки. Среди этих адресов был и адрес тверских дворян.

Прим. 3. Представителем русских социал-демократов на международном социалистическом конгрессе в Париже (1889 г.). был Г. В. Плеханов.

Прим. 4. «Независимые» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 5. Об этом законе см. «Искру» № 47, статью «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев».

Прим. 6. V с'езд Бунда состоялся в июне 1903 года. Центральными вопросами с'езда были: 1) национальный и 2) организационный. По первому вопросу обнаружились серьезные разногласия среди делегатов, но определенного решения по нему не было принято и вопрос окончательную формулировку получил только на VI с'езде (1905 год). Второй вопрос обсуждался почти исключительно в плоскости того — какое место должен занимать «Бунд» в Р.С.-Д.Р.П. Развернув в принятой резолюции законченную федералистическую концепцию, с'езд формально завершил начавшийся еще раньше процесс обособления «Бунда» от общероссийской с.-д. партии. В резолюции ультимативно выдвигалось требование о признании Бунда организацией «неограниченной в своей деятельности никакими районными рамками», входящей в партию в качестве единственного представителя еврейского пролетариата, сохраняющей свою национальную программу и имеющей своих отдельных представителей в местных организациях, в Ц.К. и на с'ездах Р.С.-Д.Р.П. Оформив националистические настроения представленных на нем организаций и выдвинув требование федерации, с'езд, таким образом, подготовил почву для ухода Бунда со II с'езда Р.С.-Д.Р.П.

Прим. 7. Речь идет об обращении Екатеринославского Комитета (1902 г.) Р.С.-Д.Р.П. «К еврейским рабочим г. Екатеринослава» с разоблачением сионистской сказки о «едином и нераздельном еврейском народе» и с призывом к пролетариям-евреям сплотиться под знаменем единой социал-демократической партии. Бунд, претендовавший в то время на монопольное представительство еврейского пролетариата, выступил со специальным заявлением, суть которого сводилась к тому, что никакая часть партии, даже Ц. К., не смеет обращаться к еврейскому пролетариату без согласия на то Ц. К. Бунда. В дальнейшем в газете Бунда «Последние Известия» (№ 105, от 28 [15] января 1903 года) была напечатана передовая: «По поводу одной прокламации», в которой развивались мысли о «необходимости отдельной организации сил еврейского пролетариата», в ответ на которую в № 34 «Искры» появилась статья В. И. Ленина: «Нужна ли „самостоятельная политическая партия" еврейскому пролетариату».

Прим. 8. IV с'езд Бунда состоялся в двадцатых числах мая 1900 г. в Белостоке. Центральными вопросами с'езда были: 1) национальный и 2) о месте Бунда в партии. С'езд выдвинул задачу борьбы за культурно-национальную автономию еврейского народа и принял решение о том, что Р.С.-Д.Р.П. должна быть построена на федеративных началах. Здесь речь идет о резолюции, принятой с'ездом «О деятельности Бунда на юге России». В третьем разделе этой резолюции говорилось: «В тех же городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения их из этих комитетов, а выделение их может вредно отразиться на успехах русского рабочего движения, — отдельных комитетов Бунда не устраивать».

Прим. 9. Старо-фенноманы — см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 10. Младо-фенноманы — см. прим. 15-е к № 40 «Искры».

Прим. 11. «Fria Ord» — «Свободное Слово» — см. прим. 12-е к № 39 «Искры».

Прим. 12. «Комитет Независимой Рабочей Партии» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 13. Шаевич — агент охранки, председатель зубатовского «Комитета Независимой Рабочей Партии» в Одессе Выполняя задания охранки, он пытался так же, как Зубатов в Москве, М. Вильбушевич в Вильно, отвлечь рабочих от политической борьбы с самодержавием и втиснуть рабочее движение в рамки мелкой экономической борьбы. Всеобщая забастовка в июле 1903 г. в Одессе привела к ликвидации организаций «независимцев». Сам Шаевич, поднятый на гребень стачечной волны, вынужден был, вместе с другими «независимыми», принять активное участие в июльской забастовке и стать на короткое время во главе ее. К концу забастовки, получив, очевидно, предложение из центра, он пытался остановить движение, но уже было поздно, и движения остановить ему не удалось. Охранка заподозрила обман со стороны Шаевича. 21 июля он был арестован и выслан в Вологду, а впоследствии в Восточную Сибирь на пять лет. Вскоре после этого «независимое» движение в Одессе, лишенное опоры полицейско-охранных сфер, прекратило свое существование.

Прим. 14. С.-д. организация «Рабочая Воля» в Одессе — см. о ее присоединении к Одесскому К-ту Р. С.-Д. Р. П. № 50 «Искры»: «Манифест „Рабочей Воли"».

Прим. 15. О «Златоустовской бойне» — см. корреспонденцию в № 37 «Искры»: «Трагедия в Златоусте» и приложение к № 48 «Искры».

Прим. 16. Так в тексте.

Прим. 17. Костромская история — очевидно, имеются в виду события, изложенные в № 42 «Искры», в отделе «Хр. раб. движения и письма с ф-к и заводов».

Прим. 18. О приезде царя в Италию — см. «Искру» № 48: «Русский царь и итальянские социалисты» и № 50: «Победа итальянских социалистов».

Прим. 19. Моргари — деятель итальянского социалистического движения; депутат итальянского парламента; один из инициаторов созыва Циммервальдской конференции (1915 г.). В настоящее время член реформистской Итальянской Социалистической Партии Рабочих.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 47 1 СЕНТЯБРЯ 1903 ГОДА № 47

НЕДАВНИЕ СТАЧКИ, СОЦИАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СВОБОДУ.

Стачки нынешнего лета, которые происходили, как известно, не только на юге, но отчасти так же и в центральном промышленном округе, еще раз с самой очевидной и убедительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революционной соц.-демократии, отстаиваемая «Искрой» и «Зарей». Сущность этой тактики заключается в том, что социал-демократия, как передовой отряд пролетариата, пользуется всяким столкновением рабочих с предпринимателями для возможно более полного и всестороннего развития их классового самосознания. Между тем как наши «экономисты» проповедывали теорию так называемых стадий и утверждали, что речь о политике можно будет завести с рабочими только тогда, когда политические требования возникнут в их головах сами собою, без помощи «революционной бациллы», социал-демократы, защищавшие противоположный способ действия, доказывали, что экономические столкновения рабочих с предпринимателями всегда сопровождаются и не могут не сопровождаться у нас выступлением полицейских разбойников на защиту священных прав капитала и что наша партия безусловно обязана, — отнюдь не откладывая дела в долгий ящик, — поддерживать рабочих в их неизбежной борьбе с этими разбойниками и пользоваться этой борьбою как незаменимым средством политического воспитания пролетариата. Одним словом, социал-демократы этого образа мыслей брали себе ту самую роль «революционной бациллы», от которой так безрассудно отказывались «экономисты». И эта роль оказалась как нельзя более благодарной. В качестве передового отряда рабочего класса социал-демократия уже теперь сделалась влиятельным фактором общественного развития России. И чем усерднее станет она выполнять свою роль «бациллы», тем более будет расти ее общественное влияние. Но для того, чтобы быть в состоянии выполнять эту роль, мы должны неуклонно держаться раз принятой нами и уже испытанной тактики, с одинаковым старанием избегая как Харибды утопического «экономизма», так и Сциллы буржуазного демократизма.

Повторяем, стачки нынешнего лета еще раз с очевидной ясностью показали правильность тактики, усвоенной нашей революционной социал-демократией. Возьмем хоть события в Костроме. Здесь толчок движению был дан понижением расценков, и первоначально заволновалась масса, чуждая всяких политических стремлений. «Надо заметить, — говорит наш корреспондент, — что это были все люди, не тронутые никакой пропагандой, самый, так сказать, первобытный рабочий люд. Их толкала стихийная экономическая сила; им хотелось отбиться от неумолимо надвигающегося вместе с новой таксой голода, и, полные еще наивной веры, что кто-то за них должен и может заступиться, они упрямо доискивались тех, кому о них ведать надлежит». Только после двукратного бесплодного хождения к губернатору и бесчисленных придирок со стороны полиции этому «первобытному люду» стало очевидно, — как говорит тот же корреспондент, — что «губернатор им не поможет» и что «надо собственными силами одолевать упорных фабрикантов». Под влиянием этого только-что сложившегося убеждения у рабочих возникает намерение «итти на улицу и всему городу заявить о своем положении и о начатой борьбе с фабрикантами». При наших условиях такое действие по необходимости становится политическим действием, и шествие стачечников по городу превращается в политическую демонстрацию. Стачечники сами понимали это с большею или меньшею ясностью: они охотно пошли с красным знаменем, материал для которого — кусок кумача — был куплен одним из них, — по выражению нашего корреспондента, — на последний двугривенный. Уже одним этим «первобытный рабочий люд» фактически примыкал плечом к плечу к своим сознательным братьям, а последующие события могли только упрочить и расширить его духовную связь с ними. Неудивительно поэтому, что «выпущенные комитетом прокламации читались нарасхват рабочими, недавно совершенно равнодушными к политике» (другой корреспондент). «Революционная бацилла» не упустила случая повлиять на миросозерцание стачечников, и движение, начавшееся по чисто экономическим причинам, привело к расширению политических взглядов костромских рабочих. Так и должно совершаться политическое воспитание пролетариата под систематическим воздействием революционной социал-демократии.

В своем воззвании от 1 июня наш Костромской Комитет говорит: «Правительство — наш враг, товарищи, надо бороться с ним так же, как мы боремся с нашими хозяевами-фабрикантами. Никогда мы не добьемся лучшей жизни, никогда не освободимся от гнета денежного мешка, если не будем бороться против самодержавного правительства, если не будем добиваться политической свободы. Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать стачки и требовать от своих хозяев повышения заработка и улучшения условий труда... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать большие собрания рабочих и толковать на них о своих делах, о том, как нам добиваться лучшей жизни... Нам нужна свобода для того, чтобы устраивать постоянные союзы и общества рабочих, устраивать общие кассы для того, чтобы под-

держивать забастовавших работников, чтобы сообща устраивать хорошие библиотеки и покупать книжки, которые бы раз'ясняли нам наше положение и то, чего нам добиваться; чтобы выдавать пособия нуждающимся товарищам... Нам нужна свобода, товарищи, для того, чтобы развиваться и улучшать свою жизнь, отстаивать свои интересы перед правительством и капиталистами, чтобы стремиться к достижению такого устройства, при котором не будет тунеядцев-капиталистов, а все будут трудиться по мере сил и за свой труд получать столько средств, чтобы иметь возможность жить как живут люди, а не голодные собаки. Будем же дружно добиваться свободы» и т. д.

Все это верно и все это надо было сказать рабочим, но мы позволим себе заметить, что строки, относящиеся здесь к будущему устройству общества, отличаются некоторой неясностью, благодаря которой мысль, заключающаяся в них, едва ли произвела надлежащее впечатление на умы читателей. Ту же мысль можно было и следовало выразить иначе и точнее, указав на «конечную цель» пролетарского движения: переход средств производства в общественную собственность. Эта цель должна быть ясно сознана пролетариатом, и нам необходимо указывать на нее во всех тех случаях столкновений труда с капиталом, в которых рабочие поневоле задумываются о причинах своего зависимого положения в нынешнем обществе. Как ни важно для нас выяснить рабочим великое значение политической свободы, но мы не должны забывать, что «экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено как средство» и что мы чрезвычайно сильно затрудним рабочим понимание этой чрезвычайно важной для них истины, если в наших книгах, брошюрах или воззваниях цель отступит на задний план перед средством. Правда, в прокламации Костромского комитета значение для рабочих известных политических прав раз'ясняется тоже с точки зрения некоторых частных, второстепенных экономических целей. Но мы имеем в виду не частные и второстепенные цели, а именно «великую цель», т. е. не те реформы, которые рабочий класс, — опираясь на свои политические права, — вырвет у буржуазного общества, а ту революцию, которую он совершит, добившись политической власти, и которая будет состоять в замене буржуазных отношений производства социалистическими. Только эта революция и принесет с собою окончательное освобождение рабочего класса. Но на эту революцию воззвание Костромского комитета намекает, к сожалению, лишь в неясных и неточных выражениях. И в этом заключается недостаток этого воззвания. Нам необходимо избегать такой неясности и неточности, потому что, если бы они сделались обычным явлением в нашей печатной и устной пропаганде, то стала бы почти незаметной пограничная черта, отделяющая революционную социал-демократию от тех буржуазных партий, которые сладкими речами о социальной реформе хотели бы отговориться от социальной революции.

Чем сильнее будет расти у нас общественное движение против царского самодержавия, тем более станут развиваться эти буржуазные партии и тем настойчивее и опаснее для нас сделается их естественное и неизбежное стремление затемнить классовое самосознание пролетариата. Первым — столь же неизбежным и естественным — выражением этого стремления явится попытка доказать, что толки о социализме теперь несвоевременны, так как теперь надо сосредоточить все внимание на борьбе за политическую свободу и за частные экономические требования рабочих.

Подобная попытка была уже отчасти сделана «Освобождением» [1] в лице его одесского корреспондента.

Заканчивая свое, — напечатанное в приложении к № 4(28), — описание последней стачки в Одессе, этот корреспондент пишет: «Обращение к обществу о поддержке стачечников заканчивалось восклицанием: „да здравствует социализм!“, что именно в этом воззвании едва ли было уместно: можно быть добрым гражданином и вполне сочувствующим настоящему рабочему движению человеком, но не разделять вовсе социалистической доктрины и не во имя ее жертвовать деньги; следовало найти общую для всех почву для сочувствия, и таковой вряд ли можно было считать идеи социализма, неясные большинству как общества, так и стачечников».

Если мы правильно поняли г. корреспондента, то говорить о социализме «именно в этом воззвании» не должно было между прочим потому, что социалистические идеи неясны большинству стачечников. Но ведь идеи политической свободы, наверное, тоже неясны были тем стачечникам, которые по своему умственному развитию еще не перестали принадлежать к «первобытному рабочему люду». Следует ли отсюда, что «именно в этом воззвании» не надо было упоминать также и об идеях политической свободы? Но тогда о чем же можно было упоминать «именно в этом» несчастном воззвании?

По словам г. корреспондента, социалистические идеи неясны также и большинству «общества». И это, конечно, справедливо. Но неясность данной идеи для данного «общества» далеко не равносильна ее недоступности для него. Если «общество» еще не поняло ее, хотя и способно понять ее по своему положению, — то задача передовых деятелей состоит в том, чтобы облегчить ему дело ее усвоения. А для этого они не только могут, но обязаны упоминать о ней и раз'яснять ее в своих воззваниях. Иное дело, конечно, если данная идея не соответствует положению «общества», если она, например, идет в разрез с его интересами. В этом случае она навсегда останется для него «неясною» и не вдохнет в него ни жажды борьбы ни самоотвержения. Надо признать, что г. корреспондент «Освобождения» имеет в виду как раз подобный случай. Известно, что наше «общество» состоит из людей так называемых высших классов, самим положением своим осужденных на «неясное» понимание социализма. Потому-то г. корреспондент и находит, что в обращении к этому обществу неуместно говорить о социализме. Но, во-первых, г. корреспондент забывает, что социалисты, как и прочие смертные, имеют право на искренность и потому могут считать недостойным себя и своей партии дипломатическое умалчивание о своих истинных стремлениях. Во-вторых, всякий мало-мальски разумный человек из числа тех «добрых граждан», которые не сочувствуют социализму, мог легко сообразить, что оказать поддержку семье стачечника, доведенного

до нищеты борьбой с предпринимателем и полицейскими разбоями, еще не значит содействовать немедленному торжеству социализма. Если же эти почтенные граждане так «добры», что уже одна мысль о том, что социализм может, пожалуй, восторжествовать в более или менее отдаленном будущем, способна отбить у них всякую охоту к пожертвованиям, то к таким господам партия, уважая себя и свое дело, совсем не должна обращаться за помощью. Что же касается доброго совета найти, забыв о социализме, «общую для всех почву для сочувствия», то такая почва может быть только почвой освободительных стремлений буржуазии, и нам нельзя встать на нее в своей агитации, не совершив самоубийства, к которому у нас нет ни малейшей склонности. В виду всего этого дипломатия, рекомендуемая «Освобождением», ни в каком случае не встретит сочувствия с нашей стороны. Революционная социал-демократия была и останется самым опасным врагом царского самодержавия: она одна способна воспитать и воспитывает ту общественную силу, которая обеспечит у нас торжество политической свободы. Но, ведя пролетариат на бой с царизмом, эта социал-демократия ни на минуту не перестанет развивать в умах рабочих ясное сознание враждебной противоположности их интересов с интересами эксплоататоров. Она твердо убеждена, что только тот пролетариат, который сознал эту противоположность, т. е. перешел на точку зрения социализма, окажется в состоянии энергично и успешно отстаивать как свои собственные экономические интересы, так и интересы политической свободы. И это свое твердое убеждение она не побоится высказать во всеуслышание, как бы сильно ни противоречило оно социально-политическим взглядам некоторых «добрых граждан». Дело свободы очень тесно связано теперь с делом социализма. И этой связи не разорвут, конечно, более или менее хитроумные рассуждения буржуазных дипломатов о необходимости найти «общую для всех почву для сочувствия».

[Г. Плеханов]

ЗАКОН О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ РАБОЧИХ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

Недавно вышедший новый закон, содержание которого указано в заглавии статьи, и закон о фабричных старостах, разобранный нами в предыдущем номере, представляют из себя довольно типичные образчики двух ветвей отечественного рабочего законодательства, выражающего ту или иную уступку духу времени. Кроме боевых реакционных законов, которые у нас в чрезвычайном обилии и особенно быстро проходят через все бюрократические мытарства и которые притом особенно обстоятельно составляются и особенно энергично применяются, — все остальные российские законы, касающиеся рабочего класса, могут быть разделены на две группы по их политическому характеру. Либо это законы, которые хоть в чем-нибудь, хотя на волос расширяют самостоятельность, самодеятельность, права рабочих, — и тогда эти законы обставляются сотней и тысячей из'ятий, оговорок, циркулярных раз'яснений и ограничений, которые все ведут, — выражаясь языком нашего проекта программы, — к «расширению или упрочению полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами». Таковы законы о фабричных старостах, о фабричной инспекции вообще и т. п. Либо законы выражают собою такую уступку, которая с самостоятельностью и самодеятельностью граждан не имеет ничего общего, — и тогда самодержавное правительство выступает с несравненно большею щедростью. Так и должно, конечно, быть с точки зрения общей тактики самодержавия, с точки зрения «правильно понятых» полицейских интересов. Западно-европейские демократы, искушенные уже всяческим опытом по части борьбы с полицейским государством, давно окрестили его политику словами: пряник и плеть. Пряник — это подачки революционным классам, это — уступки экономические, имеющие целью внести раздор в эти классы, привлечь часть их на свою сторону, заставить поверить в искренность и дружелюбие буржуазного правительства к пролетариату. Плеть — это полицейская травля всех тех, кто не имеет сам доверия к правительству и сеет дальше недоверие; плеть — это обуздание всех тех, кто стремится к полной свободе и самостоятельности рабочего класса, его союзов, его собраний, его газет, его политических учреждений и органов.

Закон о фабричных старостах дает рабочим представительство, которое могло бы послужить им против буржуазии и правительства. Поэтому представительство так искажается и стесняется, чтобы пользу из него могли извлечь только шпионы или хотя бы, главным образом, шпионы. Поэтому от представительства рабочих, провозглашенного законом, на самом-то деле, в практическом применении, остается, как от Тришкина кафтана, один ворот. А ворот нужен для того, чтобы за «ворот» тащить в участок злосчастного «старосту». Наоборот, закон о вознаграждении рабочих ни малейшим образом не затрагивает их политической самодеятельности, и тут можно быть, значит, пощедрее. Тут безопаснее можно выступить в роли «реформатора», а выступить надо, ибо растущее рабочее движение надвигается все более и более грозно. Бюрократическая машина начала работать двадцать лет тому назад над законопроектом об ответственности предпринимателей. Десять лет этот законопроект разрабатывали; наконец, особая комиссия его одобрила, и в 1893 году проект был опубликован и внесен в Государственный Совет... для того, чтобы вернуться опять под сукно еще на десяток лет! «Медленнее спешить», кажется, уже было нельзя, и законопроект, вероятно, еще десяток-другой лет пространствовал бы по министерствам и канцеляриям, если бы рабочий класс России своим натиском не встряхнул всего самодержавия.

И вот законопроект, кое в чем еще и еще раз ухудшенный, стал, наконец, законом. Для оценки этого закона сличим его с тем, что требуется в нашем проекте партийной программы: «рабочий отдел» этой программы должен быть для нас именно руководством в деле пропаганды и агитации. И только сличая отдельные пункты и требования нашей программы с современной действительностью и с попытками правящих классов реформировать ее, никого не обижая, мы в состоянии будем, с одной стороны, полнее и конкретнее уяснять себе и

массам смысл и значение нашей программы; с другой стороны, уяснять недостатки действующих законов; с третьей стороны, уяснять себе на деле, на фактах, до какой степени, при сохранении основы буржуазного строя, осуждены на мизерность результатов все и всяческие реформы.

Наш проект программы требует (§ 7 «рабочего» отдела) установления законом гражданской ответственности нанимателей вообще (за увечья и болезни рабочих), т. е. всякого, кто нанимает рабочих, всякого, кто извлекает прибыль из неоплаченного труда других, пользуясь их рабочей силой и не отвечая за гибель или порчу этого товара (рабочей силы) на работе. Между тем новый закон касается исключительно рабочих и служащих «в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности». Исключены, следовательно, рабочие сельские, ремесленные, строительные, кустари и проч. и проч. Исключено громадное большинство наемных рабочих, трудящихся часто при худших и более опасных условиях; например, строительные рабочие и сельскохозяйственные при машинах страдают от увечий не меньше, если не больше, чем фабричные. Чем же об'яснить это исключение? Тем, что вне фабрично-заводской промышленности сапог еще не так жмет ногу: рабочее движение грозно проявилось только среди передовых слоев пролетариата, и правительство «заботится» (не о рабочих, конечно, а о подавлении рабочих) только в этой области. Но пролетариат, поскольку он участвует в движении, т. е. сознательный пролетариат, борется не из-за польз и выгод того или иного разряда рабочих, а за весь класс, за все классы, угнетенные капиталистическим строем. Разница между реформами, которых добивается пролетариат, и реформами, которые, как подачки, жалует правительство, выступает тут наглядно.

Далее. Новый закон обязывает владельцев предприятий вознаграждать рабочих только за утрату трудоспособности «от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ». Наша программа требует установления ответственности не только за потерю способности к труду вследствие несчастных случаев, но и вследствие вредных условий производства. Новый закон, следовательно, и здесь суживает ответственность нанимателей. Всем известно, какая масса рабочих теряет способность к труду не от несчастных только случаев, не от телесного повреждения, а от болезней, вызванных вредными условиями производства. Никакая борьба с этими вредными условиями путем всяких правил и предписаний не приводит ни к чему, если хозяева не отвечают за потерю рабочими трудоспособности от болезни. И, спрашивается, какая разница по существу между тем случаем, когда машина отрезывает у рабочего ногу, и тем случаем, что рабочий отравляется ядом фосфора, свинца, краски и т. п.? Разве медицинская наука не создала уже целого отдела болезней профессиональных, болезней, происхождение которых от вредных условий работы выяснено и доказано как дважды-два четыре? Но буржуазия и буржуазное правительство руководятся не логикой, не здравым смыслом, а грубой корыстью: за несчастные случаи придется заплатить меньше, чем за увечья плюс болезни от вредной обстановки. А все дело именно в том, чтобы заплатить поменьше, а не в «обеспечении» рабочих.

Новый закон освобождает рабочего от обязанности доказывать, что потеря трудоспособности произошла по вине капиталиста. Это — шаг вперед по сравнению с прошлым, несомненно... Но — русское правительство не может делать ни в чем шагов вперед без «но!» — но

СИЛЫ РУССКОГО КЛЕРИКАЛИЗМА.

I.

Устами одного из своих теоретиков русский царизм давно уже об'явил, что основа его политики определяется тремя словами: самодержавие, православие, народность. Приведение всех инородцев и всех иноверцев к знаменателям — «русская народность» и «православие» — вот задача, осуществить которую неуклонно стремятся хранители заветов русского самодержавия.

Православная церковь, являясь лишь специфическим российским государственным учреждением, представляет из себя такой социальный организм, особенное значение которого в жизни страны не только необходимо иметь в виду, но и обязательно внимательно изучить, усчитать и взвесить. Заботливо культивируемая законодательством, охраняемая от малейшего посягательства суровыми уголовными карами, имея во главе «священную особу государя императора», православная церковь является одной из многоветвистых бюрократических организаций, стоящих на бдительной страже существующего политического порядка, т. е. всегда является могучим сеятелем плевел всякой реакции и мракобесия в глубинах души и ума народной массы.

У нас почему-то укоренилось мнение, преуменьшающее силы русского клерикализма, состоящего на службе у русского самодержавия. Но эти силы, как мы увидим ниже, очень значительны.

Недавно появившийся «всеподданнейший отчет обер-прокурора святейшего синода Константина Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1899 год» еще раз свидетельствует нам о значительности организации этого своеобразного «ведомства». Из этого отчета мы прежде всего видим, что белое и черное духовенство православной церкви старается проникнуть всюду и везде, где только возможно, в самые недра народной жизни: в качестве учителя, фельдшера, проповедника, помощника и печальника в горестях и болезнях, и везде и всюду несет свою реакционную пропаганду. Обладая различными специальными органами, православная церковь имеет возможность легко и настойчиво проводить свою линию в широких слоях городского и сельского населения. Вот факты и цифры, которые красноречиво говорят об этом.

По лицу земли русской раскидано повсюду немногонемало, а ровно 66.780 «храмов», часовен и молитвенных домов «ведомства православного исповедания». Другими

нанимателям зато позволено доказывать не только наличность злого умысла самого потерпевшего, но и «грубой неосторожности его (потерпевшего), не оправдываемой условиями и обстановкой производства работ». Это добавление в значительной степени парализует установление действительной ответственности, а при известном составе наших судов из чиновников, карьеристов и буржуазных педантов может парализовать применение закона и совершенно. Что значит «грубая неосторожность»,— это совершенно неопределенно и неопределимо. Какие условия и в каких пределах оправдывают грубую неосторожность и какие нет, об этом целиком предоставлено судить усмотрению чиновников. Капиталисты всякую «неосторожность» рабочего всегда считают и будут считать грубой и неоправдываемой, и в доказательство такого мнения капиталист всегда найдет вдесятеро больше свидетелей и «ученых» защитников (постоянные юрисконсульты все равно уже получают от заводов годовое содержание!), чем рабочие. Введение в закон всего этого пункта о грубой неосторожности есть грубая уступка фабрикантской корысти: рабочие не добровольно попадают под машины, а всегда по неосторожности, но дело в том, что нельзя быть осторожным при 10 — 11-часовой работе среди плохо огражденных машин, в плохо освещенной мастерской, среди шума и грохота, с притупленным работой вниманием, с взвинченными непосильным напряжением нервами. При таком положении дела лишать увечного рабочего вознаграждения за грубую неосторожность — значит наказывать рабочего еще и особо за то, что он позволяет капиталистам бессовестно себя эксплоатировать.

Указанные пункты представляют из себя коренные и главнейшие определения нового закона, вполне обрисовывающие его сущность. На всех частностях мы, конечно, не можем здесь останавливаться, укажем лишь те из них, которые наиболее характерны. Размер вознаграждения определяется в той или иной доле годового содержания потерпевшего, именно пенсия должна быть не более $^2/_3$ годового содержания потерпевшего (в случае смерти или полной утраты работоспособности). Годовое же содержание определяется на основании среднего поденного заработка (или средней поденной платы чернорабочему), помноженного на 260. Это постановление содержит в себе еще целых три урезки размеров вознаграждения, три поблажки корысти предпринимателей. Во-первых, если даже рабочий работал 300 дней в году, его годовое содержание урезывается до 260 дней, без всяких оснований, просто потому, что закон повелевает урезывать! Во-вторых, если даже рабочий получал лучший заработок, чем чернорабочий, все равно за основание расчета, при работе, например, в предприятиях, действующих не круглый год, берется лишь заработок чернорабочего. Правительству очень хотелось бы свести всех рабочих до положения чернорабочих, для сознательного пролетария вытекает отсюда тот урок, что только тесное единство всех рабочих и всех чернорабочих вместе в состоянии создать силу, способную сломить корысть капитала. В-третьих, размер средней поденной платы чернорабочему определяется на каждое трехлетие (!) присутствиями по фабричным и горнозаводским делам, без всякого участия рабочих, само собою разумеется. Рабочих это не касается, а губернаторские и жандармские канцелярии, несомненно, превосходно знают рабочую жизнь и рабочие платы.

Следует отметить также, что закон обязывает владельцев предприятий давать знать немедленно полиции только о таких несчастных случаях, которые подходят под действие закона. Какие же это случаи? Когда трудоспособность утрачивается долее чем на три дня. Но кто же может знать немедленно после не-

---

словами: русское правительство имеет в своем распоряжении 66.780 мест, освященных небесными авторитетами, где постоянно собирается народ различных классов населения и где, превращая амвон в платформу, корыстно-преданные правительству «жандармы православия» могут, по одному мановению «свыше», выступить в качестве ревностных популяризаторов идей царизма, в качестве подстрекателей народной толпы против кого угодно: против революционеров, сектантов, евреев и пр.

История дает нам тому достаточно примеров. Во время последнего восстания Польши[2] за свою независимость с амвонов «православных храмов всея России» раздалось крылатое слово, направляемое Муравьевым-Вешателем, Катковым и т. п. правительственными столпами, посеявшее племенную ненависть и вражду против восставшего народа, разлившее повсюду яд гнусного шовинизма и создавшее новую преграду для проникновения в народную среду свободных демократических идей. Во время последней турецкой войны[3], когда русское правительство, испугавшись внутренней смуты, начавшей волновать различные слои населения, отвлекло народное внимание на освобождение «братьев-славян» от «басурманского ига», раздавались страстные завывания с амвонов тысяч церквей, возбуждая, взвинчивая и натравливая народ русский на неведомого ему «исконного врага — турка».

После убийства Александра II — опять-таки прежде всего через русские церкви — пошла клеветническая пропаганда против революционеров, начавшаяся знаменитым оповещением «святейшего синода» и продолжавшаяся в проповедях на ту же тему. И так было всегда до наших дней, когда попы всех рангов, до митрополитов и св. синода включительно, предают анафеме Льва Толстого[4] и вообще стараются изо всех сил восстановить в народной массе «христианское» благочестие, смирение и покорность, во имя борьбы с «внутренним врагом». И, несмотря на то, что авторитет церкви уже сильно поколеблен в народе, все-таки ее тысячеголосая противореволюционная пропаганда не может не оказывать значительного влияния на полуграмотные и часто совершенно политически неразвитые народные массы, не только деревенские, но и городские.

Правительство чует, что «храмы божии» — значительная опора для господствующего порядка вещей, и оно продолжает усиленную постройку церквей, особенно там, где начала развиваться промышленность, а с ней образовалось значительное скопление рабочего люда, например по линии Сибирской ж. д. В 1899 г. вновь было построено в России 833 сооружения этого рода.

Обслуживать все «храмы» православной церкви было призвано огромное число людей, — можно сказать, целая армия.

счастного случая, на сколько дней потеряет рабочий трудоспособность? Правило это нелепо до смешного и дает только лазейку фабрикантам, которые в массе случаев будут освобождать себя (и будут освобождены судами) об обязанности извещать власти о каждом несчастном случае. Правда, закон постановляет, что потерпевший может требовать извещения полиции о всех безусловно случаях телесного повреждения, хотя бы и не подходящих под закон: это сказано прямо в § 20 «правил о вознаграждении потерпевших рабочих», и мы советуем настойчиво всем рабочим агитировать всеми силами за постоянное и обязательное применение этого параграфа. Пусть рабочие настаивают, чтобы каждый потерпевший всегда и безусловно требовал, на основании § 20, извещения фабричного инспектора о каждом несчастном случае; только тогда возможно хоть сколько-нибудь точное определение числа несчастных случаев и изучение их причин. Мы уверены, что сознательные рабочие используют это право, но массы и массы не будут даже знать, что у них есть такое право!

За неизвещение полиции о несчастных случаях и вообще за всякое несоблюдение правил нового закона владельцы предприятий подвергаются лишь денежной пене, в размере от 25 до 100 рублей. Штраф этот, конечно, совершенно ничтожный, вовсе не страшный для крупных заводов (которые занимают громадное большинство фабричных рабочих). В этом случае особенно наглядно видно, как необходимо осуществление § 14 нашего проекта программы, который требует «установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда». Грозить миллионерам сторублевыми штрафами за неисполнение закона, от которого зависит обеспечение искалеченного на всю жизнь рабочего, значит издеваться над рабочим.

Одним из наиболее вредных и наиболее иезуитски-составленных пунктов нового закона является п. 31, который предоставляет потерпевшим рабочим и членам их семей входить с владельцем предприятия в соглашение о виде и размере причитающегося им вознаграждения. Нечего и говорить, что эти соглашения будут, в громадном большинстве случаев, систематическим обманом и запугиванием наиболее неразвитых рабочих, знающих твердо только одно: дороговизну, волокиту и пристрастность русских судов. Фабричные инспектора, которые должны свидетельствовать эти соглашения (равносильные судебной мировой сделке), будут охранять при этом чьи угодно интересы, только не интересы рабочих.

Мало того, что фабричным инспекторам, которые теперь все более и более превращаются в простых подручных полиции, предоставляется роль «примирителей». Закон хочет даже сделать из них каких-то своеобразных судей. Закон поощряет обращение хозяев и рабочих к фабричным инспекторам для раз'яснения сторонам их прав и обязанностей, при чем фабричные инспектора имеют право и собирать «все необходимые сведения», и требовать пред'явления их сторонам и приглашать врачей для освидетельствования. Это уже совершенно судейское дело, поручаемое подчиненным губернатору чиновникам! И никакого порядка, никаких правил для этого суда не постановлено: как будет собирать сведения инспектор, как он будет и будет ли пред'являть эти сведения обеим сторонам, как он будет вести разбирательство, — все это предоставлено его полнейшему усмотрению. Это положительно что-то вроде дореформенного полицейского суда. А за необращение к фабричному уряднику (в качестве судьи) закон грозит даже известным лишением: кто не обратится до суда к фабричному инспектору, тот теряет право на получение с ответчика судебных и за ведение дел издержек.

В мужских монастырях в 1899 г. находилось . . .	16.158 чел.
В женских » » » » . . .	36.146 »
Итого в монастырях . .	52.304 чел.
В церквах протоиереев	2.050 »
» » священников	43.090 »
» » дьяконов	14.413 »
» » причетников	43.743 «
Итого белого духовенства . .	103.296 чел.

Итак, на действительной службе по «вед. православного вероисповедания», — кроме гг. миссионеров, число которых в отчете не определено, кроме чиновников центрального управления «ведомства» и консисторий, — находится всего 155.600 чел. Мы сказали «на действительной службе» потому, что за этот же год вышло в отставку («за штат») по разным причинам всего 5.149 чел. из белого духовенства. Это значительное число «служителей алтаря», уйдя с амвона, вероятно осталось так же настроенным, и в подсчете политического влияния духовенства на народное сознание мы и его должны принять во внимание.

Постараемся теперь определить, во что обходится народу содержание этой огромной армии так наз. «спасителей душ», развращающих ум и сердца миллионов людей.

1) В 1899 году из государственного казначейства по финансовой смете святейшего синода было выдано	21.199.144 р.
2) Кружечного и кошелькового сбора поступило .	5.293.781 »
3) Свечного сбора поступило	8.342.692 »
4) С оброчных статей и процентов с церковных капиталов	3.344.497 »
5) От разных других статей (пожертвования, случайные доходы и прочее)	7.413.040 »
6) В церковно-приходские попечительства поступило	3.891.601 »
7) Из сумм епархиальных попечительств о призрении бедных духовного звания	2.954.851 »
Итого . .	52.439.606 р

Вот та огромная сумма денег, которая была взята различными способами у русского народа «ведомством православного исповедания». Мы считаем нужным оговориться, что эти цифры несомненно ниже действительных. В самом «отчете» есть на это указания. На 264-й странице имеется следующее примечание: «сведений о доходах сборов кружечного, кошелькового и свечного по 9 епархиям не доставлено». Принимая во внимание, что

Нам остается только и тут напомнить, что социал-демократическая рабочая партия требует не таких судов, не посредничества чиновников, а учреждения промысловых судов из представителей от рабочих и хозяев поровну. Только такие суды, при политически свободном строе государства, могут дать рабочим сколько-нибудь удовлетворительное посредничество в деле раз'яснения прав и обязанностей сторон, в деле предварительного рассмотрения жалоб и претензий по поводу вознаграждения увечных. Такие суды существуют во всех цивилизованных государствах, и даже русские чиновники еще 40 лет тому назад предлагали ввести их в России. Сорок лет тому назад была назначена комиссия для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Комиссия издала «труды», целых пять томов, комиссия написала и проекты новых уставов, комиссия высказалась за создание промысловых судов из выборных представителей, — и... и все это положили под сукно! Груды хороших пожеланий наполняют архивы бесчисленных российских канцелярий и будут наполнять до тех пор, пока рабочий класс не встряхнет всего этого хлама.

ПРИЧИНЫ НЕПРЕРЫВНЫХ РАБОЧИХ СТАЧЕК В БАКУ.

Прежде чем говорить о причинах непрерывных рабочих забастовок в городе Баку за последний год, я должен сказать несколько слов о самом городе Баку, являющемся одним из самых важных рабочих центров обширного русского государства. Город Баку представляет из себя не только центр нефтяной промышленности, как думают обыкновенно за границей, но и центр рыбной промышленности западного побережья Каспийского моря. В Баку находится рыбное управление Бакинской губ. и Дагестанской области, сюда поступают все жалобы с промыслов, здесь чинят суд и расправу над хозяевами и рабочими. Кроме того, Баку — порт; в Бакинскую губ. и через нее тянется переселенческий пролетариат, обезземеленный и изголодавшийся у себя на родине, идущий сюда для того, чтобы пристроиться где-нибудь и как-нибудь.

Из всего сказанного вполне понятно, что г. Баку является одним из крупнейших центров пролетариата. Рабочее население в Баку состоит из двух главных элементов: из русского (я подразумеваю здесь все национальности, заселяющие Россию) и персов, стекающихся громадными массами в Баку из пределов Персии. Перс-рабочий, приходящий из страны самого широкого произвола, представляет из себя существо совершенно темное, забитое до последней степени, совершенно не имеющее представления о правах человека. Он привык безропотно подчиняться и работать в этом слепом подчинении всю свою жизнь. Этой забитостью персидского чернорабочего об'ясняется та необыкновенная тугость, с которой перс-рабочий присоединяется ко всякого рода стачкам и забастовкам. В то время как русский рабочий мало-по-малу начинает подымать голову из окружавшего его до сей поры мрака, перс-рабочий тормозит рабочее движение в Баку. Однако этот последний год оказался настолько тяжелым для пролетариата, что к рабочему движению присоединились в небольшом количестве и персы. Живя в Баку весь последний год, я мог в достаточной степени ознакомиться с положением рабочего люда в этом городе.

Постараюсь нарисовать несколько картин из промысловой жизни.

Прежде всего скажу несколько слов о нефтяных промыслах. Миновавший уже теперь нефтяной кризис повлек

всех епархий 61, мы можем законно предположить, что более чем седьмая часть по этим солидным статьям дохода не числится на приходе. В цитируемом нами «отчете» также нигде не показана ценность движимого и недвижимого имущества белого и черного духовенства, церквей, подворий и монастырей. Только при подсчете всего этого имущества мы могли бы составить себе более или менее точное представление о финансовом и хозяйственном значении «православной церкви» в общей экономии страны. Что имущества эти весьма значительны, видно уже из того, что только в сберегательных государственных кассах, т. е. в виде мелких вкладов, у духовенства имеется 46.000.000 рублей! Крупные же состояния духовенства, конечно, хранятся в центральных государственных и частных банках.

II.

Православная церковь, верная своему принципу борьбы со всякими проявлениями прогресса, в частности с проявлениями революционной пропаганды, стремится занять первенствующую роль в деле воспитания подрастающих поколений, прекрасно зная, что, развращая души молодежи своей рабьей проповедью «терпения, смирения и подчинения», она идет по верному пути к укреплению своей силы и силы своего союзника и покровителя — самодержавного правительства. Для достижения этой цели она высылает из себя повсюду кадры миссионеров, заводит свои школы и проникает во все уже имеющиеся, стараясь там обеспечить себе наибольшее влияние, добиваясь — и не без успеха — роли постоянного дозорного по отношению к учащим и учащимся. Этой миссии духовенства — влияния на подрастающие поколения — Победоносцев отводит значительное место. Так, докладывая царю о расширении детских приютов при монастырях для православных сирот в трех пунктах Польши, он прибавляет: «дело призрения православных сирот с расширением помянутых приютов поставлено на почву твердую и вполне надежную, и названные выше обители сослужат немалую службу России воспитанием православных сирот в духе русских государственных и народных начал» (стр. 29).

Как и западно-европейский католицизм, — русское православие стремится проникнуть в семью и возможно крепче захватить в сети своей пропаганды женщин, прекрасно зная, что хотя «мужчины и правят миром», но зато мужчинами очень часто «управляют женщины».

«Деятельность духовенства, — пишет Победоносцев, — по отношению к церковно-школьному делу была неослабная. Особенного внимания заслуживают в этом

за собой прекращение и уменьшение работ на многих нефтяных площадях, а следовательно и массовый расчет рабочих. Среди рассчитанных было много законтрактованных, контракты с которыми были нарушены на основании мелочных придирок. Выгнанный народ получал жалованье за последний день работы, выбрасывался на улицу, а на его протесты решительно никто не обращал внимания. Подача жалоб в суд также не приводила ни к каким результатам. Рабочий подавал в мировой суд, выигрывал в нем дело, а хозяин подавал апелляцию, и дело затягивалось на несколько месяцев. В случае же выигрыша рабочим дела и в окружном суде, хозяин подавал кассационную жалобу, дело тянулось годы, а за это время рабочий, не имевший места, или спивался и умирал где-нибудь под забором в городе или махал рукой на всю эту канитель и исчезал из Баку. Непрочное положение рабочего, отсутствие союзов и рабочих касс в этот период времени дали себя почувствовать с особенной силой. Подбадриваемая социал-демократической организацией рабочая масса мало-по-малу начинала сознавать шаткость своего положения и начинала роптать. Произвол, царящий на нефтяных промыслах, заставил, наконец, их взять свою судьбу в свои руки. Само начальство, усиленно закрывающее глаза на положение раб., больше всего способствовало тем забастовкам, которые проявились в настоящее время с такой силой. Вот несколько примеров положения рабочих. Лестница на резервуаре не закреплена. Рабочему приказывают лезть на нее; он лезет, падает вместе с лестницей и калечит себе руку или ногу. Он подает в суд (начальство в эти дела не входит), хозяин тянет дело по всем инстанциям два — три года. Искалеченный человек, неспособный к труду и оставшийся без хлеба, идет на нищенство. Его ловит полиция и отправляет этапным порядком на родину. Не находя там пищи, калека уходит снова в город, и начинается странствование по острогам и этапам. А тем временем его вызывают в суд; повестка до него не доходит, и дело прекращается за неявкой истца. Страховые общества, старающиеся всячески обмануть потерпевшего (да и страховая сумма обыкновенно очень незначительна) и оттягивающие под различными предлогами страховые премии, безнаказанно совершали до сих пор свои проделки, и начальство не только не приходило на помощь пострадавшим, но, наоборот, явно уклонялось от вмешательства в дела, держа в большинстве случаев сторону страховых обществ. Бывали и такие случаи: на некоторых промыслах практикуется продажа мест. Чтобы получить место, рабочий уплачивал управляющему от десяти до двадцати пяти рублей за полугодие вперед. Жалобы хозяевам в таких случаях не приводили ни к чему. Губернские власти требовали документов и, за неимением их, выгоняли жалобщиков в шею. Печать оказывалась также бессильной, так как цензура не разрешала разоблачать подобные вымогательства. Бывали случаи, что цензор зачеркивал сообщения о проступках таких лиц, которые были уже уличены и против которых велось судебное преследование. О сокращении срока работы ни сами рабочие, ни печать не смели и заикаться. Желая добиться улучшений мирным путем, рабочие один за другим осаждали местные редакции, но им отказывали в помощи, раз'ясняя, что писать подобные вещи бесполезно, так как цензор все равно не пропустит. Пресса делала иногда слабые попытки, но цензорский карандаш или искажал смысл статей или вычеркивал все. Рабочие стали направляться в полицию и к губернатору. Но там их ждало не строгое расследование, а свирепые окрики властей, называвших их «бунтовщиками» и «вредными элементами». Наиболее смелых начальство снабжало проходными свидетельствами и высылало из города, остальных запугивало.

отношении заботы его о развитии церковно-школьного образования для девочек, число церковных школ исключительно женских значительно увеличивается. Так, число девочек, учащихся в церковных школах Подольской епархии, достигло в 1899 г. свыше 19 тысяч. Нет сомнения, — заключает Победоносцев, — что женщина-мать, воспитанная в церковных школах в духе православия и христианской нравственности, будет в том же духе и направлении воспитывать и своих детей, а это в будущем составит оплот православия, русской народности и преданности престолу». Это откровенное признание духовного отца и властителя дум «ведомства православного исповедания» ясно рисует перед нами политическую цель православной церкви. Подкрепляемые пастырями участка, жандармского управления и охранного отделения пастыри православного ведомства бодро и твердо несут свое знамя, распространяя и поддерживая повсюду тьму, насилие и ложь. Всякому, кому дороги интересы трудящихся масс, кому дорога свобода и независимость личности, законодательная гарантия неприкосновенности ее прав, кто заинтересован вообще в расчистке поля борьбы за полное уничтожение социального и экономического неравенства и эксплоатации не может не подняться на борьбу и с этим врагом, прикрывающим себя религиозной мантией, — с врагом, называемым «православной церковью». Эта церковь является у нас в России органом азиатского государства с ясной программой активно-реакционной деятельности и вполне определенной физиономией союзника позорного правительства.

Ободряемая и поддерживаемая центральной властью, православная церковь уже забрала в сферу своего влияния не только взрослых, так наз. «прихожан», но и подрастающие поколения.

Вот много говорящие цифры. Мужских духовно-учебных заведений (кроме низших школ) в России в 1899 г. было 249. В них числилось «начальников и наставников» 3.116 человек. Учащихся в этих школах — 53.413 человек. Женских училищ духовного ведомства (кроме низших школ) в России — 13; учащихся в них — 2.337 чел. Церковно-приходских школ к 1 января 1900 г. всего было 19.502 школы *. В них училось: мальчиков — 709.177, девочек — 251.265, а всего — 960.442 чел. Школ грамоты к 1 января 1900 г. всего было 21.900 **. В них училось 454.847

* В числе этих школ, за неимением сведений, не значатся 42 школы разных епархий и кроме того все школы Забайкальской епархии.

** В числе этих школ, за неимением сведений, не значится 78 школ разных епархий и все школы Якутской и Забайкальской епархий.

Еще более безотрадную картину представляют из себя рыбные промыслы восточного Закавказья. На промыслах этих собирается весной весь пришлый пролетариат, наголодавшийся за долгую зиму и еле дотянувший до весны. Тут собирается наиболее голодный народ, а следовательно и наиболее приниженный. Грамотных мало, и хозяева широко пользуются этим обстоятельством. Например, когда рабочий нанимается, хозяин отбирает у него паспорт, но рабочей книжки не дает. Рабочие загоняются, словно скот, в грязные тесовые бараки, о которых ни уездная полиция, ни промысловое начальство никогда не заботится, и работа начинается. О пище я и не говорю. Надо побывать на этих промыслах самому, чтобы составить себе о них представление. И вот, если кто-нибудь из этих приниженных людей запротестует, хозяин без всяких разговоров выгоняет его, при чем чаще всего не отдает ему паспорта и заработка. Обиженный рабочий идет к начальству, которое, прежде чем выслушать его, требует паспорт. Рабочий начинает об'яснять, но его не слушают: «Подавай или паспорт или книжку». Ни того ни другого нет. Иногда начальство наводит справку, хозяин отвечает, что жалованье уплачено, а паспорт отдан назад, и начальство успокаивается. В лучшем случае рабочего лишь выгоняют вон, а в худшем — арестовывают как беспаспортного и выпроваживают на родину. Таким образом фабрикуются беспаспортные бродяги. Как можно безнаказанно издеваться над рабочим, показывает следующий характерный случай. Одному из рыбопромышленников пришла охота позабавиться. Поймав какого-то подвыпившего рабочего, он влил в него еще полбутылки водки, засадил в пустую бочку, закупорил и велел катать. Когда истязание окончилось, несчастный оказался совершенно изуродованным. Он обратился с жалобой к промысловой полиции, но там получил лишь несколько затрещин. Дальнейшие жалобы не привели ни к чему. Но самое главное зло это — материальная необеспеченность рыбопромышленного рабочего. Улов хороший — жалованье платится, улов плох — рабочий не получает ничего. Хозяин скрывается, и никто его не преследует; а так как залога вносить не полагается, то зачастую целые партии рабочих, проработав два-три месяца, остаются без всякого заработка.

Плохое положение занимают в Баку и судовые служащие, хотя портовое начальство Бакинского порта много лучше других. Оно требует безусловной выдачи книжек со вписанными условиями найма. Но и этот закон обходится судохозяевами очень просто. В г. Баку все судовые служащие, начиная от матросов и кончая командирами судов, могут быть вышвырнуты со службы в любой момент без всякой уплаты договорной неустойки. Делается это очень просто. Человек почему-либо не понравился судовладельцу. Моментально все вещи его выкидываются с парохода на пристань, и ему об'являют, что он больше не служащий. За что? — За пьянство, — по контракту за пьянство можно выгонять служащего без уплаты денег, следуемых по контракту. Если выгнанный, который не пьянствовал, подает в суд, хозяин выставляет против него десяток персов-лжесвидетелей и выигрывает дело. Высшее же губернское начальство в эти дела не входит.

Скажу еще несколько слов о причине забастовки служащих конки. До апреля месяца кондуктора и кучера бакинской конки работали не более и не менее, как по 18 часов в сутки, от 5 часов утра до 11 часов вечера, имея на обед всего полчаса (вставали в 5 часов, к шести приходили в парки, и в 7 часов выезжали, ездили до 9 часов вечера и в 10 часов уезжали домой). Изнуренные этой адской работой, они подали просьбу в городскую управу, прося город прийти к ним на помощь. Но губернская власть оставила жалобу под сукном. Не видя

мальчиков и 138.940 девочек. А всего — 593.787 чел. «Воскресно-повторительные занятия» духовенством велись в 783 школах, их посетило 18.779 учащихся. «Воскресных школ» духовного ведомства всего было 459, в них училось 26.000 человек. Краткосрочные педагогические курсы были организованы в 163 пунктах, их посетило всего 7.320 слушателей. Так что всего под непосредственным наблюдением и безраздельным влиянием православного духовенства в 1899 г. в России находилось 43.069 учебных заведений *. Учащих и наставников во всех этих школах числилось 85.358 чел. Во всех этих школах училось 1.217.437 мальчиков и 392.542 девочки, а всего 1.662.075 учеников и учениц.

Итак, более полутора миллиона молодежи из всего подрастающего поколения России находится под систематическим влиянием и постоянным дозором православного духовенства. В это число, конечно, не входят ученики всех земских и городских училищ и школ, а также ученики светских мужских и женских средних учебных заведений, где также все более и более усиливается, под давлением правительства, влияние поповской рясы.

III.

Чтобы закончить обозрение способов непосредственного влияния православной церкви на народные массы, мы должны хоть вкратце остановиться на православной миссии, которая, как известно, более всего действует не «в дебрях диких стран, населенных язычниками», а по преимуществу в коренной России, борясь с расколом и сектантством.

Кроме миссий, пользующихся правительственной поддержкой, в России существуют частные миссионерские организации. Одна из самых больших организаций этого типа находится в Москве. Она учреждена в 1869 г. при митрополите Иннокентии и называется: «Православное Миссионерское Общество». В 1899 г. этому обществу исполнилось 30 лет. За это время «названным обществом, — сообщает отчет, — на поддержание и развитие миссионерского дела в России употреблено 4.094.357 рублей». В 1899 г. в обществе находилось: 15.005 членов. Общество располагало 48 комитетами, разбросанными по всей России, при чем наличные средства общества к концу 1899 г. исчислялись изрядной суммой в 1.260.581 рубль.

* Кроме того, в епархиях состояло 225 школ миссионерских и 202 „братских“ школы, число учащихся в которых не определено, так что общее число школ „ведомства православного исповедания“ равняется 43.496.

никакого улучшения, служащие забастовали, но нагайками полиции были поставлены на свои места, причем на этот раз им было об'явлено, что улучшение в их положении последует в самом непродолжительном времени. Улучшение, действительно, в скором времени последовало. На обед прибавлено было $^1/_2$ часа и смена стала производиться в 8 часов вечера. Рабочие часы, таким образом, уменьшились до $15^1/_2$. Но в то же время по совету полиции правление конки, желая отделаться от «бунтовщиков», стало тайно подыскивать новый комплект кондукторов, при которых можно было бы перейти к старой системе. Тайна выплыла наружу, и разразилась новая забастовка.

Таким образом бакинский пролетариат оказался вполне бесправным во всех видах труда, чем и об'ясняется то единодушие последнего времени, с которым рабочие города Баку об'явили всеобщую стачку, привлекшую даже наиболее отсталых рабочих рыбных промыслов. Полная безнаказанность бакинской (как и вообще русской) полиции, пользующейся чрезвычайно широко этой привилегией, берущей взятки с хозяев совершенно открыто, послужила той каплей, которая переполнила чашу терпения. Обратиться к содействию полиции против несправедливости хозяина значило прослыть «бунтовщиком» и потерять место. В таких случаях полиция брала с хозяина взятку, а рабочий выгонялся вон. Пресса, которой запрещалось писать о полиции что бы то ни было, была бессильна. Фабричная инспекция и губернские власти, ни разу не опросившие рабочих о том, довольны они или нет, чего им недостает и т. п., совершенно не входили в нужды пролетариата, делая лишь визиты хозяевам, рассказывавшим им о своих великолепных отношениях к рабочим и о своей гуманности. И вот, потолкавшись по редакциям, по фабричным инспекциям, полициям, судьям и губернским канцеляриям, бакинский пролетарий должен был, наконец, убедиться, что ему неоткуда ждать помощи. Оставалось последнее средство — массовый протест. К нему и прибег пролетарий после того как перепробовал все мирные средства.

[В. Кнуньянц].

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Дело о фабричных беспорядках.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

о крестьянах: Петре Кириллове, Лаврентии Иванове Комелове, Алексее Васильеве Губанове, Василии Филиппове, Иване Степанове Жарове, Андрее Николаеве Быкове, Дмитрии Федорове Молодове, Арсении Васильеве Чижикове, Степане Алексееве Капустине, Александре Августинове Виноградове, мещанине города Твери Иване Егорове, крестьянах Николае Константинове, Василии Сергееве, Арсении Михайлове, Павле Семенове, Иване Семенове Жирнове, Илье Прокофьеве, Егоре Ильине Чернове, Николае Кириллове, Петре Кириллове Ершове, Михаиле Андрееве, Николае Васильеве Комарове, Андрее Васильеве Галахине и Николае Филиппове Смирнове.

4 апреля 1902 года на бумаготкацкой фабрике торгового дома «Иван Залогин с сыном» близ гор. Твери произошли рабочие беспорядки, продолжавшиеся несколько часов и прекратившиеся лишь с прибытием войск. Около 10 часов утра, когда окончившие работу ткачи второй смены уходили от станков, уступая место первой смене, внезапно в главный ткацкий корпус ворвались с палками и чугунными обломками в руках человек двадцать молодых парней из первой смены, в том числе Петр Кириллов, Лаврентий Иванов Комелов, Алексей Васильев Губанов, Василий Филиппов (по прозванию Боровой), Иван Степанов Жаров, Андрей Николаев Быков, Дмитрий Федоров Молодов, Арсений Васильев Чижиков и Степан Алексеев Капустин. С криками «ура!», «выходи вон!» они стали рвать

Кроме этой суммы, имевшейся в собственном распоряжении московского миссионерского общества, государственным казначейством было употреблено на дело миссии 272.248 рублей. Средства других миссионерских обществ, различных братств и проч., число которых весьма значительно, в отчете Победоносцева не опубликованы. Далее. Православная церковь также располагает 26.683 библиотеками, находящимися при церквах и благочиннических округах, причем в 1899 г. вновь было учреждено 510 библиотек. И из этих-то тысяч библиотек широким потоком несется вся та смрадная литература «духовного» происхождения, которая так затемняет всякие проблески политической народной мысли и направлена все к той же цели — укрепления в народе веры в «царя-батюшку» со всеми его близкими и присными.

Кроме библиотечного дела «ведомство православного исповедания» занималось в 1899 г. широкой издательской и книгопродавческой деятельностью. Издательская комиссия при синодальном училищном совете выпустила в свет для обращения в народе различных книг более чем 3.000.000 экземпляров. Надо заметить, что в эту цифру совершенно не входят издания различных частных фирм поповского происхождения, как многотысячные «Троицкие Листки», издания различных братств, «Миссионерская» и «Приходская» библиотеки и проч. и проч. Книжным складом того же училищного совета в 1899 г. было отпущено различных книг 2.093.831 экз. на сумму 511.635 рублей. Распространение этих книг у православной церкви хорошо организовано. Почти в каждой епархии (в 57 из 61) она имеет свой центральный книжный склад, который и пускает книжки в дальнейшее обращение. Некоторые епархии имеют по несколько центральных книжных складов. Наконец, православная церковь в 1899 г. издавала 86 газет и журналов.

Духовенство в 1899 г. стремилось оказывать свое влияние на народ также посредством «религиозно-нравственных чтений», которые велись при 8.805 церковных школах. Всего чтений в этот год состоялось 132.563.

В руках православной церкви находится еще одно могучее реакционное орудие — это цензура книг. В ее распоряжение попадает все, что хоть сколько-нибудь касается вопросов религии, обрядов, таинств и проч. В России имеется два таких комитета: в Петербурге и в Москве. Всего в оба комитета за этот год поступило 3.112 названий, 2.814 из них дозволены к печати и 298 запрещены, т. е. более чем 10% всех поданных на рассмотрение произведений.

Чтобы еще более проникнуть в народ и приблизиться к нему, в православной церкви в последние годы заметно новое явление, отмеченное и в разбираемом нами отчете:

основы, бросаться челноками и выгонять рабочих из корпуса, нанося некоторым побои; при этом ткачиха Смирнова получила легкую рану в бровь, а Алексей Губанов, крикнув «останавливайте паровую!», разбил стекло в помещении паровой машины. Произошел общий переполох, машина была остановлена, и рабочие с женщинами впереди хлынули во двор, не слушая увещаний подмастерьев и табельщика, за ними вслед должны были удалиться, в виду угрожающих действий зачинщиков беспорядков, и служащие, так как Губанов бросил челноком в подмастерье Петра Монахова, Андрей Быков с кем-то из товарищей нанесли удары сторожам Петру Кузнецову и Степану Степанову, а Лаврентий Комелов ударил табельщика Михаила Зубынина, которого затем преследовали с криками «бей табельщика!» Комелов, Губанов, Петр Кириллов и Василий Филиппов.

Выйдя во двор, многие рабочие поспешили разойтись по фабричным казармам, так называемым спальням, и явившийся к ткацкому корпусу полицейский урядник Кетрарь застал на месте сравнительно небольшую толпу, человек около 200, но сильно возбужденную. Не дав ему никаких об'яснений, толпа беспорядочно кричала и бранилась, причем особенно выделялся Лаврентий Комелов. В этот момент подошел управляющий фабрикою, крестьянин Правдиков; отказавшись на предложение полицейского урядника поговорить с рабочими, он удалился в контору, помещавшуюся в конце главного корпуса, после чего из толпы послышались крики «бей!», «ура!», и в окна корпуса, а затем конторы полетели камни и поленья. Правдиков и ткацкий мастер Зотов поспешили скрыться, первый в подвал, второй на чердак; их примеру последовали остальные служащие — механик Мырсов, табельщик Зубынин, конторщик Балашов, приказчик по двору Архангельский и другие, а рабочие, овладев зданием, стали разрушать двери, окна, основы на станках и другое фабричное имущество, причем слышались крики, свидетельствовавшие о том, что толпа усиленно разыскивала управляющего и ткацкого мастера. В этот период бесчинства рабочих находившийся внутри здания полицейский урядник Кетрарь был ушиблен в руку брошенным со двора камнем. По удостоверению свидетелей, из поименованных выше зачинщиков беспорядков первыми приступили к разгрому ткацкого корпуса и конторы Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов, Иван Жаров и Андрей Быков, к которым на этот раз присоединился, возбуждая буйствовавшую толпу и подталкивая ее к конторе, ткацкий подмастерье Александр Августинов Виноградов (по прозванию Лобода), а Дмитрий Молодов и Арсений Чижиков только выделялись наиболее деятельным участием.

Затем толпа, предводительствуемая Петром Кирилловым и теми же Комеловым и Губановым, отхлынула к казармам, в которых укрылись более спокойные рабочие, между прочим ткачи Василий Зудов и Иван Монахов (сын подмастерья). Переходя из одной казармы в другую, толпа выгнала всех рабочих во двор, принуждая их разными насилиями примкнуть к беспорядкам. При этом несколько молодых людей, в том числе Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов, Андрей Быков, Дмитрий Молодов, Арсений Чижиков и Степан Капустин, с ножами в руках и кольями, бегали по коридорам и спальным, грозя зарезать и крича: «Нам все равно пропадать, отсидим два месяца, а на своем поставим»; рабочим же, не пожелавшим присоединиться к толпе, были нанесены побои: так, ткача Зудова избили Комелов, Губанов, Быков, Молодов, Арсений Чижиков и Капустин, ткачиху Капустину побил Петр Кириллов, а заведующего казармами Федора Акинфиева Сухотина Петр Кириллов предлагал убить, но тому удалось скрыться вместе со сторожем спален Ковригиным. Тут, на фабричном дворе, у квартиры управляющего, толпе попались подмастерья Ефим Мочалов и Петр Монахов. Встреченный угрожающими криками, Мочалов успел убежать, Монахов же был окружен; с криком «бей» Алексей Губанов ударил его кулаком, другой удар доской по голове нанес Петр Кириллов, а затем его избили поленьями до беспамятства, причинив ему в области головы рану, оказавшуюся в судебно-медицинском отношении легкою. В числе бывших, кроме Губанова и Петра Кириллова, свидетель Иван Монахов заметил Лаврентия Комелова, Василия Филиппова и Ивана Жарова.

Постепенно возрастая, таким образом, в численном составе, принудив присоединиться и рабочих других производств, как, например, слесарей, образовавшееся скопище, никем не сдерживаемое, свободно двигалось с места на место, издавая крики и бесчинствуя, не только в пределах обширного фабричного двора, но и за ограду, к дальним казармам, так называемой «даче», и фабричное поселение, охраняемое в обычное время одним полицейским служителем Коробановым, который был в отлучке, находилось фактически в руках беспорядочной толпы. Нужно доба-

---

это—назначение на места псаломщиков, дьячков и даже дьяконов — лиц, получивших некоторое медицинское образование (равное фельдшерскому), и т. п. Эта мера очень хитрая. В настоящее время, благодаря все усиливающейся революционной пропаганде, духовное лицо, особенно в деревне, начинает терять свой престиж, как элемент, даже в глазах темных масс, не только не приносящий никакой существенной пользы, но, наоборот, исключительно занимающийся обирательством «живого и мертвого». Теперь пытаются это «духовное лицо» сделать необходимо нужным в жизни крестьянского обихода. При той огромной заболеваемости, которую мы наблюдаем повсеместно в населении России, дьякон-фельдшер, псаломщик — «брат милосердия», обладающие некоторыми медицинскими знаниями, будут в состоянии проникнуть в каждую крестьянскую семью, где только появится больной. Они будут желанными гостями в семье, даже явно враждебно настроенной к православной церкви.

Великий инквизитор Победоносцев начинает брать пример с своих западных собратьев-иезуитов, которые, как известно, всегда старались опираться на медицину, как на одно из наилучших средств для проникновения в самые замкнутые семейные очаги и для сближения с народом.

В настоящее время православная церковь также располагает при монастырях и церквах 231 больницей, имеющими 2.796 коек. Кроме того, в ее же ведении находятся 997 богаделен, где призревается 14.147 человек.

Необходимо здесь также отметить, что по всей России раскинута сеть так называемых «церковно-приходских попечительств», общее число которых достигает почтенной цифры: их 18.232. В 1899 г. они собрали на разные нужды церковного ведомства 3.891.601 рубль.

Для обеспечения бедных лиц исключительно духовного сословия православная церковь также располагает солидными средствами. Именно к 1 января 1900 года на приходе «попечительства о призрении бедных духовного звания» значилось всего 9.565.428 рублей.

IV.

Вот краткий перечень учреждений, лиц и капиталов, обрисовывающий более или менее ясно силу, деятельность и значение в жизни нашей страны полицейского сообщества, называемого «православной церковью». «Силы русского клерикализма», даже по этим официальным данным, как видим, весьма значительны. По всему своему положению в государстве духовенство православной церкви совершенно выступает из рамок храни-

вить, что, по показанию управляющего Правдикова, проверенному осмотром, имеющиеся в ограде фабричного двора трое ворот и калитки днем не запирались и почти не охранялись, каждое постороннее лицо беспрепятственно проникало на фабрику, даже более, по установившемуся обыкновению, через фабричный двор проходили для сокращения пути рабочие соседних фабрик. Это обстоятельство подтверждается, между прочим, тем, что, по водворении порядка, внутри фабричного двора оказался один рабочий с Морозовской мануфактуры (показание станового пристава Ливотова).

Вместе с увеличением толпы росло и возбуждение буйствующих. Возвратившись от казарм, они докончили погром ткацкого корпуса, в квартире управляющего повредили ограду полисадника, разбили двери и несколько окон; когда же в 12-м часу дня на фабрику явился фабричный инспектор Хмелев, а за ним становой пристав Ливотов, то толпа, возросшая до 700 мужчин и женщин, встретила их шумом, гиканьем и криками: «долой полицию», «вон администрацию», «мы сами будем писать законы» и т. п. Особенно неприязненно, по словам Ливотова, отнеслась толпа к фабричному инспектору, не пожелав даже об'ясняться с ним и послав по его адресу несколько угроз и иронических возгласов.

После неудачной попытки успокоить рабочих Хмелев и Ливотов должны были удалиться, а толпа снова осадила квартиру управляющего, куда к этому времени перебрались Правдиков, Хмелев и Кетрарь, но с помощью возчиков полицейскому уряднику удалось удержать напор толпы, ломившейся внутрь дома, и она устремилась на полицейского служителя Коробанова. Вернувшись из отлучки одновременно с приездом станового пристава и убедившись, что главные ворота заняты толпою, Коробанов предпочел проникнуть на фабрику через забор. У квартиры управляющего его задел, пробегая мимо, Василий Филиппов, крикнувший при этом: «Ребята, городовой хотел меня задержать, на городового, ура!». Едва успел Коробанов добежать до своей квартиры и запереться, как гнавшаяся за ним толпа с гиканьем разломала входную дверь, сорвала с крючка другую, внутреннюю, разрушила кладовую в сенях, разбила стекла в окнах и ворвалась в жилое помещение. Коробанов взлез на чердак, благодаря узкому проходу ему удалось отразить нападавших, из которых особенною настойчивостью отличались Василий Филиппов и подмастерье Александр Виноградов; тогда многие с криками «поджечь, убить» бросились на крышу, и Коробанов вынужден был произвести три выстрела из револьвера в воздух. Только после этого толпа отхлынула прочь, сначала к фабричной лавке, у которой разбила бочку с сельдями, затем к пекарне, где расхитила до 15 пудов хлеба, разбросала тесто и разбила часы.

По словам свидетеля, заведующего лавкой Забаева, самое деятельное участие в нападении на дом управляющего, лавку и пекарню принимали Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов и Иван Жаров. В отношении Комелова и Жарова это подтвердил наблюдавший сцену у лавки возчик Колесников, тот же Колесников, а также возчик Морозов и полицейский урядник Кетрарь удостоверили, что Комелов, ломясь вместе с другими в квартиру управляющего, рвал звонки.

В этот период беспорядков, когда буйство рабочих достигло наибольшего напряжения, в проходившего по двору станового пристава Ливотова Петр Кириллов бросил из толпы камень, чем причинил ему ушиб груди (показание Ливотова и ткача Юшкина), но вслед затем в 2½ часа дня на фабрику явились войска, при виде которых толпа рассеялась, и волнения прекратились...

... На предварительном следствии выяснилось затем, что описанные выше волнения произошли на почве общего недовольства, как заработною платою, так и действиями фабричной администрации и были вызваны, главным образом, побуждениями экономического характера. Помимо общей картины причиненных скопищем насилий, которые направлялись по преимуществу против фабричного имущества и отдельных лиц администрации, в этом убеждают результаты произведенного становым приставом Ливотовым дознания и те заявления, которыми встретила толпа фабричного инспектора, жалуясь на слишком низкий и произвольно уменьшаемый администрацией заработок, на непомерно высокие штрафы и недобросовестную приемку товара в конторе. Затем показаниями целого ряда свидетелей, как, например, механика Мырсова, заведующего казармами Сухотина, подмастерьев Монахова и Мочалова, ткачей Зудова, Ивана Монахова, Лукина, Шутова, Юшкина и друг., а также об'яснениями большинства обвиняемых установлено, что недовольство фабричными порядками, возникшее на первой неделе великого поста из-за

теля **религиозных заветов**, блюстителя «культа». Оно занимает в общественной жизни крупное **политическое** место, враждебное всем тем, кто в ниспровержении современного порядка видит единственный выход из охватившего страну промышленного и культурного застоя. Оплот всякой реакции, это хорошо организованное сословие, несомненно, выступит особенно сильно и энергично тогда, когда силы российской революции станут по всей линии лицом к лицу с силами российского самодержавия. Располагая множеством разнообразных средств, эти приверженцы русского царизма поведут тогда отчаянную контрреволюционную агитацию в стране, натравливая и возбуждая массы захолустного населения против революционных сил. Русская «Вандея»[5] будет, главным образом, руководима нашей клерикальной «партией», лидером которой является теперь царский докладчик, «ведомство православного исповедания».

И мы, социал-демократы, предвидя роль этого реакционного сословия в нашей борьбе за освобождение от тирании клики, именующейся «Романов и К-о», опирающейся на косность, невежество и традиции масс, должны теперь же приложить все усилия, чтобы раскрыть глаза этим массам насчет того, что представляет из себя эта многотысячная армия тунеядцев. Мы должны также обратить строгое внимание на огромную литературу, которую ревностно распространяют в народе агенты православной церкви, и постараться парализовать действие ее собственными соответствующими изданиями.

В недрах русского народа уже есть много элементов, — мы говорим здесь о миллионах сектантов и раскольников, — которые с радостью подхватят эту нашу литературу и разнесут ее по градам и весям земли русской. Нашей литературой мы должны помочь пролетарскому и полупролетарскому сектантству отбросить раз навсегда мистическую оболочку своего бессознательного недовольства существующим строем и встать на единственно правильный путь соц.-демокр. борьбы. В частности, требуя **полного отделения церкви от государства, свободы собраний, печати и совести**, мы создаем прочное убеждение о необходимости низведения православной церкви до роли **частного** общества приверженцев определенного культа.

[Вл. Бонч-Бруевич]

прогула в работе вследствие остановки паровой машины, сначала высказывалось немногими рабочими, но его поддерживала недостача основ, а дня за три до беспорядков оно приняло широкие размеры, когда была вывешена расценка на вновь вводимый сорт ткани, согласно которой кусок миткаля в 130 аршин увеличивался на семь аршин, между тем как к прежней плате, 67 коп., прибавлялась только одна коп. Ткань эту стали заправлять в станки накануне и в день беспорядков, известие же о предстоящем изменении расценки проникло в рабочую среду значительно ранее (показание Шутова). Как удостоверил Юшкин, на фабрике ходили слухи о готовившихся волнениях, «все рабочие были как-то особенно настроены», а 30 марта по поводу новой расценки Лаврентий Комелов в присутствии свидетеля Ивана Монахова открыто заявлял среди товарищей в бане, что «фабрика грабит рабочих и наживается на их счет». Эта новая расценка, по прямому признанию Алексея Губанова и Дмитрия Молодова, и послужила непосредственным поводом, вызвавшим событие 4 апреля.

Как сказано выше, наиболее деятельными участниками в произведенных толпою насилиях и буйстве были зачинщики беспорядков ткачи: Петр Кириллов, Лаврентий Комелов, Алексей Губанов, Василий Филиппов (по прозванию Боровой), Иван Жаров, Дмитрий Молодов, Андрей Быков, Арсений Чижиков и Степан Капустин, а также присоединившийся к ним подмастерье Александр Виноградов (по прозванию Лобода). Они же в разные моменты руководили преступными действиями скопища. Дальнейшим следствием было выяснено, что, кроме этих десяти лиц, участие в беспорядках принимали также следующие четырнадцать рабочих, все ткачи, за исключением последнего: Иван Егоров, Николай Константинов, Василий Сергеев, Арсений Михайлов, Павел Семенов, Иван Семенов Жирнов, Илья Прокофьев и Егор Ильин Чернов, которые были замечены табельщиком Зубыниным в числе выгонявших народ из ткацкого корпуса и отличались, по удостоверению полицейского урядника Кетрарь, особенным оживлением в буйствовавшей толпе; кроме того, Павел Семенов, принуждавший рабочих выходить из казарм, участвовал в разгроме корпуса; тот же Семенов вместе с другими наносил побои ткачу Зудову, а Арсений Михайлов, по словам свидетеля Дмитрия Лукина, руководил вместе с другими толпою, выгоняя рабочих из казарм. Затем Николай Кириллов и Петр Кириллов Ершов, бившие стекла в корпусе и ломавшие полисадник (показание Зубынина), причем конторщик Балашов заметил, что Николай Кириллов в числе первых приступил к разгрому корпуса и подстрекал толпу. Михаил Андреев, который при нападении на одну из казарм шел впереди толпы с колом в руке, и Андрей Васильев Галахин, замеченный в преследовании рабочих, уходивших с фабрики (показание заведующего казармами Сухотина). Тот же Галахин после окончания беспорядков жаловался унтер-офицеру гренадерского полка Горбатову на то, что преступным намерениям толпы помешало прибытие войск. Далее, Николай Васильев Комаров, который водил за собою толпу, бил стекла и вместе с Петром Кирилловым, бегая по спальням и грозя убить, выгонял во двор рабочих (показание служащего в фабричной лавке Изотова), а затем погнался с ножом за фабричным почтальоном Петром Матвеевым, сказав своему товарищу: «Давай и этого, он ездил за барином» (т. е. за фабричным инспектором). Наконец, четырнадцатый, слесарский ученик Николай Филиппов Смирнов, по удостоверению полицейского урядника Кетрарь, выделялся из толпы своим поведением и оборвал звонок в квартире управляющего, что подтвердил свидетель, возчик Колесников.

По пред'явлении вышепоименованным двадцати четырем лицам обвинения по 269[1] ст. Улож. о наказ., все они, не признавая себя виновными в непосредственном участии в беспорядках, а первые десять и в руководительстве толпою, ограничились однако голословным отрицанием приписываемых им преступных действий, за исключением одного Петра Кириллова, который сознался, впрочем, только в нанесении побоев Капустиной и подмастерью Монахову, об'яснив неприязнь свою к Монахову тем, что тот «кляузничал» на рабочих, за что последних и штрафовали напрасно. Некоторые из обвиняемых, Алексей Губанов, Павел Семенов и Егор Чернов, никаких об'яснений в свое оправдание не представили; другие, а именно Василий Филиппов, Иван Жаров, Андрей Быков, Арсений Михайлов и Василий Сергеев, совершенно отвергали присутствие свое в буйствовавшей толпе; по утверждению же остальных, присоединиться к толпе их принудили угрозами избить и побоями неизвестные им рабочие, зачинщики беспорядков. Николай Константинов об'яснил, что в числе зачинщиков были обвиняемые Петр Кириллов, Губанов, Комелов, Василий Филиппов, Жаров и Арсений Михайлов, а, по словам Ивана Егорова, особенно буянил, выгоняя народ из спален, обвиняемый Василий Филиппов.

На основании изложенного такие-то (следует список) обвиняются в том, что 4 апреля 1902 г. на фабрике торгового дома «Иван Залогин с сыном», близ гор. Твери, приняли участие в многочисленном публичном скопище рабочих, образовавшемся из экономических побуждений, с целью принудить фабричную администрацию к изменению некоторых условий производства и к возвышению заработной платы, каковое скопище, принудив других рабочих путем насилий и угроз прекратить работы, уничтожило и повредило часть принадлежащего фабрике имущества, а именно разбило стекла в 58 окнах разных помещений и в двух стеклянных перегородках, попортило или разрушило во многих окнах рамы, разбило шесть дверей, повредило основы на 68 ткацких станках, изломало разные предметы обстановки, вторгнувшись при этом в некоторые из помещений служащих, причинило легкие ушибы брошенными камнями исполнявшим обязанности службы чинам полиции, становому приставу Ливотову в грудь и полицейскому уряднику Кетрарь в руку и преследовало, с целью причинить насилие, полицейского служителя Коробанова, ворвавшись с угрозами убить и поджечь в занимаемое им жилое помещение, причем первые десять из перечисленных лиц в разные моменты руководили преступными действиями названного скопища, а из них Петр Кириллов, кроме того, нанес описанный выше удар камнем становому приставу.

Преступление это предусмотрено в отношении первых десяти лиц 3 ч. 269[1] ст. Улож. о наказ. и в отношении остальных первой частью той же статьи, вследствие чего и на основании 201[1] ст. Уст. угол. суд. Петр Кириллов и другие, всего в числе 24 человек, подлежат суду Московской Судебной Палаты с участием сословных представителей. Составлен 30 мая 1902 г. в гор. Твери. Товарищ прокурора (подпись).

Определением Московской Судебной Палаты от 7 июня 1902 г. утвержден. Член Палаты Вульферт.

(Следует список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию.) С подлинным верно. За секретаря (подпись неразборчива). За помощника секретаря Н. Кропачев.

Из деятельности охранного отделения. Приводим полностью несколько «секретных» документов, которые, с одной стороны, показывают со всей желательной наглядностью еще и еще раз, «как они работают», — а с другой стороны, дают несколько небезынтересных, во многих отношениях, «именных списков»:

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
6 сентября 1902 г.
№ 5600.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты.

У находящегося в служебной командировке в г. Вильне агента «летучего отряда» департамента полиции Федора Афанасьевича Крылова похищены 2-го сего сентября неизвестно кем на вокзале в г. Вильно удостоверение, выданное ему из деп. полиции от 28 марта 1901 г. за № 4877, и агентурная карточка с надписью: «служащий в Московском охранном отделении Федор Крылов». Сообщая о выше-

изложенном, деп. полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти сделать распоряжение о розыске вышеупомянутых документов и, в случае пред'явления кем-либо таковых, арестовать и, приняв меры к установлению самоличности, телеграфировать в деп. полиции для получения дальнейших указаний.

Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: заведующий отделом Ратаев. Верно: помощник делопроизводителя В. Зайцев.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по 5 дел.
20 июля 1902 г.
№ 10341.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам.

За последнее время в М. В. Д. поступают сообщения местных властей о том, что высылаемые из столиц и других некоторых местностей лица, переходя с проходными свидетельствами с места на место, являются распространителями разных волнующих крестьянское население слухов. Полиция, по своей малочисленности и обремененная другими обязанностями, является бессильною к установлению за такими лицами надлежащего наблюдения и к предотвращению их вредного влияния. В устранение подобного нежелательного положения департамент полиции признал соответственным, чтобы, при высылках подобных категорий лиц, применялся преимущественно этапный способ препровождения и чтобы высылаемый доставлялся таким способом не до ближайшего к месту его родины или приписки уездного города, а до самого конечного пункта высылки. Предоставление высылаемым самим избирать место высылки должно быть устранено, за исключением, конечно, тех случаев, когда удаляемый из данной лишь местности не лишен права избрания местожительства. На обязанности полиции, по месту высылки означенных лиц, должно лежать наблюдение, чтобы высылаемый не останавливался по пути следования в уездных городах, а был доставляем в конечный пункт этапом. В тех же редких случаях, когда пересылка означенных лиц с проходными свидетельствами не может быть устранена, в свидетельствах этих надлежит устанавливать наименьшие сроки передвижения. Об изложенном деп. полиции имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, покорнейше прося не отказать преподать надлежащие раз'яснения по сему предмету подведомственным Вам чинам полиции. Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: делопроизводитель Лерхе. Верно: за делопроизводителя Курочкин.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
21 августа 1902 г.
№ 5350.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений и на все пограничные пункты.

Привлеченные в качестве обвиняемых при киевском губернском жандармском управлении по обвинению в государственных преступлениях нижеследующие лица 18 сего августа бежали из киевского тюремного замка [6] (следует одиннадцать известных фамилий, при каждом указаны приметы, все родственники и их местожительство, революционное прошлое и наказание, по какому делу привлекались; у некоторых, сверх того, клички, а именно: Басовский — кличка Дементьев, Бауман — Грач, Гальперин — Лошадь, Крохмаль — Старичок и Красавец, Тарсис — Смуглый). Принимая во внимание, что названные лица являются наиболее видными представителями революционного движения, департамент полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти принять все зависящие меры к розыску вышеупомянутых лиц и в случае обнаружения подвергнуть обыску, арестовать и препроводить под надежным конвоем в распоряжение начальника киевского губернского жандармского управления, телеграфировав о сем департаменту.

Подписал: и. д. директора Лопухин. Скрепил: заведующий отделом Ратаев.

Приложение к тому же циркуляру.

1. Бергер, Ипполит-Болеслав Станиславов — препроводить в распоряжение иркутского генерал-губернатора; 2. Гордон, Перля Иосифовна (скрылась из Кишинева) — подчинить особому надзору; 3. Гурвич, Евгения Ариевна (скрылась из Верхоленск. уезда) — препроводить в распоряжение иркутского генерал-губернатора. (О каждом точные сведения, о родственниках, революционном прошлом, приметы). Подписал Ратаев.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
1 декабря 1902 г.
№ 7777.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений на все пограничные пункты и начальникам розыскных отделений.

... Ныне установлено, что помещенный в циркуляре от 1 сентября 1902 г. за № 5530 Иван Михайлов Смирнов... (подробная биография)... по полученным сведениям, помещенный в циркуляре от 1 октября 1902 г. за № 6200 дусятский мещанин Мендель Мовшев Левиницейн имеют следующие приметы... Вместе с сим департамент покорнейше просит подлежащие власти принять меры к выяснению местожительства возвратившейся из-за границы жены губернского секретаря Анны Ильиной Елизаровой, урожденной Ульяновой, и, по обнаружении оного, подчинить Елизарову негласному надзору полиции, установив за деятельностью ее и сношениями тщательное секретное наблюдение, уведомив о сем департамент полиции.

Подписал: Лопухин. Скрепил: Пешков.

Список № 1 (лиц, подлежащих розыску по делам политическим):

1. Ажтрей, он же Цехонович, Филипп Иванов, 2. Аксельрод, Нохим Лейба Уоселев, 3. Арефьев, Николай Севастьянов, 4. Беляков, Ефим Михайлов, 5. Беркович, Тойба Симонов, 6. Биндер, Фейга-Ривка Аронова, 7. Бобровицкий, Генох-Вольф Ицков, 8. Бусевич, Николай Павлов, 9. Буль-Бейнус Файвушев, 10. Воксшон, Ида Ельева-Тонова, 11. Вонновский, Виктор Алексеев, 12. Бассерман, Мейер-Фолев, 13. Величкин, Николай Михайлов, 14. Венгеров, Марк Моисеев, 15. Гарберович, Ицик Тевелев, 16. Герцкин, Лейзер-Кусилиев, 17. Гехтер, Лейба Овзеров Пинхусов, 18. Гржегоржевский, Станислав Францев, 19. Гурвич, урожд. Кожевникова, Вера Васильевна, по первому мужу Розенкампф, 20. Дотунов, Сергей Осипов, 21. Дзенциоловский, Антон Викентьев, 22. Диамент, Шмуль-Герш Моеров Уршнов, 23. Доливо-Добровольский, Александр Петров, 24. Домбровский, Осип Петров, 25. Эткин, Мовша Мордухов, 26. Этштейн, Гершка Аврумов Мовшев, 27. Жоховский, Михаил Юлианов, 28. Закс Лифляндер, Песя-Цея Шмулева, 29. Зеликсон, Цивия Шмуйлова, 30. Зильблят, Израиль-Альтер Саулов, 31. Иоффе, Гдалий-Янкель Шоломов, 32. Калашникова, Вера Иванова, 33. Кацман, Мордух Мееров, 34. Кац, Хаим-Янкель Шулимов, 35. Киршенбаум, Хонов Шаев (прозв. Нюнька и Нюня), 36. Клан, Кауфман Янкелев, 37. Конюшевский, Абрам Симонов, 38. Копылов, Константин Николаев, 39. Кузнецов, Егор Сергеев, 40. Кушнир, Овсей-Дувид-Сруль Гершев, 41. Лапидо, Мовша Шмуилов, 42. Лапина, Эстер-Лея Менделева, 43. Лауринайтис, Иван Осипов, 44. Лауринайтис, Осип Осипов, 45. Либуркин, Залман-Ицек Абрамов, 46. Марголин, Берка Абрамов, 47. Надельберг, Гирш Неухов, 48. Накоряков, Николай Никандров, 49. Нахманберг, Хаим Берелев, 50. Новосельский, Сруль Гешелев, 51. Панков, Иван Петров, 52. Петин, Константин Федоров, 53. Пилина, Сара Янкелева, 54. Поздняков, Петр Федоров, 55. Попов, Николай Евграфов, 56. Пясечный, Лейзер

Шмулев, 57. Пясечный, он же Пясечкий, Носко Шмулев, 58. Радус-Зенькович, Виктор Алексеев, 59. Радченко, Иван Иванов, 60. Резанов, Михаил Михайлов, 61. Розенблюм, урожд. Резник, Розалия Леонтьева, 62. Рояк, Гирша-Шоломов Менделев, 63. Рудаков, Берко-Волько Давыдов, 64. Рутман, Вульф Мошков, 65. Сапожникова, Софья Абрамовна, 66. Сендерович, Мордух Иосифов, 67. Слободкер, Давид Ицков, 68. Слово, Шевель-Зелик, 69. Соловей, Мовша Хацкелев, 70. Струнин, Соломон-Шолом Моисеев, 71. Тихомиров, Григорий Сергеев, 72. Третьяков, Димитрий Павлов, 73. Трофимов, Семен Федоров, 74. Улеоньский, Эдуард (викарный ксендз), 75. Фиалко, Насон, Мовшев-Гершев, 76. Финкельштейн, Зелик Уоселев, 77. Хур, Шмуль Кельманов, 78. Шейн, Абрам-Давид Самсонов, 79. Шнейдер, Сура-Бейля Давидова, 80. Шухмон, Фрейда Гершева, 81. Юдицкий, Арон Львов.

Подписал за заведующего отд. Пешков.

Список № 2 лиц, розыск которых подлежит прекращению:

2. Басман, Уосель Залман Шнееров-Шмурков, мещанин г. Ново-Александровска. В дальнейшем розыске надобности не представляется. 12. Эренбург, Абрам-Зельман, ковенский мещанин; причина та же. 24. Меллер, Гдалий Мовшев, ворнянский мещанин; причина та же. 29. Овсеевич, Самуил Шохнов, сморгоньский мещанин; по той же причине. 34. Розенблюм, урожд. Бурштейн, Элька Лейбова, борисовская мещанка; причина та же. За завед. отд. Пешков.

М. В. Д.
Департ. Полиции,
по особому отделу.
1 августа 1902 г.
№ 5000.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальникам, обер-полицеймейстерам, начальникам жандармских губернских и железнодорожных полицейских управлений, на все пограничные пункты и начальникам розыскных отделений.

... В виду полученных указаний, что некий или некая Нейгольдберг 30 июня 1902 г. выбыл из Берлина в Россию с транспортом нелегальной литературы, департамент покорнейше просит принять меры к выяснению личности Нейгольдберг «из Берлина» и, в случае обнаружения местожительства, установить за деятельностью и сношениями совершенно секретное наблюдение, уведомив о сем департамент. Подписал за вице-директора Ратаев. Скрепил за завед. отд. Пешков.

Приложение к тому же циркуляру. Розыск:

1. Беренштейн, Самуил, подлежит привлечению в качестве обвиняемого при московском губернском жандармском управлении к дознанию по делу «о партийном с'езде в г. Белостоке». 2. Биоде, Генрих-Людовик-Альфред, привлечен при Спб. жандармском управлении к дознанию по делу эмигранта Николая Паули. 3. Гельцер, Ицка Янкелев. 4. Горовиц, Исай Израилев. 5. Желудская, Мерка Абрамова. 6. Лалаянц, Ис. Хр. 7. Понц, Ревекка Уоселева... подлежит к привлечению к дознанию в качестве обвиняемой при Моск. жанд. упр., по делу о «партийном с'езде в Белостоке». 8. Сукенников, Моисей Александров... стал издавать брошюры революционного характера. Состоявшие под негласным надзором полиции и проживавшие в г. Иркутске сын купца Марк Андреев Натансон и жена его Варвара Ивановна в июне 1902 г. выехали в Европейскую Россию. Принимая во внимание, что Натансон поддерживал близкие сношения с лицами, занимающимися активной деятельностью, департамент полиции имеет честь покорнейше просить принять меры к розыску местожительства названного Натансона и, в случае обнаружения, установить неотступное совершенно секретное наблюдение, уведомив о сем департамент полиции для получения дальнейших указаний.

Из черты оседлости. Как ни была тяжела жизнь русского еврея доныне, теперь она сделалась прямо невыносимой и беспросветной. Кишиневские события тучей нависли над еврейской жизнью: они леденят кровь в жилах и ввергают в ужас. Кроме постоянной, безысходной борьбы за существование, понятие о которой может иметь только еврей, появился еще более ужасный призрак — призрак погрома. Еврей не уверен в завтрашнем дне. Кто поручится, что не сегодня, так завтра, по почину какого-нибудь Крушевана и под покровительством правительства, не разгорятся зверские инстинкты черни и ему через час-другой не отпилят рук или не вобьют гвоздей в ноздри? Никто не может поручиться в этом, ибо против еврея здесь все: и чернь, невежественная и дикая, и большая часть русского общества, с удовольствием подбирающая «жидовское добро», и полиция, избивающая евреев, защищающихся от черни. Еврей ни на минуту не может забыть об этом, так как ежеминутно напоминают ему об этом. Один мужик бьет за что-то на улице другого мужика. Последний кричит: «Как смеешь бить меня? Что я — жид, что ли, что за меня штрафу не будет?» По улице шатается пьяный мужик и, увидя проходящих мимо евреев, кричит: «Жидов уничтожить надо, потому царь их не хочет».

Народ смотрит на еврея как на бесправное существо, которое можно безнаказанно уничтожить. Не только простой народ, но даже и более высшие слои общества придерживаются приблизительно подобного взгляда. Был, напр., такой случай. В г. Новозыбкове (Черниг. губ.) живет доктор-еврей Козенцов, ничего общего с евреями до сих пор не имевший. Он был в хороших отношениях с кн. Долгоруковым. После того как стали известны кишиневские события, г. Козенцов встречается с князем и спрашивает его, между прочим, каков его взгляд на кишиневский погром. — Что же, и здесь тоже произойдет то, что в Кишеневе, — отвечает князь. — Нет, — возражает г. Козенцов, — здесь этого не получится. — Почему? — Да потому, что здесь евреи не глупы: они не станут погибать, как бараны. Стоит им организовать вооруженное сопротивление и подстрелить несколько погромщиков, и никакого погрома не будет. — После этого разговора кн. Долгоруков донес местному прокурору на д-ра Козенцова, как на организатора кружка вооруженного сопротивления. Чем окончилось это дело, нам неизвестно, но этот факт свидетельствует о том, что на еврея у нас смотрят как на существо, лишенное даже права самозащиты.

Еврейское общество и раньше с возмущением и ненавистью относилось к евреям-революционерам, теперь же, после кишиневского погрома, оно увидело в них корень всякого зла и решило с ними бороться. Во многих городах евреи на свои собственные средства учредили штат шпионов, на которых лежит обязанность выслеживать еврейских революционеров и доносить на них по начальству. Замечательный случай произошел в м. Ветке, близ Гомеля *. Туда прибыл гомельский исправник, собрал ветковских евреев в синагогу и, взошедши на амвон, обратился к ним со следующими словами: — Где я? кто меня окружает? евреи? Но почему же я вижу вокруг себя бритые хари? В прежнее время, я помню, евреи носили длинные пейсы, ходили в ермолках и носили лапсердаки. То были настоящие евреи, они были смирны и покорны, верили в бога и любили царя... — Тут начал он громить евреев за то, что они бунтуют против царя и предержащих властей, за то, что они разбрасывают прокламации и подстрекают рабочих к беспорядкам и т. д. Речь его длилась около часа и произвела такое сильное впечатление на присутствовавших, что некоторые старики даже плакали **. В заключение он сказал, что если ветковские евреи хотят загладить свою вину перед правительством, то пусть они тут же дадут ему, исправнику, список неблагонадежных лиц м. Ветки. Евреи охотно исполнили это скромное желание «начальника». Спустя несколько дней после этой речи один еврейский водовоз привез к исправнику своего мальчугана свя-

---

* В ночь с 17 на 18 апреля.

** В то самое время, когда исправник держал свою знаменательную речь, у него под носом, за стенами синагоги, разбрасывали первомайские прокламации!

занным по рукам и ногам и передал его в руки полицейского администратора как «социалиста». Исправник поблагодарил водовоза за такое гражданское мужество и сказал: — После такого поступка я переменяю к лучшему свое мнение о евреях; я убеждаюсь, что с евреями еще можно ладить.

В Белой-Церкви (Киевск. губ.) после кишиневского погрома евреи устроили сходку в синагоге и стали рассуждать о том, кто виноват в погроме? После долгих прений они пришли к заключению, что во всем виноваты «демократы», а так как главными «демократами», по их мнению, являются экстерны * (?!), то следует всячески их преследовать. В виде первого шага в этом направлении они решили отказать всем экстернам в уроках. Но экстерны, узнавши об этом, предупредили их и первые отказались от своих уроков.

Что кишиневский погром есть дело русского правительства, об этом уж так много говорили и это так ясно, что не подлежит никакому сомнению. Правительство хотело наказать евреев за ту выдающуюся роль, которую они играют в русском революционном движении, и внести смятение в сердца еврейских революционеров. Но как глупы и бессмысленны (не говоря уже про жестокость) те приемы самозащиты, которые практикует правительство в страхе перед надвигающейся революцией! Учиняя еврейский погром, правительство еще в большей степени озлобляет своих врагов и настойчивее толкает их на революционный путь. После кишиневских событий революционное настроение среди евреев усиливается. Молодые люди, до сих пор имевшие мало общего с какой-либо общественной деятельностью, составляют тайные кружки, изучают еврейские общественные течения, готовятся к работе, к борьбе. С каждым днем назревают все новые и новые силы... В этом виновато само правительство, которое своим поведением само роет себе могилу. Прежде евреев принимали в высшие учебные заведения в количестве 10 и 5%, теперь же это число уменьшили до 3 и 2%. Нынче даже медалистам, и тем не всем удается поступить в высшие учебные заведения; к тому же начальство средних учебных заведений весьма неохотно выдает евреям медали и старается доводить число еврейских медалистов до минимума. Молодым же людям и девушкам, окончившим среднее учебное заведение без медали, трудно попасть в высшее учебное заведение, а экстернам — почти невозможно. Вся эта отверженная еврейская молодежь, остановившаяся на полудороге, естественным образом увеличивает ряды еврейских революционеров. Русское правительство само роет себе могилу... После кишиневской резни, перед которой дрогнул весь цивилизованный мир, жизнь в России сделалась для евреев каторгой. Нам остается один путь — революционный, нам остается один исход из нашего положения — в союзе с остальными русскими революционерами уничтожить русское самодержавие. Давайте же работать, товарищи!

Еврей.

Гомель, Могилевской губ., 1 июля 1903 г.

Либава, 17 августа. Уже на самом вокзале меня поразило обилие жандармских унтеров, зорко осматривающих пассажиров, а также шпиков, нахально устремляющих свои взоры на приезжающих и их багаж. В'езжая в город, я увидел по дороге ряд столбов, украшенных гирляндами из хвои и венками, а также строящийся на берегу гавани павильон. Спутники мои по конке, немки, с удивлением посматривали на эти затеи и восхищались их красотой; одно их печалило — это плохая, дождливая погода, которая продолжается уже неделю. Из разговоров я узнал, что все это приготовляется для встречи царя, который решил осчастливить город своим присутствием. Ожидают его здесь в среду или в четверг. Пока же идет горячка по организации встречи и охраны «священной особы». Полиция вся в суматохе: шутка ли сказать, такое событие, а тут еще на-днях «внутренние враги» — латышские социал-демократы — распространили прокламацию по поводу приезда царя. Жмутся интеллигентные работники, ожидая повальных обысков, и кто может, тот покидает город на время празднеств. Уезжая, я на вокзале также встретил спешные приготовления к встрече. Красилась крыша, драппировался вход. По дороге мы встречали целые поезда с солдатами, жандармами и сыщиками. Солдаты в простых товарных вагонах пили чай из кружек и шутили, что отправляются на войну. Офицеры подкреплялись в буфетах и разговаривали о том, как бы миновать на первых порах встречи с Куропаткиным, который должен был также сегодня приехать в Либаву. По милости всех этих «личностей» поезда приходят с опозданием на час и более. Всюду только и разговоры, что о посещении царем Либавы. Спутник мой, вначале хладнокровно об'яснявший мне, что без солдат и жандармов нельзя обойтись в таких случаях, ибо это нужно для «охраны» — всякие есть люди: честные и нечестные, потом при виде все встречающихся поездов с солдатами и прочими «охранными элементами», не выдержал и начал изумляться изобилию «охраны». В газетах, как местных, так и иногородних, ни слова не упоминается об этом «событии». Боится, повидимому, начальство какого-нибудь фортеля со стороны «неблагонадежных элементов». Вспомнилось мне при этом аналогичное же событие: приезд Вильгельма в один из южно-германских городов. Несмотря на то, что реакционные газеты помещали уже за две недели длинные столбцы, трактующие об этом, в знаменательный момент ничто не указывало, что здесь происходит нечто сверх-ординарное. Город был жиденько расцвечен флагами; жители же занимались своим обычным делом, предоставляя своему «начальству» принимать короля.

Еще о зверстве в тюрьмах. Бакинский Комитет Партии обратился с прокламацией к гражданам (от 12 августа сего года) по поводу тюремных зверств. Перепечатываем приведенное в листке письмо товарища.

«Товарищи наши помещаются в такой ужасной тесноте, что ночью весь пол покрыт спящими телами, и пройти, не наступив на кого-нибудь, невозможно. Духота получается ужасная, и вместо сна товарищи наши всю ночь мечутся в каком-то кошмаре. Лежат прямо на полу, т. к. ни постели, ни кроватей или хотя бы нар в тюрьме нет, даже тюфяков, набитых соломой, не дают. Нас, как животных в конюшне, заставляют валяться прямо на грязном полу. Все тюремные правила попираются ногами тем самым начальством, которое должно следить за их выполнением. Далее, в камерах нет ни столов ни табуреток, есть приходится на том же грязном полу. Вдобавок ко всему, во главе тюрьмы, в качестве смотрителя, стоит нравственно развращенный негодяй Громада *. Для него нет закона, а законом должны служить его подлые фантазии. Без всяких об'яснений он отнял у заключенных право курить табак, хотя до 26 июля курили свободно, да и в других тюрьмах политические пользуются правом курения табаку. При об'яснении с ним по этому поводу он заявил: «будь на то моя воля, я отнял бы от вас не только табак, но и хлеб». Негодяй-изверг, смотритель, сегодня в 11 час. дня, 4 августа, отправляя этап наших товарищей, 19 чел. тифлисских, следующих в ссылку, запер их во дворе мастерской тюрьмы, на пространстве нескольких кв. саж. под конвоем 45 чел. солдат, там их истязали прикладами ружей звери-солдаты, под командой палача-смотрителя; двух ранили штыками, надели кандалы на них, хотя в открытом листе категорически сказано, что они должны сопровождаться без оков. За то, что они протестовали законно против оков, их истязали, поранили и закованных и окровавленных поволокли в дорогу.

---

* Лица, готовящиеся к экзамену на аттестат зрелости средне-учебных заведений.

* Говорят, что этот негодяй замучил истязаниями свою первую жену и был осужден за это на восемь лет каторги. Известно, как у нас милуют негодяев. Помиловали и этого кандидата в палачи и отдали в его бесконтрольное распоряжение заключенных, не могущих свободно бороться в тюрьме. Этот запятнанный позорным преступлением негодяй держит себя в тюрьме, как маленький самодержец и сатрап.

Товарищи! вы видите, у нас осталась одна надежда на открытую борьбу с тюремными безобразиями! На-днях ночью похитили нашего товарища по заключению, Хундадзе, и мы не знаем, куда его дели. Предайте гласности все возмутительные порядки и поддержите нас в нашей борьбе за человеческое обращение и человеческое достоинство. Мы об'являем голодовку, об'являем борьбу на жизнь или смерть. Наши требования следующие: 1) Не высылать внезапно, а давать возможность перед высылкою проститься с родными и запастись платьем и бельем. 2) Дать постельные принадлежности, тахты или кровати. 3) Число арестантов в камерах должно соответствовать помещению, согласно определению врачей. 4) Разрешить курение. 5) На случай расстройства желудка выпускать в клозет и после поверки. 6) Ввести железные парашки. 7) Не сажать в темный карцер и вообще не применять взысканий без предписаний прокурора. 8) Заявления арестованных о желании лично об'ясниться с высшим начальством должны смотрителем передаваться начальству немедленно. 9) В случае болезни немедленно вызывать к больному фельдшера и ночью. 10) Поставить в обязанность смотрителю и надзирателям не бить арестантов и не ругать их площадной бранью. Голодовка продолжалась один день, так как администрация решила удовлетворить главные требования.

«P. S. Взяточничество и всевозможных родов обирательство практикуется в тюрьме в самых широких размерах. Взяв себе в помощники такого же негодяя, бывшего полицейского, Ибрагим-бек Абдуллаева (он присужден к нескольким годам арестантских рот и таким образом отбывает наказание), смотритель вместе с ним терроризует и грабит арестантов. За лист бумаги для прошений, наприм., которую заставляют покупать в конторе, берут от двух до пяти коп. За написание прошения, где хоть слегка указывается на неправильность действий тюремщиков, смотритель сажает на семь суток в тюремный карцер, предварительно изувечив арестанта. Табак, воспрещенный в тюрьме, продается негодяем-помощником открыто, причем за одну восьмую фунта махорки в четыре коп. берет 20 коп. Этот же достойный сотрудник негодяя-смотрителя приносит в тюрьму ножи; недавно обыкновенный финский нож был продан им за пять рублей. И все эти наглые беззакония делаются открыто и безнаказанно!».

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Козачье, Херсонской губ., имение Князя Трубецкого. Имение огромное — 33 тысячи десятин земли. Наем рабочих производится посрочно — от Троицы до Покрова и на год. В первом случае мужчины получают за весь рабочий период 45—50 руб., женщины 30—35 рублей; нанимающиеся на год: мужчины — 65—70 р., женщины — 50—55 р. Рабочих часов в сутки — 21 с получасовым перерывом на завтрак и 1 часом на обед. Кормят рабочих безобразно — хлеб ржаной пополам с отрубями; о горячей пище и говорить невозможно. Это какая-то отвратительная мешанина. Трудно представить всю возмутительность господствующих здесь порядков: во время сбора винограда рабочим одевают намордники из редкой парусины, приделанные к деревянным планочкам. Планочки сделаны по выкату затылка и привязываются одна к другой веревочкой. Когда захочешь пить, подходишь к приказчику, тот развязывает завязки, а затем, когда рабочий напился, завязывает вновь. Управляющий Шмидт издевается над рабочими. Перетянет нагайкой, даст пощечину за что ему вздумается. Наезжие рабочие не выдерживают срока и уходят, и заработная плата пропадает, а если кто-либо из них попробует требовать расчета, ему грозят полицией. «Ты еще в тюрьме сидеть будешь, ты мне народ бунтуешь!» и рабочий уходит. У рабочих, которые снимают у князя землю, если они бросают работу, отнимают землю, и живи тогда, как знаешь. За десятину земли князю платят 13—14 руб.

Очевидец-рабочий.

Письмо крестьянина. (Приводим, с небольшим сокращением, письмо крестьянина .... ого уезда к интеллигенту, дававшему в деревне литературу; работа велась три месяца.)

Милостивейший Государь! Мы с нетерпением ежедневно ожидаем от вас радостного собеседования про нашу горькую и тяжкую жизнь, но никак не может дождаться соединенная наша партия, вот я один решился послать до вас письмо и покорнейше прошу вас, чтобы вы возрадовали нас ответом вашим или письмом, которым мы могли бы узнать наши важные дела. Мы, находившись между своими крестьянами, старались восставать против тяжелых наших иг; как нам известно, каждый крестьянин склоняется чувствием к нашим хорошим делам, каждый из нас знает тяжелую свою житейскую бытность, но не знает крестьянин, как бы освободиться от такого горя, но сейчас слава богу начали познавать правильность, за которую, как и за вас, мы — комитет готовы положить свою жизнь. Мы все — наш комитет: я, Н., М., С. и прочие, которые вам известны, согласны, но остальные народы ни кто об вас не знает и никогда знать не будет, потому что не могим вам и написать, как вас уважаем, наверное господь вас послал к нам в наш Запад. Затем покорнейше просим вас, господин Х., не оставьте нашей просьбы и вышлите как-нибудь, когда можно, нам книжечек, которые мы могли бы читать своим товарищам крестьянам, потому что мы эти книжечки уже прочитали по нескольку раз своим товарищам прочих деревень, которые приходят праздничным днем, и мы уходим в утаенное место куда-нибудь и читаем книжки и листки, и в каждый праздник народного прибытия все больше и больше.

Прошу, милостивый государь Х., не погасите наше социальное распространение, и мы будем соединяться в одну группу. До свидания, остаюсь противостанником правительства земли русской.

С-н.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Быстро растет число финляндских политических изгнанников, вынужденных царскими опричниками покинуть родину и поселиться на чужбине. За последние две недели из Финляндии высланы следующие граждане: председатель гласных г. Экнеса, преподаватель учительской семинарии г. Линден, нотариус вазасского гофгерихта барон фон-Троиль, исп. д. бургомистра г. Каске Аминов, бывший сенатор А. Нюберг, заслуженный пастор Улеаборга Валлин, бывший сеймовый депутат Авлин. Помещику Христиерсону, находящемуся в Норвегии, запрещено возвращение в Финляндию. Читатели, наверно, уже раньше обратили внимание на социальное положение изгнанников: это все лица с видным общественным положением, представители крупной буржуазии, аграрной аристократии и даже высшей администрации, т. е. люди тех общественных классов, слугой которых в России является царизм. В Финляндии то же самое правительство является врагом «господ» и прикидывается пока «другом» народа; но этой дружбе, к счастью, доверяют лишь самые жалкие в умственном отношении пролетарии, тогда как не только все сознательные рабочие, но и часть крестьян понимает уже «благодеяния» Николая II. Старо-фенноманская партия [7] является представительницей реакционной демократии, т. е. мелкой буржуазии, зажиточного крестьянства и духовенства. Но нет правила без исключения: несколько пасторов до конца остались верными финляндской конституции, еще два года назад очень почтенная часть их отказалась, несмотря на всевозможное давление со стороны недальновидных

епископов и, в особенности, старого интригана архиепископа Иогансона, обнародовать в кирхах «закон» г. Куропаткина. Г. Валлин принадлежит к числу немногих, к сожалению, пасторов, претерпевших до конца, и вот он причисляется к «агитаторам», «членам кагала» и т. п. Другого пастора, Топполу, арестовали 19 июля (н. с.) в деревне, и полицейские с жандармами привезли его в Выборг, где его продержали в тюрьме двое суток и выпустили лишь по настоянию епископа, сославшегося на привилегии духовенства. Обращались с ним грубо, как с прочими «политическими»; его подвергали жандармским допросам, которые не увенчались успехом. Высылка из Финляндии ректора улеаборгского лицея Розендаля (см. № 45), законоучителя и одного из руководителей особой народной секты пиетистов*: в Эстерботнии вызвала неудовольствие среди широких слоев народа. Перед от'ездом его посетило несколько крестьянских депутаций. Пасторы тоже отправили к нему депутацию с советом «покаяться», т. е. перейти в лагерь старо-фенноманов, и с обещанием в таком случае добиться «прощения». Г. Розендаль, председательствовавший на ноябрьском с'езде оппозиционной партии в Гельсингфорсе (см. № 33), разумеется, отклонил это подлое предложение и отправился в изгнание.

Недавно царь запретил выдавать пожизненную пенсию бывшему сенатору Л. Гриппенбергу, высланному в мае. Не правда ли, опричники ведут очень выгодную экономическую политику: средства, украденные ими таким образом, пригодятся на сыщиков и шпионов, которыми теперь буквально наводняются все уголки Финляндии. Высылка высокопоставленных финляндских чиновников — дело, выгодное для Бобрикова и прочей братии. При последних обысках палачи начали заставлять раздеваться, словом, все усовершенствования азиатской жандармско-полицейской техники они спешат перенести на финляндскую почву. Они, видно, также распространители цивилизации и культуры, культуры застенка! Тоже культуртрегеры!!

«Фин. Газета» благоразумно хранит гробовое молчание о всех высылках после первых семи, а потому и наша подцензурная либеральная печать, раболепски перепечатывающая «сообщения» и «статьи» органа Бобрикова, ничего не сообщает о дальнейших подвигах сатрапа и его помощников. Зато мы будем внимательно следить за всеми высылками, протестовать против этого грубого насилия и заставим, наконец, царское правительство заговорить о них. «Фин. Газета» уже давно вопит о «революционном комитете», «революционной партии» и т. п., но до сих пор, как известно читателю из наших статей, в Финляндии существовала лишь оппозиционная партия. Списки высылаемых красноречиво подтверждают это положение. Неужели бывшие сенаторы, крупные землевладельцы, фабриканты, купцы, бургомистры и друг. когда-либо бывали революционерами?? Но высылки, как и другие насилия, действительно, скоро вызовут в Финляндии революционеров; они заставляют истинных граждан заботиться об искоренении монархического духа среди финского народа, еще так недавно гордившегося своей преданностью монарху, основным законам и отечеству. Первое звено должно выпасть из этой триады. Подобную мысль уже начинает высказывать финляндская умеренная «нелегальная» печать.

Недавно сообщалось «официально», что царь оставил «без последствий» заявление барона фон-Борна о незаконности его высылки и его прошение о предании его финляндскому законному суду. Подобный протест подал и граф Маннергейм.

В каждой статье нам приходится говорить о преступлениях новой полиции в Финляндии. По приказанию клятвопреступника, ежегодно по новому штату отпускается на гельсингфорскую полицию 693.120 мар., вместо прежней суммы в 375.650 м.; из городских средств идет на это «славное учреждение» 198.034 мар. вместо 125.217 мар. Число городовых увеличено с 187 до 341, причем каждый городовой приходится на 293 жителя, тогда как нормальным считается за границей и даже в некоторых местностях России 1 городовой на 500 жителей. О других усилениях полиции мы не будем говорить, да и кто мог бы точно вычислить всех сыщиков, провокаторов, шпионов и жандармов, подвизающихся теперь во славу самодержавия в Финляндии? Недавно в финляндских газетах сообщался любопытный эпизод с двумя изящными барышнями, желавшими ехать даром на трамвае; они, оказалось, имели на это право, так как состоят на службе в сыскной полиции. Это кажется всем финляндцам чем-то совершенно неслыханным, и действительно, в Финляндии никогда ничего подобного не бывало. Масса специальных сыщиков посещает рестораны, ездит по железной дороге, снует по постоялым дворам и пр. В числе финляндских сыщиков видную роль играют «русские уроженцы», живущие с детства в Финляндии.

На-днях Кайгородов издал «обязательное постановление», произвольно исключающее из ведения суда дела с гостиницами и ресторанами. Он приказывает всем подобным заведениям давать приют, кушанье и питье всем желающим; он требует также, чтобы все заведения, дающие ночлег, записывали в особых книгах и на доске имена приезжих, чтобы полиция могла вести контроль. В селах и маленьких городах никогда до сих пор не было и речи о чем-либо подобном, так как в Финляндии царила во всех отношениях полнейшая свобода. «Провинившимся» помпадур грозит штрафом до 400 мар.

С августа (нов. ст.) заграничные паспорта выдаются лишь в губернских управлениях, тогда как до сих пор они получались очень легко и просто через бургомистров и др. Словом, во всем сказывается новый режим.

Три финляндских помпадура стараются ни в чем не отстать от своих русских коллег. Куопиоский губернатор Берг заставил аптекаря уволить провизора «за агитацию» по воинскому вопросу; далее он приказал арестовать одного управляющего имением за то же «преступление», но полиция пока не могла разыскать последнего. Абоский помпадур Ланг произвел несколько подобных арестов; между прочим, он, лишь по подозрению, продержал неделю в тюрьме видного представителя фин. рабочей партии Г. Тайнио. Лето Бобриков «отдыхает» в своем имении в России, но за него, как видим, старается его доблестный помощник Дейтрих, энергично высылающий лучших граждан. Он пытается заслужить лишний крестик «за усердие» на чаек.

* Пиетисты отличаются особой набожностью и строгостью нравов и считают всякие, даже самые невинные, развлечения грехом; это — самые безобидные и добрые простые люди.

Читатели уже прочли, должно быть, в легальных газетах «сообщение» «Фин. Газеты» о новых программах казенных фин. лицеев, в которых число недельных уроков русского языка увеличено с 30 до 40, «государственный» язык сделан обязательным во всех классах, за исключением трех классических лицеев с греческим языком в последних классах, и преподавание русского языка должно вестись впредь исключительно на нем. За два года число уроков русского языка было увеличено до 30, но этого все мало сатрапу. Большая часть финляндцев жила до последних лет совершенно без знания русского языка, но теперь «общегосударственные интересы» вдруг затребовали введения повсюду русского языка. Александр III в 1890 г. положил начало этой насильственной реформе. Бобриков обещал не утверждать нового штата Политехнического института до тех пор, пока преподавание «общегосударственного языка» не будет поставлено на должную высоту и не будет выяснено число неявившихся к призывам студентов института. Заслуженный директор ст. сов. Квист подал немедленно в отставку. Наконец, в ближайшем будущем будет произведена важная «реформа»: названия улиц должны быть написаны сначала по-русски, потом по-фински и, наконец, по-шведски, а, боже упаси, не в обратном порядке, как до сей поры!!!

Требования знания русского языка доходят до комичного. Бобриков не утвердил, между прочим, однажды в должности одного учителя глухонемых, так как он не знал русского языка. Дальше, кажется, некуда итти идиотизму царизма!

Мелочность жандармской цензуры в Финляндии переходит все границы: недавно газетам запрещено употреблять старую рубрику «Швеция» для известий из этой страны, с которой Финляндия тесно соединена всей своей культурной жизнью. С год тому назад газетам запретили рубрику «Россия».

Освобождение порабощаемой самодержавием страны немыслимо без свержения этого позорного ига в самой «империи». Эта незамысловатая мысль все более и более укрепляется в сознании всех оппозиционных элементов маленького угнетенного народа. Финляндские борцы могут ускорить спасение своей прекрасной родины лишь самой энергичной моральной и материальной поддержкой Российской Социал-Демократической Партии. Лишь идя рука об руку с нами к нашей общей великой цели, финский народ добьется политической свободы, которая не будет зиждиться на клятве русских деспотов и которой никто уже никогда не будет в состоянии уничтожить.

Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! — вот славный девиз всех стонущих под жандармским царизмом.

P. S. Третий очередной конгресс Фин. Рабочей Партии должен состояться на-днях в фабричном местечке Форса, на что, кажется, наконец, согласились власти. Руководители Рабочей Партии сначала предполагали устроить конгресс в Улеаборге, затем в Таммерфорсе, но им не было почему-то разрешено. Отчет о заседаниях конгресса мы дадим в следующей статье.

Недавно в Выборге не мог состояться с'езд представителей рабочих механической промышленности, так как на это во-время не было получено «надлежащего разрешения».

За последнее время, благодаря агитации Рабочей Партии, происходят удачные стачки торпарей (т. е. мелких безземельных арендаторов); многие фин. землевладельцы добровольно сократили рабочий день в своих имениях. Вообще эта благоразумная реформа находит широкое применение в Финляндии в этом году.

[В. М. Смирнов].

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Всеобщая стачка в Киеве. (От нашего корреспондента). Охватить всю ту массу событий, какие произошли в Киеве во время десятидневной всеобщей стачки, и дать им надлежащую оценку в небольшой корреспонденции крайне трудно; для этого нужна отдельная брошюра. Но, насколько это возможно, постараюсь наметить главные этапы в развитии движения. На деталях останавливаться не буду. Буду краток. В первых числах июля киевский соц.-дем. Комитет решил подготовить почву для забастовки в жел.-дор. мастерских. К этому времени до нас стали доходить смутные слухи из Баку и Одессы. Вопрос об устройстве стачки был решен Комитетом в утвердительном смысле на заседании 17 июля. Было решено, что стачка будет провозглашена 21-го в понедельник. Сигналом для ее провозглашения должны были послужить: массовое распространение листков и «требований» и тревожный гудок. Листки были заготовлены двух родов. Одни общего содержания — «К борьбе, другие — с требованиями жел.-дор. рабочих, изложенными в 15 пунктах. Предполагалось еще немедленно после провозглашения стачки устроить митинг, с политическими речами, за мастерскими в поле. Последнего не удалось осуществить. Все же остальное произошло как пописанному. В тот же день забастовал Южно-Русский машиностроительный завод и рабочие жел.-дор. депо, всего около 4.000 человек. На следующий день, во вторник, присоединились все типографщики в количестве около 1.400 чел. Вечером они собрались на сходку около Цепного моста, где 64 чел. из их числа и было арестовано. В ночь с понедельника на вторник было арестовано на дому чел. десять рабочих и интеллигентов.

Во вторник был распространен печатный листок к типографщикам. В среду и четверг распространялся листок с призывом к всеобщей стачке. Уже в среду стачка стала принимать всеобщий характер. Забастовали заводы Греттера, Арсенал и друг. мелкие заводы и мастерские.

В среду утром от 9—10 час. комитетский оратор произнес политическую речь на вокзале во дворе жел.-дор. мастерских перед сходкой в 2.500 чел. В тот же день вечером произошла совершенно неожиданная, ничем не вынужденная провокаторская бойня рабочих на вокзале. Точную цифру убитых и раненых до сих пор не удалось установить. Следует думать, что за все время стачки было убито не более 15 чел., ранено же около 200. На вокзале сразу убито было четыре человека, после умерло еще четыре; два трупа были найдены в лозах, на берегу Днепра. Верно, эти раненые забежали туда и там скончались. Один труп с огнестрельными ранами был подброшен полицией под поезд для симуляции самоубийства (см. «Киевлянин» [8]), и, наконец, два челов. было убито в пятницу во время стрельбы на Подоле. Таким образом мы имеем достоверные сведения о 13 трупах. В действительности их было, верно, несколько больше.

На следующий день после выстрелов, в четверг, стачка приняла безусловно всеобщий характер: забастовали все трамваи, в том числе и святошинский, булочники, все ремесленники, корсетницы, папиросницы, табачные фабрики (некоторые со вторника), мебельные фабрики, все решительно заводы, в том числе рафинадный, дрожжевой, кирпичные, бетонный, портовые рабочие, матросы, прекрати-

лось движение пароходов по Днепру и т. д. В пятницу к забастовке присоединилось человек 20 телеграфистов упр. Ю.-З. Ж. Д. К забастовке начали присоединяться строительные рабочие — плотники, каменщики, штукатуры. В некоторых местах происходила ожесточенная обструкция. Всюду по улицам ходят забастовщики. Некоторые булочные, водопровод и электрическая станция охраняются солдатами. Происходят самопроизвольные демонстрации на Еврейском базаре в четверг и на Сенном базаре в пятницу. На Еврейском базаре ранено два казака. Всюду на окраинах рабочие гайками и камнями подшибают офицеров и солдат. В среду и в четверг в госпиталь было привезено 16 раненых солдат. Рабочие рвутся на демонстрацию, хотят прийти вооруженными. Два раза в течение четверга Крещатик наполняется забастовщиками. Город в панике. В четверг утром около 60 рабочих, вооружившись, пришли на место бойни на вокзал и отказались разойтись по требованию войск. Организованным рабочим с трудом удалось убедить их разойтись между вторым и третьим сигналом. В случае, если бы демонстрация состоялась, рабочие сами нападали бы на войска. Комитет не в силах был бы организовать демонстрацию и руководить ею. Произошла бы вредная для соц.-дем. бойня. Решено было демонстрации не устраивать, и в четверг утром (семь час.) Комитет выпустил листок, призывающий рабочих всеобщей стачкой ответить на преступление правительства. «Нашей местью будет стойкая, единодушная, всеобщая стачка», — говорилось там. Наше спокойствие и единодушие всего страшнее правительству; оно жаждет силой оружия подавить наше движение. Многие рабочие бастовали с четверга, не выставляя никаких требований. Когда, напр., вагоновожатых трамвая первоначально спросили, чего они требуют, они ответили: «Мы ничего не хотим». — «Чего же вы бастуете?» — «Да вот вчера стреляли на вокзале, а сегодня мы не будем работать». Еще в начале забастовки, до стрельбы, в ней, несомненно, присутствовал элемент политического протеста. Правда, сознательное отношение к самодержавию, как в форме правления, было лишь у немногих участников стачки, но инстинктивное недовольство существующими государственными порядками руководило очень многими забастовщиками и явилось причиной всеобщей стачки. Формулировалось это недовольство крайне разнообразно. «Почему это бастуют?» спросил я в первый день стачки у извозчика, на котором я ехал. — «Да как не бунтовать, — ответил тот, — на фабриках прижимки и обирательство, кругом — всякое нахальство». Последнее выражение чрезвычайно метко характеризует общее настроение.

Движение, как и следовало ожидать, не удержалось в мирном русле всеобщей стачки. Помимо демонстраций на Еврейском и Сенном базарах, возбужденное настроение киевских рабочих сказалось еще в крупных беспорядках, имевших место на Подоле в пятницу и субботу. В пятницу беспорядки произошли во время «разгрома» мельницы Бродского; разгром состоял в том, что рабочие, преимущественно подростки, выбили все окна на этой мельнице. Явление обычное, — в сущности, не более как символическое оскорбление; но власти захотели придать ему серьезный характер — уничтожения скопом чужого имущества. Были вызваны войска. Произведено было несколько залпов, от которых пострадало несколько посторонних людей, приезжавших на пароходе из Екатеринослава. Убиты два плотовщика (фимилия одного Майченко, а фамилия другого неизвестна). Ранены: Книшов — буфетчик гостиницы Бель-Вю (огнестрельная рана навылет правого легкого) и клоун цирка Феррони — Бронислав Вагнер (перелом основания черепа от удара прикладом; острое безумие). На вокзале в среду в числе прочих ранена пулей Бабенкова, жена жел.-дор. рабочего, беременная на седьмом месяце. В субботу на Подоле в два часа дня били казаков. Всего за эти два дня было выбито из вражеских рядов человек 15. Видя, что неоформленные вспышки народного возмущения самопроизвольно возникают, Киевский Комитет решил все-таки устроить демонстрацию, придав ей по возможности мирный характер. Демонстрация была назначена на воскресенье, 27-го, в час дня, на Софийской площади с пением «вечной памяти» убитым, с венками, с обнаженными головами. К несчастью, ее постигла неудача; призывные листки попали к рабочим лишь в 11 часов утра, то-есть за два часа до начала демонстрации. Помимо того, к воскресенью всеобщее возмущение уже улеглось. С 12 ч. возобновилось движение трамвая по всем линиям. Город как бы вымер. На демонстрацию явилось не более 1.000 чел., почти исключительно рабочие. Шли, не останавливаясь, большими группами. Проходили мимо назначенного места и больше не возвращались. Группы рабочих были видны на всем протяжении Владимирской улицы, от Софийского собора до театра. Начинать при таких условиях не стоило. К двум часам все разошлись. Весь двор Софийского собора был наполнен войсками.

Повсеместно работы начались с первого августа. Крупную победу одержали типографщики, вагоновожатые, рабочие дрожжевого завода Чоколова и мельницы Бродского. Арсенальным рабочим обещано введение восьмичасового рабочего дня и увеличение платы. В жел.-дор. мастерских 2 августа появилось об'явление, в котором обещаны уступки по всем 15 пунктам требований Комитета. В заключение начальник дорог Немешаев рекомендует рабочим на будущее время «не прибегать к убыточным для себя и для казны забастовкам, не достигающим к тому же никакой цели». В остальных промышленных заведениях и мастерских, кажется, уступок не предвидится. Арестованных в тюрьме 18, в казармах артиллеристов и в крепости 300 человек.

До сих пор настроение среди рабочих возбужденное. В некоторых местах (напр. в жел.-дор. мастерских) возможно было бы немедленно устроить вторичную стачку, но она носила бы теперь чисто экономический характер; настаивают на ней консервативные цехи (особенно вагонный); организованные же жел.-дор. рабочие предпочитают приберечь силы для всеобщей стачки, имеющей политическое значение.

За все время забастовки Комитетом выпущены следующие листки: 1) «К борьбе» (описание бакинских и одесских событий), 2) «Требования жел.-дор. рабочих», 3) «Ко всем типографщикам г. Киева», 4) Призыв ко всеобщей стачке (обращение ко всем киевским рабочим, причем все профессии перечисляются поименно и приглашаются присоединиться к начавшейся стачке), 5) Об убийствах на вокзале, 6) Призыв к демонстрации, 7) Ко всем гражданам (характеристика современного положения и того политического значения, какое имеет борьба пролетариата), 8) Итоги стачки, 9) Ко всем солдатам киевского военн. окр. (последняя усиленно распространяется среди солдат, издана в количестве 4.000 и пользуется успехом). Всего отпечатано около 24.000 листков (наша типография, кажется, единственная из всех киевских типографий, не подумывала о забастовке). Кроме того, отдельные требования печатались на гектографе — листков восемь-десять. В пользу стачечников и семей убитых собрано около 600—700 рублей.

Киев (из частного письма)... Столкновения были грандиозные! Я лично, например, присутствовала при столкновении «войска» с рабочими мукомольной мельницы Бродского. Зрелище поразительное! Это было утром, часов в 11. Рабочие, работающие на противоположном берегу Днепра, захотели переехать в город к остальным товарищам. Переезжают они обыкновенно на пароходике, но теперь управляющий мельницы запретил перевозить их. Тогда рабочие, находившиеся на этом, городском берегу, взяли пароходик и поехали за товарищами сами. До того берега они добрались благополучно, взяли товарищей, — не всех, конечно, а часть — и направились в город. Так как у них капитана не было, то им с большим трудом удалось пристать к берегу. Тут их встретили громкими криками «ура» и ружейными выстрелами, которые смертельно ранили двух монахов, случайно переехавших на этом пароходе, и нескольких рабочих — двух довольно тяжело. Другое столкновение было на вокзале. Меня там не было, были знакомые. Произошло оно по следующей причине: после двухдневной забастовки рабочие с женами вышли на линию и разлеглись по рельсам. Полиция, после нескольких окриков, начала, без предупреждения, стрелять. Убитыми оказались, говорят, трое, а раненых, я знаю, много. Толпа была громадная, давка неимоверная. Ка-

заки прямо топтали лошадьми людей. На следующий день рабочие направились на Шулявку, взяли там одного из убитых товарищей, положили на носилки и понесли его по направлению к Крещатику с намерением положить посередине улицы, чтобы всем показать зверства нашей полиции. Но они успели добраться только до Кирилловской, а тут их встретили казаки, солдаты, городовые и, после довольно упорной стычки, мертвеца забрали в Александровскую больницу, а толпу разогнали.

Екатеринослав (рассказ участника событий). Всеобщая забастовка в Тифлисе, Батуме, Одессе, Киеве, Николаеве подняла настроение рабочих города Екатеринослава, и Комитеты Росс. С.-Д. Р. П. (их в Екатер. два) решили призвать екатеринославских рабочих к стачке и протесту против существующего политического и экономического гнета. Для руководства стачкой Комитеты, обычно действующие врозь, образовали стачечную комиссию из равного количества членов от обоих. Прокламации, кроме бюллетеней, должны были выходить от имени Комитетов. На предложение соц.-рев. о совместной работе стачечная комиссия ответила, что единственным актом совместной работы может быть лишь назначение дня стачки. Раньше двух дней ответ не мог быть передан, и за это время соц-революционерами была выпущена прокламация с призывом к стачке на понедельник, 4 августа. Стачечная же комиссия находила возможным начать забастовку лишь в четверг, 7-го, и она решила не допустить начать забастовку в понедельник, в виду неподготовленности к ней массы и организации; в то же время стачечная комиссия сочла необходимым войти в сношение с соц.-рев. и предложить им приостановить свои действия и перенести день забастовки на четверг, на что соц.-рев. согласились. Было ли соц.-революционерами что-либо предпринято в смысле приостановки забастовки — неизвестно. В двух заводах один-два цеха начали забастовку, но в самом начале она была прекращена соц.-демокр., которые призывали рабочих подождать несколько дней до призыва к стачке от Партии соц.-дем. Затем во вторник партией соц.-рев. была устроена забастовка среди булочников. Большинство рабочих булочных побросало работу; хлеб в продолжение нескольких часов держался на высокой цене, но по приказанию полиции к вечеру того же дня упал до нормы, причем некоторые хозяева были оштрафованы на довольно значительные суммы за искусственное поднятие цен — напр., Сольц на 500 руб. В среду стачечники-булочники собрались в количестве ста чел. для выработки требований. Полиция, узнав о собрании, арестовала свыше 60 чел., жестоко избила их, препроводила в третий участок и оттуда разослала на родину. Как сильно били рабочих, можно судить со слов околоточного: «Натешили мы сегодня свои души над жидами, так их избили, что век будут помнить жидовские морды русскую полицию», кричал он на весь вагон трамвая, где большинство были те же евреи.

Начиная с понедельника полиция стояла у заводов, а жандармы внутри заводов оберегали гудки. Забастовка в железнодорожных мастерских, где настроение было наиболее приподнятое, где целый месяц поговаривали о стачке, началась 7 августа, как это было решено стачечной комиссией. В восемь часов утра тревожно зазвенели звонки у машин, раздались крики: «Стачка, стачка, бросайте работу, выходите во двор, да здравствует стачка!» Выпрямились согнутые спины; рабочие побросали работу, но тотчас же выйти во двор не могли: во дворе и у дверей завода стояло войско, полиция с вице-губернатором во главе. «Господа, зачем вы слушаетесь злонамеренных людей, зачем устраиваете бунт? ведь и мы люди и можем понять ваши нужды, попросите нас; все, что можем, мы сделаем для вас. Встаньте тотчас же на работу, выберите несколько человек и выскажите нам, чего вы хотите; мы рассмотрим и удовлетворим вас, поскольку возможно», — пел помпадур. — «Если же не послушаетесь, то берегитесь; мы изобьем вас, бунтовщиков, нагайками, голодом поморим ваши семьи, повыселяем на родину, засадим по тюрьмам, да и войско у нас есть», — уже не пел, а неистово кричал он. Затем выступил управляющий мастерскими и говорил то же, что и вице-губернатор. На обе речи был один ответ: «Мы не верим вам, мы не начнем работать до тех пор, пока не подпишите наших требований и не вывесите их в мастерских». На угрозы же помпадура ответили криком и свистом. «Запереть их на заводы, и не выпускать!» — распорядился вице-губернатор. Рабочие начали неистово кричать и требовать, чтобы их отпустили домой, что они не намерены умирать с голоду. Помпадур сдался, и отворились ворота завода и двора. Рабочие толпой хлынули на улицу поселка; часть пошла по домам, большинство же сомкнутой толпой тысячи в две двинулось к заводу Эзау. Толпа быстро прибыла к заводу и с насыпи стала кричать: «Товарищи, бросайте работу, выходите к нам, да здравствует забастовка! да здравствует рабочий класс!». На заводе раздались звонки, тревогу забил гудок (видно, плохо его жандармы оберегали), и рабочие Эзау, быстро бросив работу, присоединяются к товарищам. Теперь они идут к Брянскому заводу. Удастся ли и там прекратить работу? Они идут по насыпи. Солдаты, полиция перерезали им дорогу: «остановитесь!» Дрогнула было толпа; но вот один, другой, третий спрыгнули на полотно дороги, и вся толпа уже там. С двумя девушками-работницами впереди, смело и беспрепятственно она входит в завод... Снова крики радости... Сотни остались за станками, тысячи вышли вместе с товарищами и направились к Трубопрокатному заводу. Здесь у ворот завода их встретил сам директор, бледный, дрожащий, с револьвером в руках. «Не входите: я буду стрелять», — еле внятно лепетал он. Рабочие подошли к нему и строго потребовали спрятать револьвер, что он и сделал, но руки из кармана не вынимал; тогда рабочие решили обезоружить труса. Одни взяли его сзади за руки, но директор быстро выхватил револьвер и побежал в контору, стреляя по дороге, хотя его никто не трогал; в конторе он продолжал стрелять из окна, но дрожащие руки не слушались его, и выстрелы попадали в пустое пространство. Рабочие, глубоко возмущенные директором, послали ряд камней в окна конторы; одни из них угодили прямо в директорскую физиономию, что и заставило негодяя прекратить его гнусное занятие. Прибыли рабочие из Гвоздильного завода; теперь все заводы этого района Екатеринослава прекратили работу. Многотысячная толпа решила итти через Брянский завод на фабричную слободку и там устроить собрание. По дороге быстро разнеслась весть, что в Брянском заводе заперто до тысячи человек, принуждаемых силой к работе. Делом нескольких минут было двинуться на помощь, но известие оказалось ошибочным; это сотни отщепенцев, бросив, наконец, работу, все же не находили в себе мужества встать в ряды своих товарищей и со двора завода с любопытством и страхом смотрели на толпу рабочих и войска.

У Брянского завода толпа случайно разделилась: одна часть пошла по насыпи, другая низом. Тут полиция и войско направили всю силу на то, чтобы не дать больше соединиться толпе. Последняя же, наоборот, старалась соединиться. С момента раз'единения рабочих казаки и конная полиция терроризировала рабочих, набрасываясь на них с нагайками. Особенно усердствовал казачий офицер. Рабочие градом камней легко и быстро обращали в бегство башибузуков. При входе в фабричный поселок стояла масса войска и полиции; последняя потребовала от рабочих, чтобы они разошлись или, по крайней мере, вошли в поселок не улицей, а берегом реки. Рабочие прекрасно поняли уловку полиции: тогда они будут вполне отделены от товарищей, идущих по насыпи, и будут отданы во власть опричников и их нагаек, — и они твердо заявили, что в поселок они войдут здесь. Видя решимость многотысячной толпы, полиция сняла цепь солдат и пропустила рабочих, но продолжала мешать соединиться с другой частью стачечников. С начала стачки с рабочими были их жены, сестры и дети. Одна из женщин стояла на насыпи, и казачий офицер, подскочив к ней, ударил ее нагайкой; она оторвала конец нагайки, в котором, как всегда, был вделан внутри ремня кусок железного стержня в палец длины и толщины. Женщина подняла его кверху и закричала: «Смотрите, чем бьют вас, ваших детей, ваших жен и ваших старух-матерей! Ведь мы скотину не ударили бы этим», и она схватила кирпич, подбежала к офицеру, ударившему ее, и ударила его в голову. Офицер зашатался. Казаки с нагайками набросились на женщину. Рабочие кинулись

защищать ее, схватили камни и начали бросать в казаков; те было бросились к толпе, но град камней обратил их в бегство.

Тогда офицер отделил человек 40 солдат, и, выстроив их в два ряда, без малейшего предупреждения скомандовал: «на прицел». — «У нас боевые», — докладывал фельдфебель. Офицер молча кивает головой и командует: «пли» и сам первый стреляет из револьвера. Упал один, другой, и вот уже около трех десятков на земле. Раздались стоны, крики, а рабочие еще не верят, что это — боевые заряды: не могут же их убивать за то лишь, что они хотят улучшить свою долю, что они защищают своих жен. Но факт налицо и, уверившись в нем, мрачные, полные негодования, рабочие разбрелись по домам, видя, что войско готовят к продолжению бойни. Женщины с полотенцами и водою в руках бросились к раненым, чтобы оказать посильную помощь, но казаки разгоняли женщин. Полиция мертвых отвезла в заводскую часовню, раненых в больницы. Среди 11 убитых было двое детей, один пожилой мужчина лет 45, а остальные от 17 до 25 лет. Среди тяжело раненых — 13 человек — были две женщины, один мальчик, остальные взрослые мужчины. Из этих 13 трое умерли уже. Сверх того считают до 15 легко раненых. Большинство пуль попало в грудь, лицо и голову. Какое впечатление произвели убийства, видно из следующего факта. В первый день забастовки один из членов Комитета находился в квартире, куда должны были приходить через определенные промежутки времени, после крупных событий, товарищи рабочие, чтобы дать подробный отчет о ходе стачки. После бойни вбегает один из руководителей стачки рабочий с криком: «Поймите, стреляли, они убиты, убиты десятки людей, кровь, стоны кругом... Я жив, о, зачем я жив! Вы, Комитет, вы руководители наши, научите же, что теперь должны мы делать». Жена его рыдала о погибших, она только что вернулась оттуда. Товарищ из Комитета побледнел, услыхав об этом кровавом исходе мирной стачки. Ему оставалось ответить то, что можно ответить в этом случае. «Эти жертвы ужасны, кровью их обагрилась земля, которая даст всходы; каждая капля этой крови даст не один десяток борцов. Вспомни, товарищ, что люди гибнут каждый день бесполезно, гибнут от чрезмерной работы, от несчастных случаев. В этих же смертях есть глубокий смысл. Взгляни же прямо, товарищ, на умерших и раненых, и пусть их кровь вольется в нашу, и сильнее, и глубже станет наша ненависть ко всем насильникам, ко всему существующему несправедливому, гнусному строю». Жена товарища рабочего спокойно сказала: «Жандармы идут к нам». Столь же спокойно сказал ее муж: «Кто-либо один из нас еще может уйти. Идите». И он отворил окно, выходившее в одну из надворных построек. Женщина крепко заперла окна, закрыла их ставнями и сказала: «Когда я два раза ударю в стену, вы можете выходить во двор». Спокойно вышла во двор и отперла дверь жандармам. Жандармы вошли в другую квартиру...

Целый день волновались рабочие в поселках. Группами собирались, глубоко возмущались и спрашивали друг друга, за что в них стреляли. За кусок хлеба жизнью приходится платить, говорило большинство рабочих. Сознательные рабочие об'яснили товарищам, почему в них стреляли. Рабочие внимательно слушали и глубоко вдумывались в речи. В этот день больших собраний не было. Всех созывали на завтра на Чечелевскую площадь у народного театра.

В заводских же поселках, Амуре и Нижнеднепровске, этот день прошел спокойно; забастовал из всех заводов лишь один. Управляющий вагоно-строительного завода умилился душой, что рабочие этого завода не поддержали железнодорожные мастерские и, созвав их, сказал им прочувствованную речь: «Хорошо, ребята, что не послушались вы злоумышленников и не начали бунта, как другие негодяи. За это, братцы, говорю вам большое спасибо и министру о вас донесу, а через него его императорскому величеству. И пришлет он вам свое царское спасибо». — «Рады стараться!» — закричали некоторые из рабочих. Довольный и спокойный ушел начальник, и сон, вероятно, они видел хороший; по крайней мере не снилось ему, что завтра «братцы» наплюют на царское спасибо и станут теми же «негодяями», что и рабочие других заводов.

В городе забастовало много мастерских; газеты не выходили: «Вестник Юга» — три дня, а «Приднепровский Край» — два дня. Рабочие группами ходили по мастерским и останавливали работу. Нигде рабочим не приходилось употреблять насилие. Все рабочие охотно сами бросали работу и присоединялись к забастовщикам. Продолжали работать мельницы, лесопильни, пивной завод Боте, завод Лещевера, кой-какие отдельные мастерские, булочники. Последние, обессиленные преждевременной забастовкой, не могли вторично пристать к забастовке. Хлеб за дни всеобщей забастовки в цене не поднимался. На следующий день с раннего утра толпы рабочих, их жен, детей двинулись в назначенное место, но здесь стояли войско, казаки, полиция и разгоняли рабочих. Многие ушли по домам, но все же к восьми часам утра собралась толпа в полторы-две тысячи чел., перед которой выступили ораторы. Войско и полиция с полицмейстером во главе окружало собрание, но не разгоняло его. Полицмейстер решил мирно уговорить рабочих итти на работу и выдать злонамеренных людей, которые призывают их к бунту. Насмешками ответили рабочие на сладкие речи его, а на предложение выдать «подлецов» ответили: «Почему же подлецы они? Они в нас стреляли? Нет, а ты стрелял. Они нас нагайками били? Нет, а ты бил, так кто же подлец?» Ораторы свободно в присутствии полицмейстера говорили свои речи. Говорили они о тяжелых условиях труда, о беспросветной жизни рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о необходимости борьбы за лучшую долю, о стачке, как о форме экономической борьбы, говорили об убитых и раненых товарищах, указывали их убийц, разоблачали второго врага рабочих — самодержавное правительство, рисовали весь гнет его, говорили о стачке, как форме политического протеста, и кончали речи возгласами: «Да здравствует всеобщая стачка, да здравствует политическая свобода, долой царство гнета и насилия, долой самодержавие!» Собрание горячо приветствовало речи, дружно подхватывало возгласы, многие рабочие жали руки ораторам. В самом разгаре собрания по полю мимо него прошла печальная процессия, хоронившая убитых; много рабочих, больше всего женщин и детей, идут за гробами, еще того больше войска и полиции. Многие рабочие из собрания присоединяются к похоронам, но большинство остается на площади вокруг ораторов, которые делают непростительную ошибку, удерживая толпу: «Зачем ходить на кладбище, мы и здесь можем устроить достойные похороны нашим славным борцам», и произносят горячие речи об убитых и убийцах. Стачечная же комиссия решила устроить похороны с венками и пением революционных песен, но не передала еще своего решения организации, предполагая, что убитых будут хоронить лишь на третий день.

Похороны представляли душу надрывающую картину. Слезы, рыданья кругом... Но не одни слезы видны на лицах... Слышатся угрозы полиции, войску, правительству. Раздаются бичующие речи не только «злонамеренных людей», но и самых умеренных; обличительные речи произносятся и женщинами. Кругом стоят полиция, солдаты; некоторые начальники заводят разговор с рабочими, пытаются в смертях обвинить их и «злоумышленников», но всегда получают один ответ: убийцы вы. Многие из рабочих укоряют Комитет, что он не был на похоронах.

На чечелевское собрание народ все прибывает, три часа ораторы говорят свои речи и кончают собрание призывом итти в город, чтобы остановить работы во всех заводах, фабриках и мастерских, соединиться там с городскими рабочими, вместе с ними слушать ораторов и демонстрировать на улицах. Толпа одобряет это предложение, ораторы говорят: мы пойдем тихо, спокойно без песен, без криков; ораторы не решились придать шествию политический характер. Толпа тысячи в три-четыре двинулась к городу, шла она чечелевским заводским поселком. Из многих домов выходили рабочие и присоединялись к шествию. Не раз выбегали женщины, хватали за руки своих родных, снимали силой с них шляпы, умоляли остаться дома, но и с непокрытой головой шли рабочие, не уступали мольбам женщин; несколько женщин вошли в толпу. Здесь толпа возросла до шести-семи тысяч; в ней были и ремесленники-евреи. Бодрая и скорым шагом двигалась толпа; испуганные обыватели запирали ворота домов,

лавки. Рабочие говорили: «Не бойтесь нас, не запирайте ворот, не запирайте лавок, мы вас не тронем; не громить и убивать мы идем, идем бороться за правое дело, а вы, приказчики, тоже трудящиеся люди; идите к нам». Многие магазины остались открытыми, некоторые приказчики входили в толпу. Толпа прошла весь Чечелевский поселок, Трамвайную улицу и остановилась у трамвайного депо: «Бросайте, товарищи, работу, идите к нам». Боязливо сторонятся от стачечников рабочие. Тогда толпа вбегает во двор депо, в мастерские, останавливает машину, — момент, и замерли конки по всему городу Екатеринославу; большинство из них сделались достоянием ребят, которые на них по-своему хозяйничали. Кондуктора трамваев говорили организации, что, если им окажут маленькую помощь в начале стачки, то дальше они будут крепко держаться за нее (через восемь часов, когда возобновили электрический ток, кондуктора были на своих местах и спешно подвозили полицию и войско к борющимся рабочим). Сделав свое дело в депо, рабочие двинулись к заводу Боте на Проспекте, здесь остановили они работу и решили итти к электрической станции, освещающей Петербургскую улицу, затем к мельницам и лесопильням; но в это время передние ряды сказали, что по Проспекту идет войско и казаки, а перед ними городские рабочие-ремесленники. Тогда рабочие решили итти навстречу ремесленникам, чтобы не оставить их одних в руках казаков и войска. Быстро двигались рабочие и войско друг другу навстречу; впереди войска оказались не ремесленники, а некоторая часть заводских рабочих, отбившихся от общей толпы. Вот войско и рабочие сошлись, остановились; барабан забил тревогу, выстроились казаки с нагайками в руках. «Приготовьте палки», — скомандовали вожаки. Палок у большинства не оказалось. «Набирайте камни». Рабочие наклонились, чтобы набрать камней, но, вместо камней, смогли взять лишь горсти пыли. Казаки врезались в толпу с диким остервенением, засвистали нагайки. Нечем было защищаться демонстрантам, и они побежали, но сзади опять стояло войско и неистовствовали казаки и полиция. Значительная часть стачечников была отрезана от толпы, осталась за линией войска. Свободными оставлены боковые улицы, туда направились бегущие стачечники, а за ними казаки, полиция. Обыватели, по приказу ли полиции, по своему ли почину, крепко держали ворота на запоре. Некоторые из бегущих кричали: «жителя, отворяйте ворота!», но редкие ворота открывались. Вблизи были лесные склады, проходные дворы, берег Днепра с массой приплавного леса, и толпа скрылась от преследования полиции и казаков. Арестованы немногие. Стреляли холостыми зарядами в спину бегущим.

На Амур и Нижнеднепровск в помощь сознательным рабочим стачечной комиссией были посланы товарищи с других заводов, и здесь повторилось то же, что и в Брянском районе: толпами ходили рабочие с одного завода на другой и останавливали работу, забастовал в том числе и вагоностроительный завод (не очень-то ценят, видно, рабочие царскую благодарность), а также забастовали пристанские рабочие. В городе работали лишь мельницы, булочные, трамвай, да некоторые лесопильни.

Ольга [Громан].

(Продолжение в следующем №.)

Еще об одесских событиях. Приводим письмо рабочего (с исправлением орфографии), проливающее новый свет на знаменитую одесскую стачку:

«Товарищи, это было очень торжественное время, если смотреть с точки зрения людей, которые имеют хоть малое пристрастие к мщению своим врагам-угнетателям, которые доводят нас, рабочих, до нищеты и невежества и не дают нам жить, как подобает человеку. 16 июля мы, все рабочие одесских частных каменоломен, спустились в шахты работать. От усталости 18-часового рабочего дня лениво начали работать: то сон налегал, то мешали бурить потные ломы. Один товарищ из досады предложил закурить. Сели. Не успели сделать папироски, пришли к нам товарищи соседних припоров тоже покурить и пополам горе поделить. Это, товарищи, был братский отдых и любовь. В то время мы друг другу высказывали все свои обиды и чувствовали себя силой. Сначала у нас речь шла о табаке, что много курим и правительству много угод и прибыли даем. Потом Васька, наш товарищ, начал нам жаловаться, что его на косарке побили кабыки (?) и забрали 6 руб. денег и с его денег дали долю 2 рубля городовому, и так начал запускать во все киевские святыни, в святейший синод и в батюшку-царя, что все за бока стали хвататься. Один старик-хохол говорит: „Стойте, хлопци, я вам штукенцию расскажу. Я был вчера в городе и чул, что забастовали карантинные сносчики и моряки и что бастуют все фабрики и заводы". — „Забастовка, забастовка", — послышались голоса тяжчиков; мальчик пришел, говорит: „Забастовка". „Наверх, товарищи, наверх". Сразу лестница зачала, повылазили наверх: правду мальчик говорил; говорил, что вчера, 15-го, много людей было в Рубовском саду и просят всех товарищей бросить работу и итти к ним. Все крикнули: „Бросай ломы, идем бить полицию". „Нет, не надо, идем посмотреть, что за публика". Толпа засуетилась, стала кричать: „Долой самодержавие! Идем скорей до Рубова". — „Нет, идем, дадим другим знать". Некоторая часть разбрелась по каменоломням с криком „забастовка". Через 2 часа толпа с песнями и криками направилась по дороге Рубова сада. Выделялись отдельные голоса песни: „За что же ты меня, доля, до Сибири довела". В 10 часов мы были в Рубовом. Там мы видали надзирателей, городовых, казаков, большие кучки рабочих, которые обсуждали свою тяжелую жизнь. Я направился к толпе одной кучки, стал прислушиваться. Один читал прокламацию, напечатанную жандармами, а некоторые личности убеждали толпу, чтобы не слушали социал-демократов, потому что они враги не только для правительства, но и для рабочих. Толпа смеялась. Оратор сердито смотрел. Вдруг у меня за плечами раздался чей-то голос. Я поворотился: то был наш товарищ, сознательный, от которого я узнал, что все сознательные пошли на Пересыпь, чтобы остановить все фабрики, а к 4 часам прийдут сюда. Мы решили не расходиться до 4 ч. Со второго часа толпа увеличивалась все больше и больше. В начале пятого я уже едва разыскал товарищей и одну барышню, которая заняла место оратора. Барышня говорила очень популярно. Все слушали. Полиция хотела арестовать, но вольные солдаты говорили: дудки. Полиция побоялась. Барышня кончила речь. Как вдруг послышались крики: „Товарищи идут с карантина". Толпа направилась к сахарнозаводским воротам. Тут мы увидали большую толпу народа и казацкого полковника с сотнею казаков. Один крикнул: „Долой войско!". Толпа начала разбегаться. Остальные кричали: „Не утекайте". Толпа уселась. Оратор начал говорить речь, как мы должны себя вести и что мы должны требовать: 1) свободы стачек, союзов, 2) свободы слова, 3) свободы печати, 4) неприкосновенности личности. Оратор хотел высказать, что такое самодержавие, но шпионы срывали, не давали говорить. После этого говорили еще ораторы, шпионы уже не могли их сорвать. Один оратор говорил нам о царской эксплоатации на казенно-очистительных заводах. На другой день, в 10 часов, и казаки слушали, полковник тоже, а разгонять не разгоняли. Оратор сказал народу, чтобы на другой день толпа собралась в 10 ч. На другой день, как мы пришли, мы уже видали около 50 тыс. народу, которые были разбиты по кучкам. Каждая кучка вырабатывала требования. Я присел к одной кучке, к девице, и спросил ихние результаты. Они мне ответили, что результаты плохие: вырабатывают требования от хозяев. Я направился к своим каменоломенским, об'яснил им требования. Товарищ Васька опять запустил во всех святых Серафимов. Все начали говорить: „раз свободы нет, так и требований не надо: надо, чтобы знали, что такое самодержавие". Потом мы направились еще к одной толпе. Тут мы узнали наших ораторов, говорили на политическую тему, началось разбрасывание прокламаций. Толпа просила прочитать. Тут появились солдаты со штыками и казаки с нагайками. Толпа разошлась кто куда».

Одесса (случайное письмо). Рабочее движение в Одессе, вследствие энергичных представлений иностранных консулов и обращения фабрикантов непосредственно

в Петербург, здесь, повидимому, улеглось. Несколько дней тому назад Шаевич был разыскан полицией и арестован. Первая телеграмма предписывала отправить его в Усть-Сысольск. Вторая телеграмма предписала препроводить его в Петербург, всю его корреспонденцию опечатать и выслать туда же. Следствие как о Шаевиче, так и вообще о разыгравшемся движении предписано вести другу и вдохновителю Шаевича, жандармскому полковнику Васильеву. Теперь начинает выясняться анархия, господствовавшая среди одесских правящих сфер во время движения. Полицмейстер Головин, повидимому получавший предписания непосредственно из деп. пол., умышленно затягивал арест Шаевича, не являлся к Арсеньеву и иногда действовал прямо против его приказаний. В некоторых случаях, так же как и при кишиневских погромах, констатировано, что квартальные надзиратели, предводительствуя толпой, указывали, где находится та или другая фабрика или мастерская. Забрав там в плен всех рабочих, они командовали: «дальше», и в другом месте повторялась та же история. Арсеньев, добродушное существо, переведшийся в Одессу исключительно с целью лечить на Лимане свои многочисленные ревматизмы, обращаясь к своему правителю канцелярии Осетрову и фабричному инспектору Попову, в полном недоумении спрашивал их совета: как поступить, что нам делать, если... вдруг Васильев возьмет и спрячет Шаевича у себя? 21 и 22 июля, когда караулы в порту были сняты, там тотчас же появились толпы «независимцев» и начали стаскивать с пароходов начавшие было работать команды. Один боцман, если не ошибаюсь, парохода «Ольга», не отпускавший команды, получил удар в голову, от которого умер в больнице. Дом другого боцмана был сожжен в Николаеве. Караулы сейчас же были поставлены снова. Отряды солдат ходят по городу. Некоторые из требований, пред'явленных рабочими фабрикантам, были очень любопытны. Так, Пекаторос, директору кожевенного завода, по убеждениям социалисту с примесью христианского елея, забастовавшие рабочие на созванном им же самим собрании потребовали передачи производства в их руки. Пекаторос указал им на то, что предприятие ведется в убыток и, стало быть, им невыгодно будет взять его в свои руки. Но рабочие перехитрили его, указав на то, что вместо 8.000 рублей, которые получает господин управляющий, и других крупных кушей, попадающих в руки теперешней администрации, они бы тратили гораздо меньше на управление. Сконфуженный в конец директор принужден был прекратить прения. Во время общей стачки рабочими, главным образом женщинами, пред'являлись целые списки требований, с массой параграфов, главными из которых были: введение восьмичасового рабочего дня, повышение заработной платы и замена прежней фабричной администрации новою, назначаемою по указанию рабочих. Рабочие во время этой стачки вели себя смирно и, не получив удовлетворения почти ни одного из своих требований, стали на работы, в ожидании, пока их требования будут рассмотрены и удовлетворены фабричной инспекцией.

По имеющимся здесь сведениям, «независимцы» [9] из Одессы перекинулись в Елисаветград и устроили там нечто аналогичное. В Николаеве 21 и 22 июля «независимцы» остановили движение конки и начали избивать непокорных кондукторов и кучеров. Когда явился градоначальник и начал выражаться по-военному, ему сшибли камнем фуражку. Был произведен залп — много раненых и несколько убитых. На отдаленных улицах рабочими было устроено нечто вроде баррикад, из-за которых они стреляли в полицию и войска из револьверов. Из Киевской губ. приходят самые тревожные слухи. По официальным сведениям, в трех уездах, смежных с Херсонскою губ. (Черкасском, Чигиринском и еще каком-то), происходит серьезное аграрное движение. Я читал официальное донесение губернатора по этому поводу, рисующее картину, напоминающую сцены из времен французской революции 1789 г. На сахарном заводе Бродского, насчитывающем около 1.500 рабочих, «злоумышленники» не встретили сначала сочувствия со стороны массы рабочих; тогда, соединившись с некоторыми недовольными элементами, они подожгли завод, предварительно залив свинцом пожарные машины завода. Завод горит частями в течение двух недель (?). Банды «злоумышленников» выжигают леса частновладельцев, в особенности графов Бобринских, и поджигают усадьбы, уничтожая скот, сельскохозяйственные продукты и машины. В одном месте (позабыл указание донесения) у графа Бобринского было сожжено 40 лошадей в конюшнях, предварительно тщательно закупоренных. Оставшееся без занятий рабочее население, в количестве 20.000 человек, а с семьями около 40.000, стекается в местечки с преобладающим еврейским населением, например в Шполу, которые не могут прокормить всю эту массу. Опасаются погромов. Все население терроризовано и бежит в город. Вероятно, движение в ближайшем будущем перебросится в соседний уезд Херсонской губернии.

Николаев, 15 августа. Уже три недели прошло после демонстрации, а брожение не унялось. Ежедневно казаки дежурят, заводы охраняются. Директора заводов ждут вспышки и, несмотря на это, принимают все меры, чтобы провоцировать рабочих. На Французском заводе все рабочие были уволены и теперь принимаются как вновь поступающие, с медицинским освидетельствованием и прочими формальностями, дающими возможность под благовидным предлогом не принять того или другого неблагонадежного рабочего. Прежде всего были приняты бригадиры, которым было поручено составить списки благонадежных. От желающего поступить на завод отбирается адрес, а затем на дом присылается ему печатное извещение, что завод его услугами воспользоваться не может. Таких извещений уже разослано свыше 600. Впрочем, администрация завода не брезговала пользоваться этими адресами и для других целей — несколько дней подряд замечалось такое явление: днем рабочие оставляют на заводе свой адрес, а ночью по этому адресу приходят их арестовывать. Возбуждение рабочих, чуть не ежедневно собирающихся вблизи завода в ожидании приема на работу, возросло до того, что они недавно решили на завод на следующий день никого не пускать, пока не будут приняты все уволенные. Об этом проведала администрация завода, и на следующее утро у завода был вывешен список 700 лиц, принятых без всяких формальностей. В настоящее время на Французском заводе работает около 1.500 человек.

Кстати, во время «беспорядков» правительство, повидимому, не забыло воспользоваться обычным приемом восстановления публики против рабочих, стараясь запугать обывателей, чтобы потом иметь оправдание своим жестокостям. По магазинам бегал суб'ект и кричал: «Закрывайте магазины! наши требования не удовлетворены, рабочие пойдут разбивать лавки». В настоящее время разговоры, пересуды, легенды о демонстрации во всех слоях населения не прекращаются. Дети на улицах играют в демонстрацию: одни бегут с платочками, привязанными к палочкам, и кричат «ура» и «долой самодержавие», другие гонятся за ними и ловят их. Распоряжение градоначальника о десятичасовом рабочем дне в ремесленных заведениях вызывает волнение как среди хозяев, так и среди рабочих. Первые недовольны распоряжением, так как оно посягает на их карманы; вторые недовольны потому, что распоряжение это, без соответствующего увеличения расценков, понижает заработок. Фабричный инспектор разослал фабрикантам предложение (или предписание?) ввести институт старост. Управляющий табачной фабрики Ага (около 200 рабочих) предложил рабочим выбрать старост; но затем, когда рабочие хотели приступить к этому, управляющий об'явил, что он уже сам выбрал, кого надо. Тем временем к нему попала комитетская прокламация о старостах; проникнувшись ее содержанием, он старается убедить рабочих, что значение этого института сводится к нулю.

В настоящее время в тюрьме сидит более ста человек. Некоторые получили приговоры по старым делам. Уже высланы в Вологодскую губ. — Плаксин и Романов на три и четыре года, в Вост. Сиб. — Самуил Альтшулер (инт.) на 3 г., Мирский на 4 года, Осадчая на 3 года, Павлоцкий на 4 г. Дмитрий Калафати (инт.) приговорен к 4 годам Восточ. Сибири. Лазарь Вулих, сидевший в Конотопской тюрьме (по Николаевскому делу), отправлен теперь в Пе-

тербург, Георгий Шкапин совсем освобожден (но зато теперь за демонстрацию вместе с другими 22 будет предан суду судебной палаты с участием сословных представителей; дело из рук жандармов перешло уже к судебному следователю). Приехавший к нам начальник Херсонск. жанд. управления заявил, что во что бы то ни стало выловит весь Комитет, и энергично принялся за дело; однако большой осведомленности он не обнаруживает. Так, во время «беспорядков» хватали из толпы кого попало, затем, когда первый пыл остыл, при арестах руководствовались такой уликой принадлежности к революции, как ношение косоворотки. В косоворотке нельзя было появиться на улице. Таких хватали без разбора днем и сажали в тюрьму. Сомневаемся, чтобы такими примитивными приемами удалось скоро выловить Комитет.

За июль и начало августа в Комитет поступило 130 рублей 50 коп., израсходовано 163 р. 55 к. За это же время выпущено семь листков и 9-й № «Нашего Дела» [10], всего в количестве 13.000 штук.

Бахмут. Нам пишут:

«Увлеченный общим потоком рабочего движения, охватившего Россию со всех концов, и наш бахмутский рабочий, до сих пор пребывавший в тяжелом полудремотном состоянии, примкнул к рядам борющегося пролетариата. Недавно, как вам, вероятно, уже известно, у нас произошла первая стачка — стачка портных мастерской Неймарка. Она кончилась полным успехом и послужит, несомненно, началом новой, революционной эры нашего города, в котором и, особенно, вокруг которого сгруппировано такое множество не сознавших еще себя и дремлющих пока пролетарских сил. Бахмутский обыватель воспитан в тупой покорности властям и свыкся с мертвенной и мертвящей тишиной нашей провинциальной жизни. Естественно, что неслыханная «дерзость» и отвага стачечников на первых порах встревожила его и испугала, и ему стала мерещиться свежей памяти кишиневская «тактика» г. фон-Плеве. Мало-по-малу, однако, разобравшись в событиях, он успокоился и под конец стал даже втихомолку высказывать и доказывать сочувствие смельчакам, дружный и бодрый протест которых произвел на него действие свежей, живительной струи чистого воздуха на человека, задыхающегося в затхлой и смрадной атмосфере. Обыватель успокоился и начинает приспособляться к новым условиям бахмутской действительности. Зато никак не могут успокоиться наши бравые жандармы. Первая стачка и особенно прокламация Екатеринославского и Донского Комитетов застигли их врасплох и поразили, аки гром из ясного неба. Так, вероятно, мечутся лягушки, когда в их застоявшееся болото бултыхнет ненароком внушительных размеров камень. Сыск у нас до настоящего времени организован был совсем плохо, и посему наши голубые с особенной благодарностью приняли услуги доброхотных ищеек и шпионов. Симпатичное амплуа таковых взяли у нас на себя, между прочим, и два «интеллигента»: молодой и много (о, очень много!) обещающий врач г. Сангурский и его доблестный коллега, адвокат Грузенберг. Дебют их на новом поприще был, однако, не из блестящих. Обыски, произведенные по их указанию жандармами у некоторых лиц, не дали никаких результатов. Не падайте, все же, духом, достопочтенный и предупредительный эскулап! Не унывайте и вы, услужливый сподручник голубой Фемиды! Авось со временем набьете руку, если до того не сломаете... шеи».

Стачки на Кавказе. Стачка началась в Баку 2 июля. 6-го было собрание у Волчьих Ворот, организованное Комитетом. 6-го и 7-го — собрания у «Стеньки Разина» и в Кишлах. Конка не шла 4—5 дней (а не 10, как писали в «Нов.»); затем пошла со штыками. В Баку не успели присоединиться к забастовке булочники, мясники, официанты и приказчики. В Тифлисе, наоборот, приказчики, мясники и часть хлебопеков (пурщики — 50 чел.) забастовали еще до общей забастовки в Тифлисе, которая началась по призыву Кавказского Союза [11] 14 июля. Пурщики (50 чел.) даже разнесли участок и освободили 5 арестов. товарищей; пристав, стрелявший в воздух при самообороне, был уволен за слабость в тот же день. Приказчики Караван-Сарая 8 дней под-ряд ровно в 8 часов вечера высыпали разом на улицу и закрывали все магазины. Впечатление от этого получалось грандиозное. Они добились своего. Официанты также получили: определенное жалование (10 рублей в месяц), квартиру и стол от хозяев, отмену штрафов и вычетов. Конка пошла 14 же июля, но только благодаря солдатам, которые и продавали билеты и охраняли вагоны. Вагон трамвая представлял в эти дни настоящую крепость: на каждом — 4—5 штыков. Надо удивляться невоспитанности публики, которая не оказала никакой поддержки стачечникам и не стеснялась ездить под штыками. Вообще стачка в Тифлисе была главным образом делом сочувствия бакинским стачечникам. Она продержалась очень недолго, и к концу недели начали приступать уже к работе, а в следующий понедельник работали уже почти все. Но как поддержка бакинцам, она во всяком случае достигла своей цели. Собраний не было, исключая утра 14 июля, так как масса войск, занявшая весь город, делала их невозможными. Печально следующее; центром забастовки в Тифлисе было железнодорожное депо с его 4—5 тыс. рабочих. И вот уже в среду-четверг часть рабочих депо начала приступать к работе, а в субботу их уже было больше 1½ тыс. И начали работу первые дни исключительно русские рабочие — печальный результат националистических заигрываний властей. В Тифлисе не стреляли, но били нагайками до остервенения: арестованных в участках приходилось выпускать, чтобы освободить место для новых; и вот их при этом пропускают «сквозь строй» казацких нагаек, расставленных с обеих сторон. Избивали жестоко мирных обывателей, принимая их за рабочих. Вообще террор был неописуем; полиция совсем сбилась с ног; городовым было разрешено сидеть на стульях на своем посту. Рассказывают про компанию приставов и надзирателей, которые заперлись и пьянствовали до утра, приказав никого не пускать к себе: «Чорт с ними! пусть делают, что хотят! — говорил один пристав из этой компании: — за 50—100 руб. посылают нас под пулю; чорт бы побрал это начальство!». Еще неделя таких беспорядков — и дисциплина подверглась бы большой опасности. Солдаты в большинстве хотели стрелять в воздух. На ст. Михайловка, как мне рассказывали со слов очевидцев, собралась небольшая толпа, всего человек в 150, и загородила полотно железной дороги. С ними вступил в переговоры инженер и уже почти убедил их разойтись; по его убеждению они послали рабочих для охраны водопровода, сберегательной кассы и проч. Видя, что толпа настроена мирно, инженер этот сказал рабочим, что он сам не может удовлетворить их требований, а сейчас даст телеграмму в Петербург. Он ушел на телеграф, взяв предварительно с пристава, командующего отрядом, слово не употреблять оружия. В это время подошел Боржомский поезд. Один из рабочих вздумал отцеплять паровоз. На него бросились стражники; к рабочему пришли на помощь еще пара рабочих. Завязалась борьба. Пристав приказал стрелять, и в результате — 36 чел. раненых и убитых; ранены все тяжело, почти безнадежно; ранены и убиты женщины в ближнем селе. Солдаты (их было чел. 40) почти все стреляли в воздух, но стражники усердствовали: один стражник уложил 7 чел.! Все страшно возмущены этим ненужным пролитием крови. Офицеры тоже возмущены. Одному бегущему офицеру его знакомый штатский кричит: «Бегите, бегите; авось еще орден заслужите!» — «Мне не надо орденов за такое позорное дело», — отвечает офицер. В Батуме забастовка началась 16 июля. Точных сведений о Батуме я не имею, но говорят, что там тоже стреляли. Около 18 июля началась забастовка в Чиатурском горном округе. По рассказам, рабочие шли там опустошительной волной, разрушая и предавая огню все на своем пути. Не знаю, насколько это верно, но, видно, много горечи и ненависти накопилось в душе чиатурских рабочих. В других местах применялось принуждение при остановках работ, но насилия над жизнью и имуществом почти не было. В г. Баку рабочие особенно держали себя корректно, и их поведению отдает должное даже буржуазия: рабочие сами охраняли промыслы и не тронули ничего, будучи полно-

властными хозяевами до прибытия войска. Любопытный, хотя и мелкий факт. Собрание рабочих близ больницы. Рабочие по телефону требуют от больницы, чтобы им приготовили воды для питья. Растерявшийся эскулап телефонирует властям, но те бессильны помочь ему. Нечего делать: вода приготовлена, и рабочие утоляют свою жажду. Рабочие потребовали даже, чтобы провели водопровод на место их собраний в Кишлах. Любопытно, что и обыватели находили это понятным: не могут же рабочие в самом деле заседать без воды! Только когда хозяева по приказу Плеве и Витте отвергли à limine все требования рабочих, начались поджоги промыслов. Но что рабочие в насилиях не переходили меры, видно из того, что сочувствие общества вообще осталось на их стороне. Несомненно печальны устроенные кем-то крушения поездов с человеческими жертвами. Кто их авторы, до сих пор не выяснено.

Как известно, по приказу Плеве нефтепромышленники отвергли все требования рабочих во время стачки. Но требования эти до того насущны, а рабочие до того сознательны, что не удовлетворить их нельзя. Лучшее доказательство — циркуляр Тов. Нобель, печатаемый ниже. Если в этом циркуляре и обходятся главные требования рабочих, то это не помешает им снова и снова встать перед гг. нефтепромышленниками, пока они не будут осуществлены. Вот этот циркуляр:

«Администрацией фирмы Бр. Нобель, для сведения всех служащих и рабочих, об'явлено следующее:

В течение почти четвертьвекового существования Товарищества Братьев Нобель оно принимало зависящие от него меры к возможному улучшению условий службы и быта рабочих. Правление Товарищества, с уверенностью в своей правоте, может сказать, что, как в установлении окладов платы рабочим, так и в устройстве домашнего их быта, оно шло всегда впереди других нефтепромышленных фирм. Помимо принятия общих мер, Товарищество всегда охотно отзывалось на просьбы и ходатайства отдельных рабочих, удовлетворяя их в пределах возможности.

В настоящее время, несмотря на то, что для пред'явления своих нужд рабочие избрали путь, не согласный с законом и не оправдываемый отношением к ним администрации Товарищества, ходатайства их рассмотрены и о результатах этого рассмотрения сим об'является рабочим.

1. Число праздников будет сокращено до нормы, утвержденной правительством; точное расписание всех праздничных дней в году будет вывешено для сведения рабочих.

2. Перед праздничными днями работы будут кончаться часом ранее.

3. Жалование будет выдаваться во время производства работ.

4. При командировочных работах будут выдаваться суточные деньги в зависимости от места командирования и окладов содержания.

5. В заводских и промысловых мастерских будут, в течение предстоящей зимы, устроены помещения, в которых рабочие будут иметь шкафы для хранения платья, кубы для горячей воды, умывальники для мытья рук и столы и скамьи для обеда рабочих, остающихся во время обеденного перерыва в мастерских. В тех же помещениях рано прибывшие рабочие могут ожидать начала работ.

6. Устанавливается постоянный комплект чернорабочих, которым будут выданы расчетные книжки.

7. Ученики заводских и промысловых мастерских будут зачислены в разряд рабочих; оклады же их заработной платы будут и впредь назначаться в зависимости от их способностей.

8. Закон о страховании рабочих и о способе вознаграждения их во время болезни и при увечьях уже утвержден правительством. На распубликование этого закона ожидается утверждение, уже разработанных с'ездом нефтепромышленников, уставов касс — больничной и страхования рабочих, после чего кассы будут немедленно введены в действие.

9. Что же касается до ходатайства рабочих об увеличении штата раз'ездных докторов и акушерок, о перевозке больных в рессорных экипажах, об учреждении библиотек-читален, народных домов, почтово-телеграфных контор с отделениями сберегательной кассы при них и об увеличении числа школ, то удовлетворение таких ходатайств, как общих для всех нефтепромышленников, будет произведено с известной постепенностью. Товарищество, с своей стороны, обещает содействовать, чтобы означенные ходатайства были Советом с'езда удовлетворены.

Дабы дать возможность рабочим законным путем заявлять о своих нуждах и ходатайствах, Товарищество испросило разрешение применить в своих заводах, мастерских и промыслах высочайше утвержденный 10 июля сего года закон об учреждении старост для рабочих.

Для выбора старост все рабочие будут разделены на разряды, и каждый разряд выберет из своей среды старосту, который явится посредником между рабочими своего разряда и местным управлением Товарищества по всем вопросам, касающимся условий найма и быта рабочих.

Выборы старост по правилам, утвержденным г. бакинским губернатором, будут произведены с 25 августа по 25 сентября, а с 1 октября старосты вступят в исполнение своих обязанностей.

Правила о старостах, по их отпечатании, будут вывешены для сведения рабочих.

Правление Товарищества бр. Нобель».

Некоторые итоги: в июльских стачках в Закавказьи принимали участие: в Баку — около 45 тысяч рабочих (с Балаханами), в Тифлисе — не менее 15 тыс., в Батуме и Поти — около 10 тысяч, на линии Закавказской жел. дор. — около 5 тыс. (Михайловка, Самтреди и окрестн.), в Чиатурском горном округе — около 20 тыс. (область марганцевой промышленности). Итого — около 100.000 стачечников. Кроме того, в Дзургетском и других уездах продолжаются забастовки крестьян, отказывающихся обрабатывать землю помещиков на старых условиях.

Корреспонденция в «Новост.» из Баку (переп. в «Нов. Вр.» от 24 июля) довольно верно обрисовывает картину. Сомнительно только, чтобы у «Стеньки Разина» было до 30.000 народу. По моим сведениям в самом многочисленном собрании в Кишлах участвовало 12, максимум 15 тысяч народу. Оно прошло очень беспорядочно. Правда, командир роты, стоявшей в Балаханах до прибытия войска из Тифлиса, в своем дневном рапорте докладывал о 40-тысячном собрании рабочих, но... у страха, как известно, глаза велики.

Майские дни в Вышнем-Волочке. В Выш.-Волоч. три хлопчатобумажных мануф.: две Прохоровских— на одной до 3½ т. раб. (так наз. «Тоболке»), на другой («Солдатке») около 900 раб., большею частью женщин, — и одна Рябушинского, где работает до 4.000 чел. Порядки на них издавна царят безобразные. Не довольствуясь «нормальным» рабочем днем, фабрики пускали паровую раньше, останавливали паровую позже, выгадывая ежедневно ¾ часа лишку. Расценки за последние годы постоянно понижали, ссылаясь на промышленный кризис. Штрафы драли беспощадно. С 1896 г. на Прохоровской фабрике штрафного капитала накопилось 16.000 руб., как это известно нам достоверно. Выдавая из него пособия, делали так: в книжку писали 10 руб., а выдавали рубля два—три. Штрафовали за неявку на работу по болезни, называя это «пьяными днями». Грабили рабочих на браковке, на товарах потребительской лавки, обмеривали на приемке ткани (от трех до семи аршин на куске). Отношение администрации к рабочим было подстать остальным порядкам. Директор Рябушинской мануфактуры Ганешин всего три мес. служит и уже успел снискать всеобщую ненависть. Мастер Степанов и директор Горожанский (Прохоров. мануф.) преследовали красивых работниц, «завели себе гарем на фабрике», по словам рабочих... Да, тяжело жилось вышневолоцким товарищам, а со времени большой стачки в первой половине 90-х годов ни одна попытка борьбы не потревожила покоя хозяев и властей, разве иногда единичный арест (напр., рабочего кожевенного завода Кириллова в январе 1903 г.) будоражил порядок. Теперь настают иные времена.

В конце апреля Тверской Комитет имел сведения, что в Волочке «неспокойно». В ночь на первое мая он распространил там свыше 500 шт. майских листков. Они произвели сильное впечатление. «На улицу!» раздалось на всех

фабриках, и 8.000 чел. бросили работу, выставив требования: 1) девятичасовой рабочий день, под праздник восемь час.; 2) повышение заработка на 20%; 3) отчетность в штрафном капитале; 4) устройство библиотеки при фабриках и нек. др. Забастовали замечательно выдержанно и спокойно, требования вырабатывали сообща на площади перед фабрикой. Прилетели власти: фабричный инспектор, прокурор, губернатор и переведенный сюда из Москвы жандармский полковник Уранов. Губернатор обратился к рабочим и предложил выбрать депутатов для переговоров. Никто из рабочих не снял шапки; выбрать депутатов они также отказались: «говори со всеми» — и прямо из толпы высказали свои требования. Уранов попробовал взять рабочих лестью. Когда те с ним заговорили, он похлопал близстоящих по плечу и сказал: «знаю, братцы, сам был рабочим» — и рассказал, как-де они, благодетели, раскрыли обмеривание. Среди рабочих раздавались голоса: «Жандармский нам-де друг». Но ненадолго удалось их ему обморочить. Стачечники продолжали держаться вполне спокойно, но губернатор нашел нужным вызвать войска. 4 мая прибыли целых шесть рот под командой полковника Тарль. С своей стороны, Комитет поручил одному товарищу собрать сведения о ходе стачки, передав забастовщикам некоторую сумму денег, и помочь указаниями. Товарищ этот был на сходке выборных, был среди стачечников и вынес прекрасное впечатление. Самые «серые» рабочие зашевелились.

6 мая губернатор вывесил об'явление, что рабочие должны получить расчет. Об'явления срывались или заклеивались майскими листками на виду у солдат; но, по решению сходки выборных, за расчетом рабочие не пошли. Стали выгонять из хозяйских квартир; пригрозили высылать по волостям, но рабочие опять не сдались. Властям пришлось прибегнуть к полумере: вызвали в Волочок старост для вручения паспортов и денег. Арестовали 14 человек, но, боясь сопротивления, жандармы шли на добычу не иначе, как под охраной взвода солдат. Небывалое еще зрелище представлял Волочок в эти «майские дни». С утра до вечера массы рабочих толпились на площади. Кругом солдаты; по всему городу патрули, останавливающие прохожих; настроение рабочих удивительно твердое, боевое: «Не сдадимся, будем бороться до последней крайности». 8 мая Комитет распространил в Волочке листки, в которых поддерживал требования стачечников и требовал удаления с фабрики полиции и жандармов. Прокламации подоспели очень кстати и поддержали настроение.

С 8 же мая Прохоров пошел на уступки, сначала мелкие: прибавил полчаса на завтрак, час на чай. Стачка продолжалась. Тогда 14 мая он вывесил новые уступки: повысил расценки процентов на 15, обещал свободно давать рабочим отпуски, перед праздниками кончать не в десять часов, а в шесть. Но прядильщики уперлись, требуя платы за сбавленные часы. 14 же мая среди рабочих появились вторично прокламации Тверского Комитета. 18-го Прохоров удовлетворил последнее требование, и 19-го фабрика пошла. Особенно сговорчивым сделало его то обстоятельство, что большая его фабрика около ст. Подсолнечной тоже стала по недостатку пряжи (его вышневол. бумагопрядильня работает на все его фабрики). Рябушинские сдались 14-го — и выиграли пустяки: повышение заработка на 5% и обещание штрафовать только за явные прогулы.

По новым известиям, об'явление об уступках, сделанных Прохоровым, провисело недолго. Вскоре оно было сорвано, и рабочим об'явили: «Никаких уступок вам не будет». Добавим, что об'явление это было подписано фабричной инспекцией. Возмущенные, они пробовали бороться, бросили 22 числа работу. Но лишения стачки уже надорвали их силы. До какой степени лишения эти были велики, — видно из того факта, что среди стачечников были случаи цынги. Через день они опять стали на работу. Наглым обманом вырвали на этот раз у вышневолоцких рабочих плоды их победы. Но придет час новой схватки, и они сумеют отстоять свои права... (По последним известиям требования рабочих на Прохоровской фабрике удовлетворены.)

Стачка прошла при полном сочувствии обывателей, даже полиции. Одному товарищу на улице пришлось услышать рассказ солдата, вернувшегося с «усмирения». Солдат находит, что рабочие правы, что они так мало зарабатывают, что жить не на что. Это отношение можно считать общим. Несколько дней стачка в Вышнем-Волочке была положительно злобой дня.

Тверской Комитет Р. Соц.-Дем. Раб. Пар.

Иваново-Вознесенск. 2 июля у нас произошла стачка на механич. чугуно-литейном заводе Калашникова. Причины стачки — понижение расценок почти на четверть и требования рабочих выдать им расчетные книжки с тем, чтобы ежедневная выработка записывалась каждый день. Дело в том, что работают литейщики (всего 70 человек) преимущественно мелкую работу и, если не записывать аккуратно, то возможно обсчитывание, которое и практиковалось до сих пор. Требовали увольнения табельщика; стояли всего один день, и первые два требования удовлетворили, третье — нет. Хотя рабочие вели себя спокойно, тем не менее были вызваны казаки, которые вели себя настолько вызывающе, что дело чуть не дошло до свалки. Повидимому, Витте еще не успел убедить М. В. Д., что стачка не есть нарушение общественного порядка.

Из достоверных источников мы узнали, что называющий себя Алексеем Павловичем Князевым маляр, лет тридцати, рост — выше среднего, шатен, — шпион, и предостерегаем от него всех иваново-вознесенских товарищей. Прежде он назывался Тимофеем.

Северный Союз [12].

Рига. В нашем городе насчитывается до 70 тыс. рабочих фабричных и ремесленных; большинство их, до 60 тыс., занято в крупном производстве. Преобладающим элементом являются латыши — 50%, затем русские — 15% и литовцы — 15%. Остальное количество 20% распределяется между евреями, поляками, эстонцами и другими мелкими национальностями, при чем еврейский пролетариат исключительно принадлежит ремеслу. Эти массы пролетариата очень мало, сравнительно, затронуты социал-демократической агитацией. Крупных проявлений движения в нашем городе почти не было, если не считать известных беспорядков 1899 г., носивших стихийный характер. Во второй половине девяностых годов группой местных студентов велась довольно широкая агитация среди русского и литовского пролетариата. Устраивались собрания до 200 человек, усиленно распространялась литература и подготовлялся ряд стачек, но неорганизованность работы, с одной стороны, провокация и шпионство, — с другой, не дали сколько-нибудь окрепнуть движению. Громадные провалы, следовавшие один за другим, вырывали всех сколько-нибудь заметных деятелей как среди рабочих, так и интеллигенции. Одновременно с этим шла работа латышских социалистов, носившая до некоторой степени полулегальный характер. Деятельность латышей также закончилась полным провалом. Разгром тогдашних социал-демократов был настолько силен, что от них не осталось ни малейшего следа. На несколько лет революционная деятельность в нашем городе была совершенно уничтожена, и до нас дошли только отрывочные легенды о наших предшественниках. Латышским товарищам вскоре удалось восстановить связи с рабочими, и вот уже около четырех лет среди латышского пролетариата ведется непрерывная работа. Силы латышской организации постепенно росли, и в 1902 г. они уже выступили как самостоятельная партия с самостоятельным заграничным представительством. В настоящее время эта организация является самой сильной в нашем городе, но, к сожалению, деятельность ее тормозится некоторым организационным национализмом. Ограничивая до самого последнего времени свою агитационную и организационную работу исключительно латышскими рабочими и совершенно не затрагивая рабочих других национальностей, латышские товарищи не могли приобрести сильного и прочного влияния на местный пролетариат. Сознательные латышские рабочие держатся особняком и не выказывают никакого стремления распространить свое влияние на рабочих других наций. «Латыши не хотят с нами разговаривать, — говорят русские рабочие: — брезгают нами, говорят: темный народ». Массовая агитация

ведется только на латышском языке, и листки остаются совершенно непонятными и чуждыми нелатышской массе.

Другая местная социал-демократическая организация— «Бундовский Комитет» — первое время своего существования была занята постановкой движения среди местных еврейских ремесленников. Овладев передовой частью еврейского пролетариата, Бундовский Комитет попытался выйти на путь массовой агитации и активной борьбы. Распространением листков и устройством массовых собраний ему удалось вызвать в еврейском пролетариате революционное настроение; использовать же это настроение он оказался не в состоянии: еврейский пролетариат, вследствие своей малочисленности, не представляет из себя силы, которая могла бы повести самостоятельную борьбу. Замкнувшись в узких рамках национальности и охватив в них своим влиянием более годные элементы, Бундовский Ком. не пошел со своей агитацией в более широкие и совершенно не затронутые слои местного пролетариата; накопившаяся в передовых слоях еврейских рабочих революционная энергия, не находя себе иного выхода, стала проявляться самым ненормальным образом, принимая по временам формы мелкой террористической борьбы.

Но все же существование и деятельность бундовских комитетов были более заметны по сравнению с другими местными организациями, главным образом потому, что радикальная еврейская молодежь, более многочисленная и подвижная, популяризировала движение еврейского пролетариата устройством вечеринок и чтений, посещаемых еврейскими рабочими. Среди еврейской и даже общегородской интеллигенции Бунд. Комитет вызвал на время некоторое оживление; интерес и сочувствие местного общества особенно повысились после мартовской театральной демонстрации этого года, где еврейские рабочие и молодежь представляли преобладающий элемент. Но и эта волна оживления, вызванная организацией, не опиравшейся на сколько-нибудь значительный слой местного пролетариата, прошла совершенно бесследно для широких рабочих масс, значительная часть которых попрежнему оставалась совершенно в стороне от работ наиболее сильных местных организаций.

После оживления и провала 1890 г. соц.-демокр. работа среди русского пролетариата совершенно прерывается на несколько лет. Все, что сохранилось в студенчестве лучшего, было вырвано в последующие годы студенческих волнений; приток свежих сил был уничтожен закрытием доступа в здешний политехникум неместным уроженцам. Здешнее же русское общество и интеллигенция, за малыми исключениями, состоит сплошь из чиновничества, совершенно неспособного выделить активные силы. Русский и литовский пролетариат был предоставлен в полное распоряжение местной бюрократии, деятельно занявшейся развращением рабочих в чайных, театрах и пр. «просветительных» учреждениях попечительства о народной трезвости.

В 1901 г. начинают замечаться некоторые признаки оживления. Начинают возникать читательские кружки, интеллигентские кружки появляются, лопаются, снова восстанавливаются; каждый действует совершенно самостоятельно; одним словом, начинается период брожения среди части интеллигенции. Весь этот процесс совершенно не затронул рабочие массы. Интеллигенты в своих кружках спорили, волновались, соединялись и раз'единялись, а массы попрежнему работали на фабриках по 12 часов в день и попрежнему «просвещались» попечительной бюрократией.

В 1903 г. начинается оживление. В двух кружках, влачивших жалкое существование, приливают интеллигентные силы, устанавливаются связи с русскими рабочими двух крупных заводов, где начинается оживленная кружковая работа. Вместе с тем завязываются связи в местном студенчестве и интеллигенции. В марте 1903 г. после долгих переговоров во вторую группу входят члены первого кружка, и таким образом прекращается существование двух русских групп. В дальнейшем удается завести связи на нескольких других фабриках и среди русских ремесленников. В настоящее время связи имеются на пяти заводах, где функционирует шесть кружков, охватывающих до 30 человек рабочих. Более сознательные рабочие имеют, кроме того, собственные небольшие кружки по два, по три человека. Количество таких агитирующих рабочих достигает 30—35 человек. Кроме рабочих, имеются два интеллигентных кружка, в которых ведутся чтения по программным, организационным и тактическим вопросам. В настоящее время перед группой стоит вопрос об организации, на разрешение которого направлены все ее силы.

Саратов. Благодаря первомайским арестам, а также другим причинам, ослабившим состав местного соц.-дем. Комитета, последнему пришлось отказаться на время от массовой агитации с помощью листков и прокламаций, которую он вел в течение зимы, и заняться внутренней организацией. Этот период затишья дал повод некоторым лицам обвинить Комитет в бездеятельности, в результате чего появилась попытка создать «свои собственные», отдельные группы. В течение лета Комитету удалось однако вновь собрать около себя некоторые силы, возобновить связи, сорганизовать рассеявшиеся-было кружки и восстановить прежнюю технику, причинившую столько хлопот местной администрации. Вместе с тем, со стороны некоторых «раскольников», главным образом — рабочих, стало наблюдаться стремление к слиянию с Комитетом.

За последние три года, под влиянием деятельности Комитета, выработался слой более или менее сознательных и горячо преданных делу рабочих, которые, с одной стороны, жаждут дела, а с другой, не менее страстно стремятся к научному соц.-дем. знанию. К сожалению, Комитет часто чувствует себя бессильным удовлетворить и той и другой потребности. Нет брошюрочной литературы для массового распространения и нет достаточного числа опытных пропагандистов. Состав последних большею частью временный, наезжий и из местных сил почти не пополняется. Недостаток пропагандистов могла бы заменить научная соц.-дем. литература: сочинения Маркса, Энгельса, Каутского, Лассаля и т. д., но и той абсолютно нет и нет. Отсутствие ее Комитет пытается иногда пополнить своими домашними средствами, так, напр., издал недавно на мимеографе «Коммунистический Манифест» в 200 экземплярах, но каковы могут быть плоды такой кустарнической деятельности, понятно каждому. Рабочих уже далеко не удовлетворяет литература профессионального содержания, и крайне необходимы популярные брошюры, трактующие как об основах соц.-дем. теории, так и об общих политических вопросах русской жизни: о податях и налогах, о государственном механизме, о местном самоуправлении, о финансовой политике, о духовенстве, по истории русского революционного движения и т. д. Необходима и популярная соц.-дем. газета. Все это насущные, наболевшие вопросы. Необходимость скорейшего об'единения в партию, не в теории только, но и на практике, для нас, провинциалов, более, может-быть, ощутима, чем для кого другого.

Отголоски южных событий долетели до нас и на значительную глубину всколыхнули рабочую массу. В последнее время Комитет прямо-таки завален обличительными письмами рабочих. Чуть не ежедневно Комитет выпускает листок на тот или другой завод. Во главе всех требований рабочие выставляют 8-часовой рабочий день. Наиболее горячие из них упорно носятся с мыслью о всеобщей стачке. Оживлению этому способствует и невыносимо тяжелое положение рабочих, созданное фабрикантами на почве кризиса.

На-днях в Саратове произошел случай, лишний раз свидетельствующий, что правительство наше, преследуя своих врагов, не останавливается ни перед чем, даже перед святотатством. Хоронили политического ссыльного И. Д. Грачева. Проводить покойного собралось человек 50 его товарищей и знакомых. На гроб его был возложен венок, причем вполне легальная надпись «От товарищей» была сделана на красной ленте. Последнее обстоятельство, т. е. красный цвет ленты, и взбудоражил саратовскую полицию. Когда похоронная процессия проходила по обширной Московской площади, ее догнала ватага околоточных с приставом второй части Лебедевым во главе, и последний стал нагло требовать — снять ленту. На вопросы возмущенной публики, на чем основано такое нелепое требование, пристав отказался дать об'яснения, говоря лишь с идиотски многозначительным видом: «Мы знаем, кто вы такие и в чем тут дело». Товарищи покойного наотрез от-

казались снять ленту и пытались продолжать путь; тогда мерзавец-пристав задержал катафалк, и по его приказанию один из околоточных, бывший прежде шпионом, сорвал ленту и унес (околоточный этот в тот же вечер был жестоко избит рабочими в общественном саду). Затем прискакал помощник полицмейстера и без дальнейших рассуждений приказал переписать всех. На кладбище процессию встретили пять конных казаков, которые вместе с полицией окружили могилу, пока зарывали покойника. Затем от присутствующих отобраны были фамилии. История эта среди рабочих вызвала сильное негодование.

Саратовский Комитет.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЫБОРЫ В ГЕРМАНИИ *.

Семь часов вечера, 16 июля. Выборы начались, идет подсчет голосов. Берлин. Дом типографии и экспедиции главного органа партии — «Вперед» [13]. Двор полон велосипедистами. Слышится лишь глухой шум: напряженные нервы не позволяют громко разговаривать. В редакцию собираются известия со всей Германии, и их нужно сообщить товарищам, десятками тысяч наполнившим 40 зал в разных местах Берлина. В комнате для совещаний весь редакционный штаб и правление партии — Бебель, Гериш, Пфаннкух (Ауэр и Зингер больны). В Берлине шесть округов. Свободомыслящие хвалились завоевать четыре: для второго были уже заготовлены воззвания, зовущие к перебаллотировке, их кандидат уже заказал себе визитные карточки с титулом: «Депутат рейхстага», борьба велась ожесточенно и вдруг... пять округов взято сразу социал-демократами с громадным приростом голосов: в одном шестом округе, в котором в 1898 году Либкнехт получил 58 000 голосов, теперь 78 000, — на 20 000 больше; лишь в первом — самом богатом — свободомыслящий попал в перебаллотировку с социал-демократом. Берлин принадлежит социал-демократам! Весь дом дрожит от бесконечных криков «ура»; редакторы лихорадочно работают с искрящимися от радости глазами, рабочие на дворе со слезами восхищения обнимаются, поздравляя друг друга с победой. Начало обещает многое! В одном только Берлине прирост в 60 тысяч голосов! Сегодняшней ночью не до спанья. Буржуазные газеты будут иметь возможность опять шипеть о «терроризме» социал-демократов, заставляющих работать ночью в партийной типографии. Редакция приготовила экстренный листок; дрожа от волнения, принимаются наборщики за работу, подбадриваемые прибывающими известиями о новых и новых победах, подгоняемые не терроризмом надсмотрщиков, а мыслью о тысячах товарищей, ждущих с лихорадочным нетерпением сообщения результатов столкновения старого отживающего мира с новым грядущим! Половина третьего: первые проблески наступающего утра, а рестораны все еще битком набиты народом. Вот в один врывается, с первым утренним номером «Вперед» в руках, рабочий. «На стол его, на стол! Победа! Победа! Страна наша и весь свет принадлежит нам!» Детская радость овладевает всеми. Эти мертвые цифры так много говорят исстрадавшемуся пролетарскому сердцу, открывают перед взорами такие широкие горизонты, сулят близкое освобождение, зовя к новой борьбе, давая чувствовать свою силу и необходимость еще большей солидарности с товарищами, демонстрируя пользу и необходимость еще большего единства, централизации и дисциплины: ведь задачи так велики, а враги еще так сильны, и время последней схватки приближается! «Вперед» пишет: «Наша победа превзошла самые смелые ожидания, а успех в Саксонии прямо сказочен!». Все большие города предоставлены социал-демократам, прирост голосов во всех очень значителен, вопреки уверениям буржуазной прессы, что в городах социал-демократия уже достигла максимума своего развития; в округах с сельским населением — Мекленбург, Бавария и особенно в Восточной Пруссии — громадный прирост голосов: в Саксонии не выбран ни один буржуазный кандидат, пять попало в перебаллотировку, социал-демокр. выбрано 18, голосов за соц.-дем. подано на 150 000 больше, чем за все буржуазные партии вместе; агитация Вильгельма и Бебеля на Рейне не пропала даром: число социал-демократических голосов с 189.000 возросло до 346.000, и в нескольких округах соц.-дем. впервые попали в перебаллотировку. Главные выборы дали социал-демократам 3.025.000 голосов (2.117.000 в 1898 году), 56 депутатов и 118 перебаллотировок. Настроение социал-демократической прессы и рабочих масс во всем государстве восторженное, буржуазной прессы — растерянное и подавленное: призрак коммунизма превратился в суровую беспощадную действительность с необходимостью естественного процесса, грозно надвигающегося на буржуазный строй; неудержимый рост победоносного пролетарского движения, сила натиска которого увеличивается пропорционально препятствиям, обостряет классовые противоречия, — приближается время, когда пролетариату придется выступить в бой вооруженным не одними билетиками для голосования. Консервативные органы, раздраженные особенно провалом трех главных вожаков крайних аграриев из «союза сельских хозяев», рвут и мечут, обвиняют правительство, не сумевшее твердой рукой подавить социализм и не давшее общего пароля против него: они рекомендуют крайние меры: изменение избирательного права, распущение рейхстага и новые выборы и заклинают все партии голосовать при баллотировках против социал-демократов, забыв на время все свои раздоры. Национал-либеральные органы, под первым впечатлением признавшие было громадное значение победы социал-демократов, уверяют, что все обстоит благополучно. Органы центра стараются быть довольными: неважно, что центр не завоюет новых мандатов, старые он авось все удержит, католицизм один в состоянии противостоять натиску социалистов и является отныне в Германии главным оплотом монархии, религии и всего современного строя; для перебаллотировки главный орган центра не давал общего пароля, предоставляя каждому округу решить, кого из кандидатов считать за меньшее зло. Правительство вмешалось в борьбу открыто: министр Посадовский приглашал главного вождя центра на совещание и, когда тот отказался приехать, ссылаясь на занятость партийными делами, сам поехал к нему в Лейпциг, центру обещалось согласие правительства на допущение

* В дополнение к сообщенным уже нами результатам германских выборов помещаем картинку выборов, опоздавшую, к сожалению, по недостатку места.

иезуитов в Германию, лишь бы голосовал везде против социал-демократов; увещания министра не имели желаемого успеха: центр, чувствуя свою силу, хотел показать ее и своим врагам нац.-либералам, голосовавшим всегда против допущения иезуитов; пароль центра украсился лишь прибавкой: «ни в каком случае за социал-демократов», в некоторых округах (Мюнхен I, Бохум, Дартмунд и др.) центр воздержался от голосования, и эти округа были потеряны нац.-либералами в пользу социал-демократов. Буржуазная левая — свободомыслящие, — не получившие в главных выборах ни одного мандата, сваливали всю ответственность за поражение на соц.-демократов: ее тактика ожесточенной борьбы против всех фракций без разбора привела к вытеснению из перебаллотировок кандидатов левой, поставив против реакционеров социал-демократов, а так как трудно допустить поддержку социал-демократов свободомыслящими избирателями, — то округа перейдут в руки реакции; благодаря социал-демократам в новом рейхстаге опять будет реакционное большинство, да еще раздраженное усилением социал-демократов, которое вынуждено будет принять меры к ограничению народных прав. Тщетно доказывала социал-демократическая пресса цифровыми выкладками, что левая может превратиться в большинство,— пусть лишь свободомыслящие голосуют сообразно своей программе против реакции в тех 40 округах, где социал-демократы стоят в перебаллотировке с реакционерами; тщетно указывала она, что способ действия либералов является политической кастрацией; тщетно некоторые свободомыслящие политики выступали против тактики вождя Рихтера, губящего либеральную оппозицию, — ничто не помогло; главные органы свободомыслящих агитировали за реакцию. Призрак социальной революции, ужасными красками размалеванный вождями, заставил свободомыслящих спасаться под знамена реакции, борьба с которой является по программе первой обязанностью либеральной оппозиции: больше чем в 30 округах свободомыслящие не сочли возможным даже воздержаться от голосования, а голосовали прямо за отчаянных реакционеров и провалили социал-демократов. И отлично, что наконец буржуазная демократия скинула маску, показав, что народу нечего больше ждать от нее, доказав, что отныне единственной носительницей не только идеалов будущего, но и самых элементарных либеральных принципов является социал-демократия. Этот урок послужит также хорошим лекарством для окончательного выздоровления социал-демократии от бернштейнианских бредней о притуплении противоречий, постепенной демократизации современного строя, об общности задач с буржуазной левой и необходимости слияния с ней для борьбы с реакцией. Треть взрослого населения Германии, 3.000.000 пролетарских голосов, одобрили тактику социал-демократии, основанную именно на непримиримости со всеми другими партиями. Из 118 перебаллотировок социал-демократы завоевали лишь 25 мандатов и явятся в новом рейхстаге в числе 81 человека — второй по силе партией; центр потерял пять мандатов социал-демократам (в Рейнской провинции) и полякам (в Силезии), порвавшим при выборах с центром и выставившим кандидатов с приличной демократической программой, и имеет всего 101; национал-либералы [14] потеряли своего вождя Бассермана [15] и вице-президента прошлого рейхстага Бюзинга, но остаются при своих 52 мандатах; консерваторы потеряли много мест социал-демократам, но выиграли у свободомыслящих, остаются при прежних 72 мандатах; теряют в местах свободомыслящие (в перебаллотировке прошло 37), крайние аграрии 4 и антисемиты три места; в общем состав рейхстага менее реакционен, чем прежде, и, благодаря усилению на 23 человека соц.-дем., обладает довольно сильным оппозиционным меньшинством. Борьба за торговые договоры и против новых налогов на милитаризм, проектируемые уже правительством, обещает быть жестокой, тем более, что еще предвидится дальнейший прирост социал-демократических депутатов, вследствие неизбежной кассации многих выборов в округах, где буржуазные партии позволяли себе влиять на выборы противозаконными средствами.

Католические попы, как и при агитации перед выборами, очень умело пользовались своим положением духовных отцов: билетики с именем кандидата центра всовывались перед входом в помещения для выбора избирателям, и зорко следилось, чтобы этот билетик попал в урну; угрозы лишить причастия, угрозы бойкотом играли и тут большую роль. Всевозможные хитрости употреблялись, чтобы узнать, кто голосует за социал-демократов: роль урн играли иногда маленькие ящики из-под сигар, в которых билетики не могли перемешиваться, и вследствие этого из листа избирателей легко было там найти всех социал-демократов, следя лишь, кто после кого выбирал; иногда даже прямо вскрывались потихоньку конверты с билетиками, подглядывалось при вложении билетика в конверт; несмотря на обязательное постановление нового закона об устройстве повсюду особых изолированных помещений для урн, где голосующему вполне обеспечено тайное голосование, не везде таковые были устроены; при баллотировках во многих местах весь административный механизм оказывал давление на избирателей: в официальных об'явлениях, призывающих к перебаллотировке, агитировалось самым бесстыдным образом за буржуазного кандидата, и грозилось, в случае наличности соц.-демократических голосов в данном месте, расправиться по-свойски. Характерно следующее об'явление: «Избиратели! В нашем округе перебаллотировка между консерватором и потрясателем основ—социал-демократом. Наше местечко должно смыть с себя позор, что за сволочь соц.-дем. было подано много голосов; требую при сем, чтобы собирающиеся голосовать опять за соц.-дем. уплатили лишь прежде свои долги, а то я взыщу судом. Старшина (такой-то) общины». «Вперед» недоумевает только, каким путем собирается старшина узнать, кто из его должников голосовал за соц.-дем., и прибавляет: «Спасибо старшине: он за нас агитирует, напоминая о нашем чудесном строе и способах защиты частной собственности».

Саксония в перебаллотировке прибавила еще четырех соц.-демократов и представлена в рейхстаг 22 социал-демократами и одним антисемитом Греефе, последним из могикан саксонской буржуазии, понявшим уже всю ответственность своего высокого положения и вступившим уже в корреспонденцию с королем, приветствуя его от имени оставшихся верными саксонских сердец. В прокламации к своим избирателям Греефе благодарит их за спасение чести Саксонии и призывает божье благословение на округ — «крепость, из которой отечество снова

будет завоевано для христианства и монархии». Король телеграммой поздравил Греефе с победой доброго дела в его округе.

Впервые разрешено было и женщинам соединиться в союзы на время предвыборной агитации: в Берлине союз в 900 женщин, в других местах женщины меньшими группами и в одиночку работали, не отставая от мужчин, на пользу социал-демократов. В округах, где центр — сила, им особенно досталось: циничная ругань и обращение, побои, в одном месте даже плевки в лицо и потом фотографирование, чтобы распространением карточки оплеванной опозорить ее и отпугнуть других — вот средства борьбы буржуазии.

Неутомимость в борьбе наших немецких товарищей прямо поразительна: уже в день перебаллотировки, 25 июня, было выпущено воззвание, призывающее к началу немедленной агитации к выборам в Саксонский ландтаг (местный парламент), имеющим быть осенью, а прусские товарищи уже снаряжаются к бою в октябре к выборам в свой ландтаг. С такой армией можно одерживать победы! «Что же теперь?». Каутский в своей статье под этим заглавием предсказывает близкую окончательную победу социализма в Германии, Бебель в одной из своих речей, обращаясь к противникам, восклицает: «Государство будущего не за горами! Социалистический строй ближе, чем вы себе представляете!». По выражению Каутского, соц.-дем. в Германии «до 20 февраля 1890 года боролась за признание ее равноправной партией. С того дня — чтобы стать силой. 16 июня 1903 года открыла борьбу за власть!»

[Свиягин А. Попов].

ИЗ ПАРТИИ

Следующие местные революционные листки были изданы за май-август: Николаевским Ком.: (июнь) № 9 николаевской рабочей газ. «Наше Дело», содерж.: 1) о правительственной политике, 2) стачки на французском и черноморском заводах,. 3) парламентские выборы в Германии, 4) аресты и приговоры, 5) из мастерских, 6) май в России, 7) Тифлис, Баку, Варшава. — Донским Ком.: 1) 13 июля «К работницам табачной фабрики Асмолова» (о неблаговидном поведении управляющ.), 2) 16 июля «К рабочим жел.-дор. мастерских» (призыв к организации), 3) 18 июля «К рабочим жел.-дор. мастерских» (призыв к стачке, по примеру Баку и Одессы), 4) 22 июля «К рабочим и работницам Ростова и Нахичевани» (о Бакинских, Тифлисских и Одесских стачках), 5) 8 июля «Как издаются законы в свободн. государстве». — Киевским Ком.: 1) 25 мая «О зубатовцах в Киеве», 2) 27 мая «Памяти Логвинского» (некролог). — Кавказским Союзн. Ком. (май): второй листок общ. приложения к газетам «Пролетариат» (армян.) и «Брдзола» («Борьба» — грузин.), теперь назв. приложением к газ. (общей) «Борьба пролетариата». — Бакинским Ком. Союза (май—июнь): два листка «Ко всем рабочим» (призыв к общей забастовке). — Тифлисским Ком. Союза (май—июль): 1) «Ссылаемые товарищи», 2) об убитом Баграте Галустове (во время столкновения 1 июля на вокзале), 3) «О вокзальном столкновении» (1 июля), 4) «Всеобщая стачка в Баку», 5) «О всеобщей стачке 14 июля в Тифлисе». — Сибирским Союзом (июнь): о тайн. цирк. Куропаткина (военн. мин.). — Томским Ком. Союза (июль): 1) листок № 39 — о столкновении 6 июля с полицией, 2) в июле 1903 г. печатную прокламацию о том, что он приступил к созданию в Томске боевой организации, как подчиненного органа Комитета. Название боевой организации определено в прокламации неточно («об'единение местных революционных сил для активной политической борьбы» — такое об'единение является целью самого Комитета в целом, а не одной из подчиненных ему организаций); из 14 пунктов устава этой организации 8 не опубликовано по конспиративным соображениям; некоторые пункты странно видеть приуроченными именно к боевой организации (признание программы, участие в собраниях и т. п.). Вообще устав томской боевой организации вряд ли можно признать удачным, но идея томских товарищей безусловно правильна. Мы, действительно, должны заранее готовиться к организованному руководству демонстрациями, заранее пытаться распределить роли и средства. Возможно, что в некоторых случаях и опубликование о создании такой организации способно принести пользу партийному делу. — Екатеринославским Ком. выпущены: 1) «Ко всем рабочим и работницам г. Екатеринослава» (о «всеобщих» забастовках на Юге), 2) листок с таким же заголовком (описание Екатеринославской забастовки). — Пермским Ком. (июнь) — № 4 «Рабочего Бюллетеня»: 1) об убийстве Богдановича, 2) хроника железнодорожного депо. — Воронежской Кассой Борьбы (5 августа) — о всеобщих стачках на Юге. — Гомельским Ком. Бунда (июль): «Чудеса в Сарове и всеобщая стачка». — Воронежским Ком. (не надо смешивать с Воронежской «Касс. Борьбы»): «Ответ группе, назыв. себя Орг. Ком.» и «Искре» на их заявления в № 36 газеты «Искра». — Костромским Ком. Союза (1 июня): «Ко всем костромским рабочим» (по поводу костромской забастовки-демонстрации). — Одесским Ком. выпущены: 1 июня — «Что такое политическая свобода», а в июле — целый ряд листков к забастовке-демонстрации и по поводу нее: 1) «К рабочим-забастовщикам г. Одессы», 2) «К рабочим и работницам г. Одессы» (во время забастовки), 3) «Известия о стачках в Одессе» (о ходе забастовки), 4) еще «К рабочим и работницам г. Одессы», 5) «К рабочим и работницам г. Одессы» — о «независимых», 6) «К портовым рабочим». — Донским Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы в июле прокламации: 1) к работницам табачной фабрики Асмолова, 2) к рабочим жел.-дор. мастерских (две), 3) к рабочим и работницам Ростова и Нахичевани и 4) как издаются законы в свободных государствах. — Бакинским Ком. Партии: «Ко всем рабочим». — Тифлисским Комитетом по поводу всеобщей забастовки.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербург. Лепешинский, Радченко, Рерих, Петерсон сосланы до приговора в Восточную Сибирь, рабочие Тараев и Шишков в Вологодскую губ. Освобождены: Зиновьева, Иорданский, Голькинд, Шнеерсон. В Архангельск сосланы до приговора: Хмелевцев, Чеботарев, Шипулинский и некот. др. — Тверь. Здесь в ночь с 12 на 13 августа был большой (небывалый) набег. Пока известны следующие фамилии (о рабочих совсем нет сведений) арестованных: бывш. студ. Костецкий, Казанский, Ратман (выпущен), Соболевский, Митягин, бывш. курс. Потоцкая, Мечникова, Буш, Леерганд, Андреев (интелл.), Рагозин. Обыски у земских служащих: Харизоменова, Федулова, Борисова, Слухавского, Куняева, Антипова; врачей: Эллентарка, Выслухи, Абрамовича, Корменевского, провизора Петрова; Абкнера (б. ст.), Сергеевского, Томиловой, Модестова (служащего контрольной палаты), Зеликсон, Серговского, Рагозиной, Егорова (раб.), Кугушева и др. Искали печатных принадлежностей. Было много усердия, не очень много результатов. Комитет цел. В течение целого дня шарили у либерала Апостолова, но совершенно неуспешно. — Ковно. Здесь была голодовка в тюрьме, продолжавшаяся 7 суток; голодало 37 человек, все находящиеся в тюрьме. Некоторые требования были удовлетворены. Многие очень слабы. — Екатеринослав. В первых числах августа арестовано 9 человек (вероятно, имеются в виду аресты, бывшие в конце июля).

Киренск. Задержаны бежавшие на Пасху из Алекминска Камермахер и Вольфсон (предполагается, что будут высланы в Колымск).

Ростов. В дополнение к сообщению в № 47 «Искры» о предполагающемся военном суде над участниками демонстрации 2 марта, в настоящее время вполне подтверждающемуся об'явленным по войску приказом наказному атаману Плеве — об открытии с 14 августа временного военного суда по этому делу в Таганроге, приводим фамилии 23 подсудимых-демонстрантов:

Мария Нагель, Александр Браиловский, Василий Поляков, Розалия Локерман, Анна Логачева, Николай Полтава, Соломон Борухов, Самуил Столкарц, Фекла Чумаченко, Александр Христенко, Никифор Ильницкий, Петр Векленко, Авраам Миндлин, Спиридон Логвинов, Константин Глазунов, Татьяна Кисьянцева, Андриан Куксин, Николай Дрожжовкин, Антон Бондарев, Семен Васильченко, Андрей Бутурлимов, Василий Кривошеев, Дмитрий Колосков.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Приговор военного суда в Таганроге.

Настоящий номер был уже готов, когда мы получили известия о приговоре военного суда над ростовскими демонстрантами. Ко времени выхода следующего номера мы будем иметь, конечно, более подробные сведения об этом деле. Теперь же спешим довести до сведения наших читателей то немногое, что сами знаем: два наших товарища приговорены к смертной казни, десять осуждены на разные сроки в тюрьму и каторгу. Российский сознательный пролетариат не забудет этого нового преступления царизма. Он отомстит за него новой и еще более энергичной работой на пользу того дела, за которое пострадали ростовские подсудимые, на пользу массового рабочего движения, несравненно более опасного и страшного для русского правительства, чем самые смелые покушения на жизнь его отдельных представителей. Вечная слава пострадавшим борцам, и да здравствует рабочее движение! Да здравствует революционная социал-демократия!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Вале. Письма и адрес получили.

Тифлисцу. Очень рады будем, если пришлете обещанную корреспонденцию о настроении южной России.

Педагогу. Письмо получено, получаете ли наши письма?

Получено: от Астраханского Комитета — 150 руб. (из них 50 р. на специальную цель); из Лондона за литературу — 5 ф.; от Ф. из Н. — 15 шилл.; от старого друга — 500 фр.; от Сен-Бернар. — 100 фр.; за литературу, из М-а — 45 фр.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 2. О восстании в Польше — см. прим. 1-е к № 33 «Искры».

Прим. 3. Турецкая война (1877—1878) была предпринята Россией в целях раздела Турции и создания на Балканах из обломков Турецкой империи славянских государств, формально независимых, но фактически вассальных России. Огромный перевес военных сил на стороне России предрешил исход кампании: Турция была разбита и вынуждена подписать Сан-Стефанский мирный договор (3 марта 1878 г.), означавший ее полную капитуляцию. Однако Сан-Стефанскому договору не суждено было осуществиться из-за противодействия европейских держав, главным образом Австрии и Англии, не желавших допустить усиления России на Балканах. Под их давлением царское правительство согласилось на созыв европейской конференции держав. Результатом работ этой конференции явился так называемый Берлинский трактат, отменивший Сан-Стефанский договор и таким образом лишивший Россию плодов ее победы.

Прим. 4. Толстой Л. Н. граф, (1828—1910) был отлучен от церкви в феврале 1902 г. за открытое осуждение православной церкви, ее обрядов и догматов. Отлучения этого в течение многих лет добивался Победоносцев, желая подорвать в глазах широких масс авторитет Толстого. По существу, учение Толстого о непротивлении злу, аскетизме, личном самосовершенствовании было глубоко реакционным и не противоречило интересам самодержавия.

Прим. 5. Вандея — департамент в Зап. Франции, ранее часть провинции Пуату. Во время великой французской революции Вандея, в силу отсталости своих экономических и социальных условий, оказалась главным очагом крестьянской и роялистской контр-революции. Толчком для восстания послужил набор в революционную армию, об'явленный Конвентом 10 марта 1793 года. Восставшие под руководством священников крестьяне с исключительной жестокостью расправлялись с «патриотами» — сторонниками революционного правительства. По мере развития движения яснее оформлялись и цели восстания. Под влиянием дворянства, нахлынувшего в большом количестве в армию вандейцев, восстание быстро приобрело роялистский характер.

После первых успехов, во время которых вандейцы угрожали даже Нанту, они были разгромлены в сражении при Шоле (17 окт.), а сама Вандея разорена войсками Конвента. Попытка связаться с англичанами через Нормандию оказалась для вандейцев неудачной, и в декабре того же года они снова потерпели решающее поражение. После этого в Вандее продолжалась мелкая партизанская война, окончательно ликвидированная только к июлю 1796 года. Благодаря указанной роли, слово «Вандея» стало синонимом контр-революции.

Прим. 6. Здесь речь идет о побеге из киевской Лукьяновской тюрьмы группы искровцев, арестованных в феврале 1902 г. Побег был организован Киевским с.-д. Комитетом 18/VIII 1902 г. Бежали 10 с.-д. (среди них Крохмаль, Литвинов, Бауман) и один эсер Плесский. Благодаря хорошей организации побега и поддержке, которую встретили беглецы на воле, всем им удалось скрыться и благополучно перейти границу.

Прим. 7. Старо-фенноманская партия — см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 8. «Киевлянин» — см. прим. 2-е к № 14 «Искры».

Прим. 9. «Независимцы» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры», ст. в № 9 «Искры» — «Политический разврат и „экономическое“ тупоумие» и прим. 10-е к № 45 «Искры».

Прим. 10. «Наше Дело» — журнал, издававшийся Южно-Русским Рабочим Союзом в Николаеве, начиная с 1897 года. Вышло 3 номера. Основной задачей журнала было: «Развить свои заветные, главные мысли о необходимости борьбы русских рабочих с капиталистами и о необходимости для этого об'единения и сплочения». Значительно меньше внимания журнал уделял политической борьбе с самодержавием, поскольку и сам Южно-Русский Рабочий Союз имел характер наполовину политической партии, наполовину экономического об'единения. В январе 1898 г. «союз» был разгромлен полицией и издание журнала было прекратилось.

Прим. 11. «Кавказский Союз» — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».

Прим. 12. «Северный Союз» — см. прим. 5 к № 34 «Искры».

Прим. 13. «Вперед» — см. прим. 11-е к № 43 «Искры».

Прим. 14. «Национал-либеральная» партия Германии возникла в 1867 г. из партии прусских прогрессистов. В 70-х годах национал-либералы, опиравшиеся на крупную промышленную буржуазию, были самой сильной партией в рейхстаге и принимали активное участие в об'единении империи и обеспечении благоприятных условий для ее капиталистического развития. В конце 70-х годов партия раскалывается: часть ее (правое крыло) становится на позицию протекционизма, другая, оставшаяся верной принципам свободной торговли, образует в 1880 г. особую группу «либеральный союз», вскоре примкнувший к «свободомыслящим». С этого времени партия теряет значительную часть своего прежнего влияния. Раболепство перед правительством, соглашение с консерваторами — такова основная тактическая линия национал-либералов. В то же время национал-либералы всячески разжигали «социалистическую опасность» и обостряли отношения между правительством и социал-демократией, отсюда их кличка «шарфмахеры»-«заострители».

Прим. 15. Бассерман Эрнст (1854—1917) — лидер национал-либералов. С 1893 г. член рейхстага и некоторое время руководитель левого крыла партии. В 1902 г. становится общепризнанным вождем национал-либералов и делает резкий поворот вправо. Ярый противник германской социал-демократии, Б. явился организатором блока национал-либералов с консерваторами (так называемый «бюловский блок» 1907—1909 г.г.), целью которого являлась поддержка империалистической политики Бюлова и борьба с социал-демократией.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 48 15 СЕНТЯБРЯ 1903 ГОДА № 48

БЕЛЫЙ ТЕРРОР.

Читатели «Искры», наверное, знают уже, какой приговор вынесен был военным судом в Таганроге по делу наших товарищей, судившихся за участие в знаменитой Ростовской демонстрации 2 марта[1]. Теперь ходит упорный слух о том, что приговор этот смягчен и что смертная казнь Браиловскому, Колоскову и Куксину заменена различными сроками каторжной работы. Допуская, что это правда, нельзя не заметить, что и в своем смягченном виде этот приговор отличается большою суровостью. Если никого из осужденных уже не ждет теперь виселица, то многим из них предстоят долгие годы ссылки, тюрьмы, каторги, — что при известных обстоятельствах может быть хуже смерти*. Гг. военные судьи показали себя вполне достойными представителями той политической системы, которая, как удав, душит всю Россию и которой они «верой и правдой» служат... по вольному найму. Но, как ни велико негодование, вызываемое в нас свирепостью царских наемников, и как ни велико наше сочувствие к нашим пострадавшим товарищам, мы нисколько не удивляемся Таганрогскому приговору и уверены, что в будущем приговоры по делам такого рода станут еще суровее. Царское правительство не может поступать иначе. Оно знает, — лучше чем иной революционер ветхого завета, — какую смертельную опасность представляет для него массовое движение пролетариата, и со своей всегдашней неразборчивостью в средствах оно делает все, что может, для того, чтобы остановить или хотя бы только замедлить это движение. Сегодня оно, с помощью агентов тайной полиции, старается создать «независимую» рабочую партию, благородная миссия которой состоит в том, чтобы развращать рабочих и вносить путаницу в их умы, а завтра оно напускает орды явной полиции на мирных стачечников, осмеливающихся настойчиво защищать насущные свои интересы. Сегодня оно сулит пролетариату царскую милость; завтра оно подвергает унизительным наказаниям его сознательных представителей. Сегодня оно вызывает кровавое избиение «жидов»; завтра оно отдает под военный суд участников демонстраций. Оно одновременно пытается сбить с толку, развратить и запугать российский рабочий класс. Оно видит в этом единственный путь своего спасения. Но оно видит также, что итти по этому единственному пути становится с каждым днем затруднительнее. Пролетариат растет и в численном и в умственном отношении. Его почтение к начальству и его страх перед ним исчезают и заменяются любовью к свободе и жаждой борьбы. Его передовые слои дерзко смеются над полицейской сказкой о батюшке-царе, желающем добра рабочим, отвечая на нее дружным криком «Долой самодержавие!» И этот дружный крик находит себе сочувствие даже в отсталых слоях рабочего населения, еще недавно совершенно чуждых политики. Противоправительственные демонстрации приобретают все более и более внушительные размеры, и каждая из них, производя сильнейшее впечатление на массу, подготовляет почву для новых, еще более внушительных народных движений. В виду всего этого вполне понятно, что правительство прибегает к крайним мерам. Кары, сыплющиеся на революционеров, уличенных или только заподозренных в содействии массовому движению пролетариата, не могут не становиться все более и более жестокими. Если Таганрогский военный суд только погрозил нашим товарищам виселицей, то очевидно, что недалеко то время, когда правительство не ограничится одной угрозой. Белый террор, — вот чем ответит оно на массовое движение пролетариата. Какой же ответ даст революционный пролетариат на белый террор?

Ниже мы печатаем письмо одного рабочего, написанное под впечатлением приговора Таганрогского военного суда. Письмо это чрезвычайно поучительно. Оно показывает, что поставленный нами вопрос естественно возникает теперь у сознательных пролетариев под влиянием вполне понятного чувства негодования, вызываемого в них правительственными преследованиями. «Перед моим взором проносятся последние события на юге России, — читаем мы в письме, — и я ясно слышу стоны и крики избиваемых жертв, слышу свист пуль и шум нагайки, дикие возгласы царских баши-бузуков. Ясно вижу целые потоки крови... искалеченных, избитых и убитых работников и работниц. И после всего этого, после всех этих картин, вихрем пронесшихся в моей голове, я прочел вышеупомянутый приговор над нашими товарищами. Ужас об'ял меня! Опять тюрьма и ссылка, каторга, опять смертная казнь... Перед моим взором встает черная, зловещая виселица, на которой висят наши товарищи, висят борцы за народное счастье... Страшное возмущение и жажда мести охватывают всякого мыслящего, живого и честного человека. Но тут встает вопрос: отомстить! Да, но как и какими средствами»?

Это — тот самый вопрос, на который по-своему ответил уже более года тому назад Качур выстрелом в Оболенского. Его ответ был продиктован ему «разочарованием» в демонстрациях. «Демонстрации мне и моим товарищам были по душе, — говорит он в одном из своих писем, опубликованных в № 10 «Рев. России»[2]. Тут уже

* Статья эта уже была набрана, когда мы убедились, что указанный слух был справедлив. Браиловскому смертная казнь заменена десятилетней, а Колоскову и Куксину — пятилетней каторгой.

борьба! Тут прямо встреча с врагом. Но скоро я в демонстрациях разочаровался и еще больше, чем в стачках. Я думал, что мы на демонстрациях воевать идем, а оказывается, что только подставляем спину под нагайки и головы под кулаки и ружейные приклады... Стыдно мне стало за себя, стыдно мне стало за товарищей. Мы хотим порядок всего государства изменить, а даем себя бить, как самые пропащие люди. Я так полагаю, что, если мы идем на борьбу, то должны бороться, как полагается честным рабочим. И раньше всего мы должны так держать себя, чтобы нас уважали друзья и враги. А враги не только чтобы уважали, но и боялись». С этою целью Качур и вступил в так называемую «Боевую Организацию» [3]. «И вот почему я решил поступить в «Боевую Организацию», — писал он в том же письме: — я уверен, что ей удастся заставить правительство не бороться с нами кнутом и кулаком; я верю, что она добьется, чтобы рабочее и крестьянское движение могло свободно развиваться. Для такого дела никакие жертвы не велики и, если нужна моя жизнь, — я считаю для себя счастьем отдать ее такому великому и святому делу!»

Эти последние слова дышат самоотвержением, но предшествующие им строки показывают, что написавший их самоотверженный рабочий был как нельзя более далек от точки зрения сознательного пролетариата наших дней. Он не полагался на политическую самодеятельность рабочего класса. Он верил, что возможность свободного развития может быть завоевана для рабочего и крестьянского движения только кучкой террористов. Ему было совершенно чуждо сознание того, что политическое — и всякое другое — освобождение рабочего класса должно быть его собственным делом. Только отсутствием этого сознания и об'ясняется то обстоятельство, что он «разочаровался» в стачках и демонстрациях и стал ждать политических чудес от «Боевой Организации». Ответственность за эту наивную веру в политические чудеса падает, конечно, на ту «партию», к которой он пристал, «разочаровавшись» в самодеятельности рабочих, и которая тем охотнее прибегает к громким революционным фразам, чем менее понятны ей действительные условия и практические задачи современного революционного движения в России. Пессимизм Качура наглядно показывает нам, каких поистине печальных результатов должны были бы ждать мы от распространения влияния на рабочий класс гг. «социалистов-революционеров». С другой стороны, жизнь не менее наглядно показала всем, имеющим очи, полнейшую неосновательность этого пессимизма. Качур пришел к тому убеждению, что время демонстраций прошло; мы видим теперь, что, когда у него складывалось это убеждение, время демонстраций только-что начиналось. Качур думал, что, сталкиваясь с полицией, демонстранты могут только «задавать лататы»; теперь ясно, что при подходящих условиях демонстранты могут оказывать ей весьма серьезное сопротивление. Качуру казалось, что демонстрации, «еще больше, чем стачки» направляют наше движение в тупой переулок; в настоящее время становится очевидным, что демонстрации, «еще более, чем стачки», развивают политическое сознание массы и ведут ее на арену всенародного восстания против существующего порядка. В то сравнительно очень короткое время, которое протекло с тех пор, как написаны были письма Качура, массовое движение приняло у нас такие широкие, такие небывалые размеры, что теперь немыслимо никакое сомнение в его будущности, и, вероятно, сам автор этих писем без труда увидел бы теперь, как жестоко ошибался он, приурочивая к деятельности «Боевой Организации» все свои надежды на будущие успехи российского революционного движения. Прежде его пессимизм еще можно было оправдать — с грехом пополам, — неразвитостью его классового самосознания. Теперь и такое оправдание было бы невозможно, потому что теперь даже неразвитые рабочие инстинктом чувствуют великое общественное значение и непобедимую силу своего класса. Вот почему эти рабочие с такою готовностью отзываются теперь на революционные призывы к массовым протестам. К великому ужасу «охранителей» массовые протесты стали очередным вопросом нашей общественной жизни, и очень естественно поэтому, что в головах сознательных рабочих не возникает даже и тени хотя бы самомалейшего сомнения в том, что пролетариат может своими собственными силами отстоять свое собственное дело. Теперь в ответ на вопрос, каким образом можно отомстить правительству, сознательные рабочие, не колеблясь, указывают на усиленную агитацию в массе. Так, напр., рабочий, автор цитированного нами выше письма о Таганрогском приговоре, говорит: «Открытым протестом должны мы ответить на подобные азиатские приговоры и расправы. Мы должны громко заявить в листках, газетах, брошюрах, на улице о нашем негодовании, мы не можем остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будем подрывать почву под ногами наших врагов, будем вселять недоверие и ненависть русского народа к нашему самодержавному кровожадному правительству. Это пока единственный способ дезорганизовать и разбить все враждебные свету и справедливости силы, только так. обр., т. е. такими путями, мы должны отомстить и отомстим!»

Да, товарищ, вы совершенно правы. Негодование должно подвинуть нас на усиленную агитацию в массе. Мы внушим массе горячее сочувствие к жертвам и жгучую ненависть к палачам, и это в самом деле есть единственное средство вырвать почву из-под ног нашего реакционного правительства. Когда масса проникнется этими чувствами, — а по всему видно, что это время уже недалеко, — тогда бессовестной и кровожадной шайке, управляющей теперь нашею страною, останется, по выражению Лассаля, лишь заниматься астрологией, чтобы по звездам определить, в каком именно часу суждено ей погибнуть. Другого средства мести у нас нет, но другого нам и не нужно, потому что это средство — и только оно одно даст нам полную возможность победить наших непримиримых врагов и сбросить с наших плеч «тяжкое иго самовластья».

Если белый террор является естественным ответом царского правительства на возрастание массового движения рабочих, то новый и усиленный рост массового движения рабочих является необходимым ответом революционной социал-демократии на белый террор царского правительства.

Употребляя слова в их истинном значении, мы прибавим к этому, что теперь настоящий красный террорист не тот, кто, вступив в ту или другую «боевую ор-

ганизацию», совершает покушение на жизнь того или другого помпадура, а тот, кто содействует единственному истинному революционному движению наших дней — массовому движению пролетариата. В самом деле, что такое террор? Это система действий, имеющих целью устрашить политического врага, распространить ужас в его рядах. Но из всех неприятных царскому правительству явлений современной русской общественной жизни ни одно не имеет такого опасного значения для него и ни одно не внушает ему такого ужаса, как именно рост революционного сознания в народной массе. Ведь это правительство потому и старается испугать нас высшей мерой наказания, что наша агитационная деятельность доводит его до высшей степени страха. Ведь оно потому и грозит нам, что боится грозной силы массового революционного движения. Вследствие этого революционная агитация в массе и должна быть признана теперь самой страшной для правительства и единственной, в самом деле опасной для него разновидностью терроризма.

Прежде, когда предержащие власти обрушивались на демонстрантов лишь с более или менее чувствительными «мерами кротости и увещания», от казацкой нагайки до административной высылки и ареста включительно, террористическая борьба старого образца была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию наиболее решительных и самоотверженных деятелей. Их считали как бы героями по преимуществу. Теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти, а за открытое сопротивление власти грозит солдатская пуля или смерть «через повешение» по приговору военного суда, наш старый терроризм перестает быть исключительно-смелым приемом борьбы и может считаться исключительным разве только по своему несоответствию с нынешними требованиями целесообразной революционной тактики. Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей.

Но само собою понятно, что эта простая и ясная, как божий день, мысль не укладывается в головах наших революционных старообрядцев, которые до сих пор живут впечатлениями давно и, к счастью, безвозвратно минувшего прошлого. Вот, например, «Революционная Россия», высказавшая в своем 30 № совершенно новую мысль о пользе решительного образа действий, говорит: «Но кто же еще не понимает, что многие, расстрелянные безоружными на мостовой, предпочли бы умереть с оружием в руках в уличной схватке или на баррикаде, в открытом нападении строя на строй или в героическом единоборстве?».

Орган партии, помешавший несчастному Качуру додуматься до определенной классовой точки зрения, очевидно, подразумевает под единоборством тот самый прием борьбы, который мы назвали терроризмом старого образца. Этому единоборству и присваивается у него эпитет героического. «Революционная Россия» «еще не понимает», что начавшееся теперь единоборство рабочего класса с царским правительством открывает несравненно более широкое поле для героизма всякого рода, чем самые смелые и «решительные» предприятия отдельных лиц или групп.

История не знает более страшного терроризма, чем терроризм великой французской революции, который выдвинул на историческую сцену настоящих титанов и «божьей грозой» пронесся над Францией, беспощадно разрушая все остатки «старого режима». Но чем был этот терроризм? Когда он начался? Откуда черпал он свою гигантскую силу? В чем состояла тактика его сторонников? По справедливому замечанию Малуэ[4], он начался 14 июля 1789 года взятием Бастилии. Его сила была силой революционного движения народа. Главной отличительной чертой тактики его сторонников было стремление во что бы то ни стало поддерживать и усиливать революционную самодеятельность массы. Этот терроризм вызван был не «разочарованием» в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в эту силу. Его представители были руководителями французского народа в его героическом единоборстве с соединенными силами европейской реакции. История этого терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера. Но она поучительна именно потому, что непрестанно твердит нам о необходимости подготовлять нашу российскую народную массу ко взятию наших всероссийских Бастилий.

Повторяем, ответом на белый террор правительства должно быть усиление революционной агитации в массе. На этом пути нам придется испытать жесточайшие преследования. Много крови прольется на нем, много товарищей вырвет из наших рядов Молох в полицейском мундире. Но мы не покинем его, так как он один ведет к победе. Держась его, мы можем быть уверены, что силы нашей революционной армии будут постоянно увеличиваться, что на место павших борцов будут становиться новые, все более и более многочисленные рекруты свободы и что мы отомстим царизму, победив его и не оставив в его безобразном здании камня на камне.

[Г. Плеханов]

НОВОЕ ФИЛИАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ БУНДА.

Письмо в редакцию *.

Когда возникла последняя война с Китаем[5] и начали мобилизовать Сибирь, а отчасти и прилегающую Вятскую губернию, один вятский Сысойка спрашивал: «Под кем же мы теперь будем: под русским императором или под китайским?» Прочитав резолюцию V с'езда Бунда, я тоже невольно спрашиваю: «Под кем же мы теперь: под Бундом или под Р. С.-Д. Партией?».

Согласно резолюции Бунда, мы имеем перед собою две вполне независимые организации с самостоятельными центральными учреждениями, самостоятельными с'ездами, стоящие друг к другу в федеративных отношениях. Признание Бунда федеративной частью Р. С.-Д. Р. П.

* Резолюция V с'езда Бунда встречена таким недоумением и решительным протестом большинства русских сотоварищей, что мы получили ряд запросов и писем в редакцию по этому поводу. Печатаем одно из таких писем для характеристики настроения нашей партии.

само по себе еще не определяет взаимной зависимости «частей». Чтобы понять эту зависимость, чтобы разобрать, где тут часть, а где целое, нужно изучить те права и те функции, которые предоставлены каждой из сторон: чьи права и функции окажутся более широкими, более общими, тот и окажется фактическим представителем «целого», хотя бы номинально и называл себя «частью». Права же и функции контр-агентов лучше всего определить, во-первых, по сфере их влияния и, во-вторых, по отношению их к посторонним элементам (организациям и пр.). Сфера влияния организации обыкновенно определяется районными условиями, при вмешательстве же национальных различий — и условиями языка (как внешнего выразителя этих различий). Посмотрим же, какие права предоставляет в этом отношении Бунд себе и Р. С.-Д. Р. П.

Бунд, являясь организацией только еврейского пролетариата, не связан никакими районными рамками (§ 2), — следовательно, может иметь свои комитеты или агентов где угодно. В то же время Р. С.-Д. Р. П. имеет право выступать от имени всего пролетариата в тех местах, где имеются агенты Бунда, лишь с согласия Бунда, хотя бы это были коренные русские местности, где еврейский пролетариат составляет ничтожный процент. Далее. Бунд имеет право обращаться к пролетариату другой национальности «лишь с согласия на то органов соответственных частей партии». Это значит: в тех местностях, которые еще не охвачены деятельностью партии, Бунд имеет полную свободу действия по отношению ко всему пролетариату, ибо не у кого спрашивать согласия; Росс. же С.-Д. Р. П. не имеет права ни в коем случае обращаться к еврейскому пролетариату без разрешения Бунда даже там, где о Бунде никто и не слыхал (вспомните случай в Екатеринославе!). Так гласит § 8 и примеч. На основании того же § Р. С.-Д. Р. П. воспрещается без позволения Бунда издавать что бы то ни было на еврейском языке, ибо это уже будет «обращение к еврейскому пролетариату», и в то же время «Бунд имеет право на беспрепятственное издание, кроме литературы на еврейском языке, и литературы на других языках».

То же характерное распределение ролей и прав замечается и по вопросу о сношениях с другими организациями. Хотя Бунд любезно обращается к Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П. за разрешением вступать в постоянные сношения с невходящими в партию соц.-дем. организациями (случай, едва ли имеющий практическое значение), в то же время он сохраняет за собой право заводить временные сношения того же рода,—что, понятно, чаще случается и поэтому гораздо важнее,—ограничиваясь лишь «доведением до сведения» Ц. К. Партии о каждом таком соглашении. А теперь сопоставьте с этим § 11: «В случаях необходимости Ц. К. Партии имеет право вступать в сношения с отдельными частями Бунда, но лишь с согласия Ц. К. Бунда». Другими словами: Бунду предоставляются гораздо большие права по отношению к совершенно чуждым организациям, чем Росс. С.-Д. Р. П. по отношению к одной из составных частей ее. «Часть», хотя бы и федеративная, оказывается полноправнее «целого». Где же тогда «часть», где «целое?». Кого правильнее назвать «целым»: ту ли организацию, которая в своей деятельности не связана ни районными рамками, ни рамками языка, которая свободна в своих внешних сношениях с посторонними партии организациями, или же ту, которая и в вопросах района деятельности, и в вопросах языка, и в вопросах сношения с своей же составной частью, и даже в своем элементарном праве выступать от имени Российской С.-Д.

ОТНОШЕНИЯ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К БОЛГАРИИ И МАКЕДОНСКОМУ ВОПРОСУ *.

С тех пор как я писал первую статью, в Болгарии и Македонии произошли крупные перемены. Тотчас по своему возвращению из Франции, в начале мая, принц Фердинанд [6] самым грубым образом заставил ультра-руссофильский кабинет д-ра Данева [7] подать в отставку и призвал к власти стамбулистов (остатки партии Стамбулова) — ультра-руссофобов, во главе с любимцем принца, отставным генералом Р. Петровым. Вначале нынешнее ультра-руссофобское правительство об'явило, что будет поддерживать с «освободительницей» самые искренние отношения. Русское правительство, с своей стороны, встретило диверсию принца Фердинанда без всякой тревоги, ибо, как увидим, перемена эта, столь желательная для принца, произошла с согласия русского правительства. И действительно, первое время нынешнее правительство находилось в самых интимных отношениях с русским дипломатическим агентом в Софии: часто в полном составе и во главе с принцем оно чаевало в русском агентстве; шеф правительства, министр-президент, со своей стороны, часто прогуливался с дипломатическим агентом. Теперь, когда я пишу эти строки, отношения, разумеется, несколько иные. С другой стороны, с 20 июля об'явлено повстание в Македонии и Адрианопольском «вилаете» (до Константинополя).

В первой статье я сказал, что отношения русского правительства к Болгарии и к македонскому вопросу самые коварные. Мало того. В продолжение 25 лет русское правительство и его агенты шепчут болгарской буржуазии о «заветных идеалах» Болгарии, об осуществлении «Сан-Стефанской Болгарии» [8] с помощью России. За примерами ходить недалеко. В 1895 г. царь и правительство горячо заверяли депутацию из видных болгарских патриотов, с покойным митрополитом Климентом во главе, посланную в Петербург, — в том, что только «Россия» желает «бескорыстно» помочь Болгарии и что она непременно ей поможет, лишь бы Болгария не слушалась ее врагов. Все эти заявления русского царя и его присных были широко распространены в Болгарии депутацией и руссофилами. В 1900 — 1901 г. был командирован в Болгарию полковник генерального штаба Епанчин с целью произвести тщательный осмотр болгарских войск, снаряжений, вооружений и вообще констатировать боевую готовность болгарского войска. Около того же времени был командирован и чиновник министерства финансов Кобеко с миссией изучить финансы

* См. в № 45 «Искры» статью того же автора: «Македонский вопрос, Болгария и русское правительство».

Р. П., т. е. от имени «всего пролетариата» данной местности, по рукам и ногам связана согласием Бунда. Если считаться с законами логики, — пока еще не отмененными резолюцией Бунда, — то «целым» нужно считать более широкое, общее, и тогда вполне оправдывается мое недоумение: под кем же мы состоим: под Бундом или Р. С.-Д. Р. П.? Бунд ли часть Р. С.-Д. Р. П. или она только филиальное отделение Бунда?

Недоумевающий искровец [В. Орловский]

ПИСЬМО РАБОЧЕГО.

Сегодня я прочел в местных легальных газетах «Донская Речь» и «Приазовский Край» телеграммы о том, что в Таганроге военным судом приговорили трех наших товарищей за демонстрацию в Ростове 2 марта к лишению всех прав и смертной казни через повешение; кроме того, семь человек к разным наказаниям, долгосрочной каторге, арестантским ротам, вечному поселению, тюрьме и так далее. Приговорили их за то, что они осмелились выступить с открытым протестом против гнета и произвола, царящего у нас на Руси. Читая об этом приговоре, мною овладело страстное желание мстить, мстить и мстить, ибо предо мною восстали, как живые, все жертвы, павшие в борьбе с самодержавием за великое дело освобождения русского народа от ига и произвола кровожадных самодержцев. Предо мной, как живые, восстали герои 70—80 г.г.; я вспомнил целый ряд демонстраций, где свободно разгуливала казацкая нагайка, свистела пуля, лилась кровь, раздавались крики, стоны и плач. Я все вспомнил... Потом шли розги, тюрьма, ссылка, каторга, виселица и т. д. и т. д. Вспомнил я еще жертвы той зверской и дикой расправы [10] с голодными крестьянами, которая происходила в Харьковской и Полтавской губ., как их избивали, мучили, секли и ссылали только за то, что они осмелились возвысить голос и громко сказать, что они голодны, что и они люди, что и они есть хотят. Далее я вспоминаю ноябрьские события в Ростове н/Д. [11], Тихорецкой, Новороссийске и т. д. И там были жертвы казацкой нагайки и солдатской пули, в Тихорецке царские слуги и народные палачи врывались в дома мирных жителей, грабили их убогое имущество, убивали и насиловали мирных и невинных женщин, стариков и детей. А вот перед моим взором проносятся последние события на юге России, и я ясно слышу стоны и крик избиваемых жертв, слышу свист пуль и нагайки, дикие возгласы царских башибузуков. Ясно вижу целые потоки крови (по улицам Баку, Тифлиса, Киева и Екатеринослава), искалеченных, избитых и убитых работников и работниц. И после всего этого, после всех этих картин, вихрем пронесшихся в моей голове, я прочел вышеупомянутый приговор над нашими товарищами. Ужас об'ял меня! Опять тюрьма, опять ссылка, каторга, опять смертная казнь... Перед моим взором встает черная, зловещая виселица, на которой висят наши товарищи, висят борцы за народное счастье. Страшное возмущение и жажда мести охватывает всякого мыслящего, живого и честного человека.

Но тут встает вопрос. Отомстить! Да, но какими средствами? Неужели нам надо бессознательно, рефлективно отвечать на зверства наших царских башибузуков? Нет! отвечаю я на этот вопрос, ибо мы должны помнить, что не в их личности дело, что нам надо бороться не против какого-нибудь наказного атамана, по прика-

---

Болгарии и указать средства к их улучшению. Правда, все эти командировки были вызваны принцем Фердинандом, который лез к русскому царю со своими уверениями в неизменной преданности ему — олицетворению «восточной зари». Но все эти царские слуги говорили болгарским патриотам о неизменном «бескорыстном попечении» русского царя о Болгарии. Самый факт командировок уже говорил им, что близок день осуществления «Сан-Стефанской Болгарии» с помощью России. Прошлой осенью, как я уже упомянул, происходили шипкинские празднества с большим шумом и помпой. Много горячих тостов было произнесено на Шипке об «единении славян», о «покровительстве» России, о готовности ее помочь осуществлению болгарских «национальных задач». Военный министр, генерал Куропаткин, говорил болгарскому правительству: «Не жалейте ничего для войска; вы должны каждую минуту быть готовыми». А Яланджи-Паша (Лжец-Паша), граф Игнатьев [9], громил «швабу» самым ярым образом и на каждом шагу, направо и налево, говорил «братушкам» о «великой Болгарии», о «Сан-Стефанской Болгарии».

Между тем, вся эта политика русского правительства чистейший обман. Русское правительство не только не думает помогать Болгарии в осуществлении ее стремлений, но на каждом шагу оно препятствует им и препятствует самым вероломным образом. Как раз тогда, когда агенты русского правительства уверяют болгар в неизменном отношении «России» к их национальным заветам, в то же самое время они в Македонии разжигают и поддерживают словом и делом, морально и материально антиболгарскую пропаганду греков и сербов, разжигают националистическую борьбу между ними. С другой стороны, русское правительство давно пускает в ход все подпольные средства против болгарской экзархии в Константинополе с целью уничтожить или изгнать ее оттуда. Дело в том, что экзархия олицетворение духовного единства всех болгар, олицетворение, так сказать, духовной сан-стефанской Болгарии. Но борьба русского правительства против экзархии — «святыни» для болгарских патриотов — показывает весьма ясно, что политика русского правительства на Балканах вовсе не ставит себе целью помогать болгарам в создании какой-то сан-стефанской Болгарии. Напротив, она весьма ясно показывает, что ее цель уничтожить всякую возможность создания на Балканах какой-бы то ни было более или менее крупной национальной единицы. Русское правительство об'ясняет свою политику против экзархии интересами православия на востоке и посему обещает свою помощь болгарским патриотам в деле осуществления их патриотических стремлений лишь под условием перемещения экзархии из Константинополя в Болгарию. Разумеется, все это — обман. Несколько лет тому назад, вслед за примирением

занию которого уже повешены трое за убийство городового. Не в нем, товарищи, суть и не на нем должны мы вымещать негодование, не в его убийстве дать исход и удовлетворение нашей жажде мести... Мы должны бороться не с лицом или лицами, но мы должны бороться с самодержавием и порождаемым им гнетом и произволом, и на вопрос: как и какими средствами нам нужно бороться я отвечаю себе так: мы видим, что все зверские правительственные расправы с нашими лучшими товарищами производятся открыто, демонстративно; мы видим, что правительство старается всеми мерами и всеми силами дезорганизовать нашу организацию. Оно, ради достижения своих целей, не останавливается ни перед какими мерами; оно широко и щедро раздает направо и налево тюрьму, ссылку, каторжные работы и смертную казнь. Своими свирепыми мерами оно хочет вырвать, «из'ять из обращения» наших лучших товарищей и смелых борцов, а остальным дать «урок», напугать их, «чтобы в другой раз неповадно было». Но удастся ли это царским холопам?! Мы смело можем сказать: нет! Нет, им не задушить, не остановить великого освободительного движения пролетариата. Вспомним слова С. Бардиной [12] на суде: «Преследуйте нас, за вами пока материальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы! — на штыки не улавливаются!». И вот я думаю, что мы, социал-демократы, должны взять пример в одном отношении с наших врагов. Они стараются и ищут средств, чтобы дезорганизовать нашу силу, так или иначе рассеять и разбить наши ряды. И мы, с нашей стороны, должны напрягать все свои силы для того, чтобы дезорганизовать силы правительства. Но на нашей стороне перевес! В то время, когда правительство ищет разные средства для борьбы с нами, у нас уже это средство есть. Мы не можем и не должны пропускать такой вопиющий и гнусный факт без ответа. Мы должны рассказать о нем и раз'яснить его всем товарищам, всем мыслящим и честным людям, поведать всему миру!.. Открытым протестом должны мы ответить на подобные азиатские приговоры и расправы. Мы должны громко заявить в листках, газетах, брошюрах, на улице о нашем негодовании, мы не можем остаться безучастными зрителями. Своими протестами мы будем подрывать почву под ногами наших врагов, будем вселять недоверие и ненависть русского народа к нашему самодержавному, кровожадному правительству. Это пока единственный способ дезорганизовать и разбить все враждебные свету и справедливости силы, только таким образом, т. е. такими путями, мы должны отомстить и отомстим!

Рабочий.

СОРВАЛОСЬ!..

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пышные уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однакоже, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не остановлюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

Болгарии с «освободительницей», русское правительство предложило болгарскому несбыточный план политической унии между Болгарией, Сербией и Черногорией под протекторатом России и разделение Македонии между ними. Нельзя и допустить, чтобы русское правительство серьезно предлагало этот план и чтобы оно поддержало его осуществление. Что это так, показывает тот факт, что русское правительство уже раньше заключило соглашение с австро-венгерским правительством о разделе Балканского полуострова между Россией и Австрией. Эти факты показывают тоже, что русское правительство никоим образом не допустит, чтобы Болгария об'единилась и тем стала более крупной политической единицей на Балканах.

С начала прошлого года до первых чисел мая сего года Болгарией управляли ультра-руссофилы. Русское правительство не могло жаловаться, что Болгария не слушается его или что она слушается «врагов славянства», и казалось бы, что тут русское правительство сделает все, чтобы ей помочь в осуществлении ее национальных желаний. Но как-раз в это время оно настояло перед греческой константинопольской патриархией и перед турецким правительством о признании митрополитом в Ускюбской епархии серба Фирмилиана. Суть дела в следующем. Ускюбский вилает (в Македонии) населен и сербами, но большинство его населения болгаре. А по султанскому фирману (грамота), которым регулируется вероисповедный вопрос, в Македонии в церковные епархии назначаются архиереи из той национальности, которая составляет большинство в них. В Ускюбской епархии громадное большинство болгаре и, следовательно, в нем может быть только болгарский архиерей. Но город Ускюб один из самых важных стратегических пунктов Македонии, ключ к Фессалоникам (приморский город, первый порт на Эгейском море). Владеть Ускюбом — «национальный идеал» сербских патриотов. Сербия задается целью, во что бы то ни стало, утвердиться в Ускюбе, и потому она давно добивалась поставить в нем сербского архиерея. Болгарские патриоты, напротив, основываясь на фирмане, противились этому всеми силами. Но на помощь Сербии явилось русское правительство, и в прошлом году Фирмилиан был рукоположен в архиереи, и турецкое правительство утвердило его в Ускюбе по настоянию русского правительства. Спрошенный в парламенте, почему балгарское правительство допустило утверждение Фирмилиана в Ускюбе, г. Данев, шеф ультра-руссофильского правительства, отказался дать об'яснения, сказавши только: «Мы исполнили свой долг как следует; больше ничего нельзя сделать». Однако тут же прибавил в весьма осторожных выражениях, что вопрос о Фирмилиане не важен для Болгарии, что последняя с помощью России

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вас сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться о том, чтобы суд рассмотрел вопрос, имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что «после всего происшедшего» смешно и говорить о каком-то «соглашении» между какими-то «сторонами»!

* * *

Такова была «беспримерная, — по выражению «Рев. Росс.», — кампания по делу второго апреля». [13] Почтеннейшей газете очень не хочется, по весьма понятным причинам, сознаться, что эта история была действительно такова. Почтеннейшая газета прячется за целый ряд отговорок, которые нам приходится рассмотреть подробно.

«Рев. Росс.» удивляется, во-первых, почему «вместо организованной русской социал-демократии», к которой обращались товарищи Балмашева, отвечает редакция «Искры». Товарищи Балмашева, — говорят нам, — «не имеют ответа на свое вполне определенное предложение, направленное по вполне определенному адресу».

Неверно это, господа. Вам, как и всем и каждому, прекрасно известно, что именно представляет из себя организованная русская социал-демократия, каковы именно все наши организации. За одну ночь у нас, не в пример кое-каким людям, новых организаций не вырастает. У нас есть комитеты партии, есть «Искра», есть О. К. [14], который давно готовит второй с'езд партии. По какому же это «определенному адресу» вы обращались? По адресу второго с'езда? по адресу О. К.? Нет; вопреки вашим словам об определенном адресе, вы абсолютно ничем этого адреса не определили. Вы сами отметили, что «Искра» признана большинством комитетов, и вам поэтому никто не мог ответить, кроме «Искры». Если второй с'езд нашей партии признает «Искру» органом партии, тогда ответ «Искры» окажется ответом партии. Если нет, — тогда вы будете иметь дело с другим органом. Это такая простая вещь, что ее мог бы понять и шестилетний ребенок.

«Рев. Росс.» «удивляется, почему вместо прямого ответа на прямое предложение товарищей Балмашева» (предложение будто бы дать возможность социал-демократии познакомиться с действительным существом дела второго апреля) «нам предлагают, чтобы они признали себя и „Искру“ сторонами, между которыми, после всего происшедшего, возможны какие-то предварительные переговоры, „соглашения“ о постановке вопроса». Итак,

---

добьется более важных национальных приобретений. Впрочем, было известно, что русское правительство приказало болгарскому не подымать и не допускать никаких протестов по вопросу о Фирмилиане и дало болгарскому правительству старые ложные обещания помочь осуществлению болгарских политических стремлений. Разумеется, русское правительство и тут солгало. Оно настояло перед Турцией о разрешении фирмилиановского вопроса в пользу Сербии с целью разжечь ненависть между нею и Болгарией, разжечь националистическую борьбу между ними. При всем том, однако, русское правительство продолжает лгать перед «братушками», что русский царь постоянно думает о счастии болгарской нации, о том, как помочь им об'единиться в великую Болгарию. Коварнее, чем отношения русских царских слуг к Болгарии, ничего быть не может. Но коварство его этим не кончается.

Нынешнее повстание в Македонии есть, можно сказать, прямое следствие коварной политики русского правительства. Дело в том, что внутренняя македонская революционная организация думала об'явить общее повстание через три-четыре года, когда она рассчитывала быть лучше подготовленной к делу. Но прошлой осенью, как я уже сказал, принц Фердинанд (сумасброднейший господин и вместе с тем величайший трусишка) подстроил инсуррекционное движение в Македонии, послав несколько вооруженных отрядов под командой отставного генерала Цончева и полковника Янкова. Принц Фердинанд, разумеется, не воодушевляется никакой автономией Македонии; он никоим образом не желает ее, так как автономная Македония в его глазах величайшая опасность для его династии и даже для его собственного существования. Его интересует лишь вопрос, как ему поскорее стать королем Болгарии. Но этот господин вообразил себе, что во время шипкинских торжеств самый удобный момент пугнуть Турцию инсуррекционным движением в Македонии и таким образом добиться королевской короны. Его расчеты не сбылись. Вызванное при его содействии инсуррекционное движение привело к весьма печальным результатам для Македонии. Оно дало повод русскому правительству настоять перед Турцией на принятии всех мер к искоренению «нарушителей порядка» в македонских вилаетах. Турция воспользовалась, конечно, настоятельными советами русского правительства, и под тем предлогом, что в болгарских селах скрываются «комиты» (революционеры) и скрыто оружие, расставила по всем большим болгарским селам войско. Оно, естественно, предалось самым невероятным жестокостям над мирным населением. Те села, которые осмелились роптать и жаловаться, были обвинены в укрывательстве «комит» и уничтожены артиллерией до тла. Так, например, были уничтожены большие села в Мона-

«Рев. Росс.» утверждает теперь, что нам предлагали не третейский суд, а предлагали лишь дать возможность познакомиться. Это неверно. «Заявление» [15] в № 27 «Р. Р.» говорит буквально о «непроверенном обвинении («Искры») в клеветничестве», о проверке обвинения, о предоставлении «одному лицу, на добросовестность и конспиративность которого могли бы равно положиться и мы и центральный орган (это заметьте!) русской социал-демократии следующего ряда доказательств». «Проверка обвинения», «рассмотрение доказательств» лицом, на которого полагаются и обвинитель и обвиняемый, — это не есть третейский суд? Это есть лишь предложение познакомиться?? Комики вы, господа. После того, как вы уже предложили согласиться о выборе добросовестного лица, вы заявляете теперь, с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!

«Рев. Росс.» «спрашивает далее, над кем смеется „Искра“, когда говорит о соглашении в постановке вопроса, одновременно с тем декретируя свою постановку и категорически заявляя, что другой постановки вопроса быть не может». Перед судом всякий категорически заявляет свое мнение и утверждает, что оно — единственно-правильное. Вместо того чтобы дать и свою определенную постановку вопроса, наш горделивый противник начинает хорохориться и бла-ародные слова говорить!

Похорохорившись, «Рев. Росс.» соблаговоляет однако сделать несколько замечаний и о нашей постановке вопроса. По ея мнению «Искра» прибегает к уверткам и отступает. Вопрос заключается, де, не в том, «что Боевая Организация покушалась на право "Искры" свободно мыслить (!), оценивать со своей точки зрения политические акты и даже (sic!) внутренно сомневаться в чем бы то ни было». Это «внутренно сомневаться», поистине, бесподобно. «Боевая Организация» так необыкновенно либеральна, что готова (теперь, после более чем годичной борьбы!) разрешить нам даже сомневаться, — но только внутренно, т. е., вероятно, так, чтобы никто, кроме самого сомневающегося, не знал об этом... Может быть, и «свободно оценивать» эти боевые люди разрешают нам только про себя?

«Можно подумать, — говорит «Рев. Росс.», — что только отказ „Искры“ подчиниться такому требованию был поводом для обвинения „Искры“ в клевете». Следуют цитаты из статьи «Тартюфы революционной морали» [16] и замечание, что «здесь говорится не о каких-то скромных и неопределенных сомнениях, а об очень нескромных и очень определенных обвинениях».

Приглашаем читателя припомнить некоторые общеизвестные факты. В № 20 «Искры» (от 1 мая 1902 г.) мы оцениваем акт Балмашева, понятия не имея ни о какой боевой организации. Эта последняя пишет нам письмо, требуя, чтобы мотивов решения Балмашева мы искали в ее официальных заявлениях. Мы молча бросаем это письмо неведомой организации в корзину для ненужной бумаги. Письмо печатается в № 7 «Рев. Росс.» (июнь 1900 г.), редакция которой по поводу одного только нашего молчания вопит уже о набрасывании тени на моральную сторону, об умалении значения акта и т. п. Мы отвечаем статьей «Вынужденная полемика» (№ 23 «Искры» от 1 августа 1902 г.), в которой смеемся над сердитым Юпитером, отстаиваем свою оценку акта 2 апреля и заявляем, что для нас принадлежность Балмашева к «Боевой Организации» «более чем сомнительна». Тогда гг. соц.-рев., добившись от нас внешнего выражения нашего внутреннего сомнения, поднимают истерические вопли о «беспримерном поступке» и говорят уже

стырском вилаете: Смардет, Могила и друг. Но главное в том, что эти турецкие жестокости над мирным населением поощрялись самими агентами русского царя. Когда бежавшие из разоренных сел, большей частью женщины, явились в Монастырь и обратились к русскому консулу (убитому недавно турками) А. А. Ростковскому с просьбой о защите, он их обругал самым бесцеремонным образом. Он им сказал: «Вы сами предлагались туркам, дабы обвинять их в насилии!» Тогда агенты русского царя писали самые мерзкие, невообразимо клеветнические рапорты против болгарского населения. Когда эти рапорты появились на столбцах «Правительственного Вестника», в болгарских газетах поднялся страшный шум, и правительство, хотя и слепо послушное русскому, было принуждено обратиться к нему с просьбой об опровержении рапортов. Русское правительство поспешило прикрыть свое коварство об'явлением, что сменяет редактора «Правительственного Вестника». Однако факт тот, что оно не только развязало руки Турции, но и прямо поощряло турецкие жестокости над мирным населением. Но жестокости, массовые аресты, истязания и прямо убийства арестованных по тюрьмам привели население в отчаяние. Жизнь в Македонии стала невыносима. Революционные комитеты уже не в состоянии были сдерживать население. С другой стороны, поголовные обыски и аресты угрожали раскрытием нитей революционной организации и ее дезорганизацией. Вследствие всего сказанного организация решила об'явить общее повстание в Македонии и Адрианопольском вилаете нынешним летом. На это решение организации повлияло, несомненно, и дальнейшее поведение русского правительства.

По окончании шипкинских торжеств русские генералы, во главе с военным министром Куропаткиным, демонстративно проехались по Болгарии, посетили Плевну и везде говорили патриотические речи о торжестве «славянской идеи», о врагах «славянства» и об особой роли Болгарии на Балканском полуострове. Эти прогулки по Болгарии «усатых» и «бородатых» генералов разожгли патриотические страсти «братушек» и надежды на удовлетворение их в близком будущем с помощью России. Но в этом отношении особенно отличался «Яланджи-Паша», граф Игнатьев. Этот господин считается автором Сан-Стефанского договора (под Константинополем). По окончании шипкинских торжеств он был гостем в столице Болгарского княжества, Софии, в течение нескольких дней. Тут македонская эмиграция и вообще болгарские патриоты устраивали ему грандиозные факельцуги, разные банкеты, царские встречи, что сердило принца Фердинанда до истерики. «Яланджи-Паша» перед многотысячной толпой с балкона русского агентства держал самые разжигательные фельдфебельские речи о «Сан-

не больше и не меньше, как о «грязи» и об «инсинуации» (№ 11 «Рев. Росс.», сентябрь 1902 г.).

Таковы, в самых кратких чертах, основные моменты нашего литературного спора. Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия либо недоверия и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется urbi et orbi, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина? Не революционное бреттерство? Не заслужено было таким человеком название Тартюфа?

Откуда берет «Рев. Росс.», что мы отступаем, не желая отвечать за статью и за статьи о Тартюфах? Из того, что в нашей постановке вопроса не включены тезисы этих статей? Но разве нам предлагали суд по поводу каких-нибудь определенных статей, а не по поводу всего отношения «Искры» к уверениям «партии соц.-рев.»? Разве в самом начале заявления товарищей Балмашева в № 27 «Рев. Росс.» не цитируется именно исходный пункт всего спора — слова № 23 «Искры», что принадлежность Балмашева к «Боевой Организации» для нее более чем сомнительна? Смеем уверить «Рев. Росс.», что мы отвечаем за все наши статьи, готовы дополнить наши вопросы для суда ссылками на любой номер «Искры», готовы доказывать перед кем угодно, что мы имели полное нравственное право и все разумные основания охарактеризовать как Тартюфов тех публицистов в «Рев. Росс,», которые договорились до приведенных нами выше выражений по поводу нашего дерзновенного сомнения в достоверности ее слов.

«Отступления и увертки», на самом деле, только с чьей стороны? Не со стороны ли тех, кто теперь великодушно готов признать за нами право свободно оценивать и внутренно сомневаться и кто более года упражнялся в отвратительно-напыщенной декламации по поводу того, что «Искра» продолжала упорно сомневаться и доказывала обязанность всякого серьезного человека сомневаться в революционной беллетристике. Когда вы увидали, что чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории, — вам захотелось новой сенсации, и вы выступили с требованием суда. Падкая до скандала часть заграничной колониальной публики потирала от удовольствия руки и оживленно шепталась: «Они вызвали их на суд... наконец-то! Теперь мы увидим». И теперь они увидели— последнюю сцену водевиля, герой которого с неописуемо обиженным видом благородного человека заявил, что «после всего происшедшего» невозможны никакие соглашения о постановке вопросов для суда.

Продолжайте спокойно в том же духе, господа! Но помните, что никакие потоки жалких слов не помешают нам исполнять нашу обязанность: разоблачать фразерство и мистификацию, где бы они ни проявлялись, в «программах» ли революционных авантюристов, в блестках ли их беллетристики или в возвышенных предиках о правде-истине, об очистительном пламени, о кристальной чистоте и о многом прочем.

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К таганрогскому процессу. Нам обещали выслать все материалы, касающиеся суда над демонстрантами 2 марта. Пока мы получили только речь Гавриила Львовича Корякина, защитника подсудимых: Авраама

Стефанской Болгарии», о непременном желании русского царя увидеть осуществление Сан-Стефанского договора. Правда, он говорил тогда, что теперь не время для повстания, что нужно немножко подождать, но из его речей прямо выходило, что повстание необходимо, но только не этой осенью. Он принимал депутации от разных обществ македонских эмигрантов и болгарских патриотов, долго беседовал с ними, поощрял их действовать, но верить «бескорыстию» русского царя и готовности его помочь Болгарии, убеждая их слушаться «России». Не может быть никаких сомнений, что эта агитация «Яланджи-Паши» производилась с ведома и разрешения правительства.

Зимой, в начале текущего года, приезжал в Болгарию сам министр иностранных дел Ламсдорф. Болгарские патриоты и ему делали грандиозные овации, которые он принимал с балкона Софийского княжеского дворца со словами: «От всего сердца благодарю вас; все доложу государю императору»; принимал депутации от македонских эмигрантов, представителей внутренней македонской революционной организации, патриотических болгарских обществ; выслушав их внимательно, отпускал их с успокаивающими словами: «все доложу государю императору». Можете себе представить, как подействовала вся эта агитация «русских гостей» на наших патриотов. Она прямо настраивала их революционно. И действительно, с тех пор (с февраля текущего года) начала все больше назревать мысль о неизбежности общего повстания в Македонии.

Несколько дней тому назад один из вождей генерального Македонского комитета в Болгарии заявил в публичной речи, что шеф руссофильского тогда кабинета Данев позвал его и сообщил ему слова Ламсдорфа. А г. Ламсдорф от имени русского царя обещал болгарскому правительству, что будут введены реформы в Македонии с генерал-губернатором из крестьян во главе. Скоро, однако, оказалось, что все это было ложью. Обещанные реформы, предложенные Турции русским и австро-венгерским правительствами, оказались просто глумлением над страждущими в Македонии. Русское правительство извинялось тем, что «немцы» не дали осуществиться проекту «русских реформ». Это, конечно, тоже бесстыдная ложь. Предложенный Турции проект «реформ» в Македонии был проектом русск. правительства, так что «немцы» тут не причем. Русское правительство предложило свой проект из соображений самого подлого свойства. Оно просто хотело раздразнить этим болгарских патриотов, вызвать их на повстание против Турции и тем развязать ей руки для истребления болгарского населения в Македонии. Этим оно думает раз навсегда положить конец стремлениям болгар к «С.-Стефанской Болгарии» и отнять таким образом

Миндлина, 17 лет, и Соломона Борухова, 16 лет. Приводим эту речь, дающую некоторое представление о том, что это был за «суд».

«Когда в день подготовительных к суду распоряжений защита получила возможность ознакомиться с обвинительным актом, — этот акт при тщательном анализе изложенных в нем юридических определений разлетелся в клочья. Никто не предполагал, что прокурор будет доказывать необходимость применения ст. 279 в. у., исходя из ст. 264 ул. о наказаниях, при полном отсутствии наличности предварительного соглашения на причинение раны приставу Антонову; никто не предполагал, что прокурор будет доказывать необходимость коллективной ответственности толпы за деяния участвовавших в ней лиц. И ужасно было слышать, как прокурор, обнаружив непомерную жажду крови, потребовал у вас, г.г. судьи, шесть человеческих жизней. Но я не стану останавливаться на юридических определениях и ошибках г. прокурора. Все это блестяще указал вам, г.г. судьи, товарищ Мандельштам. Я считаю нужным подчеркнуть всю неожиданность для защиты этих эшафотов. В эти четыре дня нашей совместной работы самая мысль о них была далека, и не раз я видел, как лица и обвиняемых и судей озарялись улыбкой при смешных ответах свидетелей. Чудовищно видеть, как прокурор рыл могилу для нескольких молодых и светлых, как слеза, жизней, как он делал это с улыбкой. Еще ужаснее эти улыбки на лицах судей, готовящихся вынести смертный приговор. Нет, г.г. судьи, призраки эшафотов появлялись в этой зале лишь на минуту и так же мгновенно исчезали, и атмосфера общения между людьми устанавливалась в суде. Ведь, г.г. судьи, никогда еще эти скамьи за решеткой, окруженные солдатскими штыками, не вмещали в себе такую высокую душевную чистоту, так много самой высокой и ценной морали. И, понятно, лишение жизни таких людей и для судей и для защитников казалось невозможностью: улыбались судьи, улыбалась защита, улыбались обвиняемые... да, слишком неожиданно проявил прокурор такую жажду крови... (Дальше защитник кратко указывает на невозможность коллективной ответственности в применении ст. 279 и переходит к рассмотрению виновности Миндлина и Борохова). Пятнадцати лет, вы слышали, г.г. судьи, Миндлин, как говорил свидетель жандарм Кулишов, был об'явлен политически неблагонадежным и в порядке положения об усиленной охране заключен в одиночную тюрьму. Спустя год, 16 лет, через шесть дней после 2 марта, он был снова арестован по подозрению в участии в демонстрации. И вот, как говорит свидетель Долганих — сторож при арестном доме, сидя в заключении, Миндлин кричал: «Долой самодержавие», «да здравствует политическая свобода» и пел революционные песни. Не представляется ли вам, г.г. судьи, ужасным самый факт об'явления неблагонадежным 15-летнего ребенка и заключения его в одиночку? Ведь политические убеждения вопрос серьезный. Мы знаем революционеров на студенческой скамье, превращающихся в жизни в резких реакционеров, и наоборот, знаем благонадежнейших молодых людей, постепенно проникающихся злобой к существующему режиму и становящихся в ряды революционной армии; и я утверждаю, что в 15 лет никаких политических убеждений Миндлин, только-что окончивший городское училище, иметь не мог. Я понимаю, г.г. судьи, почему Миндлин, будучи посажен второй раз в одиночную камеру, кричал «да здравствует свобода» и пел революционные песни, и вы согласитесь, что Миндлин под влиянием педагогических приемов жандармов ничего другого и не мог и не должен был кричать...» (председатель обрывает). Следует разбор улик; доказывается лживость показаний жандарма Кулишова; приводятся ссылки на показания свидетелей защиты. (Защитник переходит к Борохову. Борохов заявил, что в демонстрации участвовал и, увидев 2 марта на Садовой толпу, сознательно присоединился к ней). Защитник закончил речь такими словами: «Это заседание закрыто... Судите Миндлина и Борохова, г.г. судьи, казните их, но знайте, что пролитие крови этих детей равносильно избиению младенцев, что слезы обездоленных отцов и матерей прожгут эти каменные стены, широким потоком разольются они, и завтра же вся страна будет вопить к небу о справедливости и о мщении...» на этих словах председатель оборвал защитника, крикнув: «Не важно, что будет кричать страна. Довольно».

Миндлин оправдан; Борохов осужден к трем годам тюремного заключения с лишением прав.

Еще о Зубатове. Зубатову в Питере сильно не повезло... Попытка устроить по московскому образцу

поводы к вмешательству их в македонские дела. И в самом деле, всем известно, что русское правительство теперь самым решительным образом настаивает перед Турцией на немедленном подавлении повстания всеми средствами и силами. Турция, получив такой пароль от русского правительства (об Австрии нечего и говорить— как-раз в ее интересах истребление «повстанцев»), действительно производит теперь самое жестокое и огульное истребление не «повстанцев», а мирного болгарского населения. Повстанцы в Македонии и Адрианопольском вилаете, число которых, по последним официальным данным, достигает 25 тысяч человек, укрепились по Балканам и их проходам и оттуда нападают на регулярные войска и башибузуков. Но последние избегают встреч с ними, не преследуют их, а занимаются исключительно истреблением болгарских сел и населения. По следующим официальным данным от 10 сентября (по нов. ст.) вы можете судить сами, какое ужасное истребление совершается турками в «непокорных вилаетах». В Монастырском, Ускюбском, Фессалоникском и Адрианопольском вилаетах уничтожены до тла 113 сел, 40.000 мужчин, женщин и детей перебито самым зверским образом и 65 тыс. душ, преимущественно старики, женщины и дети, прячутся в горах, не имеют крова и терпят ужаснейшую нужду.

Вот каким образом Турция тушит повстание в Македонии и Адрианопольском вилаете! И это поголовное, жестокое, зверское истребление населения, разорение сел не только известно правительствам цивилизованной Европы, но прямо и открыто поощряется ими и особенно русским правительством. Более того, теперь русское правительство натравляет Турцию на Болгарию. Цель его очевидна: окончательно обессилить Болгарское княжество, и так слабое во всех отношениях, потом явиться его «спасителем» и «покровителем». Турция теперь на глазах у всех готовится к войне с Болгарией, и русское правительство, вместо того, чтобы обратиться к Турции с нотой, обращается к болгарскому правительству с предупреждением, что, в случае войны с Турцией, Болгария не должна рассчитывать на заступничество со стороны России.

Таково отношение русского правительства к Болгарии и македонскому вопросу. Я его назвал «коварным». Но оно более чем коварно. Оно прямо гнусно. Если отношение правительств других европейских наций не гуманно, эгоистично, то отношение русского правительства прямо дико. Царское русское правительство дико, гнусно; дико и гнусно оно у себя дома и этим только держится пока; еще более дико и гнусно оно вне России. Другая политика ему не свойственна. К характеристике этой политики его приведу еще следующий факт.

«рабочее общество», как их здесь называют, потерпела полное фиаско. В настоящее время эти собрания посещаются дворниками, шпионами, самими «зубатовцами», да пятью-шестью рабочими. Петербургские рабочие очень быстро поняли действительные цели этих «обществ», касс и прочих благ, которые сулят им жандармы через посредство всяких Слеповых, Горшковых и пр. шпионов. «Мало у них сыщей (так называют здесь шпионов), так нас хотят приманить» — говорили даже самые темные рабочие после первого посещения собрания. Но Зубатов не унывает... Здесь недавно образовались «тайные кружки» (три или четыре), пропагандистом в которых является... околоточный Васильевской части!.. А в состав слушателей входят два городовых... Не трудно, конечно, представить, какой «пропагандой» занимаются в этих кружках!..

Не вмешивается уже более Зубатов и в стачки (как в Москве), которые здесь приняли серьезные размеры. Характерно, что заводчики и фабриканты во время стачек стараются не допустить вмешательства полиции. Напр., на фабрике Лебедева во время стачки приехал пристав с отрядом городовых, но директор фабрики заставил его удалиться, заявив: «Это дело не ваше, рабочие ведут себя спокойно, а вы их только раздражаете».

Зубатову остается сосредоточить всю свою энергию на области сыска, что он и делает в настоящее время. Из всех сил старается он расплодить среди рабочих провокацию. Почти всем арестованным рабочим (а также и интеллигентам) Зубатов намеками предлагает поступить на службу в охранное отделение. Вот почти дословный разговор Зубатова с одним товарищем рабочим: «.... Когда меня привезли в охранку, — рассказывает последний, — было уже два часа ночи, но, несмотря на позднее время, меня вскоре привели в кабинет Зубатова. Он очень любезно пригласил сесть, спросил, как я себя чувствую, и советовал не огорчаться... «Мы все были молоды, — говорил Зубатов, — и все делали ошибки!..» Я понял, что он намерен вести со мною беседу, и решил ничего не отвечать ему. Зубатов продолжал: «Вы знаете, г. N, почему мы вас пригласили сюда?.. Мы обвиняем вас в принадлежности к революционной партии и притом к самой крайней и опасной фракции — к «Искре»!.. Я должен вам сказать, что дело ваше очень громкое — данных у нас о вашей деятельности очень много — и я, как представитель центральной власти, предупреждаю вас, что вас ждет серьезное наказание!.. Я советую вам хорошенько подумать над вашим положением... Вы еще молоды и имеете еще возможность вступить на честный путь. Вы думали, что ваша преступная деятельность будет без конца... О, мы вас уже давно знаем... вы у нас как на ладони!.. Даже о вашей деятельности среди N-ских рабочих мы уже знаем, и единственное для вас спасение — это стать слугой правительства *... Не думайте, что правительство не оценит ваше раскаяние, — продолжал Зубатов; — оно умеет карать своих врагов, но и награждать друзей... Вы должны понять, что я не говорю вам фраз, я только искренно желаю вас спасти от бубнового туза... Вы прекрасно знаете, что сослать вас с Восточную Сибирь на 10 — 15 лет нам очень нетрудно, но мы жалеем вашу молодую жизнь... И, наконец, для нас несравненно важнее приобрести сторонника, — это будет нашей нравственной победой, — чем сослать!.. Я в молодости сам был революционером... В наше время действовала «Народная Воля» [17], а там были герои не чета вам; призывать народ к революции — это безнравственно, на это способны только фанатики, но не благоразумные, интеллигентные люди! Конечно, я тоже не разделяю взглядов консервативных «Моск. Вед.» [18], но в то же самое время я, как истинный гражданин, считаю своим долгом бороться против «Искры»... И, наконец, разве правительство вам запрещает устраивать собрания?» — Зубатов начал рассказывать мне о собраниях московских рабочих и зарождавшихся тогда петербургских, говорил об интеллигенции, которая «водит рабочих за нос» и т. д. «Правительство, — говорил Зубатов, — знает всех ваших интеллигентов и, когда сочтет нужным, тогда и арестует». Заметив, что я весьма равнодушно слушаю его пошлое фразерство, он с пафосом заговорил: «О, г. N., не думайте что я говорю фразы!.. Как человек, — понимаете, как человек, — я советую вам серьезно подумать над вашим положением... Повторяю вам, единственное для вас спасение — это раз навсегда порвать всякую связь с революционным прошлым... Вам выгоднее опереться на правительство... от революционеров вам нечего ждать помощи. Вы не думайте, что кто-нибудь узнает о вашем искреннем раскаянии... мы в «Искре» не напечатаем... Я понимаю, что вы

* Здесь мы пропускаем ответ рабочего Зубатову.

Чтобы хоть сколько-нибудь прикрыть свои намерения, русское правительство согласилось с желанием принца Фердинанда заменить ультра-руссофильский кабинет Данева нынешним руссофобским кабинетом. Раньше русское правительство никоим образом не допускало такой перемены. Когда в марте месяце принц попробовал, было, сменить старое министерство, из Петербурга ему дали такую телеграмму, что он поспешил снова поручить Даневу составить кабинет. Но в апреле месяце принц поехал в Париж, и тут он получил разрешение парижского посла Урусова сменить кабинет Данева. И в начале мая принц сменил его. Игра русского правительстве понятна. Оно хотело спасти репутацию ультра-руссофилов и заставить нести последствия его политики руссофобов вместе с принцом Кобургом. Теперь отношения между Петербургом и Софией далеко не приятельские; царь сердит на принца; агенты русского правительства и руссофилы распространяют теперь легенды, что Россия не желает заступиться за Болгарию будто-бы потому, что Болгария при нынешнем руссофобском правительстве действует заодно с ее врагами и не слушается ее.

Но вы спросите: как же болгаре не могут понять политики русского правительства? На этот вопрос можно ответить следующее. Большинство болгарской нации мелкая буржуазия, а она пропитана руссофильскими или, лучше сказать, царефильскими чувствами. Не умея об'яснить себе мотивы русско-турецкой войны, она об'ясняет их «любовью» русского царя к болгарам. Вот почему она не в состоянии себе представить, чтобы русский царь, «освободитель» Болгарии, мог желать ей худого. С другой стороны, экономически она все более и более приходит в упадок и, не веря собственным силам и силе Болгарии, она связывает свои иллюзии об улучшении своего положения с какой-то «помощью», которая должна притти от милости русского царя. Крупная же буржуазия распадается на два лагеря: руссофилов и руссофобов. Руссофилы ищут поддержки в своей борьбе за власть у руссофильской массы мелкой буржуазии. Вот почему они, хотя и понимают политику русского правительства, но выступают в качестве ультра-руссофилов. Руссофобы же ищут поддержки принца Фердинанда и всех монархических элементов. Поэтому их агитация против влияния русского правительства в Болгарии и против его политики — безуспешна. Лишь беспощадная критика рабочей социал-демократической партии открывает глаза болгарскому пролетариату, который еще молод, а потому на многое, в том числе и на политику русского правительства, смотрит еще с точки зрения мелкой буржуазии.

Многие даже из наших западно-европейских товарищей, социал-демократов, составили себе убежде-

переживаете нравственные муки. Иначе я не уважал бы в вас человека, но что же делать, г. N, когда иного спасения для вас не существует... Только искреннее раскаяние может вас спасти... Помните: «сердце царево в руце божией»... Я не выдержал и расхохотался... Зубатов вскочил, как бешеный, и закричал: «Вы, г. N, настоящий революционер! Помните, что у правительства помимо тюрьмы имеется и крепость... Мое последнее слово: подумайте серьезно о вашем положении... Я исполнил свой нравственный долг!..» На следующий день Зубатов явился ко мне в камеру. Любезен он был до крайности... «Вы не курите?.. Пожалуйста, не угодно ли?.. Да вы не бойтесь, это не папиросы откровения (?)... Ну, как, г. N, думали вы о своем положении? Я надеюсь, что вы оценили мои искренние советы. Ведь ваше упорное молчание ни к чему не приведет... только вместо одного месяца тюрьмы посидите год-два в крепости, а затем на всю жизнь останетесь с бубновым тузом... Ведь против вас у нас имеются очень серьезные улики»... Желая убедить меня, что «мы все знаем», он привел ряд фактов из моей деятельности, которые меня убедили, что в нашей среде оказался провокатор. Конечно, это обстоятельство подействовало на меня удручающим образом, что, повидимому, отразилось на моем лице. Зубатов, ласково улыбаясь, сказал: «Ну вот вы, г. N, сами видите, как мы близко знакомы, точно вместе жили... Бросьте, г. N, всю эту революцию... ни к чему хорошему это не приведет... Правительство давно бы ввело либеральные реформы и улучшило положение рабочих, если бы не ваши революционные затеи, которые заставляют правительство быть постоянно на страже и видеть революцию даже там, где ее, может-быть, и нет... Ну, как же, г. N.?» Я ответил, что никаких показаний давать не буду и он совершенно бесполезно себя утруждает. Зубатов вышел из камеры, злобно проворчав: «Жаль, г. N., жаль... погубили себя»...

Подобные «беседы» передавали и другие рабочие.

Еврейский погром в Гомеле. По поводу последних столкновений между христианами и евреями, имевших место 29 августа и 1 сентября, появилось два правительственных сообщения... Дело началось, как пишет «Прав. Вестн.», ссорой между одним крестьянином и торговкой-еврейкой; ссора перешла в драку русских с евреями. «При восстановлении порядка из толпы евреев были брошены в полицейский наряд камни и произведен выстрел из револьвера, на который полицейские чины ответили выстрелами на воздух». 1 сентября «русские рабочие, мстя за нанесенные им 29 августа обиды, произвели буйства и стали разбивать еврейские квартиры и лавки». «Во время прекращения беспорядков евреи, вооруженные ножами, кинжалами, кистенями и револьверами, оказывали сопротивление не допускавшим их до свалки с христианами войскам, причем стреляли в нижних чинов из домов и из-за заборов». Во время драки и «подавления беспорядков войсками» убито четыре христианина и пять евреев, ранено семь христиан и семь евреев. «Число приведенных в известность разгромленных домов и лавок достигает 200». «По отзывам войсковых начальников и лиц судебного ведомства действия полиции при подавлении беспорядков представляются безупречными». «Причины беспорядков, по общему убеждению благонамеренной части населения, — крайне враждебные и вызывающие отношения к христианам со стороны местных евреев».

Нами не получено еще «неофициальных» сведений о гомельском погроме, но уже и это правительственное сообщение дает пищу для размышления. 29 августа завязалась драка между русскими и евреями — явление, довольно частое в черте оседлости. Но вот через три дня русские рабочие вспоминают нанесенную им обиду и начинают еврейский погром. Полиция, действия которой оказались «безупречны», позволяет буянам разгромить до 200 квартир и лавок, и только тогда появляются войска для укрощения... но кого? Появление войск об'ясняется, повидимому, тем, что евреи вооружились и пытались отстаивать свое добро и жизнь. Когда войска «не допустили евреев до свалки с христианами», или, что то же, до самозащиты,— евреи обратили оружие против войск: ведь нельзя же предположить, чтобы евреи стреляли в солдат и полицию, защищавших их и их имущество от громил. Вот как представляется картина людям, знакомым с житейскими и литературными приемами русского правительства.

ние, что повстание в Македонии поддерживается русским правительством через болгарское. Это ошибочно. Как мы видели, отношения русского правительства к Болгарии, его коварство привели действительно к нынешнему повстанию в Македонии и Адрианопольском вилаете. Но русское правительство не только не поддерживает его, а, напротив, дало Турции картбланш для подавления его и для истребления болгарского населения. А теперь толкает ее к войне с Болгарией. русское правительство желает сохранить statusquo на Балканском полуострове и всеми силами будет противиться освобождению Македонии.

Поэтому освобождение Македонии было бы поражением для русского правительства и вообще для русского монархизма. С другой стороны, Македония — страна богатая, способная к культурному развитию. Освобождение ее дало бы ей толчок в этом направлении. Кроме того, разрешение македонского вопроса в смысле предоставления Македонии полной автономии успокоило бы и другие мелкие соседние государства и дало бы им возможность мирно развиваться.

Конечно, разрешение македонского вопроса не есть еще разрешение так называемого «восточного», или, лучше сказать, «балканского вопроса». Суть этого последнего заключается в том, кому из европейских правительств владеть Балканским полуостровом. На Балканском полуострове сталкиваются интересы европейских капиталистических стран, и, надо полагать, он, рано или поздно, будет завоеван ими и поделен. Культурное развитие от этого не пострадает, конечно. Но освобождение Македонии не явится ведь препятствием на пути к подобному разрешению «балканского вопроса», скорее, напротив, поможет ему. Но капиталистическая буржуазия теперь так грубо эгоистична и нерешительна, когда дело касается какого-либо культурного вопроса, что предпочитает statusquo вмешательству в пользу автономии Македонии. Только международная социал-демократия способна ныне поднять голос протеста против зверств в турецких провинциях Европы, против поощрения их буржуазными правительствами и энергично высказаться за освобождение стран, борющихся за свою свободу и более высокое культурное существование.

[Д. Благоев]

В гомельском происшествии мы с удовольствием отмечаем один факт: повидимому, еврейское население убедилось, что смирением и покорностью оно ничего не добьется и что при разбойничьем нападении нужно защищаться вооруженной рукой. И мы убеждены, что если на этот раз еврейский погром ограничился, говоря словами «Прав. Вестн.», «сравнительно незначительным районом», то единственно благодаря вооруженной самозащите, вызвавшей вмешательство войск, после которого продолжение разгрома стало невозможным.

Письмо еврея-демократа. М. Г.! Г-н редактор. Имею честь выразить свою солидарность с принципами и идеалами, проведенными в вашем журнале. Не встречая в нем ни слова о Керчи, я предположил, что вам ничего неизвестно о местном движении, обнимающем все слои нашего общества. Первыми в нашем городе носителями идеи освобождения явились студенты, «водворенные на место жительства». С непрестанным рвением разносили они «заразу» — словом и делом, распространяя в большом количестве прокламации, на которые народ накидывается с жадностью (значит семя попало на хорошую почву). Они шли на поденную работу в наш металлургический завод (теперь закрытый по случаю общего металлургического кризиса) и привлекли на свою сторону несколько тысяч рабочих, которые на Пасху готовили большую демонстрацию, но были отрезаны от города войсками, которые окружили завод «цепью» и никого из рабочих не пускали в город. Хотя, к сожалению, у нас еще не было ни одной демонстрации, но дело подвигается вперед: все глубже проникает в сознание массы идея о свободе. В первых числах июня этого года была выпущена прокламация, призывавшая рабочих нашей табачной фабрики к забастовке. На фабрике около 1000 человек, но преобладают женщины и подростки, и забастовка не могла состояться. Одна из этих прокламаций * попала в руки самого фабриканта — он ее передал жандармскому офицеру — и пошли обыски и аресты. Были арестованы 21 человек, через неделю всех выпустили, за исключением одного, у которого нашли немного литературы. Некоторых арестованных я могу назвать: Яковлев (рабочий), Хенвун (заготовщик), Позин, Шимкин (фармацевт), Лиговский (приказчик одежного магазина, поддерживает целую семью, теперь хозяин его уволил), Рабинович (переплетчик, остался в тюрьме); девицы: Стрилько (с домашним образованием) и Хорош (модистка). Эти аресты стоили демонстрации; арестованных возили поодиночке в одноконных экипажах совершенно открыто, и до тюрьмы нужно было проехать самые многолюдные улицы города. Было утро — когда улицы города особенно оживлены — и много публики, шедшей на базар, видели это зрелище. Арестованные были веселы, улыбались, многим кланялись. Приезжая в тюрьму, они чувствовали себя, как будто приехали на торжество (и разве это не торжество?), друг друга поздравляли с новосельем, справлялись у «начальства», готовы ли для них «кабинеты». Будучи в одиночном заключении, но при общем коридоре, сообща пели «Марсельезу». Симпатии населения были на стороне арестованных и, по выходе последних из тюрьмы, на них смотрели как на героев. Большинство арестованных еврейского происхождения. Кишиневское событие заставляет всякого сознательного еврея стать социал-демократом. Пока только грабили евреев, они еще могли молчать, но теперь, когда много жен и дочерей еврейских изнасиловано, много близких убито, когда в России нет закона, который бы их защитил, — евреи должны примкнуть к движению, которое хочет и может истребить зло в самом корне. Да здравствует Революция! Пусть закипит в евреях кровь Маккавеев и смоет позорную обиду и поруганную честь!

Керчанин.

Второй с'езд Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ [19]. В конце 1902—1903 г. состоялся второй с'езд Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ. На нем присутствовали представители от всех крупных организаций Группы, насчитывающих не менее 300 членов. Менее крупные организации поручили Ц. К. Группы представить их на с'езде. С'езд отличался большим оживлением и разнообразием обсуждавшихся вопросов. Первое заседание с'езда было открыто вступительным словом представителя Ц. К. Указавши на громадное значение с'ездов для русских революционных организаций, докладчик изложил в общих чертах историю возникновения и развития Группы, постановления первого с'езда и вслед затем сообщил данные о деятельности Ц. К. за истекший 1902—1903 акад. год. Тотчас после первого с'езда Ц. К. энергично принялся за установление связей, за издание листков и брошюр, доставку и распространение нелегальной литературы и упрочение связей между организациями Группы и партийными организациями. В настоящее время имеются связи и распространяются издания Группы и вообще нелегальная литература в 11 городах юга России, причем в некоторых из них имеются уже довольно крупные и прочные организации. С октября 1902 г. по июнь 1903 г. Ц. К. издал и распространил около 4.000 листков и воззваний к учащейся молодежи. Одни из них касались специально школьной жизни (4 «Летучих Листка»-бюллетеня, воззвание по поводу самоубийства средне-техника Холодникова), другие об'ясняли вопросы общерусской жизни (о первом марта, о ростовской демонстрации 2 марта, о майском празднике, листок Организационн. Комитета Р. С.-Д. Р. П., о 19 февраля и о кишиневском погроме). Кроме того, были изданы три программные заявления («Искра» №№ 29, 36, 43) и переиздано «Письмо русских писателей» о 4 марта 1901 г. Последнее воззвание было обращено к выпуску учащихся средних школ 1903 г. и распространено в значительном количестве в девяти городах юга России. Число экземпляров каждого воззвания росло с каждым месяцем. Первомайское воззвание вышло в количестве 560 экземпляров. Из периодических изданий в сравнительно значительном количестве распространялись «Искра» и «Южный Рабочий» [20], в небольшом количестве — «Заря» [21] (№№ 2—3 и 4). Распространялись также последние №№ «Освобождения» [22] и «Рев. России». Из брошюр распространялись как издания рабочей библиотеки, так и научные труды Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова и др. Ц. К. была выработана также программа чтения по литературе XIX века. В истекшем году Ц. К. было собрано и израсходовано на разные нужды около 300 рублей.

Второй доклад Ц. К. был посвящен обзору деятельности и направлений других районных организаций русской учащейся молодежи—Харьковского Союза Учащихся, с.-петербургской организации средне-учебных заведений и Киевского Центр. Отдел. об'единенных организаций и кружков средне-учебных заведений. С этими организациями весь год поддерживались сношения. Был даже с'езд из представителей всех этих организаций, не приведший однако ни к каким существенным результатам. В конце академического года Ц. К. Группы была послана для второго с'езда Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии докладная записка о необходимости для партии взять на себя организацию молодежи.

В том же заседании были заслушаны отчеты местных организаций Группы, изобиловавшие очень интересными фактами и выводами. Везде движение среди молодежи начиналось с небольших групп и охватывало постепенно все большие массы. В настоящее время в организациях Группы насчитывается до 40 кружков, с количеством участников не менее 500 человек, из них около 40% лиц женского пола. В кружки входят учащиеся в разных средних школах: гимназисты и гимназистки, реалисты, средне-техники, учащиеся в учительских семинариях и низших технических училищах; кроме того, экстерны и вообще ин-

---

* Эти прокламации были розданы следующим образом: в восемь часов вечера, при выходе из фабрики, поставили мальчика, который кричал «Американский цирк» и раздавал с улицы (будто бы об'явления) всем рабочим по одной и тут же самому хозяину. Мальчика взяли в участок. Он говорил: «Мне один господин дал 20 коп., чтобы я роздал эти афиши, а кто он, не знаю». Его через два часа выпустили.

теллигентная молодежь. По характеру своему кружки разделяются на два типа: кружки из более юной молодежи, только что начинающей жить сознательной жизнью, ищущей выхода из тьмы противоречий окружающей ее действительности, не занимаются еще систематическим изучением социального вопроса; предмет их занятий — история русского общественного самосознания, русская литература. Знакомясь с русской литературой, молодежь изучает различные этапы в развитии русской мысли, приучается видеть в них отражение породивших их общественных отношений. Не оставляется без внимания и революционное воспитание молодежи; ее внимание обращается постоянно на тяжелое положение низших классов русского народа, на все растущую противоположность между их нищетою и роскошью господствующих классов. Кружки же из сознательной молодежи, поставившей уже себе целью жизни — борьбу за освобождение пролетариата, приступают к всестороннему изучению социального вопроса; предмет их занятий — политическая экономия, социология, наконец социализм и освободительные движения последних двух столетий. Наиболее сознательная часть молодежи детально знакомится с программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии, ее тактикой и организацией. Все отчеты констатируют слабое до сих пор воздействие партийных организаций на учащуюся молодежь.

По прочтении всех докладов была принята следующая резолюция: «С'езд видит коренную причину столь сильного роста организаций учащейся молодежи в широком развитии русского революционного движения, заставившем русскую учащуюся молодежь признать необходимость притти на помощь низшим классам русского народа в их борьбе с экономическим и политическим гнетом и эксплоатацией,— а также в невыносимом гнете школьного режима, сеющем среди молодежи дух недовольства и протеста».

Второй день был посвящен обсуждению программы Группы и вопросу о школьной борьбе. После продолжительных и оживленных дебатов единогласно были приняты следующие резолюции:

О программе Группы: «Признавая необходимым подготовить русскую учащуюся молодежь к сознательной борьбе за освобождение пролетариата от всех сковывающих его уз политического и экономического рабства; признавая, что полное освобождение пролетариата невозможно без низвержения существующего буржуазного строя, без социальной революции; признавая, что для свободного развития классовой борьбы русского пролетариата, как в городе, так и в деревне, необходимо его полное политическое освобождение, достижение им политической свободы; признавая необходимым удержать русскую молодежь от мирной культурной работы, совершенно невозможной при современном самодержавно-бюрократическом строе России; признавая необходимым уберечь русскую учащуюся молодежь от увлечения идеями русского либерализма, не идущего в своих стремлениях далее буржуазно-конституционных идеалов, а также от увлечения шумною проповедью партии, именующей себя «партией социалистов-революционеров», проповедью, затемняющею классовое самосознание русского пролетариата и дезорганизующим образом действующею на развитие его освободительного движения, — с'езд признает неотложною необходимостью пропаганду среди молодежи принципов пролетарского социализма, единственною носительницею которых, по убеждению с'езда, является Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия. Заявляя о полной солидарности своих взглядов с программой Росс. Соц.-Дем. Рабоч. Партии, с'езд присоединяется ко всем программным заявлениям, опубликованным Ц. К. Группы в 1902—1903 акад. году («Искра» №№ 29, 36, 43)».

По вопросу о школьной борьбе была принята следующая резолюция:

«Признавая, что режим, существующий в наших средних школах, является в руках правительства средством для выработки из молодежи верных слуг самодержавию, православию и народности, для удержания ее от революционной борьбы, и таким образом тесно связан со всем социально-политическим строем самодержавной России; предвидя, что в своей борьбе с развитием революционного самосознания среди учащихся средних школ самодержавие постарается усилением гнета школьного режима заглушить начавшееся движение молодежи, — с'езд приглашает молодежь, учащуюся в средних школах, воздерживаться от непосредственной борьбы со школьным режимом, не могущей принести ей никаких существенных результатов, а, с другой стороны, своими последствиями тяжело отзывающейся на лучшей ее части, и посвятить все свои силы на подготовку к борьбе, которая уничтожит произвол и насилие во всех сферах русской жизни. Вместе с тем с'езд предлагает всем руководящим организациям учащейся молодежи использовать все проявления недовольства школьным режимом среди русской учащейся молодежи в целях развития ее революционного самосознания».

На третьем и последнем заседании с'ездом был рассмотрен и принят проект устава Группы, предложенный Ц. К. Затем был рассмотрен целый ряд организационных вопросов, по которым были приняты соответствующие резолюции. Приводим те из них, которые могут быть опубликованы в настоящее время.

По вопросу об об'единении всех социал-демократических организаций молодежи: «Признавая необходимым об'единение всех руководящих организаций русской учащейся молодежи, по своим воззрениям примыкающих к Росс. С.-Д. Р. П., в одну общерусскую организацию, — с'езд поручает Ц. К. Группы провести это свое решение в жизнь».

По вопросу об изменении названия Группы: «Принимая во внимание, что Группа ведет пропаганду социалистических принципов не только среди учащихся средних школ, но вообще среди всей русской учащейся молодежи и что Группа не представляет из себя союз учащихся средних школ, как таковых, — с'езд признает необходимым переименовать Южно-Русскую Группу Учащихся Средних Школ в Южно-Русскую Группу Учащейся Молодежи».

В заключение единогласно была принята следующая резолюция по поводу циркуляра министра народного просвещения от 29 июня 1903 г.: «С'езд клеймит последний циркуляр министра народного просвещения — тщетную попытку заглушить развитие революционного самосознания среди русской учащейся молодежи; с'езд уверен, что никакие меры правительства, как бы гнусны они ни были, не смогут удержать молодежь от стремления к революционной борьбе».

После обсуждения инструкций Ц. К. и всем местным комитетам Группы с'езд, выразивши полное доверие Ц. К., выбранному первым с'ездом Группы и действовавшему в течение 1902—1903 акад. года, продолжил его полномочия на 1903—1904 ак. г. и поручил ему организовать третий с'езд Группы.

Затем председатель об'явил II с'езд Группы закрытым.

Август 1903 г.

Центральный Комитет Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи.

Перепечатывая с гектографированного листка это сообщение Ц. К. Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи, мы, с своей стороны, шлем горячее приветствие нашим молодым товарищам и пожелание дальнейших успехов в их работе.

Ярославль. Следующий инцидент произошел здесь в конце июня в военном лагере. Как вам известно, с прошлого года для студентов-первокурсников Военно-Медицинской Академии введены обязательные лагерные сборы. В лагерях студенты проходят строевую службу, гимнастику и проч. В прошлом году военное начальство осталось очень довольно медиками, аттестуя их как корректных, воспитанных молодых людей, безропотно выносивших тяжелую ферулу военной дисциплины. В этом году медики не оправдали возлагавшихся на них надежд. Всех медиков в этом году было в лагере 170 человек. Для строевых занятий они были разбиты на четыре группы и прикомандированы к четырем полкам. В один прекрасный день к медикам Астраханского полка, обучавшимся в поле, под'ехал командир этого полка Добрышин и поздоровался с ними. По военному уставу, когда начальство здоровается и осматривает солдат, нужно «есть начальство глазами», т. е. смотреть в сторону начальника. Один медик не сделал

этого и по рассеянности смотрел куда-то в поле, только не на строгое начальство.

Такое «преступление» вызвало со стороны Добрышина дикий окрик: «Эй! Вы, господин с длинным носом, куда смотрите?» Медиков возмутило такое бесцеремонное скалозубовское обращение, и, по окончании учения, они решили выразить Добрышину свой протест: именно на приветствие Добрышина отвечать молчанием. О таковом решении медиков скоро узнали офицеры, обучавшие медиков, и донесли об этом Добрышину, предлагая ему на следующий день не здороваться с медиками, чтобы не нарваться на скандал. Такое предложение еще больше озлило Добрышина. На следующий день разыгралась история. Добрышин приехал к медикам Астраханского полка, здоровается с ними — гробовое молчание. Взбешенный, он мчится к медикам Малороссийского полка, тоже здоровается — и тоже молчание; наконец, летит он к Сибирскому полку, но здесь медики ответили ему на приветствие. После учения медики устроили сходку (около 100 человек), на этой сходке пели «Дубинушку», а потом рабочую «Марсельезу». Во время исполнения последней мимо сходки проходили два офицера — Шишкин и Хайбетов (эти имена должны быть увековечены), оба врываются в центр сходки, Хайбетов с руганью кричит, что он не позволит петь «Марсельезу». Произошло крупное об'яснение между зарвавшимся нахалом-офицером и студентами. Возмущенные таким нахальством, студенты сначала хотели продолжать протест в форме невыхода на учение, но потом почему-то раздумали. Шишкин и Хайбетов рапортом донесли по начальству о сходке. Студенты, бывшие на сходке, переписаны и подвергнуты дисциплинарному наказанию. По делу об ответе молчанием на приветствие начальства производится дознание, которое ведет военный следователь. К ответственности собираются привлечь 30 студентов, как зачинщиков, и судить их военно-окружным судом. Наказание, грозящее студентам, — 3 месяца одиночной военной тюрьмы. По слухам, с своей стороны, академия решила уволить этих зачинщиков.

Либава, 24 августа (ст. ст.). Мы осчастливлены: город наш удостоили посещением царь, царица и вдовствующая государыня, понятно в сопровождении своих свит и прочего лакействующего «начальства»; приехали они сюда по приглашению курляндского дворянства к освещению сооруженного в гавани морского собора. На украшение город не поскупился; главные улицы украшены арками из зелени; дома расцвечены флагами; из окон магазинов глядят рожи «царствующей фамилии»; плафоны, павильоны и т. п. хлам виднеются повсюду. Публики понаехало масса, все — «знать», шпики и полиция. Встречи, так же, как и проезд «высоких» гостей по улицам города, сопровождались понятно ревом «ура»: шпики и полиция выводили соло, а «народ» им вторил. Не обошлось без речей и подношений. Здешние еврейские холопы, между прочим, поднесли тору в серебряной оправе; как видно, недавняя кишиневская резня прошла для них бесследно, не научив их ничему. Здешние лавочники и содержатели гостиниц остались очень довольны происшедшим событием. Это дало им нежданный экстренный доход, принимая во внимание те неимоверные цены, которые они (особенно последние) брали. Уехали отсюда «гости» по железной дороге. По всей линии поэтому были расставлены караульные солдаты. Немало их пригнали и в город, причем поселили их в воинских (тех же товарных) вагонах, где они с одинаковым удобством могли спать сидя, лежа или стоя. Само собой разумеется, что для офицеров и прочего чина квартиры нашлись. Сегодня «царственные гости» изволили отсюда отбыть, и город начинает принимать свою обыкновенную слащаво-провинциальную физиономию. Со всеми царь был любезен и милостив; особенно он благоволил к курляндскому дворянству. При теперешних тяжелых временах, как видно, опять выплывает старая «мудрая» пословица: «не плюй в колодезь, пригодится воды напиться».

Воронеж, 24 августа. Сегодня приехали из Харькова осужденные по политическому процессу: Земин, Чернышев и Руднев. Они были преданы суду Харьковской судебной палаты с сословными представителями за печатание и распространение первомайских прокламаций. Суд был 21 авг. Защищали Карякин, Муравьев и Маклаков. Приговоры: Руднев — 1½ г. тюрьмы, Чернышев — 1½ г. тюрьмы и Земин (раб.) — 3 года арестантских рот с лишением некоторых прав. (Между прочим, их обвиняли в том, что они и разбрасывали эти прокламации; какой-то чиновник почтовой конторы, кажется Знаменский, найдя в почтовом ящике две прокламации, снес их жандармам; но от этого пункта обвинения товарищ прокурора отказался).

Тверь. В ночь с 12 на 13 наш сонный городок представлял собою небывалое зрелище. Все улицы были переполнены жандармами и полицией, которые в поте лица своего трудились над искоренением тверской крамолы. Руководствуясь тем, что революцией теперь захвачен и стар и млад, наши жандармы арестовали земского старичка и старуху 60 лет и подвергли обыску одного революционера в пеленках, которому на-днях исполнится месяц от роду. В общей сложности забрано чел. 30, с сосенки да с бору, а обысков было до 60. Для Твери это небывалый провал. Полиция и жандармы ведут себя непозволительно даже с точки зрения российских законов. При обыске они выламывали двери, ругались площадной бранью, врывались ночью в дома арестованных, будили женщин и детей и тут же устраивали допросы. Родственникам и заключенным жандармский полковник Уранов неизменно отвечает, что книг, вещей и денег принимать не будет, что сгноит всех в тюрьме, сошлет на каторгу. Все эти арестованные старички и обысканные младенцы так подействовали на воображение «оппозиционных элементов», что все отказываются даже от тех ничтожных услуг, какие они оказывали нашей организации. Самому бы Струве нарадоваться на своих либералов... Работы теперь здесь пропасть, нужны силы извне, главным образом рабочие, которые могли бы взять на себя руководящую роль в массе.

Местные рабочие интересуются очень событиями на юге, на юг вообще смотрят как на землю обетованную, до которой нам, северянам, никогда не дорасти. Хорошо бы выпустить брошюру с раз'яснением значения небывалого роста движения на юге и отсталости этого движения на севере. Такая брошюра крайне необходима для всего северного ткацкого района. Также необходимо отозваться брошюрой на многочисленную зубатовскую литературу. «Лиса Патрикеевна» зачитывается до дыр. Брошюра Ленина «К деревенской бедноте» только недавно дошла до нас в ограниченном количестве экземпляров и произвела фурор.

Мелитополь. В ночь с 9 на 10 августа было произведено около 15 обысков. Арестованы: Н. Вайнер (конторщица), А. Ельяшевич (наборщ.), Блукин (механик), Снеймер (инт.), Степан Шпак (раб.), Е. Эпштейн (выпущ.). У некоторых из арестованных найдена «Искра» и др. издания. Полиция была согнана из всего уезда. Жандармы, становые, урядники, даже городовые погрузились головой в конспирацию: то-и-дело шмыгают на фаэтонах, шушукаются на перекрестках. Какие-то подозрительные суб'екты «с беспокойной наглостью взгляда» фланируют по городу. «Славная стая» ищет материала, чтобы создать «дело». Жандармское рвение дошло даже до того, что с арестованных были сняты антропометрические измерения — последнее слово жандармской науки! (Общее распоряжение деп. пол. — Ред.). Ходят слухи, что арестованные начали голодовку. Причины неизвестны.

Ялта. В конце учебного года вышел у нас в отставку директор мужской гимназии Преображенский — человек довольно бесхарактерный, чиновник до мозга костей. Как директор он был хорош тем, что сравнительно мало давал себя чувствовать. Однако целый ряд «докладов по начальству» в просторечьи — (доносов), сыпавшихся на него со всех сторон в последнее время, делали тщетными все его старания сохранить за собой теплое местечко еще на пятилетний срок. Решающую роль сыграл тут донос самого таврического губернатора г. Трепова. В приезд свой в Ялту этот господин заметил, как он жаловался впоследствии, полный упадок дисциплины среди учащихся, выра-

зившийся в том, что при его приезде они не вытягиваются во фронт и не снимают фуражек. Напрасно оправдывались дети тем, что не знают его в лицо, так как и назначен-то он недавно; «рьяный блюститель» видит в этом следы «столь же безрассудного, сколь и преступного движения» — и в результате доклад в округ, решающий судьбу директора. Нового директора пока нет; но в каком духе будет «начальство», можно предвидеть по личности и «мероприятиям» только-что назначенного сюда инспектора Тюльпанова, бывшего преподавателя русской словесности в Ришельевской гимназии в Одессе. Перед от'ездом на место нового назначения г. Тюльпанов представился попечителю округа, который, предоставив ему самые широкие полномочия, взял с него торжественное обещание «поднять гимназию» и «очистить ее от всякой крамолы». Прибыв в Ялту, г. Тюльпанов немедленно имеет совещание с членом совета мин. народного просвещения графом Мусиным-Пушкиным и просит у этого последнего разрешить прибегнуть в своей «чистительной» работе к содействию полиции, в чем почтенный граф не находит, разумеется, ничего предосудительного, рекомендуя лишь обратиться еще к губернатору. И вот в первый же приезд губернатора в Ялту г. Тюльпанов у него с всепокорнейшей просьбой. Но, о ужас! то, что так улыбалось воспитателю российской молодежи, начальнику губернской полиции кажется... «как-то не совсем совместимым с достоинством школы». Однако, к счастью, скоро сраженный красноречием педагога, г. Трепов, вполне постигнув все преимущества полицейской слежки за учащимися, другими словами, уяснив себе, повидимому, смысл последнего циркуляра мин. о полицейском сердечном попечении, дал свою санкцию, но с тем все-таки, «чтоб это было неофициально»: «между нами, знаете ли, а то как-то неудобно». Действительно неудобно.

Борьба из-за паспортов.

Секретно.

М. В. Д.
Департ. Полиции
по особому отделу.
18 мая 1903 г.
№ 4765.

Гг. Губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам.

6 мая 1903 г. на Сенной площади г. Киева два неизвестных человека, посредством обмана, получили от крестьянина села Зраек, Кашперовской волости, Таращанского уезда, Семена Ефимова Марчука, годовой паспорт, выданный месяца два тому назад вышеупомянутым волостным правлением, а затем неизвестно куда скрылись. Принимая во внимание, что вышеупомянутым паспортом, по всем вероятиям, воспользовались кто-либо из нелегальных с преступными целями, деп. полиции имеет честь покорнейше просить вас сделать распоряжение об учреждении наблюдения за прибытием во вверенную вам область лица, имеющего при себе паспорт, выданный на имя Семена Марчука, а по обнаружении его подвергнуть задержанию и принять меры по установлению самоличности, уведомив о сем департамент.

Подписал: директор Лопухин. Верно: за завед. отд. Пешков. Сверял: пом. делопр. Саргано.

Восточная Сибирь (из письма ссыльного). Здесь получен на-днях секретный циркуляр следующего содержания: вновь приезжающих ссыльных размещать по отдаленным местам (среди инородцев), дабы они не могли оказать вредного влияния на население своей пропагандой; во всяком случае, не оставлять их в таких местах, где имеются средне-учебные заведения. Говорят, против Пантелеева выставлено было 8 обвинительных пунктов, среди которых фигурировали следующие факты: 1) в течение года из Сибири бежали 70 ссыльных, 2) ссыльные довольно успешно ведут пропаганду среди сибиряков, 3) красноярская история в марте... Кутаисов назначен для укрощения ссыльных. Он, говорят, большой поклонник Мещерского... Поговаривают о возобновлении ссылки в Обдорск. В Туруханск уже отправлено несколько человек (кажется, четверо).

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Вскоре после нашей последней статьи были «официально» опубликованы (наконец-то) имена финляндских изгнанников, вынужденных палачами Финляндии за весну и лето покинуть отчизну. В этой второй группе опущены лица, которых приказано было арестовать в случае возвращения их из-за границы в Финляндию. Общее число всех «официально» высланных достигает 25. После этого 28 августа (нов. ст.) приказание удалиться в изгнание получили три члена выборгского магистрата гг. К. Седергельм, А. Аминов и О. Окессон, причем двум первым на от'езд назначен недельный, а последнему — трехдневный срок. Несколько времени тому назад «Финляндская Газета» «официально» сообщала о «преступлениях» выборгского магистрата, навлекшего на себя гнев Николая II за отказ исполнить беззаконные приказания беззаконного русского чиновника Фукса. Пародия «на местное правительство» — нынешний финляндский сенат — не только не попытался принять мер против применения этой диктаторской власти русского сатрапа, но, повидимому, даже одобряет ее и принимает посильное участие,—разумеется не официально, — в этой „полезной“ политической травле истинных финляндских патриотов и граждан.

Бобриков и его сподручные широко воспользовались своим новым «правом» отменять решения самоуправляющихся общин, запретив выдавать уволенным весною царем (т. е. Плеве) бургомистрам жалованье, пенсию и т. п. Это мероприятие обер-палач предложил сенату применить по отношению к бывшим бургомистрам: гельсингфорскому — Эману и гангескому — Стенстрему. Раньше подобное распоряжение было сделано относительно остальных бургомистров.

«Верные» царские слуги повсюду суют свой нос. На-днях один цензор в сопровождении полицейского комиссара и городового совершил нашествие в грандиозную гельсингфорскую народную библиотеку, которая властью так назыв. нюландского губернатора Кайгородова была закрыта два дня, пока этот почтенный критик выбирал все вредные для народа книги. Сему мужу не понравилось 49 томов, которые он и унес с собою. В библиотеке полиция разломала замок в одном шкафу, в котором находились запрещенные цензором раньше книги, а потому и не выдававшиеся публике. Теперь же цензору захотелось их попросту конфисковать, а так как ключ от злополучного шкафа был у жившего на даче библиотекаря, то решили прибегнуть к более энергичным мерам. Характерно, что цензор сваливал вину за закрытие библиотеки и взлом на полицию. Подобную операцию этот же самый господин произвел в двух пригородных отделениях народной библиотеки, причем в одном из них он соблагоизволил не одобрить 14 томов, а другим он остался доволен. Цензор-сыщик Бьеркстен действовал по распоряжению главного финляндского управления по делам печати. В Финляндии никогда не существовало особой цензуры для библиотек, но и это усовершенствование азиатской культуры, как видим, обрусители спешат пересадить на финляндскую почву. Кайгородов приказал еще в июле гельсингфорскому магистрату собрать точные сведения обо всех публичных библиотеках Гельсингфорса, но он не удовольствовался одними лишь статистическими данными. Ему понадобились самые точные списки вла-

дельцев всех библиотек, в которые так или иначе имеет доступ публика.

Вопреки наивным мечтам консервативной партии старо-фенноманов, царское правительство дает все видные места в Финляндии русским. На-днях на пост главного директора правительственных железных дорог после Стремборга назначен русский полковник Драчевский.

Охотятся за так назыв. «нелегальной» финляндской литературой, но до сих пор их старания не увенчались особым успехом. Несмотря на все их попытки, «нелегальные» шведские и финские газеты выходят преисправно до четырех раз в месяц и во-время доставляются подписчикам. Поэтому легко можно себе вообразить радость царских сыщиков, когда они по доносу 21 июля (нов. ст.) произвели обыск у брандмейстера г. Або Сольмана и нашли несколько десятков «Fria Ord»[23], разложенных в конверты для абоских подписчиков. С 24 июля он сидит в абоской тюрьме и обвиняется в распространении нелегальной литературы, противоправительственной агитации и... в преступлении против величества. Его дело два раза уже разбиралось ратгаузским абоским судом, но еще не окончено. Кроме того, Сенат вошел с особым представлением к царю о возобновлении дела по последнему пункту, так как Сольман, дескать, провинился, между прочим, против самого Ники. Судя по судебным отчетам, обвиняемый вел себя превосходно на жандармских допросах и во время обыска, против которого он протестовал. Совсем иначе поступила большая часть пожарных, которые откровенно показывали против своего бывшего начальника. Во время обыска пришел живший у С. исполнявший его должность губернский архивариус Вальстен. Последний осмелился не допустить конфискации пожарных книг, за что и поплатился лишением своего места.

Вообще за последнее время поработители Финляндии не раз имели случай ликовать. На-днях в газетах было опубликовано всемилостивейшее прощение Бобриковым 328 юношей, не явившихся в 1902 г. в призывные по воинской повинности присутствия, а теперь раскаявшихся. Недавно так же поступило 79 человек. Подобные грустные явления следует в значительной степени приписать контр-агитации старо-фенноманов, все еще чающих от клятвопреступника «великих и богатых милостей». Вообще с весны началась в Финляндии реакция и наступило переходное время. Близкое будущее покажет, какое направление должна принять борьба финляндцев с российским самодержавием.

Число финляндских эмигрантов, уехавших через Ганге в Америку, с 1 января по 1 августа достигло 12.185 человек, кроме того, многие эмигрировали без паспортов. Вот одно из последствий разгрома Финляндии.

Преследуя «агитаторов», самодержавие милует всех финляндских изменников. Так, на-днях об'явлены милости: медали и денежные награды 12 лицам — главным образом городовым — за содействие проведению нового «закона» Куропаткина. Тот рабочий Лайне, который произнес весной речи от лица облагодетельствованных Бобриковым пострадавших от безработицы рабочих, вскоре после окончания этого чудесного насыщения в казармах, сделался сыщиком и подал, между прочим, ложный донос на одного рабочего за противоправительственную агитацию. Истраченные на кормление средства Бобриков покрыл из финляндской казны, хотя в свое время чего только ни говорилось по этому поводу о великодушии русского царя! Он щедр на народные деньги. Можно ли после этого сомневаться в провокаторском назначении странной благотворительности Бобрикова? (См. № 37).

P. S. С 17 по 20 августа (нов. ст.) в фабричном местечке Форсса состоялся второй конгресс финляндской рабочей партии[24]. В нем приняло участие 96 представителей от 48 рабочих союзов. Этот конгресс, бесспорно, останется навсегда памятным в истории финляндского рабочего движения: на нем партия приняла наименование Соц.-Дем. Финляндской Партии и утвердила выработанный комиссией проект программы соц.-дем. партии. По разным соображениям мы откладываем перевод этой обширной программы (из четырех отделений) до следующего номера. Тогда же в специальной статье мы предполагаем познакомить читателя и с некоторыми другими вопросами, связанными с конгрессом.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Екатеринослав (рассказ участника событий; см. № 47).

На следующий день, в субботу 9 августа, заводские поселки были окружены плотным кольцом солдат, которые очень немногих пропускали из города в селения и никого обратно. Ораторы разными обходными путями все же проникли туда и таким же образом вернулись в город. Внутри поселков были казаки и полиция. Стачечная комиссия, не имея надежды провести толпу в город через цепь солдат (Амур отделен от гор. Днепром, мост через который был заполнен солдатами; Кайдаки лежат в 3—4 верстах от города, а на протяжении всего пути в Кайдаки также стояло войско), решила вести собрания на местах: Чечелевке, Кайдаках и Амуре. Надо было также организовать собрания для городских рабочих — в городе. Но для этого требовались большие организационные силы, которых у стачечной комиссии не было: город был на военном положении: забастовка совпала с моментом маневров войск. С 5 — 6 часов утра на Чечелевскую площадь у народного театра потянулись рабочие небольшими группами и в одиночку со слободок Фабричной, Шлистовки, Чечелевки и из города; собрание обещало быть грандиозным. Полиция, прекрасно знавшая и о собраниях в других местах, главные свои силы все же сосредоточила на Чечелевке, решив ни за что не допустить собрания здесь, и вся Чечелевская площадь была запружена войсками. На рабочих, идущих к площади, наскакивали казаки и полиция и били их нагайками. Полицмейстер же с кавалькадой городовых раз'езжал по Чечелевке и из встречающихся ему лиц по внешнему виду определял, кто враг царю и отечеству, и таких приказывал арестовывать. Но, не обладая духом настоящей ищейки, он во время охоты не раз прозевывал ораторов, покровительственно пропуская их, как неопасных людей. В 9 час. утра полицмейстер, довольный результатами своей работы, отправился в город триумфатором: сам впереди на паре, гордо развалясь в коляске, сзади него шли двое арестованных — мужчина и женщина, а дальше орава конных городовых. Войско и казаки остались на площади. Много рабочих разбрелось по домам, но немало все же продолжало толпиться на улицах Чечелевки. Казаки время от времени делают набеги на улицы поселка, кой-где рабочие разбегаются, кой-где они встречают казаков камнями, в последнем случае казаки вихрем летят назад. Подростки, как всегда, впереди старших, гикают, кувыркаются, дразнят казаков, бросают каменья в них. Ораторы пользуются скоплениями народа; там и

сям раздаются их горячие речи и призыв к борьбе, к продолжению стачки, к свержению самодержавного строя. В двух-трех местах образуются собрания по 200—500 человек в каждом, продолжаются часа по три, по четыре. Десятки раз раздаются боевые кличи, которые иногда прерываются казаками. Рабочие тогда скрываются в соседние дома, ворота и двери которых широко распахиваются для них и моментально же за ними накрепко запираются. Рабочее население Слободки хорошо знает свои обязанности, не в пример городским обывателям Екатеринослава, которые вели себя позорно в эти дни. На Кайдаках собралась толпа в четыре-пять тысяч, которая внимательно слушала оратора. Последний рисует неприглядную жизнь рабочих, указывает на необходимость изменения ее, формулирует главные требования, которые должны выставить рабочие во время стачки, и выясняет значение этих требований. Затем появляется полицейский, который раздает рабочим об'явление от губернатора о незаконности сходок и об ответственности, которой подвергаются нарушители порядка. Один из рабочих читает вслух это об'явление; нелестные и не вполне цензурные возгласы слышатся во время чтения; когда же чтец доходит до угроз, что будет пущено в ход холодное и огнестрельное оружие, многие из толпы приходят в бешенство: «Вас, негодяев, самих надо всех перебить! Кровопийцы, мало еще крови вы пили из нас...» и т. д. «Долой самодержавие! Долой царских опричников!» — раздаются крики из разных мест. Перед собранием новый оратор. Он поздравляет рабочих со всеобщей забастовкой г. Екатеринослава, с великой всеобщей забастовкой юга России, кратко рисует экономическое положение рабочих и указывает на стачку как на средство борьбы за лучшую долю. Затем он напоминает товарищам только-что прочитанное об'явление вице-губернатора, приводит закон о стачках и об'ясняет, кто в России издает законы. Далее он указывает на цепь солдат, окружающих поселок, и говорит об убитых за стачку, раз'ясняет, в чьих руках власть над солдатами, кто повелевает ими, и призывает собрание не страшиться назвать второго своего врага — царское правительство. Затем оратор рисует политический гнет в его целом и говорит о палачах и т. п., о стачках вообще и всеобщей стачке в частности, которую он приветствует как первый шаг борьбы массовой, борьбы не только экономической, но и политической; говорит о печати, народном образовании, о правовом положении рабочих и крестьян, о братоубийственной войне в Китае, о причинах, вызвавших ее; проводит идею единства рабочего класса всего мира; говорит о ненормальности расовой вражды рабочих России и из всего делает один вывод, что самодержавное правительство злейший враг рабочего класса. Возгласы «долой царство хищников!» «долой самодержавие!» много раз оглашают воздух. Многие после речи жали руку оратору. Следующий оратор говорил на ту же тему. Потом опять говорил первый оратор. Темой второй его речи было: «Кто наши внутренние враги». Оратор дает картину жизни трудящихся и эксплоататоров при теперешнем капиталистическом строе и рисует социалистический идеал будущего... «Я отдам тебе все свои четыре дома, дай только нам этот социализм», — крикнул кто-то из толпы (мастер, как после выяснилось). Оратор указал, что социал-демократическая партия ведет народ к этому будущему, что эта партия есть не только в России, но и в других государствах; всюду она встречает вражду капиталистов, а в России, сверх того, и ненависть самодержавия. Рассказывает он о гнусностях, проделываемых правительством по тюрьмам и ссылкам над борцами за социализм, и указывает, что в других государствах народ давно уже сверг самодержавие и управляется народным собранием — парламентом. Подробно об'ясняет, какой смысл кроется под словами «политическая свобода» и зачем она нужна рабочим. Речь свою оратор кончает словами, что наши внутренние враги не социал-демократы, как в этом хочет убедить правительство, а оно само, само русское самодержавие. «Да здравствует социализм! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!» — много раз повторяется толпой. Многие рабочие закричали: «Товарищ, об'ясни нам, как другие народы добыли свободу, мы хотим научиться у них». Оратор сильно устал, это заметили многие из толпы и крикнули, что надо дать отдохнуть оратору. Сколько трогательного внимания оказали ему рабочие! Оратора посадили на возвышенное место; образовали стражу, не допускавшую к оратору толпу, которая теснилась к нему и задавала разные вопросы по поводу речей; принесли воды, лимонада, пива для оратора. После получасового перерыва оратор ответил на вопрос толпы, как добыли себе право рабочие других стран, рассказал кратко о нескольких французских революциях, о революции 1848 года в Германии, указал на признак приближающейся революции у нас: на демонстрации, на ростовские события, на всеобщие забастовки на юге, на крестьянские волнения, на недовольство либеральных слоев общества и закончил речь возгласом: «Да здравствует революция! Да здравствуют всеобщие стачки!». Возгласы с энтузиазмом подхватываются толпой. Оратор собирается уйти, но толпа теснится к нему; иные просят, другие требуют, чтобы он остался с ними ночевать в их поселке, завтра говорил бы еще с ними, вел бы на стачку, говорят, что они одни не знают, что должны делать. Оратор об'ясняет рабочим, что у него есть еще дела в городе, что он постарается завтра утром быть здесь, а сегодня он должен уйти. «Мы на руках отнесем тебя в город, чтобы никто не смел тронуть тебя по дороге!» — кричат из толпы. Оратор говорит, что из-за себя он не хочет подвести их под удары нагайки, а, быть может, и под нечто худшее и постарается пройти один, но что, если будут его арестовывать на глазах толпы, то они должны его отбить. «Не посмеют арестовать здесь, не дадим арестовать тебя; а каменья-то зачем?» — раздается со всех сторон. Оратор уходит в сопровождении нескольких человек. Собрание дружно и много раз кричит ему «ура». Оратору (женщине) удалось по дороге сбросить с себя верхнее платье, и она спокойно пошла с двумя рабочими вглубь поселка. Остальные рабочие разошлись, видя, что опасности нет, а защита обеспечена. Но полиция устроила засаду. Подбегает рабочий, говоря, что сзади бегут околоточный надзиратель с двумя городовыми, что полиция все время следит. Полиция была в двадцати шагах; приходилось спасаться бегством. Преследуемые забежали в первый попавшийся двор, оттуда через огороды выскочили на другую, а потом на третью улицу, вбежали в незнакомый дом и попросили себе приют. Женщина с полной готовностью дала его, сказав, что мужья приказали женам впускать в дом всех, преследуемых полицией. Затем она дала переодеться в свое платье. Услышав, что погоня близка, она предложила спрятаться в большой сундук, где можно будет устроить и постель на ночь. Пришлось согласиться и лезть в сундук. К счастью, явился рабочий, который обходными путями отвел в другой дом, лежащий далеко от места засады. Там пришлось сидеть до вечера, а затем при помощи рабочих удалось пробраться в город. Необходимо заметить, что во всей этой истории участвовали рабочие, не состоящие в организации. На Амурской площади собралась толпа тысяч в пять с Амурского и Нижнеднепровского поселков. Выступало 5 ораторов социал-демократов, говорили речи на те же темы, что и на Чечелевке в первый день собраний. Хороша была речь об экономическом положении рабочих, о требованиях, которые должны выставить рабочие во время стачки, а также речь о необходимости политической борьбы. Полиция присутствовала на собрании, слышала дружные революционные возгласы, но собрания не разгоняла. В воскресенье было вывешено новое об'явление от исполняющего должность губернатора, в котором рабочие призывались в понедельник встать на работу; обещалось помощью войска оберегать желающих работать от насилий стачечников. В воскресенье был заметен перелом в настроении рабочих. Чувствовалось угнетенное состояние духа. На Чечелевке опять нельзя было собрать компактной массы и пришлось, как в пятницу, организовывать летучие собрания с теми же особенностями, которые были уже отмечены раньше. Причина та же: полиция продолжала концентрировать главные силы в этом пункте. Речи, по желанию собравшихся, большею частью были экономического содержания. На Фабричной слободке также собралась толпа и требовала оратора. Послали в город. Стачечная комиссия не предвидела нового места собрания; ораторы перед тем ушли на собрания в другие места, а потому она не смогла удовлетворить требование. Как велико было собрание и что происходило на нем — не знаю.

На Кайдаках собралось не более 1.500 человек. Многие не были на собрании потому, что были в церкви. Выступало четыре оратора. И здесь, по желанию толпы, речи велись больше на экономические темы. Ораторы старались возбудить энтузиазм толпы; горячо призывали держаться за стачку, но настроение продолжало быть подавленным. На Амуре к назначенному времени (в 8 часов) на площади почти никого не было. Лишь к часам 9 — 10 стали собираться рабочие. Собралось 500 — 600 чел. Прискакали казаки с исправником во главе и разогнали с площади толпу. Но рабочие толпились в боковых улицах, во дворах соседних домов и не уходили домой. Толпа прибывала. Казаки время от времени приезжали на площадь, врезывались в толпу, но не били (некоторые казаки говорили: «Не разбегайтесь; мы вас не тронем»). К 11 часам рабочих стало до 5 тысяч человек. Толпа разделилась на две части вокруг двух ораторов. Один оратор говорил речь политического содержания, другой — экономического, опять-таки подчиняясь желанию толпы.

Один из ораторов, заметив угнетенное состояние толпы, решается вывести ее из этого состояния таким приемом: он предлагает вызвать фабричного инспектора и вручить ему свои требования. Показывается околоточный надзиратель, и ему передают требование, на которое через некоторое время следует ответ, что инспектор болен. Тогда оратор предлагает вызвать местного исправника; тот уже наверняка здоров, он только-что проезжал с казаками. Околоточный уезжает, обещая скоро дать ответ. Оратор просит принести ему табурет, становится на него, чтобы все его слышали, и говорит речь. Он овладевает вниманием толпы. Тема речи все та же: тяжелое экономическое и правовое положение рабочих. После получасовой беседы, затронув многие больные места рабочей жизни, оратор раскрывает собранию второго их врага — царское правительство (осторожность политической агитации вызывалась тем соображением, что толпа была очень малосознательная). Речь была прервана заявлением приехавшего околоточного, что исправник готов выслушать собрание и дает им полчаса свободы для обсуждения своих требований. Оратор формулирует требование за требованием. Собрание одобряет их. Околоточный надзиратель не раз говорит толпе: «Чего вы слушаете бабу? Своих голов на плечах нет, что ли?» — «Отчего же не послушать женщину, ежели она говорит разумные речи? Тебя, что ли, слушать?» — говорят ему в ответ. Требования сформулированы и записаны, оратор предлагает выбрать кого-либо из рабочих для переговоров с исправником. Собрание просит оратора взять на себя эти переговоры, но он отказывается, мотивируя тем, что, если будет говорить женщина, то администрация скажет, что требования выставлены не рабочими, а злоумышленниками. Собрание предлагает оратору выбрать, кого он хочет, а некоторые рабочие предлагают одного товарища. В конце-концов, последнему и поручают переговоры с исправником. К оратору протискивается старик-рабочий: «Матушка, нас то не забудь, родимая!». — «Нет, старик, и о тебе сказано: пожизненную пенсию тебе требуем», — отвечают ему многие рабочие сразу. Только-что успели справиться со своими делами, как прибыл исправник в сопровождении околоточного надзирателя. «Шапки долой!», — командует околоточный. Потянулись-было некоторые руки к шапкам, да остановили их товарищи и крикнули: «Сними сам сначала, а потом посмотрим и мы». «Выходите, кто хочет говорить со мною» — сказал исправник. «С вами говорить открыто нельзя, будут говорить из толпы», — отвечают ему. Рабочие плотно сомкнулись вокруг своего доверенного, подняли руки кверху, чтобы исправник не мог заметить, кто с ним говорит. Рабочий читает требования, всего 28 пунктов, а исправник записывает их в книжку. Первое требование — восьмичасовой рабочий день, второе — увеличение заработной платы, третье — уничтожение ночных работ, четвертое — уничтожение сверхурочных работ. «Так, так, я это вполне понимаю и одобряю», — говорит исправник. Пятое требование — запрещение принимать на работу детей до 16-летнего возраста. «Неужели, господа, вы все хотите этого, не верю, ведь вы сами создаете себе нищету». — «Им нужно учиться грамоте... Им нужно окрепнуть физически... Ведь наши ребята в 12 лет стариками выглядят...», — раздаются со всех сторон горячие возгласы. Шестое требование — выборная (рабочими) фабричная инспекция. «Ну, этого я даже записывать не буду. В нашем государстве не выбирают, у нас начальство кого назначит, тому и быть инспектором... Видите, чего придумали!». Оглушительное «требуем!» раздалось в ответ. Седьмое требование — разрешение кассы взаимопомощи рабочих, но без малейшего вмешательства в дела кассы хозяев и правительства. Восьмое требование — свобода собраний рабочих для обсуждения своих нужд, и исправник вполне одобряет... Далее идут требования больницы, бесплатного лечения на дому, библиотеки, училища, бани, улучшения мастерских (в санитарном отношении), пожизненной пенсии старикам, выдачи заработной платы во время болезни и пр. Исправник некоторые требования одобряет, другие молча записывает. «Требуем освобождения товарищей, арестованных за стачку». — «Этого нельзя требовать, а можно просить, я передам вашу просьбу губернатору». — «Мы все стачечники, так берите же нас всех. Мы силой их освободим. Требуем, требуем». Рабочие приходят в сильное волнение. «Чтобы не смели их бить, не смели над ними издеваться! Что делаете, злодеи вы, над нашими товарищами? Если будете продолжать истязания, то мы разобьем участки!», — слышатся крики. Исправник ежится и молчит. Следующий пункт требует вежливого обращения полиции с рабочим населением на улицах города и поселков. «Вот до чего вы дошли, понимаю!» — изумляется исправник. Крики усиливаются, рабочие напоминают исправнику и околоточному зуботычины, пощечины, полученные от них... 28 пункт — «мы требуем, чтобы на казенные и частные заводы принимали рабочих без различия национальностей». «Ну, господа, это чорт знает что такое. Вы хотите жидов допустить до работы; ведь, если вы дадите им наступить лишь на кончик ноги, так они взберутся вам на шею. Это уж, конечно, злонамеренные люди вас подучили», — защищает интересы русских рабочих исправник. «И евреи такие же рабочие, как и мы, и еврей-рабочий — наш брат», — отвечают ему из толпы. «Ну, господа, я выслушал вас, записал ваши требования, представлю их на рассмотрение заводского начальства, а также губернатора. Теперь идите по домам, а завтра выходите на работу». — «Подпишите наши требования, вывесьте их в мастерской; тогда пойдем на работу», — слышится в ответ. Давно уже исправнику не нравится беседа, но он все надеялся провести рабочих. Последние слова приводят его в бешенство. «Господа, вы кричите, вы не исполняете ваших обещаний; я прекращаю с вами разговор; а если вы сейчас не разойдетесь по домам, я пришлю сюда казаков, и они вас нагайками разгонят». Он быстро уезжает от толпы. Насмешки, остроты сыплются ему в догонку. Оратор об'ясняет рабочим только-что происшедшую сцену с исправником, призывает держаться за стачку, заканчивая собрание возгласами: «Да здравствует всеобщая забастовка! Да здравствует рабочий класс!». Рабочие, бодрые, расходятся по домам с тем, чтобы завтра вновь собраться. Оратор узнал от некоторых, что рабочие на Нижнеднепровске решили итти завтра на работу. Он поспешил вместе с несколькими товарищами в Нижнеднепровск. Собралось до 500 рабочих, и оратор произнес перед ними речь. Обрисовав условия жизни рабочих, он затем указал на слух, будто рабочие хотят итти на работу, и призывал именем убитых и раненых товарищей продолжать борьбу. В конце речи оратор призывал собрание дать товарищескую клятву не итти на работу, а каждого вставшего раньше других на работу заклеймить именем предателя. Толпа горячо поддержала предложение. Не трудно было бы продолжать политическую и социалистическую агитацию, но оратор был совсем без сил, а потому ушел с собрания, пригласив рабочих притти завтра на собрание на Амуре.

Стачечная комиссия, которой было известно угнетенное состояние рабочих, решила употребить всяческие усилия, чтобы не допустить их начать работу. Ранним утром в понедельник пошли ораторы на Чечелевку и Кайдаки. На Чечелевке собрать рабочих не удалось. На Кайдаки ораторы совсем не смогли пробраться. Войско стояло внутри поселков, на пути к заводам и вокруг заводов. По всему Брянскому району на работу явилось подавляющее большинство рабочих, даже те, которые должны были ра-

ботать в ночных сменах, пришли на заводы. Встали они на работу, не пред'явив никаких требований. Начали работу все заводы: железнодорожные мастерские, завод Эзау, Брянский завод, Трубопрокатный и Гвоздильный. На Амуре и Нижнеднепровске почти никто не явился на работу. Рабочие собрались на Амуре в количестве нескольких тысяч. Оратор сформулировал многие требования рабочих по отдельным цехам заводов. Приехал исправник, чтобы выслушать требования, но налетели казаки и в присутствии исправника начали неистово бить рабочих нагайками.

В городе некоторые мастерские уже начали работу, некоторые без уступок со стороны хозяев, другие получили кое-что.

Собрать толпу было невозможно: ее каждый раз разгоняли нагайками. В понедельник вечером было вывешено об'явление от вице-губернатора, в котором указывалось, что большинство рабочих Брянского района стало на работу, и там работа идет нормально; на Амуре и Нижнеднепровске работы не могли начаться в виду слишком малого количества пришедших на работу; вице-губернатор назначил среду крайним сроком для начала работ, не вставших на работу к этому дню он вышлет на родину.

В среду Брянский район работал при полном составе, Амур и Нижнеднепровск — лишь на некоторых заводах и при малом количестве рабочих; в городе значительное количество мастерских не работало.

Стачечной комиссией за эти дни были выпущены два бюллетеня о событиях во время стачки, по 1.000 экз. каждого (печатные). Комитетом, признавшим «Искру», выпущены следующие печатные прокламации: 1. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава», 1.800 экз., в ней выясняется значение стачки на юге России, призываются рабочие к забастовке и выставлены главные требования социал-демократической партии. 2. «Как держать себя во время стачки». 3. Стихотворение с призывом к борьбе, 1.500 экз. 4. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава» по поводу прекращения забастовки, 1.000 экз. 5. Стихотворение по поводу выстрелов в толпу и убийств. 6. Гектографированные прокламации агитационного характера, формулирующие частные экономические требования для отдельных заводов и для каждого цеха в крупном заводе. Такие прокламации были выпущены к заводам: Брянскому, Эзау, вагоностроительному и к жел.-дор. мастерским.

Другой социал-демократической организацией были выпущены печатные прокламации: 1. «Ко всем рабочим г. Екатеринослава», 2. «По поводу убийств», 3. «К солдатам» и 4. гектографированная «К Брянскому заводу».

Ольга [Громан].

Одесса. К оценке результатов стачки надо сказать, что в общем настроение в массе хорошее; громадный спрос на литературу, а ее нет. Листки по поводу разговора с Лопухиным просто рвали из рук, — выпущены 5.000, далеко нехватило. В организацию прибывает масса новых рабочих; многие из независимых переходят к соц.-демокр., раскаиваясь в том, что они раньше не понимали, «где правда». Среди строительных рабочих очень бодрое настроение, о политике на собраниях слушают очень охотно. Ощутительные результаты стачки у них: работают до шести часов, а прежде работали до зари. Здесь основалось новое общество во главе с земским начальником Волганецким. Состав его — весь с'езд земских начальников Одесского уезда и им сочувствующие. Цель общества — пропаганда взглядов Крушевана и распространение «Знамени». Все члены общества обязуются выписывать эту, с позволения сказать, газету, а также распространять ее, главным образом при помощи волостных правлений. Для начала общество отправило сочувственный адрес Крушевану. Крушеван ответил благодарственным письмом, в котором сетует на свое одиночество и на тот страх перед «либералами», которому подвержены даже чиновники и который не позволяет им высказывать свои взгляды. «Но скоро истина восторжествует», — заканчивает свое послание Крушеван.

Шуя (письмо рабочего). В ночь с первого на второе мая с. г. у нас в гор. Шуе сгорели литейные мастерские завода Муравьева, причем во время пожара сгорел и расценок, по которому работали литейщики. При тушении пожара были и мастера других заводов. Некоторые из них получили страшные ушибы и покалечение своих членов. Некоторые лежали даже в больнице. По выходе из больницы ушибленные рабочие стали просить вспомоществования из штрафного капитала. Но литейный мастер Ефим Павлов сказал, что штрафных денег нет. Рабочие говорят: «мы получили ушибы у вас на пожаре, стараясь спасти хозяйское добро», но мастер отвечает: «мы вас не заставляли тушить». Наоборот даже, полиция содействовала заводской администрации, чтобы рабочие шли на пожар. Между прочим, когда брату литейного мастера Иванову кто-то прорезал ножом бок в доме терпимости, его положили в больницу и в течение 3-х месяцев выдавали по 15 рублей каждый месяц из штрафных денег. Штрафовали за каждую малость, а говорят, что денег нет. После пожара завод ремонтировался две недели, и мастерам, конечно, ничего не платили, а когда принялись за работу, то вывесили расценок, ни на что не похожий, на соль с трудом заработаешь. Рабочие принуждены были бросить работу (литейный цех). Дали друг другу руки и слово не работать по новому расценку. Таким образом, еще две недели не работали, но оказались прохвосты: один взрослый рабочий Волков и мальчики стали работать. Более порядочные литейщики не работают и до сего времени. Кто много говорил, того не берут, а другие сами не идут. Теперь же литейщиков набрали частью из Иваново-Вознесенска, частью кого откуда. Работают по пониженному расценку. Требование литейщиков было: долой мастера за грубое обращение и безмилосердные штрафы. Иванов очень зазнался, говорит: «Я здесь царь и бог, что хочу, то и делаю, а не хочешь повиноваться, уходи за ворота». А куда итти, когда за воротами резервная армия рабочих?

Тот же рабочий пишет: В первых числах месяца июля у нас в городе были расклеены прокламации (не местного характера, а случайные). Содержание: к товарищам и три речи сормовских рабочих-демонстрантов на суде. Рабочие, повидимому, остались очень довольны прокламациями. Группируются и говорят: «Спасибо тем людям, которые стараются раз'яснить нам наше положение». На фабрике Терентьева, где страшно прижимают рабочих, поговаривают о выходе из фабрики, но только оказывается, что нет таких решительных рабочих, чтобы первые начали. Одним словом, в Шуе недовольство рабочих растет с каждым днем все больше и больше. Безработных много. Почва для пропаганды и агитации самая благоприятная, но сил и средств у нас нет. Шуйская интеллигенция спит в духовном смысле слова, проводит время для себя лично, хотя у нас в город приехало на каникулы много учащейся молодежи (студ. и друг.), но они проводят время в разговорах с кисейными барышнями или занимаются в виде отдыха псовой охотой с возлиянием спиртных напитков. От кого же ждать нам помощи? Шуйская социал-демократическая группа бедна, средств нет, спрос большой на литературу легальную и нелегальную. Поэтому просим всех сочувствующих рабочему делу помочь для г. Шуи, кто чем может.

Томна (четыре версты от Кинешмы). И сюда дошли отголоски грандиозной стачки-демонстрации костромских рабочих. Под влиянием последней в начале июля здесь вспыхнула стачка на фабрике Разоренова и Кормилицина (4.000 рабочих). Стачка носила стихийный, бурный характер. Вызваны были войска. Оцепляли фабрику.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

С'ЕЗД ГЕРМАНСКИХ СОЦ.-ДЕМОКРАТОВ *.

Все мы с нетерпением ждали Дрезденского партейтага, ждали, как поведут себя наши немецкие товарищи после их блестящей, прямо поразительной победы 16 июня. Ка-

* Мы надеемся дать особую статью с разбором чрезвычайно интересных и поучительных прений на Дрезденском партейтаге; пока же печатаем краткое сообщение товарища, бывшего на с'езде.

залось, теперь немецкая социал-демократическая партия должна заговорить совершенно иным языком. Ведь теперь она уже не партия, едва пробивающая себе дорогу, — право на ее существование никем уже больше не оспаривается. Она — сила, и это прежде всего признают ее ближайшие противники: немецкое правительство и немецкая буржуазия. 16 и 25 июня немецкая социал-демократия как нельзя лучше доказала, что надежды консерваторов превратить рабочую партию из суб'екта законодательства в об'ект его есть не что иное, как утопия, нелепейшая химера. Трехмиллионную партию нельзя безнаказанно лишить тех прав, которыми она пользовалась до сих пор. Три миллиона взрослых мужчин в возрасте от 25 лет не отдадут добровольно того, что они считают своей неот'емлемой собственностью, своим правом.

Для нас казалось не подлежащим сомнению, что первый вопрос, которым займется партейтаг, должен быть вопрос о будущей тактике социал-демократии, об ее отношении к нелепым стремлениям консерваторов посягнуть на всеобщее избирательное право, стремлениям, которые проявляются все чаще и чаще. Каково же было наше удивление, когда председатель партейтага Зингер, с согласия совета партии, вдруг предложил собранию сейчас же после прочтения отчетов Совета и контролеров заняться вопросом об участии социал-демократических писателей в органах буржуазной печати... Наше удивление и даже некоторого рода разочарование разделяли, повидимому, и многие из немецких товарищей. «Неужели это самый насущный, самый существенный вопрос?» — вот что можно было слышать со всех сторон. Некоторые из ораторов также с недоумением спрашивали: «Неужели у нас нет более важных дел, чем разбор дрязг, возникших среди берлинских литераторов?». Клара Цеткин назвала даже весь этот вопрос, возбудивший столько прений и толков, бурей в стакане воды; а другой оратор поправил ее, сказав, что это буря не в стакане воды, а в берлинской луже. И тем не менее, партейтаг предпочел разобраться в этой луже, покончить с этим вопросом.

И вот, по мере того, как шли дебаты, как перед нами один за другим выступала целая шеренга самых отборных, самых выдающихся ораторов, для нас становилась все понятнее громадная важность разбираемого вопроса и полнейшая уместность постановки его на первое место. Бебель в своей прекрасной речи заметил: «Вполне естественно что у такой громадной, можно сказать, могучей партии, какой бесспорно считается немецкая социал-демократия, то тут, то там замечаются болезненные явления, то тут, то там является процесс нагноения, выступают нарывы». Он говорил далее, что как это ни неприятно, как подчас даже ни противно, но партия не должна, не имеет права отказаться от операции. В немецкой социал-демократической партии за последнее время стали, к сожалению, нередко наблюдаться болезненные процессы и проявляются они тем чаще, чем могущественнее и сильнее становится партия. Но это, вместе с ликованием врагов, не должно смущать товарищей, оно должно лишь указать на необходимость самой основательной, самой радикальной операции. Мы от души аплодировали словам Цубейля: «Это не берлинский вопрос, тут дело не в Бернгарте и Брауне, тут дело в симптоме, в течении, которое вот уже несколько лет стремится к тому, чтобы заставить нашу партию сойти с традиционной почвы, на которой она добилась таких колоссальных успехов, и превратить ее в буржуазную партию реформ».

За вопросом об участии социал-демократических писателей в буржуазной прессе скрывался вопрос об отношении всей партии к так называемому ревизионистскому течению господ Бернштейна, Гейне, Фольмара, Гере, Браунов и некоторых других. Партия не смогла решить вопроса о тактике, не выяснив предварительно самым решительным, категорическим образом вопроса о том, могут ли господа ревизионисты влиять на эту тактику или нет. Необходимо было подвергнуть исследованию процесс гниения, чтобы определить, насколько глубоко захватил он организм партии, и затем, если окажется нужным, произвести операцию. И вот, партейтаг приступил к операции, и, к вящему ликованию всей буржуазной прессы, корреспонденты которой в количестве 60 человек толпились тут же, он начал вскрывать один гнойник за другим. Он не побоялся открыто перед всем миром, жадно следившим за отчетами, обнаружить все свои язвы. «Наша партия, — говорит Бебель по этому поводу, — резко отличается от всех буржуазных партий. Когда нам приходится стирать наше грязное белье, мы не боимся производить эту стирку открыто перед всем миром... В этом именно величие нашей партии. Нам не принесет вреда эта стирка, после нее наша партия окажется еще величественнее, еще могущественнее»...

Мы, конечно, не станем передавать здесь всех подробностей этой стирки, которая еще не окончилась в то время, когда пишутся эти строки. Да нам и не важны эти подробности, нам важно лишь установить один очень и очень характерный факт. Много шумели ревизионисты, много испачкали они бумаги и извели типографской краски; но дрезденский партейтаг покажет, что им никогда не стать вожаками массы. Социал-демократическая масса осталась верна старым традициям, она не хочет знать новоявленных пророков. Лучшим доказательством этого служит то, что вопрос о ревизионистских стремлениях, возникших в рядах немецкой социал-демократии, был поднят, как это выяснилось из прений, не сверху, не вожаками партии, а снизу, ее массой. Вот перед нами 115 предложений, внесенных в партейтаг. Предложения эти внесены социал-демократическими союзами и другими организациями социал-демократической партии самых различных мест Германии; каждое из них вырабатывалось и обсуждалось на публичных собраниях, поэтому мы должны смотреть на них как на плод работы всей организованной массы немецкой социал-демократии. Если мы просмотрим все эти предложения, то должны будем признать, что среди них совершенно отсутствуют предложения, клонящиеся к пересмотру партийной тактики в духе Бернштейна и Фольмара и к измене традициям партии. Большинство из них, наоборот, дышит радикализмом, обогнавшим даже радикализм признанных вожаков. Вот несколько предложений, которые категорически требуют сохранения прежней тактики, резко высказываясь против какого бы то не было компромисса. Партийные товарищи XII саксонского избирательного округа (Лейпциг, город) предлагают, например, принять следующую резолюцию: «Партейтаг протестует против допущения какого бы то ни было участия в чествовании монархов и решительно порицает обнаруживавшиеся в последние годы ревизионистские стремления отдельных членов и известных направлений в тактических и партийно-принципиальных вопросах. Партейтаг вполне определенно высказывается против тенденции затушевать классовый характер нашей партии в расчете на получение той или иной кажущейся выгоды». Даже мюнхенский округ, тот самый округ, представителем которого является Фольмар, единогласно высказывается за резолюцию о «сохранении в неприкосновенности принципов партии и теперешней ее тактики».

Мы привели эти примеры для того, чтобы показать русским читателям, что не так страшен чорт, как его малюют. Напрасно буржуазная печать старается доказать, что немецкой социал-демократической партии грозит неминуемый раскол, если только она не подчинится требованиям ревизионистов и не спрячет в карман своего революционно-социалистического знамени. Дрезденский партейтаг, — как и предшествовавшие ему местные совещания, т. е. совещания организованной социал-демократической массы, — покажет всему миру, что никакого раскола в партии быть не может, что революционное знамя социал-демократии стоит так же незыблемо, как стояло до появления на сцену разных Гейне, Гере и К°. Все эти господа, еще вчерашние противники социал-демократии, вовлечены в ее ряды могучим ростом ее движения; все эти так называемые «академики» пришли туда не потому, что стали действительными социал-демократами, уверовали в принципы социал-демократии; они пришли, чтобы воспользоваться ею, чтобы при ее помощи пройти в люди, очутиться на депутатском кресле. Это усиленно подчеркивалось многими ораторами, которые настоятельно требовали, чтобы партия вела себя осмотрительнее при приеме в свои ряды таких господ. Они требовали также, чтобы при назначении на ответственные посты в партии предпочтение отдавалось бы не молодым академикам — только потому, что они носят это название, — а опытным лицам из рабочей среды. Что же касается первых, т. е. академиков, то при принятии их в партию реко-

мендовалось подвергать их некоторого рода искусу, т. е. заставлять их первое время работать наряду с простыми рядовыми и лишь после того, как новичок покажет, что интересы партии для него выше всего, только тогда поручать ему ответственный пост руководителя.

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть товарищам еще одну важную особенность, резко обрисовавшуюся на Дрезденском партейтаге. Я говорю о партийной дисциплине, о той дисциплине, которая создала величие немецкой социал-демократической партии. Вот сейчас представители этой партии воюют между собою как самые злейшие враги; они преподносят другу другу такие комплименты, услыхав которые «Рев. Росс.», отличающаяся, как известно, бонтонностью, наверное, упала бы в обморок, а завтра... завтра меньшинство беспрекословно подчинится решению большинства, и в действительной работе ни один не посмеет действовать самовольно, вопреки постановлению этого большинства.

Даже такой человек, как Гейне, — этот самый буржуазный из всего правого крыла социал-демократии и притом самый ловкий и талантливый из ревизионистов, — говорит: «Мы принимаем тактику партии, мы подчиняемся этой тактике. Мы пойдем не своей дорогой, а дорогой, избранной партией; нас свяжет то, что постановит партия».

Да, есть чему поучиться нам у немецких товарищей!

Дрезден, 16 сентября 1903 г.

Приводим главную резолюцию с'езда, которая направлена против социалистического оппортунизма; она принята 288 голосами против 11 (Бернштейн и некоторые другие оппортунисты вотировали против; нашлись однако и оппортунисты, вотировавшие за):

«Партийный с'езд приглашает фракцию (т. е. социал-демократических депутатов в рейхстаге) заявить притязание на замещение поста первого вице-президента и первого секретаря в рейхстаге кандидатами из среды фракции, но в то же время отклонить придворные обязательства и не подчиняться никаким условиям, которые не предписаны имперской конституцией.

«Партийный с'езд осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу прежнюю испытанную, увенчавшуюся победами, основанную на классовой борьбе тактику в том смысле, чтобы на место завоевания политической власти путем ниспровержения наших противников была поставлена политика приспособления к существующему порядку вещей.

«Последствием такой ревизионистской тактики было бы то, что вместо партии, которая работает над возможно более быстрым превращением существующего буржуазного общественного порядка в социалистический и которая, следовательно, является, в лучшем смысле слова, революционной партией, мы имели бы партию, которая удовлетворяется реформированием буржуазного общества.

«Партийный с'езд, в противоположность существующим в партии ревизионистским воззрениям, держится того убеждения, что классовые противоречия не сглаживаются, а все обостряются, и поэтому заявляет: 1) что партия снимает с себя ответственность за те политические и экономические порядки, которые основаны на капиталистическом способе производства, и что она не соглашается поэтому ни на какие ассигновки средств, способные поддержать правящие классы у кормила правления; 2) что социал-демократия, согласно резолюции Каутского, принятой международным социалистическим конгрессом 1900 г. [25], не может добиваться участия в правительственной власти в пределах буржуазного общества.

«Партийный с'езд осуждает, далее, всякое стремление затушевывать существующие и все растущие классовые противоречия с тем, чтобы облегчить сближение с буржуазными партиями.

«Партийный с'езд ожидает, что фракция попрежнему будет употреблять свою возросшую власть, которой она достигла благодаря увеличению числа ее членов и благодаря громадному росту стоящих за ней масс избирателей, для распространения ясных понятий о цели соц.-дем.; что она использует эту власть, сообразно принципам нашей программы, для того, чтобы отстаивать самым энергичным и настоятельным образом интересы рабочего класса, расширение и упрочение политической свободы и равноправия, чтобы вести еще энергичнее, чем возможно было вести до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной политики и политики мировой державы, против несправедливости, угнетения и эксплоатации во всех их видах, чтобы энергично добиваться развития социального законодательства и осуществления политических и культурных задач рабочего класса».

[М. Н. Лядов]

РУССКИЙ ЦАРЬ И ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ.

Когда стало известным, что итальянское правительство ожидает осенью ответного визита русского царя, итальянские социалисты решили протестовать против этого посещения, находя, что присутствие Николая II на итальянской почве равносильно оскорблению принципов свободы и гражданственности, равносильно чествованию «кнута и нагайки, тюремщиков сибирских острогов, клятвопреступников и живодеров финляндской свободы» («Tempo» № 233). 5 мая, во время заседания палаты, соц. депутат Моргари сделал запрос правительству относительно приезда царя; получив утвердительный ответ от товарища министра иностранных дел, Моргари заявил, среди свиста и рева правой и центра: «Передайте в Петербург, что, если царь решится приехать в Италию, мы его освищем!»

Пароль был брошен. Итальянские социалисты взялись за работу. «Римский социалистический союз» [26], на долю которого выпадает главная работа по устройству подобающей встречи царю, выработал следующую программу «торжеств»: 1) В день приезда царя в Италию все рабочие и крестьяне воздерживаются от труда, вступая таким образом во всеобщую стачку. 2) В день приезда и в час, который будет указан, все рабочие и крестьяне собираются на площади города или деревни и подают в коммунальное управление коллективный протест для передачи его правительству. 3) Вдоль всей железной дороги, по линии следования царя, товарищи призывают народ к свисту. Устройство всеобщей забастовки и свиста в Риме принял «Союз» на себя («Tempo» № 243).

В то время как местные организации пропагандировали антицаристскую демонстрацию в Италии, соц. депутат и главный редактор партийного органа «Avanti» [27] Энрико Ферри обратился с запросом к международному социалист. бюро в Брюсселе, прося его высказаться по поводу начатой Моргари кампании. Бюро большинством голосов (против Германии, Голландии, Дании) приняло сочувственную итальянцам резолюцию. По поводу этой резолюции «Рев. Росс.» считает нужным бросить камешек в наш огород. «Нас удивляет, — пишет она, — что в отчете не указано, высказывался ли и в каком именно духе единственный представитель русских социалистов на конференции». Чтобы успокоить «Рев. Росс.», приведем мнение товарища Плеханова, официального представителя в бюро, — высказанное им в интервью с корреспондентом миланской соц. газеты «Tempo»: «Я не говорю, что итальянские товарищи должны непременно свистать: они сами найдут наиболее подходящее средство протеста... но я думаю, что, прежде чем царь покинет Рим, итальянский пролетариат, путем внушительного протеста, должен выразить порицание тому гнусному порядку, представителем которого является Николай II». («Tempo» № 248).

Однако то сочувствие, которое антицаристская пропаганда встретила в Международном Социалистическом Бюро [28], в среде итальянского пролетариата и даже в среде демократической публики и молодежи, не остановило оппортунистов с Турати во главе. Протестуя против такого недипломатичного шага, как враждебная демонстрация, они выдвигают обычный козырь всех оппортунистов — соображения международной политики. В органе Турати «Critica Sociale» помещена неподписанная, повидимому редакционная, статья: «Посещение государей и сближение народов». Стараясь доказать, что взаимные визиты государей и президентов республик служат прогрессивному сближению народов, автор статьи заключает: «Россия, которую, в лице ее официального представителя, принимают во Франции и Италии, как дружественное государство, при звуках «Марсельезы» и гимна гарибальдийцев, эта Россия скорее станет конституционной страной, откуда быстро исчезнет политическое угнетение, чем та Россия, которую, ради сантиментальных соображений, держат вдали от демократического Запада и гонят в азиатское варварство». («Cr. Soc.» № 15). Это классическое рассуждение автор старается подкрепить ссылкой на статью Жореса и мнением немецких членов международного бюро, голосовавших против резолюции в пользу Моргари; но главным оппонентом на конференции бюро был немецкий депутат Р. Фишер, который по своим взглядам принадлежит к правому крылу немецкой социал-демократии. Неудивительно, что и в этом вопросе он был очень «благоразумен» *.

Пока оппортунисты пытаются путем своих будто бы глубоких политических соображений переубедить революционеров, правительство и реакционная часть общества готовятся к военным действиям. Но, видно, нельзя безнаказанно соприкасаться с царством лжи и разврата. Как только итальянское правительство и реакционные сферы захотели во что бы то ни стало обеспечить визит царя, они по необходимости вынуждены были прибегнуть к мерам, практикуемым русским правительством. 6 сентября было запрещено, вопреки всем законам, народное собрание для чествования памяти демократа Дж. Бавио; отложенное на 13 сентября, оно было запрещено вторично. Правительство боялось антицаристской демонстрации. И 6-го и 13-го — это были воскресные дни — Рим был прямо-таки на военном положении: всюду были спрятаны войска, по улицам ездили патрули. Того же 13 сент. был конфискован в Милане № газеты «Avanguardia» за статью о свистках царю. Предполагавшееся 9 сент. собрание служащих почтово-телеграфного ведомства, не имевшее никаких политических целей, было тоже запрещено, из опасения антицаристских демонстраций. Квестор (полицмейстер) г. Рима, не обинуясь, заявил, что вплоть до приезда царя не будут разрешены в Риме никакие публичные манифестации. Мало того, имеются сведения, что ко времени приезда царя предполагаются довольно многочисленные аресты, и сведения эти настолько серьезны, что уже образовался комитет для протеста против такого нарушения самых основ конституции. Для завершения этой идиллии á la russe газета «Capitale» сообщает, что на время приезда царя «уже многие граждане Рима думают образовать временную лигу для обеспечения порядка», т. е. нашу же «добровольную охрану» из охотнорядцев!

Как-никак, но положение итальянского правительства с либеральным министром Цанарделли во главе, не из завидных. Главное, что приезд царя приходится в самое тяжелое время. Еще не улеглось негодование против России, вызванное делом Гоца и кишиневским погромом, а тут случился целый ряд фактов, сильно дискредитирующих само итальянское правительство. Неудачный процесс 35 офицеров флота против «Avanti» и его редактора Ферри (см. «Русск. Вед.» № 236), кровавая баня в Тарре Аннунциата, где войска без всякого повода стреляли в безоружных крестьян, об'явивших вполне законный бойкот одной сельскохозяйственной фирмы, — все это вызвало бурю негодования против правительства. Последние же репрессивные меры: запрещение собраний, угрозы арестами, конфискация газет — все это сыграет не малую пропагандистскую роль в пользу задуманной манифестации. Удастся ли нашим итальянским товарищам провести намеченную ими программу торжественной встречи его величества царя Сибири и Кишинева, как теперь его называют в Италии, об этом мы сообщим в свое время, пока же заметно большое воодушевление, и не проходит дня, чтобы не поступали из всех концов Италии в редакцию «Avanti» отзывы от рабочих и крестьянских организаций, выражающих сочувствие Ферри и протест против опозорения свободной почвы Италии стопами восточного деспота.

P. S. Настоящая статья была уже закончена, когда получились дополнительные сведения, настолько характерные, что спешим ими поделиться. «Движение в пользу организации свиста по линии проезда Николая II,—пишет в письме в редакцию один итальянский товарищ,—растет и усиливается». От Вероны вплоть до Рима, во всех местностях, примыкающих к железнодорожному пути, где только имеются социалистические секции, образуются комитеты, ставящие себе задачей покупку в Риме свистков и раздачу всем желающим свистать. . . . Социалист издатель Нервини об'явил о выходе специальной брошюры «Il fischio» («Свисток»), предназначенной для раздачи . . . Кроме этой брошюры «Avanti» издает другую под заглавием: «Антицаристская брошюра» со следующим содержанием: 1) «Социалисты и царь», Энрико Ферри. 2) «Заметки о царизме и минимальная программа русских социалистов», П. Сабанова. 3) «К русским, погибшим на виселице», стихотворение Ф. Турати.

Так готовятся социалисты, не менее усердно готовится и правительство. № «Avanti» от 19 сент. вышел с пустым местом вместо передовицы. Во время празднества 20 сент. полиция воспретила Э. Ферри произнести

* Немецкие делегаты заявили на конференции, что не могут рекомендовать итальянским товарищам мер, которых они по местным условиям не могли бы применить у себя в Германии. Несколько откровеннее высказалось досужее политиканство оппортунистов в статье Биссолати в № 249 «Tempo»: «благодаря ирредентистскому движению, рассуждает автор, тройственный союз рушится; Италии по необходимости приходится искать новых политических союзников, а их она может найти только во Франции и через Францию в России. Новый тройственный союз необходимо противопоставить австро-германской коалиции. Между тем итальянские социалисты, сочувствующие ирредентизму и ненавидящие Австрию, идут против своего естественного союзника — России, — оскорбляя ее главу». «Таким путем — заключает он, — большое число бессознательных сторонников итальяно-русск. политики может очутиться среди освистывающих царя».

политическую речь в Аквиле. Но особенно старались власти применять русские приемы во время празднования 20 сент. в Риме. 20 сент. — годовщина взятия Рима итальянскими войсками. Ежегодно этот день празднуется очень торжественно официальными сферами и народом. На этот раз суждено было в этот день столкнуться Италии полицейской и Италии народной. Началось с того момента, когда появились демократические и социалистические организации со знаменами: все знамена были обвиты траурными лентами. Полиция бросилась срывать ленты; произошла драка. В то же время было арестовано несколько рабочих, раздававших специальную газетку «La luce» («Свет»). Когда, наконец, двинулась процессия обычным порядком к Porta pia (место вступления итальянских войск в Рим), полиция прибегла к хитрости. По ее настоянию официальный кортеж ускорил шаг и значительно опередил кортеж народный. Тогда между двумя частями шествия вдвинулись войска и преградили дорогу, намереваясь задержать народное шествие до окончания официальных речей и церемоний, рассчитывая таким образом предотвратить враждебные демонстрации. Когда социалисты поняли хитрость неприятеля, они отказались от участия в этой комедии и предложили толпе разойтись. По дороге было еще несколько стычек с полицией. Инцидент этот сильно озлобил римское население, сыграв на руку агитации социалистов.

Сообщают, что царь явится в Рим в сопровождении 30 конвойных казаков, так что, по замечанию «Avanti», римляне царя не увидят, а только казацкие мундиры. Кроме того, по слухам, с'езжаются в Рим тайные агенты из Лондона, Парижа, Берлина и целая свора специальных «детективов» из Петербурга. Однако все эти «страсти» мало смущают Ферри и его товарищей, твердо ведущих свою «линию».

[Орловский — В. Воровский].

ИЗ ПАРТИИ

Русско-еврейские рабочие в Лондоне. 12 сентября (н. ст.) русским соц.-демократическим кружком был устроен в небольшой зале митинг по поводу последних стачек на юге России. Присутствовало до 350 человек. Говорились речи по-русски и по-еврейски. В конце митинга была предложена собранию такая резолюция: «Это собрание рабочих восторженно приветствует всеобщие стачки на юге России, как свидетельство быстрого роста классового самосознания рабочих. Собрание выражает свою уверенность в том, что только революционная социал-демократия в состоянии повести рабочий класс России к решительной победе над самодержавием и обеспечить за рабочим классом возможность воспользоваться плодами этой победы». Эта резолюция была принята единогласно. Собрание закончилось выражением сердечного сочувствия жертвам, пострадавшим и павшим в бою, а затем криками «долой самодержавие!» и «да здравствует политическая свобода!».

———

Письмо в редакцию. Я был очень рад, что «Искра» ни словом ни обмолвилась по поводу заявления одного из членов «Саратовского Рем. Соц.-Дем. Союза», помещенного в № 29 «Рев. Росс.». Было бы странно, если бы она поступила иначе. Человеку пришла благая фантазия высечь себя, и «Рев. Росс.» благосклонно предоставила ему свои страницы для того, чтобы он мог произвести эту операцию публично. Для всякого читателя «Рев. Росс.» было вполне ясно и очевидно, что этот почтенный орган оказал свое гостеприимство не спроста. «Рев. Росс.», которая, как известно, всегда «ведет полемику по существу» и «никогда не доходит до таких полемических приемов, как наши противники», очень обрадовалась несчастной «унтер-офицерской вдове», явившейся со своим заявлением. Но «Рев. Росс.» сама спохватилась, сообщив, что читающая публика может усомниться в правдивости вдовы, которая сама призналась в том, что способна сообщать о том, чего, по ее словам, не было. Вот в № 30 она выступает с заявлением номер второй. По поводу именно этого заявления я и решился обратиться к редакции «Искры» со следующими фактическими указаниями: 1) подписали письмо в «Искру» от имени «Саратовского Ремесл. Соц.-Дем. Союза» все наличные члены этого союза, которые осенью 1902 г. всей своей организацией, со всеми без исключения своими связями примкнули к Саратовскому Комитету Р. С.-Д. Рабочей Партии. 2) В числе этих подписавшихся был и один ремесленник, который, несомненно, все время существования союза был его душой; все связи завязывались исключительно через него, и только он один мог придать то или иное направление ходу мыслей ремесленников. Человек же этот начал свою деятельность убежденным социал-демократом и оставался им до конца, 3) Меня прямо поразило следующее место заявления: «чтобы показать убедительность подобного рода аргументов, укажем хотя бы на то обстоятельство, что, например, все (за исключением одной) статьи в „Голосе Труда“ № 1 и большая часть статей в № 2 и все прокламации Об'единенной Группы принадлежали перу соц.-рев.».

Я положительно не могу себе представить, как согласовать это заявление с организационным договором Об'един. Группы, по которому со стороны соц.-рев. в группе мог участвовать только один представитель, а, следовательно, решающий голос принадлежал соц.-дем. членам группы. Как примирить, наконец, это заявление с тем фактом, что наряду с прокламациями, выпущенными Об'един. Группой, выходили одновременно и прокламации за подписью соц.-рев.? Очевидно, прокламации Об'един. Группы не удовлетворяли соц.-рев.; очевидно, — либо соц.-революционер, член. Об'един. Группы, писал статьи в духе его соц.-дем. товарищей, а свободное от этого время посвящал писанию прокламаций, выходивших за подписью соц.-рев., либо... все заявление четырех членов «Ремесл. Союза» является ни чем иным, как плодом «честных полемических приемов» «Рев. Росс.». Приходится предоставить решение этого вопроса остальным членам бывшего «Ремесл. Союза» и «Об'един. Группы», которая, к сожалению, в настоящую минуту не в состоянии высказать своего мнения.

Член Саратов. Комитета Р. С.-Д.
Раб. Партии.

———

Через посредство Международного Социалистического Бюро мы получили резолюцию Совета рабочих цеховых союзов (Trades Hall Council) в Мельбурне (Австралия), выражающую сочувствие евреям, пострадавшим от палачей русского самодержавия, и горячо приветствующую борьбу за низвержение самодержавия и за эмансипацию пролетариата в России.

———

Пермским Ком. Р. С.-Д. Р. П. изданы за последнее время следующие листки: 1) о событиях на ст. Михайлово, 2) о южных событиях, 3) «К невоянским рабочим» 4) «Л. Н. Толстой (по поводу 75-летнего юбилея со дня рождения)». Одесским Ком. выпущены в августе листки: 1) «Ко всем! Еще одно преступление царского самодержавия» (по поводу зверств в одесской тюрьме) — 4.000 экз., 2) к рабочим и работницам г. Одессы (по поводу всеобщей забастовки)— 5.000 экз. Одесский С.-Дем. Союз «Рабочая Воля» изд. в авг. мес. листок «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» (по поводу июльских событий) и в сентябре: «Манифест Рабочей Воли» 2.000 экз., где заявляет о своем присоединении к Комитету. — Бердичевская группа революционных социал-демократов в августе издала листок «Ко всем рабочим и работницам» (по поводу июльских событий). — Бакинским Ком. изд. в августе листок,

посвященный памяти товарища Влад. Кицховели (Ладо), застреленного в Тифлисской тюрьме. — Такой же листок выпущен Тифлисским Ком.; им же выпущен листок «К товарищам», делающий выводы из июльских событий. — В Либаве во время пребывания царя изданы латышской группой листки на латышском и русском яз. — Саратовским Ком. издан листок «Апостол департамента полиции — агент православной церкви» и два листка по поводу военного суда над ростовскими демонстрантами: 1) «Душители» и 2) «О правительственном терроре». — Военно-революционная организация выпустила в августе листок «К увольняемым в запас». — Екатеринославским Ком. вып. листок от 28 августа «Ко всем рабочим и работницам гор. Екатеринослава» (по поводу минувшей стачки). — Донским Ком. вып. лист. «К гражданам» (по поводу военн. суда над ростовскими демонстрантами).— Гомельским Ком. в июле листок «По поводу обязательного постановления могилевск. губернатора» и в августе «Вести из России» (по поводу июльских событий). — Воронежский Ком. выпустил в августе листок № 9 (о правительственном произволе и борьбе рабочих) и в сентябре № 10 (по поводу местных арестов). — Ц. К. Южно-Русской Группы Учащихся, Средних Школ, переименованный ныне в Ц. К. Ю.-Р. Г. Учащейся Молодежи, выпустил отчет о втором с'езде этой группы (см. выше «Из нашей общественной жизни»).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Вологда. В июне были обыски у рабочего Сорокина (по предписанию из Костромы; Сорокин—петербуржец, привлекался в 1900 году по делу Спб. Союза Борьбы), у ссыльных Малинина (сослан по делу Моск. Раб. Союза и «Саратовского Рабочего»), Дрешера (конторщик из Варшавы, по делу П. П. С.) и Якова Андреева (из Екатеринослава). — Курск. В начале августа в Курске было произведено много арестов и обысков (до 40). Известны следующие фамилии: Фортунатова, Жилинская, Турчанинов, Благовещенская, Хайкин, Евдокимов, Белоконь, Соколовский. Взято несколько человек из губ. земской управы и из управления Моск.-Киев.-Вор. жел. дор. — Тверь. В № 47 «Искры» приведен список лиц, арестованных в Твери в ночь с 12 на 13 августа. Кроме названных там лиц арестованы еще следующие: Арсений Буланов, Павел Дулишкин, Иван Антипов, Василий Каширин, Василий Чуркин, Василий Жуковский, Иван Хорьков, Алексей Субботин, Павел Мальцев, Михаил Смирнов, Александр Смирнов, Михаил Виноградов, Павел Васильев, Василий Дмитриев, Арсений Дедкин, Иван Звонарь, Григорий Прокофьев, Егор Александров, Петр Пакетов, Павел Малдаву, Петр Завьялов, Андрей Воронов, Ухаровский, Тарашевский, Петр Прохоров (все эти лица рабочие), Алексей Печников, Петр Федоров, Апостолов (земский гласный), Панов, Александровский (бывш. студенты), Вислоух, Эленгорн (врачи), Кувшинская, Куняева (служащие в земстве). — Одесса. Кроме арестованных по распоряжению Арсеньева (на 1½—3 месяца) 259 чел., арестованы еще: Шкловский (интелл. поднадзорный), Машевский, Пасевич Илья (раб.), Запорощенко, Новиков (каменоломщ.), Жариков (раб.). Из 259 многие уже выпущены по распоряжению Лопухина. Арестованные по доносу мастера Федорова 10 чел. железнодорожн. рабочих выпущены после того, как рабочие железнодор. мастерских потребовали их освобождения под угрозой забастовки. На большом вокзале в железнодорожных мастерских появились два шпиона: Сухоруков и токарь Карп Жуковский. — Кишинев. Фамилия провокатора в Кишиневе Финкельман. Аресты, происшедшие в Кишиневе в июле, — его дело. В Одессе он жил в прошлом году как Лернер, а два года тому назад жил в Николаеве как Васька Садовник. — Чиатура (Кутаисской губ.).В Чиатуре арестованы: М. Церетели, Карп Мадебадзе, З. Гурули (штейгер), Мир. Чанишвили и масса рабоч. (около 150 чел.).—Керчь. Здесь арестовано около 100 чел. рабочих, в том числе две девочки 14 лет и трое интелл.: Уманская, И. С. Коган-Мошин и Шишкин. — В Киеве на вокзале арестован какой-то офицер. — В Пскове во время маневров Военно-революционная организация распространила 2.080 печатных листков; арестованы два офицера. — В Смоленске арестован солдат, обвиняется в распространении среди солдат нелег. лит.

На австрийской границе выданы контрабандистом за 500 руб. три лица: Антропов, Шиллер и Ставский (первые отвезены в С.-Петербург, последний — в Новочеркасск).

В Москве в апреле 1902 г. была арестована группа рабочих и несколько интеллигентов. Все они обвинялись в участии в Московском Комитете Р. С.-Д. Р. П. В числе рабочих был некий Гузеев, служивший десятником (дорожным) при уездной земской управе. Он оказался предателем, а впоследствии и совсем стал провокатором. В июне 1903 г. он уехал в Тверь. Приметы его: блондин, выше среднего роста, небольшие усы, без бороды.

Приговоры: по одесским делам 1901 г. Яков Иоффе (интелл.), 8 лет Восточной Сибири; Софья Мойсеевна Гольдман (акуш.), 6 л. Вост. Сиб.; Костя Колтун (переплетчик), 5 л. Вост. Сиб.; Лев Подгуг (провизор), Ефим Гелельштейн (переплетчик), Наум Ходоров, Осип Каплан, Исер Колтун, Абрам Лис (тоже переплетчики), Яков Городецкий (столяр), Соломон Шерман (портной), Михаил Окунский — все по 4 года Восточной Сибири; Лев Рудовский (чайный упаковщик), Анна Краснянская (фельдш.) — по 5 лет Вост. Сиб.; Самуил Печерский, Исак Канторович (дантист), Моисей Штам — по 4 г. Вост. Сиб.; Женя Канторович, Исак Миркин (обойщик), Моисей Вериер (столяр), Давид Кутерман (чайный упаковщик), Соломон Роткоп, Шмерель Климовицкий, Веньямин Трахтенберг (Хаим-Ице), Соломон Соломонов (ювел.), Фаер (чайн. упаковщ.), Лиза Глазман — все по 3 г. Вост. Сиб. Отправляющиеся в Сибирь одесситы устроили в Москве, в Бутырках, товарищеский суд над Шулимом Майером, Миркиным, Канторовичем и Тимофеем Чайниковым. Вынесена резолюция: 1) Майер об'явлен опасным предателем. 2) Миркин об'явлен предателем. 3) С Канторовичем признано необходимым прервать всякие деловые и личные сношения, не об'являя его однако предателем, и решено огласить его позорное поведение. 4) Трахтенбергу высказано резкое осуждение и 5) Чайников об'явлен предателем. Резолюция подписана 24 лицами. — По Костромскому соц.-дем. делу получили приговоры: статист. Александр Завершин 4 года Восточной Сибири (его еще ждет приговор по делу Спб. Союза Борьбы, сидел 7 мес. в Таганке, освоб. был под надзор до приговора); статист. Алексей Загайнов (был пойман при разбрасывании прокламаций, сидел 1½ мес., до приговора освобожд., показаний никаких не давал); статист. Тихон Попов, 4 года Вятской губ.; Семен Колокольцев, 3 г. Вологодской губ.; статист. Невзоров, 3 года Вологодской г. (в ожидании приговора умер от чахотки); Николай Грацианский, был выслан весною 1902 г. на 3 года в Архангельскую губ., ему прибавили еще 2 года, несмотря на то, что на допросе выдавал и держал себя очень скверно; Каратаеву, Родионову и Ячменникову 3 мес. тюрьмы; Сабанееву и учителю Смирнову 2 недели ареста; Екатерине Удаловой и Кондратьеву 8 дней ареста. По делу Александровой, Лопаниковой, Поливанова, Мушенка, Гинзбург, Удалова (закончившемуся) приговор еще не об'явлен. По делу весенней демонстрации в Костроме сидят Константин Малышев, Буланин, Корсаков, Данило, Николай Поваров, Иван Батуговский. Получил также приговор А. Д. Цюрупа — 3 г. Олонецкой губ. (приговор совершенно неожиданный, так как не было решительно никаких улик). — Прошли в Сибирь: Захарова (на 5 лет, арест. в Одессе по делу «Искры» в начале декабря 1901 г.); Лидия Канцель (на 8 л.); Курнатовский (на 4 года, арест. в Тифлисе весной 1901 г.). Вместе с Курнатовским прошло еще 11 человек. — В Киеве Шиманский и Сильвин переведены за протесты из Лукьяновской тюрьмы в крепость.

Бежали и прибыли за границу: 1) из Енисейской губ. Лев Хинчук, был выслан до приговора по Моск. делу, 2) из Вологды: Ю. Г. Топоркова (по делу Спб. Красного Креста, апрель 1901 г.); Б. Савинков (студент, по петербургскому делу «Раб. Знамени» и Гр. «Социалист», апрель 1901 г.); из Устюга Бубатов (рабочий, по нижегородскому делу 1901 г. и по делу пермской группы соц.-революционеров 1902 г.); из Никольской Медведев (рабочий); из Вост. Сибири: Ф. И. Гурвич, О. А. Коган, А. М. Зельдов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Поправка. В одном из номеров «Искры» было указано, что Дубровский, привлекавшийся по делу «Северного Союза», — предатель. Это неверно. Он лишь дал одно неудачное показание, повредившее одному из привлеченных по этому делу. Сообщаем это по просьбе этого последнего.

В предыдущем № «Искры» в части экземпляров (3.000 из 10.000), по недосмотру, вставлена напечатанная уже в № 42 корреспонденция о майских днях в Вышнем-Волочке. В отделе «Из партии» Гомельский Ком. ошибочно назван Комитетом Бунда.

Отложено по недостатку места до след. номера: письмо о последнем конгрессе английских трэд-юнионов, «Из русской жизни», манифест «Раб. Воли», об армянских демонстрациях, письмо одесской работницы и друг.

Мирэ. Письмо получено. Присылайте скорее адрес для ответа. — Терентию. Письмо получено, но не разобрано. — Ромуальду. Повторите, пожалуйста, адрес для писем. — Муравью. Справки наведем. Корреспонденции просим присылать. — Рабочему Юга. Благодарим. Просим писать. — Мюллеру. Письмо в двух экз. получено. 34 Ж. Письмо получено, использовано.

Получено: из Москвы, через Соколова, за литер. — 100 руб.; от Николаича — 75 руб.; в «Новый год» — 106 руб.; от №№ за литературу — 75 руб.; с берегов Женевского озера первый майский взнос — 41 фр.; из Винтертура (чрез К.) за литературу — 5 франков; от доктора из Давоса для О. К. — 20 фр.; по листу № 102 (из Цюриха) — 27 фр.; из «ь» (мягкий знак) — 190 фр.; из Л. — 340, 82 фр.; от № 39 для организационных целей — 87 фр.: из Герзау — 50 фр.; от француза для стачечников — 1, 50 фр.; от Цюрихской сиб. кассы для А-а — 82 фр.; для стачечников на юге собрано в Сизиконе — 34 фр.; в Вегиссе — 14 фр.; от прозревшего — 10 р.; из Шпица по подписным листам №№ 109 — 110 — 29,15 фр.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Военный суд над участниками Ростовской демонстрации 2 марта, заседавший с 19 по 23 августа 1903 г., из 23 привлекавшихся, троих (А. Я. Браиловского 19 л., А. А. Куксина 17 л. и Д. С. Колоскова 22 л.) приговорил к смертной казни. Смертная казнь через 4 дня была заменена: Браиловскому — 15 годами каторги, Колоскову и Куксину — десятью годами каждому.

Прим. 2. О «Революционной России» — см. прим. 4-е к № 23 «Искры».

Прим. 3. «Боевая организация партии социалистов-революционеров» — так называла себя, после убийства министра внутренних дел Сипягина (2 апреля 1902 г.), возникшая осенью 1901 г. в Петербурге боевая группа эсеров, инициатором и создателем которой был один из руководителей партии эсеров Гершуни. Группа ставила задачей организацию и выполнение террористических актов над деятелями царского правительства. К этой организации принадлежал и столяр Фома Качур, стрелявший 29 июля 1902 г. в харьковского губернатора Оболенского. Качур промахнулся, был арестован и приговорен к смертной казни, которая была заменена вечной каторгой.

Прим. 4. Малуэ Пьер (1740—1814) — французский политический деятель и участник великой французской революции. По своим взглядам умеренный монархист, противник «декларации прав человека и гражданина», как источника анархии. В своих мемуарах, опубликованных в 1868 году, Малуэ началом террора считает дату взятия Бастилии (14 июля 1789 года).

Прим. 5. О войне с Китаем — см. прим. 1-е к № 1 «Искры».

Прим. 6. Болгарское «Народное Собрание» — 7 июля 1887 г. (благодаря стараниям Стамбулова — см. прим. 8-е к № 45 «Искры») выбрало принца Фердинанда Кобургского болгарским князем. Ставленник Австрии, Фердинанд в своей политике являлся проводником интересов австро-германского империализма на Балканах. 5 октября 1908 года Фердинанд провозглашает Болгарию независимой, а себя «царем болгар». В 1913 году он и окружавшая его военная клика отдали, через голову совета министров, приказ о нападении на сербские и греческие войска, чем вызвали начало второй балканской войны, закончившейся поражением Болгарии. Во время империалистической войны Ф. содействовал участию Болгарии в ней на стороне австро-германской коалиции. После поражения последней отрекся от престола (1918).

Прим. 7. Данев, Стоян (р. в 1858) — один из лидеров либерально-прогрессивной партии и представитель крайних руссофильских кругов Болгарии. Министр иностранных дел в кабинете Каравелова (с марта 1901 г.). В январе 1902 г., заняв пост премьера, выступил против усиливавшегося македонского движения, которое могло обострить отношения с Россией. После восстания в Македонии (в 1902 г.) Д. принял серьезные меры к разгону македонских революционных организаций, но в результате второго восстания (летом 1903 г.), под нажимом «общественного мнения», требовавшего еще более энергичной политики в Македонии, вынужден был уйти в отставку и уступить свое место стамбуловистам — сторонникам Стамбулова.

Прим. 8. Сан-Стефанская Болгария — см. прим. 7-е к № 45 «Искры».

Прим. 9. Гр. Игнатьев — см. прим. 2-е к № 41 «Искры».

Прим. 10. О крестьянских волнениях в Харьковской и Полтавской губерниях и о последовавшей затем расправе с крестьянами — см. корреспонденции в №№ 20 и 21 «Искры».

Прим. 11. О ноябрьских событиях в Ростове н/Д., Тихорецкой, Новороссийске — см. «Искру» № 31, корреспонденцию из Ростова и воззвание Донского К-та Р. С.-Д. Р. П. «гражданам всей России», № 32 «Искры» — ст. Г. В. Плеханова: «Значение ростовской стачки», № 33 его же статью: «Еще о Ростовской стачке».

Прим. 12. Бардина Софья Иллар. (1853 — 1883) — народница. В феврале 1877 года (арестована была в 1875 году) привлекалась по делу о пропаганде среди крестьян и рабочих, о распространении нелегальной литературы и т. д. («Процесс 50-ти»). Б. была приговорена к 10 годам каторги. По смягчении приговора сослана в Ишим, откуда в декабре 1880 года бежала. Некоторое время скрывалась нелегально в России, затем уехала за границу, в Женеву, где, вследствие тяжелой болезни, покон-

чила с собой. Приведенные в «Искре» слова представляют конец ее программного выступления на суде (10 марта 1877 г.), получившего позже широкую известность и распространение.

Прим. 13. 2 апреля 1902 года студент Киевского у-та С. В. Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина. Совершенный Балмашевым террористический акт послужил поводом для полемики между «Боевой организацией П. С.-Р.» (в лице «Револ. Росс.») и «Искрой». В № 20 последней появилась статья Г. Плеханова «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», в которой была дана соответствующая оценка индивидуального политического террора и в частности события 2 апреля. Статья вызвала возражения «Боевой организации», в ответ на которые Плеханов поместил в № 23 «Искры» статью: «Вынужденная полемика», где, между прочим, было высказано сомнение относительно принадлежности С. В. Балмашева к партии с.-р. и к «Боевой организации». Подробнее об этом см. «Искру» № 34: «Письмо в „Искру" Киевского К-та Р. С.-Д. Р. П.» и «Некоторые факты о Степане Валерьяновиче Балмашеве», сообщенные членами бывшего Саратовского соц.-дем. ремесленного союза.

Прим. 14. О. К. — Организационный Комитет по созыву II с'езда, см. о нем № 32 «Искры»: «Извещение об образовании „Организационного Комитета"», а также прим. 1-е. К тому же номеру.

Прим. 15. В № 27 «Револ. России» было напечатано «Заявление по делу 2 апреля», подписанное так: «Члены Боевой организации П. С. Р. товарищи С. В. Балмашева по делу 2 апр.». Заявление направлено против статей и сообщений по этому делу «Искры», далее в нем приводится ряд доказательств относительно принадлежности С. В. Балмашева к партии с.-р. и к «Боевой организации».

Прим. 16. Статью «Тартюфы революционной морали» — см. в № 40 «Искры».

Прим. 17. «Народная Воля» — см. прим. 6-е к № 26 «Искры» о „Земле и Воле".

Прим. 18. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 19. Южно-Русская Группа Учащихся Средних Школ — см. прим. 11-е к № 36 «Искры».

Прим. 20. «Южный Рабочий» — см. прим. 11-е к № 26 «Искры».

Прим. 21. «Заря» — см. прим. 4-е к № 2 «Искры».

Прим. 22. «Освобождение» — см. прим. 12-е к № 38 «Искры».

Прим. 23. «Fria Ord» — см. прим. 12-е к № 39 «Искры».

Прим. 24. Второй конгресс Финляндской рабочей партии — см. «Искру» № 49.

Прим. 25. В порядке дня Парижского конгресса II Интернационала (1900 г.) стоял вопрос о «завоевании общественной власти и о союзах с буржуазными партиями». Внимание конгресса, в связи с этим вопросом, было заострено на известном инциденте с Мильераном, первым социалистом, вступившим в буржуазное министерство (в 1899 г.). В результате горячих прений, выявивших две противоположные точки зрения, — Геда, требовавшего осудить вхождение социалистов в буржуазное правительство, и Жореса, оправдывавшего это вхождение, — конгресс принял весьма неопределенную и дипломатическую резолюцию, предложенную К. Каутским. Указав, что вхождение того или иного социалиста в буржуазное министерство является вопросом не принципа, а тактики, конгресс признал, что «такие случаи не подлежат обсуждению международного конгресса». Не дав таким образом четкого ответа на конкретный случай с Мильераном, конгресс уклонился и от общей оценки всего вопроса. Резолюция Каутского в истории II Интернационала широко известна под именем «каучуковой». О ней и идет речь в настоящей статье.

Прим. 26. «Римский социалистический союз» — местная организация итальянской социалистической партии.

Прим. 27. «Avanti» — «Вперед» — главный орган Итальянской Социалистической Партии. После раскола социалистической партии стал органом максималистов. Одним из первых редакторов был Серрати. Перед войной А. редактировался Муссолини (нынешним главой фашизма). Во время войны А. занимал интернационалистскую позицию и пользовался большим успехом и распространением среди рабочих. В настоящее время А. руководится Ненни и Веллой, решительными противниками вхождения в Коминтерн. Издается в Милане.

Прим. 28. Международное Социалистическое Бюро — учреждено на Парижском конгрессе в 1900 г. (23—27 сентября). В Бюро входили 1 или 2 представителя от каждой страны или нации. От России в Бюро входил сначала Плеханов, а затем, после раскола партии, и Ленин. Нося характер технико-осведомительного аппарата, Бюро имело свой президиум с постоянным местопребыванием в Брюсселе.

Обвинительный акт

по

Златоустовскому делу

Приложение к № 48 «Искры»

Типография «Искры», Женева, 27, rue Coulouvrenière
1903.

Утвержден 3 июня 1903 г. Член Суд. Пал. В. Бармалеев.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

об Алекс. Мих. Пелявине и друг. в количестве 34 человек.

С 1 января 1903 г. в златоустовском казенном горном заводе было приступлено к постепенному введению высочайше утвержденного 11 марта 1902 г. мнения государственного совета о порядке поступления бывших заводских людей в работы на казенных горных заводах и горнозаводских товариществах. С этого же времени предположено было заключать новые условия найма с рабочими, на точном основании названного закона, а также снабдить всех рабочих, согласно 21 ст. закона 11 марта 1902 г., 652 ст. Устава горн. и 134, 135 и 137 ст. Уст. пром., изд. 1893 г., расчетными книжками нового образца, утвержденного 16 декабря 1902 г. главным начальником уральских заводов.

Несмотря на предварительное ознакомление рабочих с новым законом и неоднократные его раз'яснения, вводимый закон был встречен рабочими златоустовского казенного завода с неудовольствием, хотя закон этот не нарушал ни в чем прав рабочих и вносил лишь очень несущественные изменения договора найма. Однако рабочие не хотели подчиниться требованию закона о приеме новых расчетных книжек, и среди них появились толки, что правительство стремится будто бы ограничить различные льготы и права, дарованные заводскому населению предшествующими узаконениями, и что с введением новых расчетных книжек отменяется будто бы дарованное государем императором Александром II 8 марта 1861 г. освобождение горнозаводского населения от крепостной зависимости. Несмотря на очевидную неосновательность этих толков, брожение и недовольство рабочих все возрастало, и попытки заводской администрации к раз'яснению истинного смысла и цели нового закона успеха не имели. Желая по возможности кончить дело мирным путем, заводоуправление не настаивало на немедленном принятии новых расчетных книжек, назначив окончательный срок принятия этих книжек 1 января 1903 г., кроме того согласилось даже дополнить включенное в книжку условие найма указанием, что рабочие, заключившие условие с заводоуправлением, сохраняют все права, предоставленные им Положением 8 марта 1861 г. с последовавшими изменениями.

Однако, к началу марта 1903 г. только около 300 рабочих приняли новые расчетные книжки, а остальные продолжали настойчиво упорствовать, и волнения среди них все более и более возрастали; особенно это было заметно между рабочими прокатного цеха.

6 марта 1903 г. 160 рабочих больше-прокатного цеха об'явили, что они новых расчетных книжек не примут и что 10 марта они на работу не выйдут, если заводоуправление не согласится заключить с ними условие по старому порядку.

Вследствие этого управитель златоустовского завода особыми об'явлениями предупредил условных рабочих о законной ответственности, которой они подвергнутся в случае забастовки, а не условных — о том, что они будут считаться уволившимися добровольно.

10 марта утром часть рабочих больше-прокатного цеха не была пропущена на завод в виду их заявления о нежелании продолжать работу.

Дождавшись двухчасовой смены, рабочие прокатных цехов, образовав толпу до 500 чел., заявили вызванному полицмейстеру Уманцеву, что по новым условиям никто не согласен работать, при чем выразили желание переговорить с горным начальником. Последний вышел к рабочим, но все его увещания остались безуспешными. По окончании этих об'яснений, толпа рабочих разных цехов, человек до 400, собралась на площади перед управлением горного округа и заявила управителю завода от лица всех цехов, что, в случае неудовлетворения требования рабочих о восстановлении прежде существовавшего порядка найма, все цехи с 11 марта прекратят работы на заводе и что на следующий день такое требование будет пред'явлено непосредственно всеми рабочими.

11 марта все рабочие больше-прокатного цеха были пропущены на завод, но большая часть их не занималась делом, а бродила по заводу, подбивая рабочих других цехов не подчиняться требованиям заводоуправления. Одни подчинялись этому подговору добровольно, другие — под угрозами.

В два часа дня внутри завода собралась толпа рабочих до 200 чел. и потребовала личной к ним явки горного начальника Зеленцова. При об'яснениях с последним рабочие настаивали на полной и немедленной отмене новых расчетных книжек и не слушали никаких увещаний. На посланную тогда же горным начальником директору горного департамента для доклада министру земледелия телеграмму получился ответ, что министр требует подробных сведений о желаниях рабочих, а пока просит передать им приказание немедленно возобновить работы по-старому. Но и этого распоряжения министра рабочие не исполнили; напротив того, значительное число их 11 марта удалилось с завода слишком демонстративно — со свистом и криками, заявив, что на следующий день не выйдут на работы сами и не пустят силою желающих работать.

Получив вечером того же 11 марта телеграмму исправника о последних событиях в г. Златоусте, уфимский губернатор Н. М. Богданович, согласно ходатайству местного исправника, срочной телеграммой просил командира квартирующего в гор. Златоусте 214-го Мокшанского батальона о наряде к четырем часам утра 12 марта двух рот батальона на завод для охранения казенного имущества и рабочих, желающих продолжать работу, от насилий забастовавших. Через три часа после того с первым отходящим поездом губернатор сам выехал в Златоуст вместе с прокурором уфимского окружного суда и начальником губернского жандармского управления. Прибытие этих начальствующих лиц в Златоуст замедлилось на шесть часов вследствие схода с рельсов встречного поезда, и они прибыли в Златоуст лишь около 7 час. 12 мин. вечера. Между

тем в Златоусте в течение дня 12 марта 1903 г. произошло следующее.

В виду распоряжения уфимского губернатора военная команда от 214-го Мокшанского резервного батальона в количестве 120 чел. прибыла в Златоуст в три часа утра 12 марта. Тотчас по прибытии ее был поставлен караул при большой проходной в заводе и посланы патрули. В пять часов утра на Арсенальной площади и в самый завод стали стекаться рабочие, но к работе не приступили, а стояли или ходили группами.

Через некоторое время на Арсенальской площади постепенно собралась большая толпа рабочих, которая, увидев вышедшего из завода к ним местного исправника Ключникова, стала упрекать его за произведенный, в порядке охраны, ад'ютантом жандармского уфимского управления ротмистром Долговым в ночь с 11 на 12 марта арест рабочих Филимошкина и Симонова, настойчиво требуя сказать, кто и за что арестовал этих рабочих. Дав требуемые толпой сведения и заметив, что волнение среди рабочих возрастает, исправник направился к арсеналу, где помещалась военная команда. Толпа, догадываясь, что исправник хочет от нее уйти, отправилась вслед за ним, причем некоторые из рабочих забегали вперед с криками: «Не пускай его!». С большим трудом исправнику удалось добраться до дверей арсенала, около которых находилось несколько офицеров. В то время к арсеналу приблизилась уже более озлобленная толпа рабочих и стала в грубой форме требовать от исправника освобождения Филимошкина и Симонова. На эти требования исправник заявил, что он не может освободить Симонова и Филимошкина, так как лица эти арестованы не по его распоряжению, и что арест этот может отменить губернатор, прокурор или начальник жандармского управления, которые вскоре прибудут в Златоуст. Присутствовавшие при этом офицеры пробовали раз'яснить незаконность действий толпы и советовать разойтись, но на эти увещания толпа отвечала бранью. Продолжая шуметь, рабочие стали отходить от арсенала, причем некоторые кричали, что нужно итти к горному начальнику, а другие — к ротмистру. Последние крики взяли перевес, и толпа рабочих до 2.000 чел. направилась к квартире ротмистра Долгова, для охраны которого был послан взвод солдат. Это было приблизительно около 10 часов утра. Подойдя к квартире ротмистра Долгова, толпа вытребовала его к себе и пред'явила ему требование освободить арестованных им накануне Филимошкина и Симонова. В виду отказа ротмистра подчиниться требованиям толпы, возбужденная масса рабочих стала надвигаться к крыльцу, где стоял ротмистр Долгов, и из ее среды начали раздаваться угрожающие возгласы: «Берите его, айда!» и т. п. Когда жандармский вахмистр Алексей Титов старался сдержать напор толпы, один из рабочих, особенно дерзко говоривший с вахмистром, начал бранить Титова, говоря ему: «Тебя давно надо с камнем в воду спустить, шкура ты, кровопийца; много, чать, солдатской крови выпил». Угрожающее настроение толпы достигло высшего предела, когда в толпе появились две плачущие женщины, одна из каковых оказалась жена арестованного Филимошкина, которая с плачем и криком: «выручите, родимые; отпустите мужа; коли взяли его, берите и детей», бросила последних к ногам ротмистра.

Толпа с неистовым криком «освободите» и с угрозами «бери его» придвинулась к ротмистру, но в это время для защиты его подошли три взвода солдат. Это несколько облагоразумило толпу, и некоторые из рабочих стали уговаривать толпу итти на Арсенальную площадь и выбрать депутатов для переговоров с губернатором. Толпа послушалась и, отойдя от квартиры ротмистра, собралась на Арсенальной площади, где и простояла сравнительно спокойно до 4 часов пополудни. Затем в 4 часа пополудни толпа до 2.000 чел. отправилась к квартире местного исправника и осадила ее. Вызвав исправника Ключникова, толпа потребовала от него освобождения арестованных Филимошкина и Симонова. Получив отказ, толпа начала бранить исправника, упрекая его во лжи и обмане относительно приезда губернатора и говоря, что он только затягивает время с целью отправить ночью арестованных в Уфу. На замечание исправника, что приезд губернатора замедлился вследствие опоздания поезда, толпа выразила недоверие. Посыпались оскорбительные выражения по адресу исправника и других чинов полиции, при чем исправник ясно слышал, как один из рабочих закричал: «вишь, красный, как комар крови напился, вишь брови-то навесил». Эти оскорбления сильно возбудили толпу, которая с криком: «давай его сюда, мы разорвем его», стала напирать на окружавших исправника чинов полиции с целью смять их и увлечь в толпу исправника. Некоторые из рабочих даже хватали исправника за руки и за фалды пальто и старались стащить его с крыльца; при этом раздавались крики: «бей его, дави!». Подоспевшей в это время военной команде с большим трудом удалось прикладами защитить исправника и оттеснить от крыльца его толпу, стать с ружьями наперевес вокруг крыльца, где стоял исправник и другие чины полиции, а также прибывший воинский начальник фон-Дрессинг. С прибытием войск толпа не перестала бесчинствовать. Некоторые из толпы, стоявшие в задних рядах, стали бросать в исправника и других чинов полиции комками снега, палками и большими камнями, один из которых попал в исправника ниже колена, не причинив, впрочем, ушиба. Вслед за бомбардировкой снегом и камнями из задних рядов толпы слышались свистки и крики: «бей его, бери его», и толпа всей своей массой напирала на окружающих крыльцо солдат. Когда офицеры предупредили толпу, что солдаты начнут стрелять, толпа, угрожая кулаками, отвечала им: «Если вы будете стрелять, то и у нас найдется чем стрелять». Кроме того, по адресу солдат раздавалась брань: «Продажные шкуры, пришли пугать; попробуйте только выстрелить — всех передушим». В один из натисков толпа приблизилась к солдатам вплотную и, схватив за штыки их ружей, старалась отнять их, при чем в возникшей схватке у одного из солдат, Андриана Понина, погнут штык и несколько ружей у других солдат попорчено. Во время этой борьбы, когда один из солдат, смятый толпою, упал, кто-то из толпы схватился за его ружье и направил штык его прямо в грудь исправника, но последний успел отстранить от себя этот штык. Деятельное участие в описанных беспорядках принимали и женщины, хватаясь за штыки у ружей солдат и уговаривая последних не стрелять в толпу, «а лучше перебить начальство». Одна из женщин схватила за грудь и ударила подпоручика Работкина, который, отталкивая ее от себя, поскользнулся и упал. В один из натисков толпы подпоручик Лабецкий видел поднятый кем-то кверху нож или кинжал.

Толпа не могла смять солдат и схватить их лишь потому, что стоявшие впереди женщины и подростки под напором толпы падали и образовывали таким образом естественную преграду, через которую толпа не могла добраться к крыльцу, где стояли начальствующие лица. Заметив это, толпа, намереваясь сделать решительный приступ, очистила у крыльца место, прогнав в сторону бывших здесь женщин и детей. Видя эти приготовления, исправник начал предупреждать толпу, что он вынужден будет сделать распоряжение стрелять. В ответ на это в толпе поднялся страшный крик об освобождении арестованных, и затем вся масса с угрозами двинулась на самое крыльцо и смяла солдат. В это время исправник дал два условных сигнала к стрельбе. Но стрелять войскам не пришлось, так как исправнику удалось тихонько скрыться во двор и уехать затем на вокзал для встречи губернатора. Это было уже в 7 часов вечера. Узнав, что исправник скрылся, толпа криками выразила намерение итти к тюрьме и насильно освободить арестованных, но затем переменила свое намерение и, повидимому, поверив заявлениям чинов полиции об ожидавшемся приезде губернатора, отправилась на Арсенальную площадь и стала ожидать этого приезда. Дорогою шедшая на площадь толпа увлекла с собою полицейского надзирателя Павла Коноплева, причем его сдавили со всех сторон и кто-то ткнул его ногой в живот. Послышались угрожающие крики: «бить его», но за Коноплева заступились более благоразумные из толпы и не позволили его бить. Доведя Коноплева до площади, толпа отпустила его. После этого толпа остановилась на площади против дома горного начальника и стала ожидать приезда губернатора. Последний приехал в Златоуст вместе с прокурором суда и начальником жандармского управления в 8 часов вечера.

Когда эти лица под'езжали к дому горного начальника, где они должны были остановиться, то были встречены толпою криком и свистом. Уже при следовании туда губернатор мог убедиться в серьезности происходящих беспорядков не только из докладов встретивших его исправника и ротмистра Долгова, но и из того, что на Арсенальной площади он лично увидел галдевшую и волновавшуюся толпу более 1.000 человек, ту самую, которая перед тем осаждала квартиру ротмистра Долгова и исправника. Буйство толпы дошло до того, что она не допустила в здание заводской электрической станции мастеров, и как завод, так и дом горного начальника были лишены обычного электрического освещения. По прибытии начальника губернии в горный дом та же толпа, подойдя к крыльцу дома, стала звонить и стучать в дверь, требуя, чтобы вышел губернатор и принял прошение об освобождении арестованных Ф. и С. Начальник губернии, выйдя к толпе, принял прошение рабочих и предложил толпе разойтись по домам, на следующий день утром итти на работу в цеха, а к нему прислать 3—4 депутатов для переговоров и для об'явления им резолюции. Толпа однако не расходилась, а после ухода губернатора продолжала звонить у под'езда и ломиться в дверь, настаивая на немедленном освобождении арестованных. В виду крайнего возбуждения толпы начальник губернии потребовал по телефону из г. Уфы еще две роты Златоустовского батальона. Тогда же была вытребована на завод третья рота Мокшанского батальона в дополнение к бывшим уже там двум, и один взвод был введен для охраны в дом горного начальника. Лишь когда показались на площади солдаты, толпа, уступая увещаниям говорившего с ней тогда помощника горного начальника Жигаловского, разошлась, причем раздались крики: «Ребята, завтра к 9 часам опять сюда». Это было уже около полуночи.

На следующий день, 13 марта, рабочие с раннего утра стали собираться на Арсенальную площадь, и часов около 9 толпа до 2.000 человек снова осадила дом горного начальника. Слышны были в толпе ругань, насмешки, угрозы и настойчивое требование освобождения арестованных. Начальник губернии и другие начальствующие лица неоднократно выходили к толпе и подолгу уговаривали рабочих разойтись, начать работу и ждать разрешения их ходатайства в законном порядке, но все эти требования властей остались неисполненными; при этом в толпе раздавалась брань по адресу начальствующих лиц: «Бить их надо, мошенников, бей их, лупи как собак». Рабочие кричали, что они разойдутся тогда, когда отпустят Ф. и С. С целью успокоения толпы было решено, что прокурор Уфимского окружного суда и начальник жандармского управления поедут в тюрьму для допроса арестованных рабочих. Когда же прокурор суда и жандармский начальник вышли на крыльцо, чтобы ехать в тюрьму, толпа, позволив сначала кучеру подать для них лошадь, стала требовать, чтобы прокурор шел вместе с толпой пешком, затем раздались крики, что ехать не надо, а лучше пусть приведут арестантов к дому горного начальника, наконец, снова согласились, чтобы прокурор и жандармский полковник ехали в тюрьму. Когда же сели в сани, а с ними на козлы жандармский унтер-офицер Титов, в толпе раздались крики: «Не пустим, поезжай двое, а то лучше с нами пешком». Вместе с тем некоторые из толпы загородили дорогу и бросились к лошади, схватив ее под уздцы, а сами старались удержать за оглобли. В виду оказанного насилия прокурор суда и жандармский начальник управления должны были вернуться в дом. По уходе их толпа подняла неистовый рев и шум и стала ломиться в дом горного начальника, разрывая при этом розданные полицией листки, в которых губернатор приглашал толпу немедленно расходиться. Впереди появились женщины с плачущими детьми, которые своим криком еще сильнее возбуждали бесчинствующую толпу. Начали раздаваться крики, что нужно итти в тюрьму, разбить ее и насильно освободить арестованных; у некоторых из толпы появились в руках камни. Положение становилось критическим. Губернатор принужден был вновь выйти к толпе и увещевать ее разойтись. При появлении начальника губернии толпа закричала: «Тяни его, тащи, в толпу, давай задушим». Убеждения губернатора не оказывали действия; он был со всех сторон окружен рассвирепевшими рабочими, и только благодаря немедленному содействию чинов полиции ему удалось отойти к дверям дома, при чем некоторым из городовых оторвали у шашек темляки, нанесли побои и хватали их с целью увлечь в толпу. У дверей дома губернатор в последний раз увещевал толпу разойтись и итти по домам или на работу, предваряя, что в противном случае он вынужден будет предложить батальонному командиру действовать оружием. В ответ на это из толпы послышались крики: «Бей его, бери его». В виду грозящей опасности, губернатор приказал бывшему при нем подпоручику Великопольскому дать сигнал стоявшему с войсками около колокольни собора командиру батальона о приступе к оружию, что Великопольским было исполнено немедленно. Увидев это, толпа закричала: «ломись, ребята, не сдавайся» и стала напирать на двери, которые с трудом удалось захлопнуть после ухода губернатора. Тогда толпа с криком: «все равно умирать» стала ломиться в двери, разбив при этом стекла и разломав защищавшую их металлическую решетку. Из толпы послышались выстрелы, слегка контузившие помощника исправника Любовицкого и жандармск. унтер-офицера Щергина, причем одна из пуль засела в стене прихожей дома горного начальника. В этот момент войска, стоявшие на площади, дали первый залп, после которого толпа не разбежалась, а продолжала ломиться в двери, несмотря на то, что из прихожей дома горного начальника стал стрелять бывший там взвод солдат. Тогда был дан второй залп, после которого почти вся толпа прилегла к земле, но затем снова поднялась и, угрожая солдатам кулаками, разбилась на четыре кучки. Был дан третий залп. После этих залпов толпа, при виде раненых и убитых, разбежалась, разбив при этом стекла нижнего этажа дома горного начальника и бросая камнями в встречавшихся по дороге полицейских городовых.. Этим закончились беспорядки в городе Златоусте.

При судебно-медицинском освидетельствовании получивших контузии от выстрелов из толпы при беспорядках 13 марта около дома горного начальника жандармского унтер-офицера Щергина и помощника исправника Любовицкого было обнаружено, что у Щергина в области перехода верхней челюсти в правую скуловую кость и на конце верхнего века правого глаза имеются две ссадины кожи, у Любовицкого имеется также поверхностная ссадина кожи на тыльной поверхности безымянного пальца правой руки. По мнению врача, повреждения, найденные у Любовицкого и Щергина, относятся к разряду легких и могли быть причинены пулею и дробью.

При производстве предварительного следствия путем допроса свидетелей, зачинщиков и участников в описанных беспорядках 12 и 13 марта удалось уличить следующих лиц:

1. Полиц. надзиратель и городовые Макурин, Рылов, Фахритдинов, Гончаров, Шикунов, Молин, Мухматин удостоверили, что рабочий завода Петр Михайлов Козырев еще до беспорядков 8 марта убеждал рабочих не подчиняться начальству, причем говорил свидетелю Макурину, что государь Александр II даровал рабочим права, а начальство хочет их отобрать и вернуть рабочих в прежнее крепостное состояние, но они, рабочие, не поддадутся и постоят за себя. Эти же самые слова Козырев говорил и 12 марта при беспорядках у квартиры исправника, где он, находясь впереди толпы, настаивал на освобождении ар стованных, возбуждал толпу не подчиняться требованиям властей и не расходиться, а делать натиск (? Ред.) на крыльцо и увлечь в толпу стоявших там начальствующих лиц; при этом Козырев кричал: «Хватай его (исправника), сдерните его, чего смотрите». После этих слов толпа стала делать натиск на крыльцо. 13 марта, во время беспорядков около дома горного начальника, когда была подана лошадь для прокурора суда и жандармского полковника, желавших ехать в тюрьму для допроса арестованных, Козырев начал кричать, что пускать их не надо, а затем встал перед лошадью и загородил ей дорогу. Примеру Козырева последовали и другие, вследствие чего прокурор суда и жанд. полковник принуждены были отказаться от своего намерения ехать в тюрьму. Наконец, 18 марта, после предупреждения губернатора, что, если толпа не разойдется, он вынужден будет прибегнуть к содействию

военных властей, Козырев закричал: «Ребята, не выдавайте, я был на войне, да меня не убили, а тут нечего бояться, не убьют, стрелять не смеют и не будут». Этими словами Козырев побудил толпу не расходиться. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Козырев, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта у квартиры исправника он не был, а 13 марта, хотя и был в толпе около дома горного начальника, но участия в беспорядках не принимал. Доказательств, подтверждающих свое об'яснение, он представить не мог...

6. Полицейские городовые Шиляев, Москвин, Макурин, Мухаметшин и Молин удостоверили, что рабочий завода Алексей Иванович Крылов во время беспорядков 12 марта был одним из главных крикунов, возбуждавших толпу настоятельно требовать освобождения арестованных и не повиноваться распоряжениям начальства разойтись; причем у квартиры исправника, побуждая толпу к насилию, кричал: «бей его, разорви его, тащи исправника» и старался тащить исправника и его помощника с крыльца, хватая их за пальто. 13 марта тот же Крылов был одним из главных руководителей толпы, осаждавшей дом горного начальника, и своими криками об освобождении арестованных подстрекал толпу к сопротивлению властям. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, А. Крылов, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта он около квартиры ротмистра не был, а что в толпе, осаждавшей 12 марта квартиру исправника, а 13 марта дом горного начальника, он хотя и был, но никакого участия в беспорядках не принимал; все это, по об'яснению Крылова, может удостоверить знакомый его, Алексей Решетников. Однако спрошенный в качестве свидетеля, Решетников ссылки на него Крылова не подтвердил...

8. Полицейские городовые Москвин, Баутин, Макурин, Нигаметулин, Мухаметшин и Рылов удостоверили, что обыватель Дмитрий Никифоров Гагарин 12 марта у квартиры исправника, находясь впереди толпы, хватал за штыки ружей солдат, охранявших исправника, и старался схватить последнего за пальто с целью стащить его с крыльца и увлечь в толпу; причем своими криками: «бей его, разорвем!» возбуждал толпу к насилиям; 13 марта, участвуя в беспорядках толпы у дома горного начальника, начал одним из первых кричать, требуя освобождения арестованных, и этими криками возбуждал толпу не расходиться и не подчиняться требованиям властей. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, А. Гагарин не признал себя виновным и об'яснил, что 12 марта, находясь случайно в толпе, осаждавшей квартиру исправника, он никакого участия в беспорядках не принимал, что могут удостоверить стоявшие с ним Цепилов и Тюмбаров; 13 марта он в толпе около дома горного начальника не был, а работал тогда дома, что удостоверит его работница Наталья Белкина. Допрошенные в качестве свидетелей Цепилов и Тюмбаров ссылки на них Гагарина однако не подтвердили.

9. Жандармский вахмистр Титов, унтер-офицер Щергин и городовой Фахритдинов удостоверили, что рабочий завода Порфирий Михайлов Серединин, участвуя в беспорядках 12 и 13 марта, одним из первых начал кричать о немедленном освобождении арестованных и возбуждал толпу не расходиться и не подчиняться требованиям властей, причем 13 марта, когда прокурор суда и жандармский полковник собирались ехать в тюрьму для допроса арестованных, то он, Серединин, закричал: «не пускать их» и этим криком побудил толпу к тому, что поданная лошадь была задержана и прокурора суда с полковником толпа не пустила исполнить их служебную обязанность. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Порфирий Серединин, не признавая себя виновным, об'яснил, что в беспорядках 12 и 13 марта он не принимал решительно никакого участия, а 12 марта даже работал на заводе, что могут подтвердить свидетели Макаров, Артамонов, Сюзев, Осип и Дмитрий Ивановские. Однако, все эти лица, при допросе их в качестве свидетелей, удостоверили, что им неизвестно, где был Серединин до полудня. 12 и 13 марта Серединин был на заводе лишь до семи часов вечера, но где он был после этого времени, они также не знают.

10. По удостоверению полицейских городовых Мухаметшина и Баутина, полицейских надзирателей Андреева и Коноплева, полицейместера завода Уманцева и Ник. Ветошева, заводский конюх из мещан г. Златоуста Дм. Фед. Подречнев 12 марта у квартиры исправника, находясь впереди толпы, требовавшей освобождения Филимошкина и Симонова, своими криками: «хватай, бери» и размахиванием рук подстрекал толпу к насильственным действиям, причем хватал за штыки ружей. Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого, Дмитрий Подречнев, не признавая себя виновным, об'яснил, что 12 марта он, проходя мимо квартиры исправника, остановился не надолго, но, боясь быть смятым толпой, тотчас удалился...

31. Помощник исправника Любовицкий, жандармский ротмистр Долгов, полиц. надзир. Андреев и Копылов, полиц. городовые Мухаметшин, Нигаметулин, Шикунов, Баутин, Рылов, Гладкин, Гончаров, Молин, Москвин, Макурин, Егоров и Фахридинов удостоверили, что обывательница Марфа Степановна Филимошкина (жена арестованного в порядке охраны рабочего) явилась к квартире жанд. ротмистра с детьми, бросилась к ногам солдат с причитаниями: «выручите, родимые; отпустите мужа; коли взяли его, берите и детей», чем сильно возбудила толпу, которая с криком: «освободите и бери его, ротмистра» надвинулась на крыльцо; точно так же вела себя Филимошкина у квартиры исправника, положив ребенка к ногам последнего, а затем 13 марта у дома горного начальника. Такое поведение Филимошкиной и просьбы ее, обращенные к толпе, заступиться за мужа действовали на толпу возбуждающим образом и подстрекали ее к насилию и сопротивлению властям. Привлеченная в качестве обвиняемой Марфа Филимошкина, не признавая себя виновною, об'яснила, что, хотя она и была в толпе при беспорядках 12 и 13 марта, но участия в этих беспорядках не принимала; доказать этого не может.

32. Помощник исправника Любовицкий, пол. надз. Андреев, городовые: Нигаметулин, Мухаметшин, Рылов, Макурин, Фахридинов и Копылов удостоверили, что обывательница Анастасия Яковлевна Симонова (мать арестованного в порядке охраны рабочего) вместе с обвиняемой Филимошкиной во время беспорядков 12 и 13 марта возбуждала толпу и подстрекала ее принудить начальствующие лица освободить арестованных; притом, обращаясь к толпе и кланяясь ей, говорила: «Пожалейте детей; хоть вы-то вступитесь, братцы; одна надежда на общество». Привлеченная в качестве обвиняемой, А. С. не признала себя виновной и об'яснила, что во время беспорядков 12 и 13 марта она только просила начальство освободить ее сына, но к толпе с такими просьбами не обращалась...

33. Пол. надз. Андреев и Коноплев, пом. исп. Любовицкий, пол. город.: Шикунов, Молин, Нигаметулин, Редриев, Мухаметшин, Баутин, Макурин, Калимуллин, Копылов и Рылов удостоверили, что обывательница Анна Савельева Рогожникова 12 марта, явившись с толпою к квартире исправника, первая начала требовать от исправника освобождения арестованных и своими криками возбудила толпу; при этом, только стихала, поддаваясь убеждениям исправника, Рогожникова снова старалась побудить толпу к беспорядкам, крича: «Не потакай ему; что его слушать? тащи его; пусть выпустит; он только обманывает нас». Затем, ругая исправника, говорила ему: «Кровопийца ты; вон как крови нашей напился, какой красный стал; берите его; что вы смотрите на него? разорвать его надо». Все эти слова сильно возбудили толпу и подстрекали ее делать натиски на исправника с целью стащить его с крыльца. Привлеченная к следствию в качестве обвиняемой, А. Рогожникова виновной себя не признала и об'яснила, что, хотя в толпе около квартиры исправника была, но участия в беспорядках не принимала; свидетелей указать не может.

На основании изложенного вышепоименованные лица обвиняются в том, что 12 и 13 марта 1903 года в г. Златоусте по предварительному между собой соглашению, с целью понудить правительственные власти освободить из-под стражи рабочих Филимошкина и Симонова, арестованных на основании закона 14 авг. 1881 года, а первые 25 обвиняемых, кроме того, и с целью воспрепятствовать введению на Златоустовском заводе закона 11 марта 1902 г. о приеме новых расчетных книжек с условиями найма на

работы названного завода, вместе с толпою в 2 тысячи человек, не подчинившись законному требованию властей разойтись, произвели уличные беспорядки, осаждая квартиру жандармского ротм. Долгова, уездн. исправника Ключникова и горного начальника Зеленцова, оскорбляли словами и угрожали насилием, а когда для восстановления порядка призваны были войска, то еще настойчивее стали принуждать представителей правительственной власти к несогласному с долгом службы исполнению вышеуказанных их незаконных требований, причем: а) бросали в уездного исправника и в чинов полиции камнями, палками и комками обледенелого снега, хватали исправника за фалды пальто, стараясь увлечь его в толпу; б) с криком: «тяни его в толпу, задушим» набрасывались и на уфимского губернатора; в) хватали за ружейные штыки с целью, повидимому, обезоружить солдат; г) нанесли побои полицейскому надзирателю Коноплеву, полицейским городовым и подпоручику Работкину; д) не допустили прокурора суда и жандармского полковника ехать в тюрьму для допроса арестованных Ф. и С.; е) ломились в дом горн. нач., изломав при этом металлическую решетку и стекла входной двери, а также стекла окон нижнего этажа дома горн. нач. и, наконец, ж) имея при себе не только холодное, но и огнестрельное оружие, произвели выстрелы, контузившие пом. исправника Любовицкого и жанд. унт. офицера Щерегина, вследствие чего и в виду невозможности рассеять двухтысячную толпу чисто полицейскими мерами прекращение означенных беспорядков было возложено на военные власти с предложением командиру Мокшанского батальона действовать оружием, и последнему только после трех ружейных залпов удалось рассеять толпу и таким образом восстановить порядок.

Преступление это предусмотрено 13 и 363 ст. Улож. о наказаниях.

Список лиц, подлежащих вызову к судебному следствию; об'виняемые:

1. Алексей Михал. Пелявин, 2. Алексей Ив. Крылов, 3. Потап Лаврентьев Носков (Ветошев), 4. Евграф. Вас. Шумилов, 5. Михаил Дмитр. Аникеев, 6. Порфирий Мих. Серединин, 7. Андрей Лаврентьев Носков, 8. Степан Филипп. Платонов, 9. Павел Егор. Борисов 10. Николай Емельян. Дьячков, 11. Ив. Ильин Петров (Долинин тож), 12. Ив. Павлов. Шестаков, 13. .... Егорович Борисов, 14. Егор Михайл. Качев, 15. Петр Мих. Козырев, 16. Алексей Ив. Степанов, 17. Николай Серг. Усачев, 18. Григорий Григорьевич Селюнов, 19. Иван Ефимов Счастливцев, 20. Николай Ефимов. Счастливцев, 21. Дмитрий Федор. Подречнев, 22. Василий Григорьевич Андреянов, 23. Александр Григорьевич Уткин, 24. Иван Николаевич Ильин, 25. Иван Серапионов. Васнецов, 26. Александр Семенов. Таратунин, 27. Михаил Макс. Мухин, 28. Дмитрий Никифор. Гагарин, 29. Михаил Михайлов Беркау, 30. Евдокия Васильевна Камнева, 31. Анна Абрамовна Сюзева, 32. Анна Савельева Рогожникова. Содержатся под стражей в уфимской губернской тюрьме, 33. Марфа Степановна Филимошкина, 34. Анастасия Яковлевна Симонова, находятся под надзором полиции.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 49 1 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА № 49

КРАСНЫЙ С'ЕЗД [1] В КРАСНОЙ СТРАНЕ.

Приветствуя многочисленных делегатов, со всех концов Германии с'ехавшихся в Дрезден, представитель дрезденского «местного комитета», товарищ Кадэн, заметил, что саксонцы показали себя достойными той чести, которую германская социал-демократия сделала их стране, созвав в ее столице свой партийный с'езд нынешнего года. Это замечание, конечно, как нельзя более справедливо. На последних выборах в рейхстаг сознательный пролетариат Саксонии одержал такую великую, такую блестящую победу, о какой вряд ли мечтали в его среде даже самые крайние оптимисты. Из 23 мест, занимаемых в рейхстаге депутатами от Саксонии, 22 принадлежат теперь социал-демократам.

Саксония — поистине красная страна, как назвал ее в своей речи товарищ Кадэн. Но если эта красная страна в самом деле была вполне достойна чести принимать у себя представителей великой германской армии пролетариата, то эти представители, делегаты с'езда, со своей стороны, за небольшими исключениями, показали себя вполне достойными чести заседать в «красной стране». Дрезденский с'езд по всей справедливости может быть назван красным с'ездом. Важнейшее из его решений относится к так называемому в Германии ревизионизму — бернштейнианству тож — и представляет собою смертный приговор этому направлению. За этот приговор всемирная социал-демократия должна быть глубоко благодарна дрезденскому с'езду: он оздоровит социал-демократическую атмосферу в Германии и уже одним этим окажет в высшей степени благотворное влияние на ход международного социалистического движения. Враждебная ревизионизму резолюция красного с'езда является хорошим предзнаменованием для международного социалистического конгресса будущего года. Англичанин Джонс, говоривший в Дрездене от имени английской Социал-демократической Федерации, недаром сказал, что национальный германский с'езд имеет большое значение для борющегося пролетариата всего мира.

Происходившая на с'езде борьба мнений принимала подчас очень резкую форму, а нападки ревизионистов на Франца Меринга, — провинившегося на этот раз лишь беспощадным разоблачением их промахов и ошибок, — имели прямо отталкивающий характер. Поэтому некоторые добрые, но слабонервные люди получили от с'езда очень тяжелое впечатление, граничащее даже с полным разочарованием. Но винить в этом нужно не с'езд, а только слабые нервы этих добрых людей. Выходки нападавших на Меринга ревизионистов были, без сомнения, отвратительны. Но они свидетельствовали лишь о безвыходном положении этих почтенных героев «критики» и никоим образом не могут быть поставлены на счет германской социал-демократии вообще или дрезденскому с'езду в частности. А что касается направленных против ревизионизма страстных речей Бебеля и некоторых его ближайших единомышленников, то на всякого здорового человека они могли произвести только самое отрадное, самое ободряющее впечатление. Удивительно не то, что левое крыло германской социал-демократии позволило себе решительно и страстно напасть на ревизионистов, а то, что оно до сих пор считало нужным церемониться с ними. Уже несколько лет тому назад, когда теоретик германского ревизионизма Э. Бернштейн только что начал свою так называемую критику марксизма, газета «Sächsische Arbeiter-Zeitung» [2] напечатала ряд статей, в которых доказывалось, что теперь речь идет о том, кто кого похоронит: Бернштейн немецкую социал-демократию или немецкая социал-демократия Бернштейна. Тогда эти статьи, написанные одним русским социал-демократом, показались слишком резкими и несправедливыми едва ли не всем без исключения немецким марксистам, а их главная мысль была встречена большинством читателей как парадокс, подсказанный крайним полемическим увлечением. Теперь наши немецкие товарищи сами видят, что торжество ревизионизма означало бы гибель социал-демократии, как партии революционного пролетариата, и решение, принятое дрезденским с'ездом по вопросу о тактике, является, как мы сказали выше, смертным приговором бернштейнианству. Парадокс оказался очень похожим на истину. И если пока еще никто из германских социал-демократов не заговаривает о похоронах г. Бернштейна, т. е. об исключении его из партии, то это об'ясняется, по всей вероятности, тем, что сбитый со всех своих теоретических позиций, покинутый почти всеми своими сторонниками и постоянно все сильнее и сильнее компрометирующий самого себя свойственною ему беспредельной бестактностью, этот комичный рыцарь печального образа кажется им несравненно более жалким, чем опасным. Для нас нет ни малейшего сомнения в том, что они очень ошибаются. Г. Бернштейн до сих пор вовсе не так безопасен для их партии, как они думают. Он еще не мало повредит ей. Но это другой вопрос, о котором мы поговорим с читателем, когда г. Бернштейн снова напомнит своим слишком добродушным товарищам о своем «критическом» уме какою-нибудь новой, более или менее громкой, бестактной выходкой. Мы убеждены, что ждать придется недолго *. Теперь же речь идет

* Статья эта была набрана, когда телеграф принес известие, что второй избирательный округ Берлина требует исключения из партии гг. Бернштейна, Брауна и Герэ. В добрый час!

у нас собственно о страстности, обнаруженной защитниками «ортодоксии», и мы утверждаем, что она должна не огорчать, а радовать всех тех, кому в самом деле дороги интересы пролетариата. Без страсти не делается ничего великого в истории, и успешно бороться с крупным общественным злом может только тот, у кого течет горячая кровь в жилах.

Международные любители «товарищеских приемов в полемике» никак не могут понять, что «ортодоксы» в сущности совсем не товарищи ревизионистам и должны вести смертельную борьбу с ними, если только не желают изменить своему собственному делу. Между этими двумя направлениями лежит глубокая и непереходимая пропасть. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить, например, вышеупомянутую резолюцию дрезденского с'езда с тем, что проповедывал тот же несравненный г. Бернштейн в своей пресловутой книге «Die Voraussetzungen des Sozialismus» [3].

Дрезденский с'езд беспощадно и решительно осудил «всякое стремление затушевать существующие и все растущие классовые противоречия». Г. Бернштейн очень усердно, хотя и безуспешно, затушовывал эти противоречия с помощью тех статистических софизмов и тех теоретических паралогизмов, которые в таком изобилии запасены были новейшими апологетами капитализма.

Дрезденский с'езд самым категорическим образом высказался против «политики приспособления к существующему порядку вещей», противопоставив ей старую тактику партии, увенчавшуюся такими крупными победами и основывающуюся на классовой борьбе»; г. Бернштейн был самым усердным пропагандистом и самым настойчивым защитником «политики приспособления».

Дрезденский с'езд об'явил, что социал-демократия должна оставаться партией социальной революции; г. Бернштейн настойчиво приглашал ее превратиться в партию социальной реформы.

Одним словом, взгляды г. Бернштейна коренным образом противоречат учению революционного социализма; поэтому всякая попытка примирить это учение с его взглядами самым существом дела заранее осуждена на полнейшую неудачу. И чем более наши немецкие товарищи, оставшиеся верными революционному социализму, убеждаются в совершенной непримиримости своей программы со взглядами г. Бернштейна, тем страстнее оспаривают они эти взгляды и тем энергичнее борются они с ревизионистами. Иначе и быть не может. Было бы очень странно и очень печально, если бы было иначе. «Товарищеская полемика» немыслима между такими людьми, которые по самому положению вещей должны быть непримиримыми врагами.

Любители «товарищеской полемики» охотно распространяются также на тему о свободе мнений. «Социал-демократия не может ограничивать право критики», — говорят они. И это, конечно, верная мысль, но применяется она в данном случае совершенно неправильно. Если бы социал-демократия с презрением выбросила из своих рядов г. Бернштейна тотчас же после выхода в свет его вышеназванной книги, то этот факт, — последствия которого, наверно, были бы для нее очень полезны, — нисколько не помешал бы ей оставаться вернейшей защитницей свободы мысли и слова. Свобода мысли и слова обеспечивается вовсе не тем, что люди противоположных мнений мирно уживаются в рядах одной и той же партии, а тем, что законы страны дают всем партиям право думать все, что они хотят, и говорить все, что они думают. Выбросив из своих рядов г. Бернштейна или какого-нибудь другого ревизиониста, договорившегося до буржуазных теорий, немецкая социальная демократия отнюдь не посягнула бы этим на непререкаемое право этого господина критиковать какие ему угодно воззрения. Она только воспользовалась бы своим собственным правом принимать в свою среду только людей, признающих ее собственные взгляды. Когда говорят, что социал-демократия должна обеспечить своим членам полную свободу мнений, то забывают, что политическая партия совсем не академия наук. «Философствовать значит не действовать; действовать значит не философствовать» (thun ist nicht philosophiren; philosophiren ist nicht thun), — справедливо замечает где-то Фихте. Пока я философствую, я не действую, а пока я не действую, люди дела не имеют никакого права спрашивать у меня отчета в том результате, к которому привела меня работа моей философской мысли. Но когда я начинаю действовать, я перестаю философствовать, и тогда те люди дела, с которыми мне хотелось бы сойтись, не только имеют полное право, но обязаны спросить меня, к какому именно выводу я пришел и не противоречит ли мой вывод их практическим задачам. Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников. Как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии, во имя свободы мнений, таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий.

Само собою разумеется, что единомыслие обязательно только в существенных для партии вопросах. Но ни в теории всемирной социал-демократии, ни в ее практике не было, нет и не может быть вопросов, имеющих для нее более существенное значение, чем те, о которых так горячо спорят ортодоксы с ревизионистами. От их решения в ту или другую сторону зависит вся ее будущность.

До каких неслыханных нелепостей доходят ревизионисты, желающие наградить социал-демократию благами неограниченной «свободы мнений», показывает следующий курьезный пример, который показался бы нам совершенно невероятным, если бы он не был совершенно достоверным. Когда в немецкой социал-демократической печати разгорелся знаменитый отныне спор о «вице-председательстве», товарищ (гм! гм!) Пеус неожиданно высказал ту мысль, что, добиваясь для одного из своих членов вице-председательского места, социал-демократическая фракция в рейхстаге не должна смущаться тем непременным условием, на котором ей только и могло бы достаться это место: обычным визитом во дворец для выражения верноподданнических чувств императору. В подтверждение этой, крайне странной в устах социал-демократа, мысли товарищ (?!) Пеус выдвинул тот довод,

что хотя, конечно, Вильгельм II всегда и грубо нападает на социал-демократов, но, с другой стороны, и за императором должна быть признана свобода мнений. Это поистине бесподобно! Гнитесь в три погибели и почтительно шаркайте перед тем, кто поносит вас лживой и грубой бранью. Если вы откажетесь поступать так, то товарищ (нечего сказать, очень умный товарищ!) Пеус обвинит вас в посягательстве на свободу чужого мнения. О, свободолюбцы! Дальше этого итти уже некуда, потому что, — к сожалению или к счастью, — область абсурда тоже имеет свои пределы.

Некоторые горько сожалеют еще о том, что старый спор о тактике возгорелся в германской партии так скоро по окончании июньских выборов: им было будто бы испорчено грандиозное впечатление блестящей победы, одержанной социал-демократией. Но, во-первых, на этот раз, — как и всегда, — спор начат был не ортодоксами, а ревизионистами, которые, в лице неутомимо-бестактного г. Бернштейна, стали советовать социал-демократии поступать, — по выражению сатирика, — применительно к подлости, а во-вторых, победа над внешними врагами отнюдь не должна была мешать ортодоксам стремиться к победе над врагом внутренним, угрожавшим самому ее существованию как революционной партии сознательного пролетариата. Если бы за беспримерную июньскую победу надо было заплатить постыдной ценою мира с ревизионистами, то эта победа стоила бы партии слишком дорого. Но после июньской победы мир с ревизионистами стал возможен менее, чем когда бы то ни было. «Ортодоксы» нравственно должны были предостеречь победоносный пролетариат от той тактики, которая завела бы его в болото оппортунизма и сделала бы бесполезными все его великие успехи, бесплодной всю его несокрушимую энергию. Энергичный отпор ревизионистам был для «ортодоксов» политической обязанностью и психологической необходимостью. И вот почему сравнительно ничтожные поводы, участие некоторых ревизионистов в буржуазных органах, клеветавших на социал-демократию, и смешные разглагольствования ревизионистского Санчо Пансы о том, что социал-демократия могла бы с большей пользой для себя и без всякого ущерба для своего нравственного достоинства проделывать верноподданные книксены перед императором, — вызвали против ревизионистов такую бурю негодования, какая еще ни разу не разражалась в среде наших сдержанных немецких товарищей. Вынесенный красным с'ездом смертный приговор ревизионизму надлежащим образом увенчал июньскую победу германского пролетариата. Без него она была бы неполна.

Мы горячо рукоплещем красному с'езду; но мы не хотим обманывать себя слишком розовыми надеждами. Ревизионизму вынесен смертный приговор. Это очень хорошо. Но приговор этот имеет, собственно говоря, пока только нравственное значение. Ревизионисты попрежнему занимают сильные позиции в партийной организации и это очень плохо, потому что они наверно воспользуются этими позициями для новых попыток в пользу своей тактики. По правде сказать, мы думаем, что дрезденский с'езд был в состоянии сделать больше, чем сделал, для ослабления практического влияния ревизионистов.

Надо заметить, впрочем, что вопрос о позициях, занимаемых ревизионистами в германской партии, очень сложный вопрос. Его нельзя разрешить одним постановлением с'езда. Дело в том, что рабочий класс не может обойтись без услуг так называемых в Германии академиков — по нашему интеллигенции. Но немецкая интеллигенция сильно пропитана буржуазным духом. Даже те «академики», которые разрывают с господствующими классами и переходят на сторону пролетариата, по большей части приносят с собою не малый запас буржуазных предрассудков. Поэтому буржуазная «критика» революционного социализма обыкновенно производит на них чрезвычайно сильное впечатление. Академики, переходящие в ряды пролетариата, можно сказать, от рождения склонны «критиковать Маркса». А так как их образование дает им возможность занимать в партии влиятельное положение агитаторов, публицистов, редакторов и т. п., то и выходит, что унтер-офицерские и офицерские места в рабочей армии очень часто принадлежат именно ревизионистам. Это прекрасно выяснилось на дрезденском с'езде. Но там же выяснилось и то отрадное для всякого революционера обстоятельство, что между тем как офицеры и унтер-офицеры великой армии труда сочувствуют ревизионизму, ее рядовые — организованные рабочие в собственном смысле этого слова — в своем огромнейшем большинстве стоят за революционную тактику и резко осуждают ревизионизм со всеми его буржуазными симпатиями и со всей его будто-бы практичной близорукостью. Только поэтому ревизионизм до сих пор и не принес германской партии того страшного вреда, который он мог бы принести ей при других условиях: оппортюнистические стремления «академиков» разбивались о революционное настроение рабочей массы. Но такое положение дел во всяком случае ненормально и очень опасно. В XVI веке, во время великой «крестьянской войны», незнакомые с военным делом крестьяне по необходимости пользовались услугами перебежчиков из среды мелкого дворянства, которому это дело было, наоборот, очень хорошо известно. Отрядами восставших крестьян сплошь да рядом предводительствовали взбунтовавшиеся дворяне. Но дворянское недовольство было гораздо менее глубоко, чем крестьянское. Поэтому дворяне далеко не были такими последовательными революционерами, как крестьяне. У каждого из них жило, как у Фауста, по две души в груди. Их можно назвать ревизионистами той эпохи. Связанные тысячью духовных нитей с тем самым классом, против которого восставали предводимые ими крестьяне, они легко примирялись с ним и нередко снова переходили на его сторону, оставляя на произвол судьбы свои крестьянские отряды. Энгельс говорит, что этим об'ясняются многие неудачи крестьян. В последние годы мы невольно и часто вспоминали это замечание Энгельса, видя, как охотно встречают западно-европейские академики, перешедшие под знамя социализма, всякие попытки «пересмотреть» учение Маркса, т. е., на самом деле, ослабить значение и влияние той теории, которая является наилучшим в настоящее время идеологическим выражением революционных стремлений пролетариата. Мы понимали, что причина этого печального явления лежит в буржуазном происхождении «академиков», и мы часто спрашивали себя: как же справится западно-европейская социал-демократия с затруднением, заключающимся в необходи-

мости предоставлять влиятельное положение в партийной организации людям, по своему происхождению и воспитанию склонным скорее бояться революционных стремлений пролетариата, чем поддерживать их? Очевидно, что выйти из этого затруднения необходимо, но не менее очевидно, что выход из него найти нелегко. Оно еще не один раз напомнит о себе немецкой и всей вообще западной социал-демократии. Говорим — Западной, так как в России положение дел теперь другое, и ее интеллигенция настроена гораздо более революционно, чем западно-европейская. Но что и она не чужда, к сожалению, сродства с ревизионизмом, это известно всем не «беззаботным насчет литературы».

Дрезденский с'езд обратил большое внимание на это затруднение. В этом состоит одна из многих его заслуг. Ортодоксы, выступавшие на нем против ревизионистов, настойчиво повторяли, что влиятельные места в организации могут быть предоставляемы только тем «академикам», которые усердной службой в качестве простых рядовых показали, что умеют твердо держаться точки зрения революционного пролетариата. Мы считаем эту меру безусловно необходимой, но боимся, что она будет недостаточна. Если все становящиеся на сторону рабочего класса «академики» будут находиться под влиянием буржуазных теорий, то партии поневоле придется быть снисходительной в своем выборе, т. е. открывать дверь новым разновидностям ревизионизма. Чтобы уменьшить эту опасность, обусловленную неблагоприятными для пролетариата общественными отношениями, нужно аттаковать врага на его собственной территории. Против теоретиков буржуазии, «критикующих Маркса», должны выступить фаланги теоретиков пролетариата, критикующих новейшие буржуазные доктрины. А для того чтобы у пролетариата явились такие теоретики, международной социал-демократии следует прежде всего отделаться от той ложной деловитости, которая выражается в пренебрежительном отношении к теории и которая в последние годы распространялась в ее среде буквально как злая зараза. Только влиянием этой ложной деловитости и об'ясняется то непонятное на первый взгляд обстоятельство, что ревизионисты так долго могли безнаказанно затемнять своей мелкобуржуазной проповедью классовое самосознание рабочих. Пора уже нам понять, что равнодушным отношением к своей собственной теории мы только облегчаем распространение в нашей среде буржуазных учений. Близорукая деловитость очень полезна ревизионистам: им теории не ко двору. Но что ревизионисту здорово, то «ортодоксу» — смерть.

С величайшим интересом прочитали мы то место речи товарища Ауэра, где он, касаясь международного парижского с'езда 1900 г., говорит, что в то время товарищ Каутский не так отрицательно относился к Милльерану, как теперь. Это совершенно справедливо, что бы там ни возражал на это названный товарищ. Если бы в немецкой делегации, явившейся на последний международный парижский с'езд, преобладало то резкое отношение к ревизионизму, которое так решительно восторжествовало в Дрездене, то знаменитая «каучуковая резолюция» товарища Каутского не увидела бы света даже в виде проекта, и тогда правоверная часть российской делегации была бы избавлена от печальной необходимости разойтись в голосовании со своими немецкими единомышленниками.

Закрывая с'езд, товарищ Зингер в своей, по обыкновению, энергичной речи сказал, что его партия останется, как и была, революционной партией рабочего класса. Он мог пойти дальше и сказать, что эта партия отличается теперь гораздо более революционным настроением, чем несколько лет тому назад, когда начиналась реви-

НОВЫЙ РАЗБОЙ.

Небывалые до сих пор явления происходят у нас: из самых глухих местечек приходят вести о вооруженных столкновениях с правительством, о массовых демонстрациях, митингах и т. д. Каждый день почти появляются временные организации, ставящие себе целью оказать правительству сопротивление в той или иной форме. Даже непосвященный читатель, знакомый с событиями лишь по правительственным сообщениям, должен признать, что Закавказье охвачено революционной бурей.

Ближайшей причиной, вызвавшей такой единодушный массовый протест даже в самых глухих, незатронутых до сих пор никакой крамолой уголках, послужило издание царского повеления от 12 июня этого года о передаче армянских церковных имуществ в ведение правительства. Но было бы ошибочно предположить, что один только этот закон способен был вызвать такую бурю. Систематические преследования мирных культурных учреждений, пресловутая «обрусительная политика», закрытие 300 с лишним армянских школ, стеснение деятельности благотворительных учреждений, закрытие издательского товарищества и целый ряд других подобных мероприятий мало-по-малу создавали резкий антагонизм между армянским населением и правительством, который рано или поздно должен был прорваться. Но последняя мера, так же как и предыдущие, могла бы остаться без открытого революционного протеста, если бы не героическая борьба рабочих масс в кавказских промышленных центрах, указавшая всему краю, что против самодержавия должно и можно бороться. Целый ряд удачных демонстраций, широкая массовая агитация, наконец знаменитые всеобщие стачки этого лета сильно революционизировали все слои населения. Вот почему армянское население, безропотно сносившее целый ряд насилий, запротестовало теперь резким образом против нового хищничества коронованного разбойника и стало защищать свои права с оружием в руках. Уже около шести лет (с 1898 года) правительство лелеяло этот закон, но из опасения смуты на Кавказе, — как показывает оглашенный секретный документ комитета министров, — откладывало его издание. Теперь, в виду сильного роста революционного движения, оно захотело терроризировать население, чтобы в корне убить всякую «крамолу», но вышло совершенно наоборот.

Против закона 12 июня возмутилось все население, так как этим законом попирались дотоле принадлежащие ему права. До сих пор всеми церковными имуществами на Кавказе управлял народ посредством своих выборных,

зионистская кампания, имевшая целью сделать из нее мирную партию буржуазной социальной реформы. Красный с'езд показал это с поразительной ясностью, и за то мы от души признательны красному с'езду. Да здравствует германская социал-демократия!

[Г. Плеханов]

ИЗ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Лозунг «сильной руки» и «ежовых рукавиц», с которым вступило в жизнь министерство Плеве[4], с самого начала определил будущий курс его. Чем выше поднимала голову «гидра революции», тем ожесточеннее отбивалось «боевое» министерство. Страх за шкуру самодержавия заставил, наконец, преодолеть веру в чудодейственную силу финансового мага: Витте — политический противник Плеве — пал. Нам неизвестна закулисная история этого падения, но довольно ясный намек дают на этот счет «Московские ведомости»[5]. Рассыпаясь в похвалах отечественному гению, «Московские Ведомости» отмечают, что политика Витте — политика искусственного настроения капитализма — вредно отозвалась на российском сельском хозяйстве и, главным образом, на двух заинтересованных в нем сословиях — дворянстве и крестьянстве, главных опорах порядка. С падением Витте перестанет угрожать «порядку» опасность с этой стороны.

Что же касается опасности, грозящей со стороны элементов, не призванных поддерживать «порядок», то против нее принимаются самые широкие меры. Правительственная тактика в этом отношении становится все яснее и определеннее. Отделить козлищ от агнцов — революционную интеллигенцию от рабочих и крестьянства, а потом обезоружить каждый из этих слоев особыми мерами — кого угрозой, кого лаской — вот план-тактика Плеве.

Широкая масса бессознательного крестьянства, — одна из опор порядка, по мнению «Моск. Вед.», — подлежит самому радикальному воздействию. Чтобы обеспечить ее верность самодержавию и православию, правительство начинает с молодого поколения. «На всеподданнейшем отчете г. псковского губернатора», — говорит преосв. Сергей, встречая царя в Пскове, — «вам угодно было начертать: „желал бы видеть побольше учительниц в народных школах“. Епархиальные женские училища по преимуществу воспитывают и обучают будущих учительниц народных школ» («Гражданин» № 65). «Церковный Вестник» тотчас же подхватывает этот лозунг и доказывает все прелести этой поповской монополии на народное образование. «Получив в училище (епархиальном) строго церковное воспитание и достаточное образование» — пишет «Церковн. Вестник», — они (воспитанницы епарх. училищ) несут в народ здоровые начала религиозности и любви к отечеству. Те же «здоровые начала» должны прививать крестьянину «Дружеские Речи» кн. Мещерского, обязательно рассылаемые во все волостные правления, да разные кукольные комедии, вроде открытия мощей Серафима Саровского. Добровольный агент самодержавия и православия—пресловутый генерал Богданович—издает тысячами лубочно-патриотические брошюры, ездит на гастроли по всей России, где его встречают и приветствуют братства хоругвеносцев-ремесленников («Русские Вед.» № 239), устраивает чтения и собеседования. «Ген. Богданович — пишут „Моск. Вед.“ — вчера устроил здесь (в Ртищеве, Сар. губ.) в народной аудитории, вблизи вокзала, и в церковной школе в поселке, собеседования с железнодорожными рабочими и крестьянами, которых собралось около полуторы тысячи».

Но, к прискорбию правительства, в России имеется уже вполне определенный слой рабочего населения,

---

громадная часть доходов с них тратилась на культурные нужды, наконец, до закона духовенство было в полной материальной зависимости от паствы, — теперь же, с передачей церковных имуществ в ведение чиновников, права народа на национальное имущество и влияние его на духовенство сводятся к нулю. Теперь духовенство, превратившись в правительственных чиновников, получающих содержание от казны, будет во всем проводить правительственные тенденции. Вот мотивы, которыми руководились демократически настроенные элементы в своей агитации против закона 12 июня. Духовенство об'ясняет закон желанием правительства уничтожить автономную армянскую церковь и подчинить ее влиянию православия и ведет свою особую агитацию. Националисты в своих прокламациях призывают бороться во имя попранных национальных прав, во имя нанесенной всей нации обиды. Все сходятся на одном, что надо во что бы то ни стало бороться против хищничества царя, против существующего политического режима.

Вслед за изданием закона во всех населенных армянами центрах стали происходить многочисленные собрания, принимавшие почти одну и ту же резолюцию: послать делегатов или отправить петицию к католикосу с настойчивой просьбой ни в каком случае добровольно не уступать, причем давалось обещание поддержать всякий протест с его стороны, даже если дело дойдет до вооруженного столкновения. Так, например, в Карсе на митинге в несколько тысяч человек, состоявшемся в армянской церкви, была подписана петиция в указанном смысле. Такие петиции шли даже из далеких деревень. Отовсюду с'езжались в Эчмиадзин депутаты. Духовенство под влиянием общественного мнения решило протестовать, и вот католикос рассылает кондак (буллу) по всем епархиям с распоряжением не передавать имущества правительственным чиновникам, пока от него не будет специального разрешения. Одновременно с этим он послал несколько телеграмм царю. По поводу этого распоряжения католикоса царь не замедлил, конечно, выразить свое недовольство: устами Плеве он заявил в письме к католикосу, что если армянское высшее духовенство будет продолжать сопротивляться высшей государственной власти, то на очередь будет поставлен вопрос о том, «на сколько дарованный русским монархом строй армянской церкви отвечает общегосударственным интересам» (читай: интересам самодержавия!). Это секретное письмо, изданное нашим Союзным Комитетом[8] с соответствующими комментариями, вызвало среди общества страшное негодование и имело не устрашающее, как вероятно предполагал Плеве, а наоборот возбуждающее значение. Вообще правительство своими нетактичными выходками ведет

к которому не под'едешь с саровскими мощами и ген. Богдановичем. Этих рабочих правительство старается задобрить экономическими уступками, отрезав их, таким образом, от политического движения. Зубатовская политика разврата, повидимому, потерпела крушение; сам Зубатов, по сведениям «Освобождения», уходит «на покой», но место Шаевичей, с их лозунгом «экономическая самодеятельность» рабочих, занимают добродетельные помпадуры. И. д. петербургского градоначальника Фриш, «заметив утомленные лица» ремесленных учеников, строго приказал блюсти десятичасовой рабочий день в ремесленных заведениях. Он же предложил городскому управлению заняться улучшением быта служащих на городских конно-железных дорогах («Русск. Вед.» № 237), а также сиделок в городских больницах («Русск. Вед.» № 239). Другой помпадур, Трепов таврический, устанавливает цены на выгрузку хлеба в Феодосийском порту «по взаимному соглашению между экспортерами и рабочими» («Спб. Вед.» № 233). Но, когда тамбовское общество взаимопомощи приказчиков возбудило ходатайство о нормировке рабочего дня приказчиков, губернатор отказался «дать ход» делу, ибо вопрос, по его мнению, имеет «общегосударственное значение» («Русск. Вед.» № 243). Инициатива таких «вопросов» составляет монополию правительства — его должны благодарить рабочие за благодеяния. И таких примеров множество.

Но уже в приказе Трепова проглядывает другой лик Януса. «Все те из рабочих», — прибавляет приказ, — «которые не пожелают встать на работу по об'явленным здесь ценам, будут записываться полицейским чиновником и затем удаляться из порта». И этим своим вторым ликом Янус обращен ко всем недовольным и непокорным, ко всем дерзающим протестовать и бороться. Стрельба в демонстрирующую толпу, ставшая, повидимому, неот'емлемою частью всех манифестаций, истязания по тюрьмам и участкам, наконец драконовские наказания, как в деле саратовских и нижегородских демонстрантов и, особенно, в приговоре по делу о демонстрации 2 марта в Ростове, вот меры борьбы с революцией.

Но, стараясь привлечь на свою сторону «народ» и жестокими мерами сломать неблагонадежные элементы, правительство не оставляет без внимания и те слои, которые могут сочувствовать борьбе с современным порядком. На первом месте стоит, конечно, земство. «Министру внутр. дел предоставлено право, — пишет „Слово“ в № 200, — приостановить в нынешнем году собирание путем местных опросов статистических сведений о земельных имуществах в тех губерниях, в которых применение этой меры вызывается местными условиями». Эта мера против статистиков, уже знакомая нам с прошлого года, прекрасно освещается следующими словами «Моск. В.» (№ 232): «Кто может счесть, сколько бумаги и типографского труда бесплодно поглотили одни земские статистические работы, около которых кормились все отбросы наших революционных движений». Слова эти были сказаны по поводу отказа министерства в разрешении Моск. земской управе издавать свой орган. «Все эти земские газеты, — комментировали „Моск. Вед.“ этот отказ, — являются, на смену статистике, притоном для указанных отбросов». Чтобы пресечь на будущее время такие «нежелательные» явления, министерство решило пересмотреть дела и положение московского земства на тех же началах, на каких было недавно реорганизовано петербургское городское управление. Взялся за этот подвиг товарищ министра внутр. дел Зиновьев.

Однако, все эти построения внутренней политики оказались бы очень шаткими, если бы правительство не чувствовало под собой крепкой почвы в виде военной

очень хорошую агитацию против себя и превращает забитых обывателей в довольно радикальных политиков.

В виду явного боевого настроения, которое господствовало среди населения, правительство отложило исполнение изданного закона до первых чисел сентября. За это время с обеих сторон шли приготовления к стычке: администрация усиливала местные гарнизоны, направила целый ряд шпионов в Эриванскую губернию, Карскую область, возбуждала татар против армян, — словом, мобилизовала свою армию для войны с «верноподданными». С другой стороны, готовились к борьбе и оппозиционные элементы: сорганизовывались всевозможные комитеты, вроде «Комитетов Самообороны» и т. д., которые, не имея определенной программы, стремились так или иначе стать во главе движения. Организованная социал-демократия с своей стороны вела устную и письменную агитацию, призывая всех товарищей использовать недовольство и направить его по революционному руслу против правительства и во всех стычках с самодержавием стоять в первых рядах. В то время как многие националистические элементы предлагали облечься в траур и во время манифестации поднимать черный флаг, в то время как они говорили о национальной самообороне, наши товарищи резко высказывались против такого пассивного протеста, указывали на то, что не обороняться надо, а наступать, не плакать, а бороться, не под черным траурным знаменем выступать, а под красным, «революционным».

Таково было положение дел, когда начали отбирать имущество. Но до этого был еще один весьма характерный акт массового протеста, который я забыл отметить выше: 3 августа в Эривани громадная толпа в несколько тысяч человек, после богослужения, окружив экипаж местного епископа, направилась из города в Вагаршапат (село около Эчмиадзина, резиденция католикоса). По дороге к шествию присоединились новые толпы из деревень. Народ шел заявить католикосу свою решимость бороться до последней капли крови. Вызваны были, конечно, войска и казаки; произошла стычка. Стреляли и с той и с другой стороны; были раненые, но, несмотря на это, толпе удалось дойти до Вагаршапата и заявить о своем решении католикосу. Характерно то, что многие из татар примыкали к шествию, заявляя, что и им немало неприятностей наделал царь.

Первое кровавое столкновение с царскими башибузуками было в Елисаветполе. 29 августа громадная толпа, собравшись по набату вокруг дома заместителя епархиального начальника, потребовала, чтобы он протестовал и ни в каком случае не передавал имуществ. Толпа состояла, главным образом, из приказчиков, ремесленников, рабочих и учащейся молодежи. Готовая уже

силы. Не удивительно, что в момент такого всенародного смятения оно употребляет все средства для обеспечения за собой этой силы и ограждения ее от тлетворных влияний. Усомнившись во всеспасительном действии жестокой военной дисциплины, оно начинает прибегать к подкупу и заискиванию. За последние месяцы в легальной и нелегальной прессе опубликован был целый ряд случаев денежного награждения солдат за доставление начальству найденных или полученных прокламаций и за арест раздававших прокламации лиц. Не довольствуясь этим, правительство не брезгает и мерами во вкусе открытия мощей Серафима. «По всем воинским присутствиям», — пишет „Харьковский Листок“ в № 1182, — «разосланы циркуляры министра внутренних дел (?), в которых... предлагается впредь новобранцев приводить к присяге на верность службы не в канцеляриях, а в храмах». Церковно-театральная обстановка обряда должна сильнее запечатлеть в душе солдата присягу на верность царю, чем канцелярская формалистика.

Однако, всего характернее для нового курса следующий образчик «сердечного попечения»: «В виду значительного уже числа больных от частей вверенного мне отряда в Читинском лазарете, — говорится в приказе ген. Артамонова («Харьк. Губерн. Вед.»), — чувства тоски и заброшенности, какие испытывают нижние чины, прошу дежурных по лазарету обходить всех больных своей бригады, справляться об их нуждах, записывать все, о чем будут просить... Прошу дежурных по лазарету найти время почитать им что-либо из имеющихся в полковых библиотеках книжек, или просто потолковать с ними... Никогда не следует забывать, что прочная спайка роты... являющаяся залогом успеха в бою, зависит от строгого, добросовестного исполнения требований военной дисциплины прежде всего, а затем от искренней, сердечной заботы офицера о действительных нуждах солдата, который очень чуток и отзывчив к ласке и заботе, оказанной ему в тяжелые периоды его службы».

План-тактика Плеве естественно ведет к концентрации сил правительства и к сосредоточению всей власти в министерстве внутренних дел. Об'явление чуть не всей России на положении усиленной охраны, введение армии стражников и нового типа урядников, пересмотр положений о петербургском городском управлении и предстоящий такой же пересмотр положений о московском земстве — все это значительно способствовало усилению и дисциплинировке сил министерства внутренних дел. Но этим Плеве не ограничился. Недавно только была подчинена власти губернаторов фабричная инспекция, а уже опубликовано новое положение о таком же подчинении горной окружной инспекции («Новое Время» [6] № 9880), и носятся не менее сенсационные слухи о передаче податной инспекции в ведение министерства внутр. дел («Русск. Вед.» № 244). Так думают опутать рабочий класс и крестьянство густой сетью, все нити которой сходятся в департаменте полиции.

Но, понятно, такая передача всех официальных элементов, соприкасающихся с рабочими и крестьянами, равнозначущая переводу чиновников на должность сыщиков, требует и соответствующего подбора должностного персонала. Честные люди на такую службу не пойдут — приходится пополнять кадры всяким сбродом. Удивительно ли, что чуть не ежедневно раскрываются самые возмутительные преступления, не говоря уже о тех, которые скрываются и покрываются высшей властью. Удивительно ли, что правительство «милует» уличенных и приговоренных судом мошенников, раз только может положиться на их верность «царю и отечеству». Пресловутый кронштадтский полицмейстер Шафров уже поми-

---

к таким волнениям, администрация не замедлила явиться на место со стражниками, казаками и двумя ротами солдат. Прибытие войска сильно возбудило собравшихся; раздались выстрелы, и при первом натиске казаки были отброшены камнями. Солдаты открыли огонь. На место происшествия явился вице-губернатор Андреев, — один из тех опричников, которыми так полна провинциальная администрация. Он собственноручно, по свидетельству очевидцев, застрелил молодого армянина, обозвавшего его подлецом и грабителем. Убито было десять человек, ранено около 70, из них умерло уже человек 20; между убитыми есть дети. Число убитых и раненых со стороны стражников и казаков точно неизвестно. Произведено много арестов. Полицмейстер сильно нажился на этих арестах: он задерживал, как бы по подозрению, состоятельных лиц и потом за крупные взятки отпускал. Между арестованными есть и духовные лица. Несмотря на принятые правительством меры (армянам в эти дни воспрещено было выезжать из Елисаветполя), подробности елисаветпольской бойни дошли до Тифлиса и взбудоражили все население.

31 августа, в воскресенье, в ограде армянского Ванкского собора по почину местных националистов и духовенства была отслужена панихида по убитым в Елисаветполе в присутствии местной полиции, которая не посмела вмешаться. По окончании панихиды наши товарищи разбросали среди коленопреклоненной толпы прокламации Союзного Комитета [7], и могучие крики «долой самодержавие», «слава погибшим борцам», «на улицу, товарищи, на улицу» оглашали воздух. Мирная панихида превратилась в революционную демонстрацию! Шествие направилось к выходу, но у ворот столкнулось с казаками и стражниками. Произошло то же, что и в Елисаветполе, только здесь толпа не была подготовлена к вооруженному сопротивлению. Камнями и револьверными выстрелами несколько раз отбрасывала она казаков. С обеих сторон раненых много, убито два человека из толпы. Один из них, ученик армянской семинарии, был убит городовым бляха № 62 наповал, когда удалялся в соседний переулок. После того как значительная часть толпы была разогнана, казаки вступили в свою обычную роль и начали без разбору бить нагайками всех, кто только попадался под руку, словом, началась столь обычная в последние годы в России сцена... Ночью произведена масса арестов; задерживали ни в чем неповинных людей, между прочим арестовали четырех священников. На следующий день должна была начаться сдача имуществ. Националистами готовилась демонстрация. Наши тоже приняли меры, чтобы придать демонстрации, если она состоится, резко революционный

лован и скоро опять будет кататься на «собственных пожарных лошадях». И в таком исходе дела уверены все «верные слуги царевы». Что за беда, что житомирский брандмейстер отдан под суд за возмутительнейшие мошенничества, что за беда, что смещен его покровитель житомирский полицмейстер («Русск. Вед.» № 238) или возбуждено дело против пристава Тер-Грикурова в Тифлисе? («Русск. В.» № 245). Пусть «неблагонадежные» люди уличают земского начальника Малевинского в ростовщичестве («Русск. В.» № 244, из Тамбова), — слугам царевым и горя мало, они знают, что, если даже и суд их осудит, царь простит. Оттого-то они и позволяют себе издеваться над личностью и жизнью граждан, убивая ни в чем неповинных людей в участках (дело в Сочи, «Право» № 36), избивая ни с того, ни с сего мирных обывателей (дело Меньшикова, «Спб. Вед.» № 238), насилуя приглянувшихся женщин, которых власти потом об'являют проститутками, по примеру дела Золотовой[8] (дело Антоновой, «Спб. В.» № 224).

Эта оргия людей «порядка», где царь обнимается с жандармом, а благонамеренная интеллигенция братается с сыщиками, представляет характерное знамение времени. Правительство чувствует, что в воздухе висит «не бунт, а революция», и ставит свой последний козырь.

* * *

Оперирование правительства мощами Серафима нашло, к стыду либерального общества, отклик в редакции «Русских Ведомостей». Ко дню торжества сорокалетия этой либеральной газеты, как сообщает она сама, «служащие в типографии на средства, собранные по подписке между ними, поставили в помещении типографии икону первых славянских просветителей св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. В 12 часов дня, по освящении иконы, началась «панихида» по умершим основателям и сотрудникам газеты. Далее следовало «молебствие». Далее наборщики подносят «икону» фактору типографии. И вся эта недостойная комедия происходит в редакции газеты, которая тут же заявляет, что «есть известные принципы, выработанные культурным человечеством... которые не должны быть чужды никакому народу и не могут быть без вреда нарушаемы ни в каких условиях» («Русск. Вед.» № 243). Во имя интересов всех русских рабочих должны мы поставить к позорному столбу тех либералов, которые не только сами с лицемерным ханжеством устраивают «панихиды» и «молебны», но и отупляют зависящих от них рабочих, доводя их до постановки и подношения икон. Для либералов—«свобода и просвещение» («Русские Вед.» № 243), для «народа» — молебен и иконы.

[Орловский — В. Воровский]

МАКСИМУМ БЕЗЗАСТЕНЧИВОСТИ И МИНИМУМ ЛОГИКИ.

В № 46 мы перепечатали резолюцию V с'езда Бунда о положении Бунда в Р. С.-Д. Р. П. и дали свою оценку ее. Загр. Ком. Бунда отвечает нам весьма подробно и зело сердито в листке своем от 9/22 сент. Самой существенной частью этого сердитого ответа является следующее феноменальное открытие: «Кроме устава-максимум (sic!), пятый с'езд Бунда выработал еще устав-минимум», и сей минимум полностью и приводится, причем в двух примечаниях поясняется, что «отвержение автономии» и требование согласия Ц. К. Бунда на обращение к еврейскому пролетариату со сто-

---

характер. Правительство, хорошо сознавая, что при нормальных условиях отнять церковные имущества будет невозможно, превратило несколько кварталов вокруг собора и армянской семинарии в военный лагерь. Церковь была запечатана, на колокольне поставлены часовые, языки колоколов обернуты рогожей. Сам сатрап Голицын ездил утром осматривать военные приготовления. Не было никакой физической возможности помешать работе заседающей в это время в семинарии комиссии по приемке. Комиссия заседала в присутствии попечителей *, состоящих из местных буржуа, которые вначале решили бойкотировать комиссию, не давая ей возможности разобраться в документах. Но на заседание явился губернатор и громовой речью напугал этих и так уже трусивших буржуев до того, что они совсем забыли про свое решение. Надо было только видеть, как выражали свой протест эти сытые люди, не желающие ни начальство рассердить, ни народ обозлить. Весь их протест заключался в том, что они указывали, где лежат книги и документы, но собственноручно не передавали их председателю комиссии. Ключ же от кассы, вместо того, чтобы передать на руки кому-нибудь из членов комиссии, положили на стол. В то время когда во всем Закавказье простой народ шел на смерть, эти разжиревшие толстосумы так рабски подчинялись предписаниям правительства. Говорят, комиссия описала имущество уже при трех церквах. Город находится в большом возбуждении: везде и днем и ночью раз'езжают патрули. Некоторые церкви совсем опечатаны и в них не бывает богослужения.

Царь об'явил войну церкви! На здоровье, пусть бьют друг друга эти два исконные врага трудящегося народа.

В Баку, в этом центре кавказского пролетариата с многочисленным армянским населением, столкновение должно было принять более крупные размеры. И действительно, 2 сентября к пяти часам вечера громадная толпа, состоявшая главным образом из мастеровых, ремесленников и молодежи, по звону колоколов собралась около армянского собора на парапете, этом традиционном месте бакинских демонстраций. Церковь имеет высокую каменную ограду, за которую и засели демонстранты; большинство было вооружено и решило бороться до конца. Стянутые еще раньше в Баку из разных мест Кавказа войска и казаки были наготове и не замедлили появиться на парапете. Их встретили выстрелами и камнями. Со стороны войска тоже началась стрельба, и перестрелка тянулась больше часа. Число убитых с той и другой стороны неизвестно. Правительство в своем сообщении

* Выборные от народа для управления школьными имуществами.

роны других входящих в партию частей «должно быть выставлено как ультиматум». Так решил V с'езд Бунда.

Не правда ли, как это... красиво? С'езд Бунда выработал сразу два устава, определяя сразу и максимум и минимум своих желаний или требований. При этом минимум благоразумно (о, в высшей степени благоразумно!) прячется в карман. Опубликовывается (в листке от 7/20 августа) только максимум и при этом публично, прямо и ясно заявляется, что этот максимальный проект устава «должен быть предложен II с'езду Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, как базис для обсуждения (это заметьте!) вопроса о положении Бунда в партии». Оппоненты нападают, конечно, на этот максимум с особенной яростью именно потому, что это — максимум, что это — «последнее слово» * направления, ими осуждаемого. Тогда, через месяц, люди, не испытывая ни малейшего смущения, вытаскивают из кармана «минимум» и грозно добавляют: «ультиматум»!

Это уже не «последнее слово», а настоящая крайняя цена... Только крайняя ли, господа? Нет ли у вас в другом кармане минимального минимума? Не выступит ли он на свет божий еще эдак примерно через месяц?

Мы сильно опасаемся, что бундовцам вся «красота» этих максимума и минимума плохо понятна. Запросить втридорога, затем сбавить 75% и заявить: «последняя цена», — да разве иначе торговать можно? Да разве между торгашеством и политикой есть разница?

Есть, господа, смеем вас уверить, что есть. Во-первых в политике некоторые партии проводят систематически известные принципы, а из-за принципов торговаться неприлично. Во-вторых, когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования как ультиматум, т. е. как условие самой принадлежности к партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось «на время» в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала.

Мы давно уже проповедуем бундистам эти нехитрые истины. Еще в феврале (№ 33) мы писали, что играть в прятки неумно и недостойно, что Бунд выступил отдельно (с заявлением об О. К.)[10], ибо хотел выступить как сторона, ставящая всей партии условия. За такую оценку дела нас обдали тогда целым ушатом специфически-бундовских (можно сказать с равным правом: специфически-базарных) ругательств, а между тем события показали теперь, что мы были правы. Именно стороной выступает Бунд в решениях V с'езда, ставя всей партии прямые ультиматумы! Именно такой постановки вопроса добивались мы всегда от бундовцев, доказывая, что она неизбежно вытекает из занятой ими позиции: бундовцы сердито протестовали, уклонялись и увертывались, а в конце-концов должны-таки были показать свой «минимум».

Это курьезно, но еще гораздо курьезнее то, что Бунд продолжает увертываться и теперь, продолжает говорить о «лживости» «старого, всем известного искровского измышления о том, что Бунд хочет вступить в федеративный союз с Росс. Партией». Лживо это измышление потому дескать, что в § 1 устава, предла-

* Кстати. Чрезвычайно характерно для бундовской полемики, что за это выражение «Последние Известия»[9] особенно на нас обрушились. Почему последнее слово, когда оно (требование федерации) больше двух лет тому назад сказано? «Искра» рассчитывает на беспамятство читателя!... Успокойтесь, успокойтесь, господа: «последним словом» ваш устав-максимум назван автором статьи именно потому, что это слово было сказано два дня (примерно) перед № 46 «Искры», а не два года тому назад.

с цинизмом заявляет, что «мятежники отступили, подбирая раненых и убитых». Все обращают внимание на то, что демонстрантов правительство об'являет мятежниками; недалеко то время, когда оно официально должно будет признать существование не мятежа, а восстания! По правительственному сообщению арестовано 45 чел. с оружием в руках, но на самом деле задержанных больше. Патрули, раз'езжающие по городу, а также усиленные наряды полиции обыскивают по улицам положительно всякого армянина и задерживают всякого подозрительного. Выходить на улицу после девяти часоз вечера можно только с пропускным билетом. Полиция ходит по домам и предупреждает всех, чтобы в воскресенье не выходили на улицу, так как ей-де трудно разобрать, кто мирный, а кто бунтует. Между патрулями и молодежью несколько раз были кровавые стычки. Ненависть к правительству растет с каждым днем. Событиями 2 сентября только начался протест, — какую форму он примет в дальнейшем, еще неизвестно; как бы то ни было, нужно ожидать еще более крупных стычек.

Такого же характера стычки, как в Елисаветполе, Тифлисе и Баку, были в Александрополе, Карсе, Шуше и в некоторых деревнях. Всюду народ с оружием в руках встречал царских чиновников, всюду бывали стычки с войсками, и подробное описание событий каждого города сильно удлинило бы корреспонденцию. Укажем на следующий вполне достоверный и, хотя курьезный, но характерный факт: для усмирения беспорядков в г. Шуше туда вместе с войсками отправлена была артиллерия. Совсем как во время войны! В Тифлисе тоже, как утверждают, пушки направлены с арсенала на город, а в Баку Каспийский флот приблизился к берегу! Вот вам и «сила», «могущество» самодержавия! При первом серьезном вооруженном взрыве народного недовольства оно совсем потеряло голову!

Чем все эти события кончатся, трудно сказать. Во всяком случае еще долго, вероятно, будет тянуться эта упорная борьба ограбленного народа, у которого чаша терпения переполнилась. Одним из результатов теперешних событий на Кавказе является рост революционного сознания, рост непримиримо-враждебного настроения по отношению к самодержавию даже в глухих деревнях. Нелегальная литература разбирается нарасхват. Отовсюду Союзный Комитет получает требование на агитационную литературу. Во время этих событий прокламации наши проникли во все уголки Кавказа, где только есть армянское население, и в скором времени нам удастся сорганизовать там свои кружки.

Кавказец [Б. Кнуньянц]

гаемого Бундом, прямо сказано о желании Бунда быть частью партии, а не состоять с нею в союзе.

Очень хорошо, господа! Но не говорится ли в том же параграфе, что Бунд есть федеративная часть партии? Не говорится ли во всем уставе-максимум о договаривающихся сторонах? Не говорит ли устав-минимум об ультиматуме и об изменении «основных пунктов» лишь с взаимного согласия входящих в партию частей, причем ни местные ни районные организации частями партии в этом отношении не признаются? Вы сами говорите, что договаривающейся стороной не может быть ни местная ни районная организация, а исключительно «сплоченная часть такого же характера, как Бунд». Вы сами для примера указываете, что такой сплоченной частью могли бы быть «социал-демократия польская, литовская, латышская», «если бы они находились в партии», как вы благоразумно добавляете. Ну, а если они не находятся в партии? и если федерация национальных организаций, желательная для вас, не признается желательной и решительно отвергается всей остальной партией? Ведь вы прекрасно знаете, что дело обстоит именно так, вы сами прямо заявляете, что требование построить всю партию на базисе федерации национальностей вами уже не выдвигается. Спрашивается, к кому же обращаетесь вы с ультиматумом? Не очевидно ли, что ко всей партии, кроме Бунда? Вместо того чтобы доказать лживость искровского измышления, вы только обнаруживаете минимум логики в ваших увертках.

Но, позвольте, — возражают нам бундовцы, — ведь мы даже и федерацию выкидываем из своего устава-минимум! Это устранение «страшного» слова действительно самый интересный эпизод в пресловутом переходе от максимума к минимуму. Нигде, может быть, беззаботность Бунда насчет принципов не выразилась так наивно. Вы — догматики, безнадежные догматики, вы ни за какие блага в мире не хотите признать федеративного «принципа организации». Но мы же ведь не догматики, мы «ставим вопрос на чисто-практическую почву». Вам не нравится какой-то там принцип? Чудаки! Так мы обойдемся вовсе без принципа, мы «формулируем § 1 так, чтобы он не являлся декларацией определенного принципа организации». «Центр тяжести вопроса не в принципиальной формулировке, предпосланной уставу, а в конкретных пунктах его, выведенных из рассмотрения потребностей евр. рабочего движения, с одной стороны, и движения в целом — с другой» (стр. 1 листка от 9/22 сент.).

Это рассуждение до того прелестно по своей наивности, что так и хочется ресцеловать его автора. Бундист всерьез поверил тому, что догматики боятся только некоторых страшных слов, и решил, что, если эти слова удалить, то догматик в конкретных то пунктах ничего не поймет! И вот бундист трудится в поте лица своего, составляет максимум, запасает (на черный день) минимум, готовит ультиматум № 1, ультиматум № 2... Oleum et operam perdidisti, amice! Друг мой, ты напрасно теряешь время и труд. Несмотря на хитрое (о, удивительно хитрое!) удаление вывески, догматик усматривает федеративный принцип и в «конкретных пунктах» минимума. Этот принцип виден и в требовании не ограничивать часть партии никакими районными рамками и в притязании на «единственное» * представительство еврей-

* «Это слово значения не имеет» — уверяет нас теперь Бунд. Странно! К чему бы это вставлять не имеющие значения слова и в минимум и в максимум? В русском языке это слово имеет вполне определенное значение. В данном случае оно включает в себе именно «декларацию» и федератизма и национализма. Рекомендуем подумать над этим бундовцам, которые не видят связи национализма и федерации.

Отмечаем с удовольствием, что наши кавказские товарищи совершенно правильно оценили политическое значение царского похода на армянские церковные имущества и показали своим примером, как следует вообще социал-демократии относиться ко всяким подобного рода явлениям. Конечно, не соц.-демократы станут защищать привилегии церкви. Социал-демократы требуют в своей программе полного отделения церкви от государства, требуют экспроприации церковных имуществ. Соц.-дем. восстают против отупляющей народ и реакционной пропаганды, которую ведут представители церкви.

Но мы требуем экспроприации церковных имуществ народным (демократическим) правительством и в пользу народа, а не полицейским правительством в пользу полиции. Мы добиваемся полной свободы слова, совести и союзов — всех и всяких союзов, — следовательно, и церковных союзов в том числе. Мы отстаиваем право каждой национальности на самоопределение и, следовательно, должны безусловно восстать против насильственного вторжения самодержавия в дела, касающиеся одних армян.

Именно на примере этой борьбы за свободу церковных союзов мы можем уяснить себе особенно наглядно, как следует применять на деле тот пункт нашей программы, который требует признания за каждой нацией права на самоопределение. Армяне имеют церковные общества, которые сами распоряжаются всеми своими церковными делами и церковными имуществами в том числе. Мы, социал-демократы, будем, конечно, агитировать за то, чтобы армяне нашли лучшее употребление для этих имуществ, чтобы они обратили их не на церковные нужды, а на нужды народа, на облегчение податного гнета, на улучшение условий труда рабочих, на поддержку борьбы за свободу; мы будем об'единять армянских пролетариев между собой и с русскими рабочими для борьбы за экспроприацию всех их экспроприаторов. Но от полицейского насилия мы должны защищать и будем защищать не только пролетариев, а все классы общества, даже и попов в том числе. Во имя свободы союзов и свободы самоопределения мы требуем, чтобы царское правительство не смело налагать руку на армянские церковные имущества. С армянскими церковными союзами мы хотим бороться посредством свободных армянских рабочих союзов, а против самодержавного полицейского насилия мы должны бороться в первых рядах, на какие бы слои народа и по какому бы поводу это насилие ни падало. Только при этом условии нам и будет принадлежать гегемония в борьбе с царизмом.

Ред.

ского пролетариата, и в требовании «представительства» в Ц. К. партии, в отнятии у Ц. К. партии права вступать в сношения с частями Бунда без согласия Ц. К. Бунда, и в требовании признать основные пункты изменяемыми лишь с согласия частей партии.

Нет, господа. Центр тяжести того вопроса о положении Бунда в партии, который стоит перед нами, лежит именно в декларации определенного принципа организации, а отнюдь не в конкретных пунктах. Центр тяжести — в выборе пути. Узаконить ли особность Бунда, исторически сложившуюся, или отвергнуть ее в принципе и стать открыто, определенно, решительно и честно на путь большего и большего, теснейшего и теснейшего сближения и слияния со всей партией. Сохранить обособленность или повернуть к слиянию. Такова дилемма.

Решение этой дилеммы зависит от доброй воли Бунда, ибо «насильно мил не будешь», как говорили мы еще в № 33. Если вы хотите повернуть к слиянию, тогда вы отвергнете федерацию и примете автономию. Тогда вы поймете, что автономия гарантирует такую постепенность процесса слияния, при которой переорганизация произошла бы с минимальной ломкой и притом так, чтобы еврейское рабочее движение ничего не теряло, а все выигрывало от этой переорганизации и от этого слияния.

Не хотите повернуть к слиянию, — тогда вы будете стоять за федерацию (в максимальной или в минимальной ее форме, с декларацией или без декларации), тогда вы будете бояться «майоризирования», тогда вы превратите печальную обособленность Бунда в фетиш и станете по поводу уничтожения обособленности кричать об уничтожении Бунда, тогда вы станете искать обоснования своей обособленности и в этих поисках то хвататься за сионистскую идею еврейской «нации», то прибегать к демагогии и к сплетням.

Теоретически обосновать федерализм можно только националистическими идеями, и нам странно было бы доказывать бундовцам, что не случайно декларация федерализма приходится на тот самый IV с'езд, который вынес декларацию о существовании еврейской нации.

Практически дискредитировать идею слияния можно только посредством науськивания несознательных и робких элементов против «чудовищного», «аракчеевского» организационного плана «Искры», желающей «остричь под одну скобку» комитеты и не позволять им «ни шагу делать без приказания свыше». Какие ужасы! Мы не сомневаемся, что теперь все комитеты поспешат взбунтоваться против ежовых рукавиц, аракчеевского кулака и проч... Но откуда вы взяли, господа, сведения об этом свирепом организационном плане? Из литературы? Отчего же вы ее не цитируете? Из рассказов досужих партийных кумушек, которые самым достоверным образом знают все, ну решительно все подробности насчет этой аракчеевщины? Последнее предположение, пожалуй, вероятнее, ибо даже при минимуме логики нелегко было бы смешать в одну кучу такое необходимое требование, чтобы Ц. К. «имел возможность дойти до последнего человека в партии», и такое заведомо сплетническое пугало, что Ц. К. будет «все делать» и все «регламентировать». Или еще: что за пустяки это насчет того, что «между периферией и центром» будут «lose Organisationen»? Мы догадываемся: наши добрые бундовцы слышали звон, да не поняли, откуда он. Как-нибудь при случае придется им раз'яснить это подробно.

Хуже всего, однако, то, что взбунтоваться придется не только местным, но и Центральному Комитету. Правда, он еще не родился, но кумушки доподлинно знают не только день рождения, а всю судьбу новорожденного. Оказывается, что это будет Ц. К., «направляемый группой литераторов». Не правда ли, какой это испытанный и дешевый прием борьбы? Бундовцы тут не первые и, наверное, не последние. Чтобы изобличить в какой-либо ошибке этот Ц. К. или О. К., надо найти доказательства. Чтобы изобличить людей в том, что они действуют не по собственному убеждению, а направляемые чужой рукой, надо иметь мужество выступить открытым обвинителем и взять на себя перед всей партией ответственность за такое обвинение! Это все слишком дорого, во всех смыслах дорого. А кумушкины россказни дешевы... Может-быть, и клюнет. Ведь так неприятно прослыть человеком (или учреждением), которого «направляют», которого водят на помочах, который является пешкой, креатурой, ставленником «Искры»... Бедный наш, бедный будущий Ц. К.! У кого будет он искать защиты от гнета аракчеевщины? Разве вот у «самодеятельных» и чуждых всякой «подозрительности» бундовцев?

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Погром в Гомеле. В пятницу 29 августа, в пять часов вечера, в одну из еврейских лавочек на базаре зашел лесник графа Паскевича и, купив селедку, повздорил из-за чего-то с лавочницей; в ссору вмешался хозяин лавки и вытолкал лесника из лавки на площадь, где в это время находилось человек 50 — 60 крестьян из деревень. Когда лесник заявил им, что его «побил жид», крестьянам (отчасти подвыпившим) показалось это обидным, и они с криком: «бей жидов!» бросились на еврейские лавки. Сбежавшаяся толпа лавочников и проходивших мимо евреев стала защищать избиваемых, и в происшедшей свалке лесник был убит наповал одним из евреев. Весть об этой драке и убийстве русского моментально облетела весь город; по городу пошли толки о еврейском погроме; всюду были закрыты лавки и магазины. Гомельский соц.-дем. Комитет немедленно организовал отряд для защиты евреев из 200 челов., в числе которых было 40 — 50 русских рабочих; к дружине присоединилось еще человек 100 из организации сионистов-фракционеров. Когда этот отряд под командой своих предводителей прибыл на место побоища, то он увидел здесь такую картину: кучка крестьян, человек 30 — 40, окружила труп убитого лесника и, возбужденно жестикулируя, кричала, что нужно отомстить евреям, нужно всех их перерезать, как было в Кишиневе и т. п. Тут же находился полицмейстер с кучкой полицейских; он требовал, чтобы отряд самообороны разошелся, но на его требование ответили отказом. Некоторые из крестьян стали бросать в рабочих камнями и поленьями, но отряд рабочих решил не отвечать на это ничем, надеясь успокоить крестьян убеждениями. Вскоре подошел вооруженный отряд солдат. Полиция теперь смело стала наступать на рабочих, требуя, чтобы они разошлись, и когда руководители отряда ответили, что они уйдут только тогда, когда разойдутся все крестьяне, которые иначе снова могут начать побоище, — полицмейстер приказал солдатам разогнать их

силой. Раздалась команда: «в штыки!» и солдаты бросились на рабочих. 8 чел. тяжело ранено, причем один от выстрела из револьвера, сделанного приставом первой части. 12 человек было арестовано (на другой день выпущены). Тут же на площади наблюдались такие сцены: в одном месте купец Петраченко и два студента, стоя в толпе крестьян, доказывали им, что необходимо отомстить жидам и устроить настоящий погром; в другом—полковник, под прикрытием патруля, самолично бил еврея-рабочего и на просьбу подошедшего к нему доктора Захарьина прекратить побоище ответил: «Уйди, жидовская харя, или я прикажу сейчас стрелять!».

Было ясно, что этим дело не кончится и избиение евреев может вырасти до громадных размеров. Полиция явно была на стороне громил и всячески раздувала вражду среди населения. Гомельский Комитет решил не распускать своего отряда, чтобы иметь возможность каждую минуту выступить на защиту избиваемых. Отряд был снабжен холодным и огнестрельным оружием; была также усилена агитация среди рабочих железнод. депо.

В субботу 30-го происходили отдельные стычки: человек 10 — 12 громил ходили по улицам, ловили евреев и били их. В воскресенье был арестован какой-то суб'ект с массой прокламаций, приглашавших к погрому, и фотографических карточек убитого лесника.

В понедельник, около 12 час. дня, снова всех охватила паника: всюду кричали, что на площади происходит побоище и грабеж еврейских лавок. Отряд самообороны разбился на две части: одна пошла на Вокзальную улицу, а другая на Конную площадь. На Вокзальной улице впереди рабочие увидели роту солдат, а дальше был слышен гул погрома. На просьбу заступиться за избиваемых офицер ответил, что он сам знает, что ему делать; пришлось итти самим на защиту, но, пройдя дальше, рабочие наткнулись, прежде всего, не на громил, а на роту солдат, за спинами которых толпа громил с невероятным зверством делала свое дело... Ясно было, что власти защищали не избиваемых, а помогали убийствам и грабежу... Отряду рабочих ничего не оставалось делать, как попытаться прорвать цепь солдат. Произошла ужасная сцена: солдаты кололи штыками без разбора и с страшным остервенением. Много тяжело раненых рабочих легло на месте, а также несколько солдат. Цепь все-таки была прорвана, и рабочие напали на громил, которых и разогнали после нескольких выстрелов.

Такая же тяжелая сцена разыгралась и на Конной площади. И там рабочие наткнулись на солдатскую цепь, под прикрытием которой свирепствовала кучка разбойников. Здесь по отряду самообороны был дан залп, и шесть человек рабочих легло на месте; прочим пришлось бежать... После этого рабочие, выступившие на защиту избиваемых евреев, ясно увидели, что сам по себе погром легко мог бы быть прекращен, но что главным его организатором является полиция, подкрепленная военной силой. Бороться дальше — значило вступить в открытую битву с войсками и нарядами полиции... Кое-что еще удалось сделать благодаря тому, что большая часть местной военной команды была занята охраной железнодорожного депо, где находится много сознательных рабочих: власти боялись их выступлений на защиту евреев. В городе разгуливали толпы громил (всего челов. 150), руководителями которых были некоторые интеллигентные лица: учитель гимназии Шалонин, студенты, гимназисты, судья Мельников и купец Петраченко. После стычки с солдатами отряд самообороны не оставил своего дела защиты: во многих местах он разгонял кучки громил, оставляя местами раненых, а часто и убитых. Большею частью кучки громил находились под прикрытием полиции, но с полицией самооборона справлялась легко. Вот, например, еще сцена, в которой роль полиции и военной силы, стало быть роль правительственных агентов, не может быть названа иначе, как пособничеством или даже прямой организацией разбоя и грабежа: когда в понедельник до сборного пункта отряда самообороны дошли вести о грабеже и насилиях в мелких лавках (так назыв. рундуках), для защиты людей тотчас же отправилась кучка рабочих; и вот картина: человек 10 — 15 разбойников врывались в лавки, разбивая предварительно замки и двери, а впереди стоит военный патруль под предводительством полицейского надзирателя — для защиты грабителей от хозяев лавок! Когда рабочий отряд обратил внимание надзирателя на происходящее за его спиной и потребовал, чтобы допустили самих рабочих разогнать громил, то в ответ на это последовала команда: «ружья на руку!» и рабочим пришлось уступить... Еще сцена: на главной улице четыре каменщика, сойдя с постройки, напали на еврея и убили его; рядом стоял офицер с патрулем; когда кто-то из евреев указал ему на убийство, он ответил: «эка важность убить жида!» и, обращаясь к каменщикам, добавил: «вот и еще один — дайте и ему!» — и этот был тяжело ранен кирпичом.

На все телеграммы губернатору и министру внутр. дел не было получено никакого ответа.

Во вторник прибыло много рабочих из других городов для защиты избиваемых евреев; в числе их было много русских. Но с этого дня побоища и грабежа уже не было. В четверг Гомель был об'явлен на военном положении. Отряд самообороны был распущен лишь в субботу, когда жизнь понемногу начала входить в свою обычную колею.

В четверг прибыл в Гомель могилевский губернатор Клингенберг. Местная буржуазия тут же снарядила депутацию к нему с просьбой о защите, но помпадур ответил им очень недвусмысленно: «Что, дождались — чего хотели? Сами виноваты, что так вышло, зачем так воспитываете детей? Вы просите защиты? Какая вам еще защита нужна, — у вас ведь есть она: ваши социал-демократы... Я ведь знаю: порядочная публика всегда во-время сумеет уехать из города, а эту дрянь мы переловим!» Выступившему было для ответа депутату губернатор своей собственной рукой закрыл рот. Теперь депутация отправилась искать правды к другому зверю, фон-Плеве: авось ей там повезет! Добудут самую доподлинную правду, чтобы в другой раз не приходилось искать...

Орел. Помпадур-подстрекатель. Орловский губернатор Балясный в достаточной мере известен уже всем в качестве свирепого и дикого администратора. В свое время нелегальная печать отмечала его подвиги как полтавского и виленского вице-губернатора и позднее — как орловского губернатора; напомним только ту роль, которую он играл при казни Г. Леккерта[11], и его неудачную попытку сделать своими шпионами некоторых гласных Орловского губернского земства. Но все его прежние подвиги бесспорно затмеваются последним, совершенным в начале августа. Вдохновляемый общей политикой своего покровителя, Плеве, и желая пуще блеснуть усердием, Балясный решил ни больше ни меньше, как устроить еврейский погром в Орловской губ., хотя она лежит вне черты оседлости и там живет очень мало евреев. Погромом он хотел убить, повидимому, не двух, а целых трех зайцев: 1) погром очень понравился бы Плеве; 2) погром отвел бы в другую сторону внимание крестьян, сильно возбужденных как «Письмами к крестьянам» (изд. Брянского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии), так и листками соц.-рев., которые призывают крестьян к нападению на помещичьи усадьбы; 3) погром помог бы Балясному добиться введения в Орл. губ. усиленной охраны, по которой он смертельно тоскует, жалуясь своим немногочисленным знакомым, что он связан теперь по рукам и ногам. (Говорю «немногочисленным» потому, что орловское дворянство, предводительствуемое «либеральным» «Мишей Стаховичем», считает для себя позорным вести знакомство с таким безобразным бюрократом, как Балясный). Итак, желая устроить погром и узнав, что одним из наиболее населенных евреями пунктов в Орл. губ. является ст. Дубровка Р.-О. ж. д. Брянского уезда, где живет сравнительно много евреев-лесопромышленников, губернатор сочинил листок такого содержания*. «Старосте деревни Долгое. Г. губернатор приказывает тебе с твоим обществом прибыть 6 августа на ст. Дубровка отбирать еврейское имущество и жидов бить, водку пить. Губернатор».

---

* В ред. «Искры» доставлен один экземпляр листка.

Листок этот был привезен в типографию губернского правления губернаторским чиновником Покровским (смотритель казенных зданий) и сдан им в набор; при нем было напечатано около 200 экземпляр., которые он и увез с собой. На другой же день листки были разбросаны (вероятно «агентами») в окрестностях ст. Дубровки.

Погром не состоялся, так как во-время предупрежденные о разбросанных листках евреи тотчас выселились все со ст. Дубровки. Но листки достигли другой цели, не предвиденной их автором: одновременно с тем, как листки были разбросаны в деревнях, несколько штук их пошло гулять по Орлу, несмотря на всю конспиративность Покровского и «надежность» типографщиков; догадливые люди достали образцы тех шрифтов типографии губ. правл., которыми был напечатан листок, сфотографировали их вместе с листком и пустили снимки в обращение по городу. Пусть займутся сравнением шрифтов те люди, которые не верят, когда им указывают истинные источники «междурасовой» вражды, истинные причины таких ужасов, как кишиневский погром!..

Весьма поучительное занятие!..

Брянский Комитет готовится выпустить на-днях листок по поводу этой выходки губернатора.

Псков. Общение с возлюбленным монархом совершилось и стало воспоминанием, приятным для одних и несколько грустным для других. Начальство и полиция получили осязательные знаки царского расположения, — в виде чинов, орденов, портсигаров и проч. (последние раздавались всем полицейским чиновникам в чине выше городового). Обывателя побаловали не столь осязательной, хотя и напечатанной крупным шрифтом благодарностью за «порядок и благочиние» во время высочайшего проезда; любуется обыватель на эту благодарность, расклеенную и розданную на руки, и с грустью, вероятно, вспоминает о расходах, понесенных на украшение и освещение своей обители. Но самые ценные воспоминания остаются на долю пригородных крестьян: маневрировавшее христолюбивое воинство помяло поля, поело огороды и победоносно удалилось, предоставив владельцам самим искать возмещения своих убытков.

Как всегда и везде, самое главное в описываемой арлекинаде не самый момент общения, слишком мимолетный, а прелюдия, растягиваемая на недели. Эту прелюдию обыватель наблюдает со стороны и в то же время исполняет в ней исключительно служебно-полицейскую роль, а главные ее персонажи — полиция всех цветов и рангов. Но зато обыватель мог наблюдать небывалое оживление днем на улицах, а к ночи в садах и злачных местах: это развлекалось православное воинство разных родов оружия; бойко торговали магазины и рестораны, оживилась и пополнилась проституция.

Как всегда и везде, прежде всего город был приведен в порядок снаружи — строили мосты, арки, декорации. Затем было обращено внимание и на внутреннюю благопристойность обывателя, которому преподавались правила верноподданнического поведения и в сем отбирались соответствующие расписки. У полиции выросли как бы крылья: она везде поспевала, всюду указывала и беспокоилась; для всех было ясно, что это ее праздник, что всякий, не принадлежащий к ней в данный момент, существует только как мебель, которую предстоит симметрично расставить, и полицейский мундир, до последнего городового включительно, вырос на целую голову и получил право законодательной власти и безапелляционных решений. Обыватель растерялся от такого нахальства и исполнял все без рассуждений.

Была запрошена курская полиция о том, какие меры были там приняты в аналогичном случае в прошлом году, и был получен ответ с присовокуплением совета не следовать примеру Курска, ибо царь остался им недоволен: улицы пустовали, и встреча, вопреки газетным известиям, не вышла достаточно восторженная. Но искренность этого совета здесь была, повидимому заподозрена: меры принимались, и в результате хотя и толкалось много публики на тротуарах, но «ура» вышло довольно жиденькое и принадлежало, по всей вероятности, внутренней охране. Последняя была так значительна, что обыкновенный бесхитростный обыватель прямо затеривался среди «котелков» и «зонтиков» питерского сыскного отделения. Но одновременно с этим тот же бесхитростный псковичь был умилен отсутствием обычных шпалер и форменной полиции на пути августейшего следования: обычно недалекий, он был искусно обманут такими высокими выражениями монаршего к нему доверия; ему и в голову не пришло, что сам же он помог связать себя разными подписками: ему приказали иметь восторг и ликование лишь внутри себя и не выражать их ни криком «ура», ни бросанием цветов и шапок; очевидно опасались, что среди громкого несмолкаемого ура царское ухо уловит «долой самодержавие», и тогда прощай, высочайшая благодарность и ее последствия!

За несколько дней до приезда Ники, подкрепленная из Питера полиция начала производить обычные в таких случаях набеги на квартиры подозрительных личностей. Были обысканы все находившиеся в городе статистики и несколько служащих земской управы и простых обывателей. У одного статистика отобрали сломанный револьвер и возвратили его после общения; только в одном случае нашли и отобрали одну нелегальную книгу; обыски производились помимо прокурорского надзора «по словесному приказанию жандармского полковника»; но в общем эти набеги не дали жандармам ничего. Обыскали собор, который должен был иметь счастье принять царя, и пригородный Мирожский монастырь; и там и тут заглянули и под престолы, и в раку имеющих проявиться мощей какого-то местного преподобного. Духовенство осталось недовольно; тем не менее ключи от собора жандармы взяли к себе, и три дня сам господь бог находился под арестом. Обысканы были Поганкины палаты, дом трудолюбия и канцелярия губернского земства. В последнем случае обыском услужливо руководил председатель управы Горбунов и даже настоял на том, чтобы сломаны были те замки, за ключами от которых нужно было послать. Никакой крамолы, разумеется, не оказалось. А между тем одновременно с обысками в лагерях и казармах появились листки «К солдатам» от военно-революционной организации, а через два дня они же появились на городских улицах. По слухам, было арестовано двое солдат и (достоверно известно) крестьянин Петр Кузьмин, раздававший солдатам прокламации; город же, собственно, никаких потерь не понес. В одну из ночей перед приездом отряд полиции в 20 — 25 голов ползал с фонарями по рельсам железной дороги, собирая листки; набрали 300 штук, а 200, очевидно, попали по назначению.

Самый город Псков имел счастье принимать возлюбленного монарха два раза: 6 августа, когда монарх появился только на параде около вокзала, и 9-го, когда должно было совершиться ожидаемое общение с «любезным сердцу Нашему» народом. Триумфальный кортеж открывался довольно неуклюжим пожарным брандмейстером на пожарном коне и с бешено болтавшейся полицейской селедкой, вместо парадной шпаги; за брандмейстером мчался полицмейстер, стоя в коляске, с написанной на физиономии готовностью «послужить»; далее поспешал губернатор, и уже после этого третьего «предостережения» показался сам Николай II, а за ним многое множество мундиров и треуголок рядом с суб'ектами, которые не имеют фамилии и которые в последние годы особенно настойчиво ракламируют себя телеграфными ответами за подписью «Владимир», «Михаил» и проч. Некоторые из них во время пребывания здесь вели себя с такой национальной простотой, что полиция и обыватель недоумевали и умилялись. Наследник запросто посещал местный «Кутузовский» сад, куда скромный псковичь не решается войти, а сын Владимира Борис в том же Кутузовском саду среди концерта шансонеток отправился за кулисы, и занавес уже больше не поднимался, хотя пение продолжалось очень долго, и чем дальше, тем веселее, но уже исключительно для августейшего савраса. Оный же Борис в другом ресторане (в Черехе) сделал бурсацкую смазь двум, добродушно беседовавшим за бутылкой пива, почтенным немцам, но скандала, разумеется, не вышло.

Были опыты с традиционной подачей прошений лично батюшке-царю, но все поглощалось всесильным участком. А на местах высочайшего присутствия во время маневров

в окрестностях города собравшихся православных, исстари возлагавших свои надежды и вожделения именно на личную подачу прошения, об'езжали казаки и вызывали имеющих подобные намерения; простаки об'являлись, и те же казаки отбирали у них челобитные для передачи, а челобитчик оставался одураченным.

К сведению и руководству!

М. В. Д.
Начальник
Одесского Почт.-телегр.
Округа.
21 июня 1903 г.
№ 289.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. начальникам почтово-телеграфных и почтовых учреждений.

Департамент полиции сообщил, что в течение прошлого и настоящего годов выслано было как из-за границы, так и изнутри империи значительное количество писем на имя разных лиц, преимущественно крестьян, с прокламациями преступного содержания, причем большинство таких писем было опущено в почтовые ящики на железнодорожных станциях, как то видно по имеющимся на конвертах штемпелям почтовых вагонов; в последнее же время эти издания в значительном количестве высылаются из Козлова и Грязей. Согласно установившемуся порядку, почтовые и почтово-телеграфные учреждения передают простую корреспонденцию, адресованную на имя сельских обывателей, в волостные правления для выдачи по принадлежности, и таким образом масса прокламаций попадает в руки крестьян, которые эти прокламации сами хранят и дают читать другим. Циркулярным предписанием от 6 июня 1895 г. за № 11, подтвержденным 1 июля 1902 г. за № 75, даны на сей предмет правила, применительно к коим почтовые и почтово-телеграфные учреждения должны обращать особое внимание на значительное число писем, адресованных в селения и имеющих один и тот же формат, вес и измененный почерк адреса на конвертах. Но так как означенные правила не всюду исполняются, то, на основании предписания Главного Управления П. и Т. от 9 сего июня за № 246, вновь строжайше подтверждаю начальникам учреждений тщательно контролировать иностранную корреспонденцию и наблюдать за внутренней и, в случае убеждения о нахождении в полученных из-за границы изнутри империи по всякому адресу письмах или бандерольных отправлениях листков или брошюр противоправительственного содержания, чтобы такие письма были задерживаемы и вскрываемы в присутствии получателей порядком, указанным в 605 ст. сборника постановлений и распор. по почтово-телеграфному ведомству, часть 1 почтовая, изд. 1885 г., и только в случае обнаружения в письмах упомянутых листков и брошюр письма эти были представляемы подлежащему губернатору; при сем предупреждаю, что все это предписывается особо-тщательному вниманию чинов и что упущения в этом деле влекут в каждом отдельном случае большие и важные последствия.

Признаки же писем с противоправительственным вложением, как было указано предписаниями Главного Управления от 8 февраля и 30 мая 1894 г. за №№ 65 и 275 и 8 мая 1902 г. за № 151, следующие: из Лондона и Швейцарии пересылались закрытые письма в желтых и синих оболочках со вложением листков издания комитета «Фонда вольной русской прессы» [12], адресуемые на имя предводителей дворянства, председателей земских управ, различных должностных лиц, местных адвокатов, редакций газет, а также и на имя частных лиц; кроме того противоправительственные брошюры и листки пересылаются посылками и бандеролями в переплетах книг, для чего в корешках последних устраиваются тайники.

Начальник округа Маевский.
За делопроизводителя: Кугули.

Тула. 14 сентября здесь была демонстрация, организованная Комитетом с целью протеста против суда над ростовскими товарищами. Демонстрации предшествовало распространение листков в большом количестве. Продолжалась она недолго, минут 10 — 15, затем демонстранты (их было около 200 чел.) разбежались под натиском полиции и солдат. Были знамена, пели песни, разбрасывали прокламации. Арестовано 6 рабочих и 6 интеллигентов. Фамилии последних: Луначарская, жена врача, ст. Рождественский, две его сестры, Щепотьев (?) и еще один студент. Демонстрация произвела сильное впечатление на публику.

Ковно. В местной тюрьме 30 августа опять произошла возмутительная история с политическими. Высылали одного товарища в Сибирь. В то время когда его вели мимо камер, из камер, где сидят по нескольку человек, раздались возгласы с выражением сочувствия. За это тюремное начальство приказало рассадить арестантов по одиночкам. Когда заключенные отказались итти из камер в одиночки, то начальство направило к ним в камеры городовых, чтобы силою вытащить их из камер, и тут-то началась дикая расправа.

Крик из общих камер услыхали сидящие в одиночках, которые тоже начали кричать и ломать камерную мебель, оконные рамы и двери. К ним ворвались городовые, и началась бойня, в которой одному товарищу вывихнули руку, а остальные до полусмерти избиты. Одному же городовому разбили череп, а другому женщина откусила палец. На помощь городовым начальство вызвало пожарных с насосами, которые начали обливать водою и тем заставили выходить из камер. После этого всех заперли по камерам в подвале, хотя и светлом. Говорят, что на двух жещин надели сумасшедшие рубашки и отправили их в тюремную больницу. Масса народу сбежалась вокруг тюрьмы на крик избиваемых. Дальнейшие подробности пока неизвестны.

P. S. После гомельского погрома у нас пошли слухи, что на Иом-кипур здесь будет погром. Комендант крепости, успокаивая еврейских буржуа, грозил, что если из евреев кто-либо посмеет сам давать отпор погромщикам, то солдатам и полиции прикажут уйти домой и в казармы. Погрома не было. Пограничная стража и жанд., боясь ввоза оружия евреями, неистовствовали на вокзале и на пароходной пристани, взламывая корзины и чемоданы с вещами у сходящих в Ковно.

Ростов на/Д. Вчера, 8 сентября, в 6½ час. вечера в балке около городских боен батальон Феодосийского полка, предводительствуемый жандармами и усиленный «шпиками», окружил и захватил большую толпу, почти исключительно состоявшую из учащейся молодежи средних школ. Солдаты, пользуясь темнотой, окружили молодежь и внезапно с криками бросились хватать и бить сопротивлявшихся. На месте же был обыск. Детей до 12 лет отпустили, только переписавши их фамилии. Всего арестовано 74 чел., из них 10 — не принадлежащих к учащейся молодежи, 20 гимназисток, остальные реалисты, среднетехники, гимназисты. 29 послано в тюрьму, гимназистки — в нахичеванскую, остальные — в ростовские полицейские части. Вечером до поздней ночи заседал совет из жандармов и педагогов. Первые настаивали на том, что — это местное отделение Ю.-Р. Группы Учащ. Молодежи [13] (бывш. Ю.-Р. Г. У. Средн. Школ), часть вторых — что это просто собрание для чтения реферата. Результаты пока неизвестны.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

ОЧЕРЕДНОЙ КОНГРЕСС ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. ПАРТИИ.

17 — 20 августа н. ст. 1903 г. навсегда останутся в памяти представителей молодой Финляндской Рабочей Партии, с'ехавшихся в фабричном местечке Форсса на

свой второй очередной конгресс. Первый конгресс партии был в 1899 г., в гор. Або. Тогда было об'явлено впервые об образовании партии и была принята краткая программа (см. «И.» № 33). Финляндская Рабочая Партия с самого момента своего возникновения была по существу социал-демократична; в прошлом году, как известно читателям, она примкнула к интернациональному рабочему движению, на нынешнем же конгрессе она и официально приняла название социал-демократической и утвердила новую обширную соц.-демокр. программу, являющуюся органическим развитием прежней.

На с'езд собралось 96 представителей от 48 рабочих союзов (общее число членов Рабочей Партии не может быть в данный момент указано с точностью, во всяком случае оно превышает 10.000 человек). Для разработки вопросов, подлежащих обсуждению, было назначено десять специальных и одна руководящая комиссия; во время общих заседаний прениями руководили по очереди четыре председателя. Почти по каждому вопросу составлены были обстоятельные доклады. Кооперативное движение, общества трезвости, страхование рабочих, максимальный рабочий день и минимальная заработная плата, положение безземельного сельского населения, коммунальная программа рабочих, общефинляндская профессиональная организация рабочих, народное образование, законодательная охрана работниц, безработица, социалистическая агитация и, наконец, наделавший столько шуму в среде финляндских буржуазных партий вопрос о всеобщем избирательном праве — вот те главные общие вопросы, которыми был занят конгресс. Большинство их обсуждалось и на предыдущих с'ездах (настоящий конгресс — по счету пятый с'езд рабочих представителей), но теперь они получили более определенную и радикальную формулировку. Значительная часть вопросов так или иначе вошла в программу, проект которой был заранее выработан особой комиссией и затем утвержден с'ездом. Наконец, с'езд выбрал центральное партийное правление, которое, как и раньше, будет находиться в г. Або. Подводя итоги конгресса, не будет преувеличением сказать, что делегаты выполнили колоссальную работу.

Самым жгучим явился вопрос об избирательном праве. Авторы резолюции по этому вопросу подвергли резкой критике устарелую средневековую организацию финляндского сейма, покоящуюся на сословном начале и плутократической системе выборов, которая лишает рабочих возможности посылать в сейм своих представителей. Вполне понятна та резкость, с которой велась эта критика благодаря упорству буржуазии и сельской аристократии, 15-летняя борьба финляндских рабочих до сих пор не дала никаких осязательных результатов. Тем не менее не следовало забывать, что своим высоким культурным развитием страна обязана главным образом финляндскому сейму; особенно не следовало забывать это в виду того политического момента, который переживает теперь Финляндия. В своей критике авторы резолюции зашли слишком далеко и допустили, действительно, несколько неосторожных выражений. Односторонность как этой критики, так и вообще всей тактики Финляндской Рабочей Партии обусловливается ее ненормальным положением. Хотя партия выступает в качестве легальной, но вся ее деятельность стеснена рамками азиатской цензуры. Ей разрешается касаться в своей критике лишь «местного» порядка, но строго запрещено касаться главного виновника всех злополучий Финляндии — российского самодержавия.

В следующей статье мы приведем выдержки из этой резолюции о всеобщем избирательном праве, а также закончим перевод принятой на конгрессе программы соц.-демокр. Финл. Партии. Пока мы ограничимся первой половиной ее: «общими требованиями» и «охраной труда», оставляя, таким образом, «аграрную» и «коммунальную» программу до следующего номера.

ПРОГРАММА ФИНЛЯНДСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

I. Общие требования:

1. Всеобщее, равное и прямое избирательное право для всех финляндских граждан, достигших 21 года, без различия пола, при всех, как коммунальных, так и политических, выборах. Пропорциональное представительство; одна палата; тайная подача голосов. Производство выборов в определенный законом праздничный день. Выдача жалованья депутатам, избранным в какое бы то ни было представительное учреждение.

2. Непосредственное народное законодательство, осуществлямое в праве народа предлагать и отвергать законопроекты.

3. Полная свобода союзов, собраний, слова и печати.

4. Обязательное начальное обучение. Даровое обучение во всех учебных заведениях. Даровые учебные пособия и даровое содержание для всех учеников в народных школах; в прочих учебных заведениях — для учеников, отличающихся выдающимися способностями. Преобразование народной школы в школу начальную, программа которой примыкает к программе всех высших школ.

5. Об'явление религии частным делом. Отделение церкви от государства и признание церковных и религиозных обществ обществами частными, которые сами ведают свои внутренние дела. Светская школа.

6. Замена всех прямых и косвенных налогов прогрессивным подоходным налогом, причем ценности, возрастающие независимо от труда, доходы, состоящие из процентов, и наследства должны быть обложены высшим налогом, чем доходы, имеющие источником личные заслуги или личный труд. Обязанность для каждого об'являть свое подлежащее обложению налогом имущество.

7. Бесплатное отправление правосудия, бесплатная защита. Вознаграждение невинно привлеченных к суду, арестованных и осужденных.

8. Забота о народном здравии — дело государства и коммуны. Бесплатная врачебная и акушерская помощь, даровые лекарства.

9. Сокращение расходов на военное дело и введение народной милиции вместо регулярного войска. Осуществление идеи мира.

10. Отмена всех законов, ставящих в общественно-правовом и частно-правовом отношениях женщину ниже мужчины.

11. Повсеместное законодательное запрещение производства и продажи спиртных напитков.

II. Охрана труда:

Финляндская Социал-Демократическая Партия должна энергично поддерживать законодательную охрану труда. Ближайшим образом она требует следующего:

1. Максимальный рабочий день должен быть определен законом в восемь часов, кроме особо вредных производств, в которых время работы требует еще большего сокращения.

2. Повсюду должна быть установлена известная, обеспечивающая необходимые издержки, минимальная заработная плата не только в казенных и коммунальных, но и в частных предприятиях.

3. Ночная работа должна быть повсюду запрещена, за исключением тех производств, в которых непрерывная ра-

бота необходима в силу технических условий. Ночная работа должна быть абсолютно запрещена для женщин и подростков.

4. На отдых должно быть установлено время по меньшей мере в 36 часов под-ряд раз в неделю.

5. Всякая наемная работа должна быть запрещена для детей до 14 лет. Должны быть изданы постановления, охраняющие труд детей (14—16 лет), учеников и подростков (16—18 лет).

6. Работа женщин должна быть запрещена в производствах, вредных для женского организма. Работа для беременных должна быть облегчена и совершенно запрещена с того времени, как труд становится для беременных обременительным, а также в течение, по крайней мере, шести недель после родов.

7. Вышеупомянутые постановления должны распространяться, кроме фабричных рабочих, и на рабочих, занятых в ремеслах и земледелии, на лиц, состоящих в услужении, а также, по мере возможности, и на служащих в торговых заведениях и по транспорту.

8. Для наблюдения за точным исполнением фабричного законодательства должно быть назначено достаточное по условиям производства число фабричных инспекторов и инспектрис; помощники инспекторов должны выбираться из среды рабочих. Для предупреждения преступлений против законов, охраняющих труд рабочих, за нарушение их должны быть назначены строгие наказания.

9. Предоставление выбора членов правления страховых учреждений самим страхующимся.

10. Незаконнорожденные дети и сироты должны получать целесообразный уход и воспитание.

(Продолжение следует.)

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Москва, 9 сентября. Проездом через Москву узнаю, что здесь сегодня началась стачка типографских рабочих. В публике говорят о происшедших будто бы демонстрациях на Мясницкой и на Тверском бульваре. В шестом часу вечера прохожу по Леонтьевскому пер.; у ворот типографии Мамонтова стоит городовой, через несколько шагов встречаю другого, дома через три — еще; но в переулке особенного оживления не заметно. Иду в Чернышевский пер., перед типографией «Русских Ведомостей» — опять городовые и дворники, человек пять; из под'езда выходит господин в фуражке фабричного инспектора и идет во двор в сопровождении одного из дворников. Выхожу на Тверскую, в течение получаса наблюдаю, как по направлению к бульвару идут поодиночке, парами и целыми группами пристава и городовые; вот проезжает закрытая карета с надписью «Тверской полицейский дом»; позади у входной двери сидит городовой с книгой под мышкой. Выхожу на Тверской бульвар: у памятника и по площади перед Страстным монастырем стоят группами полицейские. По всему бульвару сидят на скамейках и прохаживаются типографщики; останавливаются небольшими кружками и переговариваются между собою. Между ними с самым мирным видом прохаживаются пристава и городовые. Рабочих, сидящих и гуляющих, несколько сотен, посторонней публики — самое ничтожное количество; случайно попав на бульвар, обыватели, при виде происходящего, спешат выбраться, из опасения, «как бы чего не вышло». Прохожу до самого конца бульвара к Никитским воротам. Оттуда все время подходят новые и новые группы рабочих. Это час окончания работ на постройках, и через бульвар то-и-дело проходят группами каменщики, маляры и т. д. Около семи часов полиция начинает просить публику расходиться. От памятника в противоположный конец бульвара направляется довольно большая партия рабочих, идут стройными рядами, к ним постепенно пристают новые и новые лица, и вся толпа в несколько колонн проходит через Тверской и Никитский бульвар, в конце которого расходятся. Некоторые останавливаются здесь и оживленно обсуждают положение дел. Подхожу к одной многолюдной группе, — к сожалению, слишком поздно: обсуждение вопросов уже закончено, и сгрудившиеся около говорившего товарища рабочие начинают расходиться. Слышу последние слова, представляющие, очевидно, конечный вывод из всех разговоров: «У нас нет программы, — так нельзя». Расспрашиваю отдельных лиц и узнаю, что забастовала типография Левинсон, на которую будто бы «выпал жребий», и что забастовка была поддержана другими типографиями. Ожидают, что на завтра станут все типографии, и Москва останется без газет. Требуют повышения заработной платы, приблизительно процентов на 30, укорочения на один час рабочего дня и обеденного перерыва. Говорят, что некоторые типографии уже из'явили готовность удовлетворить требования рабочих.

10 сент., 10 час. утра. «Русских Ведомостей» сегодня приютившему меня в своей квартире коллеге не принесли; «Курьера», повидимому, тоже нет (печатается у Левинсона).

12 сентября. Стачка типографщиков в Москве продолжается; десятого из газет вышли только Русский и Московский Листки; вчера «Русский Листок» смог выпустить одни лишь об'явления, «Московский» же выходит в обычном об'еме. Забастовка началась, как я уже писал, во вторник девятого числа. Первой забастовала типография Левинсон, как говорят, по жребию. Тотчас же присоединились и другие типографии. Повидимому, все было решено и организовано заранее. Полиция знала о готовящейся стачке задолго и ожидала ее еще в субботу, думая, что двумя праздничными днями, седьмого и восьмого, стачечники воспользуются для устройства демонстрации. Поэтому уже в субботу начались аресты и обыски среди типографских рабочих; ко вторнику арестованных насчитывалось 21 чел. Рабочие поспешили об'явить стачку во вторник. Забастовщики ходили по всем типографиям и присоединяли их к стачке, пока не забастовали все. Около «Московского Листка» и синодальной типографии была поставлена усиленная полицейская охрана. В синодальной типографии выбили стекла, у «Листка» выломали ворота. Редактор «Русского Листка» Козецкий также заблаговременно обратился в полицию и вызвал наряд. Наборщики не были выпущены из здания, пока не набрали номера. Козецкий об'явил, что удовлетворяет их требования, но на следующий день они все-таки не явились. В «Московском Листке» работают ученики-мальчики, метранпаж и набранные при содействии полиции хитровцы; да и те идут не иначе, как за баснословную цену. Требования забастовщиков формулированы в 12 пунктах. Из них важнейшие: 1. девятичасовой рабочий день, 2. обеденный перерыв в два часа, 3. дежурный врач и фельдшер при типографиях, 4. улучшение гигиенических условий (вентиляция, освещение и т. д.), 5. повышение заработной платы там, где она помесячная, на 20%, а где сдельная — на 25% и т. д. Наконец, стачечники заявляют, что не намерены входить в соглашения с отдельными хозяевами, а желают, чтобы требования их были приняты с общего согласия всех типографских хозяев и чтобы согласие это было засвидетельствовано письменным актом. Выдержка — поразительная для русских рабочих. По отзыву одного офицера, «гг. студентам можно поставить в пример столь достойное поведение типографщиков». Работы остановились во всех типографиях, кроме «Московского Листка», о которой сказано, и Городской типографии, куда трудно проникнуть, так как она вся окружена полицейскими зданиями. У всех типографий дежурят городовые и дворники. Демонстраций в настоящем смысле слова не было. Московский Комитет Партии выпустил воззвание к забастовавшим. Несомненно, что у стачечников есть руководители. Но кто они и где они — никому неизвестно. Полиция совершенно сбита с толку.

Десятого к стачке присоединились переплетчики, а одиннадцатого уже были разговоры о забастовке среди кондукторов и других рабочих конножелезных дорог. Всех типографских рабочих в Москве около 23 тысяч.

Любопытно отметить, что наборщики «Русских Ведомостей» бастуют почти исключительно ради солидарности

с остальными. Условия работы в «Р. В.» почти удовлетворяют всем требованиям бастующих, и на некоторые улучшения редакция согласна *.

На происходивших в эти дни совещаниях типографщики-хозяева пришли к соглашению понизить рабочий день до 10 час. (обычно теперь 12 час., в «Русск. же Вед.» для дневных смен — девять час., для ночных — восемь) и повысить сдельную заработную плату до 18 коп. с 1.000 букв набора, а месячную довести до 35—40 руб. (в «Русск. Вед.» уже и теперь платят по 18 коп. с 1.000, а месячное жалование наборщика равняется 50 руб.; они согласны прибавить еще пять руб.; тогда рабочие об'явили, что желают прибавки в 15 руб.).

В публике усиленно говорят, что где-то были окружены и загнаны в манеж человек 200 рабочих, которые частью развезены по участкам, частью выпущены. Что девятого было много арестованных—это несомненно. Один знакомый, живущий как-раз напротив Пречистенского полицейского дома, рассказывал мне, что всю ночь (на десятое число) не мог заснуть, так как беспрестанно трещали извозчичьи пролетки, подвозившие к тюрьме арестованных. Говорят, теперь полиция принимает меры к высылке забастовщиков на родину. Появилось будто бы об'явление обер-полицмейстера, что кто не станет на работу сегодня (12-го), тот может получить расчет в участке или у себя на родине также при содействии полиции.

Одесса. (Приводим письмо работницы, дающей характерный рассказ о знаменитых днях одесск. всеобщ. стачки)[14]. У нас до этого времени все время было брожение, раб. были веселы, шли оживленные разговоры, все ждали того времени, когда у нас забастуют, решено было начать забастовку в пятницу 17-го числа по окончании и сдаче работы. Пришел мастер и заявил нам, что хозяин просит на об'яснение, сказал, чтобы каждое отделение выбрало по одному рабочему из своей среды и чтобы они в субботу вечером пришли к нему. Решено было так: получить деньги и об'яснение от хозяина и не явиться в понедельник на работу. Однако вышло не так, как мы думали: в среду мы были вызваны рабочими.

Работали мы все спокойно, вдруг слышим крик и свист. Рабочие перепугались, не понимая, что такое, кто зовет их, для чего именно, для чего вызвали всех. Поняли только сознательные рабочие. Они поняли, что их зовут товарищи на борьбу с капиталистами-эксплоататорами и с тем, кто, в короне, пьет также кровь народа. Мы слышали смелый призыв с улицы, не страшились его, у нас явилась бодрость и вера в будущее, и мы смело вышли на улицу, звали наших рабочих: «Идем к ним! Никто не посмеет нас бить!»

Но меня интересовало до выхода из завода, кто пришел. Я подошла к окну и вижу: масса рабочих машет платками, некоторые держат палки и кричат: «Товарищи, бросайте работать!». Я побежала наверх, вижу—все побросали машины, некоторые их почистили, а некоторые — нет, директор взволнован и мастера не понимают, что такое: пожар что ли, что рабочие бегут? Но когда узнали, в чем дело, что не пожар, тут-то беда: ворота затворились, как у Саввы Морозова... Делать нечего, отворяй скорей ворота, выпускай рабочих... Без десяти минут дали гудок.

Когда мы вышли, то нас встретили свистом, как-будто на зло капиталистам, что наша возьмет. Тогда мы присоединились к товарищам и всей массой пошли к заводу Енни и там вызвали рабочих и так же торжественно встретили их. Присланы были казаки, чтобы разогнать рабочих, но не разогнали, потому что стояли тихо, но указывали на их службу, на жизнь, как они живут и для чего они служат. Так прошел первый день. На второй день назначена была сходка, и все стали расходиться по домам. Но для меня эта ночь была не для сна, всю ночь не спала, думала, как будет завтра, как поймет вся масса темная эту борьбу сознательных. День был ясен, с утра стал народ сходиться на сходку. Мы должны были явиться к заводу и забрать всех рабочих. Больших трудов стоило созвать всех рабочих на сходку. Когда мы пришли, то народ там уже был, много было ораторов. Часть собравшихся пошла к соседнему заводу, чтобы вызвать рабочих. Рабочие были вызваны. Тогда все сели на траву, и оратор говорил речь; по окончании речи были спеты революционные песни. Во время пения каждый забыл то, что гнет и давит и не дает развиться, забыли даже шпионов, которых правительство прислало, чтобы выловить вредных для него людей. В то время для нас ничего не было ужасного. Перед нами рисовалась картина счастья, свободы и братства; солнце приветствовало нас, и деревья шумели и как-будто шептали о свободе. Но не все поняли, что такое свобода. Те, которые не поняли, стали уходить и креститься, говоря: «Господи, неужели можно без него; да и что нам он, нам нужно с капиталистами бороться, а не с царем». Но вот другая картина. В глуши сада — масса людей, и оратора держат на плечах. Он говорит речь о борьбе с врагом. Тут масса покрывает конец речи криками: долой самодержавие! А в другой стороне также говорят, как нужно бороться за свою жизнь и счастье всех людей. После всего этого всей массой пошли по всем заводам кругом, вызывали рабочих присоединиться к борьбе, чтобы показать капиталистам, что сила в руках рабочих. И так весь день ходили по всем улицам города. Интересная картина была в гавани, когда освобождали всех рабочих и выпускали из парового котла пар. На пароходах раздавались гудки за гудками. Мальчики подростки 12—13 лет выпускали пар и звонили в колокольчики. Кругом смех, говор. Все были веселы, делились всем, что у кого было, бубликами и водой, все были товарищи и, казалось, верили, что добьются хорошего. Посреди улицы останавливались, говорили речи, затем шли дальше, и так до вечера. Вечером опять пошли на то самое место, где были утром, затем назначена была на другой день сходка; все опять разошлись по домам. Все эти дни жертв никаких не было, только одно происшествие случилось: на пароходе капитан толкнул одного мальчика и разорвал ему рубашку, но тут за него вступились рабочие. Капитан видит, что дело плохо, дал мальчику рубль, тем и закончилось происшествие.

На третий день многие рабочие пред'являли хозяевам требования. Мы тоже пред'явили: 8 часов, повышение заработной платы и еще некоторые. Но хозяин нам заявил, что прибавки он сейчас не даст, подумает, можно ли это или нет, а до того времени чтобы шли на работу: «Что вам даром ходить с теми, которые бунтуют вас; я, ведь, знаю, что среди вас есть девушки, которые содержат родных, так как же вы думаете прожить, не работавши?». «Мы, — говорит, — без вас месяца два проживем, а как вы без нас проживете?» Рабочие не обратили на это внимания, стали расходиться постепенно; после обеда выдан был аванс всем. В то время когда рабочие расходились, приехал из комитета «независимых» оратор, стал читать требования и говорит, чтобы рабочие прислали от себя одного представителя с этими требованиями в комитет Шаевича. Многие хотели пойти записаться, но в конце концов никто не пошел, и все постепенно разошлись по домам.

Нас несколько пошли на сходку. Мы звали всех своих рабочих на сходку, они нам ответили: «Не нужна нам сходка, там все социалисты, которые не хотят царя; нам нужно бороться за экономическое, а не за политическое». Мы не обратили на них внимания, пошли на сходку. Жара была ужасная, но напиться воды было где: жители того района поняли, что борются за лучшую жизнь, они выносили ведрами на улицу воду, чтобы люди утоляли свою жажду. Когда мы стали подходить к месту сходки, я была изумлена громадным наплывом народа. Всех влекло сюда одно желание — послушать, что будут говорить в этот день, какими средствами и как бороться с капиталистами. Подходя к месту сходки, вдруг видим, что народ бежит. Я удивилась, спрашиваю: «что такое? почему вы бежите?» Они говорят: «Не ходите туда, там „спицалистов“ гонят и бьют». Я не обратила внимания на то, что говорили. Придя на сходку, я поразилась: первый раз в жизни увидела столько народа; что-то было необыкновенное, шум, свист. Когда я подошла ближе, то увидела такую картину: к востоку масса народу, а между ними ораторы говорили речи; а к западу тоже людей масса; кто чем занимался,

* Среди требований забастовщиков забыл отметить требование об избрании во всех типографиях старост по новому закону.

некоторые разделились на цехи; кто сидел, говорил, кто пел. В это время каждый чувствовал себя гражданином, думал, что настало то время, что можно свободно собираться, говорить, петь. Но свободы не было: присланы были солдаты. Когда народ увидел их, стал расходиться, но не все; некоторые остались, продолжали свои дела. Тогда дан был солдатам приказ — приложить штыки к народу. Началась свалка. Каждый хотел себя защитить, бежали и душили друг друга. Но вот вышли все в открытое поле, сорганизовались вместе и выбросили красное знамя, а другое — маленькое из белого платка с красной каймой свеже-пролитой народной крови. Когда я увидела это, сердце забилось у меня, рвется туда, где товарищи несут гордо и смело знамя свободы, поют песни, зовут на борьбу всех, чтобы завоевать всем счастье, равенство и свободу всему народу. И вот постепенно исчезает из виду все. А тут ведут товарищей раненых, а там позади на обрыве остались одни шпионы «независимые». Они зовут к себе: «К нам! мы ваши друзья и защитники!» Им в ответ кричат: «Долой шпионов, долой независимых!» И так закончилась сходка.

Настали тяжелые дни. Слухи носились кругом, что демонстрантов всех забрали и очень били. По всему городу расставлены были патрули: казаки и солдаты. Заводы все стояли, гудков не было. Полиция суетилась, брала кого попало; кто хотел, указывал, кого знал; с улицы, из сада брали, но через несколько дней стали выпускать.

Мы от 19 числа и до 23-го сходились с оставшимися товарищами в саду после обеда для решения наших дел, как действовать далее, чтобы поддержать нашу стачку. Мы всегда сидели до 11 часов. Кто что услышит, сейчас об'ясняет, и мы все разбираем подробно. Кто что имел — приносил, вместе делились. И так мы себе представляли, что это была у нас коммуна; так было радостно в кругу товарищей, но, когда наступал час итти домой, становилось жутко на сердце. Думалось, что теперь делается в тюрьмах и как живут наши товарищи. Так все время я мучилась душой, как можно помочь всему этому; но все было напрасно: цепи скованы еще. И так проходили дни до 23-го числа; все старания поддержать стачку были напрасны. Многие просились на работу. 23-го числа все вышли на работу, в других заводах раньше пошли работать. Прибавки некоторые заводы дали, но большею частью не добились ничего. Зато проснулись многие от долгого сна. Мы ждали, что нам будет всем расчет; но пока неизвестно, что мы социалистки, и теперь будем работать еще упорнее. Настанет время, когда скроется тьма; а теперь, пока что будет, а тьмы много; так будемте все вместе дружно работать, не страшась ничего. Ждет нас свобода, не минет и тюрьма. Поклон всем организаторам Одесского Комитета, чтобы они не плошали, а прислали нам побольше прокламаций.

Одесса. Листок о фабричных старостах[15] с категорическим предложением отказываться от выборов выпущен был Од. Ком. с.-д. еще в начале августа. В этом же направлении велась усиленная устная агитация. Агитация эта имела несомненный успех: так, на заводах Каца (400), Гена (300), Вальтуха (150) и в железнодорожн. мастерских (2.500) рабочие наотрез отказались даже приступить к выборам старосты. Фабричный инспектор приезжал на крупные заводы и упрашивал рабочих принять старост, доказывая, что новый закон издан для того, чтобы правительство могло лучше знакомиться с нуждами рабочих. «Не нужно нам таких законов!», «Шпионский это закон», кричали рабочие, дружно отказываясь от нового царского «благодеяния». Старосты учреждены только на некоторых мелких заводах. Большею частью хозяин говорил наиболее «преданному» рабочему: «ты будешь старостой», и таким патриархальным порядком производились выборы.

Местные соц.-демократы полагают, что массовый отказ по всей России или, по крайней мере, в крупных промышленных центрах имел бы крупное агитационное значение. Как показывают вышеприведенные факты, такая постановка вопроса нашла живой отклик в рабочей массе.

(Заметим, с своей стороны, что мы считаем более правильной тактикой не отказываться от выбора старост вовсе, а вести неуклонную борьбу против извращения выборов, против попыток шпионства через посредство старост и т. д. Мы высказались уже об этом в № 46 «Искры». Ред.).

Керчь. 8 и 9 сентября забастовали рабочие русского и российского пароходного общества, требуя повышения заработной платы. Рабочих рассчитали, и на их место присланы были солдаты. 12-го забастовали рабочие маленького завода Бухштаба, отсюда забастовка перекинулась на табачную фабрику Месаксуди, потом на мельницы (их две), а там присоединились и ремесленники. Забастовавшие рабочие ходили всюду, приглашая рабочих пристать к ним и требовать повышения платы. Некоторые приставали с удовольствием, на других приходилось действовать силой, т. е. останавливали машины и выгоняли рабочих. Магазины были закрыты, хозяевами города в этот день были рабочие. Градоначальник растерялся было, но потом придумал следующее: когда вся масса рабочих и публики сконцентрировалась возле фабрики Месаксуди (им казалось, что тут еще работают), градоначальник, недолго думая, телефонирует пожарному обозу, что фабрика горит, а пока что стал разгонять публику и там, где находил малейшее сопротивление, давал волю рукам и ногам. Таким образом он ударил ногой одну курсистку (Уманскую), которая не хотела уйти со своего моста. Она бросила ему на всю улицу подлеца, и теперь она обвиняется в подстрекательстве толпы и в оскорблении градоначальника при исполнении обязанностей. Вскоре после этого инцидента явился пожарный обоз; полицмейстер велел растерявшемуся рабочему качать, и вдруг толпу обдала сильная струя воды. Все разбежались по сторонам на несколько минут, а потом, опомнившись, исколотили пожарного, а кишку разорвали на части. Отсюда масса отправилась к вокзалу за железнодорожными, здесь выпустили пар из паровоза, и вечерний поезд не мог уйти. Градоначальник, после неудавшейся попытки тушить пробудившееся чувство возмущения водой, вызвал солдат. Толпа возвращалась с вокзала часов в 12 ночи (погода была ужасная, дождь лил как из ведра). Масса устала, измокла, но уходить и не думала. Вдруг офицер скомандовал атаку. Солдаты со штыками наперевес бросились на внутреннего врага и разогнали его. 13-го город по телеграмме был об'явлен на положении усиленной охраны; комендантом крепости было призвано 18 рот. Местная организация выпустила прокламацию, призывая рабочих к демонстрации и к сходке на горе Митридат. Утром на этой горе собралось около 2.000 рабочих; держал речь один интеллигент, указал, как должны держать себя рабочие, чтобы выиграть стачку. С Митридата рабочие отправились к агентству, где работали портовые, которых уже удовлетворили. Когда толпа стала напирать на ворота агентства, скомандовали солдатам стрелять. Был убит ни в чем неповинный старик, шедший с хлебом, и ранен один рабочий. Начались массовые аресты на улице. (Интересная подробность: на баркасе работали грузины, их скорей отправили в море, боясь их ножей). Толпа отправилась к участку, требуя освобождения арестованных товарищей. Тут снова раздались выстрелы, ранили двух (из них один уже умер), убили одного и много легко раненых. Выстрелы напугали толпу, и демонстрация не удалась. Войска наводнили город, разгуливая с одной улицы на другую и терроризируя население. 13-го приехал фабричный инспектор, градоначальник в вывешенных об'явлениях приглашал приступить к работе, обещая, что инспектор об'едет все фабрики и заводы и расспросит о нуждах рабочих. Рабочие поддались на удочку, начали работать. В результате — портовые получили прибавку, больше никто ничего. На похоронах были произнесены две политические речи тем же интеллигентом. Его долго не арестовывали, так что ему удалось даже бежать в Новороссийск, но перед самым отходом парохода за границу его арестовали. Арестовано 100 рабочих и 3 интеллигента.

Феодосия, Таврической губ. В ночь со второго на третье августа по всему городу были разбросаны прокламации в количестве 900 экз. — к рабочим и 400—к интеллигенции. В ту же ночь на улице арестованы двое рабочих,

подозреваемых в разбрасывании прокламаций (сидят в тюрьме). Полиция успела до утра подобрать 340 экз. Прокламации вызвали забастовку портовых рабочих, в количестве 300—400 чел. Требования были следующие: 1) за выгрузку из вагона зерна в мешках — 2 руб. 25 коп. вместо получаемых 1 руб. 50 коп.; 2) без мешков, т. е. насыпью, 3 р. 50 к. вместо 2 р. 50 к.; 3) погрузка на пароход 6 коп. с четверти вместо 5 коп.; 4) уничтожение артели (артельные рабочие пользовались преимуществом, получая чаще работу от контор, и только в случае недостаточного количества артельных рабочих последние нанимали от себя рабочих поденно, которых эксплоатировали в свою пользу). Забастовка продолжалась два дня. Все требования удовлетворены. По этому поводу здесь был губернатор Трепов. Беседуя с рабочими на пристани, куда они были созваны, он заявил, что, если кто-нибудь осмелится выразить недовольство, то немедленно будет выслан из Феодосии; рабочие, мол, должны всегда помнить, что он сильнее их.

В главном ресторане официанты, в числе 15 чел., устроили стачку. Причина та, что хозяин не только не платил жалованья, но еще брал у последних по 5 руб. в месяц. Забастовка продолжалась несколько дней. Принято обратно 5 чел. на жалованье по 5 руб. в месяц; остальные поступили в другие рестораны.

(Обе упоминаемые в корреспонденции прокламации доставлены в редакцию. «Феодосийская Социал-Демократическая Рабочая Группа» излагает события на всем юге и зовет к борьбе за свободу и за социализм. Изданы прокламации на гектографе).

Екатеринослав. В последних числах июля рабочие, в количестве 90 чел., собрались в степи за Брянским заводом для обсуждения своих нужд. Собрание приходило к концу, когда раздались тревожные свистки расставленных рабочими сторожевых патрулей. Рабочие выстроились в несколько рядов и пошли сомкнутой группой к Брянскому заводу. Навстречу им выскочило человек пять конных городовых, которые остановились в недалеком расстоянии от рабочих; те продолжали свой путь. Вскоре появилось еще до 30 конных городовых под предводительством пристава и околоточного надзирателя, городовые выстроились в ряд, одни выхватили револьверы, другие вооружились нагайками и бросились на рабочих. Те не выдержали натиска и разбежались в разные стороны. Началась дикая вакханалия — натешили городовые свои подлые души, били рабочих до полусмерти, особенно сильно избили одного шестнадцатилетнего юношу; от него требовали назвать фамилии присутствовавших на собрании, но он не назвал их. Били его сначала нагайками, затем рукояткой нагайки, товарищ хотел защитить руками голову от ударов, руки его сплошь черные и искровавленные, но и голова не в лучшем состоянии: заплыли глаза, черные полосы — следы нагайки по всему лицу. Подобный же вид имеет и девушка, единственная бывшая на собрании. Когда городовые напали на рабочих, то лошадью сшибли ее с ног, таким образом она осталась позади товарищей. Встав с земли, она пошла к Брянскому заводу; городовые, разогнав и избив рабочих, возвращались домой и настигли девушку; тогда каждый из них под'езжал к ней и ударял ее нагайкой со словами: «получи, негодница, и от меня»; затем несколько зверей, трудно назвать их людьми, схватили девушку за руки и ноги и начали бить ее по голому телу; в заключение, их руководитель, околоточный надзиратель, предложил городовым произвести над девушкой гнусное насилие, но отчаянные крики и сопротивление девушки заставили их отказаться от своего намерения.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКИХ ТРЭД-ЮНИОНОВ.

Капиталистическая печать континента Европы не прочь при случае, например когда надо ругнуть социал-демократов,—похвалить английских рабочих за их рассудительную умеренность и равнодушие к социализму. И она права в своих похвалах: социализм, действительно, плохо прививается в Англии. Единственная организация, стоящая здесь на почве учения Маркса, — Социал-Демократическая Федерация[16], насчитывает после двадцатилетнего существования всего от 20 до 30 тысяч членов и располагает весьма ничтожным количеством материальных и интеллектуальных сил, которых хватает только на издание тощей еженедельной газеты «Justice» («Справедливость»); другая социалистическая организация, так называемая «Независимая Рабочая Партия»[17], с еженедельным органом «Labour Leader» («Вождь Труда»), пользуется несколько большим влиянием, но социализм ее довольно низкопробный, с сильным народническим привкусом; третья, «Фабианское Общество»[18], реформаторский социализм которого вдохновил пресловутого Бернштейна на «пересмотр» марксизма, работает исключительно в буржуазной среде. Здесь не приходится распространяться об исторических причинах такой социалистической отсталости английских рабочих. Достаточно будет отметить, с одной стороны, великолепную организованность господствующих классов, их уменье управлять без помощи крутых мер, выработанное веками, их воздержание от мелочных придирок и готовность на мелкие уступки, ослабляющие стихийное раздражение рабочих, искусство, с каким они умели держать народ во тьме (так, народные школы, содержимые на общественный счет, были заведены в Англии впервые только в семидесятых годах, а раньше существовали только частные школы, устроенные попами, да и то в ничтожном количестве), и т. п., и с другой стороны — сложность задач, представляемых уму рабочего экономической и политической жизнью такого государства, как Англия, раскинувшего свои владения во всех частях света, вынужденного в большей мере, чем какое-либо другое, заниматься международной политикой — область, в которой из-за традиционного «патриотизма» особенно легко забывается классовая рознь. В царстве «законности» и самой широкой политической свободы только социализм может выделить рабочих в особую партию. Отнимите у рабочего социализм, и он становится обыкновенным обывателем, консерватором или буржуазным демократом, если не индиферентистом, и самодовольно плетется в хвосте «респектабельных» буржуазных партий. И мы видим, что чуждающееся социализма английское рабочее движение не об'единено политически в независимое целое, не сливается в одну могучую реку, а растекается по множеству русел. Фактическим представителем его являются союзы рабочих по промыслам — трэд-юнионы. Их более тысячи, и охватывают они около четверти всего числа рабочих. Сто наиболее крупных трэд-юнионов заключают в себе две трети всех трэд-юнионистов (более миллиона человек), их запасные фонды превышают 26 миллионов руб., а годовой доход составляет более 20 миллион.; значительная часть этого дохода тратится на об'единенную взаимопомощь, избавляя тем государственную казну от «непроизводительных» расходов, и приблизительно одна пятая служит боевым целям. Денежная сила трэд-юнионов внушает капиталистам известное чувство уважения к ним и склонности итти на мировую, если требуемые уступки не слишком велики, но это уважение смешано со страхом и с желанием сокрушить трэд-юнионы, пока они не наделали слишком большой беды. Нужды нет, что заграничные буржуа, запуганные социал-демократией, поведение английских рабочих ставят своим в пример, — английские капиталисты, которым бояться социал-демократии не приходится, не склонны видеть в трэд-юнионизме громоотвод; так или иначе, а трэд-юнионы обуздывают самодержавный произвол капиталистов, и потому их надо сокрушить. Потеря Англией прежнего монопольного положения на всемирном рынке делает капиталистов весьма склонными уравновешивать сокращение прибыли урезыванием заработной платы, а прогрессирующая концентрация капитала, стихийная и планомерная (оформленные и неоформленные тресты), повышает его боевую силу и боевой задор. Поборники законности, капиталисты, решили сокрушить трэд-юнионизм самым законным образом — с помощью судов. Последним аргументом трэд-юнионов при переговорах с препринимателями является стачка. Закон разрешает стачки, но разрешает

также предпринимателям замещать стачечников новыми рабочими. Если трэд-юнион помешает последним стать на работу или убедить не подрывать своего же брата, фабрика станет, и предприниматель понесет убытки. А кто ввел ближнего в убытки, обязан возместить ему их. Сообразив это, капиталисты начали с 1900 г. пред'являть к трэд-юнионам иски за подобные убытки, и суды находят иски правильными. Одна железная дорога взыскала таким манером с союза железнодорожных рабочих целых 400.000 рублей за убытки, причиненные стачкой, и эта новая тактика начинает завоевывать самые сильные симпатии в капиталистическом мире. Добродетельным трэд-юнионистам, практичным и умеренным, приходится поневоле задуматься над своим положением, и мысль о недостаточности чисто профессиональной борьбы навязывается сама собою. В руках у капитала суд, в его руках законодательство, в его руках управление, народная казна, церковь, школа, пресса. На помощь консервативной или либеральной партии надеяться нечего, рабочим надо образовывать свою. Но это дело нелегкое. Трэд-юнионы далеко не представляют готовых органов могучей рабочей партии, они слишком дорожат своей «независимостью», слишком привыкли действовать вразброд, а помимо трудностей организационных есть еще и программные. Нет партии без программы, а «программу работников» должен составлять социализм, а последний, как было сказано в начале этой статьи, в Англии не в авантаже обретается... Три года назад часть трэд-юнионистов сообща с «Независимой рабочей Партией» и «Фабианским Обществом» образовали «Комитет представительства труда» [19], цель которого проводить на выборах в парламент рабочих кандидатов. В настоящее время к Комитету примыкает около 800.000 трэд-юнионистов, вносящих на нужды новой рабочей партии по 4 коп. в год. Щедрое пожертвование!.. От кандидатов в парламент Комитет требует, чтобы они не поддерживали кандидатов других партий и в парламенте держались солидарно и независимо от других партий «в вопросах, касающихся труда». Программы нет никакой. Социал-Демократическая Федерация вступила-было в Комитет, но скоро вышла, не успев убедить его принять классовую борьбу за принцип своей деятельности. Какие вопросы «касаются труда» и какие не касаются, — Комитет не постарался до сих пор выяснить, но уже самая мысль о существовании вопросов, «не касающихся труда», характерна и оправдывает сарказм Чемберлена [20], что рабочие депутаты — очень хороший народ у себя в мастерской, в парламенте же похожи на рыбу, вынутую из воды.

Предыдущее изложение уяснит читателю смысл того, что происходило на нынешнем трэд-юнионистском конгрессе, заседавшем в Лейстере с 7 по 15 сентября (н. ст.). Главным вопросом, обсуждавшимся на конгрессе, был именно вопрос о необходимости самостоятельной рабочей политики. Царящая на этот счет в головах трэд-юнионистов путаница прекрасно выразилась в речи председателя конгресса, члена союза сапожных рабочих Горниджа. Он обрисовал весь вред для рабочего класса от капиталистических судов и законодательства и настаивал на необходимости для рабочих иметь своих собственных представителей в парламенте, эти представители должны быть непременно рабочими же, но в то же время людьми с «широкими взглядами», понимающими, что отдельным секциям общества иногда надо потерпеть для блага целого; они должны держаться независимо, но не чуждаться сторонней помощи (т. е. кооперации с либералами) и расплачиваться за нее услугами с своей стороны... Классовую войну Горнидж отвергал, потому что она противоречит идее братства людей: «истинная человечность не знает классов... Эта проповедь самопожертвования, бескорыстия и незлобия, обращенная к обездоленному классу, стяжала оратору похвалы со стороны самого «Times'a»: дескать, человек обнаружил понимание того, что, в сущности, все классы имеют одинаковые интересы... Прения начались с вопроса об отношении трэд-юнионистов к «Комитету представительства труда». Представитель союза газовых рабочих Пит Керран предложил резолюцию, одобряющую образ действий Комитета и рекомендующую трэд-юнионам, еще не примкнувшим к нему, поспешить сделать это. По поводу этой резолюции поднялись прения о независимом образе действий рабочих депутатов в парламенте, проповедуемом Комитетом. Выше было сказано, что независимость Комитет находит обязательной только в «вопросах, касающихся труда», но даже и такая независимость показалась непрактичной и опасной сторонникам кооперации с либералами, и они предлагали устами Р. Белля, депутата парламента и секретаря союза железнодорожных рабочих, «независимость с кооперацией». Тем не менее резолюция прошла большинством двух третей голосов. Представитель союза кирпичников предлагал, чтобы «Комитет представительства труда» состоял из одних трэд-юнионистов, иначе посторонние начнут вертеть им; это предложение, направленное против социалистов, провалилось, подобно «кооперации». Насчет общей программы рабочей партии Конгресс не рассуждал вовсе и по старой привычке ограничился разбором желательности отдельных законодательных мер, как-то: расширение ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими на все отрасли промышленности, восьмичасовой рабочий день, третейское разбирательство в случае стачек, пенсии старикам и т. п., причем высказался за все перечисленные меры, кроме третейского суда. В виду того, что депутаты парламента теперь не получают жалованья и даже расходы по выборам должны покрывать из собственного кармана, чем затрудняется доступ в парламент рабочим Конгресс высказался за желательность назначения депутатам жалованья и отнесения расходов по выборам на счет казны. Недавно правительство нарядило комиссию для пересмотра узаконений о стачках; из трэд-юнионистов в эту комиссию не попал никто, и потому Конгресс решил, чтобы трэд-юнионы не имели с нею никакого дела. Таковы важнейшие из резолюций Конгресса. Надо упомянуть еще об осуждении им протекционизма, проповедуемого Чемберленом. Наконец, Конгресс постановил издавать ежедневную рабочую газету. Разработка плана издания поручена «Комитету представительства труда», «Федерации трэд-юнионов» и Комитету, выбираемому ежегодно Конгрессом для наблюдения за движением рабочего законодательства в парламенте.

[Н. Алексеев]

ЦАРЬ В ВЕНЕ.

За последний месяц Вену посетили три коронованных особы: английский король Эдуард, германский император Вильгельм и, наконец, Ника-Милуша, самодержец всероссийский. Как известно, коронованные особы падки до торжественных пышных встреч. И вот почему для своего в'езда в Вену Эдуард выбрал праздничный, а Вильгельм — воскресный день. В эти дни никто не работает, все лавки и магазины закрыты, народ свободен. Как Эдуард, так и Вильгельм ехали по Вене медленно и дали возможность всем желающим, главным образом детворе и зевакам, которые стояли шпалерами по обеим сторонам улиц, видеть их в лицо, а полицейские подбадривали зрителей, чтоб громче кричали «Hoch!» (ура). Не то было при в'езде русского царя, к которому готовились целые три недели.

Первыми приехали встретить царя русские шпионы. Плеве и Ламздорф, как видно, мало надежды возлагали на австрийскую полицию, которая, не принимая никаких экстраординарных мер при в'езде Эдуарда и Вильгельма, показала миру, что в австрийской столице представители конституционных держав могут свободно, без всякой опасности для своей жизни, раз'езжать по улицам. На подмогу русским шпионам был поднят на ноги весь штат тайной и явной австрийской полиции. Путь, по которому должен был следовать царский поезд, был тщательно осмотрен несколько раз. Тщательно осмотрены были также залы западного вокзала. Каждая трещина, каждая щель подверглась специалистами инженерного и строительного искусства самому строгому испытанию. Еще за неделю

до приезда царя заперли залы вокзала и никого туда не впускали. Саперные и железнодорожные батальоны оберегали целых два дня путь, около каждой стрелки и около каждого поворота стояло высшее доверенное лицо. Царь до того боялся Вены, что не решился даже в'ехать в город, а прямо с вокзала покатил через пригородные участки в летний дворец, так называемый Шенбрунн. Лошади мчались как бешеные, и редкий счастливец мог заметить две фигуры в вышитых костюмах и по очертанию каждой фигуры догадаться, кто Франц-Иосиф и кто Ника-Милуша. Улицы, ведущие от вокзала до Шенбрунна, были запружены солдатами всех родов оружия. Вместо венцев царь имел удовольствие видеть одни военные шапки да лес блестящих штыков. Сзади солдат стоял редкий ряд переодетых шпионов и жандармов, которые должны были представлять народ и кричать «ура!». Настоящий же народ был оттеснен полицейскими далеко-далеко от улицы, по которой ехал властелин Российской державы.

В Шенбрунне царь пробыл только три часа, после которых опять-таки задними закоулками пробрался в деревню Генценсдорф, находившуюся благодаря своему высокому гостю чуть ли не на военном положении, где сел на поезд и поехал в штирийское имение Франца-Иосифа на охоту. Вот как царь видел Вену! Вот визит, оказанный царем венцам! Русское правительство, как видно, все сделало, чтобы показать, в каком страхе и в каком недоверии к людам проводит свою жизнь царь-миротворец, властелин 130-миллионного народа. Шуткам и остротам по поводу этого в'езда и от'езда не было конца. «У царя совесть нечиста, он не может людям в глаза смотреть!» «Точно вор прошмыгнул он по венским улицам, — только его и видели!» — и так далее.

Мюрцштег, где охотился царь, был оцеплен солдатами. Движение по проезжим дорогам приостановлено. Лесные тропы для пешеходов охранялись жандармами, и по ним никого не пропускали. Жители Мюрцштега заперлись в своих домах. «Местность почти вымерла», — пишет корреспондент одной буржуазной газеты. Полиция до того измаялась, охраняя и оберегая священную особу царя, что молила бога, скорей бы убрать его отсюда. Но и в Мюрцштеге, этом уединенном уголке, под призором тысяч шпионов и жандармов, царь чувствовал себя неспокойно и жил в вечном страхе. Он, как видно, перестал доверять своим охранителям и начал усматривать в лице каждого шпиона своего врага. Только этим и ничем другим можно об'яснить решение царя оставаться на охоте не более двух дней, тогда как Вильгельм в лесах Венгрии без всякой особой охраны охотился свыше десяти дней, а Эдуард в «страшной» Вене провел целую неделю. Зато после от'езда царя все вздохнули свободнее: и обыватели, и полиция.

Венские буржуазные газеты, получив, вероятно, предписание свыше, пели хвалебные гимны царю-миротворцу, руки которого обагрены кровью сотен пролетариев. Иначе держалась «Рабочая Газета» [21]. Напомнив читателям о «доблестных подвигах» русского правительства в Вильне, Златоусте, Ростове, Кишиневе, Батуме и других русских городах [22] и сделав дельную характеристику русскому царизму, она заканчивает: «Самое лучшее приветствие, которым мы можем встретить русского царя, будет: да здравствует русская революционная социал-демократия!». Но кроме рабочей прессы приветствовал русского царя и организованный пролетариат.

За два дня до приезда царя в Вену в ресторане «Три ангела» состоялся общеславянский социал-демократический митинг. Здесь произносились речи на чешском, польском, малорусском, хорватском и словенском языках. Когда кто-то из ораторов в своей речи произносил слово: «царь», то оно встречалось громогласным: «тьфу! долой его!» — это организованный пролетариат выражал свое презрение русскому царизму. По окончании собрания была вынесена следующая резолюция.

По адресу царя:

«Царь! Мы ненавидим вас, как только может сознательный человек, борющийся за братство и равенство, ненавидеть узурпатора и тирана. Царь-самодержец! Мы проклинаем вас, как те сто тысяч граждан русского государства, которым вы насильно навязываете свою волю, свое мировоззрение. Мы проклинаем вас, как те, на которых с беспощадным насилием вы напяливаете ярмо подданства и рабства.

«Царь — глава церкви! Мы упрекаем вас в ненависти к собственному народу и к культуре, так как, руководясь жестокосердием и низкими побуждениями, вы бросаете в тюрьмы благороднейших и идеальнейших людей, цвет нации, которую вы порабощаете, словом тех, которые поставили себе в обязанность выполнить историческую миссию уничтожения произвола и освобождения народов. Царь! мы об'являем вас, вашу систему абсолютного самодержавия и всех ваших помощников позорищем славянства и его культуры».

По адресу преследуемых:

«Наши симпатии принадлежат русским, польским, финляндским и прочим гражданам, которые об'являются преступниками только за то, что распространяют идею национальной, политической и социальной независимости.

«Вам, граждане и братья, сочувствуем мы, в вас мы видим носителей действительной культуры. Вам, жертвам царского деспотизма, высокомерной заносчивости, вам, стонущим в тюремных подвалах и крепостных казематах, вам, изнывающим в сибирских тундрах только потому, что добивались благосостояния и справедливости для всех, — вам протягиваем мы по случаю приезда вашего тирана свою братскую мозолистую руку и выражаем свою уверенность, что в будущем будут учтены ваши крупные жертвы и что ваши многострадальные головы будут по заслугам окружены ореолом бесконечного уважения и долговечных воспоминаний.

«Душой мы с вами, мы знаем ваши чувства и убеждения, по возможности поддерживаем мы вас, распространяя сведения о преступных деяниях царского абсолютизма. О тех же, которые пали жертвами в политической и социальной борьбе с темными силами русского абсолютизма и его помощниками, мы сохраним благодарное воспоминание. Пусть их красная, палачами пролитая кровь принесет красные цветы и плоды на славу прогресса всего славянства и всего народа».

Резолюция была единогласно принята. Собрание об'явлено закрытым. Распевая «Красное знамя», рабочие медленно очищали зал.

Накануне же самого приезда царя состоялся митинг, созванный общеавстрийскими социал-демократами. Зал был битком набит. Присутствовало около 4.000 человек — около 90% присутствовавших составляли рабочие и, главным образом, организованные рабочие. Говорили ораторы Скарет и Элленбоген. Настроение толпы было самое возбужденное. Русский царь награждался как ораторами, так и присутствовавшими далеко нелестными эпитетами, вроде «Кровопийца! Негодяй!» Когда Элленбоген описал похождения фон-Валя [23] в Вильне и Богдановича в Златоусте, возбуждение присутствовавших достигло своего кульминационного пункта. Правительственный комиссар несколько раз прерывал ораторов и даже делал попытку закрыть собрание, но, видя настроение рабочих, принужден был отказаться от этой попытки. Кончая свою речь, Элленбоген предложил следующую резолюцию:

«Собрание протестует против того, чтобы властелин, страна которого служит ареной страшной дезорганизации и который не может положить конец жестокостям собственных чиновников и вызываемым ими беспорядкам, погромам и массовым убийствам, был признан способным водворить порядок в другой порабощенной стране, и заявляет, что унизительно для Австрии вступать с таким человеком в соглашение для совместного действия на Балканах» *.

«Собрание выражает тем 120 миллионам несчастных, которые, как обитатели России, стали жертвой кровожадности и неспособности к управлению царя Николая II, и в особенности тем героям-революционерам, которые борются с массовым убийцей, сидящим на троне, свои глубокие симпатии и свое восторженное удивление».

«Свободно и человечески настроенное население Австрии усматривает в назначенном на завтра визите русского царя оскорбление своих чувств».

«Собрание энергичнейшим образом протестует против того, чтобы человек, который все естественные народные побуждения старается утопить в крови благороднейших людей, весь жизненный путь которого на каждом шагу протекает в стонах голодающих и среди проклятий и предсмертных конвульсий казненных борцов за свободу, мог рассматриваться как гость австрийского населения».

Правительственный комиссар нашел эту резолюцию чересчур резкой и не допустил ее до голосования. «Товарищи»! — сказал тогда Элленбоген. — «Свою солидарность с резолюцией мы можем выразить тремя словами: «Долой русский царизм!». Присутствующие, как один, подхватили этот возглас и три раза повторили его. С пением «Рабочей песни» и «Марсельезы» рабочие стали очищать зал. На улице стояла масса городовых, которые отрезали все пути, ведущие к русскому консульству, охраняемому отрядом конных и пеших жандармов. Рабочие из-за этих предосторожностей принуждены были разбиться на группы и, оглашая воздух протестами против русского царя и абсолютизма в России, демонстративно проходить по центральным улицам города. Демонстрация приняла грандиозные размеры. Полицейские мирным образом старались водворить порядок и арестовали двух демонстрантов за нарушение общественной тишины.

Я уже был далеко от места собрания, а ко мне все еще доносилось: «Долой русского царя!». «Да здравствует русская социал-демократия!».

[В. Вегман]

* Этот пункт будет понятен, если вспомним, что по официальным сообщениям события на Балканах побудили царя приехать в Австрию для личных переговоров с Фр.-Иосифом.

ИЗ ПАРТИИ

В июле Сибирским союзом [24] было издано на мимеографе «Письмо к товарищам», разосланное в другие русские комитеты, в котором он высказывает свои взгляды и план организации местных групп Партии вообще и в частности Сибирских Комитетов и Союза. Считаем необходимым сделать некоторые выдержки из этого письма, характеризующие организационную точку зрения Союза. Ставя своей неотложной задачей связать живою связью деятельность Комитетов с общерусской партийной работой, сделать первую интегральной частью второй, он не находит в настоящее время иной возможности выполнить эту задачу, как путем строгой централизации, путем полного подчинения интересов местных интересам общерусского движения, интересов комитетов интересам центра, обслуживающего партию в целом. Кратко говоря, «Сибирский Союз» стремится стать, по его выражению, «агентом общерусского центра, способствуя осуществлению его планов»... На свое собственное существование, как порайонной организации, он смотрит как на временное явление, неизбежное для переходного периода реорганизации партии. «С возникновением же партийного центра, становящегося в непосредственные отношения ко всем российским комитетам, «Сибирский Союз» не видит никакого основания к самостоятельному существованию порайонных организаций»... и «Союз готов немедленно изменить свою организацию или даже совершенно исчезнуть как самостоятельная порайонная организация... если такое изменение Ц. К. признает целесообразным в видах общепартийного дела»... «освободиться от революционного кустарничества (как практического, так и организационного) это не значит: ждать и ждать... пока образуется общерусский центр, «смилостивится» над нами и освободит нас от терзающего нас недуга... В организациях, зараженных кустарничеством, нередко существует вредный предрассудок, будто тот или те, кто заняты местной работой (вернее: работой в том или в другом месте), те ни в коем случае не могут быть заняты общерусской работой. Одно из двух, говорят защитники этого взгляда; или работа в данном месте или общерусская работа, понимая под ней работу центра... Отсюда вывод: мы у себя будем делать свое дело, местное дело... а «они», кто-то, «центр», образуются, об'единят нас, и с головы, на которой мы стоим в настоящее время, поставят нас на ноги.

Именно такое поверхностное, чисто географическое определение революционной работы на местах и не менее узкое понимание общерусской работы ведет к тому, что многие организации (фактически) знать ничего не хотят, кроме «нашей», местной работы, ухлопывая на нее 90% своих средств и сил... И, конечно, поскольку такое узкое понимание дела будет жить среди российских организаций, постольку и дело «фактического восстановления Р. С.-Д. Р. П.» в форме крепкой, устойчивой централизованной организации в ближайшем будущем будет весьма и весьма проблематичным. Принципиальный характер постановки дела на местах — вот что определяет, по нашему мнению, есть ли данное дело «кустарничество» или действительно революционная работа. Только такое понимание революционной работы дает безграничный простор деятельности каждому социал-демократу, в каком бы углу России он ни работал. Социал-демократу, работающему в том или ином месте, не придется ни отчаиваться ни бежать «за тридевять земель» ближе к центру, чтобы там, только там, развернуть свои силы и способности. Раз революционная организация (где бы она ни была) на

первое место ставит интересы движения в его целом, а затем лишь «свои», «наши местные», строго соблюдая и подчиняя эти последние первым, такая организация лишь постольку является «местной», поскольку географически она находится в том или ином месте. Выполняя общую работу в интересах движения в его целом, такая организация в самом деле (а не номинально) становится членом Р. С.-Д. Рабоч. Партии. Поэтому в настоящее время каждый социал-демократ, каждая социал-демократическая организация, ясно представляющая себе важность настоящего момента, обязаны активно вмешиваться в этот процесс освобождения от стихийности, обусловливающей всеобщую раз'единенность, принципиальную приниженность и организационное бессилие»...

Вот полный список листков, распространенных одесским комитетом за время с 15 июля по 15 августа (часть этих листков была отмечена в предыдущих номерах). За время июльских событий Одесским Ком. выпущены следующие листки: «По поводу стачки жел.-дор. рабочих» 5.000 экз., «К портовым рабочим» №№ 1 и 2 по 500 экз., «К рабочим-забастовщикам» 3.000 экз., «К кондукторам и кучерам одесских трамваев» 500 экз., «К морякам-солдатам, посланным на место забастовщиков» 600 экз., «Бюллетень» (о стачках 14 и 15 июля) 3.000 экз., «Ко всем» (призыв к всеобщей забастовке с «Марсельезой» на обороте) 2.000 экз., «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы» 2 вып. по 2.000 экз., «К рабочим и работницам» (по поводу событий в Одессе) 5.000 экз., «К гражданам» 1.000 экз., «К солдатам» 1.000 экз., «Что такое политическая свобода» 8.000 экз. Кроме того распространено изд. Орг. Ком. «О златоустовской бойне». В начале августа вышло: «О независимых» 5.400 экз., «О фабричных старостах» 5.000 экз., «Как они изворачиваются» (разговор Лопухина с рабочими) 5.000 экз. Всего с 15 июля по 15 августа 49.500 экз. В сентябре Одесск. Ком. выпустил: 1. «К новобранцам», 2. «Предостережение» (относительно Лернера). Пермским комитетом Р. С.-Д. Р. П. изданы: 1. Рабочий Бюллетень № 6 (август), 2. Заявление Пермского Комитета Уральского Союза о присоединении его к Пермск. Ком. Р. С.-Д. Р. П., 3. Листок по поводу суда над ростовскими демонстрантами (сентябрь). Средне-Уральский Ком. Р. С.-Д. Р. П. в листке № 1 об'являет об образовании Комитета. Киевский Комитет Р. С.-Д. Р. П издал 20 августа листок: «Значение всеобщей стачки в освободительной борьбе русского пролетариата» и 4 сентября «Кто победил?» (с перечислением экономических завоеваний, достигнутых всеобщей стачкой в Киеве). Спбургский Ком. Р. С.-Д. Р. П. распространил в июле: листок 1. «К семянниковским рабочим» (по поводу ожидавшегося посещения царем семянниковского завода), 2. заявление Комитета о присоединении к нему соц.-дем. группы, работавшей раньше самостоятельно. В августе Комитетом издан листок по поводу всеобщей забастовки на юге. Кавказский Союз издал следующие листки: «Самодержавие и армяне», «Маска сорвана» (по поводу письма Плеве к католикосу), «Братцы-солдаты». Кроме того нами получены следующие листки: 1. Военно-революционной организации «Солдаты» (призыв встретить царя на смотру гробовым молчанием), изд. в августе; 2. Армянского Центрального Комитета самообороны «Русские граждане» (по поводу закона об отнятии у армян права распоряжаться церковными имуществами), 3. первый листок вновь образовавшейся на Дону организации «Казацкая воля». После заявления Иркутского Комитета о своем преобразовании в Комитет Партии (см. № 37 «Искры»), им изданы были следующие листки: 13 февраля № 21, по поводу арестов: 19 февраля № 22 посвящен памяти этого дня; 28 февраля — № 23, о томской демонстрации 20 февраля (перепечатано с листка револ. с.-д. группы в Томске); 12 марта — № 24, по поводу приезда ф.-Валя; 24 марта — № 25, о забастовке в промышленном училище; 25 марта — № 26, о голодовке политических арестованных в тюремном замке, вызванной посещением ф.-Валя; 15 апреля — № 27, к солдатам и казакам (на красной бумаге), о златоустовской бойне и предстоящем рабочем празднике. После 1 (18) мая (отпразднованного там небольшим рабочим собранием за городом) Иркутским Комитетом выпущена прокламация «К иннокентьевским рабочим» № 28, по поводу стачки в депо; № 29, к строительным рабочим подрядчика Чикарева (станция Иннокентьевская), о стачке из-за расчета; 24 июня — № 30, по поводу закладки памятника Александру III вг. Иркутске. Елисаветградский Комитет в письме в редакцию дает чрезвычайно лестную для нас характеристику деятельности «Искры» и, об'являя ее своим руководящим органом, выражает надежду видеть ее в скором будущем официальным органом об'единенной Росс. С.-Д. Рабоч. Партии.

В редакцию «Искры». Дорогие товарищи! В виду того, что появившийся в заграничной печати обвинительный акт по нашему делу может вызвать недоумение у читателей, я считаю нужным заявить, что товарищи: Арон Шпайзман, Маня Школьник и Давид Ройтенштерн ничего общего с типографией «Искры» не имели и о существовании ее в г. Кишеневе даже не подозревали. Давать более подробные об'яснения по этому поводу я не нахожу возможным до суда.

Леон Гольдман.

Письмо в редакцию. Уважаемые товарищи! К помещенной в № 48 «Искры» статье под заглавием «Русский царь и итальянские социалисты» я считаю нужным прибавить несколько слов, и я надеюсь, что редакция «Искры» не откажется поместить их в ближайшем номере.

Как уже известно читателям «Искры», в одном из последних номеров «Рев. Росс.», по поводу отчета о последнем заседании международного социалистического бюро, между прочим, было сказано: «Нас удивляет, что в отчете не указано, высказывался ли и в каком именно духе единственный представитель русских социалистов на конференции». На эту выходку «Рев. Росс.» я не считал, да и теперь не считаю, нужным отвечать. Но, повидимому, не так думает автор статьи в № 48 «Искры». Он по этому поводу возражает: «Чтобы успокоить «Рев. Росс.», приведем мнение товарища Плеханова, официального представителя в бюро, высказанное им в интервью с корреспондентом миланской социалистической газеты «Tempo». Я оставляю сейчас в стороне вопрос о том, официально или неофициально заседаю в бюро я: в данном случае меня интересует не это. Но я считаю необходимым прибавить, что, поскольку речь идет о мнении, автору упомянутой статьи не могло не быть известным, что у меня было очень определенное мнение по данному вопросу, в доказательство чего он мог бы привести тот факт, что я подавал голос за сочувственную итальянцам резолюцию. Мне кажется это не менее убедительным, чем разговор с корреспондентом.

Что же касается упрека, брошенного «Рев. Росс.», то я считаю себя ответственным только перед теми, кто меня послал в бюро, а отнюдь не перед «Рев. Росс.».

Б. Гинзбург.

Ни редакция «Искры», ни автор статьи в № 48 не сомневаются в том, что товарищ Гинзбург имел определенное мнение по данному вопросу. Если автор статьи сослался на слова Плеханова, то он сделал это, чтобы сообщить читателям добавочные сведения об инциденте, а отнюдь не для того, чтобы намекнуть на неофициальный характер присутствия в бюро товарища Гинзбурга. Товарищ Гинзбург напрасно видит тень обиды там, где ее нет и следа.

Редакция.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Обыски и аресты. С.-Пбург. Арестована фельдшерица Рожд. барака Морозова, у нее было три обыска; первый раз ничего не нашли, второй — после того как ее задержали в жанд. упр. на допросе, и третий — в пустом интернате, где вырыли из шкафов, говорят, пять корзин. 13 авг. был обыск в больнице Всех Святых, что за Нарвскими воротами, и на квартирах персонала: д-ра Латухина, фельдш-ц: Александровой и Непомнящей. Аресто-

ваны рем. Рубин и Леонид. Освобождены: раб. Корчевский, Шнеерсон, Баранова, раб. Белов, Рунин, Стерн и др. Пермь. Арест. рабоч. Шапков из жел.-дор. мастерских; 28 авг. были обыски у жел.-дор. Матвеева, Еленева, Валаева, Базаркина, Воскресенского, Кузьминых и в жел.-дор. библиотеке. Воскресенский и Кузьминых арестованы и через неделю выпущены. Поводом к обыскам послужил, как говорят, адрес, поднесенный железнодорожниками Матвееву и Еленеву, уезжающим в ссылку. Орехово-Зуево. 24 августа арестов. рабоч. Бородулин, Мельников, Быстрилин, Воронцов, Годунов, Скворцов, Тришкин, студ. Рождественский. Все, кроме Тришкина, в Таганке. Аресты производил жанд. офицер из Москвы Мартынов. Выпущены 6 и 7 июня Анкиров, Игнатов. Одесса. Арестованы и привлекаются по делу с.-д.: София Ритман, учительница; Рахиль Бройтман, модистка, за распространение литературы; Катя Рискинд, акушерка, и Маша Радус, модистка, обе за разбрасывание прокламаций в театре; Фаня Фуке, работ-ца фабр. Конельского, за стачку; Настя Киржнер, модистка; Вера Пасевич, за распространение литературы; Шейна Гринштейн, конвертница, за разбрасывание прокламаций Бунда в синагоге; Маня Уфангер, взята на демонстрации; Раиса Беринская, чулочница, взята на улице. По делу с.-р.: Ревекка Шейнер, модистка, Малка Римерман, чулочница, Евгения Беккер, интеллигентка, Маня Спивак, Александра Гориновская, все по делу типографии; Ида Айзенберг (пропаганда, хранение литературы); Зина Быстрицкая, квартирная хозяйка; Саша Клигман, белошвейка, Поля Гитник, акушерка, Фаня Гитник, белошвейка, взяты на конспиративной квартире. В Киеве арестован только что выбранный староста токарного цеха Сенаторов. То же самое правительство проделало и со старостами в Николаеве. Красноярск. В начале сентября произведена масса арестов. Взята типография, четыре пуда шрифта, много уже изготовленного материала; аресты продолжаются, всего до половины сентября арестовано интеллигентов и рабоч. более сорока челов. Все основания предполагать донос. Николаев. В ночь с 6 на 7 сентября здесь арестована типография с 15 пуд. шрифта; на той же квартире взято также 15 тысяч экз. нелегальной литературы («Рабочее дело в России», «Чего хотят социал-демократы», «Долой социал-демократов», «Женщина-работница», «Милитаризм и рабочий класс», «Кишиневская резня» и др.). Там же были арестованы: Матвей Сендерович, Симон Бланк, Анна Файнзильберг и Анна Равич. В ту же ночь на своей квартире был арестован Григорий Зив (инт.). — Батум. За последнее время здесь произведена масса арестов. Между прочим взяты: М. Каландадзе, Г. Туския, Иос. Какабадзе и Ив. Гервасп. Двум последним заковали руки в цепи и так повели в тюрьму через весь город среди бела дня. — Иркутск. С января до мая здесь произведены были небывалые аресты. В общем более 40 человек. Несмотря на злостную болтовню арестованной фельдшерицы Божедомовой, купившей себе свободу предательством и тенденциозным лганьем, аресты эти совершенно не затронули Комитета, хватали первых попавшихся. Так был арестован и продержан две недели старый ссыльный, народоправец Тютчев, по обвинению в участии в местном социал-демократическом комитете. До сих пор (июнь) в тюрьме остается еще до 20 человек (человек пять рабочих, остальные интеллигенты). После 18 апреля арестован бывший студент Лакуциевский и его брат. Освобождены: ссыльные С. Н. Тютчев, М. С. Гутовская; фельдшерицы Гершевич и Суссер, Аншелег и сестры его, Гудович (раб.), Глушкин и много др.

Отправлены в Восточную Сибирь. Из Петербурга (7 июля) увезли партию политических: Л. П. Буланов (по делу соц.-революционеров, сидел в крепости), И. А. Крейнерт, Г. А. Харизоменов, Д. Е. Кулачин, И. К. Скаличев (все по делу с.-р.), Абрам Гинзбург (по делу с.-д., был в крепости), Комай (на 8 л. Якутской обл., по делу «Раб. Библ.», сидел 2½ г.), П. Н. Лепешинский (по делу «Искры»), Ив. Ив. Радченко (тоже), А. Эд. Рерих (Петерб. орг. с.-д.). В Москве из Бутырки С. И. Бариков (на 6 л.), Барикова-Чернова (с.-рев., на 3 г.), А. Севастьянова (соц.-рев., на 6 л.), А. А. Чепик (соц.-рев., на 4 г.). Из Кишинева, Д. Ройтенштерн (по делу типографии «Искры», на 10 л.). — Из Одессы. — Л. Холойдовский (раб.), Нат. Зильберг, Осип Ярошевский, Гольдвейберг, Лиза Простерман и Мария Галкина (все по 3 г.), Лев Злочевский на 4 г. — Из Чернигова: Ольга Вербицкая на 3 г. — Из Саратова: Сергей Фофанов и Елена Ошанина (по делу демонстрации) лишены прав, на вечное поселение. Из Варшавы. Борис Розенфельд, на 3 г. — Из Лодзи: Поля Гиршфельд на 4 г., Винницкая, с двумя детьми, едущая к мужу. — Из Орла 3 сентября отправлены этапом одесситы И. Г. Ройзман на 5 л. Якутской обл., Е. М. Ройзман (его жена) на 3 г. Якутской обл. и Штейнбах на 5 л. Якутской области. — Из Орехова-Зуева. — Краснянский и Рудаковский на 5 л.

В Якутской области окончили срок ссылки и вернулись в Россию в этом году: 1) из Вилюйска — Борейша, 8 л. (по д. одесск. гр. народовольцев); 2) из Верхоянска Абрамович, 5 л. (по делу П. П. С.), Веселовский, 6 л. (по делу Польс. С.-Д.), Меликовский, 5 л. (по д. Бунда); 3) из Вилюйска Шедлих, 8 л. (по делу П. П. С.); 4) из Олекминска: Грапп, 4 г. (по д. Бунда), Погожельский, 6 л. (по делу П. С.-Д.), Александров, 5 л. (по делу народовол. тип. в Петербурге на Охте).

Постановление по делу Музиля.

Комиссия из представителей революционных организаций: Партии Социалистов-Революционеров, Аграрно-Социалистической Лиги Всеобщего Еврейского Рабочего Союза, Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии, Союза Русских Социал-Демократов, Группы «Свобода»[25], Группы «Борьба»[26] и Группы Анархистов-Коммунистов, собравшаяся для рассмотрения дела по обвинению Н. И. Музиля в политическом шпионстве,

1. на основании сведений, доставленных всеми лицами, от которых это обвинение исходило;

2. на основании всех сведений от лиц и организаций, знавших Музиля раньше или сталкивавшихся с ним в Болгарии, находит единогласно, что она должна отвергнуть полностью обвинение, направленное против политической чести Николая Музиля.

(Следуют подписи).

Примечание. Представитель С. Р. С.-Д., за отсутствием из Женевы, в последнем заседании Комиссии не участвовал.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Кину. Статья и корр. получены только теперь, спасибо, воспользуемся. — Москвичу О. О. О. Материал только что получен. — 34 Ж. По тому адресу, по которому пишете, можно посылать и корреспонденции, просто в обыкновенных письмах. — Адресом № 16 просим пользоваться возможно реже. — Туре. Письмо получено, но прочесть нельзя: бумага скверная. — Искрянам. Ждем обещанного адреса.

По недостатку места отложены до следующего №: статья «Л. Н. Тостой и соц.-дем.» (по поводу 75-летия Л. Толстого); письмо ссыльных из Вост. Сибири; корреспонденции из Чернигова, Борисоглебска, Уфы, Либавы, Одессы и др.

На-днях выходит брошюра: «Таганрогский процесс по делу ростовской н/Д. демонстрации 2 марта (обвинительный акт, речи двух защитников и рассказ о суде)».

Получено: со священной горы — 89 фр.; от женевской группы —121.75 фр.; от старого соц.-демократа — 100 фр.; от «черных глаз» — 40 фр.: из F. in K. — 20 мар.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr Paul AXELROD, ACACIAS, GENEVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Речь идет о Дрезденском партейтаге, происходившем в июне 1903 г. По вопросу о тактических задачах партии партейтаг большинством 288 голосов против 11 (Бернштейн, Давид, Эльм и др.) принял резолюцию, решительно осуждающую политику ревизионизма. Партейтаг запретил соц.-дем. литераторам участвовать в буржуазной прессе и высказался против выставления социал-демократической фракцией в рейхстаге своего кандидата на пост вице-председателя. См. также № 48 «Искры»: «С'езд германских социал-демократов».

Прим. 2. Речь идет о статьях Г. В. Плеханова, напечатанных в виде открытого письма к К. Каутскому в «Sächsische Arbeiterzeitung» за 1898 г. (№№ 253—255). 3—8 октября в Штутгарте заседал с'езд германской социал-демократии, к которому Бернштейн обратился с изложением своих взглядов. Отвечая на упреки тогдашней левой во главе с Р. Люксембург, Каутский в своей речи между прочим сказал: «Бернштейн не обескуражил нас, но заставил нас размышлять, будем ему за это благодарны». Ответом на эту благодушную речь Каутского и явилось открытое письмо Плеханова под заголовком «За что нам его благодарить?». Доказывая теоретическую беспочвенность предпринятой Бернштейном ревизии марксизма и требуя более резкого отношения к оппортунизму, Плеханов заканчивал свою статью утверждением, что «сейчас речь идет вот о чем: кому кем быть похороненным: социал-демократии Бернштейном, или Бернштейну социал-демократией». (Собр. соч., т. XI).

Прим. 3. «Die Voraussetzungen des Socialismus» — «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899 г.) — так называлась известная книга Бернштейна, в которой он пытался дать теоретическое обоснование ревизионизму.

Прим. 4. Плеве, фон, В. К. (1846—1904 г.г.) был назначен министром внутренних дел после убийства Сипягина в апреле 1902 г.

Прим. 5. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 6. «Новое Время» — см. прим. 1-е к № 6 «Искры».

Прим. 7. «Союзный Комитет Р. С.-Д. Р. П.» на Кавказе — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».

Прим. 8. Дело Золотовой — см. «Искра» № 22, ст. «Блюстители правосудия» и «Искра» № 34, ст, «Изволят тешиться».

Прим. 9. «Последние Известия» — см. прим. 1-е к № 39 «Искры».

Прим. 10. Заявление Бунда об О. К. — см. «Искра» № 33, ст. «По поводу заявления Бунда».

Прим. 11. Казнь Г. Леккерта — см. прим. 5-е к № 22 «Искры».

Прим. 12. «Фонд Вольной Русской Прессы» — народническое издательство, основанное в Лондоне в 1891 г. С. М. Кравчинским (Степняком), Н. В. Чайковским, Л. Е. Шишко, Ф. В. Волховским и М. Войничем (И. Кельчевский). Целью его было издание и распространение нелегальных брошюр и периодического издания «Летучие листки».

Прим. 13. Южн. Р. Группа Учащейся Молодежи (бывш. Ю. Р. Г. У. средн. школ) — см. прим. 11-е к № 36 «Искры» и «Искру» № 36: «К движению среди учащейся молодежи».

Прим. 14. Знаменитые дни одесской всеобщей стачки — см. корреспонденции в «Искре» № 45: «Всеобщая стачка в Одессе», «Одесса», «Одесса» и «Одесса», № 46: «Всеобщая стачка в Одессе», и «Одесса», № 47: «Еще об одесских событиях» и «Одесса», № 48: «Одесса».

Прим. 15. Речь идет о «законе о фабричных старостах», изданном по инициативе министерства финансов и утвержденном Гос. Советом 10 июня 1903 г. См. о нем «Искра» № 46, ст. В. И. Ленина «Эра реформ», № 47, ст. «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев».

Прим. 16. «Социал-демократическая федерация» — это название приняла на своей 4-й конференции 4 августа 1884 г. «Демократическая федерация», основанная в 1881 г. английскими последователями Маркса во главе с Гайндманом. В 1884 г. выяснилось, что, несмотря на свои очень небольшие размеры, федерация об'единяет крайне разнородные элементы: революционных социал-демократов, парламентских сторонников социальной реформы, анти-парламентских социалистов и анархистов. В конце декабря 1884 г. произошел раскол, приведший к образованию «Социалистической Лиги», нежизнеспособной и вскоре распавшейся организации (1890 г.). В 1900 г. социал-демократическая федерация вошла в «Комитет рабочего представительства», но потребовала, чтобы последний поддерживал только тех кандидатов, которые «признают социалистическую конечную цель и классовую войну, как базис политической деятельности рабочего класса». Предложение С.-Д. Ф. было отвергнуто, и в 1901 г. С.-Д. Ф. вышла из Комитета. В 1911 г. на конференции в Манчестере с.-д. федерация, преобразованная в 1908 г. в с.-д. партию, с рядом организаций, отколовшихся от Незав. Раб. Партии, основывает Британскую Социалистическую Партию. Во время войны партия раскалывается на левое — интернационалистское — крыло и правое — патриотическое. В 1916 г. социал-шовинистские элементы, руководимые Гайндманом, выходят из партии и основывают отдельную национал-социалистическую партию. В 1920 г. Британская Социалистическая Партия составила ядро образовавшейся английской коммунистической партии.

Прим. 17. «Независимая Рабочая Партия» Англии — «I. L. P.» — реформистская организация — основана в 1893 г. рабочими-социалистами и вождями профсоюзов Шотландии и Северной Англии. По словам программы, целью партии является «промышленная республика, основанная на социализации земли и капитала», а средством достижения этой цели «воспитание общества в принципах социализма». Признавая необходимость политической борьбы рабочего класса, партия, тотчас после своей организации, развила энергичную работу в трэд-юнионах, привлекая широкие рабочие массы к политической деятельности. „Н. Р. П.“ явилась инициатором создания «Английской Рабочей Партии», деятельностью которой фактически руководит. Во время мировой войны большинство партии занимало пацифистскую позицию. В 1920 г. независимая партия вышла из II Интернационала и явилась одним из инициаторов создания $2^1/_2$ венского Интернационала. В 1922 г. партия снова вернулась во II Интернационал, в котором состоит и теперь. После окончания войны в партии возникло довольно сильное левое крыло, которое впоследствии откололось от Н. Р. П. и вошло в Английскую Коммунистическую Партию.

Прим. 18. «Фабианское общество» — «Fabian Society» — мелко-буржуазная организация, об'единившая в своих рядах журналистов, писателей, экономистов, политиков, профсоюзных деятелей. Основано в 1883 г. Томасом Давидсоном и названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора (т. е. медлителя). Ближайшей целью фабианцы ставили пересмотр английской конституции в демократическом духе и пропаганду умеренных социалистических идей среди рабочих и буржуазии. Относясь

отрицательно к социальной революции, фабианцы стремились уничтожить классовый дух социалистических идей, сделать их приемлемыми для капиталистов и путем социальных реформ смягчить классовую борьбу. «Фабианское Общество» примыкает к Английской Рабочей Партии.

Прим. 19. «Комитет представительства труда». В 1899 г., под влиянием Независимой Рабочей Партии, Плимутский конгресс рабочих союзов поручил своему парламентскому комитету созвать с'езд представителей от рабочих и социалистических организаций для рассмотрения вопроса об увеличении числа рабочих депутатов в парламенте. Была организована комиссия из представителей различных рабочих организаций. С'езд, на котором присутствовало 120 представителей трэд-юнионов и социалистических организаций, состоялся в 1900 г. Он одобрил предложенный комиссией устав и выбрал «Комитет рабочего представительства», который позже был переименован в «Рабочию Партию» («Labour Party»).

Прим. 20. Чемберлен Джозеф (1836—1914) — горячий сторонник политики империализма и первый колониальный министр Англии. Руководитель либеральной партии до 1885 г., когда из-за разногласий с Гладстоном по вопросу об ирландском «гомруле» вышел из партии и покинул пост министра торговли и промышленности (1880—1885). С этого времени Чемберлен становится одним из руководителей либеральной унионистской партии, а позже вождем соединенной либерально-консервативной оппозиции против министерства Гладстона. С 1895 г. — стал министром колоний в консервативном министерстве Салисбери, душой которого он был, не будучи премьером. Д. Чемберлен получил прозвище отца английского империализма.

Прим. 21. «Arbeiter Zeitung» — «Рабочая Газета» — центральный орган австрийской социал-демократии, основанный В. Адлером.

Прим. 22. Подвиги русского правительства в Вильне, Златоусте, Ростове, Кишиневе, Батуме — см. «Искру» № 21: «Из Вильны». № 29: «Борьба ростовских рабочих», № 30: «Ростов-на Дону», № 31: «Ростов-на Дону», № 32: «Значение ростовской стачки», «Ростов-на Дону», № 36: «Новая демонстрация рабочих в Ростове-на Дону», № 37: «К ростовской демонстрации 2 марта», № 38: «Ростовская демонстрация 2 марта», № 39: «Ростов-на Дону», № 37: «Трагедия в Златоусте», «Позднейшее сообщение», № 38: «С Урала», № 39: «Последняя карта царизма», «Кишиневские события», «Времена меняются», № 40: «Антисемитская печать, правительство и погромы», «Правда ли это», «Еще о кишиневском погроме и о роли в нем правительства», № 43: «Последствия погрома в Кишиневе», «Комедия судебного следствия в Кишиневе», № 37: «Снова кровь», № 46: «Батум».

Прим. 23. Подвиги фон-Валя в Вильне и Богдановича в Златоусте — см. «Искру», № 21: «Из Вильны», № 37: «Трагедия в Златоусте», «Позднейшее сообщение», № 38: «С Урала», «Приложение к № 48 «Искры» Обвинительный акт по Златоустовскому делу».

Прим. 24. «Сибирский Союз» — см. прим. 10-е к № 40 «Искры».

Прим. 25. «Свобода» — см. прим. 4-е к № 26 «Искры».

Прим. 26. «Борьба» — заграничная группа соц.-демократов, близко стоявших к «Искре», но стремившихся к примирению «Искры» с экономистами из «Рабочего Дела». Группа состояла из Д. Рязанова, Ю. Стеклова (Невзоров) и Э. Гуревича (В. Даневич). После неудачи так называемого «об'единительного» с'езда в октябре 1901 года, не считая для себя возможным примкнуть к одному из борющихся направлений, образовали самостоятельную литературную группу «Борьба». Группа «Борьба» критиковала организационные идеи, тактику и программу «Искры». Главные издания группы: три выпуска «Материалов для выработки партийной программы», «Социал-демократический календарь на 1902 г.» и «Летучий Листок» № 1. Группа существовала до II с'езда Р. С.-Д. Р. П.

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 50 15 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА № 50

ПОЛИЦЕЙСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ.

Когда разразился еврейский погром в Кишиневе[1], мы тотчас же обратили внимание наших читателей на ту гнусную роль сообщника и подстрекателя, которую играло в нем царское правительство. Мы назвали «народные» движения этого рода последней картой царизма, видящего себя в крайне затруднительном положении и пытающегося задержать развитие классового самосознания российского пролетариата для того, чтобы отсрочить свою гибель. Это утверждение сначала показалось кое-кому несколько рискованным. Некоторые читатели заподозрили нас в преувеличении. Но прошло очень немного времени, и то, что представлялось невероятным, оказалось несомненным. Теперь вряд ли найдется в цивилизованном мире хоть один человек, который не знал бы, что кровь кишиневских евреев пролилась по воле г. Плеве и его ближайших сотрудников. Теперь всем известно, что насилия, грабежи и убийства возведены у нас в политическую систему и что правительство считает применение этой системы необходимым для «охранения государственного спокойствия». И теперь российским обывателям, не могущим помириться с этой позорной системой, остается лишь внимательно следить за ее проявлениями и бороться с нею всеми теми средствами, которые находятся в их распоряжении.

А ее проявления чрезвычайно многозначительны и красноречивы. Возьмите хоть недавний погром в Гомеле[2]. Его главной отличительной чертой является то засвидетельствованное всеми очевидцами обстоятельство, что войско, вызванное из лагерей в город, помогало не евреям защищаться от громил, а громилам преодолевать сопротивление евреев. Есть все основания думать, что евреи справились бы с громилами, если бы этих последних не поддерживали полиция и солдаты. В высшей степени замечателен факт, сообщаемый в «Последних Известиях»[3] Заграничн. Ком. Бунда. Около Конной площади громил встретил отряд евреев, организовавшихся для самообороны. «Все единодушно утверждают, что громилы были бы здесь рассеяны. Но, откуда ни возьмись, появились войска, не вмешивавшиеся раньше, и без всякого предупреждения тотчас же дали залп в евреев. Трое убитых и много раненых осталось на месте». И не думайте, что войско вело себя так только в этом отдельном случае. Оказывается, что «почти все убитые и раненые евреи пали от пуль солдат и полиции, а не от рук громил». Это поистине бесподобно. Российское «христолюбивое воинство» покрыло свое оружие неувядающей славой! Было бы очень желательно узнать имена офицеров, участвовавших в этом разбойничьем набеге на евреев и не постыдившихся выступить в роли громил, достойной лишь одичавших от водки кабацких пропоиц...

А когда погром был окончен, когда дело открытого насилия было сделано, началось издевательство. Говорим: издевательство, потому что не умеем назвать иначе ту речь, с которой могилевский губернатор г. Клингенберг обратился к еврейской депутации. Этот интересный образчик «словесности» заставляет вспомнить слова поэта:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно;
Но им без волненья
Внимать невозможно...

Если оценивать речь могилевского помпадура по ее логической стоимости, то ее придется признать совершенно ничтожной, ибо логики в ней вовсе мало. Но ее логическое ничтожество не мешает ей выражать совершенно недвусмысленную политическую тенденцию, а эта тенденция способна взволновать самого флегматичного человека.

«Я знал Могилевскую губернию 25 лет тому назад, — возвестил г. Клингенберг. — Тогда евреи были благонадежны, не участвовали ни в каких политических движениях, и тогда не было и помину о погромах».

Выходит, стало быть, что, по мнению г. Клингенберга, причина погромов заключается в политической неблагонадежности евреев. Но эта «неблагонадежность» составляет горький плод последних лет, а между тем еврейские погромы у нас, к сожалению, далеко не новость: достаточно назвать восьмидесятые годы. Стало быть, одно из двух: или причина погромов не имеет ничего общего с «неблагонадежностью» евреев или прежние погромы не имеют ничего общего с нынешними. Г. Клингенберг сам чувствует неизбежность этой альтернативы и потому спешит прибавить, что погромы восьмидесятых годов имели «совсем другой характер». По его словам, они «явились результатом еврейского гнета, под которым находилось христианское население». Нетрудно было бы показать, насколько неудовлетворительно это об'яснение. Для этого стоило бы только напомнить, какова была «внутренняя политика» печальной памяти гр. Игнатьева, политика, несомненно основывавшаяся на угнетении, да только не на угнетении христиан евреями. Но мы не хотим поднимать здесь «пыль времен». Допустим, что г. Клингенберг говорит правду, и посмотрим, как справляется он со своим собственным об'яснением. Почему о погромах не было и помину в то доброе старое время, — т. е. «25 лет тому назад», т. е. в конце семидесятых годов,—когда «евреи были благонадежны» и «не участвовали ни в каких политических движениях»? Потому ли, что тогда еще не существовало указанного г. Клингенбергом гнета? Наш оратор ничего не отвечает на этот неизбежный вопрос, и потому нам приходится теряться

в догадках. Если гнета тогда в самом деле еще не было, то решительно непонятно, откуда взялся он всего лишь несколько лет спустя, т. е. в самом начале следующего десятилетия. А если гнет существовал и в счастливую эпоху политической благонадежности евреев, то интересно знать, почему же тогда не было погромов? Неужели только потому, что христиане не решались восставать против людей, благонадежных в политическом отношении? Это было бы уже слишком странно. Этого не станет утверждать и сам г. Клингенберг, несмотря на всю свойственную ему решительность. А в таком случае выходит, что, куда ни кинь, все — клин: как ни истолковывай речь превосходительного, — но, к сожалению, не превосходного, — оратора, а все-таки приходится сказать, что она ровно ничего не об'ясняет и очень многое запутывает.

Но, как бы ни были сбивчивы об'яснения, даваемые г. могилевским губернатором, из них все-таки видно, что, по его мнению, нынешние еврейские погромы об'ясняются вовсе не угнетением христиан евреями. Мы отмечаем это мнение г. Клингенберга, так резко противоречащее обычным разглагольствованиям наших антисемитов, и продолжаем слушать.

«Теперь евреи стали руководителями, зачинщиками во всех антиправительственных движениях, гремит г. Клингенберг. — Весь этот Бунд и социал-демократия — евреи. Правда, находятся между ними и лица других исповеданий, но они являются как подстрекаемые, подстрекателями же являются евреи. Вообще евреи теперь нахальны, непокорны, потеряли всякое уважение к власти... Посмотрите, господа, нижний полицейский чин не имеет никакого значения, его не признают! Всегда и всюду евреи выражают дикое неуважение и нетерпимость к христианам. Да вот вам: на-днях на мою жену на улице наскочил велосипедист; кто? еврей. Гимназист на улице идет мне навстречу с папиросой в зубах и не кланяется! кто такой? опять еврей. Гимназистка, раздеваясь, задела рукавом мою жену и на вопрос жены, почему не извиняется, отвечает: «Я не заметила». Опять-таки кто? еврейка. Вот, господа, где причина. Вы сами виноваты во всем случившемся. Правительство беспристрастно и я беспристрастен. И, оставаясь беспристрастным, я должен сказать: вы сами виноваты. И в этом смысле я буду докладывать государю».

Это место речи г. Клингенберга окончательно убеждает нас в том, что, если русские евреи уже утратили первобытную чистоту нравов, то некоторые российские помпадуры до сих пор еще пребывают в том счастливом состоянии младенческой невинности, которое нисколько не мешает «наступать на законы», но совершенно исключает всякую серьезную политическую мысль. Бунд фигурирует у г. Клингенберга рядом с гимназисткой, которая задела рукавом ее превосходительство и, — нераскаянная преступница! — не извинилась перед ней; социал-демократия выступает под руку с гимназистом, который курит на улице и — о, времена! о нравы! — не кланяется самому «начальнику губернии»; освободительные стремления пролетариата идут бок-о-бок с неуважением к нижним чинам полиции. И все это вместе взятое — и дерзкий рукав, и преступная папироса, и непочтение к городовым, и революционная социал-демократия, все это создано евреями, все это об'ясняется еврейским «нахальством», как последней и самой глубокой причиной. Словом, тут перед нами такая беспомощная, такая комичная, такая изумительная путаница понятий, которой устыдился бы сам Иван Пантелеич Прыщ, обладавший, как известно, фаршированной головой. Но сугубая чепуха, которой переполнена речь г. Клингенберга, неизменно сопровождается зловещим припевом: «вы сами виноваты во всем случившемся», и этот зловещий припев раскрывает перед нами истинный смысл всего случившегося в Гомеле. Если полиция и войско поддерживали там громил, то это произошло потому, что так угодно было нашему «беспристрастному» правительству, которое хочет наказать евреев за то, что из среды их выходит много врагов существующего «порядка», и вернуть их на путь первобытной «благонадежности». Погромы нужны как средство политического исправления евреев. Вот что узнаем мы из речи г. Клингенберга. И это как нельзя лучше подтверждается тем, что г. помпадур собирался «в этом смысле докладывать государю». Ведь если бы петербургские «правящие сферы» не имели указанных нами педагогических планов насчет евреев, то г. Клингенберг «доложил» бы царю совершенно в ином смысле. Гг. помпадуры тоже знают, как, что и когда надо «докладывать». Им тоже приходится держать нос по ветру.

Само собою понятно, что воспитательные намерения петербургского правительства хорошо известны не одному г. Клингенбергу. Вот, например, таврический губернатор Трепов, — сын того Трепова, которого обессмертила В. И. Засулич[4], — тоже, как видно, убежден, что евреи «во всем» виноваты. При посещении им синагоги в селе Каменке он произнес речь, полную упреков по адресу еврейского населения, которое и ему представляется до последней степени неблагонадежным. «Всюду в беспорядках, — говорил он, — евреи являются не только участниками, но и зачинщиками». Мы не хотим брать на себя роль пророка и вовсе не желали бы пугать таврических евреев, но не можем не заметить, что в этих словах г. Трепова нам слышится шум приближающегося еврейского погрома.

А вот орловский помпадур Балясный, тот речей не произносит, а кусается молча. Читатель помнит, конечно, из № 49 «Искры», — таких вещей не забывают, — что этот расторопный администратор послал старосте деревни Дубовки предписание, повелевавшее «жидов» бить, имущество их отбирать, «водку пить» *. Нечего и прибавлять, что в этом лаконическом распоряжении виноваты опять «сами евреи» и что, если дубовские крестьяне исполнят распоряжение г. Балясного, то он сумеет дать делу надлежащее освещение в своем «докладе» слабоумному петербургскому недорослю.

За помпадурами идут разные мелкие сошки. В Гомеле «на другой день после погрома, — читаем мы в уже цитированном нами № «Последних Известий», — преподаватель местной женской гимназии, известный антисемит Боборыкин, вызвал еврейских учениц. Когда они отказались отвечать, ссылаясь на то, что были накануне слишком взволнованы и не могли готовить уроки, у него хватило духу, чтобы обрушиться на них с грубыми попреками и долго распространяться о том, что евреи не умеют держать себя, не знают своего места и пр. и пр.».

* Как мы уже заметили в указанном номере, у нас имеется экземпляр этого печатного предписания.

Лозунг дан свыше. Неудивительно, что его повторяют на всех ступенях чиновничьей лестницы. Это в порядке вещей.

«Повторяю, не будь полиции, не была бы разрушена ни одна лавка. Не было бы погрома», — пишет один из наших корреспондентов. Мы охотно верим этому. Но полиция была, и погром состоялся; полиция есть, и погромы будут. К ним надо готовиться заранее. Что можно против них сделать?

Уже по поводу кишиневского погрома мы высказали ту мысль, что необходимо противопоставить громилам энергичное сопротивление.

Такое сопротивление было оказано в Гомеле. К чему привело оно? Если верить «Последним Известиям», то результаты его были невелики. «Евреи, решившиеся на самооборону, очень скоро опустили руки, так как не было возможности сделать что-нибудь— солдаты не давали» (№ 147). Мы сами прекрасно знаем, что нелегко бороться с солдатами, но мы все-таки думаем, что «Последние Известия» смотрят на это дело слишком мрачно. Наши корреспонденты положительно утверждают, что еврейская самооборона была далеко не бесплодна, и с этим согласны сведения, сообщаемые в том же номере «Последних Известий». Так, мы узнаем из этого номера, что «оборона, видя невозможность дать отпор отдельными группами, стянула все свои силы и отстояла улицы Могилевскую и Замковую». Это уже очень недурно. В другом столбце того же номера мы читаем: «Что остановило погром, трудно сказать. Несомненно, однако, что сопротивление евреев сыграло здесь большую роль». Ясно стало быть, что евреи, решившиеся на самооборону, не так уже скоро «опустили руки». Не менее ясно и то, что если бы непосредственные результаты сопротивления в самом деле были совсем невелики, то сопротивляться все-таки было бы необходимо в интересах будущего. Самым вредным следствием еврейских погромов издавна было именно то, что под их влиянием евреи теряли мужество и «опускали руки». Известный историк евреев Грэц, описав погромы, происходившие в Испании в конце XIV века, очень картинно замечает: «Если сотня евреев стояла вместе и если какой-нибудь мальчишка бросался на них с угрожающим видом, то они рассыпались в разные стороны, как стая испуганных птиц!» (Geschichte der Juden, том 8, стр. 63). Под влиянием таких же причин и русские евреи прежде вели себя таким же образом. Именно потому разные Клингенберги и считали их «благонадежными», что они рассыпались как испуганные птицы при виде первого встречного буяна. Но немецкая пословица не даром говорит: Muth verloren, alles verloren (когда потеряно мужество, все потеряно). Чем покорнее сносили евреи колотушки, сыпавшиеся на них с разных сторон, тем меньше было шансов на то, что колотушки прекратятся. К счастью, теперь дело принимает другой оборот. Теперь в евреях пробуждается дух протеста. «Полиция была поражена одним фактом, — говорят представители гомельского еврейского общества в записке, поданной тов. министра внутренних дел, — тем, что евреи, вместо того, чтобы разбежаться при первом крике: „бей жидов!“, собрались, вступили в драку с рабочими». Испуганных птиц заменили мужественные люди. В интересах всего еврейского населения надо желать, чтобы такие факты перестали быть исключениями из правила; надо, чтобы евреи не боялись давать отпор громилам. Обстоятельства так сложились, что этот отпор является для них одним из видов борьбы с нашим полицейским государством. А без борьбы с ним ничего не добьешься; «благонадежность» обывателей никогда еще не располагала его к уступчивости. Вот почему давать отпор громилам надо, хотя бы непосредственные результаты отпора были местами совершенно ничтожны.

И в этом трудном, но необходимом деле борьбы с громилами у евреев не будет, не должно быть союзника более надежного, чем сознательный пролетариат, каков бы ни был его племенной состав в том или другом месте. Мы уже знаем теперь, за что полиция травит евреев: за то, что между ними много социал-демократов. В руках полиции еврейские погромы являются одним из средств борьбы с социал-демократией; и все мы должны помнить, что при известных условиях этот способ мог бы оказаться одним из самых удачных. Социал-демократическое движение есть международное движение пролетариата, независимое от языка, расы, религии и национальности. Его участниками не могут быть рабочие, не успевшие отделаться от национального или племенного фанатизма. Поэтому, чтобы ослабить его, реакционеры везде стараются поддерживать национальные и племенные предрассудки бессознательных и малосознательных рабочих. Наш полицейский антисемитизм представляет собою лишь самый циничный изо всех видов этого стремления темных сил остановить развитие классового самосознания пролетариата. Поэтому наш сознательный пролетариат должен вести беспощадную, неустанную войну с полицейским антисемитизмом.

Дело идет здесь о самом существовании социал-демократии. Победа антисемитов означала бы гибель ее, как партии сознательного пролетариата. К счастью, такая победа теперь невозможна. Российский пролетариат уже вышел из детских пеленок, и его не собьют с толку дикие сказки реакционеров. Это с ясностью показали колоссальные стачки нынешнего года на юге России. Во время этих стачек рабочие легко могли бы разгромить «жидов»; но они не только не проявили ни малейшего желания «бить евреев», но успокаивали их,— как то было, например, в Одессе, — говоря им: «Не бойтесь, не бойтесь, это вам не Кишинев; мы вас не тронем; для нас все равны — и русские и евреи». Такое поведение рабочих было плодом влияния на них социал-демократической пропаганды, и оно дает нам меру этого влияния. Господа антисемиты опоздали. Крупные центры уже не пойдут за ними. Этим об'ясняется, почему антисемитические разбойники выступают лишь в отсталых местностях, т. е. там, где влияние социал-демократических идей на рабочую массу еще невелико. Но и в этих местностях уже встречаются «христианские» рабочие, понимающие свой классовый интерес и свою классовую обязанность. Хотя в Гомеле в числе громил было, к сожалению, немало железнодорожных рабочих, но фабричное предместье того же Гомеля, Белица, очень сочувственно отнеслось к евреям.

«Когда испуганные белицкие евреи, опасаясь погрома, просили полицеймейстера прислать охрану, местные русские рабочие успокаивали их и обещали, что никому не дадут их громить». Источник, из которого мы заимствуем это сведение («Посл. Изв.», цит. номер, первый столбец), прибавляет, правда, что это исключительный случай, «вообще же в окрестностях Гомеля отношения между еврейским и русским населением обострились». Но «окрестности Гомеля» это — именно одно из наших захолустий, еще не испытавших на себе благотворного влияния нашей проповеди. В эти темные углы и сползаются теперь гады антисемитизма, не без основания рассчитывая встретить там сочувственный прием со стороны неразвитой массы. Но и там они продержатся недолго. Волны рабочего движения скоро докатятся и до этих захолустий, а тогда и там появятся «христиане», видящие всю гнусность, чувствующие весь позор и сознающие весь вред еврейских погромов; тогда и там «христианские» рабочие восстанут на защиту евреев и скажут им: «Не бойтесь нас, не бойтесь: нам все равно, что еврей, что русский!». И, чтобы еще более ускорить наступление этой счастливой поры, мы обязаны теперь же организовать и систематизировать свою борьбу с антисемитизмом. За это не замедлит, конечно, взяться Центральный Комитет нашей Партии, который будет создан ее вторым очередным с'ездом. Ожидающая его на этом поприще работа пропаганды, агитации и организации принесет богатые плоды.

Против антисемитической заразы есть только одно средство — международный социализм. Но это — верное средство, оно устраняет ее без остатка. И его действия не остановят ни хитроумные Плеве, ни тупоумные Клингенберги. От социализма не уйти, как от судьбы.

[Г. Плеханов]

ФРАНЦУЗСКИЙ АНТИКЛЕРИКАЛИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКИХ «СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ».

Во втором № «Народного Дела» [5], издаваемого партией «социалистов-революционеров», напечатано письмо из Франции, в котором рассказывается о современном антиклерикальном движении во Франции. Всякий, маломальски следящий хотя бы по газетам за политикой Франции, знает, что там знамя антиклерикализма поднято было Гамбеттой [6], представителем и шефом буржуазного центра — оппортюнизма. Со времени Гамбетты почти все республиканские министерства вели более или менее энергичную борьбу с клерикализмом. Борьба эта приняла особенно острый характер под влиянием дела Дрейфуса при министерстве Вальдека-Руссо [7], и буржуазному большинству последнего нетрудно было издать ряд законов против конгрегаций. Монашеские ордена во Франции проводят свою жизнь далеко не в одних только постах и молитвах; они умеют, и очень умеют, накоплять капиталы. В течение века огромная часть французских земель перешла в руки конгрегаций; они же усердно занимаются и производством разных продуктов, в особенности вин, — между прочим и известного вина Шартрёз. Их продукты очень успешно конкурируют с продуктами светских фабрикантов. Отсюда и ненависть промышленной и крупно-торговой светской буржуазии к черному духовенству. Буржуазия ничего не имеет против религии и церквей; напротив, она довольна проповедями ксендзов о смирении и небесном царстве; она ничего не имеет против белого духовенства; все удары ее направлены против монашеских орденов. Прибавьте к этому еще тот факт, что богатые католические ордена, отделяющие часть своих доходов в пользу Ватикана, употребляют немалую часть своих средств для широкой поддержки во время избирательной

Л. ТОЛСТОЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ.

Двадцать восьмого августа читающая Россия праздновала 75-летний юбилей Льва Николаевича Толстого. Наша жестокая действительность, вырывшая не одному русскому талантливому писателю преждевременную могилу, не изобилует такими лирическими моментами. С тем большим торжеством мы можем отметить такое выдающееся, почти небывалое у нас событие, как 75-летний юбилей знаменитого русского поэта. Как бы ни отличались друг от друга направления и идеалы в различных слоях современного нашего общества, все согласятся, без сомнения, в том, что гениальный беллетрист внес огромный вклад в русскую и всемирную литературу своими истинно художественными по форме и глубокими по содержанию произведениями. Одаренный необычайной силой проницательности, несравненный знаток человеческой души и великий мастер в изображении как типичного, так и индивидуального, Лев Николаевич Толстой, как настоящий талант, сумел, оставаясь на почве конкретной окружающей действительности, воплотить в свои произведения и те общие, типичные элементы мысли и чувства, которые в той или иной степени, в той или иной форме присущи культурному человечеству на протяжении долгих исторических периодов.

Эта гениальная способность находить общее в частном и частное в общем обеспечила великому русскому художнику выдающееся место во всемирной литературе и неизменный, захватывающий интерес к его произведениям. Во всяком возрасте, на всякой ступени своего духовного развития и житейского опыта читатель найдет в художественных произведениях Л. Н. Толстого нечто новое и оригинальное. Гете сказал о поэте классической древности: «Когда я теперь читаю Гомера, то он кажется мне иным, чем казался десять лет тому назад; и если бы жизнь наша продолжалась 300 лет, то он бы всегда продолжал выступать перед нами в новом свете». Думаем, что эти слова творца Фауста так же применимы к грандиозной эпопее «Война и мир».

Сказанного достаточно, чтобы понять, почему русская социал-демократия, представительница того класса, который стремится к истинной духовной культуре человечества, всецело разделяет общее торжество юбилея. Но, понимая все то глубокое, культурное значение, какое имеет Л. Н. Толстой как художник, соц.-дем. помнит и не должна забывать, что Толстой как проповедник является

агитации реакционных политических партий, начиная от националистов-антисемитов и кончая бонапартистами, — и вы поймете все ожесточение нынешней свободомыслящей французской буржуазии против конгрегаций.

Как же изображают антиклерикальное движение во Франции социалисты-революционеры?

«Укрепилось духовенство, — пишет автор названной статьи, — и трудно было его выжить. Терпел народ до поры, до времени. И вот теперь народ (?) узнал свою силу, взялся за ум и издал новый закон». Положим, законы издает во Франции не «народ» непосредственно, а парламент. Но не будем останавливаться на этом. Итак, народ, т. е. представители его в парламенте стали так сильны, что провели закон против конгрегаций. Но кто же, однако, этот «народ», из каких слоев состоит он? Надо полагать, — из рабочих и крестьян, потому что дальше автор пишет, что «богачи, фабриканты и помещики стоят на стороне духовенства», и еще дальше, что «попы и дворяне, купцы и фабриканты, всегда кричавшие, что нельзя нарушать законы, стали отказываться исполнять новый закон и звать своих единомышленников на борьбу с законным правительством и народом, стоящими за новый закон». Оказывается, что во французском парламенте большинство депутатов — представители «народа», а меньшинство — представители «богачей, фабрикантов, помещиков и духовенства».

Обращаюсь к вам, правдолюбцы гг. Гарденины, Левицкие, Брешковские [8] и проч. Неужели такая передача фактов соответствует действительности? Неужели можно признать такого рода пропаганду социалистической?

Мало того. Наш «социалист-революционер» и закон-то самый пере... иначил. «Новый закон, — пишет он, — состоит в том, что все без исключения жители могут собираться в общества и союзы совершенно свободно, т. е. всякие общества и союзы могут открываться и действовать с какой угодно целью... Только для монахов сделано исключение».

И это неправда! Вообще говоря, свобода коалиций существует во Франции уже немало лет, существует с немалыми ограничениями. Новый закон о конгрегациях явился, с социалистической точки зрения, не прогрессом, а регрессом. Неправду говорит автор, что «теперь союзы могут открываться и действовать с какой угодно целью». Во-первых, новый закон нисколько не отменяет так называемых «преступных законов» (lois scèlerates), направленных против анархистов вообще и анархистских союзов в частности. Любое французское правительство может подвести под этот закон и социалистов. Во-вторых, под прикрытием ударов, направленных против конгрегаций, буржуазное правительство усилило вообще государственный контроль над всякими обществами и ввело в новый закон «маленький пунктик», вызвавший в свое время изрядный шум, пунктик против нынешнего интернационального движения. Гласит же этот «пунктик», что правительство имеет право распустить всякое общество, руководящий центр которого находится за границей. Правительство говорило в защиту этого пункта, что оно имело в виду только католиков с их центром в Риме; но ничто не помешает первому реакционному правительству направить в необходимый момент этот самый «пунктик» против социалистов. Да и нет сомнения, что, проводя новый закон, буржуазное большинство в парламенте, а совсем не «народ», как повествуют социалисты-революционеры, имело в виду расправиться сразу с двумя противниками: с одной стороны, с духовенством, угрожающим только понизить уровень прибыли капиталистов, и, с другой стороны, с пролетариатом, подтачивающим самый корень прибыли.

Обо всем этом парижский «соц.-рев.» ни слова. И вот теперь, — излагает он дальше, — всем этим мона-

---

самым резким и вполне сознательным противником социалистического движения.

Социал-демократия стремится к развитию классового сознания пролетариата. Великая цель социализма может быть достигнута только путем роста и развития у пролетариата сознания коренных противоречий нынешнего общества. Сознание непримиримого антагонизма интересов привилегированного, эксплоатирующего меньшинства с интересами угнетенного, эксплоатируемого большинства является той активной исторической силой, которая должна положить конец существующему порядку вещей. Следовательно, чем серьезнее и чем яснее будет убеждение пролетариата в непримиримости этого антагонизма, тем скорее наступит момент его уничтожения, иначе говоря: чем резче будет вестись война, тем ближе мы будем к миру.

Диаметрально-противоположным содержанием отличается учение Л. Н. Толстого. Исходя из аскетически-христианского миросозерцания, Л. Н. Толстой отрицает по существу стремление современного революционного пролетариата к материальному экономическому равенству. Принципиально не придавая никакого значения материальной жизни, это учение совершенно игнорирует существующее экономическое неравенство. Нравственная проповедь любви и мира направляется поэтому у Л. Н. Толстого ко всем безразлично классам современного общества, и если она учит буржуа любить рабочего, то, с другой стороны, учит рабочего повиноваться буржуа и терпеть зло без сопротивления, ибо, как говорится в евангелии Толстого, «заставят тебя сработать на себя одну работу, сработай две, и кто принудит тебя итти с ним одно поприще, иди с ним два». Факт эксплоатации человека человеком не вызывает протеста, не внушает возмущения, не требует борьбы, а, напротив, должен, с христианской точки зрения, вызвать чувство смирения. Ясно, что добровольное подчинение эксплоататорам возводится здесь в высший нравственный принцип. Вся толстовская проповедь проникнута поэтому идеей примирения классов и, подобно всем нравственным теориям современных защитников буржуазии, служит к затемнению классового самосознания борющегося пролетариата. Сущность и смысл этого учения превосходно поняла западно-европейская буржуазия, у которой нравственное учение Толстого пользуется огромным уважением и нередко ставится в пример социал-демократам.

Правда, что Толстой резко и метко критикует праздный образ жизни высших эксплоатирующих классов

стырским общинам пришлось позакрыться вместе с их школами. Вместо них народные депутаты решили открыть новые светские школы, где бы дети могли учиться по-настоящему, могли бы узнать правду и найти путь к справедливости.

Всего, всего мы ожидали от «социалистов-революционеров», но уж никак не этого. Светские школы, преподавание в которых критикуется даже передовыми французскими демократами, являются образцом, идеалом для наших пресловутых «социалистов». Наши соц.-рев. «находят путь к справедливости» в школах, которые резко проникнуты классовым буржуазным характером, в которых детей поучают, что собственность свята и что лица, желающие уничтожить ее, безумцы или преступники, в которых восхваляются военные подвиги всяких Наполеонов Бонапартов и других авантюристов! Наши соц.-рев. «узнают правду» в школах, в которых изображают коммуну как кучку жуликов и бандитов, напавших в одно прекрасное утро на мирно живущих граждан.

Вот они — пресловутые «правда» и «справедливость» наших «социалистов-революционеров».

[Г. Лейтейзен-Линдов]

К ВОПРОСУ О НАШИХ ПАРТИЙНЫХ ЗАДАЧАХ.

(Письмо в «Искру»)

Товарищи! Прочитав в № 32 «Искры» извещение Орг. Комитета и ваш призыв высказаться по этому поводу всем действующим и находящимся временно «не у дел» соц.-дем., мы, группа ссыльных Восточной Сибири, собравшись, решили отозваться на ваше приглашение нижеследующим письмом.

Мы убеждены, что только принципы революционного марксизма определяют насущные задачи российского пролетариата в его классовой борьбе со всем буржуазным строем и русским самодержавием в частности.

Тактические задачи российской социал-демократии, вытекающие из этих принципов, наиболее верно и решительно высказаны и развиты «Искрой», «Зарей»[9] и в книге Ленина «Что делать». Поэтому в основу предстоящего об'единения — по нашему глубокому убеждению — и должны лечь эти революционные принципы и эти тактические задачи.

Повторяя вместе с «Искрой», что «нам нужно об'единение на почве строгого принципиального единства», мы считаем необходимым добавить, что прочность и жизнеспособность такого об'единения будет обеспечена лишь тогда, когда в основу его не будут положены взаимные компромиссы и уступки. Поэтому мы полагаем, что товарищи, боровшиеся до сего времени под знаменем идей, развиваемых «Искрой» и «Зарей», и теперь вошедшие в Орг. Комитет[10], ставящий своей задачей «фактическое восстановление Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии», будут неустанно продолжать свою борьбу, ни на иоту не поступаясь революционными принципами ради «осязательных результатов» об'единения.

«Такого об'единения нельзя создать сразу, — говорит „Искра“, — одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически, исподволь подготовить и выработать»...

Одним из самых важных—вернее, главнейшим—способом для подготовления «фактического восстановления партии» мы и считаем: неустанную, все более и более энергичную борьбу с оппортунистическими, кустарническими и «демократическими» тенденциями, продолжающими жить среди некоторой части действующих в России соц.-дем.

Так, например, еще до сих пор среди российской соц.-дем. живет заблуждение, утверждающее, что для создания сильной соц.-дем. партии необходимо сна-

---

и что, благодаря своей колоссальной проницательности и самостоятельности наблюдения, он открывает такие стороны современного общественного строя, каких не замечает обыкновенный глаз обыкновенного челов[ека]. Но эта критика остается совершенно бесплодной, т. к. она везде и повсюду приурочивается мистиком-аскетом к аскетическим целям. Критика общест[венных] условий плодотворна и революционна только в том случае, когда она, отмечая отжившие, негодные общест[венные] формы, указывает на те здоровые элементы, из которых должно сложиться и развиться будущее и на которые должен опираться общественный деятель, задавшийся целью работать в этом направлении. Критика же Толстого исходит из аскетического начала; она отрицает всю современную культуру без остатка. Отрицая все, Толстой этим самым оставляет в сущности все нетронутым, рекомендуя только абсолютное равнодушие к земной жизни, т. к. в ней вообще все суета сует. Блестящим подтверждением бесплодности этой критики может служить хотя бы «Воскресенье». Художник знакомит своего героя со всем адом русской действительности. И что же? После всего того, что видел и пережил Неклюдов, ему становится ясным... истинный смысл евангелия, в которое он и погружается всецело, не считая при этом более необходимым отдавать землю крестьянам, т. к. земная жизнь вообще ничего не стоит. И вся quasi-революционная критика Толстого кончается неизменно тем, что следует отказаться от культурных потребностей, не бороться за материальное благо, любить друг друга и подставлять левую щеку тому, кто тебя ударит в правую, и тогда настанет царство божие... внутри нас.

Одним словом, Толстой, как все мистики, возвел в вечный нравственный закон фактически существующий теперь аскетический образ жизни рабочих масс, — что, разумеется, очень выгодно привилегированным классам. А в те редкие моменты, когда Толстой оставляет свою религиозную точку зрения и касается какого-нибудь конкретного вопроса, он является самым умеренным либералом, а чаще всего консерватором. Нападая, например, на частную собственность, Толстой нигде не говорит, что она должна быть отменена. И как только проповедник приближается к этому вопросу, он сейчас оставляет свой ясный реалистический язык и ведет обыкновенно такую речь: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеваться. Душа не больше ли пищи и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы: и отец ваш небесный питает

чала укрепить работу на местах, необходимо сначала создать сильные местные организации, а уже затем об'единяться, централизоваться, создавать и укреплять общерусский центр. Прежде чем об'единяться в Росс. Соц.-Дем. Раб. Партию, говорят сторонники этого заблуждения, необходимо создать порайонные организации, сильные порайонные центры, на которые и могла бы опереться будущая общерусская организация.

Мы же утверждаем, что постройка централизованной партийной организации должна вестись как раз наоборот. Не местной, не порайонной работой должна определяться постройка общерусской организации. Напротив, — деятельность местная и порайонная вполне обусловливаются задачами и интересами партийного центра, единственно способного заведывать общерусской работой. Только тогда, только в этом случае интересы общерусские могут стать, и действительно станут, на первом месте перед каждым действующим соц.-дем., в какой бы местности, в каком бы районе он ни работал. Элемент стихийности и кустарничества, который узаконяется сторонниками построения снизу, совершенно устраняется здесь, раз интересы общерусские выступают на первый план.

Принцип централизации, строго проведенный при постройке партийной организации, обеспечит за нею и силу, и крепость, и принципиальную устойчивость и, без сомнения, наилучшим образом отзовется на той будущей, громадной и сложной работе, которую предстоит выполнить сорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П.

«Национальный вопрос», который нередко затуманивал и до сих пор затуманивает сознание некоторой части российской социал-демократии, — по нашему убеждению, должен быть окончательно решен в предстоящем об'единении в пользу великого революционно-социалистического завета: «пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Революционная соц.-дем. интернациональна по самому существу своему. Для классового движения пролетариата не существует национальных антагонизмов. Существование же отдельных соц.-дем. партий по странам оправдывается лишь постольку, поскольку «национальность» движения не служит помехой интернационализму его.

Об'единение всех действующих соц.-дем. по национальностям — в обособленные, независимые организации, ставящие на первый план интересы своей национальности, такая группировка соц.-дем. сил России послужила бы серьезным тормозом при развитии классового самосознания пролетариата.

Поэтому предстоящее «фактическое восстановление Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии» должно быть об'единением всех работающих в России социал-демократов, к какой бы национальности они ни принадлежали, в одну организацию, с единым центром, единой программой под знаменем революционной социал-демократии.

«Искра» и «Заря», оказавшие неоцененные услуги соц.-дем. движению в России, по нашему убеждению, должны быть признаны руководящими органами Р. С.-Д. Р. П.

Если Орг. Комитет, ставящий своей задачей об'единение и фактическое восстановление партии, поведет свою работу под знаменем идей революционного марксизма, неустанно развиваемых «Искрой» и «Зарей», — тогда все истинно-революционные социал-демократы России, по нашему мнению, не только должны признать за ним «право» на общепартийные функции, но и стать к нему, — не ожидая предстоящего с'езда, — в обязательные отношения, как к партийному центру.

Вполне отрицая с'езд, как орган, созидающий и санкционирующий Ц. К., мы допускаем созыв лишь такого с'езда (если «Искра» и Орг. Ком. признают это целе-

---

их» и т. д. Вся критика частной собст[венности] сводится в конечном счете к тому, что богатым вменяется в нравственную обязанность накормить и одеть неимущего ближнего: евангельская заповедь, которая не только не восстает против частной собственности, а, напротив, санкционирует этот институт как неизменную категорию.

Многие придерживаются того убеждения, что критика существующего строя может, вопреки исходной точке и окончательному выводу, иметь революционное влияние на умы. Это, по нашему мнению, большое заблуждение. Всякое миросозерцание, как бы оно ни было реакционно, может содержать и часто содержит верные критические взгляды, сила и яркость которых зависит от степени талантливости представителя этого миросозерцания. Какой-нибудь романтик, идеализирующий мрачное средневековье, может сойтись с социалистом в критике некоторых элементов капиталистического порядка.

Дело совсем не в критике, а именно в исходной точке и окончательном выводе. Революционер подвергает критике существующий строй для того, чтобы его ниспровергнуть и итти вперед; реакционер может подвергнуть его той же критике для того, чтобы повернуть колесо истории назад.

И если критика реакционера становится очень резкой и очень смелой, то это доказывает только то, что общественные формы достигли такой серьезной степени разложения, что обратили на себя внимание даже тех, кто вовсе не склонен к революционному способу мышления. Само собой разумеется, что социал-демократия может и должна пользоваться критикой современного общественного строя, из какого бы лагеря эта критика ни исходила, но социал-демократическое учение, выражая в своем миросозерцании все революционные стремления нашей эпохи, должно в своем анализе и оценке других общественных течений сосредоточивать свое внимание на их главном и существенном содержании и судить о них не по тем или другим частным взглядам, а на основании их общего направления.

Как художник, Толстой не может не заметить процесса падения капиталистического общества и победоносного шествия революционного пролетариата. И чем яснее он видит это, тем резче становится его критика современных общественных условий; зато, с другой стороны, тем больше усиливается его антиреволюционная проповедь всеобщей любви и непротивления злу насилием.

Что Л. Н. Толстой является сознательным противником социализма, это он ясно показал в своих последних брошюрах, непосредственно направленных против социалистического движения. «Рабство нашего времени» посвя-

сообразным), который лишь «формально закрепит» * то, что создано усилиями Орг. Ком. с помощью всей российской истинно-революционной социал-демократии.

Не выборное начало, не игрушечный и вредный «демократизм», а строго-принципиальная постановка дела, преданность пролетарскому делу и товарищеское доверие — вот что должно стать для нас основой для совместной и дружной работы. Каждая действующая соц.-дем. организация, каждый работающий или жаждущий работать социал-демократ в настоящий исторический момент, переживаемый российской социал-демократией, должен подняться и вырваться из узкой сферы местных интересов и все свое внимание, все свои силы перенести и сосредоточить на общерусской работе: на организации и «фактическом восстановлении Р. С.-Д. Р. П.».

Пользуясь настоящим случаем, мы высказываем и свое отношение к полемике «Искры», по адресу которой так часто раздавались и теперь еще раздаются негодующие возгласы.

Мы не будем говорить здесь о социал-демократических заслугах «Искры» вообще... Они признаны даже... противниками этой газеты. Нет, мы хотим здесь сказать о заслугах полемики «Искры» — именно той «нетерпимой», «нетоварищеской» полемики, на которую так много наветов и нареканий.

Мы полагаем, что, кому близко и дорого пролетарское дело, кто действительно глубоко понял и проникся принципами революционного марксизма, этой науки пролетарского движения, — тот не может быть равнодушен к поползновениям разных «друзей» и «учителей» пролетариата, стремящихся затуманить его сознание и вносящих в эту строго научную теорию свои «поправки» и «раз'яснения».

Кому же недостаточно понятны или просто недоступны принципы пролетарской науки, тому и совлечение рабочего движения с истинной дороги на буржуазную покажется лишь... простым недоразумением... Поэтому горячая, «нетерпимая» полемика «Искры», ее энергичные, решительные, резкие слова и эпитеты оскорбляют ухо таких «деликатных» читателей... Ведь они видят только эти слова, эти эпитеты, эти названия, читают лишь самую поверхность писания, но содержание, сущность этой полемики они неспособны воспринять! И... они негодуют на «Искру»: «„Искра“ ругается, „Искра“ только и способна на это!».

Те, кто идут и отдают себя пролетариату лишь по чувству, по симпатиям, революционное воодушевление которых вытекает не из глубокого убеждения и серьезного изучения научного социализма, для тех полемика «Искры» не может быть убедительной. Для них она всегда останется: «хлесткой фразой», «полемической красотой», «полемическим задором» и т. д. и т. п.

Под литературной внешностью они никогда не способны будут разглядеть содержания. Поэтому резкость, категоричность, ирония и смех всегда будут представляться им «хлесткой фразой», ничем неоправдываемой... Для таких «деликатных» читателей, одушевленных лишь «добрым желанием» и «честным негодованием», слова: «революционер», «социалист» вполне уже гарантируют чистоту пролетарского знамени. Уроков истории, жестоких уроков, перенесенных пролетариатом на своей спине, для них не существует вовсе... Каждую красную тряпку они легкомысленно готовы признать за пролетарское знамя.

Читатель же, способный воспринимать сущность пролетарского учения, поймет и эту резкость, и «нетерпимость» и негодование, возбуждаемые в убежденном социал-демократе буржуазным поползновением буржуазных теоретиков. Всегда и всюду, во всяком углу мы

* Понимая под «формальным закреплением» ряд совместных обсуждений и распределение Центральным Комитетом сил и функций между представленными организациями... Не более.

щено, по существу, критике или, точнее, отрицанию социализма. В «Обращении к рабочему народу» социализм признается безнравственным учением на основании таких рассуждений: «не согласна с правилом о делании другим того, что хочешь, чтобы тебе делали, и вся социалистическая деятельность (раньше шла речь о безнравственности революции). Она не согласна с этим правилом, во-первых, потому, что, ставя в свою основу классовую борьбу, вызывает в рабочих к хозяевам и вообще к нерабочим такие враждебные чувства, которые со стороны хозяев никак не могут быть желательны для рабочих. Не согласна с этим правилом еще и потому, что при стачках рабочие очень часто, для успеха своего дела, бывают приведены к необходимости употреблять насилие против тех рабочих своих или чужих народностей, которые хотят заступить их место» *. Обращаясь к политическим деятелям, Толстой говорит, что причины всех современных бедствий суть: «Отрицание всякой религии и направление деятельности народа на служение правительству, революции и социализму» **. Служение социализму ставится, как видит читатель, на одну доску с служением правительству и рассматривается как одно из бедствий современной действительности.

Спрашивается, какая польза социализму от толстовского отрицательного отношения к правительству, когда тот же Толстой также отрицает революцию и социализм? Далее в этой же брошюре автор, выражая свое сожаление по поводу того, что политические деятели даром тратят свои силы, говорит: «Сколько тратится молодых, горячих сил на попытки революции, на невозможную борьбу с государством, сколько тратится на социалистические неосуществимые мечтанья» *. Социализм об'является неосуществимой мечтой! Это чрезвычайно характерно для утописта Толстого.

Толстой, который считает возможным уничтожение современного государства путем личного отказа от военной службы, который верит, что человечество со временем откажется от культуры, уничтожит технику и станет жить аскетическою жизнью («Царство божие внутри нас»), который допускает возможность прекращения половой любви, — не допускает возможности наступления коллективной собственности. Это прямо напоминает того

* Стр. 26. Изд. «Свободного Слова».
** «К политическим деятелям», стр. 25.

* Стр. 24. Выделено нами.

должны нагонять своих буржуазных противников, срывать с них чуждую им одежду и смехом, и иронией, и резким словом раскрывать перед пролетариатом эту ворону в павлиньих перьях....

Да мы и не можем быть не резки, мы не можем быть «корректны», сдержанны и олимпийски-спокойны, когда перед нашими глазами дотрагиваются до самого святого! Такое спокойствие было бы равносильно индифферентизму.

Неустанно продолжая свою резкую, «нетерпимую» полемику, «Искра» докончит—так, как и следует,—начатое ею дело. Тот, кого коробит резкость и категоричность этой полемики, пусть себе уходит туда, откуда он пришел... Он ненадежный товарищ...

Так полемическая резкость и «нетерпимость» «Искры» на глазах у всех (даже в далекой ссылке) провела уже и с каждым днем проводит все глубже и резче ту линию, которая отграничивает «ненадежных» от «надежных»... пусть бегут от нас—революционной социал-демократии—целые стаи «недовольных» и «возмущенных» и пусть по этому поводу печалуются и радуются те, для кого это явление равносильно «упадку» или «слабости» русской социал-демократии. Мы же — для кого явление это и понятно и естественно — называем его: мобилизацией своих сил...

Революционное меньшинство, глубоко убежденное и проникнувшееся пролетарским учением, сумеет и сумеет во сто раз лучше целой армии «ненадежных», идущих по симпатиям и чувству соц.-дем., внести это учение в сознание российского рабочего класса.

Придет время (и оно уже недалеко), когда учение это, глубоко проникнув в пролетарскую массу, воплотится перед глазами всех и каждого в могучее революционное движение народных масс, и тогда... все эти стаи «недовольных» «не совсем согласных», «протестующих» и «возмущенных», оглушенные внушительным «конкретным результатом», разом забудут свое бывшее негодование, забудут «полемические красоты», «хлесткость фразы», «возмутительное поведение» и т. д. и, «прозрев», потянутся за революционной соц.-демократией...

Так многие и многие теперешние «протестанты», подобно многим и многим буржуазно-радикальным «друзьям» пролетариата, силою «конкретных фактов» нежданно претерпят внезапную метаморфозу, о которой потом постараются скорее забыть... «Чувства» и «симпатии» их повернут тогда... по ветру — в нашу сторону...

Товарищи! Вот почему мы, — группа ссыльных соц.-дем.,—искренно приветствуем полемику «Искры» со всей ее резкостью, категоричностью и «нетерпимостью», приветствуем — не только как вполне пригодное и законное орудие в борьбе с буржуазной идеологией, но и как прекрасное радикальное средство для отделения «надежных» от «ненадежных»... Группа ссыльных соц.-дем.

(Восточная Сибирь). Июль 1903 г.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Первая политическая демонстрация тульских рабочих 14 сентября 1903 года. Одиннадцать часов дня. На Киевской улице (главная улица в Туле) необыкновенное и своеобразное оживление. Городовые расставлены по два человека вместе. На углу Площадной красуется помощник пристава верхом на коне с плеткой в руках, другой — пеший стоит рядом. Оба беспокойно посматривают в сторону Пушкинского сада. На другом углу — пристав на коне, а рядом помощник — пеший и два городовых. По середине Киевской гарцует на коне еще помощник пристава и стоят опять два городовых. Какие-то подозрительные личности снуют сзади и спереди или стоят около магазинов. Интересный суб'ект стоит около магазина Львова. Онучи на нем гряз-

---

юношу из Евангелия, который строго исполнял все десять заповедей, но «отошел с печалью», когда Иисус ему посоветовал для полного совершенства раздать свое имущество. Иисус, как известно, тут же сделал тот, можно сказать, марксистский вывод, что удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство небесное.

В виду всего вышесказанного, мы чрезвычайно удивились содержанию прокламации Пермского Комитета Р.С.-Д.Р.П., выпущенной по случаю юбилея Л. Н. Толстого. Прокламация наших пермских товарищей начинается таким образом: «Это в сущности случайное обстоятельство (юбилей) мы, русские социал-демократы, ставим в связь с великой задачей нашего времени — борьбой за политическую свободу».

Спрашивается, что общего между неуклонной антиреволюционной проповедью непротивления злу насилием и той энергической, наступательной борьбой, которая ведется русским рабочим классом за политическую свободу? Правда, что имя Толстого служило в последнее время часто поводом к политическим разговорам. Но этот факт свидетельствует только о политическом развитии русского общества, с одной стороны, и о недостаточности этого развития — с другой.

Затем указывается в той же прокламации, как на заслугу Толстого, что он призывает «к нравственному общению с богом». Нам думается, что социал-демократия, сущность которой состоит в содействии развитию сознания рабочего класса, должна обращаться к нему с ясными понятиями. Что же касается такой комбинации, как «нравственное общение с богом», то, хотя о ней рассуждали все мистики, начиная с Платона и кончая Толстым, это понятие не приобрело ни на одну иоту ясности. И не выясняется оно по той простой причине, что мистики начинают проповедывать нравственное общение с богом в тот момент, когда перестают верить в человеческий здравый рассудок. Кроме того, нам кажется, что социал-демократии вообще не следовало бы призывать имя бога всуе, т. е. не опровергая его существования. Мнимое существование властителя небес еще никогда не приносило пользы рабочему народу, а, наоборот, всегда являлось орудием в руках господствующих классов для большего угнетения неимущих. И Маркс мыслил, конечно, как революционер, когда усматривал в критике религии верный признак критики отживших общественных форм.

В прокламации наших пермских товарищей говорится также о том, что Л. Н. Толстой указал на народ как

ные, как у землекопа, казакин и картуз запачканы глиной, из-под казакина, не закрывающего колени, видны синие суконные шаровары, по которым не трудно догадаться, кто он такой. Не переодетые жандармы ходят по двое по улице, по Пушкинскому и Гоголевскому садикам. В половине первого публики на улице уж очень много. Все смотрят на полицейских приставов, раз'езжающих по улице и отдающих какие-то приказания городовым. За церковью Спаса в Сапуновском переулке спрятана рота солдат; в городской управе — несколько десятков городовых; в Кремле опять солдаты с ружьями. В публике спрашивают друг друга: «кто приехал?», «кого ждут?». В половине второго народ стал скопляться на Посольской около булочной Филиппова (близ Киевской). В это время у Калужской улицы появляется толпа рабочих с распущенными красными знаменами, на которых крупными черными и белыми буквами изображено: «Долой самодержавие!», «Да здравстует революция!», «Да здравствует свобода!» и «Да здравствует социализм!» Далеко разносятся мощные и стройные звуки красивой песни: «ненавистен нам царский чертог»... Шествие двигается по Посольской, причем впереди идет женщина и разбрасывает направо и налево прокламации, в которых Тульский Комитет об'ясняет не знающим смысл данной демонстрации. Содержание этой прокламации приблизительно следующее: «Товарищи, сегодняшней демонстрацией мы желаем выразить протест против того строя, при котором возможны такие зверские приговоры, которые вынесены судом нашим товарищам ростовцам за участие в демонстрации 2 марта 1903 года. Пользуясь случаем, мы выражаем также сочувствие забастовавшим нашим товарищам москвичам». Далее следует подпись Тульского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и дата 14 сентября 1903 г. Вообще прокламации, более подробно составленные, сыплются дождем и тут же подбираются народом. Вот ломовой извозчик остановил лошадь и хватает уносимую ветром прокламацию. Вот крестьянин везет воз сена, останавливает лошадь, с удивлением смотрит на происходящее и поднимает прокламацию. Люди выбегают из соседних трактиров, из дворов, открывают окна, откуда-то взявшиеся мальчишки подбирают листки и продают их публике по двугривенному, пока не попадаются в лапы городовых, а рабочая толпа продолжает свою песню свободы, — русскую марсельезу, в которой кое-где звучит тяжелая грусть: «тебе отдых одна лишь могила...». Демонстранты дошли до булочной Филиппова и решили убрать знамена и разойтись. Между тем на них уже бежали городовые с шашками наголо и с помощником пристава во главе. Произошла схватка. Раздались треск палок и звякание шашек. В свалку попала одна женщина, ее сшибли с ног; поднялась она совсем растрепанная, городовые схватили ее, но сейчас же оставили и бросились на рабочих, но из демонстрантов никого полиции арестовать не удалось. Тем с большей яростью она, упустив главный момент, бросилась на стоящую тут громадную толпу и стала выхватывать из нее отдельных лиц по указаниям сыщиков. Некоторые из толпы ожесточенно защищались и городовым несколько досталось, но, к сожалению, слишком мало. Весь остальной день полиция была на ногах, причем целыми толпами топтались по Киевской улице, поблизости от того места, где состоялась демонстрация. По всему городу целый день ходили военные патрули. Демонстрация произвела огромное впечатление на всех горожан без исключения. В самые глухие и темные щели проникли слухи и толки о демонстрации, которая в этих щелях называется «бунтом».

Таким образом, несмотря на то, что демонстрацию никак нельзя назвать грандиозной по размерам, она оказалась очень крупной по результатам, т. е. вполне удалась. Приписать ее успех нужно отчасти верным расчетам организаторов, главным же образом — смелости самих демонстрантов. Поучительность этой первой для Тулы демонстрации и для организаторов, и для демонстрантов и для всего тульского населения, которое особенно имелось в виду Комитетом, не имеет границ. Внимание и сочувствие громадного тульского населения привлечено демонстрацией 14 сентября к революционным социал-демократическим задачам и идеям всего пролетариата, чего именно и требовалось достигнуть. Нужно было, чтобы все население большого города задумалось над заявлениями: «долой самодержавие!», «да здравствует свобода!» «да здравствует революция!», «да здравствует социализм».

Арестовано в этот день 22 человека: в течение недели арестовано еще несколько человек. Вот некоторые имена: Балазин, раб.; Бузнен, раб.; Болодин, раб.; Жабров, раб.; Жилин, раб.; Игнатьев, раб.; Колесников, раб.; Кудрявцев, интел.; Луначарская, инт.; Маревский, раб.; Морозов, раб.; Рождественская Александра, инт.; Рождественская Анна, инт.; Рождественский Митрофан, инт.; Рождественский Николай, инт.; Фролов, раб.; Шпанов, инт.; Щепетева, инт.

на единственный слой, от которого должно ждать спасения. «Великий человек сам узнал выход. В народе надо искать спасения — здесь скорее поймут призывы к борьбе». Что Толстой указывает на народ как на общественный слой, в котором следует искать выхода, это справедливо; но вопрос в том, какой выход и какие элементы в народе являются спасительными с точки зрения Л. Н. Толстого. Можно указывать на народ как на спасительную силу и не только не быть защитником интересов и прав народа, а, наоборот, являться его злейшим врагом. Славянофилы [11], напр., тоже рассчитывали на русский народ как на единственную силу, призванную спасти Россию от гнилой западной цивилизации и вернуть чуть ли не все человечество в лоно истинной религии. Их привлекали в народе мистические элементы, порожденные тем невежеством, в котором русское правительство старается держать народ, тоже ожидая от него спасения.

Толстой, подобно славянофилам, ценит в народе не его способность к борьбе и свету, а его невежественную веру, тупое терпение и непомерный труд, которые должны спасти истинную христианскую веру. Блестящим доказательством этого могут служить все крестьянские положительные типы, выведенные Толстым — пилигрим Гриша, Платон Каратаев и Аким во «Власти тьмы» выражают собою те спасающие народные силы, которые дороги Л. Н. Толстому. И что же представляют собою эти типы, кроме воплощения бесконечного, позорного для человека терпения, внутреннего довольства рабским положением и невежества?

Перечисляя ужасы русского современного государства, пермские товарищи приходят к такому совершенно неожиданному заключению: «Итак, не тут ужас положения. Есть противоречие еще более мучительное — это противоречие между русским обществом и его великим сыном — Толстым». Странно. Нам кажется, что несравненно большее противоречие существует между всяким сознательным борющимся русским рабочим и царским правительством, чем между проповедником пассивности и терпения и русским правительством, которое требует того же. Учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием не только не противоречит русскому государству, а есть не что иное, как возведенное в вечный этический принцип вековое рабство.

[Ортодокс-Л. И. Аксельрод]

К делу о златоустовской бойне. (Письмо в редакцию.) Прочитав в приложении к № 48 «Искры» дело о злотоустовских беспорядках, я счел своим долгом внести некоторые «поправки» в правительственную «правду» об этом деле.

Правительству во что бы то ни стало нужно было придать учиненному им побоищу мирных граждан характер вооруженного сопротивления. И вот на стороне властей оказываются двое раненых: жандармский унтер-офицер (фамилия...) и помощник исправника (фамилия...). Между тем я слышал от целого ряда лиц, занимающих в Златоусте и в уездах официальное положение, что упомянутые герои были ранены следующим образом. Когда Богданович выходил из дома горного начальника к толпе, то, отворяя дверь, ведущую в сени, он нечаянно ударил ею жандармского унтер-офицера по скуле; что же касается «огнестрельной» раны г-на помощника исправника, то, чтобы установить ее, пришлось проделать следующие перипетии. Сей г-н является к видному врачу г. Златоуста, просит осмотреть палец и выдать ему свидетельство в том, что рана огнестрельная. Осмотрев рану, врач заявил, что она могла быть причинена чем угодно, — «могли расковырять», будто бы заявил он даже, — и в просимом свидетельстве отказал. «Раненый» отправляется к другому — с той же просьбой.

— Может-быть, пуля, а может-быть, и не пуля могла причинить вам эту рану, — ответил врач.

— Следовательно, может-быть и пуля? — переспросил обрадованный помощник пристава.

— Может-быть, — ответил врач.

— Ну, так вы так и напишите.

Врач спроста написал, что рана могла быть причинена и пулей. Но когда он затем узнал, — наивный человек — какой ход дается его свидетельству и какой отзыв дал до него его коллега, он решил на суде исправить свою ошибку...

Таковы «раненые» сопротивлявшейся толпой. Факты эти рассказаны были мне лично несколькими лицами, занимающими совершенно различное официальное положение, и без всякого стеснения со всеми подробностями были рассказываемы в обществе.

Уфа. В конце июля новый помпадур Соколовский начал об'езжать «вверенную» ему губернию. Прежде всего он отправился в Златоуст. На площади, которая четырьмя месяцами раньше была обагрена кровью рабочих, он собрал златоустовских рабочих и стал на них кричать, требуя, во-первых, чтобы во всех случаях недовольства заводоуправлением они обращались непосредственно к нему и, во-вторых, чтобы не слушали бунтарей, а выдавали их полиции, при сопротивлении же — убивали. Присутствовавшие при этом уверяют, что его превосходительство изволил во время речи шесть раз употребить трехэтажные выражения. Мы этому охотно верим, ибо и здесь уже, в Уфе, он неоднократно дрался с извозчиками и городовыми. — Жены некоторых убитых и заключенных в тюрьму рабочих подавали в Златоусте губернатору прошения о пособии, но получили грубый отказ.

Одним из ближайших результатов убийства Богдановича является учреждение в Уфе охранного отделения. Число шпионов и жандармов сильно возросло. В июле был произведен, по приказу из Питера, обыск у доктора Шмитца. Ничего не нашли. В августе по доносу квартирохозяина арестован один железнодорожный рабочий.

Настроение наших властей — до последней степени возбужденное и нервное. До чего боятся они теперь рабочих, видно, между прочим, из следующего маленького инцидента. 14 июня в мастерской Берштейна (60 раб.) была распространена прокламация, приглашавшая рабочих к забастовке; выставлены следующие требования: 1) повышение заработной платы; 2) улучшение пищи и содержания квартир (почти все рабочие живут на хозяйских харчах и в хозяйских помещениях); 3) уничтожение производства штрафов и 4) вежливое обращение мастера с рабочими. Стачка не состоялась, но тем не менее требования все были в той или иной мере удовлетворены: на этом настояли фабричные инспектора и полицмейстер, поспешив нанести визит г. Берштейну. В августе мес. в горно-промышленном заводе и в железнодор. мастерских была распространена прокламация по поводу неудавшейся стачки и событий на юге. Одновременно был арестован рабочий жел.-дор. мастерских Селезнов, у которого, говорят, нашли прокламации. Около 10 сентября были обыски у прис. повер. Леудонского и у 6 рабочих. Никто не взят. Наконец, в ночь на 20 сентября арестованы: помощник секретаря губернской земской управы П. Н. Григорьев, статистик С. Ф. Горденин, служащий губземуправы В. А. Клюев, служ. губ. акц. управл. Н. Г. Вагин. Вместе с Клюевым арестован на вокзале железнодорожный служащий. Вообще после убийства Богдановича аресты сыплются, как из рога изобилия. Да и не мудрено: надо же охранному отделению, в распоряжении которого состоит целая организация шпионов, как-нибудь оправдать свое существование. Можно смело сказать, что на каждого работающего приходится по 2 шпиона. Недаром же говорят, что содержать охранное отделение стоит 20 тысяч рублей в год. До чего однако бессмысленны и случайны эти обыски и аресты, видно из того, что ни у кого, за исключением Селезнева, ничего не найдено. Последние 5 арестов можно об'яснить стремлением администрации «очистить» город, хотя бы на время суда над златоустовскими рабочими. Видя, что сыск мало помогает делу, охр. отделение старается развести провокатуру. Так, теперь уже с достоверностью можно сказать, что рабочий жел.-дор. мастерских Иванов — провокатор. На-днях начальник охр. отд. посетил служащего электрической станции А. Л. Брайде (еврей), у которого был обыск одновременно с последними арестами и который несколько раньше едва не был выслан из Уфы. Теперь ему заявлено, что от характера показаний, которые он даст на предстоящем допросе, будет зависеть, останется ли он в Уфе, или нет, так как-де охранн. отделению известно кое-что об его участии в «организации» (?). Сношения с рабочими стали очень затруднительны, так как почти в каждом квартале есть «свой» шпик, да и дворникам даны надлежащие инструкции. Обыватели также ропщут на новые порядки — да и кому же понравится постоянное шныряние полиции по квартирам. Это — затея нового помпадура: учрежден адресный стол, почему и требуется неукоснительно исполнять правила по прописке вида каждого, чего здесь сроду не было.

26 сентября арестованы и на другой день высланы по этапу делопроизводитель страхового отделения губ. зем. управы Ильинский, заведующий оценочным отделением Бриллинг. На 5 лет в Архангельскую губ. сослан пом. прис. повер. Синицын. Днем или двумя позднее выслан на два года из пределов Уфимской и смежных с ней губерний агент страх. общ. «Надежда» Козлов. Синицын, по общему мнению, выслан за организацию защиты златоустовских рабочих. Говорят, губернатор имеет большие полномочия и обещает не церемониться ни с кем: вышвырнет из суда всякого, кто только посмеет пикнуть, как он сам выразился. Уфимцы в напряженном ожидании златоустовского процесса. В «Уфим. Губ. Ведомостях» от 30 сентября опубликовано обязательное постановление губернатора, воспрещающее сходбища, грозящее сугубыми карами за неподчинение полиции, запрещающее ношение огнестрельного и холодного оружия. Власти готовятся к позорному царскому суду!

Волнения в Закавказье по поводу передачи в ведение казны армянских церковных имуществ не прекращаются. Потерпев крупные неудачи в городах, где только благодаря физической силе удалось отобрать документы и денежные суммы некоторых церквей, встречая везде вооруженные сопротивления со стороны народа, правительство решило приступить и к Эчмиадзину, резиденции католикоса. Предварительно вся окрестность была заполнена войсками всех родов оружия, были арестованы мало-мальски подозрительные лица, всюду разосланы армии шпионов; все дороги, ведущие в Эчмиадзин, тщательно охранялись. Комиссия по приему имущества под охраной двух сотен казаков, роты солдат и стражников явилась к осажденному в своем монастыре католикосу за разрешением. Как бы циничны ни были служители самодержавия, им все же неловко было без получения согласия главы церкви, выбранного всем народом, приступить к выполнению своей хищнической миссии. Католикос принял их весьма торжественно и на просьбу их дать свое согласие

ответил: «Согласно присяге быть верным царю, я не могу отказать: но, согласно также присяге в верности своему народу, не могу передать». С этими словами он вышел из залы.

Не зная, что предпринять в самом Эчмиадзине, комиссия с вооруженной свитой направилась в соседние деревни, надеясь хоть там, путем угрозы, заставить подчиниться царской воле. Прибыв в село Ошакан, председатель комиссии, некто Виц, обратился к собравшемуся народу с сладкими речами, где указывал на пользу, которую армянская церковь получит от этой царской милости, благодаря умелому и добросовестному управлению, и кончил предложением поскорее передать имеющиеся имущество и деньги. Собравшиеся ему ответили, что, пока не будет разрешения от католикоса, никакой передачи не состоится. Видя, что мирные речи не производят никакого впечатления, он обратился к ктитору с требованием и с угрозами. Присутствовавший уездный начальник не замедлил сам вмешаться и даже дал последнему несколько пощечин. Но ничего не помогло. Арестовав ктитора и не добившись ничего, комиссия направилась в Аштарак (другое соседнее село). Наученные горьким опытом, что с народом ладить не легко, приемщики вызвали сельского старшину и потребовали ключей и документов. Тот, вместо ответа, снял с шеи свою цепь, передал ее уездному начальнику и отказался от должности. Несмотря на побои, он совершенно отказался подписаться под предлагаемыми ему протоколами. Такова же была встреча, оказанная царским чиновникам и в других деревнях. Вернувшись после такой неудачи снова в Эчмиадзин, комиссия на вторичную свою просьбу передать ей ключи от кассы, которые хранились у католикоса, получила отказ. Тогда, опечатавши кассу и составив протокол, она направилась в Эривань, где до сих пор бездействует. Что будет дальше — трудно угадать.

Но этими силами, находящимися под влиянием Эчмиадзина, не ограничивается оппозиция со стороны крестьян к исполнению закона 12 июня. Правительственная комиссия везде встречала возбужденную толпу, нежелание со стороны заведующих имуществами добровольно их передать, запертые церковные ворота и т. д. К этим протестам прибавилось еще негодование по поводу зверских убийств в Елизаветполе, Тифлисе, Баку, Карсе и др. городах Закавказья. Так, почти во всех деревнях Лорийского уезда были отслужены демонстративные панихиды по убитым во время последних событий, после которых провозглашалась анафема правительству, говорились речи, пелись национальные революционные песни. В некоторых местах были стычки с полицией. Например, в Джалалоглах хотели арестовать агитатора, но толпа отбила его силой, и он свободно направился продолжать свою работу в соседние села. Народные собрания, митинги в церквах сделались обычным явлением: в Ахалцыхском уезде собрания крестьян выносили резолюции о необходимости сопротивляться и, выбрав многочисленную делегацию, отправляли в город. Таким путем к 24 августа в городе собралась толпа в несколько тысяч человек, которая устроила в воскресенье митинг в церкви. Произносились зажигательные речи, покрываемые единодушными криками толпы: «Скорее умрем, чем допустим попирание наших прав!». Тут же приготовлена была петиция к католикосу, под которой подписалось около 10.000 челов. После такой широкой агитации неудивительно, что прием, оказанный чиновникам даже в самых глухих местах, был крайне враждебный. Там же, где кто-нибудь из сельчан, или в особенности священники, оказывали то или иное содействие комиссии, они подвергались жестоким побоям. Народ широко пользовался правом прогонять попов, и из нескольких сел уже изгнаны провинившиеся.

Довольно интересный инцидент был в Нахичевани-на-Дону во время приема имущества. Попечители, состоявшие из местных тузов, спокойно передавали комиссии счета и бумаги, когда громадная толпа, собравшаяся около церкви, выгнала из нее комиссию и своих толстосумов, отобрала у них ключи, заперла церковь и упорно не хотела разойтись, пока не прибыла военная сила. Прием имуществ не мог состояться.

Бывали случаи и отдельных убийств лиц, передающих добровольно вверенные им имущества комиссии. Так, в Эчмиадзине по решению, как сообщают, «Местного Армянского Комитета Самообороны», убит в воскресенье 5 сентября при громадном стечении народа один из подписавшихся под протоколом комиссии армянин Потэян, революционером из националистической партии «Дрошакистов» [12] Погосяном. Сам Погосян, видя невозможность спастись от преследующей его полиции, заколол себя. В селе Гутугули 15 сентября четырьмя револьверными выстрелами смертельно ранен священник Тер Гарегин, который явно занимался предательством. Убиты также стражник в Аштараке и городовой Дардиманов в Александрополе за шпионство. Там же убит русский священник Васильев за то, что грозил начать проповеди на русском языке в главном армянском соборе.

Одной из мер, принятых правительством для усмирения края, было об'явление о введении усиленной охраны еще в четырех гор. Закавказья: Шуше, Нухе, Карсе и Елизаветполе. Старое, но мало помогающее средство! Была и другая, весьма интересная мера: 6 сентября на улицах Тифлиса на двух языках (русском и армянском) была расклеена прокламация без подписи и заголовка. Она вывешена была и в полицейских участках. Цензор не разрешил ее перепечатать в газетах, да и сама прокламация на другой день была сорвана и до сих пор нигде вновь не появлялась. Вот текст этой прокламации, показывающей, что даже наше правительство поняло, что нельзя подавить народное движение физической силой, и начинает прибегать к «идейной» агитации: «В последнее время среди армянского населения Тифл. губ. злонамеренными людьми стали распространяться ложные сведения, чтобы посеять смуту. Эти лица стараются уверить население, что правительство хочет будто бы принять имущество армянских церквей, отобрав в свою пользу; что правительство собирается обратить всех армян в православную веру. Все эти слухи совершенно ложны и распространяются людьми злонамеренными для того, чтобы, во-первых, посеять среди темного народа смуту и беспорядки, могущие привести его к несчастью; во-вторых, при казенном хозяйственном управлении им нельзя будет без контроля правительства пользоваться этими имуществами. Во всей России, как государстве, где существуют и католики, и протестанты и магометане, ни католическое ни магометанское духовенство не управляют имениями своих храмов без правительственного надзора; но католики, магометане и протестанты имеют свои храмы, строят их, украшают их, исповедуют веру по своим церковным правилам и обрядам. Кому из армян не известны случаи споров и недоразумений по поводу управления церковными имуществами? Всех этих споров и недоразумений не будет с переходом армянских церковных имуществ в казну. Неверно утверждают злонамеренные люди, будто правительство совсем хочет отнять имущество у армянских церквей и монастырей. Казна только будет управлять всеми армянскими и церковными имениями, но все доходы с оных имений будут итти в пользу армянских церквей и монастырей. У казны будет это имущество гораздо целее, чем теперь. Всем хорошо известно, что никто никогда и ничего не терял, когда сдавал свое имущество на хранение казне». Сколько лжи и лицемерия! Видно, правительство постеснялось этой лжи, что не подписалось под прокламацией и не позволило перепечатать ее в газетах!

Совет предпринимателей. 9 июля с. г. заседало в С.-Петербурге «совещание представителей бумагопрядильных и ткацких фабрик». Главной темой обсуждения был вопрос о «сокращении часов работы по субботам на бумагопрядильных и ткацких фабриках с отпуском рабочих ранее, не делая обеденного перерыва». Присутствовали на совещании, кроме председателя общества Глезмера и членов совета: Веге, Кошурникова и Лебедева, след. представители от фабрик: Дуррандо и Бирс (Компания Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, и Товарищество Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры), Паль (Акционерн. общество Александро-Невской мануфактуры), Воронин и Скосырев (Акционерное об-ство мануфактур Воронин, Лютисш и Чешер), Трейсман (Товар. Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуры), Говард (Тов. «Нов. бумагопрядильни»), Пель (Тов. Охтенской бумагопр.) и Леонтьев (Товар. Российск. бумагопрядильной мануфактуры и Товар. ситценаб. фабрики бр. Леонтьевых).

Из опроса представителей выяснилось, что на некоторых мануфактурах уже теперь работы прекращаются по субботам в 5, в 4 и даже в 3 часа. Тем не менее после обмена мнений совещание пришло к тому выводу, «что ранее произведенное сокращение рабочего дня с 13 на 11½ час. не привело к ожидавшемуся результату — увеличению интенсивности работы — и на самом деле отразилось неблагоприятно на количестве производства; рабочая плата по отношению к производству увеличилась около 7%». Из этого опыта совещание делает следующий вывод: «В виду того, что есть основание предполагать дальнейшее сокращение часов работы вообще до 10 часов и что соответственно таким же образом для наверстания заработка возвысится дневная плата, необходимо отнестись и ныне к предлагаемому вопросу осмотрительно».

Итак, очевидно, сокращение субботнего рабочего дня окажется невозможным, потому что, как показал опыт, такого рода сокращение не сопровождается ростом интенсивности труда и фабриканты терпят «убытки». При переходе от 13 час. к 11½ заработная плата увеличилась относительно производства на 7%. Каким образом произошло это странное «увеличение»? Повидимому, «относительное увеличение» означает, что при *том же* заработке *количество* выработки при новом рабочем дне *уменьшилось* приблизительно на 7%; между тем рабочий день сократился на 11½% (с 13 до 11½ час.), откуда же взялась эта разница % или *относительное увеличение производства*? Очевидно только от роста интенсивности труда. Но г.г. фабриканты только тогда замечают рост интенсивности, когда вместе с нею растет абсолютная сумма барышей. По свойственной русским Тит Титычам хозяйственной близорукости и несообразительности они не понимают, что правильное соотношение между ростом интенсивности труда и сокращением рабочего дня возможно только при наличности известного уровня заработной платы, уровня, позволяющего рабочему пополнить *все* затраченные на работе силы. При нашей же низкой заработной плате в текстильной промышленности рабочий абсолютно не в силах восстановить истраченную энергию и вынужден разрушать свое здоровье на пользу фабриканта. Редкий рабочий в этой промышленности доживает до преклонного возраста. Где же взять сил для повышенной интенсивности?

Однако г.г. фабрикантам до этого дела мало, и они выносят по вопросу о сокращении субботнего рабочего дня след. постановление: «На основании всего изложенного, совещание постановило приступить осенью, с октября, к подробной разработке вопроса с тем, чтобы окончательно подготовить общее решение к 1 января 1904 г. До сего срока *никаких решений по данному вопросу не предпринимать* без предварительного взаимного о сем извещения».

Второй вопрос, выдвинутый совещанием, заслуживает особого нашего внимания: это вопрос об «аттестации» рабочих. В целях бойкота политически неблагонадежных элементов среди рабочих, совещание решило рассмотреть некоторые из существующих систем, как-то: систему книжек (существующую уже в Варшаве), систему *конфиденциальных списков в обществе*, сношения между фирмами посредством писем и т. п.

Наконец, третий пункт касается нового закона о старостах, относительно которого постановлено просить Совет общества: 1) выяснить, с какого срока вводится этот закон, 2) разработать однообразные для всех однородных фабрик разряды по специальностям, 3) выработать совместно и солидарно с фабричной инспекцией правила для старост. Кроме того, решено «выработать коллективное заявление о некоторых практических неудобствах этого учреждения, заставляющих фабрикантов уклоняться от его введения».

Эта *боевая организация* фабрикантов должна побудить и рабочих к такой же организации. Бойкоту неблагонадежных рабочих со стороны предпринимателей рабочие должны противопоставить свое оружие — *стачки*; солидарность, существующая между фабрикантами, должна только расширить *предел* стачек, превращая их из частных стачек на отдельных ф-ках в *общие стачки в целых отраслях промышленности*. И в этих стачках одно из центральных мест должна занять борьба против «аттестатов», против «черных листов», стремящихся парализовать революционное движение в самом корне.

К сведению и руководству.

М. В. Д. Секретно. Циркулярно.

Департамент полиции
По особому отделу.
26 мая 1903 г.
№ 5003.

Гг. губернаторам, градоначальник., обер-полицеймейст. нач. жандарм. губернск. и железнодор. полиц. упр., начальникам охранных отделений и на все пограничные пункты.

Производящимся предварительным следствием по делу об убийстве уфимского губернатора принимаются меры к установлению личности убийцы действ. ст. сов. Богдановича, а равно лиц, прикосновенных к означенному преступлению, с каковой целью начальник уфимского губернского жандармского управления, а также командированным по сему делу в г. Уфу отдельного корпуса жандармов ротмистром Бобровым посылаются отдельные требования для производства следственных действий в разных местностях империи.

Принимая во внимание, что означенное следствие может достигнуть благоприятных результатов лишь при совместной деятельности всех розыскных организаций, департамент полиции имеет честь покорнейше просить подлежащие власти не отказать в распоряжении, чтобы, в случае получения отдельных требований из Уфы от лиц, производящих следствие по вышеуказанному делу, принимались безотлагательно все зависящие меры к немедленному исполнению указанных в телеграммах следственных действий.

Подписал: за директора Зуев. Скрепил: за заведующего отделом Пешков. Верно: Помощн. дел. Саргани.

Заголовок тот же, от 22 мая 1903 г. за № 4896.

Отбывавшие наказание на каторге в Нерчинском заводе государственные преступники: бывший воспитанник ковенской фельдшерской школы, из мещан г. Углича, Николай Иванов Кочурихин и бывший дворянин г. Кейданы, Ковенской губ., Бронислав Александров Славинский, 15 мая 1903 г. бежали с каторги... Арестовать и препроводить под конвоем в распоряжение начальника Нерчинской каторги (Горный Зерентуй, Забайкальской области). Подп. дир. департ. Лопухин. Скрепил: за завед. отд. Пешков. Верно: помощн. дел. Саргани.

Заголовок тот же, от 1 мая 1903 г., № 4000.

Департамент полиции покорнейше просит подлежащие власти принять меры к выяснению места жительства возврат. из-за границы рисовальщика в типографии Верейского, Моск. губ. мещанина Пантелеймона Иванова Нечаева и по обнаружении его установить за деятельностью его и сношениями тщательное секретное наблюдение, уведомить о сем департамент.

На основании высочайшего повеления, последовавшего в 26 день декабря 1902 г., разыскиваемая циркуляром от 1 ноября 1902 г. за № 6900 австрийская подданная Софья Киприянова-Ясинская подлежит высылке, в качестве неблагонадежной иностранки, безвозвратно за границу...

Указанный в циркуляре от 1 января 1903 г. за № 1 адрес: «угол 2-й Солдатской и Трехбратского пер., д. № 48» относится к г. Смоленску.

Подписал: за дир. Языков. Скрепил: за зав. отд. Пешков.

*Список № 1**

лиц, подлежащих розыску по делам политическим.

1. Аксаметник, Мордух Давидов; 2. Аншкеневич, Вольдемар Янов, ос.; 3. Бам, Вульф Ицков, гл.; 4. Батушонский,

---

* Все поименованные лица подлежат аресту, за исключением тех лиц, против фамилий которых стоят буквы: **ос.** (подвергнуть особому надзору), **гл.** (подвергнуть гласному надзору) или **негл.** (подвергнуть негласному надзору). (Ред.).

Берко Яковлев, ос.; 5. Бегун, Арон Янкелев; 6. Борисенко, Николай Калинников, ос.; 7. Бродский, Ицко-Герш-Хаим Шулимов, ос.; 8. Вайнштейн, Арон Ицков; 9. Векслер, Лейба Сроль Мовшев; 10. Винников, Нохим Шаев, гл.; 11. Галкин, Владимир (в иудействе Исаак) Филиппов; 12. Гатовский, Гирш Вульф Янкелев (он же Гирш Абрамов Розин); 13. Гинзбург, Абрам-Бер Беньяминов, гл.; 14. Гольдфарб, Пельта Борухов, ос.; 15. Горовиц, Башева Шефтелев, 16. Гофман, Кусель Шевелев; 17. Гралляк, Станислав Юзефов; 18. Громов, Василий Филиппов; 19. Добржонский, Мовша Нохимов; 20. Дросио, Георгий Поликарп Викентьев; 21. Эпельбейм, Элиезер (Лейзер) Герцев; 22. Жогло, Алекс. Владиславов; 23. Заиончковский, Антон-Николай Густавов, д-р мед.; 24. Залмонзон, Берель Лейбов, ос. 25. Засловская, она же Кудрявцева, Раиса Павловна; 26. Зевина, Хана (Анна) Берковна; 27. Зусьмонович, Зельмон Меер.; 28. Иванова, Зоя Петровна; 29. Ивлиев, Василий Иванов; 30. Каган, Танхум Янкелев; 31. Коазоков, Иван Ефимов; 32. Контер, Ицко-Исаак Михелев; 33. Каспоров, Соркись Григорьев; 34. Кац, Мовша Мейлохов; 35. Качев, Мовша Ицков, ос.; 36. Кедрова, рожд. Дидрикиль, Ольга Август.; 37. Кедров, Михаил Сергеев (муж № 36), ос.; 38. Кессель, Бейла Пейсоховна, ос.; 39. Ковальчик, Владислав, ос. 40. Костовский, Мойша Борухов; 41. Котов, он же Климов, Николай Иванов; 42. Кремер, Ицка Янкелев; 43. Круликовский, Стефан Александров; 44. Кузнецова, Мария Ильина; 45. Кучменко, Пантелеймон Иосифов; 46. Липинский, Осип Иванов, ос.; 47. Литвиненко, Степан Зиновьев; 48. Лущенко, Николай Николаев; 49. Моркон, Ида Моисеевна, ос.; 50. Морозов, Петр Иванов, ос.; 51. Музылев, Тихон Петров; 52. Нагли, Абрам-Гирш Мееров, негл.; 53. Оленин, Михаил Васильев; 54. Пайкин, Юдель Здидов; 55. Пейсахзон, Исаак-Мордко Юдов; 56. Пиротинская, Фрейда Берковна, ос.; 57. Поляков, Иосиф Абрамов; 58. Ризник, Исаак-Абрам Хацкелевич, гл.; 59. Родин, Мовша Иоселев, гл.; 60. Рымирмон, Лейвик Берков, гл.; 61. Свержонская, Брайна Лейбовна, ос.; 62. Сегаль, Абрам Носелев, 63. Скоробоготько, Петр Иванов; 64. Сольц, Арон-Юдель Александров; 65. Станкевич, Александр-Циприян Викторов, ос.; 66. Стурто, Иван Федоров, ос.; 67. Сутковой, Александр Григорьев; 68. Таратута, Рухля Гершкова; 69. Теппер, Кальмон Иоселев; 70. Федоров, Прокопий Федоров; 71. Фельдман, Мошко Мееров; 72. Феркель, Александр Давидов Лейбов, ос.; 73. Фрейдин, Ефрем Израилев, негл. и ос.; 74. Фурмон, Евсей-Зискинд Ицков, ос.; 75. Хонин, Хаим-Дувид Симонов; 76. Черняк, Ицко Мордухов ос.; 77. Ческис, Борух (Борис Бенцион Аоронов ... известен был в одесской группе соц.-рев. под именем «Борис» и «Костя» ...); 78. Шапиро, Гнеся Мовшевна; 79. Шапиро, Самуил Давидов; 80. Швальберг, Арон Менделев, ос.; 81. Шкоровский, Дувид Нунилов, ос.; 82. Шнейдер, Залмон Гиршев; 83. Шницер, Эстер Абрамов, ос.

За зав. отд. Пешков.

М. В. Д.
Департамент полиции
По особому отделу.
1 июня 1903 г.
№ 5200.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губернаторам, градоначальник., обер-полицеймейст., нач. жандармск. губернск. и ж.-д. полиц. упр. нач. охр. отд. и на все пограничн. пункты.

Департамент полиции, препровождая при сем для зависящих распоряжений список разыскиваемых лиц и список лиц, розыск которых надлежит прекратить, имеет честь покорнейше просить подлежащие власти, в случае обнаружения кого-либо из упомянутых в первом списке лиц или получения указаний, могущих содействовать розыску их, уведомить о сем департамент.

... У одного из лиц, привлеченных к дознанию при киевском губ. жанд. упр. по обвинению в государственном преступлении, были обнаружены, между прочим, два следующие адреса: «Новая дорога, Садковская ул., соб. дом» и «Бендерская и Гостиная, д. Малятора, 50». В виду сего деп. просит принять меры к установлению, к какому именно городу могут относиться указанные адреса, и о последующем уведомить.

Упомянутую в циркуляре от 1 апреля 1903 г. за № 3300 павлоградскую мещанку Хаю-Рохиль Фрайвелеву Финкельштейн надлежит, по обнаружении ее местопребывания, обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение начальника жанд. управл. г. Одессы, о чем уведомить департамент полиции.

В виду облегчения розыска, при сем рассылается фотографическая карточка, в двух видах, помещенного в циркуляре от 1 января и 1 октября 1902 г. за №№ 111 и 6200 дворянина Михаила Николаева Леман.

Подп. дир. Лопухин. Скрепил: за завед. Пешков.

Список

лиц, подлежащих розыску по делам политическим.

1. Акелайтис, он же Акелевич, Иосиф-Антон Адамов; 2. Алексеенков, Павел Иванов, ос.; 3. Антропов, Сергей Васильев, арест... обратить особое внимание; 4. Беднорчик, Алекс. Юзефов; 5. Беркович, Эсниель, Моисеев, ос.; 6. Бирк, Мовша Ицков-Лейбов; 7. Волсер, Моисей Яковлев, ос.; 8. Гамгонидзе, Георгий; 9. Гешчашвили, Филлип Гаврилов, ос.; 10. Гурвич, Мордух-Илья Мовшев-Мозеров, ос.; 11. Дризд, Лейба Шлемов, ос.; 12. Евдокимов, Алекс. Андреев; 13. Избицкий, Уосель Мордухов; 14. Индлин, Давид Сендеров; 15. Каган, Абрам-Мовша Мейлохов, ос.; 16. Каминский, Фортунат Викторов, ос.; 17. Кон, она же Каган, Шевка Шемелева; 18. Левондовский, Адольф Петров, ос.; 19. Лейченко, Эстер Ирцева; 20. Лившиц, Анна Моисеевна, ос.; 21. Миллер, Павел Людвигов, инж. пут. сообщ.; 22. Нерсесов, Акон Арутюнов; 23. Ногин, Виктор Павлов, арест... обратить особое внимание; 24. Пикерский, Эля-Хойкель Ариев-Лейбов, ос.; 25. Плоткин, Лозорь Гиршов, ос.; 26. Подольмон, Кольмон-Элиев, ос.; 27. Рензин, Лейба-Эльев; 28. Родионов, Василий Анатолиев; 29. Рубинович (Рубонович) Элья Адольфов, фр. под.; 30. Скрыпниченко, Лавр. Ив., ос.; 31. Тимашев, Павел Степанов., ос.; 32. Тржцинский, Брон. Людв., ос.; 33. Фейгельштейн, Цодик Михелев, ос.; 34. Фрейгин, Нохим Гиршев, ос.; 35. Хитрик, Гирш Авсеев, ос.; 36. Хируг, он же Клячкий, Шимель-Давид Лейбов; 37. Цветков, Владимир Петров, ос.; 38. Чайников, Тимофей второй Лукин, ос.; 39. Чипек, Хаим Израилев, ос.; 40. Шварц, Ицко Срулев, ос. гл.; Шустер, Рубин-Рафаилов Целюхов; 42. Эткин, Мовша Мордухов, ос.

За завед. отд. Пешков.

Приложение к списку № 1 от 1 июня 1903 г. за № 5200.

1. Александров, Иван Платонович, ос.; 2. Батырев, Валентин Ив.; 3. Богданов, Григ. Викт., ос.; 4. Глотов, Яков Александрович; 5. Глушицкий, Вас. Антон., ос.; 6. Дрозник, Изр. Давид. Ицков, ос.; 7. Залманов, Мендель Моисеев; 8. Кальварийский, он же Морксон, Хемия Юделев; 9. Кестер, Микель Микелев, ос.; 10. Кравченко, Яков Георгиевич, ос.; 11. Маронин, Федор Петр., по обнаружении местожительства уведомить департамент; 12. Соболь, Шая Михелев, ос.; 13. Трейберг, Сруль Абрамов, ос.; 14. Фель, Ицко Абрамов, ос.; 15. Хитров, Иван Вас.; 16. Шварц, Илья Март., ос.

За завед. отд. Пешков.

М. В. Д.
Департамент Полиции
По III Делопроизвод.
3 июня 1903 г.
№ 8015.

Секретно.
Циркулярно.

Гг. губ., градонач., обер-полиц., нач. жанд., губ. и жел.-дор. полиц. упр. и во все погр. пункты.

По сообщению начальника Петровского губернского жандармского упр. в ночь с 8—9 мая в дер. Домброво, Петроковской губ., на механическо-литейном заводе «Огниск» неизвестными злоумышленниками была разломана дверь конторы и похищены 24 паспорта рабочих, выданные разными учреждениями на имя крестьян: 1. Гмины Поремба Матеуша Голя, 2) Стагницкого у. Ивана Дулинского, 3) Гинчаковского у. Августа Цирляка, 4) Ченстоховского у. Блоссжея Зембы, 5) Бендинского у. Юлиана Невроза, 6) Стопницкого у. Войцеха Счеснека, 7) Генриха Легомского, 8) не разобр., 9) Келецкой губ. Феликса Леха, 10) Стопницкого у. Ивана Петровского, 11) Олькушевского у. Лукаша Гадека,

12) австрийского подданн. Бронислава Маевского, 13) Меховского у. Петра Плютецкого, 14) Бендинского у. Леопольда Вольфа, 15) Стонницкого у. Ивана Клепого, 16) Мацея Дворака, 17) Оронца Друждзь, 18) Томаша Очковского, 19) Вогоцлавского у. Станислава Пятлциса, 20) Андреевского у. Людвига Прокма, 21) Сигизмунда Герша, 22) Томаша Соха, 23) Воинский билет Ивана Редащо и 24) Станислава Щепонского.

Кроме того по сообщению того же начальника, в ночь с 13 на 14 мая у дорожного сторожа при станции Заверце Варшаво-Венской ж.-д. похищено 9 паспортных бессрочных книжек, выданных: 1) Петроковской губ. и у. д. Юзербвы Антону Влоку, 2) Казимиру Оляско, 3) Яну Кукульскому, 4) д. Рузин Яну Рукинскому, 5) д. Сладовице Вдаму Мозбиру, 6) Петру Лотомцу, 7) Августу Нильднеру, 8) Новорадомского у. Антону Гругейцогу, 9) Всющовского у. Антону Писарскому.

Принимая во внимание что означенными документами могут воспользоваться неблагонадежные лица для преступных целей, деп. пол. просит подлежащие власти принять зависящие меры к розыску документов и в случае обнаружения лиц с обозначенными документами задержать, принять меры к установлению их самоличности, уведомив о сем деп.

Подп. дир. деп. Лопухин.

Скреп. делопр. Лемтюжников.

Одесса *. В течение последних месяцев, сидящие в Одесской тюрьме ведут непрывную борьбу с тюремной администрацией, которая употребляет все усилия, чтобы сделать жизнь политических невыносимой. «Приходится следить в оба, — пишет один из наших корреспондентов, — чтобы сохранить тот режим, который установился здесь после долгой и тяжелой борьбы. Немало сил и времени отнимает такая мелкая, ежечасная борьба со всеми этими солдатами, продавшими свою душу за мундир. Но иначе нельзя. Стоит пропустить без протеста малейшее поползновение их на наши права, как грубость, всяческие стеснения и самый бесцеремонный произвол начинают давить вас как мертвая петля».

18 августа в тюрьме произошло страшное избиение политических. Дело произошло так. Один из заключенных, 17-летний юноша, на прогулке вынул красный платок и начал им размахивать. Его посадили на 2 дня в карцер. Остальные заключенные, узнав об этом, отрядили одного из заключенных в контору с требованием, чтобы заключенный в карцер был выпущен в виду того, что не имеет никакого смысла сажать в карцер за такие пустяки. Начальник тюрьмы ответил, что ему нет дела до мнения политических. Тогда все решили протестовать. Единственным средством протеста был стук. Но, как только начался стук, в камеры ворвалась стая надзирателей, во главе с начальником, — и началось избиение. Били кулаками, ногами, веревками, шашками, душили и били головой об стену... А затем всех связали. Многих избили до полусмерти, и они до следующего дня оставались в бессознательном состоянии. Все это происходило часов в 8—9 вечера, а в 12 часов в тюрьму явились градоначальник и прокурор и обошли камеры. На все заявления избитых, которых тут уж развязали, они отвечали фразами вроде: «это еще мало, вас нужно еще и убивать» или «за то, что вы сделали, и вас можно немножко обидеть». Через два дня у всех избитых (около 40 чел.) были отняты письменные принадлежности и им было об'явлено, что они лишаются свиданий на 2—3 недели.

Рига. 17 августа у нас произошла небольшая демонстрация. В этот день отправлялась на место ссылки (в Сибирь) партия политических (латышей и евреев) около 10 человек. Ко времени прибытия партии на вокзал около него собралась толпа около 200 чел., по преимуществу латышских рабочих. При появлении высылаемых толпа, окружив конвой, приветствовала товарищей криками: «ура» и «долой самодержавие!» Немногочисленная полиция, пытавшаяся разогнать демонстрантов, была отброшена, и толпа, выломав двери вокзала, прорвалась на платформу, где ее встретили станционные жандармы с обнаженными шашками. Произошла схватка. Жандармы рубили безоружную толпу шашками, рабочие защищались кулаками и палками. После непродолжительного сопротивления толпа была рассеяна. Несколько рабочих были ранены шашками, сильно избит городовой и жандарм, основательно помяли жандармского офицера, спасшегося только благодаря быстроте ног; произведено несколько арестов.

* Опоздало по недостатку места.

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Новая мера «пресечения» — высылка за границу, недавно введенная русским правительством в Финляндии, практикуется очень широко. В последнее время высланы таким порядком: бывш. асессор абоского гофгерихта Лундениус, д-р фил. А. Неовиус (один из редакторов закрытой в 1900 г. газеты «Nya Pressen»), уволенный весной т. г. бургомистр г. Ловизы Г. Кулефельт, бывш. нотариус выборгского гофгерихта В. Фругельм, один из самых крупных финляндских землевладельцев гр. Г. Ф. Креутц и его сын студент К. Г. Креутц, управляющий одним имением близ г. Борго Н. Монссон (шведский подданный), редактор Сундблюм, отставной капитан К. Фрасер (владелец гостиницы на Иматре) и отставной фискал выборгского гофгерихта Бромс. Уже из этого списка видно, что перечисленные лица ничего не могут иметь общего с т. наз. «кагалом» и подпольной агитацией. По большей части это бывшие финляндские чиновники, уже пострадавшие за свой протест против нарушения конституции русским правительством. Теперь они подверглись вторичной каре. Высылки сопровождались тщательным обыском. В легальных газетах писать о них воспрещается, поэтому появлялись только лаконические заметки: «За границу!» «N.N. в течение семи дней выезжает за границу». Эмигрировавший за границу бывший домпробст (духовный сановник) А. В. Валлин подал финляндскому сейму — вероятно, под давлением архиепископа и проч. духовенства — покаянное прошение, где просит о разрешении вернуться на родину, раскаивается в своих прошлых заблуждениях и обязуется не противодействовать более мероприятиям правительства. Вот плоды разврата, внесенного в Финляндию Бобриковым и К°; надо еще заметить, что Валлин принадлежит к числу немногих светлых исключений в среде раболепствующего духовенства.

Однако, ставленники правительства не брезгают и самыми элементарными приемами политического разврата. Недавно губ. Кайгородов, воспользовавшись ложным доносом какой-то бабы, подверг настоящей нравственной пытке ни в чем неповинного комиссионера курорта в Ловизе Пюдена. Он долго запугивал его тюрьмой, ссылкой и кончил предложением поступить на службу в полицию. Характерно, что русские дачники хлопотали перед губернатором за Пюдена, и он милостиво согласился оставить его «пока» в Ловизе. Но было уже поздно: несчастный Пюден захворал от всех этих треволнений воспалением мозга и умер. В том же злополучном городе Ловизе пустячная ссора русского чиновника с финляндкой послужили поводом к присылке трех

русских городовых с комиссаром (околоточный тож) и нескольких сыщиков.

Меры руссификации обогащаются все новыми и новыми образцами. Так, с первого окт. (нов. ст.) в хозяйственном департаменте финляндского сената дела докладываются на русском языке. Председательствует на общих заседаниях один из палачей русских революционеров и финляндской свободы, Дейтрих. В Петербурге скоро откроет свои заседания особая комиссия, которая должна заняться вопросом о введении в Финляндии русской монеты. Или вот еще перл руссификации: гельсингфорский полициймейстер постановил (об'явление 8 окт. н. ст.), чтобы с начала зимнего сезона все гельсингфорские извозчики... оделись по образцу русских извозчиков! Маскарад этот, между прочим, имеет свою историю. Года два тому назад пытались уже ввести эту «реформу», но те немногочисленные извозчики, которые послушались «начальства», подверглись немедленно единодушному бойкоту публики и должны были скоро переодеться опять в европейское платье.

Как ни жалок теперь состав финляндского сейма после того, как лучшие сеймовые деятели пошли в изгнание, правительство все-таки не рискует доверять ему; недавно было «официально» об'явлено, что сейм 1904 г. будет созван царем лишь в том случае, если к тому времени будет водворен на «окраине» надлежащий «порядок». Из этого можно с уверенностью заключить, что сейм созван не будет.

Из области административных мероприятий в защиту «общегосударственных интересов» заслуживает внимания дело Сольмана. Брандмейстер Сольман судился абоским ратгаузским судом по обвинению в распространении среди пожарных непропущенной цензурой литературы и был приговорен к штрафу в 200 марок. Тем не менее после суда он снова был отправлен в тюрьму, где и содержится якобы по обвинению в преступлении против «величества», хотя не последовало еще никакого «высочайшего» распоряжения о возбуждении этого обвинения.

Конечно, все эти мелкие и крупные насилия и злоупотребления вызывают в правительстве боязнь отпора со стороны угнетаемых и возмущения общественного мнения Запада. И вот оно издает распоряжение, ограничивающее продажу и употребление огнестрельного оружия военного образца, или, как недавно нюландский губернатор, велит запасаться разрешением полиции на хранение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. С другой стороны, оно «лжет за двух» устами Плеве в ответ на известное письмо Стэда, стараясь убедить Европу, что случайные, «временные проявления» русской политики в Финляндии нисколько не нарушают «основные принципы» «автономии», что русским правительством руководит только соображение о «благе подданных» и т. п.

Эта грубая политика насилия должна будет в конце-концов убедить финляндских патриотов, что бороться с правительством на почве «лойяльности» дольше невозможно, что только подпольная борьба, и притом борьба революционная, в связи с широким освободительным революционным движением российского пролетариата, сможет возвратить финляндскому народу вырванные у него русским правительством гражданские права.

(По независящим от редакции обстоятельствам обещанное в прошлом № продолжение программы Финляндской Соц.-Дем. Партии запоздало и не могло быть помещено в этом №).

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка типографщиков в Москве.* Брожение и недовольство среди типографских рабочих началось уже давно. Продолжительный рабочий день (с 7 до 7½ при 1½-часов. обеденном отдыхе), недостаточный заработок (средний рабочий 1 рубль 10 коп. — 1 р. 25 коп. в день), вредные для здоровья условия труда при отсутствии гигиенических мер и врачебной помощи—все это накопляло недовольство и подготовляло стачку. Первые сходки рабочих начались еще за неделю до забастовки, однако только с 7 сентября стали устраивать правильные собрания и разрабатывать требования. На сходках бывало по 300 — 500 чел., они устраивались одновременно в разных местах, причем на каждой обязательно присутствовали представители от всех типографий, хотя бы по одному человеку. Требования, выработанные накануне забастовки, следующие: 1) сокращение рабочего дня до 9 часов днем и 8 ночью (2 часа на обед); 2) повышение жалованья до 20%, а сдельной платы до 18 коп. с 1.000 букв; 3) особая плата за корректуру; 4) прогрессивно растущее вознаграждение мальчиков-учеников (ко дню выхода в мастера 35 руб.); 5) постоянный фельдшер в типографии, где свыше 15 человек, еженедельный визит врача, бесплатные лекарства; 6) тождество расценок и условий во всех типографиях; 7) отмена штрафов за опоздание; 8) введение рабочих старост по закону 1 июня сего года; 9) уничтожение посредников между рабочими и предпринимателями; 10) новые условия должны быть подписаны всеми хозяевами и фабричным инспектором; никаких частных переговоров с отдельными владельцами типографий не будет.

Полиция знала заблаговременно о готовящейся стачке. 6 сен. охранное отделение затребовало из всех типографий подробные сведения о рабочих; в управления железных дорог было об'явлено, что, в случае сильного спроса на билеты в какую-нибудь пригородную местность со стороны рабочих, продажу билетов приостановить и сообщить по телефону в охранное отделение. Однако этот маневр не удался: рабочие собрались на татарском кладбище и у Симонова монастыря. Первая сходка была открыта полицией и рассеяна, вторая прошла благополучно.

Стачка началась 9 сентября в 12 час. дня. Первые бросили работу наборщики типографии Яковлева и пошли по мастерским, созывая товарищей присоединиться. Одна за другой бастовали все типографии и литографии вплоть до самых маленьких с 3—4 рабочими; присоединились также и женщины-наборщицы из типографии Е. Гербек. Толпа в несколько тысяч человек, собравшаяся на Тверском бульваре, направилась оттуда вдоль по бульварам в Ваганьковский переулок к типографии «Московского Листка». После коротких переговоров наборщики «Моск. Лист.» присоединились к стачечникам; попытка конных жандармов воспрепятствовать этому и оттеснить толпу во двор не привела ни к чему. Толпа стройно направилась обратно к Тверской. Порядок и выдержка рабочих образцовые. Лучшее доказательство — это то, что полиция, при всем старании, не смогла вызвать беспорядков. Всего бастуют 15.000 человек.

10 и 11 сентября вышли только «Московский Листок» и «Русский Листок», типографии которых охранялись полицией; в «Моск. Лист.» работали мальчики-ученики и до-

* Приводим, в дополнение к сообщениям в № 49, более подробный и систематический рассказ о выдающейся московской стачке.

ставленные полицией золоторотцы; рабочие дневали и ночевали в типографии. 12 сентября появились «Моск. Вед.»[13] и «Русск. Вед.». Перед лицом рабочего движения обе редакции подали друг другу руки и испросили у военных властей солдат-наборщиков: только благодаря этому обе газеты и могли появиться.

Момент для стачки выбран был самый удобный: к началу сезона типографии завалены заказами. Поэтому владельцы типографий поспешили устроить экстренное совещание при совете «Общества деятелей печатного дела», с целью обсудить требования рабочих. Но перед этим полиция попыталась употребить «свои средства»; она предложила нанимателям рассчитать всех рабочих, обещая разослать их по этапу на родину. Когда это было отвергнуто, Трепов попробовал запугать рабочих непосредственно, угрожая тем, кто не станет на работу на старых условиях, высылкой на родину. Но и здесь он встретил отпор.

На экстренных собраниях владельцев типографий (9 и 11 сентября) принято было сокращение рабочего дня до 10 часов и повышение сдельной платы до 18 коп. за 1.000 букв. Остальные требования не удовлетворены. Это решение внесло раскол в ряды стачечников: работающие сдельно стали с 13-го на работу, служащие на постоянном жалованье бастуют. Стачка произвела громадное впечатление и считается безусловно удачной; бодрое настроение типографщиков заражает рабочих других специальностей, и уже есть слухи о движении на фабриках Жако, Прохоровской и др. Вместе с тем стачка эта поражает своей выдержанностью и мирным характером: за четыре дня 15.000-ной толпой побит только один городовой да известный москвичам пристав Ермолов, которого обязательно бьют при всякой демонстрации. Есть сведения об убийстве в Чернышевском сквере наборщика из «Моск. Вед.», якобы за штрейкбрехерство. Подробности этого факта нам неизвестны.

Побежденные предприниматели не пали духом и скоро сообразили, что для сохранения старых барышей необходимо об'единиться, сойдясь на общем для всех их тарифе расценок и переложить повышенные «издержки производства» на потребителя. Вот результаты совещаний их по этому вопросу, формулированные на собрании 23 сентября и отвечающие, по их мнению, «интересам владельцев типограф. заведений, рабочих и публики»: 1) в типографиях и литографиях устанавливается одинаковая продолжительность ежедневных работ, сокращенная до нормы в 10 ч.; 2) одновременно с этим вводится новая общая расценка труда рабочих, повышенная до 20—50% согласно определенной табели на плату за разные работы: сдельные, поденные и др.; 3) принимая во внимание вышеизложенное, необходимо соответственно возвысить цены на заказы... Во избежание недоразумений будут установлены общие нормы стоимости работ... Эти нормы послужат всем типографиям основанием для смет на работы... Собрание приняло эти три пункта, заменив во втором слова «повышенная до 20—50%» словами «значительно повышенная» («Русск. Вед.» № 262 *).

Таковы положительные результаты стачки, не обошлось и без отрицательных: во время стачки выслано на родину до 1.500 человек; говорят, одна группа была загнана в манеж и избита, но это слух непроверенный.

P. S. Статья уже была набрана, когда мы получили дополнительные сведения. Инициатива стачки, как оказывается, исходила от «независимых»; поэтому сравнительно легко удавались собрания, и на них, говорят, присутствовали агенты с фотографическими аппаратами, которые и снимали рабочих ораторов, говоривших на политические темы. Заметив это, сознательные рабочие ускорили стачку на две недели и этим спасли дело. Впоследствии движение перешагнуло черту «экономических» требований «независимых».

Из всех предпринимателей хуже всего держал себя Левенсон, долго не уступавший на собрании и потом пытавшийся отделаться от рабочих пустыми обещаниями. Однако те настояли на составлении письменного договора.

Относительно роли «Русск. Вед.» пишут, что солдаты наборщики явились в типографию не по приглашению редакции, а по приказу Трепова. Как ни странна такая особенная забота Трепова о «Русск. Вед.», эта роль «угнетенной невинности» едва ли сильно умалит заслуги этой газеты в деле борьбы с рабочим движением.

Петербург. 15 или 16 сентября служащие главного почтамта нашли столы этого учреждения усеянными прокламациями, приглашающими почтамтских служащих отказом от работы изменить поистине каторжные условия их труда. Прокламация, по заявлению служащих, составлена неудачно и человеком, мало знакомым с действительным положением дел в почтамте. Днем для начала стачки было назначено 17 число. И действительно, 17 числа большинство женщин, а также многие низшие служащие (сторожа, упаковщики и др.) на работу не явились. Испортили все дело г.г. «чиновники», несмотря на 18-часовой день при нищенском жалованьи до сих пор преданные «начальству». А последнее было весьма смущено как прокламациями, так и забастовкой. Несколько ободрилось оно благодаря поддержке тех, которые имеют жалкие «чины» и петлицы. Сторожа были рассчитаны. Что ждет бастовавших женщин, — неизвестно. Чиновники вскоре после этого получили по почте письма с приглашением принять участие в стачке. Отказывающимся грозят насилием.

Петербург. (Из письма рабочего.) Один из рабочих фабрик концертных пианино Оффенбахера нам пишет:

«3 августа у нас было вывешено об'явление о том, что работы будут производиться не так, как раньше — с 7 ч. утра и до 6 ч. вечера, а с 7 и до 7. Я, автор этого письма, принялся усердно агитировать товарищей о выражении протеста общей стачкой, и вот 7 августа, в 6 ч. вечера, в обычное время окончания работ, звонка не последовало; тогда агитированные мною товарищи оделись и побежали по отделениям фабрики с криком «бросай работу!» И все единодушно разошлись по домам. На следующий день, т. е. 8 августа, дело произошло так же, а на третий день явился эксплоататор Оффенбахер и заявил всем расчет, на что все согласились. Работы продолжались до 13 августа до 6 ч. вечера, уходили без звонка, а 13-го администрацией был дан звонок в 6 ч. вечера. Так идет и по настоящее время. Из этого можно заключить, что победа за рабочими.

Пущенные по фабрике прокламации С.-Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. к семянниковским рабочим о встрече державного вампира и прокламации по поводу избиения интеллигентов товарищей в Кресте вызвали среди рабочих возмущение против правительства. На фабрике нет ни одного человека, состоящего в организации».

Из Донецкого бассейна. Юзовский металлургический завод. В течение сентября в Юзовке состоялось несколько сходок, на которых присутствовало по 50—80 человек заводских рабочих и ремесленников. На сходках произносились речи на различные темы. Особенно интересна сходка, в которой участвовало до 80 человек. Вот темы речей: о рабочем движении в России, о милитаризме, как держать себя на допросах, об антисемитизме, о Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии. Во время сходки над оратором развевалось красное знамя с надписью: «Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день», «Да здравствует социализм». Собрание длилось четыре часа и прошло чрезвычайно весело и оживленно. В заключение была принята следующая резолюция: «Мы, все присутствующие на сегодняшнем собрании, крайне возмущены и выражаем свое негодование и всю свою ненависть к царскому правительству за его гнусную роль и избиение евреев в Кишиневе и Гомеле, за массовое расстреливание наших товарищей рабочих-стачечников в Киеве и Екатеринославе, в Керчи и Батуме, в Одессе и Николаеве, в Елисаветграде и Ростове; за смертные приго-

* Принятие всеми типографиями однородных тарифов по необходимости вызовет повышение заработка рабочих, служащих на постоянном жалованье и не добившихся этого повышения во время самой стачки.

воры ростовским манифестантам в Таганроге. Мы выражаем полное, искреннее сочувствие свое нашим товарищам в их геройской борьбе с ненавистным чудовищем царским самодержавием, которое душит все живое, честное, стремящееся к братству и равенству всех народов. Мы клеймим такое правительство вечным позором! Смерть ему!.. Мы протягиваем всем угнетенным нашу рабочую руку в их борьбе с царским самодержавием!» Бывшая здесь стачка заготовщиков и тандетниц выиграна. У заготовщиков рабочий день сокращен (вместо 16 часов — 12 часов.), повышена заработная плата, уничтожены контракты и проч. Тандетницы тоже выиграли. Настроение среди ремесленников возбужденное. На шахтах и среди ремесленников распространяется много прокламаций.

17 сентября на Юзовском заводе, в мелкосортном цехе, вспыхнула стачка, к которой вскоре присоединилась часть механического цеха. Всего в стачке приняло участие до 200 чел. Вызвана была стачка угрозой заводоуправления понизить расценки. Благодаря безобразным условиям труда на заводе, стачка грозила перекинуться в другие цехи и сделаться всеобщей. Поэтому Соц.-Дем. Союз Горно-Заводских Рабочих [14] поспешил издать прокламацию с призывом ко всеобщей забастовке, но заводоуправление, испугавшись надвигающейся грозы, взяло свою угрозу обратно, и стачка на шестой день прекратилась. Местный Комитет Союза успел использовать этот момент и послал своего оратора на сходку стачечников возле заводской конторы. Приводим некоторые выдержки из этой речи, которая на стачечников произвела сильное впечатление: «Братья, настал великий момент в нашей жизни. Еще вчера мы безропотно гнули свои спины, покорно сносили гнет и издевательство заводской администрации; еще вчера нас, рабочих, приравнивали к вьючным животным... Ныне же мы все, как один человек, бросили работу и не хотим больше подставлять свои спины под бич кровопийц-хозяев и грубых мастеров.. Посмотрите! ваши товарищи в других городах об'явили уже нашим тиранам-кровопийцам беспощадную войну. Нет почти ни одного уголка, где бы рабочие не устраивали стачек или демонстраций. Они знают, что улучшение их положения зависит от их сознательности, от их борьбы. Они стояли горой в борьбе с хозяевами и правительством. Помните, товарищи, что перед нами лежит такая же задача! Мы должны бороться, мы должны улучшить свою каторжную жизнь... Посмотрите, — говорил оратор дальше, указывая рукой на завод, — эта громадина с вечно пылающими печами — завод, где мы выплавляем миллионы пудов стали и железа. Разве это наше? (в толпе: «нет, нет!»). Эти рудники, где ценой своей жизни наши братья-рабочие доставляют богатства... Кому? Разве нам? («нет, нет!»). Это присваивают себе наши хозяева, кровопийцы, которые, сами ничего не делая, заставляют нас трудиться на них, чтобы иметь возможность пьянствовать и развратничать. Братья! Довольно нам горя, довольно сносить все обиды! Мы уже натерпелись. Будем вести начатую борьбу, будем требовать, а не просить добытые нашим потом и кровью богатства. Восстаньте же, товарищи, на борьбу с хозяевами! «Один за всех и все за одного!».

Стачка вызвала брожение во всех цехах и на шахтах. Все рабочие с нетерпением ждут листков с разоблачением порядков, царящих на заводе. А порядки действительно дикие. Вот некоторые данные. В доменном цехе, несмотря на то, что было пущено три новых домны, число рабочих осталось прежнее. За один рубль рабочие должны в течение 12 часов работать в адской атмосфере, температура которой доходит до 60 градусов. Многие не выдерживают и падают в обморок. Их обливают водой и заставляют опять работать. При коксовых печах приходится работать в вечном огне. Жара и пыль невыносимые. Работа в две смены по 12 часов. Поденная плата за этот каторжный труд — один рубль. Рабочие терпят страшные притеснения от старшего десятника Шевченко, которого за лютость и свирепость прозвали «крокодилом». Шевченко, кроме того, облагает рабочих целым рядом налогов в свою пользу. В механическом цехе заработки доведены до 70 коп. в день. То же и в токарном отделении. Число рабочих в котельном цехе сокращено вдвое при сохранении прежней платы (один рубль в день). Чернорабочие за грошевое вознаграждение вынуждены работать сплошь всю неделю, не имея даже праздничного отдыха. Рабочие подрядчика Свинцова, работающие при нагрузке и выгрузке руды из вагонов, выгружают каждый ежедневно шесть-семь вагонов (в вагоне 750 пудов). Рабочий день от пяти часов утра до шести час. веч. Получают за этот непосильный труд летом 80 коп., а зимой — 60 коп. В кирпичном сарае работают девушки в возрасте 14—18 лет и мальчики. Каждая обязана сделать не менее 600 кирпичей в день, получая по десяти коп. с сотни. Не остается времени для завтрака и обеда. Особенно тяжело положение мальчиков, отбивающих шлак от старого кирпича. Летом и зимой приходится работать на дворе. Получают 30—40 коп. в день.

Бердичев. На столбцах «Искры» корреспонденция из нашего города, насколько мне известно, является впервые, поэтому, желая говорить о событиях последних дней, я должен слегка коснуться бердичевского рабочего движения в общем. Движение в нашем городе еще сравнительно молодое. Началось оно года три тому назад под знаменем «Бунда» и за это время успело разрастись довольно широко. К сожалению, этого нельзя сказать о глубине нашего движения. Если оно разрослось вширь, то только потому, что оно преследовало и преследует еще и поныне главным образом экономические цели — улучшение материального положения трудящегося класса, а необычайная эксплоатация, господствующая у нас, способствует довольно широкому распространению движения. Но, захватывая массу все шире и шире, движение остается весьма поверхностным, слабо проникая вглубь, слабо развивая классовое самосознание рабочих — сознание своих особых интересов как класса, отличного от класса хозяев. В отношениях между рабочими и хозяевами господствует полная патриархальность, которая об'ясняется прежде всего тем, что у нас нет крупной фабрично-заводской промышленности, и вся рабочая масса сосредоточена в бесчисленных мастерских и мелких фабриках, принадлежащих мелким предпринимателям. К сожалению, местная организация очень мало делает в смысле уничтожения такой патриархальности и поднятия классового самосознания среди массы. Особенно страдает у нас политическое развитие массы; политическая агитация, можно сказать без преувеличения, почти сведена к нулю. Это можно видеть из демонстрации, происшедшей у нас в апреле. Из всей организованной массы, насчитывающей до 1.000 человек, в демонстрации приняли участие всего чел. 40 рабочих; большинство же демонстрантов составляли интеллигенты. Неудивительно, что демонстрация была неудачна; при первом появлении полиции все разбежались. Таким образом шествие с знаменем продолжалось всего каких-нибудь десять минут и того меньше. Когда рабочих упрекали за их отсутствие, большинство отвечало, что им никто не об'яснил, что такое демонстрация, зачем и к чему она, каково ее значение; как же от них требуют пойти на то, о чем они и понятия не имеют? Этот случай наглядно показывает, что политическая агитация среди массы велась очень вяло и слабо, никакого улучшения в этом смысле не замечается и до сих пор. Перехожу к событиям последних дней. Грандиозные события, разыгравшиеся в Киеве, Одессе и др. городах, заметно волновали и электризовали массу, вызывая в ней как-то стихийно напряженное состояние и возбуждая стремление чем-нибудь выказать свое сочувствие борющимся товарищам. Такой случай скоро представился, но, к сожалению, он вовсе не был использован местной организацией.

В воскресенье 3 августа (ст. ст.) в местной еврейской больнице умер рабочий. Рано утром толпа рабочих в 400 человек собралась пред больницей в ожидании похорон. Менее многочисленные группы образовались по другим улицам и переулкам по пути к еврейскому кладбищу. Замечательно, что все это произошло как-то стихийно, без чьей-либо инициативы и плана. Полиция всеми мерами старалась разогнать толпу, отрезать и не давать соединиться отдельным кучкам, и это ей удалось. Все-таки толпе в 100 человек рабочих удалось пробиться на самое кладбище и присутствовать при погребении. На обратном

пути у ворот кладбища эта кучка сплотилась и с криком: «долой самодержавие!» и пением «Марсельезы» хотела двинуться в город, но тут появилась полиция с полицмейстером верхом на лошади. Последовала маленькая стычка. Кто-то схватил полицмейстера за ногу и едва не стащил с лошади; другие завязали борьбу с городовыми; вдруг полиция стала стрелять в толпу из револьверов. Выстрелы были холостые, но они достигли цели: испуганная толпа рассеялась; при этом арестовали несколько человек, которых однако скоро выпустили. До трех часов нигде не работали и в городе господствовало необычайное оживление. Масса была очень недовольна организацией, что она не использовала этот случай. Организация же оправдывалась тем, что она не ожидала такого «боевого настроения» среди массы... Чтобы поднять свой престиж в глазах рабочих, организация решила устроить всеобщую однодневную забастовку для выражения своих чувств солидарности и единодушия с борющимися товарищами в Одессе, Киеве и друг. городах. По этому поводу были выпущены прокламации на русском и еврейском языках. Местная «Группа революционных социал-демократов», которая недавно образовалась, выступив из организации «Бунда», в виду недовольства ее деятельностью, выпустила также по этому поводу гектографированные прокламации на русском языке и на жаргоне, а в самый день забастовки, во вторник 12 августа, рано утром распространили по всем мастерским карточки с призывом бросить работу. Бастовало тогда около 1.500 человек. Однако забастовку должно признать неудачной, так как на более крупных заводах, где работают, главным образом, русские рабочие, работа не была приостановлена. Весь день город был в большом волнении — ожидали демонстрации. По улицам были расставлены усиленные полицейские караулы. Народ толпился на тротуарах, и полиция, разгоняя его, задерживала подозрительных ей людей и отводила в участок. К вечеру в переулке возле старого еврейского кладбища собралась толпа рабочих в ожидании демонстрации. Полиция всячески старалась разогнать толпу, но это ей не удавалось. Особенно свирепствовал старший городовой 1-го участка. Он всячески набрасывался на толпу, выхватывал отдельных людей и уводил в участок. Чтобы отбить товарища, которого полиция задержала, один рабочий ударил старшего палкой по голове и нанес ему тяжелую рану (носятся слухи, что он при смерти). Чтобы рассеять толпу, прибегли также к холостым выстрелам. Вообще настроение к вечеру было очень напряженное; все чего-то ожидали, но ничего не дождались. Организация и на этот раз не воспользовалась «боевым настроением» массы и этим возбудила всеобщее недовольство и ропот против себя. Арестовали в тот день двух интеллигентов, а из толпы поодиночке выхватили человек 15, которых ночью же выпустили. На другой день опять все приступили к работе, и жизнь опять потекла своим обычным руслом.

М. Копысь, Могилевской губернии. Вряд ли многие из читателей знают о существовании такого местечка. Затерянное в глуши, оно еще недавно было одним из типичных еврейских захолустьев нашего края.

Но за последние годы новые мысли, новые взгляды проникли и к нам.

Тщетно ходят городовые к русским рабочим и упрекают их в том, что они бросили пить; напрасно старики евреи и местные сионисты пророчат беду еврейской рабочей молодежи, забросившей религию. Их никто не слушает... и старые заунывные песни сменились бодрыми революционными гимнами.

Растет и крепнет революционное сознание и настроение массы, вместе с тем растет и спрос на революционную, а также и на общую научно-популярную и беллетристическую литературу. Каким образом произошел этот переворот? Года три тому назад на местных кафельных заводах, круглый год занимающих около 1.200 рабочих, возникла всеобщая забастовка, носившая совершенно стихийный характер. Некоторые требования рабочих были удовлетворены. С этих пор с местечком завязались сношения, туда стала проникать литература, листки, и через два года как первый осязательный результат политической пропаганды в апреле состоялась демонстрация. Ходили по местечку и пели революционные песни. В результате 100 слишком человек привлечены к ответственности за нарушение тишины и порядка. Дело разбиралось в Шклове, и обвиняемые приговорены к 30 руб. штрафа.

Слухи о последних погромах достигли и до наших мест. В Шклове стали сильно поговаривать о предстоящем погроме и даже назначили день. Встревоженные еврейские товарищи обратились за помощью в Копысь. Немедленно же был собран отряд в 120 человек (в Копыси рабочие почти сплошь русские) и послан в Шклов (12 верст). Вместе с тем в Шклов прибыла помощь из Могилева и Орши, так что ни о каком погроме не могло уже быть и речи. Этот факт служит лучшим доказательством солидарности, существующей между еврейскими и русскими рабочими.

Недавно копысские рабочие вместе с шкловскими устроили в Шклове демонстрацию. Дело было так.

21 августа в Шклове должно было рассматриваться уже отложенное один раз дело по обвинению 60 копысских рабочих в нарушении общественной тишины и порядка. И на этот раз дело было вновь отложено, за неявкой одного из обвиняемых. Рабочие стали протестовать и судья, чтобы успокоить их и оградить себя, заявил: «Я не виноват, я только царский приказчик и исполняю лишь закон. Это не моя вина, что законы плохи». Тогда толпа с криком «долой царские законы!» двинулась на улицу, где их поджидали местные товарищи, и прошлась по всему Шклову в количестве 200 человек с пением революционных песен («Марсельезы» и «Варшавянки»). Весь Шклов сбежался на такое невиданное зрелище. Вечером рабочие из Копыси уехали домой; их провожала огромная толпа в несколько сот человек. А в Копысе, куда товарищи под'ехали также с пением «Варшавянки», их ожидала почетная встреча: человек 150 своих и вся полиция во главе с приставом. Для усиления стражи из деревень собрали несколько десятков десятских с дубинками.

Мы пользуемся такими случаями и ведем пропаганду среди десятских.

Когда пароход подошел, пристав велел вынуть револьверы и обнажить шашки, но, видя, что на этот маневр никто не обратил внимания, велел «вложить мечи в ножны», а сам благоразумно скрылся. Рабочие встретили возгласы: «долой царские суды, долой самодержавие!» громким ура и затем разошлись.

На следующий день за городом состоялось массовое собрание человек 250, на котором выяснялись задачи социал-демократии и рабочего класса и вопрос о работе среди крестьян. Когда рабочие возвращались в город, их опять встретила вся копысская полиция, но рабочие потребовали, чтобы полиция разошлась, обещая затем спокойно итти по домам. Требование рабочих было немедленно исполнено, и они спокойно разошлись.

Что касается экономической борьбы, то рабочие часто одерживают здесь победы. Фабриканты даже додумались до третейского суда и теперь пропагандируют устройство своего рода «камеры соглашения», куда входили бы 2 представителя от них и 2 от рабочих.

Среди крестьян также делаются попытки завязать прочные связи. Крестьяне охотно слушают рабочих.

23 августа началась забастовка у помещика Чичкина: работницы, выкапывающие картофель, потребовали увеличения платы с 15 к. до 25 к. «Пан» рвет и мечет, но в конце концов ему придется уступить.

Никополь. Перед самыми еврейскими праздниками забастовали портные, около 70 человек. Выставлены были требования повышения платы и сокращения рабочего дня до 12 часов. Забастовка длилась около недели и поставила хозяев в очень затруднительное положение. Хозяева обращались за помощью к полиции, но из этого ничего не вышло. Стачка закончилась 12 сентября полной победой рабочих.

Борисоглебск. Приводим некоторые дополнительные сведения (см. № 44) о стачке рабочих борисоглебских железнодорожных мастерских, бывшей в июне тек. г. Незадолго до стачки, возникшей 20 июня, в мастерских по-

явились прокламации с описанием тяжелого положения рабочих и тех злоупотреблений, которые совершает администрация. Среди рабочих эти прокламации вызвали сильнейшее движение, не укрывшееся от глаз администрации, которая было переполошилась, но затем, в виду внешнего спокойствия рабочих, успокоилась. 20 июня по случайному поводу (отказ в выдаче рукавиц литейщикам) недовольство рабочих прорвалось наружу. Все рабочие (около 2.000 чел.) побросали работу и, собравшись в пригородной слободе Станичной, сообща выработали требования, изложенные в 23 пунктах. Собрания рабочих продолжались и в следующие дни, причем до приезда тамбовского губернатора, в сопровождении 400 солдат, они категорически отказывались выбирать депутатов для переговоров с администрацией. Настроение было бодрое и поддерживалось появлявшимися довольно регулярно прокламациями. Кроме прокламаций, обращавшихся к рабочим, были прокламации и к обществу с призывом к помощи стачечникам.

За время стачки, длившейся более недели, собрано было и роздано стачечникам около 100 рублей. 25 июня по заборам была расклеена телеграмма министра путей сообщения, в которой г. министр заявил, что он «огорчен невозможностью рассматривать заявления (читай требования) рабочих, в виду незаконной формы таковых», а посему приглашает рабочих немедленно стать на работу, напоминая им «те лишения, которые они причиняют своим семьям бесполезною потерею заработка». В тот же день магазин общества потребителей прекратил выдачу товаров, несмотря на то, что у рабочих был за дорогой заработок за 19 дней и членский взнос в 10 рублей. Приехавшему губернатору удалось заманить собравшихся в слободе Станичной рабочих в мастерские, где он уговорил их также выбрать депутатов. Попытка склонить рабочих угрозами суда и ссылки стать на работу не удалась. «Не согласны! — крикнули рабочие. — Пусть удовлетворят наши требования». Затем, выйдя из мастерских, рабочие решили 26-го на работу не итти, не собираться, а сидеть дома. Однако на следующий день нашлось человек 60 изменников, которые явились на работу. У мастерских стояла стража из солдат. Жандармы ходили по рабочим кварталам и звали на работу, заявляя, что требования удовлетворены. Некоторые попадались на эту удочку, а некоторых заманивали или просто затаскивали в мастерские, где к вечеру собралось до 400 человек. Обедать их не распускали; администрация накупила булок, которыми и питались работавшие (за ними теперь установилось название «булочников»). 27-го на работу явилось уже около тысячи чел., а 30-го работа в мастерских шла уже полным ходом. 19 июля приехала из Петербурга комиссия для «расследования» дела. Рабочие выбрали депутатов, которые в присутствии всех рабочих вели переговоры с комиссией. Один из членов ком. говорил рабочим льстивые речи, но прошел целый месяц с от'езда комиссии, а никаких вестей из министерства нет. Рабочие, доведенные чрезвычайно низкими расценками и всяческими злоупотреблениями до сильнейших лишений, ропщут и поговаривают о новой стачке.

Настроение бодрое, и рабочие решили во что бы то ни стало добиться своих требований.

От редакции. В дополнение к настоящей корреспонденции приводим появившееся в легальных газетах известие о новой стачке в борисоглебских ж.-д. мастерских, возникшей 2 сентября. Стачка длилась более недели. Ж.-д. начальство об'явило всем рабочим расчет. Исход стачки и дальнейшие подробности пока неизвестны.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОБЕДА ИТАЛЬЯНСКИХ СОЦИАЛИСТОВ.

Итак, царь не приехал. Чего только ни делало «либеральное» министерство Цанарделли, чтобы обеспечить восторженный прием царя: оно систематически запрещало или распускало собрания, конфисковало издания, дерзавшие высказываться против ожидаемого визита, задерживало на несколько часов телеграммы в социалистические газеты; оно наводнило Рим и окрестности войсками, под предлогом смотра, и выписало туда всех своих сыщиков; оно приготовилось к самим широким арестам и даже, как говорят, приспособило тюрьмы на несколько тысяч гостей; оно уже подрядило по четыре франка в день на брата выразителей народного энтузиазма, любительские оркестры—и все-таки царь не приехал. В течение двух месяцев итальянские республиканцы и особенно социалисты находились в каком-то осадном положении; в течение двух месяцев с пеной у рта нападала на них пресса, «готовая к услугам» (министерства), по выражению «Avanti» [15]; в течение двух месяцев добровольцы из монархистов обсуждали организацию «охраны», готовые своими боками отстаивать «сближение народов», а добровольцы из оппортунистов с еще большим рвением изобретали с каждым днем новые аргументы в защиту царя и против враждебной демонстрации. Ничто не помогло: царь не приехал.

Царь предпочел сдаться перед «неблаговоспитанными», «неуважающими правил гостеприимства» социалистами и не приехал.

«Мне очень жаль, — написал он «собственноручно» итальянскому королю, — «что приходится откладывать уже назначенное посещение до другого времени». «Желаю, чтобы оно было близко». И это все, и никакой мотивировки! С тем большим жаром бросилась комментировать это письмо пресса. Министерские газеты, которым особенно обидно было признать победу социалистов, вздумали обмануть общественное мнение сказкой о «немецкой интриге». «Утверждая, что виной отсрочки визита является ничтожная фракция крайней левой, — писала «Tribuna», — придают слишком много значения маленькой кучке инициаторов враждебных манифестаций». И вот мало-по-малу складывается басенка о том, что отсрочка явилась следствием дармштадтских влияний и свидания с Францем Иосифом. По адресу ненавистного «австрияка» посыпались самые нелестные отзывы.

Однако, сказка скоро рассеялась перед действительностью. Появились русские газеты с самыми недвусмысленными передовицами, и все они единогласно и совершенно определенно обвиняли итальянских социалистов. Самый факт, что русским газетам позволили говорить об этом вопросе и давать ему такое толкование, ставит вне сомнения верность этого толкования; создавалось даже впечатление, что все эти передовицы составлялись по общей заметке, полученной из министерства внутренних дел, до того сходны были они по содержанию, различаясь лишь более или менее богатой патриотической и верноподданнической орнаментацией. Заметка «Русских Вед.» — самая сдержанная (корректная!) — ограничилась фактической стороной дела, и только между строк проглядывает «неодобрение» социалистам. Зато реакционные и quasi-либеральные газеты обрушиваются всем своим негодованием на виновников неудачи «итальянских республиканцев, социалистов, коллективистов и возможных участников тайных разбойничьих обществ, вроде маффии» (!) («Спб. Вед.», [16] № 266). «Это желание (союза с Россией) итальянского народа было нарушено, — пишут «Спб. Вед.» в № 266, — эта мечта была разбита отсутствием

дисциплины и такта * ничтожного, сравнительно, меньшинства, глупым поведением партии, великой не численностью своею, но способностью черпать силу в шуме и скандалах в те минуты, когда бессилие доводов готово свести ее политическое значение до ничтожного минимума». «Понятно, — продолжают «Спб. Вед.», — что государь император, признавая итальянскую землю (sic!) недостойной своего посещения, не распространяет высокого (!) своего неодобрения ни на благомыслящий трудовой народ, ни на членов смущенного правительства».

Это признание русских газет, несомненно инспирированное свыше, обескуражило все попытки умалить торжество социалистов.

И в этом разноголосом хоре комментаторов торжествующие социалисты проявили больше всего сдержанности и достоинства.

«Мы не поем победных гимнов, — писала редакция «Avanti», когда было официально опубликовано письмо царя: — мы констатируем, что впервые при господстве монархического правления пролетариат мог оказать давление на события иностранной политики благодаря своей политической организации. Демонстрация достигла своей цели; она даже превзошла ее. Царь не приедет в Италию, чтобы избежать враждебной манифестации; но в действительности этим отказом от визита он только усиливает значение и торжественность протеста». Указывая, далее, на возбужденность и нелогичную аргументацию прессы, «Avanti» заключает: «В одном только все солидарны: это — в признании, что социалистическая партия может, если захочет, оказывать сильное давление на судьбу страны и направление ее политики». Статья эта озаглавлена: «Не приезжает и не приедет»; инцидент с визитом царя итальянские социалисты считают покончeнным.

Но как на мещанской сцене после серьезной драмы любят пускать глупый смешной водевиль, так и здесь за драматическим эпизодом столкновения старого мира самодержавия с новым миром социализма следует комический водевиль из области «дипломатии». Героями его являются «козлы отпущения». Прежде всего по телеграфу был вызван из Петербурга итальянский посол Морра-ди-Лавриано и, как сообщают, снял себе уже виллу на зиму, т.-е. в Петербург не вернется. Такая же участь ждет русского посла в Риме, Нелидова, присутствие которого считают неудобным после несостоявшегося визита царя. Печально может закончиться вся эта история и для либерального министерства Цанарделли, тем более, что реакционеры и католики работают против него во-всю. Либеральные газеты (все те же «готовые к услугам») стараются теперь свалить ответственность за возможную реакцию на социалистов. «Пусть падет кабинет из-за этого вопроса иностранной политики, связанного с внутренней полицией, — возражает «Avanti» — за нами останется заслуга погребения мертвеца и создания в Италии правительства, более заботящегося о ее интересах и нуждах». Цанарделли однако не хочет сдаться и готовит «зеленую книгу» по поводу несостоявшегося визита царя, которая должна явиться оправданием правительства. Чем бы ни разрешилась вся эта история во внутренней жизни Италии, прав «Avanti», утверждая, что «этот урок таит предостережение многим и многим».

Мы, русские социал-демократы, можем только радоваться победе итальянских товарищей и благодарить их за энергичную борьбу, ибо эта борьба велась, главным образом, в нашу пользу. В последнюю свою поездку во Францию царь не осмелился в'ехать в Париж и остановился в Компьене; несколько недель тому назад так же заперта была перед ним Вена: свидание с Францем Иосифом пришлось устроить в Шенбрунне и Мюртцштеге; теперь итальянские социалисты отстояли свою родину от позорного визита царя. Если свидание его с Виктором Эммануилом состоится, то, вероятно, как уже высказывают предположение, на собственной яхте Николая II. Запереть пред царем все главнейшие центры Европы, дискредитировать его в общественном мнении Запада и сделать для него вообще невозможным выезд из России — это значит сильно сыграть на-руку русской революции; уже сейчас говорят некоторые газеты, что отказ от поездки «едва ли увеличит шансы царя в борьбе с русской социалистической партией» «Perseveranza». Да, если бы наши товарищи, социалисты других национальностей, выказали столько энергии и понимания исторического момента, как итальянцы, престиж царя заметно бы пал, русское общество выше подняло бы голову, и во многом облегчилась бы революционная борьба.

[Орловский—В. Воровский]

* А принципиальной позиции итальян. социалистов «Спб. Вед.» не отрицают?

КОНГРЕСС В РЕЙМСЕ.

Вступление бывшего социалиста Мильерана в буржуазное министерство Вальдека-Руссо дало решительный толчок к перераспределению сил французских социалистов. Отдельные элементы, об'единившиеся на время под знаменем «Французской Социалистической Партии», стали понемногу отпадать и, сочетаясь с другими группами, организоваться в новую партию, принявшую первоначально название «Социально-Революционного Союза». «Союз» этот, основание которому было положено на конференции в Ури, имел целью об'единить всех французских социалистов, враждебных министериализму; в состав «Союза» вошли: «Французская Рабочая Партия» [17] (группа гэдистов), «Социально-Революционная Партия» [18] (группа бланкистов с Вальяном во главе) и «Коммунистический Союз», составившийся из нескольких автономных федераций и группы, отколовшейся от «Социально-Революционной Рабочей Партии» (аллеманисты) [19]. В этом составе социально-революционный союз» собрался в октябре прошлого года на первый свой конгресс в Коммантри под официальным названием «Социалистической Партии Франции». На этом конгрессе руководство делами партии было поручено «Центральному Совету», и партийным органом был признан «Социалист», бывший до тех пор органом «Французской Рабочей Партии».

Второй конгресс партии, заседавший 27—29 сент. сего года в Реймсе, занялся главным образом окончательным об'единением сил и внутренней организацией партии. На конгрессе участвовало 104 делегата, представлявших 38 федераций и 11 групп. Начались работы конгресса с отчета Центрального Совета. В истекшем году Центральный Совет не мало поработал над привлечением новых сил, и работа его увенчалась значительным успехом. Из 37 конгрессов федераций в 30 принимали участие делегаты Центрального Совета; точно также были посылаемы им делегаты на 120 публичных конференций, на которых в общем высту-

пало от его имени 36 ораторов; некоторым пришлось сильно поработать: один Гэд активно участвовал на 26 собраниях. Не менее энергичной была деятельность группы представителей партии в парламенте (12 человек). Ею было внесено в общем 46 законопроектов, не считая многочисленных интерпелляций и деятельного участия в дебатах. Особенное внимание в отчетах Центрального Совета было обращено на последствия конгресса жоресистов в Бордо [20] и торжество на нем Мильерана. Это событие открыло глаза многим ослепленным. Не мало элементов уже отпало от «Французской Социалистической Партии» (жоресистов) и, хотя не все они примкнули к «Социалистической Партии Франции» [21], тем не менее, по мнению Совета, логика вещей приведет их к этому. Разумеется, Центр. Совет не упустил случая раз'яснить французскому пролетариату весь обман пресловутого «сотрудничества» классов и указать на невозможность социализма вне классовой борьбы *.

Работы конгресса выразились в целом ряде весьма ценных резолюций. Начав с официального утверждения единства партии и отмены тем самым всех частных наименований групп, вошедших в состав ее, конгресс занялся рассмотрением программы-минимум, которая и была принята. Программа эта, состоящая из трех частей: политической, экономической и муниципальной и обнимающая собой в общем 45 пунктов, представляет ряд требований в пользу законодательной защиты рабочего класса, исполнимых еще при буржуазном строе. В связи с этой программой стоит специальная резолюция о пенсиях престарелым рабочим, требующая, во-первых, чтобы размер пенсии обеспечивал им необходимый для существования минимум; во-вторых, чтобы получение пенсии не было связано с таким возрастом, которого большинство рабочих не достигает; в-третьих, чтобы пенсионная касса не составлялась из вычетов из заработной платы, и без того недостаточной.

На-ряду с этими решениями конгресса заслуживают внимания резолюции по вопросу о машинах в земледелии и по вопросу о первоначальном (народном) образовании. Первая резолюция гласит: «Принимая во внимание все растущую концентрацию земельной собственности, вносящую в земледельческую среду ту же степень эксплоатации, как и в промышленную, принимая во внимание введение машины в земледелие, вызывающее безработицу... конгресс постановляет, что партия должна вести деятельную пропаганду за сокращение рабочего дня, в целях уменьшения безработицы и установления минимума заработной платы, пока экономическая и политическая организация рабочих не позволит им взять в свои руки крупную земельную собственность и орудия производства».

По вопросу о первоначальном образовании конгресс находит, что народное образование в руках государства грозит такими же неудобствами для пролетариата, как и в руках церкви; протестуя поэтому против всякой государственной монополии на обучение, он присоединяется ко всем мерам против церковного образования и готов поддерживать все меры государственного образования, соответствующие интересам пролетариата.

Обсуждение порядка дня предстоящего в будущем году интернационального социалистического конгресса в Амстердаме отложено до следующего конгресса партии, который должен собраться незадолго перед Амстердамским; однако 2 пункта из этого порядка дня были внесены на конгресс в Реймсе: это — вопрос о «международных правилах социалистической политики» и о «всеобщей стачке». По первому вопросу постановлено предложить международному конгрессу высказаться о «ревизионистских тенденциях», под каким бы именем они ни скрывались, и представить ему резолюцию в духе решения Дрезденского конгресса германской соц.-дем. партии. По вопросу о всеобщей стачке конгресс поручил Совету составить резолюцию для обсуждения на следующем национальном, а затем на Амстердамском интернациональном конгрессе.

Конгресс в Реймсе окончательно завершил формальное и организационное единение партии: он создал наконец для французских социалистов тот единственный центр, к которому неизбежно должны и будут тяготеть все действительно революционные элементы. Поэтому вполне справедливы слова члена Центрального Совета Дюбрей'а: «Исход борьбы не представляет больше сомнений. На нашей стороне истина социализма. Завтра с нами будет весь сознательный рабочий класс — борец, вооруженный этой истиной».

* Гражданин Рубанович — социалист-революционер для России и социал-демократ для Западной Европы, явившись на конгресс «Социально-Революционного Союза» в качестве делегата от «Российской Социально-Революционной Рабочей Партии» (sic!) побил рекорд в «ортодоксальности», заявив, что в России есть свой мильеранизм, это... зубатовщина!

ИЗ ПАРТИИ

Манифест «Рабочей Воли» [22]. Мы, руководители Одесского Социал-Демократического Союза: «Рабочая Воля», при обсуждении вопроса о расширении нашей деятельности и связанных с этим расширением реформах, признали большинством голосов следующее:

1. Профессиональное устройство, которое еще недавно служило основой большинства действующих организаций и от которого в последнее время отказывается один комитет за другим, но которое сохранялось до сих пор нашим союзом, совершенно не соответствует социал-демократическим задачам и служит помехой правильной политической борьбе. Замыкая все помыслы рабочих в тесные рамки профессиональной жизни, оно — профессиональное устройство — суживает их кругозор и препятствует развитию социал-демократического мировоззрения.

Стойкие и могучие профессиональные организации в свободных странах, тесно связанные с социал-демократией (в Германии, например), являются необходимым подспорьем для рабочих в их великой борьбе за социалистический строй, но и там они отнюдь не могут служить основой партийной политической деятельности. Тем менее могут профессиональные организации играть такую роль у нас в России, где могучие профессиональные союзы невозможны.

Те отступления от профессионального устройства, которые незаметно проникли в наш Союз и которые не встречали никакого протеста со стороны товарищей; то горячее сочувствие, с которым они встречали всякое проявление политической борьбы, — позволяют нам теперь же бесповоротно отказаться от отжившей системы.

2. Выборное начало, принятое нашей организацией, далеко не оправдало тех надежд, которые возлагали на него при основании союза.

Строгая конспирация, необходимая в нелегальном деле, устраняет возможность контроля со стороны избирателей над деятельностью депутатов, а без гласности — этого первого условия демократического правления — выборы оказываются лишенными всякого внутреннего смысла: они являются пустой «игрой в демократизм». С другой стороны, исследования наших последовательных марксистов (см. «Что делать?» Н. Ленина) неопровержимо доказали необходимость единой централизованной организации: только такая организация, и по своему устройству и благодаря теоретической и боевой опытности своих вождей — профессиональных революционеров, в состоянии охватить все проявления рабочей борьбы в России и стать во главе нашего из года в год растущего революционного движения.

Последние волнения, охватившие революционным пожаром весь юг России и так ярко проявившиеся у нас, в Одессе, блестящим образом доказали справедливость этих положений.

Глядя на тысячные массы рабочих, проснувшихся к сознательной жизни, видя ухищрения «независимой» [23] зубатовщины и всю важность серьезного политического воспитания рабочих масс, всякий мыслящий социал-демократ должен был прийти к сознанию необходимости сильной централизованной организации: только она в состоянии дать революционному движению умелых политических вождей, знающих пропагандистов, опытных организаторов; только она создаст истинную самодеятельность рабочих.

Необходимость такой «организации революционеров», сказавшаяся тотчас же, как только наша борьба из фабричных стен хлынула на улицу, в широкое русло политической жизни, — с особенной настойчивостью встает перед нами теперь, накануне фактического об'единения всех российских социал-демократических организаций, накануне создания единой Российской Социал-Демократической Партии.

И мы должны раз навсегда отказаться выбирать революционеров (фактически уступая требованиям жизни, наш Союз уже раньше отказался от этих выборов, и в настоящее время он является почти централизованной организацией, в которой выборные представители составляют самое незначительное меньшинство), отказаться от той недоверчивости к нашей пролетарской интеллигенции, которую породила в отсталых рабочих минувшая эпоха профессионализма.

В минуту мелкой борьбы за экономические улучшения встает различие между людьми физического и умственного труда, перед великой борьбой за социализм стираются паспортные отметки о занятиях: в революционной социалистической борьбе не должно быть «рабочего» и «интеллигента» — должен быть «революционер».

В виду того, что эти принятые нами положения вполне совпадают с теми взглядами, которыми руководствуется в своей деятельности Одесский Комитет, принявший взгляды и тактику «Искры», мы об'являем о закрытии Одесского Союза «Рабочая Воля» и о передаче всех наших средств в ведение Комитета.

Мы приглашаем старых товарищей по организации к дружной плодотворной работе при новых условиях и выражаем твердую уверенность, что группы, отколовшиеся от соответствующих комитетов (в Петербурге, Екатеринославе, Елизаветграде) по тем же причинам, что и наша, в ближайшем будущем последуют нашему примеру.

Мы убеждены, что Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия — этот отряд всемирной социал-демократии, — об'единив все социал-демократические организации, окончательно уничтожит революционное кустарничество и быстрыми шагами поведет нас к победе над царизмом и гнетом капитала.

Сентябрь, 1903 г.

Письмо в редакцию. Товарищи, прошу поместить в ближайшем номере следующую заметку. В № 6 органа Соц.-Дем. Польши и Литвы «Przeglad Soc. Dem» помещена статья «Из социалистического движения на Кавказе», написанная, как показывает примечание, одним из членов Кавказского Союза [24]. Не зная, кто этот член Союза и в каком он отношении находится к движению, я, как человек, близко стоящий к кавказскому движению за последние годы, не могу оставить без ответа эту статью, совершенно неправильно освещающую деятельность и организационный принцип кавказской социал-демократии и передающую целый ряд неверных фактов.

Не останавливаясь на тех местах статьи, где указывается на исторические условия развития различных элементов кавказского населения, я перехожу к главному содержанию статьи — к характеристике социал-демократического движения. Автор, указав на рост капитализма и на сопряженную с этим пролетаризацию масс, создавшую благодатные условия для социалистической агитации, переходит к истории: движение началось сперва в Грузии (?), а потом отсюда перешло в Армению (?). Не знаю, откуда автор выдумал такое подразделение, всякий работавший на Кавказе хорошо знает, что рост движения там не был связан ни с какими исторически сложившимися национальными территориями. Фактически дело было так: первые соц.-дем. организации появились в Тифлисе (а не в Грузии), отсюда перешли в Баку (а не в Армению) и в Батум. Движение росло в связи с тем, была ли на данном месте более или менее компактная масса рабочих, или нет. Если еще о Грузии можно сказать, что такой географический термин правилен, то относительно понятия Армении этого уж никак нельзя сказать. В коренных армянских провинциях (Эривань, Карс и т. д.) еще до сих пор не заложены соц.-дем. организации. Далее автор совершенно умалчивает о том, что с момента своего образования организации эти признали себя принадлежащими к Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, и еще задолго до основания Союза (апрель 1903 г.) комитеты носили название комитетов партии. По изложению же автора выходит совсем обратное: «Социалисты Кавказа не преминули создать вскоре Соц.-Дем. Партию (!), организуя Соц.-Дем. Кавк. Союз». И далее: «Этот С.-Д. К. С., вскоре соединился с Росс С.-Д. Раб. Партией». Все это неверно. Никакой Кавк. Партии не существовало и не могло существовать, а была и есть Кавк. организация Росс. Партии. Тифлисский Комитет со времени своего основания (1897 г.), а также Бакинский (1902 г.) и Батумский (кажется, около 1902 г.) — всегда считали себя комитетами партии, вели работу, выступали в демонстрациях и стачках как организации Росс. Партии. Только в первой половине 1903 г. зародилась идея создания районной организации, об'единяющей работу этих комитетов, с каковою целью созван был с'езд, положивший начало еще не вполне оформившемуся Союзу. Союз этот уже по своему происхождению был частью Росс. Портии, и не могло быть речи о его «соединении» с партией. Союз начал работу только с апреля этого года. Не знаю, каким образом далее автор утверждает, что этой «партии», т. е. Кавказским Союзом, организована демонстрация 1901 года в Тифлисе, батумские стачки, маевки 1900 и 1901 годов и т. д. Как могла все это сделать несуществующая организация? Эти акты борьбы организованы Тифлисским, Бакинским и Батумским Комитетами Росс. Партии, а не какой-то фиктивной Кавказской Партией. В статье так много подобных ошибок, что упомянуть о всех нет никакой возможности. Вот еще образчик: «В состав Центрального Комитета (опять неточность: Союзного Комитета) входят товарищи, представляющие собой три расовые элемента, участвующие в нашем движении: русские, армяне и грузины». Что тут имел в виду автор? То ли, что в теперешний состав Союзного Комитета входят и армяне, и грузины, и русские, работающие в кавказском движении, или что каждая раса имеет своего представителя в Союзном Комитете? Если только первое, то надо было выразиться определеннее, чтобы не дать места неверным толкованиям. Если же второе, то это неверно. Кавказские товарищи решительные противники расовых (национальных) организаций, и с самого своего возникновения каждый из комитетов работал на всех языках и представлял рабочих всего города без различия национальностей, независимо от того, из кого составлен сам комитет. Союзный Комитет выбран с'ездом представителей местных комитетов из работающих на Кавказе товарищей, вне связи с тем, имел ли товарищ счастье или несчастье происходить от той или иной расы.

Кавказская социал-демократия стоит теперь, как и раньше до основания Союза, в вопросах организационных за единую партию, защищающую и представляющую интересы всего пролетариата России. Тот организационный план, который проведен у нас, ничем не отличается от того плана, защитником которого в нашей литературе явилась «Искра».

Член Союзного Комитета Кавказской Соц.-Дем. Рабочей Организации.

Одесский Ком. выпустил в сентябре, кроме упомянутых в предыдущем номере, след. листки: 1) к железнодорожным рабочим о повышении расценок — 2.000, 2) к учащейся молодежи — 2.000, 3) к железнодорожн. раб. об арестах — 500, 4) об еврейском погроме в Гомеле, всего за сентябрь выпущено 8 листков (27.500 экз.). — Екатеринославский Комитет выпустил 12/IX листок: «Ко всем раб. и раб-цам г. Екатеринослава» (по поводу мин. стачки) и 29/IX: «К солдатам Керчь-Еникальского полка».— С.-Д. Союз Горнозаводских Рабочих в течение лета (июнь—сентябрь) издал и распространил след. листки: 1) «Пауки и мухи» — 10 т. (печ.), 2) годовщина Мариуп. стачки 14 июля 1899 г. — 4 т. (печ.), 3) «Чего хотят соц.-демократы» (печ.) — 10 т. 4) по поводу военн. суда над рост. демонстр. (изд. Донск. Комитета) — 2 т., 5) к рабоч. завода Вильде (200 экз.), 6) по поводу летних стачек на юге (гект.), 7) по пов. стачки на Юзовском зав. — 600 экз. (гект.) — Саратовский Комитет издал

листок «Овцы и люди» (№ 42). — Смоленский Ком. изд. листок по поводу местных арестов, еврейск. погрома и пр. — Бердичевская гр. рев. с.-дем. вып. летучий лист. № 1 «Почему мы должны бороться за полит. свободу». — Бердич. с.-д. гр. русских рабочих издала листок: «ко всем рабоч. завода „Прогресс“». — Сибирским Союзом выпущ. в сент. лист. № 42 (по поводу приезда Плеве) и № 44 «К томским рабочим и работницам» (о забастовке на фабрике Лопухова); в сентябре же вышел листок: «ко всем рабочим и работницам г. Красноярска», изданный Красноярским Ком. по поводу арестов. — Бакинский Ком. распространил листок: «К армянскому обществу» от 26/IX (с отчетом Бакинского Комитета), в сентябре месяце Киевским Ком. напечатаны в своей типографии след. листки: 1) «Ко всем учащимся», 2) «О военных судах», 3) «Суд над ростовскими демонстрантами» и 4) «К воспитанникам средне-учебн. завед.», — «Листок средне-учеб. Комитет.».

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Киев. В последних числах сентября арестовано около 20 человек. Все арестованные посажены в Лукьяновскую тюрьму. Значительная часть арестованных — рабочие. Приводим фамилии некоторых интеллигентов: Карпов, ст.-пол. Вольский; ст. бр. Гальперины, инт. Михайлов etc. — Омск. Сидят в тюрьме: 1) Пригорный Гр. (инт.); 2) Дербышев Н. (ссыльный раб.); 3) Барашков (раб.); 4) Кочкин (раб.); 5) Александров (раб.); 6) Голубев (раб.); 7) Казак и 8) солдат, фам. неизв. Освобождены: 1) Чермак (завед. статист. бюро); 2) Баранов; 3) Заложная; 4) Лерман; 5) Рогорин; 6) Гранциевский; 7) Гольгин; 8) Попов. — Красноярск. Сидят в тюрьме: 1) Красиков (ссыльный); 2) Аркусская (ссыльная); 3) Данник (раб.); 4) Фролов (раб.); 5) Мюсюкевич (раб.); 6) Никитин; 7) Нейбург (учен. техн. уч.); 8) Байкалов (студ.); 9) Иоффе. Освобождены. 1) Красикова; 2) Иков; 3) Жариков; 4) Рябинин. Получил приговор: Фролов, раб. красноярск. ж.-д. маст., на 3 года Якут. обл. — Чита. Сидят в тюрьме: 1) Моисей Губельман; 2) Митрофанов (раб); 3) Федорович (раб.); 4) Вайнштейн Исай, отбывающий наказание по мес. делу (3 мес. тюремн. закл. и 1 год надз.). Предатели: 1) машинист Новаков выдал Битнера. 2) Астахов (конторщик VII уч. Сл. тяги Забайк. ж.-д.) донес на Моисея Губельмана.

Красноярск. В дополнение к сообщению об аресте типографии в Красноярске в ночь с 6 на 7 сентября приводим еще следующие подробности. В типографии арестованы Петр Миловидов, бывш. семинарист, и Мария Келлерман, фельдшерица. Отдельно от них арестованы в ту же ночь Александр Констант. Пайкес (ничего не найдено, выпущен через 3 дня), девица Вольфсон (ничего не найдено), Литкенс (ничего — осв. через 3 дня), Кусков (ничего), Иков (ничего), девица, фам. неиз. (ничего), Бродский, учен. техн. уч. (ничего), помощ. лесничего Ник. Ив. Семененко (найдено много литературы), жена его Сусанна Ник., брат его Александр Ив. (найдено несколько прокламаций), Козлов, иконописец, и Тюдешева, фельдшерица (ничего).

Александровская тюрьма (близ Иркутска). В настоящее время (сентябрь) здесь находятся в ожидании отправки, предстоящей не ранее ноября — декабря, следующие лица (полного списка мы еще не получили): Из Тифлиса: Курнатовский — 4 года Як. обл., Франчески— 4 г. Як. обл., Джибадзе — 3 г. Ирк. губ., Цабадзе — 3 г. Ирк. г., Церцвадзе — 3 г. Ирк. г., Гогуа — 3 г. Ирк. г., Чедрашвили — 3 г. Ирк. г., Теляковский (из Ростова) П. П. С. — 4 г. Ирк. г.; Из Одессы: Рузер — 4 г. Ирк. губ., Оржеровский — 5 лет Як. обл., Розенфельд — 6 лет Якутской обл., Гинцбург Абрам — до приговора в Як. обл., Ципкина (Бунд) — 3 г. Ирк. г., Иохельсон, зуб. вр., — 3 г. Ирк. г., Гольман (она) — 6 лет Як. обл., Конторович (муж и жена), Елиас, с.-р.,—3 г. Ирк. г., Дроздов (Москва)— 5 л. Як. обл., Захарова, Канцель Лидия, Цедербаум, Ройтенштерн Д., Константов, Изиоровский и др. Всего около 50 чел. Теперь пришла еще новая партия.

Некрологи. В августе в Ростове н/Д. умер К. А. Невзоров. Все, работавшие в костромском районе, хорошо его знали... Не кончив по независящим от него обстоятельствам костромскую духовную семинарию, он поехал на работу в деревню, был писарем в Костромской волости Галичского уезда, но был уволен за протест против принуждения крестьян подписываться на икону для поднесения земскому начальнику. В 1897 г. К. А. вернулся в Кострому и начал заниматься с кружком рабочих. Когда начал работать «Сев. Союз», К. А. принял энергичное участие в его работе. В 1901 г. К. А. был арестован, просидел 3 месяца в Костромской тюрьме и был выпущен под надзор полиции. В апреле и мае 1902 г. был разгром «Сев. Союза». Борьба была напряженная. Прокламации, об'являвшие о продолжении деятельности Союза, появлялись тотчас же после арестов, и многие из них были редактированы К. А. Он же собирал деньги после ареста кассы, поддерживал упавших духом товарищей и замышлял в случае, если жандармы будут продолжать неистовствовать, устроить уличную демонстрацию и разнести тюрьму.

В последнее время у К. А. быстро стала развиваться чахотка. На все свои просьбы — отпустить его на Кавказ лечиться он получал от жандармов отказ. Лишь перед самой смертью получил К. А. возможность поехать на юг, но было уже поздно: вдали от родины и товарищей он умер в Ростове-на-Дону.

Вместо жалких похоронных песен он слышал могучий гимн свободы поднявшегося юга, видел шедшие сражаться с самодержавием отряды организованных рабочих...

Мы, костромичи, не забудем его, не забудем, как:

он совесть будил в нас, он звал на работу,
он звал нас сплотиться тесней,
и был ненавистен насилью и гнету
язык его смелых речей...

С глубокой грустью прочел я известие о смерти Елизаветы Аркадьевны Кулдиной (рожд. Володиной). В лице этой новой жертвы проклятого самодержавия мы потеряли одного из тех незаметных тружеников, о которых мало говорят, но которые отдают всю свою жизнь дорогому им общему делу, не думая о подвигах, какие совершают. Зарабатывая средства существования нелегким трудом домашней швеи, Е. А. жила в рабочей среде Иваново-Вознесенска и много лет была деятельным членом местной социал-демократической организации и душою женского кружка, а появляясь потом много раз на допросах и в долгие месяцы тюремного заключения, могла служить примером стойкости и благородства. Но еще после первого ареста в 1898 г., когда ее без всяких улик продержали около 8 месяцев по разным тюрьмам, ее хрупкое здоровье было серьезно подорвано. Между тем в 1900 г. ее опять арестовывают и держат несколько месяцев, а затем выносят приговор — шесть мес. «Креста» — и тут же привлекают вновь по делу «Сев. Союза» и отправляют на четыре года в Вост. Сибирь. Очевидно, всеми этими мытарствами здоровье Е. А. было окончательно расшатано, и полная одушевления великим делом молодая жизнь угасла в далекой Сибири. Но память о Е. А. не угаснет среди товарищей и будет одушевлять наших работниц в их суровой и славной борьбе за свободу.

12 июля с. г. в Бессарабии скончалась от чахотки фельдшерица Нина Рабинович. Покойная, которой было всего 23 года, в продолжение нескольких лет самоотверженно и неустанно работала в южных городах и пала жертвою гнусного режима. Н. Рабинович отличалась цветущим здоровьем, но в 1901 г. она была арестована в Киеве по ничтожнейшему поводу, ее продержали несколько дней в сырой части, где она схватила воспаление легких; когда ее через девять недель выпустили, у нее уже был готовый туберкулез. Несмотря на это, она продолжала работать, пока окончательно не свалилась с ног. Н. Рабинович пользовалась всеобщей любовью и уважением.

Неумолимая смерть вырвала из рядов наших товарищей одного из борцов соц.-дем. Ал. Ив. Гусев, несмотря на

свой почти юношеский возраст, был одним из неутомимых и преданнейших деятелей нашей революционной социал-демократии и до последних дней своей жизни работал на пользу революционного рабочего движения. Вот краткие сведения из его жизни. Происходя из богатой купеческой семьи в Сибири, А. И. еще в годы ученичества находился под влиянием окружающей его среды политических ссыльных, и к концу пребывания в реальном учил. у него уже создалось сильное революционное настроение, хотя без определенного характера, как и у всякого юноши-гимназиста. По поступлении в 1898 г. в Киевский политехнический институт, это неопределенное настроение стало быстро заменяться вполне определенным, сознательным стремлением примкнуть к социал-демократическому движению. С этой целью он вскоре после того вступил в одну из местных соц.-дем. групп и затем стал заниматься пропагандой в кружках рабочих. Но недолго длилась эта первая работа. В феврале 1899 г., во время общестуденческих волнений, он был арестован вместе со многими, причем была обнаружена его революционная деятельность вне студенчества. Просидев 4 месяца, он был отдан под надзор полиции в Твери до марта 1901 года. Немедленно по приезде в этот город, он вновь берется за прерванную работу. В совсем глухом в то время городе, без организации, без революционных связей, он тотчас принимается за установление сношений с рабочими, заводит с ними знакомство, и дело завязывается и постепенно начинает развиваться; но едва успел он окончить срок своего надзора, как его вновь арестовывают в марте 1901 г. по обвинению в принадлежности к Московскому Комитету нашей Партии. Наступает снова перерыв и уже на более долгое время. Наконец, через год он вновь на свободе, снова в той же Твери, снова за работой... На этот раз дело идет шире и успешнее. А. И. вместе с некоторыми товарищами удается создать более прочную организацию, которая вскоре превращается в Комитет Партии. Явившись, таким образом, одним из основателей его и деятельно работая в нем, он в то же время успевает регулярно снабжать «Искру» корреспонденциями, отчетами и проч. И чем дальше, тем шире развивается дело. Комитет заводит связи в деревнях, распространяет там литературу, вызывает даже крестьянские демонстрации... Рассвирепевшая благодаря всему этому местная жандармерия делает, наконец, ночной набег, производит наугад массовые обыски и аресты... На одном из этих обысков случайно попадается жандармам Ал. Ив. и почти в самый момент ареста, благодаря своей находчивости, вырывается из лап жандармов и немедленно переправляется через границу, вполне благополучно, полный жизни и жажды деятельности и борьбы, прибывает в Женеву, чтобы, пожив немного здесь, опять вернуться в Россию, опять взяться за дело... Да, опять вернуться... Но этому не суждено было сбыться! Менее чем через сутки по приезде он заболел, слег, и на четвертый день его уже не стало... Так еще совсем юный, лишь на 23-м году жизни, сошел он в могилу.

Прощай же, честный, преданный товарищ! Дело, от которого безжалостно оторвала тебя смерть, будет расти, крепнуть, пока окончательно не восторжествует.

Проводить покойного до могилы собралось много народу из русской эмигрантской и студенческой колоний. На гроб был возложен венок с красной лентой с надписью: «Дорогому товарищу от Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Б. Ш. Просим дать адрес для ответа. — Сигарычу, — Сарре. Корресп. и письмо получены. — Пете. Письмо получено, но неразобрано. — Сталь. Все получено, спасибо. — Отменяются адреса: № 42, № 43 и № 8.

Получено: 40 р. — «долг Сергееву», от друга А. — 400 фр., от харьковской группы учащейся молодежи — 50 фр., от Астраханского Комитета — 300 р., от помещицы — 200 р., от М. — 600 р., из Гиссена — 20+10 мар. (сообщите адрес); от мечтателя из Москвы — 65.88 фр. (адреса не имеем); из Г. — 246,29 фр.; от льежского студента — 3 фр.; от П. — 2 р.; от W. — 1 р.; от «сдержавшего слово» — 50 кр.; из Л. — 98,51 фр.; «от Деферментова на предмет Его Величеству известный» — 70 р.; из Вены: за литературу — 18 кр.; «от Дальнего» через Г. — 6 кр.; из Берна получено в октябре: на «Искру» от В-д-ы — 100 фр.; от екатеринославки на «Искру» — 22 фр., от старых и молодых из Вост. Сибири — 24 фр.; за литературу — 62,50 фр.

Отчет о других пожертвованиях откладывается до след. номера.

Следующий номер «Искры» выйдет, вследствие обилия материала, через неделю, 22 октября.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Еврейский погром в Кишиневе — см. о нем в № 39 «Искры» ст. Г. Плеханова «Кишиневские события».

Прим. 2. О погроме в Гомеле — см. в № 48 «Искры» корресподенцию «Еврейский погром в Гомеле».

Прим. 3. «Последние Известия» — см. прим. 1-е к № 39 «Искры».

Прим. 4. Протестуя против наказания студента Боголюбова розгами, В. И. Засулич в 1878 году стреляла в петербургского градоначальника Трепова и тяжело ранила его. Судом присяжных Засулич была оправдана.

Прим. 5. «Народное Дело» — см. прим. 1-е к № 27 «Искры».

Прим. 6. Гамбетта Леон (1838 — 1882) — знаменитый французский буржуазный политический деятель. На политическое поприще выдвинулся речью (1868 г.) в защиту Делеклюза, будущего вождя Коммуны. Позже депутат от Марселя в Законодательный корпус, где он примкнул к крайней левой и вскоре сделался ее вождем, выработав программу республиканцев. Радикал в начале своей политической деятельности, Г. с течением времени начал все больше склоняться к консерватизму. Будучи президентом палаты (избран в 1879 году) и обладая неограниченным влиянием на ход внутренней и внешней политики Франции, он слишком далеко ушел по пути уступок консервативным буржуазным партиям, и популярность его начала быстро падать. После ряда неудачных выступлений, как во внутренней, так и во внешней политике, Г., удалившись к себе на родину, в Кагор, заболел от случайной раны и умер.

Прим. 7. Вальдек-Руссо (1846 — 1904) — французский политический деятель, один из самых дальновидных социал-консерваторов, стремившийся обезоружить рабочий класс поверхностными реформами и формальными уступками. Избранный в 1879 г. депутатом, высказался за «все» свободы, но против всякого нападения на существующие учреждения. Вся его последующая деятельность основывалась на принципе: «ни реакция, ни революция». В 1899 году, составив, по предложению президента Эмиля Лубэ, т. н., «министерство республиканской защиты», Вальдек-Руссо «усмирил» реакцию руками палача Коммуны маркиза Галиффе

и в то же время нанес серьезный удар рабочему движению, пригласив в свой кабинет известного социал-реформиста Мильерана. Такую же политику лавирования в интересах буржуазного консерватизма он проводил и в ликвидации «дела Дрейфуса»: предоставив военной клике вторично осудить невинного офицера, он устроил одновременно его помилование.

Прим. 8. Гарденин (В Чернов), Левицкий и Брешковская («бабушка русской революции») — лидеры партии соц.-рев.

Прим. 9. «Заря» — см. прим. 4-е к № 2 «Искры».

Прим. 10. Орг. Ком. — см. о нем «Искру» № 32.

Прим. 11. Славянофилы — см. прим. 4-е к № 28 «Искры».

Прим. 12. Дрошакисты — дашнакисты или дашнаки — члены армянской национальной партии «Дашнакцутюн». Последняя образовалась в начале 90-х годов в Турецкой Армении и постепенно распространяла свою деятельность на русскую и персидскую Армению. Вся деятельность ее была направлена на борьбу за национальное освобождение, идея которого облеклась у нее в форму стремления к об'единению всех частей Армении в одно независимое государство. В основу ее программы был положен федеративный принцип. Будучи по существу буржуазной национал-демократической партией, она об'единяла в своих рядах широкие слои интеллигенции, и значительную часть буржуазии и крестьян, те рабочие элементы, которые не сознали еще необходимости определенной классовой политики, и люмпенпролетарские элементы. Партия была построена на федеративных началах. Она делилась на части: турецкую, закавказскую, персидскую и европейскую, во главе которых стояли особые руководящие бюро. Партия имела Заграничное Бюро, издававшее в Женеве центральный орган — «Дрошак» («Знамя»). На Кавказе Дашнакцутюн издавала ежедневную газету и имела периодические издания на Юге России, на Балк. полуострове и в Америке.

Прим. 13. «Московские Ведомости» — см. прим. 5-е к № 6 «Искры».

Прим. 14. Идея организации Соц.-Демокр. Союза Горно-Заводских Рабочих — зародилась зимой 1901 — 1902 гг. на с'езде южных с.-д. комитетов. Необходимость требовала, в целях единства руководства, пренебречь существующими административными границами и об'единить в партийном отношении разбросанный по трем губерниям Донбасс. Донецкий Комитет, как ближе стоявший в этот период к работе в Донбассе, взял на себя инициативу об'единения и в январе 1902 года постановил организовать «Социал-Демократический Союз Горно-Заводских Рабочих», назначив персональных выполнителей этого решения. В марте 1902 г. союз вошел в сношения с некоторыми комитетами Р. С.-Д. Р. П., а в июне организаторы сообщили о возникновении союза «Искре». Во главе союза стоял комитет, выполнявший литературную и техническую работу. Его исполнительным органом был «Летучий отряд», члены которого являлись агентами комитета для связи с местными группами и для распространения литературы. Безоговорочно признав в марте 1903 г. инициативу и устав О. К. по созыву II с'езда, союз 18 апреля 1903 г. в своем обращении «Ко всем российским с.-д. организациям» публично заявил о своем присоединении к «Искре».

Прим. 15. «Avanti» — см. прим. 27-е к № 48 «Искры».

Прим. 16. «СПБ Ведомости» — см. прим. 6-е к № 28 «Искры».

Прим. 17. «Французская Рабочая Партия» (гэдисты) — образовалась в результате раскола «Социалистической Рабочей Партии» (1879 г.). Непосредственным поводом для раскола послужили разногласия по вопросу о применимости партийной программы-минимум, как избирательной платформы во время парламентских выборов, ко всем областям Франции. Исходя из неудачи выборов 1881 г., оппортунистическая часть партии, во главе с Полем Бруссом, требовала отмены единой избирательной программы и предоставления права местным комитетам вырабатывать свои собственные избирательные программы. На конгрессе в Сент-Этьене (1882 г.) эта точка зрения получила большинство. Оставшиеся в меньшинстве сторонники единой избирательной программы для всей Франции, во главе с Жюлем Гэдом, удалились с конгресса и организовали свой собственный конгресс в Руане. Реформистское большинство партии, оставшееся на конгрессе в С.-Этьене, получило название «Федерации социалистических рабочих Франции» (так называемые «поссибилисты» — равнозначуще русскому термину «постепеновцы»); сторонники Гэда образовали «Французскую Рабочую Партию». В 1904 г. на Амстердамском конгрессе были намечены вехи об'единения обеих партий.

Прим. 18. «Социально-Революционная Партия» («бланкисты») — издавна существовавшая во Франции социалистическая группа, названная по имени своего идейного вождя О. Бланки. Бланкисты были убеждены, что маленькая, хорошо организованная кучка заговорщиков может в подходящий момент произвести революционный переворот, заставить пойти за собой народные массы и создать таким образом «победоносную революцию». В своих революционных планах они не считались с экономическим развитием и не стремились опереться на широкие рабочие массы. С течением времени заговорщицкий элемент из этой партии исчез, и члены ее стали стремиться к организации наиболее активных и воинственных элементов среди рабочих, чем была подготовлена почва для сближения между бланкистами и гэдистами (см. прим. 21).

Прим. 19. «Аллеманисты» — так называлась, по имени своего руководителя рабочего типографа Жана Аллемана, «Социально-революционная рабочая партия», отколовшаяся от «Федерации социалистических рабочих Франции». Свой первый учредительный конгресс партия созвала в июне 1891 г. Выступая и против гэдистов и против поссибилистов, аллеманисты главное внимание обращали не на избирательную борьбу и деятельность в парламенте, а на захват в свои руки муниципалитетов и превращение их в опорные пункты для социалистического преобразования общества. Придавая непомерно большое значение профессиональному об'единению рабочих (синдикатам) и методам профессиональной борьбы (всеобщая стачка), аллеманисты в этом вопросе сближались с анархосиндикалистами. Значительным влиянием в рабочем движении аллеманисты не пользовались.

Прим. 20. Конгресс жоресистов в Бордо — см. «Искру» № 38, «С'езд жоресистов в Бордо».

Прим. 21. «Социалистическая Партия Франции» — образовалась из слияния гэдистов и бланкистов, ушедших с Лионского конгресса 1901 г. после отклонения последним предложения об исключении из партии Мильерана. Организация этой партии окончательно была закреплена на Реймском конгрессе в 1902 г., о котором и идет здесь речь.

Прим. 22. «Рабочая Воля» — соц.-демократическая организация, существовавшая в Одессе. По сообщению одного из членов этой организации А. Фабричного, она об'единяла всего несколько десятков рабочих (были в ней и ремесленники), интеллигентов в момент возникновения «Р. В.» и в начале ее деятельности в ее составе не было. Отличительной чертой ее было резко отрицательное отношение к централизму, что ставило ее в ряды анти-искровцев. «Р. В.» имела свой руководящий центр, называвшийся «агитационным собранием», и пропагандистский кружок для актива, так называемую «Дискуссию». Она имела свой печатный станок и выпустила несколько воззваний. Изменению ее организационных принципов способствовала всеобщая июльская забастовка, после которой она и выпустила манифест о присоединении к «Искре». По словам Фабричного, манифест написан им.

Прим. 23. «Независимцы» — см. прим. 2-е к № 9 «Искры».

Прим. 24. «Кавказский С.-Д. Союз» — см. прим. 11-е к № 40 «Искры».

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 51 22 ОКТЯБРЯ 1903 ГОДА. № 51

ПОЛОЖЕНИЕ БУНДА В ПАРТИИ.

Под таким заглавием Бунд выпустил перевод статьи из № 34 «Arbeiterstimme»[1]. Статья эта, присоединенная к решениям V с'езда Бунда, является как бы официальным комментарием к ним. Здесь делается попытка систематически изложить все доводы, которые заставляют прийти к выводу, что Бунд «должен быть федеративною частью партии». Интересно рассмотреть эти доводы.

Автор начинает с того, что самый жгучий вопрос, стоящий перед российской социал-демократией, это — вопрос об об'единении. На каких основаниях может оно произойти? Манифест 1898 г. взял за основание принцип автономии. Автор разбирает этот принцип и находит, что он логически несообразен, внутренне противоречив. Если понимать под вопросами, специально касающимися еврейского пролетариата, только вопросы о способах агитации (применительно к особому языку, особой психологии, особой культуре евреев), то это будет техническая (?) автономия. Но такая автономия означает уничтожение всякой самостоятельности, ибо ею пользуется всякий комитет партии, а приравнение Бунда к комитетам есть отрицание автономии. Если же понимать под автономией автономию в некоторых программных вопросах, то нелепо лишать Бунд всякой самостоятельности в остальных программных вопросах; самостоятельность в программных вопросах непременно предполагает представительство Бунда как такового в центральных органах партии, т. е. не автономию, а федерацию. Прочного базиса для положения Бунда в партии надо искать в истории еврейского революционного движения в России. Эта история показывает нам слияние всех организаций, ведущих работу среди еврейских рабочих, в один союз — Бунд и расширение его деятельности с Литвы на Польшу, а затем на юг России. История, следовательно, опрокинула все районные перегородки и выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата. Вот принцип, который не есть плод досужего ума (?), а является результатом всей истории еврейского рабочего движения: Бунд есть единственный представитель интересов еврейского пролетариата. А, разумеется, организация пролетариата целой национальности может войти в партию только при федеративном ее устройстве: еврейский пролетариат есть не только часть всемирной семьи пролетариев, но и часть еврейского народа, занимающего особенное положение среди других народов. Наконец, тесное единение между частями партии выражается именно в федерации, ибо основной признак этой последней — непосредственное участие в делах партии каждой составной ее части; все части партии чувствуют себя тогда равноправными. Автономия же предполагает бесправность частей партии, равнодушие к общим делам, взаимное недоверие, трения и столкновения.

Такова аргументация автора, изложенная нами почти исключительно в собственных его выражениях. Она сводится к трем пунктам: к соображениям общего свойства насчет внутренней противоречивости автономии и непригодности ее с точки зрения тесного единения частей партии; к урокам истории, которая выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата, и, наконец, к ссылке на то, что еврейский пролетариат есть пролетариат целой национальности, занимающей особенное положение. Автор хочет опереться, следовательно, и на общие организационные принципы и на уроки истории, и на идею национальности. Автор старается, надо отдать ему справедливость, рассмотреть вопрос со всех сторон. И именно поэтому его изложение так выпукло оттеняет позицию, занятую Бундом в волнующем всех нас вопросе.

При федерации, говорят нам, части партии равноправны и участвуют в общих делах непосредственно; при автономии они бесправны и, как таковые, в общепартийной жизни не участвуют. Рассуждение это относится целиком к области наглядных несообразностей, — оно похоже, как две капли воды, на те рассуждения, которые математики называют математическими софизмами и в которых, — строго логичным, на первый взгляд, путем, — доказывается, что дважды два пять, что часть больше целого и т. д. Существуют сборники таких математических софизмов, и учащимся детям они приносят свою пользу. Но людям, которые мнят быть единственными представителями еврейского пролетариата, неловко даже раз'яснять столь элементарный софизм, как различное понимание «части партии» в двух половинах одного и того же рассуждения. Когда говорят о федерации — под частью партии разумеют сумму организаций в разных местностях; когда говорят об автономии, под частью партии разумеют каждую отдельную местную организацию. Поставьте рядом в один силлогизм эти якобы тождественные понятия, и вы получите неизбежный вывод, что дважды два пять. И если бундовцам все же неясна суть их софизма, то они могут заглянуть в свой собственный устав - максимум и увидеть там, что именно при федерации местные организации сносятся с центром партии посредственно, а при автономии — непосредственно. Нет, лучше бы уже не говорить нашим федералистам о «тесном единении»! Опровергая то положение, что федерация означает обособленность, а автономия — слияние частей партии, можно только людей насмешить.

Немногим удачнее попытка доказать «логическую несообразность» автономии, производимая посредством разделения этой последней на программную и техническую. Самое уже это разделение в высшей степени

несуразное. Почему вопросы о специальных способах агитации среди еврейских рабочих могут быть названы техническими? Причем тут техника, когда речь идет об особенностях языка, психологии, условий быта? Как можно говорить о самостоятельности в программных вопросах по поводу, например, требования гражданского равноправия евреев? Программа социал-демократии выставляет только основные требования, общие всему пролетариату, независимо от профессиональных, местных, национальных, расовых различий. Эти различия обуславливают то, что одно и то же требование полного равенства граждан перед законом порождает агитацию в одном месте против одного вида неравноправности в другом месте или по отношению к другим группам пролетариата против другого вида неравноправности и т. д. Один и тот же программный пункт применяется различно в зависимости от различия условий быта, различия культуры, различия соотношения общественных сил в разных областях страны и т. д. Агитация за одно и то же программное требование ведется различными способами, на разных языках, применительно ко всем этим различиям. Автономия в вопросах, касающихся специально пролетариата известной расы, известной нации, известного района, означает, следовательно, что определение специальных требований, выставляемых во исполнение общей программы, определение способов агитации предоставляется самостоятельному решению соответствующей организации. Партия в целом, ее центральные учреждения устанавливают общие основные принципы программы и тактики; различные же способы проведения на практике и в агитации этих принципов устанавливаются различными подчиненными центру организациями партии соответственно местным, расовым, национальным, культурным и т. д. различиям.

Спрашивается, неужели такое понятие автономии неясно? И не чистейшей ли схоластикой является разделение автономии в программных и в технических вопросах?

Посмотрите, как «логически разбирается» понятие автономии в рассматриваемой нами брошюре. «Из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии»,—говорит эта брошюра по поводу принципа автономии, положенного в основу манифеста 1898 года,—«выделяются (sic!!) некоторые вопросы, относительно которых признается, что они касаются специально еврейского пролетариата... Автономность Бунда кончается там, где начинается область общих вопросов... Отсюда вытекает двойственное положение Бунда в партии: в специальных вопросах он выступает как Бунд... в общих вопросах он теряет свою физиономию и приравнивается к простому комитету партии»... Социал-демократическая программа требует полного равенства всех граждан перед законом. Во исполнение этой программы еврейский рабочий в Вильне выставляет одно специальное требование, а башкир-рабочий в Уфе—совершенно другое специальное требование. Значит ли это, что «из массы вопросов» «выделяются некоторые»? Если общее требование равноправности проводится в жизнь выставлением ряда специальных требований об уничтожении специальных видов неравноправности, то неужели специальные вопросы выделяются тут из общих вопросов? Специальные требования не выделяются из общих, а ставятся во исполнение общих требований программы. Выделяется то, что специально касается еврея в Вильне, от того, что специально касается башкира в Уфе. Обобщение их требований, представительство их общих классовых интересов (а не специальных, профессиональных, расовых, местных, национальных и т. п.) есть дело всей партии, дело партийного центра. Казалось бы, дело это довольно ясное! Запутали же его бундовцы потому, что вместо логического разбора еще и еще раз дали нам образчики логических несообразностей. Они абсолютно не поняли отношения общих требований социал-демократии к специальным. Они вообразили, что «из всей массы вопросов, с которыми приходится иметь дело социал-демократии, выделяются некоторые», тогда как на самом деле каждый вопрос, затрагиваемый нашей программой, есть обобщение целого ряда специальных вопросов и требований; каждый программный пункт является общим для всего пролетариата, подразделяясь в то же время на специальные вопросы в зависимости от различия профессий пролетариев, их условий быта, языка и проч. и проч. Бундовцев смущает противоречивость и двойственность положения Бунда, состоящая, видите ли, в том, что в специальных вопросах он выступает как Бунд, а в общих теряет свою физиономию. Небольшое размышление показало бы им, что такая «двойственность» существует в положении безусловно всякого рабочего социал-демократа, который в специальных вопросах выступает как представитель известной профессии, как член известной нации, как житель известной местности, а в общих вопросах «теряет свою физиономию» и приравнивается ко всякому другому социал-демократу. Автономия Бунда, по уставу 1898 года,—явление, совершенно однородное с автономией Тульского Комитета; только пределы этой автономии несколько иные и несколько более широкие в первом случае, чем во втором. И ровно ничего, кроме вопиющей логической несообразности, не заключается в следующем положении, которым Бунд опровергает такой вывод: «если Бунду предоставляется самостоятельность в некоторых программных вопросах, то на каком основании он лишается всякой самостоятельности в остальных программных вопросах?» Это противопоставление специальных вопросов общим, как «некоторых»—«остальным», есть бесподобный образчик бундовского «логического разбора»! Люди никак не могут понять, что это значит противопоставлять различный цвет, вкус и запах отдельных яблок числу «остальных» яблок. Смеем вас уверить, господа, что не только некоторые, а каждое яблоко имеет тот или иной специальный вкус, цвет и запах. Не только в «некоторых», а во всех без исключения программных вопросах предоставляется вам самостоятельность, господа, но именно постольку, поскольку речь идет о применении этих вопросов к специальным особенностям еврейского пролетариата. Mein teuerer Freund, ich rath'Euch drum zuerst Collegium logicum!

Второй аргумент бундовцев состоит в ссылке на историю, которая будто бы выдвинула Бунд как единственного представителя еврейского пролетариата.

Это положение, во-первых, неверно. Сам автор брошюры говорит, что «работа других организаций» (кроме Бунда) в этом направлении (т. е. работа среди еврейского

пролетариата) или ничего не дала, или дала не стоящие внимания результаты». Значит, работа велась, по его собственному признанию, и, следовательно, единственным представителем еврейского пролетариата Бунд не был; в оценке результатов этой работы никто, конечно, не положится на суждение самого Бунда; наконец, небезызвестно, что Бунд противодействовал работе других организаций среди еврейского пролетариата (достаточно назвать известный эпизод борьбы Бунда против Екатеринославского Комитета партии, осмелившегося выпустить прокламацию [2] к еврейским рабочим), — следовательно, если бы даже результаты действительно были не стоящими внимания, то в этом есть доля вины самого Бунда.

Далее. Та доля истины, которая заключается в исторической справке Бунда, нисколько еще не доказывает правильности его аргументации. Факты, которые действительно имели место и которые имел в виду Бунд, говорят не за, а против него. Эти факты состоят в том, что Бунд существовал и развивался, — в течение тех пяти лет, которые прошли со времени первого с'езда, — совершенно самостоятельно и независимо от остальных организаций партии. Вообще между всеми организациями партии фактическая связь за это время была чрезвычайно слаба, но связь Бунда с остальными частями партии не только была еще гораздо слабее, чем связь между другими организациями, но и ослабевала все более. Что Бунд сам ослаблял эту связь, — прямо доказывается историей заграничных организаций нашей партии. В 1898 году члены Бунда входили в одну общую партийную организацию за границей; к 1903 году они выделились в совершенно самостоятельную и независимую заграничную организацию. Самостоятельность и независимость Бунда не подлежит сомнению, равно как и постепенное их усиление.

Что же вытекает из этого несомненного факта? Для бундовцев отсюда вытекает необходимость преклониться пред этим фактом, рабски подчиниться ему, превратить его в принцип, в единственный принцип, дающий прочный базис для положения Бунда, узаконить этот принцип в уставе, который должен признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата в партии. По нашему же мнению, такой вывод есть чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта. Из пятилетней истории разброда надо делать вывод не об узаконении разброда, а о необходимости раз навсегда покончить с ним. А неужели может еще кто-нибудь отрицать, что это был действительно разброд? Самостоятельно и независимо развивались за это время все части партии, — не следует ли уже отсюда вывести «принцип» федерации между Сибирью, Кавказом, Уралом, югом и проч.? Бундовцы сами говорят, что партия, в смысле организационного об'единения частей, фактически не существовала, — как же можно из того, что сложилось при несуществовании партии, делать вывод по вопросу о восстановлении организационного единства? Нет, господа, ваша ссылка на историю разброда, создавшую обособленность, ровно ничего не доказывает, кроме ненормальности этого обособленного состояния. Выводить организационный «принцип» из нескольких лет партийной дезорганизации значит поступать подобно тем представителям исторической школы, которые, по известному саркастическому замечанию Маркса, готовы были защищать кнут на том основании, что это кнут исторический.

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато несомненно принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению только, эта сионистская идея — совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории», — говорит один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кишиневская резня и еврейский вопрос», стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию (Die Neue Zeit, 1903, № 2). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Накэ, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару, — говорит он про известного сиониста, — угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что, хотя я и родился евреем, ... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорическим нет. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет налицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем, в наше по крайней мере время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски, и ему нелегко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столковаться со своими сородичами (congénères) из других частей света». («La pétite Republique», 24 sept. 1903 г.). «Евреи немецкие и французские совсем не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (empreinte) национальности. Если бы позволительно было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам остается разве только разобрать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией — черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении * идея об особом еврейском народе реакционна по своему

* Не только национальные, но даже и расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности истории еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера?» — спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса. «Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (necessités sociales), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (phénomène de race)».

политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической деятельности. Во всей Европе падение средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и об'явить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России благодаря пробуждению геройского самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно об'яснить случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются против ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность? — и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто». «Когда национальное собрание 1791 года[3] декретировало эмансипацию евреев, — писал Ренан[4], — оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия — уничтожение всех «гетто», и я не поздравляю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с различными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имеющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность к инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности». И вот, этому единственно возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это — основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии. Эта ошибка доводит бундовцев до такой невиданной в среде международной социал-демократии вещи, как возбуждение недоверия еврейских пролетариев к нееврейским, заподозривание этих последних, распространение неправды про них. Вот доказательство, взятое из брошюры: «Такая нелепость (чтобы организация пролетариата целой национальности была лишена представительства в центральных органах партии) может открыто проповедываться только (это заметьте!) по отношению к еврейскому пролетариату, которому в силу особенных исторических судеб еврейского народа еще приходится бороться за равноправное положение (!!) в семье всемирного пролетариата». Мы встретили недавно такую именно выходку в одном сионистском листке, авторы которого рвут и мечут против «Искры», видя в ее борьбе с Бундом нежелание признать равноправность еврея с нееврееем. И теперь бундовцы повторяют сионистские выходки! Распространяется прямая неправда, потому что мы не «только» по отношению к евреям, а и по отношению к армянам, грузинам и проч. «проповедывали» «лишение представительства» и по отношению к полякам призывали к сближению, единению, слиянию всего пролетариата, борющегося с царским самодержавием. Недаром же и громила нас П. П. С. (польская социалистическая партия)! Называть свою борьбу за сионистскую идею еврейской нации, за федеративный принцип организации партии «борьбой за равноправное положение евреев в семье всемирного пролетариата» — значит низводить борьбу из области идей и принципов в область заподозриваний, науськиваний, разжигания исторически сложившихся предрассудков. Это значит воочию показывать неимение действительно идейных и принципиальных оружий в своей борьбе.

* * *

Мы пришли, таким образом, к выводу, что ни логические, ни исторические, ни националистические доводы Бунда не выдерживают никакой критики. Период разброда, усилив шатания среди русских социал-демократов и обособленность отдельных организаций, сказался в том же направлении и еще даже сильнее на бундовцах. Вместо того чтобы поставить своим лозунгом борьбу с этой исторически сложившейся (и разбродом усиленной) обособленностью, они возвели ее в принцип, ухватившись для этого за софизмы насчет внутренней противоречивости автономии, за сионистскую идею еврейской нации. Только решительное и прямое признание этой ошибки и провозглашение поворота к слиянию может свести Бунд с того ошибочного пути, на который он встал. И мы уверены, что лучшие представители социал-демократических идей среди еврейского пролетариата рано или поздно заставят Бунд повернуть с пути обособленности на путь к слиянию.

[Н. Ленин]

ИЗ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

(«Лукавое время»).

Начальник технического железнодорожного училища в Воронеже, г. Н. Н. Пантелеевский, произнес на торжественном акте торжественную речь. «Указав на задачи школы, на необходимость религиозно-нравственного воспитания юношества, на развитие в нем чувства любви и преданности царю и отечеству и уважения к закону и государственным учреждениям, он заметил, что эта задача в настоящее время затрудняется потому, что у всякой школы есть серьезный противник — это наше лукавое время» («Моск. Вед.» № 268).

Этими словами «друг юношества» — как называют г. Пантелеевского «Моск. Вед.» — замечательно верно охарактеризовал переживаемый нами исторический момент. Для защитников «порядка» это момент несомненно «лукавый». Характерная черта нашего времени — разложение старых, традиционных отношений, падение обветшалых авторитетов, сомнение и недоверие к унаследованным истинам, задорный дух критики. Положительный идеал, созидательная работа только понемногу начинают захватывать умы более развитого и чуткого меньшинства, большая же масса и народа и общества находится еще в переходной стадии разрушения отживших форм, в «лукавой» стадии скептицизма и отрицания.

«Современное неверие — говорит дальше г. Пантелеевский,—пресловутая переоценка ценностей, отрицание всех авторитетов человечества, даже высочайших, спускаясь с вершины подлинной, но несчастной, мятущейся интеллигенции, начинает проникать в глубь нашего полуинтеллигентного общества и мутной жижицей просачивается ниже, в его еще не выветрившуюся, здоровую подпочву, в народ, заражая совесть и сердца нашей хорошей подлинно-русской трудовой православной семьи». Как видите, «лукавый» дух отрицания и сомнения проник во все слои русского общества, не пощадив даже «хорошую, подлинно-русскую трудовую православную семью» из «народа». Мы должны огорчить г. Пантелеевского; он, как городской житель, и не подозревает, до какой степени этот «лукавый» дух «заразил» «совесть и сердце» народа.

Другой, такой же «друг юношества», «потомственный дворянин и бывший профессор Варшавского университета», г. Борис Станкевич, сообщает нам по этому вопросу более точные и более печальные данные. «Зараза», оказывается, широко распространилась в народе через посредство сельской школы. «Отвращение к крестьянскому труду и притязание на барство — пишет г. Станкевич в № 270 „Моск. Вед.“, — непочтительность к родителям, к духовенству, к представителям власти, к заслуженнейшим из дворян-землевладельцев; равнодушие к церкви и неуважение к закону, наклонность к сутяжничеству и подстрекательству односельчан на все недоброе(?), — вот характерные черты, отличающие окончивших сельские школы или учившихся в них молодых крестьян». Такое признание со стороны человека, состоящего «членом юрьевского училищного совета» и пишущего в «Моск. Вед.», является для нас очень веским доказательством того, что стихийный процесс разрушения старых форм крестьянского самосознания и отношений в деревне достаточно расчистил почву для внесения в деревенскую среду новых идей и нового классового самосознания. Подумайте только: ведь, если перевести слова г. Станкевича с верноподданнического языка на язык свободных людей, нарисованная им картина обозначает полное разложение основных «устоев» старой деревни, освобождение крестьянина от рабьей психологии, пробуждение в нем чувства человеческого достоинства. «Безнравственность», по терминологии гг. Станкевичей, представляет как-раз первые проблески нравственного чувства — самоуважения. Это наглядно иллюстрируется следующей параллелью из статьи «бывшего профессора»: «Молодые крестьяне, которые получили свое воспитание и образование в военной службе, несравненно нравственнее воспитанников сельских школ, не отбывших воинской повинности. Последние в нравственном отношении стоят ниже даже тех крестьян, которые совсем нигде не учились».

Ясно, что стихийный процесс разрушения старого миросозерцания крестьянина, процесс, вызванный самым ходом общественно-экономического развития, достиг уже такой напряженности, что даже та крупица света, которую дает наша жалкая сельская школа, оказывается достаточной, чтобы внести в сознание масс потребность протеста против старой лживой крепостной «нравственности».

Так злая зараза охватила все слои русского народа, от «подлинной, но мятущейся» интеллигенции до грамотных и не притупленных военной выправкой крестьян. Плоды «лукавого времени» видны на каждом шагу. Они видны и в речи орловского губерн. предводителя дворянства, доказывавшего, что независимое дворянство нужно «для борьбы с вековым врагом — темнотой непросвещения, для защиты народной от буйных наездов, от крючкотворства под'ячего, от самовольной кривды опричника» («Спб. Вед.», № 205). Они видны во всей общественной деятельности «городских интеллигентов», имеющих, по словам «Моск. Вед.», «особую наклонность к политиканству и выражению всяких неудовольствий существующим порядком». «На то они, впрочем, интеллигенты, да притом беспочвенные (в материальном и нравственном отношении*) — продолжают «Моск. Вед.» (№ 264), — от них можно ожидать и услышать что хотите в смысле всяких ученых теорий, культурных взглядов, космополитических тенденций. Но не услышите вы слов: порядок, патриотизм, дисциплина, уважение к собственности, как не услышите никаких вотировок в пользу порядка, поддержания религии, монархии, народной нравственности». Плоды «лукавого времени» особенно сильно сказались на учащейся молодежи. Жалобы на непокорность и дерзость «гимназиста» сыплются, как из рога изобилия, ото всех благонамеренных людей: казенных педагогов, полицейских чинов и т. д. и т. д. Они нашли свое выражение в циркуляре министра народного просвещения и в целом потоке статей, писем, заметок, вызванных полемикой из-за рассказа Л. Андреева[5] «В тумане». «Гимназист» мутит, он дерзит начальству, читает запрещенную литературу, основывает нелегальные библиотеки, кружки, союзы. Недавно еще (в № 48) «Искра» дала отчет о «втором с'езде Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ», и этот с'езд дерзновенно «клеймит последний циркуляр министра народн. просв. — тщетную попытку заглушить развитие революционного самосознания среди русской учащейся молодежи». «Гимназист» идет даже дальше: он прямо принимает участие в революционной борьбе, вступает в революционные организации, участвует в политических демонстрациях, говорит пламенные речи к толпе, с ним приходится серьезно считаться правительству, с ним приходится бороться. «8 сентября, — пишут в „Искру“ из Ростова н/Д., — в $6^1/_2$ час. вечера в балке, около городских боен, батальон Феодосийского полка предводительствуемый жандармами и усиленный

* Т. е. интеллигентный пролетариат, по обычной терминологии.

„шпиками“, окружил и захватил большую толпу, почти исключительно состоявшую из учащейся молодежи средних школ» («Искра», № 49).

Однако, всего разительнее сказалось влияние «лукавого времени» на народных массах. «Наша толпа, и в массе, и в ее отдельных представителях, все более и более эмансипируется от соблюдения порядочности и порядка, тяготея к разнузданности», — жалуется знакомый нам уже «друг юношества» («Моск. Вед.», № 268). И действительно: не говоря уже о тех грандиозных массовых стачках и крестьянских движениях, которые вызываются тяжелым экономическим положением масс, обратите внимание на небывалое прежде явление — стачки «по симпатии» и политические демонстрации. Праздничная толпа, собравшаяся поглазеть на кулачных бойцов, а то и сама подраться, по первому призыву юноши-революционера бросает свое развлечение и идет под красными знаменами в город, крича «долой самодержавие!» Когда за это судят предполагаемых вожаков, толпа дерется перед дверями суда с полицией, невзирая на казаков, полицию и войска, невзирая на правительственный террор, грозящий виселицами! (См. брош. «Таганрогский процесс»)[6]. Что-то случилось, какая-то таинственная перемена произошла в душе вчерашнего покорного раба, порвалась какая-то магическая нить, связывавшая его психологию с господствующим порядком, исчез гипноз, а с ним исчезло и обаяние силы, права и правды самодержавного строя. Революционный клич «долой самодержавие!» и его непосредственнно ближайшее дополнение: «бей полицию!» все более и более вытесняют вчерашние лозунги несознательной толпы: «бей жидов!» и «бей студентов!». В первые дни таганрогского процесса местный полицмейстер велел арестовать троих рабочих за то, «что означенные лица... проявили упорное желание вызвать своим поведением беспорядок в городе, с криками „бей полицию“! подстрекали толпу и даже проявляли явное сопротивление при задержании». Это «бей полицию!», эта борьба против непосредственно соприкасающейся с жизнью масс формы самодержавного гнета и насилия стала настоящим «минимальным» лозунгом пробуждающегося пролетариата. Легальная пресса за последние месяцы переполнена разными мелкими фактами, вроде сопротивления властям, подстрекательства к сопротивлению, вмешательства в действия полиции и т. п. И эти мелкие факты, при их повсеместном и частом повторении, представляются в известном отношении особенно характерными. Они показывают, как широко разлился и глубоко проник в массы дух протеста и отпора. Они показывают, как много у нас везде и повсюду горючего материала, способного при благоприятных условиях разгореться в пожар грандиозных массовых движений. Факты вроде вмешательства тихорецких рабочих в дело Золотовой[7] для нас особенно ценны, как свидетельство развития и зрелости пролетариата для общественной деятельности. Поэтому для нас имеет большое значение такой, на первый взгляд ничтожный, факт, что 13 августа в Керчи толпа пыталась ворваться в помещение второго участка и освободить арестованных за беспорядки («Южн. Кур.»), или что в г. Сочи толпа, встретив городового, сопровождавшего на кладбище гроб умершего в арестном помещении рабочего, вернула гроб и потребовала расследования дела и наказания городовых, которых она подозревала в убийстве; когда же ей было отказано, она разгромила арестное помещение и сильно помяла полицейских («Приаз. Кр.»). Характерен и такой «приказ по полиции»: «И. д. войскового наказного атамана ген.-лейт. Плеве приговорил крестьянина Алексеева за подстрекательство собравшейся около его бакалейной лавки толпы крестьян не подчиняться требованиям полиции и нанесение им оскорбления словами местному уряднику, а также крестьян Сергеева, Морозова и Попкова за произведение ими беспорядков на руднике Русско-Донецкого общества, выразившееся в том, что, получив отказ в добавлении платы за работу, они подстрекали рабочих к оставлению работ в руднике — к трем месяцам ареста при полиции». И таких «приказов» можно было бы привести сколько угодно.

Атмосфера жизнерадостной дерзновенности, внесенная в русскую жизнь «лукавым временем», отозвалась, — в противоположном смысле, конечно, и на буржуазно-благонамеренной части общества и на самом правительстве. Красный призрак витает над русской землей, держа в вечном страхе верных слуг самодержавия. Характерную иллюстрацию этого дает корреспонденция в № 266 «Спб. Ведомостей»; какой-то шутник захотел, повидимому, сделать «социологический опыт» с реакцией благонамеренной публики на красный цвет. «В конце июля, пишут „Спб. Ведомостям“ из Барнаула, во всех кругах местного общества распространился слух, что какие-то рабочие будут производить в городе погром, в особенности в богатых и чиновных кварталах. И, несмотря на всю абсурдность этих слухов, они произвели в городе громадную сенсацию. Многие жители запаслись оружием и огнестрельными припасами, многие на ночь забаррикадировали окна и двери, и были даже случаи, что некоторые богатые люди забрали свои семьи и выехали на пароходе в Ново-Николаевск». Вечером этого дня была иллюминация и гулянье; однако, публики явилось очень немного и чувствовалась какая-то «пришибленность». «Полиция, усиленная чинами с. Павловского, была вся на ногах и бдительно носилась по городу, патруль был усилен и, говорят, даже были на всякий случай приготовлены солдаты!». Шутник этот наверно был социал-демократ! «Лукавое» время, «лукавые» люди! Как в древнем мире боги побежденных народов занимали должности дьяволов, «лукавых», в религии победителей, так и наши «боги», боги трудящихся масс, боги свободы, равенства и братства, кажутся нечистой силой праведникам из «Моск. Ведомостей». Пусть так, но пусть не забывают верные слуги самодержавия и православия, что, по их же вероучению, в этой «юдоли греха» суждено торжествовать «лукавому», и он восторжествует и на этот раз!

[Орловский-В. Воровский]

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАШЕЙ ТАКТИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ.

(Посвящается Бунду).

Среди многочисленных средств, которыми буржуазия и буржуазная демократия стремятся затемнить растущее классовое самосознание пролетариата и смягчить резкость

классовой борьбы, национализм является одним из самых могучих орудий. Принимая самые разнообразные оттенки в зависимости от исторического момента и той социально-политической атмосферы, в которой он развивается, национализм в руках врагов рабочего класса всегда и везде имеет одну задачу: внушить рабочей массе, что «национальные» интересы выше классовых; что связь и родство различных классов одной нации теснее, чем солидарность интересов пролетариата разных национальностей; что против «общего национального врага» рабочие должны итти рука об руку с буржуазией. Однако это орудие приобретает особую силу и остроту, когда антагонизм экономических интересов осложняется вмешательством политического фактора, когда две или несколько наций стоят друг к другу в отношении победителей и побежденных. Ограничительные законы, насильственное вторжение в культурное развитие народа, преследование вероисповедания, языка и целый ряд подобных насилий касаются всех слоев нации, и хотя, конечно, рабочим массам больше всего приходится расплачиваться за «нацию», они не могут не признать, что в данном случае в борьбе действительно заинтересованы все классы. Естественно, что националистические идеи здесь находят особенно благодатную почву, и часто среди порабощенных наций социалистическая пропаганда встречает сильный отпор или принимает самые уродливые формы. А, между тем, только идея социализма может противодействовать этой взаимной вражде и недоверию рабочих масс разных народов, она одна может дать тот общий принцип, который в силах сблизить и об'единить их в борьбе за общие интересы. Так, например, на Кавказе только социалистическая агитация смогла уничтожить среди пролетариата различных — враждующих между собой — национальностей этот антагонизм и способствовать сближению так давно живущих бок-о-бок народностей.

Перед социалистами, работающими среди таких национальностей, стоит крупная задача: каким образом бороться с этими националистическими преградами, какими средствами уничтожить антагонизм между пролетариатом разных национальностей и сплотить его для борьбы за политическую свободу и за социализм?

Не берясь разрешать этот вопрос в настоящей заметке, мы постараемся осветить его, указав на тактику, которую приняли наши товарищи, работающие на Кавказе.

Еще несколько лет тому назад, когда на Кавказе и помину не было о социалистической пропаганде, пролетариат разноплеменного местного населения жил совершенно замкнутой, обособленной, бессознательно-враждебной ко всем окружающим нациям жизнью. Он отражал на себе всю ту борьбу, которую вели буржуазные элементы ради своих выгод, и плелся в хвосте буржуазных партий. Армянин ненавидел татарина как исконного своего врага, грузин — армянина как ростовщика и эксплоататора, они все ненавидели русских как представителей поработившей нации, ответственных за деяния царского правительства. Буржуазная пресса, с одной стороны, правительственные агенты, с другой, разжигали эту взаимную ненависть, потому что и той и другой стороне она приносила громадные выгоды. Не меньшую роль играли в этой национальной обособленности армянские революционные националистические организации, ставящие себе целью политическое освобождение турецких армян от ига султана. Они всеми силами старались задержать рост социалистического движения среди кавказских армян, чтобы тем не отвлечь их внимания от судеб турецких соплеменников. При таких условиях пришлось выступить кавказской социал-демократии, и она с самого начала стала на вполне верную точку зрения. Прежде всего надо было уничтожить этот национальный антагонизм, чтобы из разрозненных рабочих создать действительно единый пролетарский лагерь, в противовес буржуазному миру. Надо было не только внушить рабочим, что интересы рабочих всех национальностей солидарны, но и постоянным практическим сближением на будничной революционной работе, постепенным введением рабочих каждой национальности в круг вопросов, занимающих другие национальности, уничтожить веками создавшуюся отчужденность и тем фактически слить их в единое целое. Нужны были общие пропагандистские кружки, совместные агитационные собрания, где с каждым говорили на понятном ему языке, нужна была широкая агитационная литература на всех местных языках, наконец, что самое главное, общие организации без подразделений на национальности, чтобы создать действительное единство. Русский распространял и расклеивал армянские и грузинские прокламации, армянин рабочий вел агитацию среди татар, грузин-наборщик печатал русские листки, и они все вместе, с о о б щ а, вырабатывали план действий на демонстрациях, в стачках, на организационных собраниях! Только благодаря такой работе, во всех открытых заявлениях протеста организованный пролетариат города выступал как единое целое, по какому бы поводу ни был организован протест.

Но тут могут возразить: не поведет ли такая тактика к сужению самой агитации, не придется ли агитатору всегда стараться выбирать и затрагивать вопросы, общие всем национальностям, населяющим данную местность? Не останутся ли не использованными или недостаточно освещенными те местные явления или мероприятия правительства, которые касаются только отдельных национальностей? Да, это имело бы место, если бы наша партия и теперь придерживалась тех взглядов, какие господствовали в пресловутый период кустарничества и экономизма! Разве мы теперь в своей агитации не касаемся всех проявлений современного политического и экономического режима, а сводим всю свою пропаганду только к вопросам профессиональным или имеющим некоторое соотношение к профессиональным интересам рабочих? Разве не все течения современной общественной жизни, будет ли это антисемитизм, русский либерализм, еврейский сионизм или армянский национализм, делаем мы темой для бесед с рабочими? Разве мы говорим с ними только о восьмичасовом рабочем дне или увеличении заработной платы? Если мы все это делаем, если до этого развилась наша тактика, то каким образом могут остаться неиспользованными вообще какие-нибудь явления политической жизни, особенно же такие, которые живо затрагивают интересы населения целой местности! Мы, наоборот, должны стараться, чтобы русский рабочий так же ясно сознавал весь вред, приносимый делу об'единения пролетариата, делу политической свободы и

вообще нормальному культурному развитию страны человеконенавистнической политикой царского самодержавия, как сознает это еврей, грузин, армянин, поляк и т. д. Мы должны стремиться, чтобы рабочие евреи, грузины, армяне и другие ясно видели, в каких разнообразных, но единых в сущности формах проявляется у разных народов национализм, как он является в руках врагов пролетариата реакционной силой, мешающей классовому об'единению рабочих масс, и какими средствами социал-демократия борется с ним. Такая широкая пропаганда классовой солидарности особенно необходима там, где различные национальности тесно сплетаются друг с другом, и вести ее необходимо и обязательно среди всего пролетариата данной местности, пользуясь всеми возможными темами, независимо от того, касаются ли эти темы всех или только одной национальности. Вот почему безусловно правильна тактика кавказских организаций, издающих непременно все прокламации и листки на русском и туземных языках, независимо от того, говорится ли в них о еврейских погромах, об отобрании армянских церковных имуществ, о грузинском дворянстве и т. д. При такой постановке дела агитации ни одно из проявлений современного политического режима не останется без должного отклика. Единство агитации, единство пропаганды, единство организации естественно поведут и к единству пролетарской психологии, к отстранению отчужденности, к подчинению общеклассовым интересам интересов национальных. Такова тактика наших кавказских товарищей, и это единственно верная тактика социал-демократии среди разнообразия племен и наций Кавказа. Везде и всюду мы должны резко выступать против всякого затемнения классового сознания пролетариата, будет ли это совершаться национализмом П. П. С., «социал-революционной» декламацией буржуазно-демократических «фракций» или организационным сепаратизмом Бунда. Только организовавшись в единую, вполне самостоятельную партию, без различия национальностей, пролетариат России может стать той могучей политической силой, которая способна будет сделаться действительным авангардом всех революционных сил страны и сломить в конец самодержавие.

Кавказец [Б. Кнуньянц]

О КИЕВСКИХ СОЦИАЛИСТАХ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАХ.

Как нельзя более характерна для направления социалистов-революционеров та позиция, которая занята киевским «комитетом» их «партии» по вопросу об июльских событиях [8]. Все отличительные черты этого направления, представляющего из себя уродливую смесь спазматического бунтарства с доктринерским экономизмом, нашли себе яркое выражение в тех немногих действиях и письменных актах, которыми киевская организация соц.-рев. заявила о своем существовании во время киевской стачки: тут и полное отсутствие критического отношения к действительности и неспособность затронуть хоть как-нибудь живой нерв окружающей жизни, тут непонимание самых простых и важных вещей и схоластическое мудрствование над пустяками с глубокомыслием, достойным хемницеровского метафизика. Судите сами.

В то время как Киевский соц.-дем. Комитет усиленно занят подготовкой всеобщей стачки, социалисты-революционеры озабочены составлением и распространением гектографированного (как и все прочие местные их издания) листка о выселении еврейских ремесленников из Киева.

Это ли не отсутствие здравого чутья и понимания интересов минуты?!

Проходит несколько дней. Стачка в полном разгаре. Соц.-дем. Комитет, представляя интересы киевских рабочих, выпускает массами листки, излагающие их требования и об'единяющие их на почве общего протеста. Организуются политические митинги. Работы такая масса, что едва хватает времени и сил на самое необходимое. Чем же заняты в это время соц.-рев.? Бросив вокруг себя пытливый взор на заварившуюся суматоху, они замечают, что полиция из сил выбивается в начавшейся травле стачечников. Работы ей прибавилось, а между тем размеры получаемого ею жалованья остались прежними. Вот удобное поприще для нашей деятельности, — решают социалисты-революционеры — и, недолго думая, выпускают листок к городовым с призывом бороться за улучшение своего положения.

Картина: пролетариат ведет отчаянную борьбу с самодержавно-полицейским строем, и в это время соц.-рев. не находят ничего лучшего, как принять на себя труд быть выразителями интересов низших чинов полиции. Это ли не уродливая крайность доктринерского экономизма?

В самый разгар событий, когда при всеобщем возбуждении без большого труда можно было вызвать новую кровопролитную стычку рабочих с войсками, соц.-рев. приглашают рабочих в воскресенье 27 июля, в пять часов вечера, на вооруженную демонстрацию, на Еврейский базар. Демонстрация эта к счастью не состоялась. Не спазматическое ли это бунтарство самого невысокого пошиба?

После этой попытки «самостоятельно вмешаться» киевские соц.-рев. выпускают листок с оценкой всего движения. Общий смысл листка таков: «рабочие на юге пережили тягостные дни», их движение потерпело «неудачу», «волна движения разбилась об острые утесы самодержавия», «рабочие не добились прочных успехов»; об'ясняется это тем, что движение было якобы экономическим; но «летние события дали народу урок». Теперь для рабочих, мол, ясно, что вся беда в том, что они не послушались соц.-рев. и не свергли предварительно самодержавия (будто бы всеобщая стачка сама по себе не есть одна из форм политической борьбы!).

Таким образом выходит, что польза движения заключается лишь в том, что рабочие на своем горьком опыте поняли его бессмысленность и бесцельность при самодержавном строе.

Но теперь, получив «урок», пережив (по вине соц.-дем., конечно) «тягостные дни», они, можно надеяться, возьмутся за ум и, «отвергнув все (читай стачки), что отвлекает рабочих от этой ближайшей цели» (свержения самодержавия), пойдут, очевидно, за соц.-рев. на террор.

Критически относясь к всеобщим стачкам, авторы листка не останавливаются, впрочем, на вопросе о средствах политической борьбы.

Таков замаскированный смысл листка. Всегда терпеливо сносящий всевозможные выходки соц.-рев. (см. ст. «Искры» «Еще о Тартюфах») [9], киевский комитет на этот раз изменил своему обыкновению. В одном из своих листков («Кто победил»), подводя итоги экономическим завоеваниям жел.-дор. рабочих, соц.-дем. Комитет попутно отметил стремление соц.-рев. умалить значение движения, к которому их организация была совершенно непричастна. В ответ на это замечание, занявшее всего пять строчек в очень большом печатном листке Комитета, соц.-рев. выпустили длиннейший и очень грубый ответ, в котором отрицается правильность замечания соц.-дем. Комитета:

1) Причастность «комитета» соц.-рев. к событиям несомненно доказывается, по их мнению, тем, что отдельные лица из их числа арестованы во время стачки, что они распространяли свои листки (о выселении евреев и к городовым?) и агитировали (среди городовых?). Кроме того «в течение всего страдного года» много-де соц.-рев. было арестовано «именно за причастность к рабочему движению». Но ведь, этак рассуждая, следует признать «причастными» к киевской стачке, пожалуй, и народовольцев, и притом в значительно большей степени!

2) Явное умаление экономических завоеваний стачки и ее значения как средства политической борьбы, проведенное в листке в замаскированной форме, — вовсе отрицается соц.-рев.; здесь, мол, произошло недоразумение, их не поняли, они только говорили о том, что в движении сказалось слабое политическое сознание масс. Стоит только прочесть их первый листок, чтобы убедиться, насколько это утверждение верно.

3) Касаясь вопроса о вооруженной демонстрации, готовящейся ими в один из тревожных дней, соц.-рев. притворяются непонимающими, о чем идет речь, и заявляют, что приглашали рабочих заодно с соц.-дем. Комитетом на Софийскую площадь. Об этом мы слышим впервые. Говоря о вооруженной демонстрации, соц.-дем. Комитет разумел ту, которая готовилась соц.-рев. в воскресенье 27-го, в пять час. веч., на Еврейском базаре. Надеемся, что они не станут отрицать этого факта.

Насколько соц.-рев. неразборчивы в выражениях, видно из того, что упоминание об этой демонстрации они назвали инсинуацией со стороны Комитета, видимо, считая позорным для своей чести неправильно, допустим, приписываемое им намерение устроить вооруженную демонстрацию.

До самого последнего времени отношение между соц.-рев. и соц.-дем. в Киеве были совершенно безразличные, что об'ясняется отсутствием точек соприкосновения между двумя этими организациями. И лишь в период активной, напряженной борьбы, всколыхнувшей весь Киев, эта рознь ярко вскрылась, обнаружив резкое противоречие между исходными точками зрения и навыками мысли обоих этих направлений.

P. S. Упомянутый в этой корреспонденции полемический листок киевских соц.-рев. напечатан в № 33 «Рев. Росс.» и снабжен соответствующим редакционным примечанием. Редакция и тут пустила в ход успешно практикуемый ею способ подтасовки предмета спора. В инкриминируемых пяти строках прокламации с.-р. комитета указывается лишь на то, что соц.-рев. имеют неправильное представление об экономических завоеваниях рабочих. Вот и все, что было сказано. В этом легко убедиться, так как сама «Рев. Росс.» приводит эти пять строк. Между тем и редакция «Р. Р.» и напечатанный ею листок киевский соц.-рев. приписывают киевским соц.-дем. мнение, будто бы движение было вполне сознательным, будто бы комитеты руководили движением в той степени, в какой это желательно и необходимо. Как можно было выудить из прокламации «Кто победил?» такие мысли, — совершенно непонятно.

[Правдин-Вокар]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Пробуждающиеся пошехонцы. Пошехонец пробуждается... Не тот грязный, неумытый и нечесаный пошехонец, которого вытащил на свет божий Щедрин, а пошехонец современный, пошехонец подстриженный и причесанный, читающий «Ниву» и толкующий время от времени об экономическом развитии России. Несмотря на более культурную внешность, по внутреннему содержанию современный пошехонец очень похож на своего предка: то же умственное убожество, то же равнодушие к общественным вопросам и, наконец, та же девственная пустыня по части вопросов политических.

Волна последних событий захлестнула пошехонца и неожиданно поставила перед ним ряд политических вопросов. Недоумевающий и растерянный стоит пошехонец перед этими огромными забастовками, перед этими многочисленными собраниями, политическими речами, революционными криками, стычками с войсками и выстрелами... Недоумевающий и растерянный, он силится понять что-нибудь и не может понять. И ряд вопросов, бессмысленных и нелепых, лезет в одурелую, отвыкшую от мыслей голову пошехонца: «Почему? Откуда народ? Почему собрание? Зачем дома не сидят? Почему шумят? На каком основании бунт? Зачем „долой самодержавие"? Как смеют дерзать? По какому поводу политическая свобода? Что случилось? Почему попрежнему не живут?».

И, бессильный сквозь сонную одурь, еще охватывающую его мозги, разобраться в разыгравшихся грозных событиях, пошехонец начинает сердиться и ругать все и всех, кто попадет под руку: и «блузников», и самодержавие, и «агитаторов», и политическую свободу... А наругавшись, он с грустью предается философским размышлениям на политические темы по образцу гоголевского судьи, который думал, будто все неприятности от того, что «это все француз гадит».

Вот образчики пошехонской политической мудрости, которые мне случайно удалось собрать во время моих скитаний по югу России.

Неуклюжий, широкий и приземистый помещик — совсем Собакевич, и аппетит такой же безграничный — задержан был событиями в Одессе.

«Вы не можете себе представить, — говорит он сиплым голосом, прожевывая бифштекс и запивая его пивом, — как они дерзки эти блузники!.. Я еду с женой и детьми на пароходе. Кругом целая толпа блузников, кричат: „Не ездите, пароход не пойдет"... Я тотчас же потребовал десяток казаков, чтобы пробиться к пристани... Казачий офицер мне отвечает: „Мне дела нет до вашей жены"... И ведь знаете, это все прусское общество нам гадит. Прусское правительство ничего против России не имеет, но прусское общество вооружено против нас. Представьте: собраны огромные деньги, они послали сюда массу агитаторов, и те-

перь сеют смуту!.. И я не понимаю, чего смотрит наше правительство? Как не заметили до сих пор опасности? В течение 10 лет Витте вел нас к пропасти. И теперь только опомнились, теперь, когда наступили эти бунты, вина которых целиком ложится на Витте. Потому что он, он довел народ до бунтов»... Если, по мнению Собакевича, в «бунтах» виноваты не то прусские агитаторы, не то Витте, то деревенский лавочник, встреченный мной в вагоне III класса, упорно думает, что ни Витте ни пруссаки тут не при чем, а виноваты англичане, которые задумали захватить Петербург и потому вошли в сношения с евреями, которые уже неизвестно почему заинтересованы, чтобы Петербург был взят англичанами. И вот этот-то союз англичан и евреев и мутит, давая огромные деньги «социалам», которые вообще хотели бы все и всех уничтожить, дома сжечь, деньги истребить, людей поубивать...

Что касается до евреев, то еврей-комиссионер с хитрым видом уверял меня, что он все это «прекрасно понимает, но евреям надо молчать... А впрочем, на наш век все же, быть-может, и хватит», — закончил он.

А вот молодой ученый, магистрант астрономии при Московском университете, который в политических вопросах не то действительно пошехонец, не то притворяется пошехонцем. Он силится уверить, что русское дворянство не привилегированное сословие, привилегированным же сословием является в России... рабочий класс, ибо правительство всячески покровительствует рабочим, а эти неблагодарные только мешают своими бунтами мирной работе правительства.

Совсем странно смотрит на последние события студент, бывший прежде уланом. Он сожалеет, повидимому, о своем прежнем «офицерском звании» и доказывает превосходство «офицерского звания» над студенческим тем соображением, что в таких случаях, как бунты, «офицер бьет по физиономии и бывает прав», что для студента неосуществимо. Впрочем, к рабочим он относится благосклонно и не одобряет лишь их «подчинение голосу подпольной печати», которую он и сам когда-то (уж не уланом ли?) почитывал, но затем «презрел»...

В заключение приведу сентенции начальника батумского депо г. Оболенского: «Ну, хорошо! — жаловался он: — мало там получают, стачки там устраивают, — их дело; за это с ними рассчитаются. Но я-то при чем? Пообедать, как следует, нельзя! — мяса нет. Нет, это что... Вы подумайте: жена больна, за доктором с'ездить — фаэтона нет... А, что?! Прямо бы сел на лошадь, да в плети их, мерзавцев! Нечего церемониться».

Как видите, большой сумбур в головах пошехонцев, но и в этом сумбуре есть уже зачатки политической мысли. Несомненно, пошехонец пробуждается к политической мысли и скоро совсем пробудится.

Солдаты и рабочие. (Письмо из Киева). После стачки мне как-то пришлось беседовать с солдатами по поводу этих событий. Солдаты жалуются и плачутся: «И что это рабочие против нас? Нет, мы им совсем не враги. Нас заставляют так с ними обращаться». — «Ну,—говорю я,—вы не хотите, а все же стреляете в ваших братьев и сестер». «Да разве мы стреляем?!!» — говорят солдаты. — «А как же? — удивился я. — Если вы не стреляете, то кто же во время забастовки убил стольких людей?!» — «Какая это стрельба? Подумайте, если бы мы хотели, то с одного залпа разбили бы всю толпу! Конечно, кое-кто убит и ранен. Это потому, что среди нас есть темные люди, которые целятся. Но большинство в толпу не стреляло. Разве мало места для пуль вверху? Слушайте, мы ничем не виноваты; но вы старайтесь организовать наших офицеров, все зависит от них, а мы уж на все согласны и готовы».

В другой раз мне пришлось беседовать о солдатами по поводу прокламации от Киевского Комитета «К солдатам Киевского военного округа». Прокламация была написана хорошо и трогательно и сильно взволновала солдат. Они мне рассказывали, что они все читали ее и перечитывали, некоторые даже выучивали ее наизусть. Когда весть о прокламациях дошла до офицеров, то произошло смятение. Был обыск во всей казарме и почти у каждого солдата нашли по одному листку. Начали делать дознание, как они сюда попали, но ничего не открыли. Дневальные были оштрафованы и учрежден за солдатами сильный надзор. Но, несмотря на это, солдаты просят и умоляют не забывать их и давать им почаще прокламации.

Рабочий.

Одесса. Массовые аресты за последнее время, притом без всякого повода, приводили всех в недоумение. Наконец все выяснилось. Приехал к нам новый градоначальник Нейгард с специальной целью искоренить «крамолу». Всех, арестованных во время стачки и затем выпущенных, вновь забрали. На вокзале арестовано 10 человек якобы вожаков и руководителей стачки. Вокзальные рабочие бросили работу и обещают не возобновлять ее впредь до освобождения товарищей. Из других подвигов нового одесского царька отметим его речь в думе такого приблизительного содержания: «Вы, господа,—государевы слуги, облеченные доверием государя, служите государеву делу, а потому ура!». Гласные, конечно, поддержали его.

Приезжал к нам генерал от самодержавия Богданович. Железнодорожное начальство, очевидно по повелению свыше, еще накануне приезда рыскало по мастерским, отыскивая подходящих рабочих для составления приветственной депутации». С трудом кое-как набрали 17 «благонадежных» «депутатов». Генерал встретил их приветливо: «Что вам, братцы, нужно?» — «Велено к вам явиться, ваше превосходительство». — «Т. е. как это велено?» — сконфузился генерал: — вы ошиблись, вам должно быть, предложили». — «Никак нет, ваше превосходительство, велено итти к генералу, — мы и пошли». Насилу рабочие поняли, что генералу хочется, чтобы они разыграли комедию «представительства». Покончив с этим, генерал усадил своих гостей и повел с ними беседу. Подали чай с сладкими сухарями. Генерал рассказывал о мощах Серафима Саровского, о Феодосии Черниговском и, наконец, о Касперовской иконе божией матери. Об этой «чудотворной» иконе генерал всегда рассказывает, что она излечила его от тяжкого недуга — слабоумия; но все слышавшие речи почтенного генерала уверяют, что это неверно. От «священных» разговоров генерал перешел к забастовкам: «Зачем вы, братцы, забастовки устраиваете?» Рабочие начали говорить о том безвыходном положении, в котором находится русский рабочий, о нужде и голоде. «Все это хорошо, а зачем же „долой самодержавие“ кричать?». — «Да что ж, обращались мы и к нашему начальству, писали разные прошения, все ничего не выходило. Поневоле „долой самодержавие“ закричишь», — горячо ответил один из депутатов. Генерал опешил. «Восемь лет, — добавил другой депутат, — я работал, надрывался и никакого толку не было, а как пошли забастовки, хотя и двугривенный, а все же набавили». «Ну, а прокламации читаете?» — осведомился генерал. «Как не читать — читаем!» Собеседники, повидимому, пришлись генералу не по вкусу, и он скоро отпустил их, наградив всяческими советами и своими книженками. Рассказ «депутатов» вызвал среди жел-дор. раб. целое море смеха и шуток по адресу генерала.

Один из депутатов так передавал свои впечатления: «А хорошо было у генерала, я три стакана чаю с сладкими сухарями выпил». — «Ну, а что же еще было?» — «Да все, старый хрен, про Серафимчика рассказывал». Принесенные «депутатами» книжки были торжественно разорваны в мастерской. Второй дебют странствующего агитатора имел место в казарме ополченцев. Опять те же речи о Серафимчике, о Феодосии, о божьей матери. Уставшим офицерам надоело слушать эту дребедень, и они шумными движениями стали выражать свое недовольство. Нижние чины последовали их примеру, и генерал едва успел закончить свою речь среди поднявшегося шума, стука и кашля.

На одном из последних заседаний фабрично-заводского отдела одесского технического общества предложен был на обсуждение вопрос о стачках. Долго гг. русские предприниматели робко ходили вокруг да около вопроса, топчась на месте: то верх брала боязнь перед новыми движениями среди рабочих, то сознание их неизбежности, то упрекали они правительство за попустительство, то осуждали его за грубость... Неизвестно, долго ли продолжалось бы это топтание на месте, если бы не встал директор

механического завода, англичанин Гаррис и на ломаном русском языке не преподал бы своим русским товарищам элементарного урока на тему: «о свободном договоре». Сэр Гаррис сообщил, что родина его, Англия, давно не боится стачек, а, наоборот, видит в них хорошее пособие в деле улажения конфликтов между капиталом и трудом. Тем более справедливо это для России. «Ведь у вас есть, господа, средство против понижения ваших прибылей за счет повышения заработной платы. Повысился расход на производство, и... что причитается, возьмите с потребителя». — «Верно! На наш век хватит», — решили слушатели и согласились с «просвещенным мореплавателем». В случае чего будут драть с «потребителя», и с рабочими неприятностей все же меньше. Пусть их бастуют. Решили и составили ходатайство о разрешении рабочим стачек, с ограждением от насилования уклонившихся от участия в них. Ходатайство препровождено «куда следует» и, конечно, благополучно успокоится под зеленым сукном...

О херсонском губернаторе сообщают, что этот помпадур, собирая крупную «дань» с «подведомственной» ему губернии, не брезгует и мелкими подачками и применяет классические «куроцапские» методы обирания обывателей. Берет он раков на пароходе и не платит, а когда буфетчик посылает ему счет, то на следующий день получает увольнение; ездит по три часа на извозчиках и платит за все время... двугривенный. Пытающиеся протестовать попадают в участок. Ресторатор благородного собрания послал нашему «куроцапу» корзину с отборными фруктами и счет на 11 руб. Благодаря этому он попал в опалу, а деньги ему заплатил не помпадур, а старшины собрания из собственных карманов, получив еще при этом строгий выговор.

К статистике арестованных. Нам доставлен список сидящих в мужском отделении Одесской тюрьмы, заключающий 105 человек. По возрасту они распределяются следующим образом: 16 л. — 1, 17 л. — 1, 18 л. — 11, 19 л. — 11, 20 л. — 14, 21 г. — 15, 22 л. — 3, 25 л. — 4, от 25 до 30—17, от 30 до 40—10, старше 40 л.—3 (из них один—старик 75 л., арестованный за угрозу убить Нику Милушу). Из всех сидящих 73 подвергнуты аресту в первый раз, 29—во второй раз, один в третий раз, и двое отбывающих наказание. По занятиям арестованные распределяются: столяров — 18, портных — 17, учителей — 7, булочников—4, маляров, переплетчиков, электротехников, чернорабочих, слесарей, бывших студентов и лиц с неопределенными занятиями — по трое; каменоломщиков, печников, сапожников, чайных упаковщиков, наборщиков, земледельцев, экстернов и газетных сотрудников — по двое; кожевников, обойщиков, штукатуров, колодочников, токарей, плотников, заготовщиков, механиков, литейщиков, типографских рабочих, барышников, живописцев, торговцев, телеграфистов, конторщиков, вояжеров, фотографов, комиссионеров, приказчиков, домовладельцев и музыкантов — по одному. У 53 арестованных ничего не найдено, у 40 — прокламации и литература, у 3 — оружие, у 2 — типографии, у одного — шрифт (44 фунта) и у еще одного — бумага и печать. 26 арестованных привлекаются по делу о двух типографиях; к 16 пред'явлено обвинение в распространении литературы; к 13 — в хранении; к 15 — в принадлежности к партии с.-д.; к 14 — в принадлежности к партии с.-р.; к 19 — в принадлежности к тайной партии (?); к 6 — в подготовке к стачке и устройстве забастовки; к 4 — в участии в демонстрации 1 мая; к 4 — в подстрекательстве; к 3 — в участии в манифестации, бывшей в синагоге; трое привлекаются «по делу Рабиновича»; двое — «по делу Иванова»; один—за угрозу убить Николая II; один обвиняется в участии в Орг. Ком.; в печатании прокламаций, в произнесении речей, агитации в деревне и переплетении нелегальной литературы обвиняется по одному человеку. К 53 арестованным, у которых ничего не найдено, пред'явлены следующие обвинения: участие в типографии — 18, принадлежность к тайной партии (?) — 7, принадлежность к партии с.-р. — 7, принадлежность к партии с.-д. — 5; подготовка к стачке и устройство забастовки — 6, манифестация в синагоге — 3, «по делу Рабиновича» — 3, «по делу Иванова» — 2, подготовка первомайской демонстрации — 2, распространение литературы — 1 и подстрекательство — 1. По времени ареста арестованные распределяются следующим образом: в феврале н. г. арестовано 2, в марте — 10, в апреле — 16, в мае — 14, в июне — 24, в июле — 38. Один из арестованных сидит с 27 ноября 1902 года.

Екатеринослав. (Письмо из тюрьмы). Наше письмо окажется несколько запоздавшим, но что делать, сидя за решеткой, под железным засовом и под строгим надзором тюремных церберов, не всегда имеешь возможность во-время сообщить свободным и борющимся товарищам о том, что происходит в тюрьме. А в тюрьме порой происходят весьма поучительные события... В Екатеринославской тюрьме политическим сидится сравнительно сносно. До сих пор екатеринославские заключенные подчинялись производившимся приблизительно раз в месяц обыскам, добившись однако того, что обыск производился вежливо. Нас не ощупывали, и некоторые совсем не позволяли себя обыскивать, и все обходилось мирно и тихо. 22 июля был такой обыск, причем нашли кой-какую мелочь: нелегальные стихотворения, деньги и т. п. 24 июля на «заднем строении», где сидит большинство политических, услышали, что у политических в «башнях» производятся вновь обыски и притом в страшно грубой форме: толпа надзирателей врывается в камеру, ощупывает с ног до головы заключенных, обращаясь чрезвычайно грубо. Политические заключенные «заднего строения» успели сговориться и решили воспротивиться такому грубому обыску. Администрация, повидимому, рассчитывала на сопротивление и явилась целой ордой: во главе помощник начальника, за ним несколько надзирателей, десяток конвойных солдат и несколько надзирателей из арестантских рот; шествие замкнули надзирательницы из женского отделения. Навстречу этой компании раздалось дружное пение «Варшавянки». В первой же камере свора встретила сопротивление. Обыскиваемых схватывают за руки и за ноги, тогда раздается крик: «Товарищи! над нами производится насилие!» Уголовные подхватывают: «Политических бьют». Зазвенели стекла в окнах, подымается оглушительный шум и стук. На шум является тюремное начальство, политические требуют прокурора. За прокурором посылают, но обыск продолжается. Всюду им оказывают сопротивление. В некоторых камерах происходят свалки. Особенно безобразно ведет себя тюремная свора в женских камерах. Конвойные хватают женщин за руки и за ноги, подымают на воздух, и в таком положении надзирательницы обыскивают, расстегивая платья на виду у 20 — 30 чел. Наконец, явился прокурор, распорядился продолжать обыск, а сам начал обходить камеры, уговаривая всех, что они понапрасну волнуются, что у них слишком сильное воображение, что они видят оскорбление там, где его нет и, наконец, что он взыщет с тюремной администрации. А 29 июля нам уже было об'явлено наказание: все лишены были на месяц свиданий, письменных принадлежностей и права выписки продуктов из лавочки. Кроме того, все на семь дней были посажены на хлеб и на воду и лишены прогулок. Наконец, со всех взыскивают деньги за побитые стекла, двери, рамы и скамейки. Лишение права выписки означало буквально об'явление нам почти полной голодовки. Поэтому, относясь вообще отрицательно к тюремным голодовкам, находя их мало действительным и слишком дорого стоящим средством, мы тем не менее об'явили голодовку, выставив требования: снять наказание. Голодовка продолжалась пять дней. Затем явился прокурор и об'явил, что семь дней хлеба и воды нам об'явлены «по ошибке». Остальные наши требования не были удовлетворены. Сперва было решено продолжать голодовку, но многие чересчур ослабели... Впрочем, через несколько дней наши требования «неофициально» были удовлетворены.

Вильна. 29 сентября (ст. ст.). Гомельские события[10] привели наш город в сильное волнение. Известие о них проникло к нам задолго еще до правительственного сообщения. Повсюду только и разговоров было что о погроме и вооруженном отпоре, оказанном евреями. В речах слышатся озлобленные нотки по адресу погромщиков, а часто

добираются до настоящего виновника — правительства. Когда же было опубликовано правительственное сообщение и потом речь могилевского губернатора, озлобление против правительства замечалось еще сильнее. Это сообщение, в котором «благонадежные люди обвиняют за все евреев»; эта мерзкая речь, которая обвиняет евреев за то, что они стали людьми, так ярко и выпукло рисующие нашу самодержавную клику, принесли нам много пользы. Трудно после этого не понять, кто ответчик за все кровавые жертвы погрома; нельзя ошибиться, на чьей стороне правительство. Вскоре же после этого распространился в городе слух, что и в Вильне подготовляется погром. Известен был даже день, именно день праздника «искупления» (иом кипур). Как встречено было это известие еврейским населением, рисует следующий факт. За несколько дней до праздника пришел я в одно патриархальное еврейское семейство. Старушка-хозяйка спрашивает меня, слышал ли я о том, что здесь ожидается погром. На мой утвердительный ответ она продолжает, что все вооружаются и она решила не быть исключением. Она уже послала мужа за револьвером, оставленным кем-то у нее и спрятанным в другом месте, купить патроны и приготовиться к обороне. Такое отношение являлось почти всеобщим; не страхом, а озлоблением и готовностью к борьбе с оружием в руках встречался большей частью слух об ожидаемом погроме. Настал день праздника. На улицах замечается больше обыкновенного полиции; по городу расхаживает группами еврейская молодежь; чувствуется какое-то нервное напряжение. Часов в 12 дня разнесся было слух, что на Заречье (часть города) бьют евреев; сейчас же группа евреев бросилась туда, но слух оказался ложным. Праздник прошел спокойно, и все приготовления, к счастью, оказались излишними. Гомельские события и ожидаемая бойня, а, главное, отношение правительства и его сатрапа ко всему этому еще более развили политическое сознание и оппозиционное настроение еврейских масс к современному режиму. Симпатии к революционерам возросли, и недавно выпущенная прокламация Бунда о гомельских событиях читается в самых буржуазных домах. Резким диссонансом после этого прозвучала гнусная речь, или, вернее, попытка произнести речь, нашего общественного раввина, г. Немзера, во второй день праздника «кущей» в Большой синагоге. Сему достославному мужу, повидимому, не дают спать подлости фон-Валей [11], Оболенских, Богдановичей, могилевского губернатора и остальной братии. Его мелкая душонка так и рвется быть в их компании; ему также хочется быть записанным на страницах истории, страницах гнусности и мерзости рядом с их именами. Начав с того, что он не хотел было говорить, но современное положение таково, что заставляет его указать на серьезность переживаемого нами времени и отделить агнцев от волков, он обрушился на те «злонамеренные» элементы, следствием деятельности которых являются события вроде гомельских, кишиневских и т. п. Но тут раздался такой свист и крики: «долой», «довольно», что наш «бедный пастух» принужден был замолчать и предоставить свое «стадо» «произволу судьбы», бросив при этом обвинение, что в погромах виноваты сами евреи. Еврейская масса дала понять этому царскому халую, а в лице его и правительству, что не ему учить ее пониманию совершающихся событий, не ему, подхалиму самодержавной шайки, направлять ее поступки. Довольно с нее непрошенных «учителей» Крушеванов, Суворинов, Юзефовичей и т. п. Она не потерпит в храме пропаганду мерзости и гнусности.

Курск. С половины сентября началась в тюрьме голодовка. Причиной голодовки явилось распоряжение перевести одного из заключенных на казенный паек за отказ последнего назвать жандармам свое настоящее имя. Голодающие по распоряжению начальства подвергнуты насильственному кормлению.

Из хроники судебных преследований.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

по делу о: 1) Дмитрии Иванове Жданове, 26 л., 2) Влад. Абрамове Хасберове, 21 г., 3) Николае Лаврентьеве Перадзе, 19 л., 4) Георгии Федорове Гудадзе, 19 л., 5) Иване Давыдове Сухиеве, 18 л., 6) Давиде Романове Канкалидзе, 26 л., 7) Давиде Тедозашвили, 19 л., 8) Василии Александр. Самхарадзе, 20 л., 9) Георгии Александровиче Квесадзе, 28 л., 10) Сергее Захаровиче Арутюнове, 22 л., 11) Василии Зурабове Лобадзе, 21 г., 12) Романе Гаврилове Мегрелишвили, 13) Матвее Масаблишвили, 23 л., 14) Прокофии Максимове Кикнавелидзе, 15) Леоне Григорьеве Чахваянце.

14 июля сего года, в 8 час. утра, в депо ст. Михайлово раздался тревожный гудок, и рабочие около 200 человек, прекратив работу, вышли на полотно железной дороги. К ним присоединились ремонтные рабочие, и образовавшаяся таким образом толпа направилась к расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, где всех рабочих заставили прекратить работу. Проходя по путям, кто-то из толпы, подняв вверх револьвер, выстрелил, а толпа начала кричать ура. В это время подошел к ст. Михайлово товарный поезд из Тифлиса, и толпа, отцепив паровоз, оставила на пути вагоны с целью прекращения на главном пути движения поездов. Захватывая по пути стрелочников, толпа около паровозного сарая потушила топку паровозов и сняла с одного паровоза регулятор. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла к конторе начальника участка пути и заставила всех служащих уйти из конторы, а также из помещения телеграфа. Во главе толпы находился ремонтный рабочий Роман Мегрелишвили. От имени толпы было заявлено требование о прекращении действия телеграфа во избежание передачи депеш с просьбой о присылке войск. Встретив по дороге помощника машиниста Ахабадзе, который отказался прекратить работу, толпа, по приказанию помощника слесаря депо Николая Перадзе, нанесла ему побои, а также Владимир Хосберов и Прокофий Кикнавелидзе нанесли удары жандармскому унтер-офицеру Баклаче, уговаривавшему толпу разойтись. Сойдя с пути железной дороги, толпа отправилась на базар ст. Михайлово, закрыла лавки и заставила следовать за собой всех торговцев. На базаре жандармский унтер-офицер Носко увидел в руках помощника слесаря Ивана Сухиева красный флаг, а у других рабочих зеленые ветки. Вернувшись на ст. Михайлово, толпа, в составе до 500 человек, остановилась на железнодорожном мосту через р. Сурамулу, около которого соединяется главный путь Закавказских жел. дор. с Боржомск. и Сурамск. путями. К толпе подошел нач. участка пути Муат и помощник его Даль, причем один из рабочих, приехавший, по мнению Даля, из Тифлиса, заявил им, что толпа требует восьмичасового труда, надбавки в 25% к заработной плате, принятия на службу уволенных из депо рабочих и увольнения мастеров из депо. Муат обещал телеграфировать начальнику дороги о требованиях рабочих, но толпа не расходилась. Переговоры вели с Муатом, кроме указанного рабочего, также слесарь депо Владимир Хосберов и Роман Мегрелишвили, который кричал, что не сойдет с пути и поездов не пропустит. В это время подошла вызванная Сурамским приставом Подгорным из Сурама местная команда, в числе 40 человек, вместе с начальником команды капитаном Дигуровым. Последний, получив, кроме извещения пристава, телеграмму тифлисского губернатора об оказании содействия администрации к полному прекращению волнения, привел свою команду на ст. Михайлово и стал на старом полотне, около соединения главного пути с Боржомским и Сурамским путями, в 100 шагах от стоявших на мосту и путях рабочих. Пристав Подгорный и капитан Дигуров подходили несколько раз к толпе и приказывали разойтись, об'ясняя, что в случае неповиновения будут стрелять. Между тем помощник слесаря Николай Перадзе, машинист Жданов и конторщик Василий Самхарадзе, согласно показанию стражников Безмина и Поповиченко, уговаривали толпу не расходиться. Жданов подавал толпе какие-то знаки и говорил, что, если выберут депутатов по предложению пристава, то их арестуют, а стражнику заявил, что он не здешний, а интеллигент, присланный наблюдать за тем, чтобы толпа не делала беспорядков, а только прекратила работу. Самхарадзе заявлял толпе, что необходимо добиться прибавки, что человек не скотина, а помощник слесаря Давид Канкалидзе, находясь в передних рядах толпы за мостом, кричал ура в ответ на предложение пристава разойтись. В это время один из толпы вынул, согласно показанию Ярошенко, револьвер из го-

ленища и сказал солдатам, что у них холостые заряды, а «у рабоч. есть револьверы». К толпе присоединились новые лица, причем последняя увеличилась до 1.000 человек. Часть толпы остановила батумский поезд, а другая часть, заметив приближающийся из Боржома пассажирский поезд, бросилась на Боржомский путь, чтобы остановить этот поезд. Помощник слесаря Иван Сухиев, потянув вместе с другими за проволоку, закрыл на Боржомском пути семафор, а машинист керосинопровода Жданов, уговаривая рабочих снять с паровоза регулятор и приглашая толпу следовать за ним, бросился к паровозу боржомского поезда. Мальчишки успели отцепить паровоз от поезда, а Жданов, вскочив на паровоз и схватившись рукой за регулятор, открыл пар. Рычаг в это время стоял в сторону Михайлово и паровоз двинулся вперед, отделившись от поезда, но машинист Янучато, схватив Жданова за грудь, остановил паровоз. Жданов заявил машинисту, что он механик-студент, и соскочил с паровоза. Стражники Поповиченко и Дружинин видели, что Жданов, вскочив на паровоз, схватил машиниста за сюртук и хотел столкнуть его с паровоза. Увидев, что толпа бросилась к боржомскому поезду, капитан Дигуров перевел свою команду на главный путь поближе к толпе, причем от боржомского полотна отделяла команду котловина. Желая разогнать остановившую поезд толпу, капитан Дигуров после предупреждения, что, в случае непропуска поезда, будет стрелять, приказал команде с криком «ура» броситься на находившуюся на Боржомской ветке толпу и разогнать ее прикладами. Находившиеся на Боржомском пути впереди толпы слесарь депо Гуладзе, помощник слесаря Тедозашвили, слесарь Квесадзе, помощник слесаря Иван Сухиев, последний с красным флагом в руках, возбуждали толпу к сопротивлению, причем Гуладзе, размахивая фуражкой, звал толпу вперед и, на предложение капитана Дигурова пропустить поезд, кричал «нельзя». Когда Дигуров и его команда спустились в котловину и стали подниматься к остановленному толпой боржомскому поезду, толпа засыпала солдат камнями и из толпы раздалось два или три револьверных выстрела, причем солдаты и Дигуров слышали свист пуль. Выстрелы из револьверов слышали также пристав Подгорный, начальник участка Муат и начальник ст. Варварино Силяев, жандармы и стрелочники, причем стражник Пилиев видел в руках некоторых из толпы револьверы, направленные в сторону солдат и стражников. На поднявшегося на полотно рядового Овгаренко набросились трое человек, схватили его за грудь и пытались отнять ружье, но другие солдаты ударами прикладов и штыками отогнали нападавших. В числе напавших на солдат, по словам жандармского унтер-офицера Павлова, был смазчик депо Георгий Квесадзе Он схватил солдата за грудь и хотел отнять у него ружье, но в это время ему были нанесены в спину четыре штыковых легких раны. Помощник слесаря депо ст. Михайлово Василий Лобадзе и рабочий депо Сергей Арутюнов, по удостоверению жандармских унтер-офицеров Павлова, Баклачи, Юрчено, Стрижкова, находились впереди толпы и бросали камнями в солдат. Впереди толпы, по удостоверению жандармов Баклачи, Стрижкова, Безмина и начальника ст. Силаева, находились также слесарь депо Владимир Хосберов, помощник слесаря Николай Парадзе, ремонтный рабочий Мегрелишвили, смазчик керосинопровода Прокофий Кикванелидзе, столяр Месаблишвили и фруктовщик Леон Чахваянц и бросали также камни в солдат. Стоявший на месте соединения Боржомского и главного путей начальник ст. Варварино Силаев заметил, что конторщик Самхарадзе бросил камни в солдат и сейчас же указал на него жандарму Мирошниченко. Кроме того, согласно показанию помощника уездного начальника Гогохия, основанному на сведениях, полученных от рабочих, бросал камни в солдат также помощник слесаря Давид Канкалидзе, возбуждая и руководя толпой. Вследствие сопротивления толпы и сыпавшихся на солдат каменьев, только часть команды успела подняться на полотно железной дороги, и капитан Дигуров приказал солдатам отступить, скомандовав «редкий огонь». Солдаты, перебегая котловину (на главный путь), а также на главном пути, произвели, судя по количеству израсходованных ими патронов, десять выстрелов в толпу. Полицейские стражники в числе трех человек присоединились к солдатам, а остальные восемь человек стояли на старом полотне в восьмидесяти шагах от толпы, слышали команду Дигурова «стражники, присоединитесь, помогайте», но не успели сойти с лошадей, как Дигуров скомандовал открыть огонь, вследствие чего стражники начали стрелять в толпу из берданок и произвели 14 выстрелов. Толпа сейчас же бросилась бежать, и Дигуров прекратил огонь. На полотне Боржомской дороги на главном пути оказались убитые и раненые. В числе раненых были указанные Григорий Квесадзе, Григорий Гуладзе, Матвей Месаблишвили, Василий Самхарадзе, Давид Канкалидзе, Леон Чахваянц и Давид Тедозашвили, причем последнего подняли на Боржомском пути в 15 сажен. от паровоза унтер-офицеры Стрижников и Мирошниченко. Протоколами судебно-медицинского освидетельствования установлено, что Григорию Квесадзе на спине причинены четыре ссадины, по его словам, ударами штыков и рана, нанесенная выстрелом из трехлинейки со входным отверстием на спине; Григорию Гудадзе нанесена трехлинейной пулей рана со входным отверстием с боку по левой подмышечной линии и выходным на животе (следует подробный перечень данных медицинских освидетельствований).

Привлеченные в качестве обвиняемых в вооруженном сопротивлении, поименованные лица виновными себя не признали.

На основании вышеизложенного вышеупомянутые лица обвиняются в том, что по предварительному между собою и другими, следствием не обнаруженными, лицами соглашению, 14 июля 1903 г., около ст. Михайлово Закавказской железной дороги, в намерении изменить существующие условия и порядок работ на Закавказской железной дороге и принудить местное начальство к уменьшению установленного законом количества рабочих часов и к увеличению заработной платы, они, находясь во главе вооруженной толпы рабочих, в количестве от 500 до 1.000 чел., и подстрекая ее к насилиям и беспорядкам, остановили тов. поезд, шедший из Тифлиса, и, отцепив паровоз, остановили состав на пути, выгоняли служащих из помещения керосинопровода, конторы начальника участка пути и железнодорожного телеграфа, остановили шедшие из Батума и Боржома поезда, закрыли семафор на Боржомском пути и, отцепив паровоз боржомского поезда, двинули его вперед, причем, не подчинившись неоднократным требованиям пытавшихся восстановить порядок сурамского полицейского пристава и командира сурамской воинской команды, противодействовали исполнению их распоряжений, направленных к восстановлению порядка, произвели выстрелы из револьверов и, пытаясь отнять ружья у нижних чинов сурамской воинской команды, бросали в них и стражников камни, которыми и причинили им ушибы и легкие раны, т. е. в преступлении, предусмотренном 263 ст. Улож. о наказ. В виду чего и согласно 200 и 1260 ст. Устава уголовн. судопроизводства, вышеупомянутые лица подлежат суду Тифлисского окружного суда.

Составлен в г. Тифлисе. 3 августа 1903 г.

Скорый суд. В легальных газетах («Новости» от 29 сент. № 269) появилось известие, что в непродолжительном времени будут преданы суду в Луганске 39 рабочих, привлекаемых к ответственности за «беспорядки» в Константиновке. Быть может, не всякому известно, что это за Констант. и какие «беспорядки» там были. Константиновка — узловая станция Екатерининской ж. д. — лежит верстах в 40 — 50 к югу от Славянска. Возле нее в девяностых годах были построены заводы: железнопрокатный, зеркальный, стеклянный, бутылочный и химический; а около них быстро выросли заводские поселки. 12 — 13 июля 1900 г. эти заводы подверглись жесточайшему разгрому («следствие» продолжалось более трех лет: очевидно, «подготовляли» свидетелей). Все эти заводы принадлежат бельгийским компаниям: инженеры, директора, мастера, служащие — бельгийцы. Рабочие — народ пришлый (из соседних губерний и более отдаленных, как, напр., Орловск., Смол. и др.), «серый»: ни о какой пропаганде в то время там и помину не было. На экономической почве загорелась национальная вражда: русские не-

навидели бельгийцев, последние платили им той же монетой. 12 июля 1900 г. на одном из константин. заводов перебранка между мастером-бельгийцем и рабочим (подростком) русским перешла в драку. На помощь подоспели русские и бельгийцы. Началась свалка. Рабочие пошли громить квартиры служащих, разгромили заводскую лавку (владелец ее — директор завода: он выплачивал рабочим заработок не деньгами, а товаром, вопреки закону: по закону окружный инженер обязан не допускать таких безобразных правонарушений; на практике же оказывается, что его дело — брать взятки с заводоуправлений и всячески ограждать их интересы от «посягательств» рабочих). Пострадал и самый завод. Отсюда перешли на ближайший соседний, разгромили и его. Толпа все увеличивалась. 13 июля оказались разгромленными все констант. заводы. На соседних рудниках и заводах затрепетали: вспоминалось, как в 1892 г. разгромили Юзовку [12] (нелюбимый инженер был при этом брошен в доменную печь). Появились слухи о том, что на помощь константиновским рабочим придут шахтеры соседних рудников. Из Луганска и Волынцева были двинуты казаки; началось «усмирение». «В качестве зачинщиков» выхваченные лица долго сидели по мерзким уездным тюрьмам, и только осенью 1902 г. большинство из них выпущено на поруки. Что суд будет не только скорым, но и милостивым, за это нам ручается таганрогский приговор!

Военно-революционная организация распространила в августе следующую печатную прокламацию «К увольняемым в запас»:

«Солдаты! Кончилась ваша служба. Кончились ученья, караулы, зуботычины, аресты, кончилось все, что стесняло вашу свободу, что делало из казармы тюрьму, и вы опять на воле... А воля ли там, за стенами казармы, свободнее ли будете, снявши солдатский мундир? К сожалению, нет, и на воле вы не станете вольными; избавившись от казарменного гнета, вы наденете на себя цепи нужды. Опять вернетесь вы к вашей убогой полосе, опять с утра до вечера будете ковырять ее вашей сохой... Мало кого прокормит она, не говоря уже о достатке. Нужда придавит вас и погонит в город, на заработки, и опять вы попадете в душные мастерские, на фабрики, заводы, в шахты, в артель, к помещику, где, работая за грошовую плату с утра до вечера, вы будете создавать лишь богатство вашему хозяину и новые цепи для себя, оставаясь все теми же бедняками. А случилась беда — заболели ли вы, наступила ли преждевременная старость, иль в безработицу — и выбросят вас на улицу, как негодную вещь, на голодную смерть... Так пойдет ваша тусклая, серая, полуголодная жизнь... Разве это воля? Разве может быть воля там, где над трудящимся людом всякий городовой — начальник и может чинить над ним суд и расправу, где имеющему мозолистые руки нельзя найти правду, где всякая попытка потребовать ее топится в крови, как это случалось, особенно за последний год, во всех местах России. Такова ваша жизнь и такова наша родина, таковы в ней порядки и наша воля! Сто тридцать миллионов трудового люда в кабале! Сто тридцать миллионов работают, не разгибая спины, чтобы небольшая кучка богачей жила в роскоши, чтобы на деньги народа царь мог содержать громадную армию и свору начальников и при их участии держать народ в подчинении! Но так не должно быть. Трудящийся должен иметь человеческие права, и, если их не дают, он должен взять их силой, миллионы людей не должны быть рабами. Понял это городской рабочий, начинают понимать и крестьяне. Уже закипела борьба, уже слышится негодующий голос народа, льется кровь, и тюрьмы наполняются борющимися за правду — это бьется авангард великого рабочего братства — социал-демократическая рабочая партия. Нас, солдат, заставили принять присягу и обязали защищать теперешний порядок. Четыре года поддерживали мы его нашими штыками, и не раз, если не мы, то наши товарищи кровью рабочих и крестьян заливали улицы городов и деревень, помогали засекать до смерти, присутствовали на разного рода экзекуциях и бесчинствах полиции, производимых по приказу и с ведома царя. Мы сами готовили цепи народу и себе и в них сами же заковывали себя! А завтра вы вернетесь в вашу деревню или к вашим товарищам, станете в их ряды, в число тех, кого царь и богачи называют „внутренними врагами", „бунтовщиками" и вместе с ними должны будете бороться за них и ваши интересы, и завтра же, быть-может, оставшийся в полку ваш товарищ или брат пошлет пулю в вас же и вашей кровью обагрит поля вашей родины и улицы вашего города! Солдаты! Оставляя полк, идя на „волю", оставьте завет вашим товарищам по службе — не поднимать братоубийственную руку на тех, кто находится за стенами казармы и борется за правду. В некоторых местах отец, отправляя на службу сына, берет с него клятву, что в народ он стрелять не будет. Отправляя на службу брата или товарища, поступайте и вы так же и раз'ясните ему, что он и там должен быть сыном народа; что лучше самому умереть, чем вернуться назад братоубийцей, что присягает он не только царю, но и народу; что идет он не для исполнения обязанностей палача и что не стрелять в народ — это его право и священная обязанность. Счастливого пути, товарищи! Желаем вам, вернувшись на родину, скорее примкнуть к рабочей партии и под ее красным знаменем, как подобает солдату, быть первому в передних рядах. Пусть не страшат вас ни кары, ни смерть; в борьбе за правду, за ваше кровное дело можно пожертвовать своей свободой и жизнью. Дружными усилиями рабочих будут свергнуты гнет и насилие и завоевано счастье и воля! Спешите же к ним, скорей на поддержку борцам! Счастливого пути, товарищи! Прочесть во всех ротах, эскадронах и батареях».

Пермь. Его превосходительство г. Наумов. Мы уже сообщали, что к нам прислан новый помпадур г. Наумов. Две «программные» речи создали ему литературное имя («Моск. Ведом.» возвели молодого оратора чуть ли не в гении, «Новое Время» робко заметило, что оратор забыл существующие законы). Отметим кстати, что председатель губернской земской управы г. Ковалевский, сохранивший до глубокой старости веру в «мирную» работу, сам предложил помпадуру представить ему служащих губ. земства. Его превосходительство милостиво, конечно, принял предложение и зычным голосом прочел растерявшимся земцам нотацию об обязанностях каждого верноподданного по части добровольного сыска и доноса. Земцы должны обладать душой жандармов, тогда только они будут находить защиту у его превосходительства! От «слова» его превосходительство быстро перешел к «делу». Здесь существует несколько лет Смышляевское библ. общество с двумя библиотеками-читальнями — в городе и Мотовилинском заводе. Гг. Мотовилинские инженеры (Назаров и К°) не могут равнодушно смотреть на библиотечную вывеску (библиотека около завода) и вкупе с местной жандармерией не раз делали попытку закрыть библиотеку, но попытки имели лишь частичный успех — администрация удаляла библиотекарей, членов совета. По прибытии г. Наумова дело пошло быстрее. Совет Смышляевского общества уже получил уведомление, что его превосходительство перевел обе библиотеки в разряд народных бесплатных (этою мерою свыше 70% книг из'яты из обращения).

Оказано благосклонное внимание и прессе. По представлению его превосходительства газета «Урал» (изд. в Екатеринбурге) закрыта на четыре месяца. Обыватели называют «Урал» помойной ямой, и вдруг ассенизатор Наумов закрыл яму! Недоумение тогда только раз'яснилось, когда узнали, что г. Наумову была показана корреспонденция прошлого года о «бешеных собаках». Корреспонденция эта, помещенная «Уралом» по неведению, наделала в свое время много шуму, так как в ней весьма прозрачно был изображен февральский погром. И вот этой-то кровавой обиды жандармы никак не могут снести. Другая газета, «Пермский Край», из газеты превращается, благодаря цензуре, в справочный листок.

По своем прибытии в Пермь его превосходительство, с чемоданом душеспасительных брошюр ген. Богдановича, сделал артистическое турнэ по губернии, турнэ, в котором сердечное «ты» побило рекорд над холодным «вы». Затруд-

няемся сказать, откуда это исскуство обращения с подчиненными, — позаимствовано ли оно его превосходительством из конюшни (он страшный любитель лошадей), или же из придворных сфер у высокопоставленных особ. Очевидно, что и гг. исправники и земские начальники также не разобрались в этом вопросе, так как многие из них остались недовольны таким обращением. Его превосходительство хотя и «благожелательно строг» (так он себя отрекомендовал в речи к чиновникам), но все-таки строг. Так, например, в Кунгуре он исправника пожаловал титулом «идиота», «осла» и в 24 часа отставил его от службы за то, что тот во-время не подал лодки для катания. Его превосходительство к тому же любознателен. Так, например, шадринского исправника он спросил «Сколько жителей?» — «Где, ваше превосходительство, в уезде или городе?» — «Дурак, болван, ты должен знать, о чем я спрашиваю»...

Его превосходительство обладает и многими другими качествами хорошего современного администратора. Например, в городе Шадринске приказал он снять вывеску с отделения Красного Креста. По прибытии в свою резиденцию, он написал именное письмо к Плеве, в котором, сославшись на свою работу в Красном Кресте в Сибири, он ходатайствует о закрытии отделения, так как теперь во главе отделения стоит жена врача — женщина, «неразвитая в умственном отношении» (sic); по закрытии же отделения, он скоро его опять откроет. Суть в том, что шадринское отделение функционирует хорошо, но попасть кому-либо из местной администрации на выборные места до сих пор не удавалось. Но этого мало. Губернского страхового агента, Никитина, принимавшего участие в Кресте, Наумов приказал уволить со службы губернского земства, так как Никитин, хотя и служит несколько лет, но якобы до сих пор не был утвержден.

Чтобы рельефнее оттенить г. Наумова, прибавим еще, что г. исправник, по выходе в отставку, подал жалобу на его превосходительство; губернская управа Никитина не уволила; отделение Красного Креста, с своей стороны, начинает отписываться и т. д. Из этого краткого сообщения можно усмотреть, что наш помпадур обладает всеми данными, чтобы к «царскому посланнику» (как он себя отрекомендовал в упомянутой выше речи) относились с должным уважением. «Наш дурак», «наш нахал» и др. не менее лестные эпитеты прочно установились за ним в обывательских кругах, — с чем и поздравляем г. фон-Плеве.

Иркутск. Слуги самодержавия отличаются... 21 августа на ж.-д. вокзале проезжающий офицер Кривенко встретил в вагоне еврея Микеля. Офицер был пьян. Сей «благородный» слуга царя и «отечества», увидав еврея, остановил его и обругал его «жидовской мордой»... На это простой еврей спокойно и с достоинством ответил ему «правдой меня не испугаешь»... и хотел пройти. Но пьяный офицер не отступал от него. «Ты что сюда пришел, гешефты обделывать?.. На тебе 10 коп., принеси спичек...» Еврей ответил ему: «Я тебе сам могу дать 20 коп., только отстань от меня!» Тогда взбесившийся царский слуга размахнулся и ударил его по лицу. «За что ты, варвар, бьешь меня!» — воскликнул еврей и заслонился рукой от ударов. Но варвар уже вошел во гнев и, выхватив из кобуры револьвер, выстрелил в упор в него. Микель упал, опасно раненый пулей в легкое. Железнодорожными жандармами был составлен протокол. Варвар Кривенко спокойно проследовал далее, а Микель привезен был в больницу, где до сей поры находится в очень опасном положении.

Так как все это происходило на ж.-д. территории, то следствие по этому делу находится в руках ж.-д. жанд. ротмистра Петлина. Каждый жандарм, конечно, рад порадеть родному человеку!.. И Петлин — вопреки всякой законности — под разными предлогами оттягивал допрос Микеля... Свидетельские же показания, отобранные от жандармских вахмистров и т. п. «свидетелей» и опубликованные в местной газете, поражают своей преднамеренной лживостью. Только тогда, когда кое-кто из местной адвокатуры и общества послали телеграмму министру юстиции, только тогда ротмистр Петлин «поторопился» снять допрос с раненого Микеля. Показания потерпевшего, рисующие картину, подобную вышеприведенной нами, конечно, не могли быть опубликованы в местной печати.

Несколько времени спустя ротмистр Петлин, выпив изрядно в ресторане «Метрополь», во всеуслышание изволил хвастаться: «Являлись было ко мне свидетели жиды, да я их выкинул вон!» Действительно, в списке «свидетелей» по этому делу нет ни одного еврея, хотя евреев, свидетелей этого дела, не мало.

Так отличаются слуги самодержавия!..

Царские слуги перед царским судом. В мае текущего года в Иркутске разбиралось два дела, тесно связанных между собой. Оба дела возникли следующим образом: на Кругобайкальской железной дороге служил жандарм Лебедев, отличавшийся чрезвычайной грубостью и жестокостью и нередко избивавший рабочих плетью без всякой видимой причины, а так, ради собственного удовольствия. 17 августа Лебедев явился в один из рабочих бараков и, желая поразвлечься, начал хлестать находившихся там рабочих нагайкой. Выведенные из себя, рабочие схватили Лебедева и задушили петлей. В убийстве были замешаны пять рабочих: Пеньков, Никитин, Ядрышников, Мазейнд и Кунаков, которые и были арестованы. Ведение следствия было поручено жандармскому ротмистру Лемени Македон, который производил допрос вместе с двумя жандармами Шостаком и Гореловым. Арестованные сидели в сырых, вонючих сараях, связанные веревками так туго, что у них распухли руки. Допрос же их заключался в том, что жандармы Шостак и Горелов уводили обвиняемых в лес, якобы для розыска вещей убитого, и там, связанных, подвергали самому зверскому избиению, кулаками, ногами и нагайками, затыкая избиваемым рот травой. Одному из допрашиваемых надели на шею петлю и держали за веревку, так что едва не задушили его. По дороге в Иркутск, когда обвиняемых, скованных и со связанными руками, вели на суд, зверства над ними совершались в течение всего пути. Били их жандармы различных участков.

И вот эти-то зверства обнаружились — и настолько, что запрятать их было невозможно, и жандармы Шостак и Горелов были преданы военно-окружному суду, по обвинению в истязании при исполнении служебных обязанностей. Суд над жандармами был назначен нарочно раньше, чем суд над рабочими, которые были главными свидетелями против жандармов и, конечно, поопасались бы давать против них показания. Прокурор Быстрицкий, обязанный «обвинять», говорил о том, что «в корпус жандармов поступают лучшие люди из армии, а подсудимые — лучшие из лучших». В заключение прокурор решил, что деяния подсудимых «не истязание, а просто допрос с пристрастием».

Свидетелей со стороны обвинения не оказалось, за исключением тех пятерых рабочих, которые обвинялись в убийстве Лебедева. Со стороны же подсудимых и защиты свидетелей оказалось очень много. Впоследствии обнаружено было, что одного мальчугана, кое-что знавшего и видевшего, жандармы подкупили обещанием новых сапог.

На суде были прочитаны подробные служебные характеристики Шостака и Горелова. Особенно интересна характеристика Шостока. Он аттестуется как способный и усердный шпион. Жизнь простого крестьянина не удовлетворяла его, его тянуло выше, к небу, — и вот он вступает в монастырь послушником. Здесь он был близок уже к престолу царя небесного. Но, по окончании солдатской службы, ему захотелось стать поближе к престолу царя земного, и он вступает в царство небесное русского самодержавия, в жандармерию. Тут ищущий истины дух его находит успокоение. Силы и способности, таящиеся в его шпионской груди, развертываются, при полной свободе сибирской глуши, во всей наготе и бесцеремонности.

Речь защитника — некоего капитана Дедлова — отличалась наглостью и высокопарностью. «Полиция на скамье подсудимых — это праздник для общества», — говорил г. защитник. Такой взгляд на полицию, по мнению г. Дедлова, не более как общественный предрассудок. «Но волны общественных предрассудков разобьются о стены военного суда, который реабилитирует этих честных людей». «Ком

грязи, — закончил г. Дедлов, — слетел с высоты пристрастия свидетелей, докатился до вашего судейского стола, забрызгав как подсудимых, так и некоторых свидетелей, и растаял».

Вся эта комедия суда, в которой роли окончательно перепутались и совершенно невозможно было понять, где прокурор и где защитник, закончилась так, как это можно было предвидеть заранее, самым небольшим наказанием обоих жандармов, Шостока и Горелова, которые были приговорены к месячному аресту. «Не по чину берешь», — кричал когда-то городничий Сквозник-Дмухановский на квартального надзирателя. Жандармы Шостак и Горелов «не почину» били, но, так как они жандармы, то их судили не за то, что они били, а за то, что они били «не по чину». И в самом деле, суд усмотрел в их зверстве только... превышение власти.

Томск. На-днях наш город посетил Плеве. Зачем предпринял он столь далекое путешествие — покрыто мраком неизвестности. Говорят, что для решения вопроса о втором наместничестве в Сибири, говорят также, что для пополнения своих финансов «министерскими» под'емными и суточными. Под усиленной охраной в'ехал он в город ночью с 12 на 13 сентября, под усиленной охраной пробыл он безвыходно и безвыездно два дня в губернаторском доме, под такой же охраной направился он в обратный путь ночью, 14 сентября. Был он встречен хлебом-солью от городского управления, обширной прокламацией к обществу от местного Соц.-Дем. Комитета. Готовился обед, да «не выгорело». Для решения «обеденного» вопроса секретно разосланы были повестки всем гласным, но из 53 человек явились лишь 8 (5 членов управы, 1 член ревизионн. комисс. и двое гласных), да из этих восьми человек за обед высказались лишь пятеро. По поручению заместителя городского головы, письмоводитель городского управления отправился по квартирам гласных с подписным листом на обед Плеве. Участвовать согласились лишь четверо, несколько человек подписали малую толику, но с оговоркой, что присутствовать не будут, остальные наотрез отказались. Приличия ради, обед был предложен, но, узнав об истинном положении дел, Плеве счел за лучшее отказаться. Всю злобу свою выместил он перед от'ездом на заместителе городского головы, придравшись к плохому состоянию томских улиц. Единственное лицо, вполне удовлетворившее министра, был местный полицмейстер Аршаулов, известный шпион, взяточник и вор. Ему на прощанье жал руку Плеве. Рыбак рыбака видит издалека.

Прокламации, широко распространенные в количестве 3.000 экземпляров, произвели большое впечатление на обывателей. Несколько штук, доставленные Плеве, привели его в неописуемую ярость.

С 1 сентября началась здесь стачка на мебельно-столярной фабрике Лопухова. Забастовали все рабочие, в числе 80 человек, выставив ряд требований, среди которых видное место занимают: восьмичасовой рабочий день, отмена сдельной платы, улучшение санитарных условий труда. Требования эти выработаны были самими рабочими, изданы во многих экземплярах на ремингтоне и распространены на фабрике. Стачка организована была без воздействия комитета. Стачечников поддержали рабочие фабрики Тренцова, в числе 50 человек, но уже на третий день почти все они приступили к работам. Стачечники Лопухова держатся стойко, работы на фабрике идут лишь частью, благодаря вновь нанятым рабочим, из забастовавших вернулись лишь немногие. С самого начала стачки арестовано 18 человек, из них 9 сидят по сие время. По поводу стачки комитетом выпущена прокламация в количестве 2.000 экз. 24 сентября закрыта местная духовная семинария. Дело разгорелось из-за одного поднадзорного семинариста-пансионера, которого администрация семинарская хотела выпроводить немедленно после об'явления приговора об его исключении. Просьба, поддержанная всеми семинаристами, позволить уволенному провести ночь в пансионе удовлетворена не была. Просьба перешла в требование, и дело кончилось открытым бунтом. Выбиты были стекла, перерезаны электрические провода, освистан ректор и совет. Побит, говорят, инспектор. Несколько семинаристов арестовано. Многих выпроваживают из города.

Чита. В ночь на 14 августа распространена была в большом количестве прокламация Сибирского Соц.-Дем. Союза [13] «К войскам» по поводу передвижения войск в Манчжурию. Прокламация была распространена по всем частям войск очень удачно. Распространялась она в Воронежском, Моршанском и Зарайском полках самими солдатами и потому была прочитана почти всеми. Распространялась кроме того в местной команде, Читинском резервном батальоне, Сибирской бригаде, среди казаков Забайкальского казачьего войска. Вместе с этой прокламацией распространялась «Солдатская памятка» и «Письмо к фельдфебелю» Л. Н. Толстого.

Военное начальство переполошилось. В местной команде в помещении фельдшеров произведен был обыск: ничего не обнаружено. Везде расставлены пикеты и вокруг военного лагеря * раз'езжают военные патрули. Обыскали каких-то купеческих сынков, у которых в карманах искали прокламаций. Начальство бесится от бессилья раскрыть источники крамолы. В Чите открывается губернское жандармское управление и при нем сыскное отделение под управлением одного из представителей «святорусского легиона» — фон Шульца.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Стачка сельских рабочих в селе Кривое, Сквирского уезда, Киевской губ. «Ранняя весна, дожди и жары текущего года послужили причиною ранних жнив, так что озимую рожь у нас начали жать 23 июня, озимую пшеницу и ранний овес 28 июня, поздний овес начали убирать 5 июля. В силу лихорадочной уборки хлеба цена на рабочие руки поднялась довольно высоко. Хозяева платили косарю в день на хозяйских харчах и водке 1 р. 50 коп., иногда 2 руб., жница получала 50 коп. при тех же условиях продовольствия. Многие резонировали, что теперь и в „Таврию ходыть не треба“, убедившись в продуктивности местного заработка. Даже многие из состоятельных крестьян, соблазнившись столь высокими ценами, спешили покончить со своими работами и заработать лишний рубль. Однако такие обстоятельства недолго просуществовали. Лишь только хлеб был убран, свезен в скирды и нужно было приступить к молотьбе, как хозяева, обеспечив свой урожай от высыпания на корне, сразу же уменьшили заработную плату более чем вдвое. Крестьяне остались очень недовольны: „пока мы нужны были, — говорили они, — нам платили как следует, а теперь нами пренебрегают“ — и решили принять меры.

«Дошедшие в наше село слухи о стачках рабочих в Баку, Одессе и Киеве еще более заставили крестьян почувствовать возможность добиться своей цели. И вот они пред'явили к хозяевам требование в виде повышения платы до 1 рубля в день. Стачка в селе Кривое оказалась всеобщей. Помещики призвали крестьян из соседнего села Соловьевки, но крестьяне села Кривое, вооружившись дубинами и кольями, силой не допускали соседей к делу, угрожая немедленно убить первого, принявшегося за работу. Никто из пришедших не хотел рисковать своей жизнью, и все ушли. Местная полиция ничем не могла противодействовать стечечникам, и до настоящего времени молотилки у хозяев стоят в бездействии... И хозяева не прибавляют цену и крестьяне не идут на работу.

«Когда и как кончится стачка — неизвестно. По крайней мере можно сказать о крестьянах, что, заработав некоторую сумму за время жнив, они могут продержаться долгое время. Стачка среди наших крестьян — явление исключительное, над которым следует задуматься».

Обращаем внимание товарищей на это сообщение, которое мы заимствовали из одного специального издания. Гг. помещики недаром начинают «задумываться» над воз-

---

* В Забайкалье в настоящее время находится масса войска, прибывшего из Европейской России и отправляющегося в Манчжурию.

никновением рабочего движения в деревне. Приложим же все усилия, чтобы стачка в деревне перестала быть «явлением исключительным». Мы видим фактическое подтверждение того, что городское рабочее движение перебрасывается в деревню и такими путями, которые нам остаются неизвестными. Указания нашей социал-демократической литературы (см., например, «К деревенской бедноте», стр. 79) на возможность деревенских стачек оправдываются жизнью. Пусть же скорее начнут распространяться и в селах социал-демократические стачечные листки и политические прокламации!

В Гжатском уезде Смоленск. губ. Недовольство в последние два года до того обострилось, что готово перейти в массовое движение. Экономические условия выгоняют почти все мужское население на зимние заработки в Питер и Москву. Возвращается оно оттуда уже с новыми понятиями и не хочет мириться с патриархальной опекой помещиков, недоучек — земских начальников, а с ближайшим начальством — сотскими и урядниками — нередко вступает в открытую борьбу. В некоторых местах эти «охранители» нашли для себя новый источник доходов. В летнюю пору, когда ночные сторожа, утомленные дневными работами, обычно мирно засыпают, урядники и сотские обходят деревни с поверкой. Нерадивые сторожа откупаются от высидки в арестном доме 50 коп. в пользу сотского и рублем или больше в пользу урядника. Такое «полюдье» совершается «властями» несколько раз в лето и не всегда обходится так мирно. Один сотский в Клушинской волости своей жадностью вывел из терпения своих подданных: они восстали на него и поколотили. В другом месте, близ деревни Скугорево (имение министра юстиции), урядник Виноградов, утомленный скаканием за экипажем его превосходительства, часто брал эту дань с крестьян угощением. Деревня, где не оказывалось ночного сторожа, сейчас же поднималась на ноги: для гостя готовилась яичница, жарились цыплята, появлялась водка. Близость к передней высшего начальства вместе с частыми штрафами в виде водки внушили Виноградову мысль о неприкосновенности урядничьей персоны, и, когда один из плотников непочтительно отозвался об этой персоне, урядник с ружьем пошел наказывать виновника. Пришлось силой отнимать ружье. Несмотря на такую бдительность начальства или — лучше — благодаря такой бдительности, в уезде конокрадство разоряет крестьян: в одной волости за один месяц увели 18 лошадей. Исправник Мильковский слишком занят. Он всецело поглощен борьбой с земством из-за прибавочных 500 рублей на раз'езды. Так как ему этих денег не дают, то он хочет наездить на счет земства на извозчиках как можно больше, а потому скачет из одного конца уезда в другой без всякого толка, с единственной целью больше проехать. Он доволен, когда извозчик представляет в управу счет рублей на 200—220, а относительно конокрадства утешает, что с введением сельских стражников будет лучше (т. е., должно-быть, вместо 18 лошадей будет пропадать 30). Такому начальству поручается следить и за политической благонадежностью. В волостных правлениях с весны нынешнего года стали вскрывать письма, адресованные на имя крестьян. Делается это очень просто: разорвут конверт, прочтут, а потом и отдадут не запечатавши. Точь-в-точь как гоголевский почтмейстер Шпекин. Один сотский заявил, что им приказано из города искать по деревням «обожурки» (брошюрки) «Земля и Воля». С расспросами и розысками обращаются обыкновенно к административно высланным. Высланных же рабочих, как слышно, насчитывается в уезде до 300. Положение их незавидное. В городах они привыкли к другой работе — на заводах некоторые зарабатывали до 50 и более рублей в месяц, а в деревне их работа не требуется (слесаря, машинисты), и они сидят с семьями без дела и без хлеба, а тут еще начальство постоянно тревожит и раздражает их. В каждой волости вывешены списки таких лиц, чтобы им не выдавали паспортов.

Среди помещиков-эксплоататоров первое место по праву принадлежит предводителю дворянства Вл. Булгакову. Его земли кольцом оцепили крестьянские наделы, и он с их помощью пользуется даровым трудом: ему платят и деньгами и работой. Недовольство страшное, но пока еще не знают, как его выразить. Повсюду жива мысль о скором «переделе земли». Чтобы убедить других в достоверности ее, крестьяне часто ссылаются на авторитет какого-нибудь самого мирного интеллигента или же на какого-нибудь заезжего человека.

На страже православия в Гжатском уезде стоит Николай Клитин, гжатский священник, которому нельзя отказать в положительном таланте по части сыска. Состоя на должности миссионера, он нюхом чует, где раскольники завели часовню или молельню, тотчас же отправляется туда, является запросто к мужичку и просит показать какую-нибудь редкую древнюю икону или раскольничий складень, а затем, разузнавши и разнюхавши все, что есть, через несколько дней приезжает уже с полицией. Впрочем, в Воронцовской волости был случай, когда он без полиции скрал одну очень редкую раскольничью икону. Этому ревнителю православия всюду видятся враги церкви. По городу небезопасно ходить в длинных чуйках: сейчас выскочит поп Николай и привлечет к ответственности за ношение «неприсвоенной» одежды (недавно был такой случай). Особенно тщательно он отыскивает штунду. Штунда прямо ему грезится. Достаточно какому-нибудь крестьянину подать жалобу архиерею на своего попа за поборы, чтобы попасть в число неблагонадежных. Николай Клитин является к таким вольнодумцам со своей душеспасительной беседой и доводит их залезанием в душу до белого каления. В раздражении те начинают говорить ему дерзости, не встают при его приходе; тогда он грозит вызвать их в полицию: «Там вы у меня не так заговорите, там, небось, присмиреете!» Для собеседования с раскольниками он сгоняет через полицию народ и под охраною ее пустословит по нескольку часов. В Липетской волости он до того надоел крестьянам, так много отнял у них рабочих дней, что ему не раз говорили: «Да когда же ты перестанешь к нам ездить?» В учителях, которые читают нецерковные книги, он видит тоже врагов православия и натравляет на них уездного наблюдателя Зезулинского. Тот является с ревизией в школу, учителя отсылает в класс, а сам, в его отсутствии, роется в книгах, в письмах, отыскивает дневник. Поймать неблагонадежных — мечта этих деятелей...

Село Иванцево, Лукояновского у. Нижегор. губ. В 20-х числах сентября здесь были арестованы два крестьянина, у которых при обыске найдены нелегальные брошюры; арестованных продержали несколько дней в Лукояновской тюрьме, допросили и выпустили. Летом текущего года, особенно перед проездом царя в Саров, в Иванцеве несколько раз были разбрасываемы по ночам нелегальные издания (брошюры и прокламации). Это до того встревожило администрацию, что она совершенно устранила иванцевских крестьян от участия в «охране» железнодорожного пути во время саровских «торжеств»: из иванцевских крестьян в «охрану» не попал никто, несмотря на то, что некоторые из них, желая увидеть «батюшку-царя», усиленно добивались этого. Следует заметить, что с. Иванцево находится от железн. дор. на расстоянии лишь пяти-шести верст. Характерно, что в то же время в «охране» участвовали жители прочих селений Лукояновского уезда, а также тысячи крестьян, прибывших из Балахнинского, Горбатовского, Макарьевского и др. уездов. (Всего в «охрану» было вызвано до 40 тыс. крестьян.)

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Орехово-Богородская социал-демократическая рабочая организация возникла осенью 1901 г., признав руководящим для себя органом «Искру», о чем в октябре месяце и было сообщено в одном из номеров ее.

Последовавшие затем с 25 декабря 1901 года по май месяц 1902 г. крупные аресты, с жертвами до 800 человек,

разгромили всю боевую организацию. В результате пострадало всего лишь 20 человек, сосланных в Архангельскую и Вологодскую губернии; остальные были принуждены удалиться на родину, некоторые же приняты вновь на фабрику. Все старые связи с центральным органом социал-демократической партии порваны. Но, видно, протеста, вытекающего с естественной необходимостью из окружающей обстановки, нельзя подавить ничем. Образуются новые кадры борцов за свободу. Их пополняет всякий, кто не может примириться с гнетом несправедливости. (От ред. Вместе с этим сообщением мы получили также следующее заявление одной из групп, входящих в вышеупомянутую организацию.)

«Мы, ...ские рабочие, вынужденные в силу экономической необходимости, а вовсе не по наущению каких-либо агитаторов решили организоваться и примкнуть к организации «Искры», тем более, что обобществление средств и продуктов производства в руках производителей—главный пункт нашего символа веры. Желая стать «человеком» и удовлетворить свои культурные потребности, мы считаем необходимым: 1) введение 8-часового рабочего дня, 2) увеличение заработной платы свыше средней потребности рабочего.

«Мы признаем наличность классовых интересов пролетариата и капиталистов, а потому наша цель — уничтожение этих противоречий, средством — мы считаем классовую борьбу (политические убийства допустимы лишь тогда, когда совершаются самой массой) и, как одно из главных средств,—организованную мирную стачку; в различных же осложнениях, сопровождающих стачку, в виде поломки машин, грабежей и различного рода насилий, мы видим проявление царящей в России темноты, усиленно насаждаемой самодержавной политикой; но, оправдывая осложнения эти, мы еще не признаем их пригодным средством борьбы.

«В системе детского труда мы видим одно из проявлений экономической необеспеченности рабочего, вынужденного себя отдавать во власть хозяйской эксплоатации чуть ли не с самого детства, и считаем необходимым из'ятие детей без всяких оговорок до 16-летнего возраста.

«Для уничтожения все увеличивающейся конкуренции между женским и мужским трудом мы требуем одинаковой заработной платы как для мужчин, так и для женщин. Во время болезни рабочего мы считаем необходимым обязать капиталиста уплачивать рабочему вознаграждение в размере половинной заработной платы. Тоже самое и беременным женщинам за все время безработицы.

«Во всех случаях столкновения рабочих с фабричной администрацией мы требуем немедленного удаления лиц, ненавистных для рабочих. Если будут введены на наших фабриках фабричные старосты, то требуем, чтобы полиция и фабричная администрация не вмешивались в дело выбора старост — это дело самих рабочих, перед которыми старосты и ответственны. До годичного срока старосты могут быть смещены только рабочими, а перед административной властью они являются лицами неприкосновенными. Выборы должны быть обставлены полной свободой, — на них должна быть допущена свобода слова и признана гарантия личной неприкосновенности, подача голосов должна быть безусловно тайной, — в противном случае мы будем видеть в старостинстве новую ловушку со стороны господ Зубатовых. Ведению фабричных старост должно подлежать: дать или не дать согласие на увольнение того или иного рабочего с фабрики. Все наши экономические требования мы считаем невозможным выполнить при теперешнем положении современного самодержавно-бюрократического строя, а потому мы вынуждены заявить следующие политические требования:

«Ограничение самодержавной власти: 1) учреждение всероссийского земского собора, ставящего под свой контроль всю политику государства; 2) признание законодательным путем свободы слова, ассоциаций, стачек и гарантии личной неприкосновенности, без наличности которых все существование земского собора сводится к нулю; 3) выборы депутатов в земский собор должны составлять всеобщее, равное и прямое право с тайной подачей голосов.

Касса: процентное обложение: с рубля заработка платы 4 к. Из них: нелегальная литература 10%, легальная 10%, в помощь арестованным 20%, общий стачечный фонд—40%, конспиративные расходы—20%».

Приветствуем от всей души смелый почин самовозрождающейся рабочей соц.-демократической организации! Будем надеяться, что опубликование ее сообщений поведет быстро к восстановлению порванных связей.

Александровск. (Екатеринославск. губ.). В средине июля местной организацией был выпущен листок, содержащий описание южно-русских стачек. В нем александровские рабочие приглашались примкнуть к стачке и поддержать товарищей. В это же время дошли до нас сведения о готовящейся забастовке в городе Екатеринославе. Комитет поспешил сорганизовать авангард и выработать план действий; на четырех сходках, состоявшихся между 25 июля и 9 августа, был выработан план и решили забастовку соединить с политической демонстрацией, но не выступать раньше Екатеринослава. Однако ремесленники не выдержали и бросили работу еще 26 июля. Забастовали все портные, сапожники, жестянники и последними — модистки. Некоторые ремесленники держались стойко: например, в мастерской Бакальчуко более двух недель. Таким образом самый сознательный боевой элемент уже был утомлен стачкой, когда 9 августа пришли известия о кровавых событиях в Екатеринославе. Все заводы были настроены и готовы были бросить работу в тот же день. Некоторые же ремесленники, у которых забастовка была уже выиграна, колебались, а иные агитировали даже против нее. Организация выпустила снова листок и собрала сходку. На сходке был элемент небоевой; большинство старички семейные, а также протестующие против забастовки ремесленники. Однако к концу сходки все высказались за забастовку, но в авангарде пошли немногие—человек 35. С таким количеством передовых бойцов в городе, который не получил еще политического воспитания, выступать со всеобщей забастовкой было бы безумием. К тому же полиция и жандармерия приготовились; были стянуты все жандармы с вновь строящейся линии Екатеринославской дороги и в городе ждали со дня на день войска. Таким образом забастовку пришлось отложить на неопределенное время.

Однако, несмотря на такое решение местной организации, рабочие не успокоились: через два дня после сходки к одному из передовых рабочих, близко стоящих к Комитету, пришла депутация от железнодорожных мастерских и некоторых заводов с упреком, что их игнорируют, не призывают на сходки, а набирают каких-то калек революционеров, и просила Комитет снова собрать сходку, обещая пригласить более подходящий элемент. В это время пришло известие, что забастовка в Екатеринославе кончилась, и ходили слухи, что кончилась плачевно, неудачею и массой жертв. Несмотря на это, Комитет назначил сходку, которая не могла состояться по случаю проливного дождя; она была отложена, но не состоялась опять, так как в город прибыли казаки, и неокрепшая еще организация чувствовала себя недостаточно сильной, чтобы устраивать политическую демонстрацию при наличности непривычных для города войск. Хотя забастовка не состоялась, но ряд собраний и сходок имеет огромное значение: молодая александровская организация успела воочию изучить местный пролетариат; она запаслась опытом на будущее время и выдвинула целый ряд активных борцов. За это время по 10 октября организация выпустила листки к крестьянам деревни Левшиной (25 верст от Александровска), деревни Балабиной (15 верст). В последней поп произнес речь против «разбойников-социалистов», но вся молодежь демонстративно вышла из церкви, и когда он возвращался домой, то его телегу проводили гиканьем и свистом. Комитет выпустил ответный листок. После этого было несколько обысков, арестовано трое крестьян: двое мужчин и одна женщина. Распространен в городе печатный листок Екатер. Комитета о результатах последней стачки. Выпущен листок местной организацией: «Почему мы боремся за политическую свободу», в количестве 700 экземпляров.

Егорьевск, Рязанской губ. В «Русск. Вед.» от 23 сентября ст. ст. напечатано, что 22 сентября в уголовном отделении Московской судебной палаты, при участии сословных представителей, разбиралось (при закрытых дверях) дело о беспорядках на Хлудовской фабрике [14] в г. Егорьевске, Рязанской губ. Обвиняемые 10 человек (всего было привлечено к делу 11 чел., но один на суд не явился) признаны виновными по 1-й ч. 269[1] ст. Улож. о наказаниях и приговорены: шестеро к заключению в тюрьме на восемь месяцев с лишением всех особенных прав, один на четыре месяца без лишения прав, двое — на два месяца и один оправдан.

Беспорядки или «бунты» в Егорьевске — небольшом уездном городке с 30-тысячным населением и с восемьюдесятью тысячами рабочих на нескольких фабриках (товарищества бр. Хлудовых, Бардыгина, Князева и др.) — случаются уже не впервые. Я хорошо помню «бунт» 1893 г., когда весь фабричный двор Хлудовской бумагопрядильни, в несколько десятин размером, был засыпан, как снегом, клочками конторских книг, счетов, квитанций и пр.; когда речка Гуслянка, протекающая около фабрики, чуть не выступила из берегов, заваленная кусками коленкора, мотками пряжи и т. п. Разгром был полный... Были вызваны спешно войска. После «бунта» город, в лице своих отцов, обратился, куда следует, с просьбой о присылке постоянного войска. Просьбу уважили и прислали целый полк. Судил «зачинщиков» (если не ошибаюсь, их было 17 человек) в Егорьевске же окружный суд. Защищал бесплатно Плевако [15], и приговоры были сравнительно легкие. Настроение у рабочих, благодаря выигрышу стачки *, защите Плевако («сам Плевака нас защищал», — говорили потом рабочие) и общей обстановке суда — сочувствующая публика — было бодрое, но оно не было совершенно использовано благодаря отсутствию «революционных бацилл». После 1893 г.[15] «беспорядки» раза два или три повторялись, но в них не было уже единодушия, и Хлудовы, Бардыгины и пр. продолжали хозяйничать попрежнему. И вот в нынешнем, 1903 г., в феврале опять «бунт» и опять разгром... Результатов почти никаких, полиция вначале же «выхватила» кого посмелее и куда следует представила. И опять, возможно, заснет Егорьевск, несмотря на то, что находится в промышленном районе, на железной дороге и в 100 верстах от Москвы.

Егорьевское «дело» заставляет позадуматься. В самом деле: почему Юг, Кавказ, восточные губернии то и дело «оказывают» себя, да еще так глубоко и серьезно оказывают! И в то же время целая полоса (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская губ.) России молчит и, повидимому, спит! Не так ведь давно и тут «волновались»! А теперь? Просмотрите корреспонденции «Искры» хотя бы за последние 25 №№, — много ли вы найдете сообщений из этой полосы, из этого центра русской мануфактурной промышленности? Старые «бунтовщики», «девятидесятники» — Иваново-Вознесенск, Орехово-Зуево, Шуя и др. — молчат, заглохли, а про мелочь, вроде Коломны и Серпухова, и говорить нечего! Почему? Неужели рабочий этой полосы России менее восприимчив к социал-демократической пропаганде, чем южанин? Тот факт, что сами рабочие этого района, без всякого постороннего влияния, начинают читать, хотят добиться «сути», учатся, говорит за то, что здесь уже не такое сонное царство, что интерес к книжке, к знанию, к «уразумению» существует. Я знаю один кружок рабочих, устроивший по своей собственной инициативе кассу для покупки таких книжек, как брошюрки свящ. Петрова [16], «книжка за книжкой» изд. Слепцовой и др. Рабочие этого кружка питаются неудобоваримой пищей вроде самодержано-православного социализма Петрова, а из хороших, случайно попадающих книжек многое остается непонятным. Но все же читают! И такие действительно «отрадные» явления остаются неиспользованными. Почему? Ответ один — нет руководителей, нет «революционеров по профессии», нет никого, кто сумел бы направить ищущую рабочую мысль по социал-демократическому руслу!

С. Д.

Екатеринбург. Письмо рабочего льнопрядильно-ткацкой фабрики бр. Макаровых.

На фабрике выделываются пряжа, нитки, мешки и брезенты. Рабочих около 500. Фабрика разделяется на два отделения: прядильное и ткацкое; в прядильном отделении плата поденная и помесячная; в ткацком плата сдельная. В 1900 году на этой фабрике была стачка ткачей. Ткачи возмутились желанием хозяев понизить заработную плату и забастовали. Стачка была выиграна, плата осталась прежняя. Но хозяева стали прибегать к другим мерам для понижения заработной платы рабочих. Мужчин стали заменять женщинами. Раньше работали 2 смены по 11 часов каждая. При таком порядке нельзя было свободно пользоваться трудом женщин и подростков, так как женщины и подростки работают только днем. Чтобы широкое применение женского труда стало возможным, 11-часовая смена была заменена 9-часовой. В настоящее время одна смена работает от 4 часов утра до 1 часа дня, другая от 1 часа до 10 ч. вечера. Такой порядок больше не препятствует замене мужчин женщинами, и в настоящее время из 500 чел., работающих на фабрике, женщин около 300.

В прежние годы поденная плата обыкновенно составляла 70 к., она никогда почти не была ниже 50 к., теперь редко кто получает 50 к., средняя же плата 35 — 45 к. Понижается не только заработная плата, но уменьшается также размер пособий, выдаваемых роженицам. Пособие назначается из штрафного капитала администрацией и утверждается фабричным инспектором. Раньше роженице выдавалось 7 р.; как-то раз фабричный инспектор вместо 7 р. утвердил только 5 р.; с этого времени стали выдавать только 5-рублевые пособия. Недавно фабричному инспектору почему-то вздумалось вместо 5 р. утвердить только 2 р., и с тех пор роженица больше 2 р. не получает. Понятно, что при такой заработной плате (женщины получают 40 и 30 к. в день) жизненный уровень рабочих спускается все ниже, все реже рабочие видят за столом мясо, горячую пищу.

На фабрике нет даже фельдшера — вместо фельдшера какой-то невежда, не имеющий звания фельдшера. Какова бы ни была болезнь, он всегда дает только касторку, хину и скипидар; врач Поздеев существует только для формы; рабочих он не лечит, к нему почти никто и не обращается. Больной работнице он однажды заявил: «Лечить тебя обойдется 50 руб., похоронить — только два с полтиною, какой расчет фабрике тебя лечить?».

Работа страшно плохо отражается на здоровье рабочих: приходится работать в густой, удушливой пыли; пыль ложится на легкие, способствует развитию чахотки, портит глаза: когда рабочие выходят с работы, минуту-другую у них перед глазами стоит туман. Фабрика бессовестно расточает здоровье рабочих; если же приходится тратить на лекарства, то предпочитает дать расчет.

На фабрике царит страшный произвол администрации. Фабричный же инспектор Николаев не ездит на фабрику, боясь нарваться на какую-нибудь жалобу рабочих. Вследствие небрежного отношения администрации ко всякого рода ограждениям на фабрике бывают часто несчастные случаи с рабочими. Пострадавшие от несчастных случаев рабочие получают во время болезни 60% жалованья и более ничего, хотя они и остаются без рук, без пальцев. Фабричная администрация, бессовестно эксплоатируя и калеча рабочих, этим не довольствуется, она еще позволяет себе издеваться над рабочими и работницами и всячески оскорбляет их человеческое достоинство. Более других в этом отличаются директор фабрики Джон Кристи и бухгалтер Замараев. Директор Кристи ругает рабочих самым неприличным образом и глумится над человеческим достоинством работниц. Хорошеньких, красивых работниц он преследует своими гнусными предложениями, часто оскорбляя их наигрубейшим образом. Для подтверждения сказанного

---

* Рабочие требовали более человеческого обращения, уничтожения платы харчами, удаления кое-каких служащих и пр. Почти все требования были удовлетворены; директор и часть администрации уволены (Хлудовская фабрика). На других фабриках, тоже присоединившихся к бунту (Бардыгинская, Князевская), были выставлены аналогичные требования и тоже удовлетворены. «Хозяева» и «город» были перепуганы не на шутку.

можно было бы привести много фактов. Что касается бухгалтера Замараева, то он не только систематически притесняет и оскорбляет рабочих, но нередко применяет кулачную расправу.

Чернигов. Времена меняются... Давно ли черниговского обывателя можно было только посмешить заявлением, что рабочие требуют «правов», что они пред'являют какие-то культурные запросы. Теперь не то: над стачечниками больше не смеются, и требования рабочих никого не удивляют. Обыватель молчаливо признал за рабочими право на борьбу, и только мелкие хозяева-ремесленники, которым особенно не по душе пришлось «бунтарское» настроение рабочих, жалуются на новые времена. «Ах, какие теперь времена настали, какие времена! Житье у нас стало хуже, чем в Сибири! Бывало, у тебя рабочий работает, сколько нужно, ест, что дашь; бывало, и толкнешь его, — не обижается: без этого нельзя, всякий понимает. А сейчас... ой, ой! Лучше бросить все дело!.. Рабочие захотели жить как студенты. Наступает семь часов вечера, и ты их ничем не удержишь: одеваются и уходят. А насчет ночной работы и не заикайся. И за все им плати: за лишний час работы — плати!.. Паршивый малыш и тот кричит: давай лучшую пищу, не смей меня трогать, а не то уйду. Получает рубль-два в месяц, и то платит две копейки «в кассу». — «В какую кассу?» — «В какую? О, вы не знаете, как у них все умно устроено!» И застигнутый врасплох новыми временами мелкий хозяин подробно рассказывает о стачечных кассах, все время повторяя: «О, у них очень умно все сделано». Но что особенно удивляло и возмущало его, так это то, что рабочие «бунтуют, бездельничают, гуляют на реке, и их же еще кто-то поддерживает и дает им деньги». «Говорят, будто все студенты тут виноваты; но я не верю, чтобы такой ученый народ и делал такой плохой гешефт». Другой, наоборот, был убежден, что «студенты в этом деле причинны». «Знаете, — говорил он, — тут великое дело, страшно великое дело, трудно и рассказать. Студентам плохо живется: кончают они университет и служат в канцеляриях на 25 руб., а другие паны без образования миллионами владеют... Народу тоже плохо живется... За границей, видите ли, там больше прав имеют, меньше работают. Вот и у нас того же хотят». Таким образом, под влиянием народившегося рабочего движения, и в слои мелких хозяев-ремесленников начинает проникать смутное сознание существующего у нас общественного неустройства. А рабочее движение у нас, в Чернигове, совсем еще молодое: в марте у нас была всеобщая стачка портных (см. 41 № «Искры»), затем в августе такая же стачка произошла среди столяров. Участвовало в ней до 70 человек, и продолжалась она около двух недель. В стачке принимали участие еврейские и русские рабочие, и, когда евреям-рабочим сделаны были уступки, они отказались стать на работу до тех пор, пока такие же уступки не будут сделаны их русским товарищам. Требования были очень скромные: десятичасовой рабочий день и введение расчетных книжек. Хозяева тотчас же обратились за помощью к полиции, которая арестовала трех «зачинщиков». Полицеймейстер вызвал рабочих поодиночке и угрозами и зуботычинами старался их заставить стать на работу. Рабочие держались очень стойко и завоевали десятичасовой рабочий день. Во время стачки была выпущена к столярам прокламация за подписью «Революционная Социалистическая Группа». Рабочие недоумевали, что это за группа, так как они считают только соц-дем. истинными друзьями рабочих. Вслед за столярами забастовали слесаря, требуя десятичасового рабочего дня, чего через два дня добились. По поводу последних событий на юге в Чернигове была распространена прокламация за подписью «Черниговская Соц.-Дем. Группа».

Севастополь. Последнее время отмечено у нас энергичной борьбой рабочих-портных с хозяевами. Не так давно хозяева дамско-портняжного цеха составили (по инициативе Шейнкора) союз для борьбы с рабочими, направив его главным образом на уничтожение помесячной платы и на введение сдельной. Рабочие не согласились и предпочитали сидеть без работы и в буквальном смысле слова голодать, чем принять эту форму расплаты. Наступило время сезона — самое дорогое для хозяев время. Посыпались заказы, а исполнять их некому. Неся огромные убытки, хозяева по необходимости стали соглашаться на условия помесячной платы, но при этом они не принимали на работу тех из рабочих, которые наиболее энергично стояли за помесячную плату. Возмущенные этим рабочие решили выразить протест этому союзу хозяев в лице его организатора Шейнкора и постановили не допускать в его мастерскую никого из мужских подмастерьев, оставив у него одного годового. Дело пока очень дружное. Ему не мешали и приезжие рабочие, которые, став на работу, по предложению севастопольских товарищей, уходили через день-два. Тогда Шейнкор, пользующийся покровительством градоначальника, адмирала Спицкого, жене которого он сумел угодить работой, обратился к нему за защитой и указал ему на трех рабочих, как на главных «агитаторов и бунтовщиков». Спицкий защитил портного ее превосходительства, и через пять часов три «агитатора и бунтовщика» были высланы из города, причем им не было дано времени на устройство своих личных дел. Шейнкор торжествовал, но не долго. Весть об этом акте произвола быстро распространилась по городу, и возмущенные товарищи немедленно же окончательно лишили Шейнкора рабочих на весь сезон, не исключая и годового подмастерья, который взял расчет и уехал из города. Шейнкор рвет и мечет и теперь, ступив уже на дорогу доносов, грозил высылкой еще пятерым рабочим и трем интеллигентам. Общественное мнение на стороне рабочих. На-днях же началась стачка портных мужского портняжного цеха, которую решили вести поочередно. Портные требуют повышения платы. Первая забастовка у Новика закончилась, повидимому, удачно: он согласился прибавить половину требуемой суммы (50 коп. вместо 1 рубля за штуку). В настоящее время стачка об'явлена у портного Левина; требования те же. По примеру Шейнкора и хозяева мужского портняжного цеха решили обратиться к градоначальнику и донесли на рабочих. Поживем — увидим.

Херсон. Нам доставлена из Херсона обширная корреспонденция, подробно излагающая историю рабочего движения в Херсоне. История эта, отличаясь лишь отдельными эпизодами от истории других городов, является типичной для русского провинциального города. Кружковщина, кустарничество, полная оторванность от центров рабочего движения, чрезвычайное сужение задач социал-демократии — вот картина херсонского движения вплоть до 1903 г. Стачка на табачной фабрике Лермана (140 раб.), в 1902 г. внесла было некоторое оживление в дела херсонской соц.-дем. организации, но затем кустарничество и экономизм вновь одолели, и все пошло по-старому. Для будущего историка картина херсонского движения, подробно описанная нашим корреспондентом, представит любопытный материал.

Заимствуем из корреспонденции следующие сведения, относящиеся к 1903 году. Начало этого года характеризуется переходом к массовой агитации, принимающей политический характер в противовес прежнему «экономизму». Выпускаются листки: «О том, как освободиться от экономической эксплоатации», «Кто мешает пролетариату сорганизоваться», «О самодержавии и политической свободе». Распространяется брошюрная литература. Связи с рабочей массой становятся обширнее и прочнее. Некоторую смуту в работе организации вносит образование «оппозиции», требовавшей возврата к устаревшим приемам пропаганды. После борьбы и долгих переговоров «оппозицию» удалось обезвредить и присоединить к организации. В течение последних месяцев были выпущены следующие листки: «Письмо очевидца из Златоуста», «Как держать себя на допросах», «О кишиневском погроме», «Ко всем» (о приговорах Одарику и Дзюбинской).

Несмотря на незначительность фабрично-заводского населения (около 5.000), уже в настоящее время в Херсоне чувствуется сильный недостаток в опытных организаторах и агитаторах. Об'ясняется это отчасти тем, что лучшие рабочие, не находя достаточного простора для применения

своих сил в Херсоне, перекочевывали в другие города, отчасти же тем, что работа местной социал-демократической группы начала за последнее время быстро расширяться. Так, удалось установить связи с соседними уездными городами, а также начать пропаганду и агитацию среди крестьян, охотно читающих соц.-дем. литературу и бывающих на рабочих сходках. В одной деревне чуть ли не все крестьяне бывали на собраниях и читали литературу.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ДЕСЯТЫЙ КОНГРЕСС БОЛГАРСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ В РУЩУКЕ.

Из всех политических партий Болгарии одна социал-демократическая партия обладает строго проведенной организацией, имеет определенный устав и программу; она же одна устраивает правильные ежегодные с'езды, дающие руководящие указания для партийных органов и всех местных организаций. Таким образом она является единственною в Болгарии прочно-организованною политическою партией, и этим в значительной мере об'ясняется ее крупное влияние на общественную жизнь страны.

Работы X с'езда болгарских социал-демократов определялись исключительными условиями, в которых им приходится действовать и бороться в настоящее время. С одной стороны, они должны были укрепить организм партии после происшедшего весною этого года раскола между оппортунистами и революционными социал-демократами; с другой — им необходимо было связать интеллигентское социал-демократическое движение с молодым рабочим движением и направить все силы к тому, чтобы сделать это стихийное движение сознательно-классовым, социал-демократическим. Эта задача являлась тем более настоятельной, что, при при все быстрее растущей реакции со стороны правительства князя Фердинанда и части самой крупной буржуазии, будущность социализма в Болгарии может быть обеспечена только сильной организацией рабочего класса и широким и полным развитием его классового самосознания.

Социализм в Болгарии зародился значительно раньше болгарского рабочего движения. Даже после того, как болгарские социалисты об'единились, в начале девяностых годов, в Социал-Демократическую Рабочую Партию, участие рабочих как в политической жизни страны, так и в социалистическом движении было совершенно ничтожно. Партия была фактически партией интеллигенции: учителей, мелких чиновников и некоторой части мелкой, сельской и городской буржуазии. Только в самое последнее время, начиная с 1897—1898 гг., рабочие стали организоваться, готовиться к борьбе и бороться, по мере того как капитал стал переходить из области торговли и ростовщических приемов «первоначального накопления» в область крупно-промышленного производства. Мелкобуржуазным составом партии об'ясняется и то обстоятельство, что долгое время главную роль в ее деятельности играла минимальная, а не максимальная программа. Принципы последней являлись для многих из вожаков чем-то абстрактным, чуждым и совсем ненужным в ежедневной борьбе. Отсутствие крупных фабричных центров и сплоченных масс пролетариата толкало партийных деятелей в деревни, население которых — подавленное и разоренное — звало их на помощь. Во время избирательной борьбы агитаторы партии несколько раз успевали привлечь на свою сторону крестьян обещаниями уменьшения государственных налогов, сокращения военного бюджета и т. д., но, главным образом, своей критикой капитализма, разрушающего старые «устои» деревенской жизни и толкающего в ряды пролетариата — а еще чаще в босячество — многих и многих крестьян. На социал-демократов крестьяне смотрели как на своих лучших друзей, борющихся за спасение их от влияния капитализма, главным образом от пролетаризации. Естественно, что при таких отношениях между партией и мелкими сельскими собственниками случилось то, что предвидел — по поводу подобного же случая — 10 лет тому назад Карл Каутский: вместо того чтобы крестьяне были «пойманными» партией, стало ясно, что, наоборот, крестьяне «поймали» партию, заставив ее превратиться в радикальную партию во французском значении слова.

Но с появлением и ростом рабочего движения, с возникновением профессиональных союзов и других рабочих обществ, особенно же после целого ряда более или менее крупных забастовок фабричных рабочих в некоторых городах, многие из партийных членов, главным образом теоретически образованные марксисты, стали все чаще и настоятельней пред'являть требование о создании рабочей партии или, как они говорили, о перемещении центра тяжести нашей партии из среды крестьян и ремесленников в ее естественную среду, в среду фабрично-заводского пролетариата. Мало-по-малу в рядах партии стали оформляться два—существовавшие, впрочем, в зародыше и ранее — течения, принципиально противоположные друг другу, борьба между которыми кончилась, весною этого года, расколом в партии.

Одно из этих течений не было представлено теоретически до самого последнего времени. Это было течение так называемых «практиков», работающих по-старому среди крестьян и мелкой буржуазии городов, несмотря на решения нескольких с'ездов, отвергших эту тактику и рекомендовавших работу (пропаганду и агитацию) среди рабочих и в интересах рабочего движения. Пока не было теоретиков этого течения, его приверженцы спокойно принимали на словах все, что постановляли с'езды партии, и не давали особенного повода к раздорам и спорам. Но с 1900 г. такие теоретики появились. В начавшем к тому времени выходить в свет журнале «Общее дело» член Центрального Комитета и депутат партии Я. Саказов [17] попытался оправдать принципиально и рекомендовать, как единственно истинный старый способ действия партийных товарищей, их мелкобуржуазную тактику. Внешним толчком для рассуждений Саказова послужило то обстоятельство, что в 1900 г. Болгария находилась под гнетом партии так называемых «палочных», «черкесов», т. е. приверженцев осужденного за злоупотребления и кражу государственных денег д-ра Радославова [18]. Другим — более интимным — поводом было, как признавался сам Саказов, брожение в рядах западно-европейских социалистов, между прочим «учение Бернштейна».

Саказов рассуждал приблизительно так: правление Радославова является признаком наступающей политической реакции; вполне возможно и вероятно уничтожение конституции и торжество монархизма. Этого допустить не следует. Но каким образом может «народ» не допустить этого? Политические партии в стране не представляют собою классовых партий, а простые клики хищников-буржуа, простые политические котерии. С своей стороны, социал-демократия не обладает достаточной силой, чтобы одной сломить реакцию. Что же делать? Саказов ответил, что надо обратиться прямо «к народу, к народу и к народу», т. е. ко «всем производящим слоям» населения: «К торгово-промышленной буржуазии, ремесленникам, крестьянам и рабочим», не желающим политической реакции, координировать их стихийные и разрозненные движения и таким образом организованную политическую силу «производящей демократии» противопоставить поползновениям князя и реакционеров. С этой целью Саказов апеллировал к отдельным «честным и благородным» личностям в различных существующих партиях, вообще ко всем интеллигентным людям и друзьям прогресса, ставя им задачей вести народ на борьбу за «законность и свободу», за «хорошую и разумную финансовую и экономическую политику государства» и т. д. Только таким образом, — думал Саказов, — возможно было бы создать прочные демократические учреждения в стране, т. е. необходимый базис правильного ее развития в будущем, равно как и предварительные условия дальнейшей борьбы между различными партиями.

Эта «теория» Саказова показывает, что и болгарская социал-демократия не избегла заразы оппортунизма, что и она способна рождать своих Бернштейнов, столь же мудрых и столь же дальновидных. Однако эта «теория» и в Болгарии нашла должный отпор со стороны «узких»,

«ортодоксальных» революционеров. Во главе с Д. Благоевым [19], редактором научного органа партии и депутатом парламента, товарищи, стоящие на твердой почве социал-демократического учения, вступили в беспощадную борьбу с саказовцами. Они решительно стали на точку зрения классовой борьбы, а для отпора поползновений правительственной реакции сочли лучшим средством крепкую организацию пролетариата в сознательную социал-демократическую партию.

В дискуссиях на двух предпоследних с'ездах партии, а также в литературном споре между обеими сторонами, длящемся уже более трех лет, вполне выяснилась оппортунистическая политика саказовцев. В разгаре борьбы они мало-по-малу договорились до отрицания будущности болгарского капитализма, а следовательно, и всей программы партии. Появились толки об «оригинальном» болгарском социализме; о новом — выдаваемом за взгляд западноевропейской социал-демократии — понимании отношения социализма к мелкой частной собственности; о «сотрудничестве классов», как о «диалектике истории» и законе развития и т. д. На практике эта «теория» проявилась в том, что «широкие» социалисты стояли за политику «открытых дверей» при приеме новых членов в партию, хотя бы и мало понимающих в социализме; за устранение теоретической борьбы среди партийных товарищей и против постоянного поднятия теоретического уровня последних, обосновывая это тем, что рабочие-де по самому своему положению социал-демократы и что им мало проку от того, согласны или нет между собою «теоретики» партии. «Широкие» социалисты защищали также «нейтралитет» профессиональных союзов, охотно однако привлекая их при случае на свою сторону.

В начале этого года борьба между двумя течениями приняла такой ожесточенный характер, что вся деятельность партии вполне парализовалась. В парламентской группе, в Центральном Комитете, в местных организациях споры исчерпывали всю энергию партии. Все чувствовали, что раскол неизбежен, и все его ожидали на ближайшем с'езде. Но события опередили эти ожидания. В Софии, после шестимесячной ожесточенной борьбы между двумя течениями, 52 из лучших членов выступили из организации и основали новую. Большинство Центрального Комитета признало эту новую организацию местным софийским комитетом, об'явив старую организацию несуществующей. Это было сигналом к расколу. Меньшинство Центр. Комитета провозгласило решение последнего незаконным и, не дожидаясь с'езда и забрав архив, печать и деньги партии, об'явило себя Центральным Комитетом. Большинство Центр. Комитета, во главе с Благоевым, обратилось к партии с протестом против узурпации своих прав со стороны Саказова и его товарища Дабева и с требованием, чтобы местные организации решили, кто будет Центральным Комитетом до конгресса. Большая часть (40) комитетов примкнула к большинству Центр. Комитета; десятка два их присоединилось к меньшинству, к Саказову. Таким образом в Болгарии стали существовать рядом две партии с одинаковыми названиями, программами и уставами.

Конгресс, о котором здесь идет речь, явился конгрессом большинства старой партии, так называемых «узких», «ортодоксальных» социал-демократов.

Так как раскол произошел до него, то с'езд ограничился только санкционированием происшедшего, т. е. утверждением отчета Центрального Комитета.

Надо признать, что этот с'езд много поработал. Такого трудолюбивого с'езда болгарская партия до сих пор не видела. Все пункты порядка дня, за исключением одного, были рассмотрены, и по всем ним были приняты соответствующие резолюции. Вот этот порядок дня: 1. Отчеты Центр. Комитета, партийного органа («Рабочая Газета») и парламентской группы. 2. Деятельность и тактика партии: а) пропаганда и агитация, б) избирательная борьба. 3. Пересмотр устава партии. 4. Кооперации. 5. Профессиональные союзы рабочих. 6. Партийная печать: а) центральный орган, б) брошюры для пропаганды. 7. Отношение партии к организациям ремесленников. 8. Македонский вопрос. 9. Минимальная и муниципальная программы. 10. Отчет кассы партии и ее органа. 11. Различные предложения.

Я не буду подробно останавливаться на всех пунктах. Сообщу только сущность главнейших резолюций, принятых с'ездом. На первый план выступает постановление о пропаганде и агитации.

Принимая во внимание, что, прежде чем пускаться в широкую деятельность, партии необходимо пустить прочные корни в среде пролетариата; что эту задачу можно тем легче разрешить, чем выше теоретический уровень партии и солиднее ее организации, резолюция эта вменяет в обязанность всем организациям: во-первых, действовать по указаниям Центр. Комитета для поднятия теоретического уровня своих членов и для упрочения партийной дисциплины; во-вторых, быть более требовательными при принятии новых членов в партию; в-третьих, развить систематическую пропаганду и агитацию социализма и программы партии в среде неорганизованных и организованных рабочих с целью пробудить или усилить их классовое самосознание и привлечь их в партию или в другие организации рабочих; в-четвертых, сосредоточить во время выборов, имеющих место в октябре, силы и средства партии преимущественно в промышленных центрах и городах, строго придерживаясь установленной, отрицающей компромиссы выборной тактики и особенно напирая на конечные цели программы.

Второй важной резолюцией является резолюция Бакалова о печати. Партийному органу дается, в силу этого решения, еще новый редактор в лице бывшего депутата Киркова; «Красный Народный Календарь» [20], альманах партии, будет издан в 25.000 экз.; Центр. Комитет должен издать комментарий — в виде обоснования и развития основных положений партийной программы. Создается, кроме того, фонд для издания брошюр по злободневным вопросам; основывается, постепенным расширением экспедиции «Рабочей Газеты» и «Красного Календаря», книжный магазин партии и т. д.

Особенно важные для переживаемого партией момента решения были приняты по синдикальному и кооперативному движению рабочих. Обе резолюции дают целую программу действия партийным товарищам-организаторам. Первая из них, исходя из положения, что синдикальное движение является лишь одной стороной общей сознательной классовой борьбы пролетариата; что оно действительно лишь постольку, поскольку находится в постоянных и тесных сношениях с социал-демократической партией, ставит, как первую задачу, партийным членам «социалистическую пропаганду и агитацию среди наемных рабочих с целью их организации в профессиональные союзы, на почве классовой борьбы», и рекомендует им, в восьми пунктах, сделать все возможное для усиления существующих и основания новых союзов.

Вторая из названных резолюций, выясняя сущность производительных и потребительных кооперативных обществ, указывая на то, что они не могут уничтожить капитализм; что потребительные товарищества рабочих только тогда и только там могут быть полезны для освободительной борьбы пролетариата, когда и где этот последний организован в могучие синдикаты и партию и когда эти общества находятся в теснейшей связи с синдикатами и партией, — указывая на все это, резолюция рекомендует основание коопераций только в городах с значительным, по числу, по организованности и сознательности, пролетариатом. Для принятия в партию отдельных коопераций резолюция ставит следующие условия: а) члены кооперации должны быть членами партии; б) кооперации должны тратить известную часть своих доходов и средств на непосредственную социалистическую пропаганду и агитацию; в) они должны вносить известный % своего дохода в Центральную кассу партии; в заключение резолюция рекомендует большую осторожность при основании кооперативных товариществ.

Единственный, хотя и довольно чувствительный, недостаток всех работ с'езда состоял в том, что он не особенно сильно подчеркнул необходимость борьбы против грядущей дворцовой реакции. Несмотря на вполне хорошо обрисовавшийся новый режим князя Фердинанда и его креатур; несмотря на всю важность широкой политической свободы для рабочих и их будущей борьбы, — с'езд уделил очень мало времени вопросу о борьбе социал-демократов с поли-

тической реакцией. Он даже упустил случай резко высказать протест против незаконного уничтожения (без согласия парламента!) принятого в начале этого года народным представительством закона о чиновниках!.. Но этот недостаток вполне окупается и извиняется сделанной громадной работой и отсутствием времени, а еще и тем обстоятельством, что конгресс принял резолюцию по македонскому вопросу, широкое понимание которой дает решение и указанного мною вопроса о борьбе с реакцией. Эта резолюция гласит: «Х с'езд болгарской социал-демократической партии, высказывая свое возмущение по поводу зверств, совершающихся со стороны турецких властей в Македонии [21], и свое сочувствие истинным македонским революционерам, рекомендует в то же время всем партийным товарищам разоблачать, в каждом данном случае, настоящий характер так называемого македонского движения в Болгарии, которым пользуются не для освобождения Македонии, а для попрания вольностей (свободы) и задержки развития нашей страны».

Замечу, наконец, что представители болгарских сознательных рабочих не забыли высказать свою солидарность с рабочими других стран. Между прочим поздравительными телеграммами послан был с'ездом привет русским товарищам в лице Г. В. Плеханова, самого популярного в Болгарии теоретика революционного социализма.

СТАЧКА В ЛИЛЛЕ.

В северо-восточном уголку Франции, по соседству с бельгийской границей, раскинулся вокруг города Лилля один из главных районов прядильно-ткацкой промышленности. Целый ряд коммун — Армантьер, Уплин, Туркоэн, Рубэ и др. — живет этим трудом, и, надо признать, живет довольно плохо, так как эксплоатация рабочих в этой отрасли производства достигает крайних размеров. И без того низкая заработная плата грозила пасть еще ниже, благодаря введению закона о 10-часовом рабочем дне (закон Мильерана-Кальяра) [22], и вот ткачи в Армантьере, не дожидаясь предполагавшейся весной всеобщей стачки рабочих текстильной промышленности, бросили в начале октября работу. До какой крайности доведены были ткачи, лучше всего свидетельствуют слова буржуазной газеты «Temps», которую трудно заподозрить в симпатии к стачечникам. «Рабочие (ткачи) жалуются, что хозяева не применяли тарифа 1889 года, и эта жалоба основательна. В Армантьере насчитывается 39 фабрикантов, у которых работает 10.000 мужчин и женщин; конкуренция между предпринимателями достигает крайних пределов, и побеждают в ней те, кто понижает расценки, чтобы производить дешевле. Таково же положение в соседней общине Уплин, где находится 11 ткацких мастерских и 5.000 рабочих. Что касается Лилля, то там тариф 1889 года никогда не применялся. Хозяева всегда по произволу договаривались со своими подчиненными».

Несмотря на то, что стачка началась совершенно спокойно, местные власти поспешили наводнить всю округу войсками и полицией, «чтобы избежать возможных случайностей». Быть может, именно благодаря этой провокации стачка приняла через несколько дней бурный характер и разразилась разгромом нескольких фабрик. Такой же взрыв повторился еще раз 13 октября. Буржуазная пресса поспешила, конечно, раздуть происшедшее до чудовищных размеров и обвинить в подстрекательстве к беспорядкам Жюля Гэда, произнесшего в Народном доме в Армантьере политическую речь. Дело в том, что Гэд, указав в своей речи, как движение, подобное происходящему среди рабочих Северного района, с исторической необходимостью приведет в конце к коллективизму, закончил словами: «На вашей стороне количественный перевес; когда вы захотите, вы будете в состоянии захватить центральную власть; тогда, менее чем в неделю, экспроприация класса капиталистов станет свершившимся фактом. Возражая буржуазным газетам, «Socialiste», орган соц. партии Франции, справедливо замечает, что «Гэд не затем ехал туда, чтобы проповедывать смирение; истинными же подстрекателями являются те, кто прервал начатые по поводу стачки переговоры». «Что же касается насилий, — продолжает «Socialiste», — мы должны заметить, что они в значительной мере имели целью заставить хозяев, правительственные власти и общественное мнение выйти из того гордого безразличия, которым эти три выразителя капиталистического порядка встречают все требования рабочих». И этой цели они действительно достигли: и хозяева и префект принуждены были приступить к переговорам, хотя переговоры эти затянулись, частью прерывались, возобновлялись опять и продолжаются еще и до сих пор. Чем они кончатся, сейчас предвидеть трудно, едва ли многого добьются рабочие, т. к. стачка в общем не достигла предполагаемых размеров и организованности; однако не подлежит сомнению, что заработная плата поднимется до уровня, установленного тарифом 1889 года.

Бросая работу, ткачи лилльского района рассчитывали вызвать всеобщую стачку в местной текстильной промышленности, однако расчет их не оправдался. Национальная федерация рабочих прядильно-ткацких фабрик постановила на последнем конгрессе вступить в общую стачку в апреле — т. е. в последний срок введения закона Мильерана-Кальяра: поэтому национальный совет федерации, застигнутый врасплох преждевременной стачкой ткачей в Армантьере, не мог нарушить данных ему инструкций и призвать к забастовке ткачей всего северного района; кроме того, сама национальная федерация ткачей очень недавнего происхождения и не в силах еще должным образом реагировать на все непредвиденные события. С другой стороны, при большом разнообразии условий работы и размера расценок, различных в разных фабриках, в разных отраслях ткацкого производства и в разных местностях, невозможно было об'единить движение на почве общих экономических требований. Благодаря этому стачка приняла несколько несвязный характер и не распространилась на весь район. О переговорах, ведущихся в настоящее время, сообщим по их окончании.

[Г. Лейтейзен-Линдов]

ИЗ ПАРТИИ

Старый, но вечно новый вопрос. (Письмо в редакцию.) Дорогие товарищи! Уже полгода я совершенно отрезан от жизни — от мира борьбы, и хотя за это время, вероятно, произошло немало крупных изменений, думаю, что и теперь стоит обратить ваше внимание на те вопросы нашей партийной жизни, о которых тогда не удалось написать.

Мы должны открыто признать, что в организационном отношении нам еще далеко до «ликвидации третьего периода» [23]. Тут дело не в с'езде, хотя он страшно нужен и многое поправит, — а в качестве наличных работающих сил, в их понимании задач общероссийской партийной деятельности. Идейная борьба с «экономизмом» во всех его разновидностях уже покончена, но, как показали истории последних расколов (начало 1903 г.) в Комитетах Петербургском, Киевском, Одесском [24], где все разногласия разыгрались на организационной почве, принцип централизации признан еще не всеми товарищами, да и признание централизации и новых организационных начал часто ограничивается только словами, в действительности все остается по-старому. Сочувствуя делу об'единения, большинство комитетов однако ничего не делало для его осуществления. Редко, почти никогда, товарищи, мы не делимся революционным опытом, сведениями о внутренней жизни наших организаций, результатом практического осуществления новых организационных принципов... И это не благодаря конспиративным условиям. Если мы отрешились от местной замкнутости, порвали с организационным демократизмом (который тормозит сношения, рассеивает революционную энергию), то необходимо на деле проявлять свою принадлежность к партии (люди, средства, партийная дисциплина, планомерность работы), нужно делиться друг с другом всем, что имеет интерес для революционной работы, необходимо — и это особенно важно — дать Ц. К. возможность действовать без промаха, благодаря полной осведомленности. К сожалению, должно констатировать, что очень

немногие комитеты обладают в пределах своего района необходимою для социал-демократической работы осведомленностью. Связи вне мира рабочих (и здесь часто непрочные и неширокие, благодаря отсутствию преемственности) и интеллигенции — случайного характера.

Нам нужна крепкая организация профессиональных революционеров — против этого почти никто не спорит! Но торжественное заявление, что комитет должен состоять из профессиональных революционеров, и одновременное пополнение организации совершенно неподготовленными людьми только дискредитирует движение, внося чуждый социал-демократическому делу элемент фразы, ослабляя свое влияние на рабочих, увековечивая слабость организаций, отсутствие в них преемственности. Товарищи! Оставим фразы социалистам-революционерам! Не нам — революционной социал-демократии, руководительнице рабочего движения — бояться правды: замалчивать недостатки организации из конспиративных или других целей могут только недалекие люди. Движение перерастает организации. Социал-демократия не в состоянии при теперешней организации использовать всей революционной энергии, какая развивается в рабочем классе и в широких слоях интеллигенции, крестьянства... При таких условиях недочеты нашей организации наносят непоправимый вред рабочему движению, делу революции, позволяя звучать в нем несоциал-демократическим голосам. Поэтому в данный момент, товарищи, создание действительной организации профессиональных революционеров, поднятие уровня работающих социал-демократов — наше главное дело, которому надо жертвовать всем. Вы заметили? — теперь опытные, дельные товарищи чаще бросают комитетскую работу, переходя на специальные функции. Это скверный симптом! Надо создать отдельную организацию, специально для подготовки к социал-демократической работе. Она будет находиться в непосредственном заведывании Ц. К., так как районы воздействия комитетов не охватывают пунктов, важных для революционной школы; распределение сил, естественно, должно быть в руках Ц. К.; необходимо возможно полное отделение боевой деятельности комитетов от подготовительной работы новой организации. Необходимо создать условия, при которых возможна работа на нелегальном положении; до сих пор к этому относятся спустя рукава, и комитеты не считают своим делом ни надлежащей постановки паспортного бюро, ни имения достаточного количества конспиративных квартир; у комитетов мало средств, связи с другими городами часто рвутся и долго не восстанавливаются; нет связей, чтобы пристроить нужного человека... Я не перечисляю всего, что необходимо для решения организационного вопроса; пусть товарищи, работающие над его решением, откликнутся на страницах «Искры», заставят примкнуть к этой работе и остальных. Пора Российской Социал-Демократической Рабочей Партии иметь стройную, могучую организацию! Форма и способы борьбы меняются. Оставаясь партией рабочего класса, мы должны спешить усилить свою боевую готовность, приобрести нужную силу для решительной схватки с самодержавием.

Август 1903 г.

Северянин.

Пермский Комитет Уральского Союза, [25] за невозможностью опубликовать пока постановление последнего с'езда Уральского Союза, об'являет, что, расходясь окончательно в своих теоретических убеждениях и тактических приемах с социалистами-революционерами, он в июне сего года целиком вошел в состав Пермского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, признавая вместе с последним своим руководящим органом «Искру».

Пермский Комитет Уральского Союза работал два года, и, насколько это было возможно, старался осуществить намеченную программу (см. «Искру» № 21).

Велась кружковая работа среди рабочих, выпускалось много агитационных листков (на гектографе и мимеографе), в которых, по возможности, все частные случаи ставились в зависимость от общего политического и экономического режима. Так, напр., за мотовилихинскую февральскую стачку [26] (продолжавшуюся 3 дня) было выпущено нашим Комитетом более 5.000 листков.

Здешний Союзный Комитет имел свой местный орган «Уральский Листок» (вышло 14 номеров на гектографе), который пользовался большой популярностью среди рабочих, называвших его «своею газетою». Рабочие охотно корреспондировали в «свою газету» о всех случаях столкновений с местным начальством и о других фактах повседневной жизни. Передовицы «Уральского Листка» посвящались более общим вопросам, напр. о ростовских событиях, о 19 февраля, о декабристах и т. д. Первые номера «Уральского Листка» [27] печатались в количестве 120—150 экземпляров. Но уже с четвертого номера потребовалось второе издание, и все следующие номера расходились в Перми и других уральских заводах в количестве 400 слишком экземпляров. В виду недостатка литературы Пермскому Комитету Уральского Союза приходилось делать много перепечаток: статья из «Голоса Труда» (изд. бывш. об'единенн. Саратовской Группы), «Политический строй и рабочие», «Кто чем живет» Дикштейна и другие. Работая, главным образом, среди городского и заводского пролетариата, Пермский Комитет Уральского Союза в то же время, по возможности, старался будить самосознание и в крестьянской среде. На приобретение литературы, на печатание и другие расходы издержано местным Комитетом Уральского Союза за два года около 1.500 рублей. Заканчивая свою деятельность, Пермский Комитет Уральского Союза благодарит товарищей рабочих и других лиц, так или иначе помогавших ему в работе, и просит тех и других так же деятельно и энергично, как раньше, помогать работе Пермского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пермь 1903 г.

Пермский Комитет Уральского Союза.

Пермский Комитет выпустил «Рабочий Бюллетень № 7». — Тверской Ком. издал листки: 1) по поводу арестов с 12 на 13 августа (1.200 экземпл.), 2) по поводу саровской комедии с мощами Серафима (около 1.000 экземпл.), 3) суд над Лопиновым (в сентябре). — Тульский Комитет распр. листок «Овцы и люди» (сентябрь). — Екатеринославский Комит. издал 5 октября листок «К обществу» и 7 окт. «Отчет кассы Екатеринославского Ком.» от 31 мая по 1 октября (приход кассы 1.081 руб. 54 коп., расход — 914 руб. 49 коп.). — Союз горнозаводских раб. выпустил листок № 17 (гект.) «Ко всем рабочим Юзовского металлургического завода» в 200 экземпл. и листок № 18 (гектограф.) «Ко всем рабочим таганрогских заводов» — 500 экземпл. — Нижегородское Общество Красного Креста издало свой годовой отчет. Вышли: 1) листок Центр. Ком. Южно-Русской Группы Учащейся Молодежи, 2) листок Бакинского Ученич. Ком. (4 сент.) выпуск № 6, 3) «К учащимся» — листок (гект.) «Социалистической организации учащихся в Вильне». — Костромским Комитетом издан листок: «По поводу „Дружеских Речей“ князя Мещерского к рабочим». (Нами, к сожалению, не получено ни одного экземпляра. Ред.).

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. В ночь с 4-го на 5 окт. у нас произошел провал, арестовано человек 30. Причины пока не выяснены. Сообщаем известные нам фамилии: Филатов, Ахромовский (учителя), Золотарев (помощн. прис. пов.), Савельев (студ.), Рывкин (зубн. врач), Иванова (статист.); курсистки: Коровина, Татаринова, Протопопова, Свиридова; Макушин (инт.), Крумбюгель (бывший студ.), Терехов (бывш. студ.).— В Риге и Митаве были аресты 29 сентября, подробности еще неизвестны. — Петербург. Из лиц, арестованных

в последнее время, называют: Торгашева, Дворянкину, пом. прис. пов. Тарутина, раб. Юнышкого, Парнофорта и др. — Каменец-Подольск. 15 октября из местной тюрьмы были отправлены по приговору (обвиняются в транспортировке) в Вост. Сибирь: Николай Кудрин (нелег.) на 8 лет, М. Вайнштейн на 5 лет и Цилия Даргольц (урожденная Липовецкая) на 5 лет. Местная интеллигенция собрала для ссыльных 85 руб. Десницкий и Гольдман обвиняются как члены Киевского соц.-дем. Комитета. На-днях был арестован возле границы некий Вольф. — С 28 августа в Харьковской тюрьме началась голодовка, продолжавшаяся до 5 сент.; сначала голодали только пять человек, сидящих с февраля и марта: Леонов, Матвеев, Огарев, Вороницын и Хорьков (раб.). Затем к ним 29, 30 и 31 августа присоединились все остальные заключенные, этапные и отбывающие наказание (число голодающих доходило до 20). Требованием было выставлено освобождение пяти вышеупомянутых заключенных. Причиной же, заставившей прибегнуть к такому средству, были систематические надувательства со стороны жандармов в течение всего лета. На седьмой день голодовки Вороницын и Т. Бибик были перевезены в земскую больницу. На девятый день голодовка прекратилась, так как Хорьков был выпущен, а остальным обещана высылка до получения приговоров. Харьков. Ком. Крас. Крес. были выпущены за время голодовки 3 листка (один «К врачам», по поводу предполагавшегося искусственного кормления голодающих). — В сентябре сидящие в Костромской тюрьме (23 чел.) об'явили голодовку, продолжавшуюся две недели. Местный Комитет выпустил по этому поводу листок.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Топкину. Письмо № 1 получено. Очень были рады. Пришлите адрес для писем. — Иванову. Письмо, а также материалы на № 26 получены. — Норе. Корреспонд. № 6 получена. — Чернушке. Не знаем, каким ключом пишите, не можем прочесть письма. — Акафистову. Письмо получено. Постараемся устроить, пришлите явку. — П. П. Адрес для писем получен. Напишем на-днях. — 34. Отчего от вас нет писем? — Щуровцу. Ждем писем. — Эдуарду. Спасибо за корреспонденцию. — Екатеринославскому Комитету. Ждем продолжения отчета с нетерпением. — Адрес № 18 отменяется.

Получено: от Лондонской соц.-дем. группы — 1 фунт; от Magenschmerz'a — 30 руб.; от Сибирского Союза через «разностороннего» — 500 руб.; для пострадавших от ростовской демонстрации через Венку 8,80 фр.

Вышло из печати: «В Сибирь и обратно», воспоминания Л. Дейча. Выпуск I.

Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной соц.-дем.», а также требования на литературу просим направлять по след. адресу:

Mr. Paul AXELROD, ACACIAS, GENÈVE (Suisse).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Арбейтерштимме — центральный орган Бунда. Статьи в А. комментировали решения V с'езда Бунда, в резолюции которого о месте Бунда о Р. С.-Д. Р. П говорилось: «Бунд есть федеративная часть Р. С.-Д. Р. П.». Это положение противоречило Манифесту 1-го с'езда (1898 г.), указавшему, что «Бунд входит в партию как автономная часть, самостоятельная в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата».

Прим. 2. О прокламации Екатеринославского Комитета см. прим. 9-е к № 46 «Искры».

Прим. 3. Речь идет о «конституции 1791 г.», выработанной Национальным Учредительным Собранием во время великой французской революции, давшей равноправие евреям.

Прим. 4. Ренан, Эрнест (1823 — 1892) — знаменитый французский лингвист и историк, прославился работами по истории религий и особенно раннего христианства. В еврейском вопросе убежденный сторонник и борец за равноправие евреев. Как политический деятель, Ренан считал наилучшей формой правления для Франции либеральную конституционную монархию.

Прим. 5. Андреев Л. Н. (1871 — 1919) — выдающийся писатель. Накануне 1905 г. и во время революции был близок к революционным кругам. Революция отразилась, хотя и в несколько мистической форме, в некоторых его произведениях («Рассказ о семи повешенных», «Царь Голод» и др.). В эпоху реакции Андреев отходит от революционного движения. Все его произведения этого периода проникнуты духом мистицизма и безысходного пессимизма. В годы войны Андреев стоит на патриотической позиции и сотрудничает в реакционной «Русской Воле». После Октября — эмигрант и враг советской власти.

Прим. 6. О Таганрогском процессе — см. в № 48 «Искры». Брошюра «Таганрогский процесс» вышла в издании «Искры» в 1903 г.

Прим. 7. О деле Золотовой — см. «Искра» № 22, ст. «Блюстители правосудия» и № 34, ст. Л. Мартова «Изволят тешиться».

Прим. 8. Об июльских событиях в Киеве см. корреспонденции в №№ 46 и 47 «Искры».

Прим. 9. Статья «Еще о Тартюфах» помещена в № 41 «Искры» и принадлежит Троцкому.

Прим. 10. О гомельских событиях см. «Искра» № 48, «Еврейский погром в Гомеле».

Прим. 11. Фон-Валь, В. В. (р. в 1840 г.) — виленский губернатор, известен своей жестокостью в борьбе с рабочим движением. В 1902 г. распорядился выпороть арестованных рабочих демонстрантов. Мстя за товарищей, бундовец Г. Леккерт покушался убить его, но неудачно. Легко раненый Валь получил вскоре повышение и был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим корпусом жандармов.

Прим. 12. Стачка горнорабочих в Юзовке в 1892 г. сопровождалась большими рабочими волнениями и разгромом фабричных помещений; некоторые, особенно ненавистные рабочим, представители администрации поплатились даже жизнью. Рабочие волнения в Юзовке сплелись с холерными бунтами в связи с свирепствовавшей эпидемией холеры. Стачка была подавлена при помощи вооруженной силы. Организаторы ее были преданы военному суду. Постановлением суда несколько человек было повешено, остальные сосланы в Сибирь.

Прим. 13. О Сибирском Соц.-Демокр. Союзе см. «Искру», № 40, прим. 10-е.

Прим. 14. Стачка текстилей на Хлудовской мануфактуре в Егорьевске Рязанской (теперь Московской) губернии 1893 г. отличалась особенным упорством. В процессе борьбы хлудовские рабочие были поддержаны всеми остальными фабриками Егорьевского района. Это один из первых в России случаев всеобщих забастовок, хотя и в небольшом сравнительно фабричном центре. Стачка была подавлена вооруженной силой.

Прим. 15. Плевако Ф. Н. (1843—1908) — адвокат, выдающийся оратор, принимал участие в качестве защитника в многочисленных судебных процессах 80-х и 90-х годов, неоднократно защищал рабочих, обвиняемых за забастовки (процесс Моисеенко, егорьевских ткачей и т. д.). После революции 1905 г. вступил в партию октябристов, примыкая к ее левому крылу. Был членом III Гос. Думы.

Прим. 16. Петров Григорий (р. в 1868 г.) — священник. Принимал активное участие в общественном движении как лектор, публицист и проповедник. Член II Гос. Думы. В своих выступлениях Петров резко критиковал распущенность церкви и призывал к возвращению к евангельским нравам. Свою евангельскую пропаганду он называл христианским социализмом. За свою деятельность Петров подвергся преследованиям полиции и был лишен священнического звания.

Прим. 17. Саказов Я. — лидер крайне-правой группы болгарской соц.-демократии. При расколе партии в 1903 г. на «тесняков», проводивших выдержанную ортодоксально-марксистскую линию, и «широких», склонявшихся к сотрудничеству («обходительству») с буржуазией и теоретической ревизии марксизма, руководил последними. В 1908 г. на конференции, оформившей «широких», как отдельную «об'единенную» партию, был избран в Ц. К. партии.

Прим. 18. Радославов В. (1858—1923) — основатель болгарской либеральной партии (так называемой радославистской). Начиная с 1884 г. был несколько раз министром. В 1913 г. сделался премьер-министром и, будучи германофилом, сильно способствовал сближению Болгарии с Германией и вступлению ее в империалистскую войну на стороне Четверного Союза. В 1918 г. после поражения Болгарии Р. ушел в отставку.

Прим. 19. Благоев Д. (1855—1924) — основатель и вождь болгарской коммунистической партии, старейший деятель русского революционного рабочего движения, один из организаторов Коминтерна. Будучи студентом Петербургского университета, принимал активное участие в работе партии «Народная Воля», вскоре эволюционировал к марксизму и основал первый в России социал-демократический кружок (группа Благоева). В 1885 г. был арестован и выслан в Болгарию, где основал болгарскую соц.-дем. партию. В 1903 г. во время раскола партии был лидером ее левого революционного крыла «тесняков». В 1919 г. после организации болгарской коммунистической партии был избран председателем ее Ц. К.

Прим. 20. «Красный Народный Календарь» — ежегодный теоретический орган болгарской соц.-демократии.

Прим. 21. Македонское национально-революционное антитурецкое движение и турецкие зверства в Македонии использовались болгарскими националистами как доказательство необходимости присоединения Македонии к Болгарии. Поэтому социалистические партии и в частности болгарская соц.-демократия, высказывая сочувствие македонскому национально-освободительному движению, в то же время считала необходимым разоблачать политику болгарских националистов.

Прим. 22. Так называемый «Закон Мильерана-Кальяра» был принят палатой депутатов 30 марта 1900 г. По этому закону во всей Франции устанавливался максимальный 11-часовой рабочий день. С 1902 г. по этому закону рабочий день уменьшался до $10^1/_2$ часов и с 1904 г. — до 10 часов.

Прим. 23. «Третьим периодом» в истории Р. С.-Д. Р. П. Ленин называет «период разброда, распада и шатаний», связанный с господством экономизма (Собр. соч., т. IV, стр. 499). Ликвидация третьего периода была главной задачей «Искры».

Прим. 24. Осенью 1902 г. Петербургский Комитет принял резолюцию о присоединении к «Искре»; экономисты ответили на это расколом и образованием особого «Комитета Раб. Организации». Такой же раскол произошел в Екатеринославе, где экономисты отняли у искровцев типографию и выпускали против них печатные листки.

Прим. 25. Об Уральском Союзе Р. С.-Д. Р. П. см. прим. 14-е к № 38 «Искры».

Прим. 26. О Мотовилихинской стачке см. корреспонденцию в № 46 «Искры».

Прим. 27. Газета «Уральский Листок» в архиве Истпарта Ц. К. В. К. П. (б) не сохранилась. В архивах уральского истпарта также не сохранилось сведений о ней.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	*Столбик*	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует:*
64	II	5 сверху	[В. Кнуньянц]	[Б. Кнуньянц]
77	I	18 снизу	Ольга [Громан]	[Ольга Громан]
96	II	24 сверху	(июнь 1900 г.)	(июнь 1902 г.)
108	I	28 снизу	Ольга [Громан]	[Ольга Громан]